

ББК 67.99(2)3

УДК 347

С 32

Председатель редакционной коллегии серии:

д. ю. н., профессор СУХАНОВ Е.А.

Зам. председателя редакционной коллегии:

генеральный менеджер проекта,

к. ю. н., доцент ЕМ В.С.

Редакционная коллегия:

д. ю. н., профессор ВИТРЯНСКИЙ В.В.

д. ю. н., профессор ШЕРСТОБИТОВ А.Е.

к. ю. н., доцент КУЛАГИНА Е.В.

к. ю. н., доцент КОЗЛОВА Н.В.

к. ю. н., доцент ПАНКРАТОВ П.А.

Научный редактор тома:

к. ю. н., доцент ЕМ В.С.

Исполнительный секретарь редакционной коллегии серии:

КОМАРОВА Т.Е.

С 32 Серебровский В. И.

Избранные труды по наследственному и страховому праву. Изд. 2-е,
испр. М.: «Статут», 2003. – 558 с. (Классика российской цивилистики.)

ISBN 5-89398-011-5

В настоящем издании помещены наиболее значимые научные труды профессора В. И. Серебровского. Эти труды являются фундаментальными произведениями, составляющими классическое наследие российской цивилистики в области наследственного и страхового права. В издании также помещены статьи, освещающие жизненный путь, педагогическую деятельность, человеческие качества В. И. Серебровского, дающие оценку его научных идей и положений, показывающие их значение для современной теории гражданского права, законодательства и практики правоприменения.

ББК 67.99(2)3

УДК 347

ISBN 5-89398-011-5

© С.М. Корнеев; Е.Н. Гендзехадзе, Т.С. Мартянова, вступ. ст., 1997

© К.И. Корнеева; Е.Б. Гендзехадзе, Т.С. Мартянова, вступ. ст., 2003

© «Статут» (редподготовка), 1997

© «Статут», переиздание, 2003

Владимир Иванович СЕРЕБРОВСКИЙ
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО НАСЛЕДСТВЕННОМУ И СТРАХОВОМУ ПРАВУ

Научный аппарат и литообработка издания: *Т.В. Мальчикова*
Корректоры: *Ч.А. Скруль, Т.М. Шпиленко*
Художественное оформление: *А.Г., В.В. Самойлова*
Компьютерная верстка: *С.В. Родина*

ЛР № 065297 от 17.07.97

Подписано в печать 15.10.2003. Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 35. Печ. л. 32,55. Тираж 3 000 экз.
Заказ №

Издательство «Статут»:
119606, г. Москва, пр. Вернадского, д. 84;
для корреспонденции: 119415, г. Москва, а/я 61;
тел./факс: 789-34-06
E-mail: statut@au.ru

www.estatut.ru

ISBN 5-89398-011-5

9 785893 1980110 >

В. И. СЕРЕБРОВСКИЙ: ОЧЕРК ЖИЗНИ, НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Прежде чем начать характеристику трудов профессора В. И. Серебровского по наследственному праву и страхованию, которые представлены в настоящем издании, необходимо уделить внимание и некоторым другим его трудам, рассказать об особенностях его творческого облика и человеческих качествах.

1.

Владимир Иванович Серебровский заслужил большой авторитет своей многолетней и плодотворной научной деятельностью, он известен как выдающийся ученый-юрист, один из корифеев отечественной цивилистики.

Ученым-юристам того поколения, к которому принадлежит В. И. Серебровский, выпала непростая судьба. Получив образование и добившись первых успехов в научной работе в дореволюционное время, В. И. Серебровский после революции вынужден был воспринять новую действительность. В первые годы советской власти, когда в хозяйственной жизни находили применение традиционные институты частного права, он и другие цивилисты весьма успешно разрабатывали правовые проблемы, обусловленные новой экономической политикой. Однако вскоре им пришлось пережить потрясения, связанные с острой «классовой борьбой на правовом фронте», с появлением и господством концепции «хозяйственного права», а затем с объявлением ее «вредительской школой» с обычными для того времени последствиями для ее представителей. В условиях, когда шла борьба против «врагов народа» и каждый ученый мог по чьей-то злой воле попасть в их число, пришлось создавать науку «социалистического гражданского права». В этой ситуации огромную работу выполнили именно цивилисты, сформировавшиеся в дореволюционное время. В 1938 г. был издан двухтомный учебник гражданского права, в написании которого приняли участие такие видные ученые, как М. М. Агарков, С. Н. Братусь, К. А. Граве, М. В. Зимелева, И. С. Перетерский, В. И. Серебровский. В дальнейшем стали появляться и теоретические работы по гражданскому праву, а в 50-е годы началось издание его фундаментального курса.

Наука гражданского права выдержала тяжелые испытания и пришла к началу 90-х годов – времени перехода к рыночным отношениям – с несомненными успехами, с множеством крупных монографических работ, которые сохранят свое значение на многие десятилетия, поскольку созданы подлинными учеными – корифеями российской цивилистики. К их числу относится и профессор Владимир Иванович Серебровский.

2.

В. И. Серебровский родился 14 ноября 1887 г. в Москве, в семье врача. Среднее образование он получил в Харькове, куда переехала семья. В 1906 г. поступил на юридический факультет Харьковского университета, по окончании которого в 1910 г. был оставлен при университете «для подготовки к профессорскому званию по кафедре гражданского права и судопроизводства». В 1912 г. В. И. Серебровский был назначен младшим ассистентом юридического факультета Харьковского университета, а через три года успешно выдержал испытания на ученую степень магистра гражданского права. В январе 1916 г. после прочтения двух пробных лекций по гражданскому праву (одна по собственному выбору – «Юридическая природа фирмы», а другая – заданная факультетом – «Посмертное преемство супругов») В. И. Серебровский получил звание приват-доцента юридического факультета Харьковского университета, где преподавал до 1919 г., до переезда в Крым для работы в Симферопольском университете – сначала в качестве приват-доцента, а с 1921 по 1922 г. – профессора.

В 1922 г. В. И. Серебровский вернулся в Харьков и до 1924 г. состоял профессором Харьковского института народного хозяйства.

Большой вехой в жизни В. И. Серебровского был переезд в 1924 г. в Москву. Здесь он длительное время (с 1924 по 1935 г.) был на практической работе – служил редактором-консультантом Президиума ВЦИК. Одновременно в 1924–1929 гг. Владимир Иванович состоял научным сотрудником Института советского права НКЮ, а в 1935–1936 гг. работал юрисконсультом в системе ОГИЗа.

С 1936 г. началась работа В. И. Серебровского в различных учебных заведениях и научных учреждениях Москвы: сначала в Московском юридическом институте (1936–1938 гг.), затем во Всесоюзной правовой Академии (1938–1941 гг.), во Всесоюзном институте юридических наук (1939–1943 гг.), в Плановой Академии, Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, Институте кооперативной торговли и др.

В течение пяти лет (1943–1948 гг.) В. И. Серебровский заведует кафедрой гражданского права во Всесоюзном юридическом заочном институте. С сентября 1944 до весны 1955 г. (с небольшим перерывом) он являлся профессором юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где несколько лет заведовал кафедрой гражданского права.

Многие годы (с 1943 по 1963 г.) В. И. Серебровский работал в Институте государства и права Академии Наук СССР. Он был старшим научным сотрудником, а затем заведующим сектором гражданского права. Здесь им

созданы выдающиеся труды: «Очерки советского наследственного права» и «Вопросы советского авторского права».

Большие заслуги В. И. Серебровского в науке и преподавательской деятельности, его высокое мастерство педагога получили официальную оценку лишь в 1939 г., когда решением ВАК Всесоюзного комитета по делам высшей школы он был утвержден в ученом звании профессора без защиты диссертации. Профессор И. С. Перетерский, который в связи с рассмотрением этого вопроса в ВАК давал официальный отзыв о научной и преподавательской работе В. И. Серебровского, справедливо отмечал: «Что касается звания профессора, то лишь особыми обстоятельствами, от т. Серебровского не зависящими (отсутствие в УССР ГУСа), можно объяснить то обстоятельство, что В. И. Серебровский, ведущий с 1916 г. самостоятельное преподавание в вузах, не получил в свое время звания профессора. Присвоение ему звания профессора является хотя бы запоздалым констатированием качеств т. Серебровского как научного работника и преподавателя вуза»¹.

В 1943 г. Владимир Иванович успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Договор страхования жизни в пользу третьего лица», и 13 ноября того же года решением ВАК ему была присуждена ученая степень доктора юридических наук. Основные положения диссертации были позднее опубликованы².

В 1958 г. за большие заслуги в области юридических наук В. И. Серебровскому было присвоено почетное звание Заслуженный деятель науки РСФСР.

В последние годы своей жизни, после выхода на пенсию, В. И. Серебровский продолжал активную научную работу. Он опубликовал несколько интересных статей по вопросам наследственного права, две главы в учебнике по гражданскому праву для вузов (том II) и другие работы.

Умер В. И. Серебровский 28 ноября 1971 г., едва вступив в 85-ый год жизни. Похоронен на Пятницком кладбище в Москве.

Заслуживает упоминания такой факт. Незадолго до смерти Владимир Иванович выразил пожелание, чтобы на его памятнике не было традиционной надписи с указанием фамилии, имени, отчества умершего. Такая надпись, как он считал, уместна на двери квартиры, где живет человек. Он сам

¹ Отзыв И. С. Перетерского сохранился в архиве В. И. Серебровского. При написании настоящего очерка автором использованы материалы, которые сохранились благодаря заботам Зинаиды Сергеевны Серебровской-Смирдиной – жены, друга и помощника Владимира Ивановича.

² См.: Серебровский В. И. Договор страхования жизни в пользу третьего лица (основания возникновения права выгодоприобретателя) // Ученые труды ВЮИОН. Вып. IX. 1947 и Серебровский В. И. Договор страхования жизни в пользу третьего лица (назначение выгодоприобретателя и его взаимоотношения с Госстрахом и другими лицами) // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. 1. – М., 1948.

сочинил текст своей эпитафии: «Здесь покоится прах профессора-юриста Владимира Ивановича Серебровского». Эта надпись и высечена на надгробном памятнике. Приведенный факт – небольшой штрих к пониманию личности В. И. Серебровского, его человеческой индивидуальности.

3.

Призванием Владимира Ивановича Серебровского была научная работа, интерес к которой обнаружился у него в молодые годы и которая была до последних дней смыслом его жизни.

Решение посвятить себя науке пришло к В. И. Серебровскому еще в то время, когда он учился на юридическом факультете Харьковского университета. На факультете время от времени объявлялись конкурсы на лучшую студенческую работу на заранее заданные темы. Владимир Иванович, будучи студентом 3 курса, представил исследование на тему «Права добросовестного владельца (по римскому праву)». В отзыве профессора В. М. Гордона было отмечено, что сочинение В. И. Серебровского «убеждает в наличии у автора массы знаний, умения ими пользоваться, выдающейся научной пытливости»¹. За эту студенческую работу Владимир Иванович был удостоен присуждавшейся в то время в Харьковском университете премии имени профессора Палюмбецкого, а оценки, содержащиеся в отзыве профессора В. М. Гордона, ставшего впоследствии научным наставником В. И. Серебровского, он оправдал всей своей дальнейшей научной деятельностью.

В. И. Серебровский посвятил науке около 60 лет и опубликовал более 140 научных работ. Первая его публикация появилась в 1912 г. – статья «Гражданин и торговое право»², а последняя (посмертная) – в 1972 г. – «Фактическое принятие наследником наследства и отказ его от наследства»³.

Важной чертой научной индивидуальности В. И. Серебровского было постоянство его научных интересов и привязанностей, верность избранным темам, стремление добиться исчерпывающей глубины и совершенства в их разработке. Он не распылял свои творческие силы, не любил многотемья. В течение шести десятилетий своей работы в науке гражданского права Владимир Иванович исследовал главным образом три больших раздела гражданского права – страхование, наследственное право и авторское право. При этом каждый из названных разделов разработан им по-настоящему глубоко и всесторонне.

Высказанные В. И. Серебровским в научных исследованиях, а также в лекциях, положения всегда были результатом проведенных изысканий, все-

¹ Отзыв В. М. Гордона сохранился в архиве В. И. Серебровского.

² Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. – Изд. Харьковского общества распространения в народе грамотности. – Харьков, 1912.

³ Правоведение. 1972. № 3.

стороннего изучения вопроса, т. е. результатом большого труда. Работать постоянно было его потребностью. Он тщательно шлифовал каждую написанную страницу, взвешивая каждое положение, каждое слово. Владимир Иванович не прекращал регулярной научной деятельности даже в те годы, когда не имел возможности публиковать свои произведения. И. С. Перетерский, написавший в 1939 г. отзыв о научных трудах В. И. Серебровского (в связи с решением вопроса о присвоении ему ученого звания профессора без защиты диссертации), свидетельствовал: «При общей оценке научного пути т. Серебровского нельзя не отметить того обстоятельства, что разоблаченные в настоящее время «юристы», орудовавшие на правовом фронте лет десять назад, всячески оттирали т. Серебровского от научной работы, не подпускали его к преподаванию в вузах, – и в этом отношении т. Серебровский разделял то же положение, в которое были поставлены в то время и некоторые другие старые профессора-юристы – честные советские граждане... Оттесненный от работы в научно-исследовательских учреждениях и в вузах, т. Серебровский тем не менее продолжал упорно работать над теорией гражданского права, хотя не имел в то время никаких возможностей использования своих трудов. Непрерывность научной работы т. Серебровского, являющаяся чертой настоящего ученого, видна в работах т. Серебровского, появившихся в те годы (1937 и след.), когда т. Серебровский вновь получил возможность печататься»¹.

Как видно из перечня трудов Владимира Ивановича, у него не было публикаций с 1929 по 1937 г. Но он, по отзыву И. С. Перетерского, работал, ибо он был ученым по призванию, без занятий наукой он не мыслил жизни.

В. И. Серебровский проявлял большой интерес к законотворческой деятельности и считал, что проекты законов и иных законодательных актов должны готовить юристы самой высокой квалификации, хорошо знающие секреты законотворческой техники. Владимиру Ивановичу пришлось в течение 11 лет работать редактором-консультантом Президиума ВЦИК. В этот период он постоянно участвовал в подготовке текстов нормативных актов и имел возможность проявить не только свои обширные юридические знания и эрудицию, но и свой талант давать точные формулировки, добиваться максимальной ясности и доступности при изложении материала. С 1938 г. В. И. Серебровский принимал непосредственное участие в подготовке проекта общесоюзного Гражданского кодекса, лично разработал главу о страховании и раздел о наследственном праве. Хотя указанный проект не стал законом, опыт работы над ним был полезным при подготовке Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, а также граждан-

¹ Претерский И. С. Отзыв о научных трудах В. И. Серебровского. – Рукопись с датой 12 апреля 1939 г. Из архива проф. В. И. Серебровского.

ских кодексов союзных республик. В разработке этих законов В. И. Серебровский также принимал активное участие и в 1961 г. был отмечен благодарностью Комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета Союза ССР.

В. И. Серебровский поддерживал постоянную связь с правоприменительными органами, тщательно изучал судебную, нотариальную практику, в своих работах высказывал аргументированные предложения по ее совершенствованию. Он считал для себя высокой наградой, если его советы и предложения принимались и находили отражение в практике судов, нотариата, прокуратуры. В свою очередь, Владимир Иванович отмечал, что и научная работа без связи с практикой не может быть плодотворной. Примером такой связи могут быть его труды, которые содержат глубокий анализ практики.

Научная продукция В. И. Серебровского отличается высоким качеством. Это обеспечило его трудам долгую жизнь: они и по сей день служат источником авторитетных научных концепций, образцом глубокого профессионального анализа правовых явлений, несомненно, будут выполнять эту роль многие годы и, кроме того, ориентировать правоприменительную практику на правильное понимание закона, уважительное к нему отношение.

4.

Большой вклад сделал В. И. Серебровский в разработку проблем авторского права. Он и в этой области был признанным авторитетом.

Владимиром Ивановичем были написаны разделы об авторском праве в ряде учебников по гражданскому праву¹, опубликовано несколько интересных статей по этой проблематике². Но наибольшую известность имеет его капитальный труд «Вопросы советского авторского права», изданный в 1956 г. и получивший не только признание читателей, но и высокую официальную оценку: это была вторая книга В. И. Серебровского, удостоенная премии Президиума Академии Наук СССР (первая – «Очерки советского наследственного права»).

Работы В. И. Серебровского по авторскому праву содержат ряд глубоких теоретических положений, обогативших науку гражданского права. Его заслугой было, в частности, то, что он разработал понятие произведения в аспекте гражданского права и задачу определения этого понятия решительно отнес к сфере гражданского права³.

¹ См. : Гражданское право. Часть первая. Учебник для юридических вузов. – М., Юриздат, 1938; Советское гражданское право. Краткий учебник. – М., 1940; Гражданское право. Учебник для юридических институтов. Т. 2. – М., Юриздат, 1944; Советское гражданское право. Учебник для юридических вузов. Т. 2. – М., Госюриздат, 1951.

² Авторское право и наследование. – Сов. государство и право. 1955. № 6; Авторское право в новом Гражданском кодексе РСФСР. – Сов. государство и право. 1965. № 1.

³ Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. – М., 1956. С. 31.

В «Вопросах советского авторского права» убедительно доказана нецелесообразность объединения авторского и изобретательского права в единую отрасль – «авторское право в широком смысле»¹. Со свойственной Владимиру Ивановичу глубиной освещены в монографии вопросы сущности и природы авторского права, об объектах и субъектах авторского права, о правах автора, формах и способах использования авторских прав, природе издательского договора, гражданско-правовой охране прав и интересов авторов. Основываясь на обобщении судебной практики по авторским делам, В. И. Серебровский делает ряд предложений о совершенствовании законодательства об авторском праве, которые сыграли свою роль при разработке в 60-е годы проектов новых законов – Основ гражданского законодательства и гражданских кодексов союзных республик. Примером может служить ст. 514 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г., в которой получили отражение обоснованные В. И. Серебровским выводы относительно способов охраны интересов гражданина, изображенного в произведении изобразительного искусства².

Среди научных проблем, разработке которых В. И. Серебровский отдал много сил и творческой энергии, была проблема охраны научных открытий. Она занимает особое место в творческой судьбе Владимира Ивановича. К названной проблеме он обратился в конце 50-х годов, когда был хорошо известен как выдающийся исследователь страхового, наследственного и авторского права.

Первой научной работой о правовой охране научных открытий была статья Владимира Ивановича, опубликованная в 1959 г.³ Через год вышла в свет и его монография, посвященная правовой охране научных открытий⁴. Объем этой книги невелик, но по своему значению она по праву была отнесена к значительным произведениям нашей цивилистической литературы⁵. В ней дано всестороннее научное обоснование нового, самостоятельного института гражданского права – права на открытие. В скором времени после выхода в свет монографии В. И. Серебровского были приняты Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (1961), где впервые в мировой законодательной практике был предусмотрен самостоятельный раздел «Право на открытие». Соответствующий раздел появился затем и в ГК союзных республик. Работы В. И. Серебровского сыграли в

¹ Там же. С. 23.

² См.: Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. С. 127; Он же. Авторское право в новом Гражданском кодексе РСФСР // Сов. государство и право. 1965. № 1. С. 90.

³ Серебровский В. И. Научное открытие как объект права // Сов. государство и право. 1959. № 3.

⁴ Серебровский В. И. Правовая охрана научных открытий в СССР. – М., 1960.

⁵ Это обстоятельство единодушно отмечалось в рецензиях на названную монографию. – См. рецензии: Рясенцев В. А. – в журнале «Сов. государство и право». 1961. № 12; Корнеев С. М. – в Вестнике МГУ, серия «Право». 1961. № 4.

этом большую роль, что, несомненно, радовало ученого. Он же был и первым комментатором статей этого раздела Основ¹.

В монографии В. И. Серебровского подробно рассмотрены вопросы о научном открытии как объекте права, о субъектах права на открытие, о его содержании. Автор обосновывает свои правовые выводы великолепно подобранными и поданными материалами из области философии, физики, астрономии, химии, биологии, металлургии и других наук.

Уместно отметить, что в Стокгольмской Конвенции, подписанной 14 июня 1967 г. и учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, в числе прав, охватываемых этой «собственностью», были названы также и научные открытия. Это означает, что Стокгольмская Конвенция 1967 г. рассматривает научные открытия – впервые в международной практике – как самостоятельный объект правовой охраны².

После такого успеха в осуществлении идеи правовой охраны научных открытий трудно понять исключение этого института из законодательства. В Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик, принятых 31 мая 1991 г., уже нет раздела о научных открытиях. Нет упоминания о них как объектах правовой охраны и в других нормативно-правовых актах бывшего Союза ССР и в законодательстве Российской Федерации. Исчезло это понятие также из учебной и научной литературы. Это не может не вызвать большого сожаления. Наша наука имела бесспорный приоритет в разработке проблемы правовой охраны научных открытий, результаты научных изысканий в этой области были восприняты законодательством и находили практическое применение. Возможно, что исключение научных открытий из гражданского законодательства оправдывалось тем, что за годы действия норм об охране научных открытий было мало случаев регистрации открытий и что признание (квалификация) нового научного достижения открытием связано с большими трудностями. Подобные соображения слишком легковесны и неубедительны. Появление научного открытия – огромное событие в сфере науки. Открытия совершаются нечасто, но если решение научной задачи зарегистрировано в качестве открытия, то это означает официальное признание приоритета нашей науки в определенной области. По состоянию на 1 января 1980 г. в СССР было зарегистрировано 224 открытия. В литературе правильно отмечено, что «несмотря на кажущуюся малочисленность открытий в сравнении с изобретениями, и особенно рационализаторскими

¹ См.: Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик. – М., Юриздат, 1962. См. также раздел о научных открытиях в книге «Правовые вопросы научно-технического прогресса в СССР». – М., «Наука», 1967.

² См.: Богуславский М. М. Вопросы авторского права в международных отношениях. – М., «Наука», 1973. С. 179.

предложениями, их роль в ускорении научно-технического прогресса трудно переоценить»¹.

В. И. Серебровский известен как автор глав в учебниках, по которым изучали гражданское право многие поколения юристов, среди них: «Учебное пособие по советскому гражданскому праву» (1938); учебники по гражданскому праву для высших юридических учебных заведений (1938, 1944, 1951, 1970); учебники для юридических школ (1940, 1945, 1947, 1951, 1953); учебники по основам советского государства и права (1947, 1951, 1953). Главы, написанные Владимиром Ивановичем, всегда отличались высоким научным уровнем, доступностью и исключительной отточенностью формулировок. Работу по написанию учебников он рассматривал как выполнение творческой, исследовательской задачи.

В. И. Серебровский сочетал в себе качества выдающегося ученого и талантливого педагога. Начав свою преподавательскую деятельность в 1916 г. в Харьковском университете, он практически всю последующую жизнь не прекращал ее: читал лекции во многих вузах, руководил подготовкой аспирантов, выполнял многие другие виды учебной работы.

В своих лекциях Владимир Иванович избегал внешних эффектов, они были строгими, академичными по форме. Главное внимание он уделял содержанию, и тот, кто внимательно слушал, получал истинное удовольствие, поскольку лектор раскрывал тему во всех тонкостях, излагал результаты собственных исследований и размышлений, умело увлекал слушателей предметом изучения. Каждая его лекция была результатом тщательной подготовки, в ней все до мелочей было продумано и рассчитано. Такому подходу к преподаванию Владимир Иванович учил и своих аспирантов.

В. И. Серебровский подготовил к научной и педагогической работе немало специалистов. Одним из принципов его работы с аспирантами была высокая, бескомпромиссная требовательность.

Он требовал от аспирантов изучения всех сколько-нибудь значительных работ по специальности, знакомства с русской дореволюционной литературой и работами зарубежных авторов. Он подчеркивал, что диссертация – не самоцель, что формирование ученого начинается с тщательного изучения того, что уже достигнуто наукой. Сдача кандидатского экзамена по гражданскому праву, если экзаменовал профессор Серебровский, была для каждого аспиранта большим, запоминающимся событием. Все, кто проходил подготовку под его научным руководством, с гордостью и благодарностью вспоминают своего Учителя.

¹ См.: Зенин И. А. Право на открытие. – Глава в учебнике «Советское гражданское право». Т. 2. – М., Юр. лит.-ра, 1980. С. 457.

Характерными чертами В. И. Серебровского как ученого, педагога и человека были его высокая принципиальность, благородство. Он не способен был поступиться своим мнением, для отстаивания своих убеждений он выступал с заслуживающей глубокого уважения прямой и решительностью. А если было очень трудно, Владимир Иванович подбадривал себя шутливыми словами: «А если я попячусь, да будет мне, попятчику, стыдно»¹.

В. И. Серебровский очень дорожил своим достоинством ученого и всегда требовал к себе соответствующего отношения. Один из журналов опубликовал его статью, но при этом без согласия автора в текст статьи были внесены изменения. Владимир Иванович направил редакции журнала письмо, в котором со всей категоричностью заявил: «Тем самым редакция журнала нарушила норму закона, закрепляющую за автором неприкосновенность произведения (ст. 98 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик). Ведь у каждого автора есть свой стиль, своя манера изложения материала, и закон всемерно оберегает его моральные интересы, не допуская внесения в произведение каких-либо изменений без согласия автора»².

Характеризуя личность В. И. Серебровского необходимо указать и на такую его черту, как истинное уважение к закону, обостренное чувство законности. Он никогда не «подтягивал» закон к своим теоретическим положениям, не пытался его «подправить», придать ему выгодный для себя смысл, что, к сожалению, нередко встречается в нашей литературе. Выступая с заключительным словом после обсуждения его доклада «Вопросы наследственного права в практике» (ИГПАН, май 1968 г.), В. И. Серебровский подчеркнул, что недопустимо вкладывать в текст закона смысл, которого в нем нет, такое «толкование» римляне весьма точно именовали «*contra leges*». Во всех работах Владимира Ивановича проводится идея строжайшего следования закону. Если те или иные положения закона или иных нормативных актов представлялись ему устаревшими, не соответствующими изменившимся условиям, В. И. Серебровский высказывался об этом в печати и вносил предложения об изменении таких норм в официальном порядке. Надо отметить, что подобные предложения делались В. И. Серебровским с большой осторожностью, после всестороннего исследования экономических и социальных условий, материалов практики. Он с нескрываемой иронией относился к тем, кто считал возможным легко и просто менять содержание статей Гражданского кодекса и других законов, всегда настораживался, если какую-то работу (в том числе диссертацию) хвалили за то, что в ней содержится множество предложений по изменению законов. Законы, говорил

¹ Записка с этим изречением Владимира Ивановича сохранилась в его архиве.

² Упомянутое письмо хранится в архиве В. И. Серебровского.

Владимир Иванович, пишутся для того, чтобы применять их и исполнять долго и относиться к ним надо уважительно. Это было его неколебимым убеждением.

5.

Особое чувство В. И. Серебровский питал в течение всей своей творческой жизни к наследственному праву. Первая его работа по наследственному праву появилась в 1915 г.¹, а последняя опубликована в 1972 г.²

В первой статье, которая называлась «Особые виды посмертного преемства в русском наследственном праве», дан анализ наиболее сложных институтов дореволюционного наследственного права – наследования супругов, наследования восходящих, правопреемства в выморочных имуществах и др. Значительность этой статьи, вышедшей из-под пера еще совсем молодого ученого, подтверждается тем, что она названа в списке основной литературы в солидном учебнике по русскому гражданскому праву В. И. Синайского³.

В первые годы советской власти регулирование отношений наследования имущества приобрело большую остроту. Предметом спора был даже вопрос о том, можно ли вообще говорить о существовании в РСФСР наследственного права после издания декрета ВЦИК от 17 апреля 1918 г. «Об отмене наследования»⁴. Много неясностей оставалось в этой области и после принятия ГК РСФСР 1922 г.

В. И. Серебровский опубликовал в этот период ряд работ по наследственному праву, в которых старался доказать, что наследование трудовой собственности сохранилось. Он дал обстоятельный анализ законодательства и судебной практики и содействовал удачному решению многих, как тогда говорили, контроверз.

Среди работ, опубликованных в 20-е годы, выделяется книга «Наследственное право» (1925), которая по форме была комментарием к статьям 416–435 ГК, но по существу представляла собой научное исследование, охватывающее все основные вопросы наследственного права.

В ряде журнальных статей, опубликованных в 20-е годы и в последующий период, В. И. Серебровский дал блестящее толкование законодательства о наследовании и сформулировал свои теоретические позиции по многим

¹ Серебровский В. И. Особые виды посмертного преемства в русском наследственном праве. – Вестник гражданского права. 1915. № 7.

² Серебровский В. И. Фактическое непринятие наследником наследства и отказ его от наследства. – Правоведение. 1972. № 3.

³ Синайский В. И. Русское гражданское право. Вып. 2. – Киев, 1918. С. 225.

⁴ СУ РСФСР. 1918. № 3. Ст. 456.

вопросам наследственного права¹, проследил историю его развития², определил важнейшие направления его совершенствования³.

Итогом его многолетних исследований в области наследственного права, как отметил и сам В. И. Серебровский⁴, явилась монография «Очерки советского наследственного права», вышедшая в 1953 г. Эта книга была удостоена премии Президиума Академии Наук СССР и еще больше укрепила высокий научный авторитет автора.

Книга «Очерки советского наследственного права» энциклопедична. В ней можно найти ответ на все сколько-нибудь значительные вопросы наследственного права. Несмотря на серьезные изменения в законодательстве, произошедшие после появления «Очерков», книга эта и сегодня не устарела, она будет иметь научную и практическую ценность, пока будет существовать наследственное право, поскольку разработанные в ней категории и конструкции глубоко научны, фундаментальны.

Обратим внимание читателей лишь на некоторые наиболее характерные положения, содержащиеся в монографии «Очерки советского наследственного права».

В. И. Серебровский вполне обоснованно указывает на неразрывную связь наследования и собственности. Отсюда неизбежен вывод, что наследственное право объективно необходимо в любом обществе. В связи с этим автору пришлось уделить значительное место разъяснению известного положения «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «победоносная пролетарская революция» должна провести отмену «права наследования», а также не менее известного декрета, направленного на выполнение этого программного требования – декрета ВЦИК от 17 апреля 1918 г. «Об отмене наследования»⁵. В. И. Серебровскому предстояло доказать, что хотя право наследования названным декретом отменено, оно тем не менее существует. В монографии эта задача решена весьма тонко и остро-

¹ См., например, его статьи: Приобретение наследства по Гражданскому кодексу. – Право и жизнь. 1924. № 8; Лишение наследства. – Вестник советской юстиции. 1924. № 20; О завещательном отказе по Гражданскому кодексу. – Право и жизнь. 1925. № 3–4; Наследники присутствующие и отсутствующие. – Право и жизнь. 1927. № 4; Завещание или договор. – Право и жизнь. 1928. № 1; О праве приращения при наследовании // Вопросы советского гражданского и трудового права. – М., 1946; Основные понятия советского наследственного права. – Сов. государство и право. 1952. № 7.

² Серебровский В. И. История развития советского наследственного права // Вопросы советского гражданского права. – М., Изд-во АН СССР, 1945.

³ Серебровский В. И. Наследственное право в проекте Гражданского кодекса СССР. – Советская юстиция. 1937. № 10–11.

⁴ Серебровский В. И. Очерки советского наследственного права (в дальнейшем – Очерки). – М., Изд-во АН СССР, 1953. С. 10.

⁵ СУ РСФСР. 1918. № 34. Ст. 456.

умно. Владимир Иванович сделал вывод, что декрет хотя и объявил отмену права наследования, но отменил не право наследования вообще, а лишь право наследования эксплуататорской частной собственности. Более того, декретом от 27 апреля 1918 г., как пишет В. И. Серебровский, «были заложены основы социалистического наследственного права»¹. Из содержания книги видно, что советская власть скоро забыла об отмене права наследования и достаточно полно урегулировала отношения наследования, предусмотрев почти все институты, которые свойственны наследственному праву буржуазных стран (хотя и в урезанном виде, например, при регулировании наследования по завещанию). В. И. Серебровский не указывает на это обстоятельство, но оно вытекает из содержания книги, из анализа советского наследственного права, которое во многом повторяет нормы наследственного права буржуазных стран. Таким образом, программное требование «Манифеста» формально было выполнено, но фактически уничтожить наследственное право оказалось невозможно.

Обращаясь к вопросу об основаниях наследования, В. И. Серебровский на первое место, как это и было предусмотрено ГК РСФСР 1922 г., ставит наследование по закону. В условиях, когда наследственное имущество заключалось, как правило, лишь в предметах обычной домашней обстановки, выдвигать на первое место наследование по завещанию было бы неправильно. Кроме того, основная масса населения оставалась малограмотной и не могла использовать возможность распоряжения имуществом на случай смерти путем составления завещания. В годы советской власти наследование по завещанию встречалось нечасто. В «Очерках» приводятся высказывания К. Маркса о свободе завещания, которые в настоящее время – в условиях возрождения капиталистических отношений в нашей стране – заслуживают внимания. Свобода завещания, как считал К. Маркс, наиболее соответствует сущности свободной конкуренции. Однако безграничная свобода завещания провозглашается не во всех странах, существуют и определенные ограничения этой свободы. Характеризуя «социалистическое наследственное право», В. И. Серебровский, не ссылаясь на опыт буржуазных стран, отмечает, что «советское законодательство устанавливает и известные условия осуществления завещательной свободы...»². Очевидно, что противоречие между принципом свободы завещания и ограничением этого принципа является, можно сказать, вечным, оно разрешается в законодательстве каждой страны с учетом ее особенностей и традиций.

При рассмотрении наследования по закону В. И. Серебровский убедительно показывает, что круг наследников по закону по советскому наследст-

¹ Очерки. С. 17.

² Там же. С. 89.

венному праву является «довольно узким»¹. Явного несогласия с таким решением вопроса В. И. Серебровский не высказывает. Однако он считает прогрессивным некоторое расширение круга наследников по закону, которое было предусмотрено указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию».

Между тем это расширение было явно незначительным. Владимир Иванович прямо на это не указывает, но из анализа круга наследников по указу 1945 г.², следует, что автор безусловно одобрил бы существенное расширение этого круга. Пожалуй, только в нашей стране возможны случаи, когда при отсутствии названных в законе наследников имущество после смерти гражданина переходило как выморочное в собственность государства, хотя у этого гражданина были такие близкие ему люди, как двоюродные братья и сестры, дяди и тети, племянники и племянницы и даже дедушки и бабушки. Несправедливость такого решения вопроса о круге наследников по закону очевидна.

Значительное место отведено в монографии В. И. Серебровского делению наследников в отношении принятия наследства на две категории: наследников, «присутствующих» в месте открытия наследства, и наследников, «отсутствующих» в месте открытия наследства³. На большом фактическом материале Владимир Иванович убедительно доказывает нецелесообразность такого деления, которое приводит к серьезным затруднениям на практике. Автор считает, что при пересмотре действующего законодательства необходимо «отказаться от этого деления, установив общий порядок принятия наследства как для наследников, проживавших в месте открытия наследства к моменту смерти наследодателя (постоянно или временно), так и для наследников, в месте открытия наследства не проживавших»⁴. Это предложение (которое высказывалось и другими авторами) было реализовано: в ГК РСФСР 1964 г. деление наследников в отношении принятия наследства на присутствующих и отсутствующих не предусмотрено.

Заслуживают внимания соображения В. И. Серебровского по вопросу о наследовании по закону иждивенцев. Право быть наследником в качестве иждивенца признавалось, согласно указу от 14 марта 1945 г., за лицами нетрудоспособными и состоявшими на иждивении умершего не менее одного года до его смерти. В число иждивенцев, как отмечает В. И. Серебровский, могут войти родственники умершего, не включенные в число наследников по закону (например, двоюродные братья и сестры), а также лица, не имею-

¹ Очерки. С. 53.

² Там же.

³ Там же. С. 156 и след.

⁴ Там же. С. 162.

шие никакой родственной связи с наследодателем¹. Иждивенцы, призванные к наследованию, получают право на полную наследственную долю. Насколько это отвечает принципам социальной справедливости? В. И. Серебровский этот вопрос прямо не ставит, но из проведенного им анализа законодательства и практики вытекает, что он стоит на позиции более осторожного подхода к наследованию иждивенцев. Можно представить случай, когда к наследованию призваны два человека – сын умершего и посторонний человек, инвалид 3-й группы, которому наследодатель оказывал по каким-то соображениям регулярную материальную помощь в течение двух лет. В состав наследства входили большой жилой дом, дача, автомобиль, богатая обстановка, библиотека и крупный вклад в банке. Родной сын умершего должен будет выделить половину этого имущества иждивенцу, что явно несправедливо. Правильнее было бы предусмотреть право иждивенца получить не полную долю, а какую-то ее часть, то есть оказать преимущество сыну. Но закон такой нормы не содержит. В. И. Серебровский обращает внимание на то, что в числе иждивенцев по формальному признаку наличия инвалидности часто оказываются люди, способные работать, и предлагает отказаться от такого подхода. «Во всяком случае, как нам кажется, – пишет В. И. Серебровский, один факт достижения данным лицом известного возраста (60 лет для мужчины и 55 лет для женщины) еще не является достаточным основанием для признания его нетрудоспособным с точки зрения наследственного права...»². Владимир Иванович считает необоснованным, в частности, включение в число наследников по закону инвалидов 3-й группы, подавляющее большинство которых продолжает работать. «Мы думаем, – продолжает В. И. Серебровский, – что факт нетрудоспособности, дающий основание к включению данного лица в круг лиц, призываемых к наследованию, должен быть в каждом конкретном случае установлен соответствующей врачебно-трудовой экспертизой. Причем, если этой экспертизой будет установлено, что данное лицо трудоспособность утратило частично и может при соответствующих условиях работать, то нет оснований к включению его в число наследников по закону»³. Представляется, что эти предложения В. И. Серебровского отвечают даже самым строгим критериям социальной справедливости. Справедливо, если лицо действительно нетрудоспособное (состоявшее на иждивении умершего более двух лет) получит долю в наследстве, и будет несправедливо, если лицо, способное зарабатывать себе на

¹ Очерки. С. 69.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 74.

жизнь, получит такую долю и тем самым уменьшит долю наследников первой очереди (а при их отсутствии – долю наследников второй очереди)¹.

К сожалению, изложенные предложения В. И. Серебровского не были учтены в ГК 1964 г. Но они остаются весьма актуальными и заслуживающими реализации.

Таковы некоторые положения монографии В. И. Серебровского «Очерки советского наследственного права», на которые хотелось обратить внимание читателей этой книги. Вместе с тем надо подчеркнуть, что каждая ее глава, каждый параграф наполнены глубоким и интересным анализом норм наследственного права, содержат фундаментальные положения, сохраняющие свое научное значение. В этом нетрудно убедиться, если внимательно прочитать книгу В. И. Серебровского.

После выхода в свет монографии «Очерки советского наследственного права» В. И. Серебровский продолжал разрабатывать свою любимую проблему и опубликовал несколько интересных работ. Мы имеем в виду прежде всего две его статьи, написанные в последние годы жизни: «Некоторые правовые вопросы, возникающие в связи с принятием наследником наследства»² и «Фактическое непринятие наследником наследства и отказ его от наследства»³.

Вопросы, связанные с приобретением наследства, интересовали Владимира Ивановича и раньше⁴. В названных статьях (вторая из них увидела свет после смерти автора) В. И. Серебровский преподавал образцы ювелирного анализа правового материала на примере принятия наследства наследником или его отказа от наследства. Каждая фраза в этих статьях отшлифована до совершенства, в каждом положении отражена мудрость большого ученого⁵.

В. И. Серебровский оставил большое научное наследство, а цивилисты нового поколения с благодарностью приняли это наследство.

Доктор юридических наук,
профессор С. М. Корнеев,
(один из учеников профессора
В. И. Серебровского)

¹ Со своей стороны, автор настоящего предисловия считает, что было бы справедливым и ограничение доли иждивенца определенным процентом от полной доли (например, 25% полной доли).

² Вестник МГУ. Серия «Право». 1971. № 1.

³ Правоведение. 1972. № 3.

⁴ См. его статьи: Приобретение наследства по Гражданскому кодексу // Право и жизнь. 1924. № 10; Принятие наследства // Советское государство и право. 1950. № 6.

⁵ Обе названные статьи помещены в настоящую книгу.

Научный и педагогический талант Владимира Ивановича Серебровского, его творческие идеи нашли воплощение не только в авторском и наследственном, но и в страховом праве.

В первом предисловии профессором С. М. Корнеевым развернуто представлена характеристика трудов В. И. Серебровского по наследственному праву и авторскому праву. Однако научные интересы В. И. Серебровского были настолько неразрывно связаны со страхованием, их разработка так глубоко владела его творческими мыслями, что свою докторскую диссертацию, успешно защищенную в годы Великой Отечественной войны (1943 г.), он посвятил одному из важнейших институтов страхового права – договору страхования жизни в пользу третьего лица.

В. И. Серебровский принадлежит к числу виднейших ученых в области страхового права. Его творческое наследие по страхованию велико и значительно. Основополагающие идеи и концепции теории страхового права В. И. Серебровский последовательно и неуклонно разрабатывал, отстаивал и развивал практически на протяжении всей своей научной деятельности. Они нашли отражение в разнообразных учебно-научных изданиях: главах в учебниках¹, журнальных публикациях², статьях в научных сборниках, ученых трудах, ученых записках³. Эти публикации принесли их автору широкую

¹ См.: Серебровский В. И. Договор страхования // Гражданское право. Ч. II. Учебник для юридических вузов. – М., 1938; Договор страхования // Советское гражданское право. Краткий учебник. – М., 1940; Страхование // Гражданское право. Т. II / Под ред. проф. М. М. Агаркова и проф. Д. М. Генкина. – М., 1944; Страхование // Учебник для юридических школ / Под ред. проф. С. Н. Братуся. – М., 1944; Страхование // Советское гражданское право. Т. II / Под ред. проф. С. Н. Братуся. – М., 1951.

² См.: Серебровский В. И. Страховой интерес в Гражданском кодексе РСФСР // Право и жизнь. 1924. Кн. вторая, третья и четвертая; Личное страхование // Вестник советской юстиции. 1925. № 8 (42); Юридическая природа страхового полиса // Вестник советской юстиции. 1925. № 21 (55); Источник советского страхового права // Право и жизнь. 1925. Кн. шестая; Понятие страхового договора в Советском праве // Право и жизнь. 1926. Кн. вторая–третья; Источники Советского страхового права по положению о Госстрахе Союза ССР // Вестник советской юстиции. 1926. № 5; Договор страхования и проект Гражданского кодекса Союза ССР // Проблемы социалистического права. 1939. № 1.

³ См.: Серебровский В. И. Страхование. Гражданский кодекс советских республик. Текст и практический комментарий под ред. проф. Ал. Малицкого. – Изд. второе. Государственное издательство Украины, 1925; Страховой риск // Сборник статей кафедры «Проблемы современного права» и правового факультета Харьковского института народного хозяйства, посвященный памяти В. М. Гордона. – Харьков, 1927; Договор страхования жизни в пользу третьего лица (Основания возникновения права выгодоприобретателя) // Ученые труды ВИЮН. – М., 1947. Вып. IX; Договор страхования жизни в пользу третьего лица (Назначение выгодоприобретателя и его взаимоотношения с Госстрахом и другими лицами) // Ученые записки ВЮЗИ. – М., 1948.

известность и заслуженное признание как крупнейшего теоретика в области страхования.

Особое место среди трудов В. И. Серебровского по страховому праву занимают две монографические работы – «Очерки советского страхового права» (1926 г.) и «Страхование» (1927 г.), в которых заложен теоретический фундамент изучения понятия страхования как института гражданского права. Благодаря этим исследованиям с именем В. И. Серебровского связывают важнейшие современные достижения отечественной науки страхового права.

Созданные в период формирования советской социалистической системы гражданского права как системы нового общественно-исторического типа, они не только отражали современные законодательные и теоретические взгляды и подходы, но и содержали принципиальные положения и разработки сложнейших страховых категорий и конструкций, развивающих и обогащающих доктрину страхового права. Поэтому замечание самого автора, указавшего в предисловии к «Очеркам советского страхового права» (октябрь 1925 г.), что при их составлении имелось в виду написание элементарного руководства по советскому страховому праву, можно в значительной мере отнести к предельной научной скромности в оценке своего творчества, а не к значению данного произведения.

Предлагаемые автором всесторонне обоснованные общетеоретические концепции страхования, отдельные понятия и конструкции, их безупречно точная терминологическая трактовка, опирались на идею о равновеликом значении страхования как для частнохозяйственной, так и для народнохозяйственной деятельности, его значимости для обеспечения стабильности общественного прогресса.

Важнейшие по своей содержательной глубине и перспективному значению разработки в области страхового права создавались благодаря последовательному применению единой методологии исследования: проведение четкого разграничения экономических страховых отношений и страхования как гражданско-правовой категории. При этом нисколько не умалялись достижения и заслуги экономической науки в разработке экономической теории страхования. Страхование в качестве экономической категории выполняет задачу устранения или, по крайней мере, уменьшения (минимизирования) неблагоприятных вредоносных последствий для лица или имущества от отдельных случайных обстоятельств или разрушительных сил (негативных факторов), достигаемого разложением убытков на целый ряд субъектов, подверженных аналогичной опасности. Такой методологический подход, сохранивший свое принципиальное значение и в современных условиях развития страхования, позволил разрешить дилемму

ную задачу: с одной стороны, избежать односторонности (абсолютизации) в оценке страхования как объекта исследования, а с другой – показать, что воплощение страхованием механизма (способа) разложения предполагаемых (ожидаемых) имущественных потерь с целью предотвращения их наступления, т. е. идеи разложения убытка на нескольких лиц, составляет исключительно внешний, а не генетический признак единства (совпадения) экономической и правовой природы страхования.

К числу фундаментальных проблем, получивших в трудах В. И. Серебровского развернутое обоснование и разрешение, относится проблема юридической природы страхования, имеющая едва ли не определяющее общетеоретическое значение и особенно востребуемая современным этапом развития науки страхового права.

Обращаясь к одной из сложнейших и до настоящего времени не утратившей своей теоретической и практической значимости проблеме оснований возникновения обязательств, В. И. Серебровский не абсолютизирует экономическую природу страхования, а рассматривает его, в первую очередь, как правовое отношение. В качестве источников страхового правоотношения выделяются два основания – договор и закон, анализ которых в значительной степени позволил составить единственно правильное представление о действительной сущности обязательной и добровольной форм страхования.

Закон, воплощая публичную волю, действующий правопорядок, выступает как генеральное основание обязательств, как необходимое условие самой возможности их создания (возникновения). Значение непосредственного источника обязательства закон приобретает в силу точно определенных самим законом (содержащихся, названных в нем) юридических фактов или совокупности юридических фактов.

Рассматривая соотношение закона и договора как оснований страхования, В. И. Серебровский обосновывал важное значение закона существовавшей советской плановой системой народного хозяйства, стремящейся силой государственного аппарата направить в желательное русло течение экономических интересов различных классов и социальных групп. Кардинальное изменение всей политической и экономической системы и провозглашение новых принципов в организации публичной власти и социально-экономического строя не повлияли на концептуальное значение закона в качестве основания для страхования. Страхование, возникающее по требованию закона и в силу закона, устанавливается в целях защиты таких имущественных интересов, которые с наибольшей полнотой и всесторонностью могут быть обеспечены исключительно государственно-властным регулированием. Таким образом, обязательное страхование лишь выражает принудительную

форму его создания со стороны закона и не может служить критерием его роли и значения в страховом праве того или иного государства, а тем более в качестве аргумента противопоставления национальной и зарубежной гражданско-правовых систем.

Обязательное страхование – внедоговорное обязательство по основанию его возникновения, т. к. оно может создаваться только при наличии специального указания закона об оформлении тех или иных отношений страхованием, «осуществляется в силу закона», как указано в п. 3 ст. 3 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. «О страховании». Ни страхователь, ни страховщик не могут создать правоотношение по обязательному страхованию без специального указания закона. Однако гражданско-правовые обязательства могут возникать из юридических составов, состоящих из разных по своей сущности юридических фактов, и потому вполне обоснованными являются указания законов, предусматривающих отдельные виды обязательного страхования, что при создании соответствующего вида страхования заключается договор между страхователем и страховщиком. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 6 апреля 1994 г. № 667 «Об основных направлениях государственной политики в сфере обязательного страхования» установлено, что «обязательное государственное личное страхование всех сотрудников Государственной налоговой службы Российской Федерации осуществляется на основании договоров, заключаемых Государственной налоговой службой Российской Федерации и страховщиками». Подобное же правило действует и в отношении обязательного страхования пассажиров, экскурсантов, туристов; экологического страхования; страхования при залоге имущества и т. д.

Несмотря на то, что при обязательном страховании может заключаться договор (п. 2 ст. 927, ст. 936 ГК РФ), его сущность нельзя признать однозначной страховому договору, заключаемому при добровольном страховании. Содержание договора в обязательном страховании не основано на свободе волеизъявления, так как многие его существенные условия не могут определяться сторонами – они определяются законом. Эти императивные установления относятся к сторонам, страховой сумме, страховым рискам и т. д. Следовательно, необходимо признать, что существует два вида страховых договоров: один – где действует свобода договора, и другой – где она действует в очень ограниченных пределах. Поэтому в первом случае имеется полноценный договор – как классическая модель частной автономии воли – и страхование добровольное, а во втором – договор ограниченный – принудительный договор (особого рода разновидность договора присоединения – ст. 428 ГК РФ) – и страхование обязательное.

Фундаментальным вкладом в теорию страхования явилась разработка учения о страховом договоре¹, которое выдвинуло В. И. Серебровского в число крупнейших и известнейших представителей науки страхового права. Теория страхового договора в определяющей степени влияет на состояние и перспективное развитие доктрины страхового права вообще. Вопрос же о понятии договора страхования и его правовой природе относится к основным проблемным вопросам науки страхового права и по существу является центром, вокруг которого концентрируются другие более или менее значительные теоретические проблемы страхования. Это определяется смыслом и назначением договора страхования, который способен выполнить обеспечительную функцию для конкретного страхователя с его конкретными имущественными возможностями (накопление денежных средств, «страховых капиталов» к определенному сроку, в определенной сумме), воплощая таким образом социальную ценность договорного страхования как института страхового права.

Поставив своей целью дать характеристику страхового договора, позволяющую отличить его от смежных или сходных с ним юридических явлений, В. И. Серебровский установил и выделил девять общих характерных признаков, свойственных всем видам страхового договора, каждый из которых он подверг подробному рассмотрению и убедительному обоснованию. К этим признакам страхового договора В. И. Серебровский отнес: 1) самостоятельность договора, 2) двусторонний характер, 3) рисковый характер договора, 4) ограниченность ответственности страховщика, 5) срочный характер этой ответственности, 6) случайный характер события, предусмотренного договором, 7) возмездность договора, 8) цель договора, направленная к обеспечению страхователя или выгодоприобретателя от возможного вреда и недостатка, 9) заключение договора с планомерно организованным страховым предприятием. В то же время В. И. Серебровский воздержался от установления общего понятия страхового договора, хотя и не отрицал, что эти признаки могут быть положены в основание единого понятия договора страхования².

Действовавший в момент написания «Очерков советского страхового права» ГК РСФСР 1922 г. легально не закреплял единого понятия договора страхования, тем самым подтверждая теоретические заключения В. И. Се-

¹ См.: Серебровский В. И. Понятие страхового договора в Советском праве // Право и жизнь. 1926. Кн. вторая – третья. С. 34-43; Договор страхования и проект Гражданского кодекса Союза ССР // Проблемы социалистического права. 1939. № 1.

² Предпринятый В. И. Серебровским анализ страхового договора получил высокую оценку в рецензии Н. Зильберштейна на книгу «Очерки советского страхового права». – См.: Советское право. 1926. № 5. (23). С. 127–129.

ребровского. Ст. 367 лишь объединяла два определения договора страхования: одно – для договора имущественного, другое – для договора личного страхования. Однако кодекс содержал развернутую и подробную регламентацию отношений по договорному страхованию. Это позволило В. И. Серебровскому назвать данные нормы «маленьким кодексом договорного страхового права» и увидеть в этом важное достоинство ГК РСФСР 1922 г., придававшего страховому договору самостоятельное значение.

Все последующие отечественные кодификации гражданского законодательства (безотносительно к самому объему законодательной регламентации – Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. (гл. 10, ст. 78–82), ГК 1964 г. (гл. 33, ст. 386–390) и Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (гл. 14, ст. 106–108)) неизменно исходили лишь из объединения в одной норме двух определений договора страхования, не восприняв конструкцию выделения в самостоятельные виды договора имущественного страхования и договора личного страхования. В специальном страховом кодификационном акте – Законе Российской Федерации «О страховании» – также не обнаруживается каких-либо принципиальных отличий в подходах к легальному определению договора страхования.

Принципиальной новеллой в регулировании страховых отношений в части второй ГК РФ 1996 г. явился не только самый значительный в национальных общегражданских кодификациях объем норм о страховании (гл. 48–44 статьи), но и закрепление двух самостоятельных видов договора страхования: договора имущественного страхования (ст. 929) и договора личного страхования (ст. 934).

Предпринятое В. И. Серебровским серьезное научное исследование понятия страхового договора явилось не только первым в советской науке по страхованию, но и значительным шагом в развитии доктрины страхового договора. Это исследование имело не только теоретическое значение (несомненно важное в связи с отсутствием единства доктринальных взглядов на сущность и природу страхового договора), но и если не большую прикладную важность с целью выработки наиболее оптимальной позиции для построения законодательных конструкций.

Созданная В. И. Серебровским теоретическая концепция страхового договора по существу означала признание необходимости конструкции единого гражданско-правового обязательства по страхованию, которое, с одной стороны, оформляет отношения, связанные со страховыми выплатами по имущественному страхованию, а с другой – по личному страхованию. Признавая объектом обязательства по страхованию любой не противоречащий законодательству имущественный интерес – от сохранения материальных

ценностей до физических и духовных сил или жизни человека, страховое обязательство выполняет тем самым единую обеспечительную функцию для максимально полного возмещения имущественных потерь, понесенных в связи с наступившим страховым случаем. В получении страховой защиты каждый конкретный страхователь видит основное значение и смысл страхования.

В 1927 г. В. И. Серебровский издает монографию «Страхование»¹, которая является продолжением и развитием идей и положений, содержащихся в «Очерках советского страхового права».

Подчеркивая значение страхования, В. И. Серебровский указывал, что существование страхования в первую очередь объясняется постоянным присутствием в жизни и деятельности человека риска – опасности, непредвиденной по источнику своего возникновения и неравномерной по своим последствиям. Незнание этих опасностей может быть связано с недостаточным знанием сил природы, действий самого человека, а также социальных групп или даже государства (например, изменение размеров и видов налогов и др.). Она может быть связана также с недостаточной изученностью условий рынка, производственных процессов, торговой деятельности и т. п.

Рисковый характер В. И. Серебровский относил к числу основных признаков страхования². Возражая тем, кто оспаривал характерность этого признака для страхования, автор подчеркивал, что риск есть возможность или вероятность наступления известного события (действия), могущего вызвать у страхователя или лица уполномоченного потребность в средствах. Риск всегда относится к будущему времени и поэтому о наличии риска надлежит иметь суждение не тогда, когда событие (действие) уже осуществилось, а тогда, когда еще только возникают предположения о возможности его осуществления, т. е. при заключении страхования. Ссылаясь на замечание профессора М. М. Агаркова, автор подчеркивал, что идея риска проходит через все гражданское право. Вместе с тем, В. И. Серебровский сетовал, что эта идея не нашла в законодательстве (ГК РСФСР 1922 г.) должного выражения («открыто» законодатель оперирует этим понятием только в ст. 186 – о риске случайной гибели проданного имущества и в ст. 223 – о риске подрядчика).

Следует отметить, что в действующем ГК РФ устранен этот недочет: в части первой имеется 12 статей, использующих данный элемент правоотно-

¹ Значение книги В. И. Серебровского «Страхование» для развития теории страхового права было высоко оценено К. К. Яичковым в рецензии на нее. – См.: Советское право. 1928. № 1 (31). С. 126–128.

² См. также: Серебровский В. И. Страховой риск // Сборник статей кафедры «Проблемы современного права» и правового факультета Харьковского института народного хозяйства, посвященный памяти В. М. Гордона. – Харьков, 1927.

шения, а во второй части их 26. Вместе с тем нельзя не указать, что в Законе Российской Федерации «О страховании» нашло прямое отражение положение о том, что в страховании риск означает прежде всего предполагаемое событие (действие), на случай наступления которого осуществляется страхование. Событие (действие), рассматриваемое в качестве страхового риска, должно обладать признаками вероятности и случайности его наступления (п. 1 ст. 9). К сожалению, гл. 48 ГК РФ не содержит определения страхового риска ни в таком его понимании, ни в каком-либо ином.

Излагая значение страхования, автор указывал, что он имеет целью дать теоретическое освещение страхования с юридической точки зрения. При этом страхование социальное (обязательное страхование лиц наемного труда) в работу не включаются. Таким образом, предметом изучения в монографии, как писал В. И. Серебровский, является та сфера страхования, которой на Западе обычно присваивается наименование частного страхования.

Неизвестность и неуверенность, создаваемые риском, люди в отдельности и всем сообществом стремятся элиминировать или, по крайней мере, ограничить. Для этого применяются разные способы, одним из которых является перенос риска в экономическом значении на лиц, специально берущих на себя несение риска – поручители, гаранты, страховщики и другие. При этом В. И. Серебровский подчеркивает, что способность страхования за небольшую плату предоставить возмещение больших потерь имеет значение не только как имущественное средство, но и как моральное, создавая условия для активности человека.

Необходимо отметить, что В. И. Серебровский, во-первых, разделяет экономический и юридический аспекты страхования. Это очень важно, так как до сих пор в литературе и практике применения страхования не всегда четко различают эти две стороны. Во-вторых, он вновь употребляет термин «риск», понимая его как явление экономическое, позволяющее перенести возможные неблагоприятные последствия с одного лица на другое, т. е. законодательно определить, кто будет нести потери из-за наступления тех опасностей и случайностей, которые предусмотрены для данного конкретного страхового обязательства. Видимо, необходимо в законодательстве показать двуединое понятие риска и закрепить его первое и второе проявления. В-третьих, В. И. Серебровский исключил социальное страхование из тех отношений, которые охватываются его исследованием¹. Подобное отноше-

¹ К моменту издания монографий В. И. Серебровского «Очерки советского страхового права» и «Страхование» социальное страхование уже получило освещение в научной литературе, единодушно признаваемое частью трудового права. – См.: Теттенборн З. Р. Советское социальное страхование. – М.; Л., 1925; Энгель И. Ф. Социальное страхование в буржуазных государствах. – М., 1925; Забелин Л. В. Теоретические основы социального страхования. – М., 1926.

ние к социальному страхованию нашло отражение в Законе Российской Федерации «О страховании», где в п. 3 ст. 1 установлено, что действием названного Закона социальное страхование не регулируется.

За время, прошедшее с момента издания монографии В. И. Серебровского, соотношение между социальным страхованием, регулируемым нормами трудового права, и страхованием, регулируемым нормами гражданского права, значительно изменилось; эти два вида страхования значительно приблизились друг к другу (например, Закон Российской Федерации «О медицинском страховании граждан Российской Федерации»), но все-таки различие превалирует над сходством. Наконец, как показано в новейшей литературе¹, в настоящее время в нашей стране гражданско-правовое регулирование создает, как и на Западе, сферу частного страхования.

Указывая, что страхование трудно поддается определению как единое юридическое понятие, В. И. Серебровский пишет вместе с тем, что это правовое отношение, регулируемое нормами гражданского права, в котором страхователь противостоит страховщику, что каждый из них имеет права и обязанности, для осуществления и исполнения которых они вступают в это отношение. Причем страхование – самостоятельное правоотношение, оно не носит акцессорного характера. Страхование есть двустороннее правоотношение, где страховщик принимает на себя обязанность нести ответственность за те последствия, которые могут произойти для жизни или имущества страхователя от предусмотренных опасностей и случайностей.

В связи с очень широким кругом личных и имущественных благ, а также опасностей и случайностей, которым они могут подвергаться, число видов страхования, имеющих каждый свои особенности, очень велико. Причем чем более развито в стране страхование, тем труднее дать его единое понятие. Однако В. И. Серебровский ясно указывает на те общие свойства страхования, которые позволяют дать его определение. Страхование любого вида представляет собой обязательство, отвечающее положениям ст. 307, 308 ГК РФ. Единство всех видов страхования как гражданско-правового обязательства следует также из положений, которые касаются заключения страхования. Посвящая этому элементу страхового правоотношения отдельную главу, В. И. Серебровский излагает в ней не только правила заключения добровольно-договорного страхования, а и заключение обязательного страхования, тем самым подчеркивая их единый и обязательственный характер.

Рассматривая виды страхования по их юридической природе, В. И. Серебровский показывает, что имеется два вида: страхование добровольное и обязательное. Страхование, как всякое обязательство, основывается на зако-

¹ См.: Гражданское право России при переходе к рынку: Сборник научных статей, посвященных памяти проф. В. П. Грибанова. – М., 1995. С. 191–208.

не, но и форма, в которой закон влияет на создание обязательства, может быть различной. Закон может предписывать возможность свободного соглашения сторон, т. е. создание договорного, добровольного страхования. Однако страхование может возникнуть непосредственно в силу закона или по принуждению со стороны закона, когда предписывается заключение договора в форме так называемого «предписанного» договора, «недобровольного» договора. Заключение такого договора не зависит от воли сторон, все существенные условия этого обязательства устанавливаются помимо желания и воли сторон. Отношения по обязательному страхованию, по мнению В. И. Серебровского, представляют собой отношения публичного права, что не делает, однако, обязательное страхование налогом.

Важное значение для понимания сущности страхования имеет указание автора о том, что страховщик принимает на себя обязанность нести ответственность. Следовательно, в отличие от обычных обязательств, где ответственность есть результат неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства (ст. 309 ГК РФ), в страховании ответственность понимается как обязанность, которую должен исполнить страховщик. Исходя из этого, необходимо признать, что производя страховую выплату, страховщик осуществляет исполнение, а не несет ответственность. К сожалению, это важное положение теории страхового права в действующем законодательстве отражения не нашло.

Обсуждая проблему алеаторных договоров, В. И. Серебровский показал, что экономическая неизвестность присуща всякому соглашению, а юридическая – только тем, где риск составляет элемент правоотношения. Различные контрверзы об алеаторном характере страхования, безусловно, имеют своим источником смешение тех непосредственных эффектов, которые проистекают для страхователя и страховщика от отдельной страховой операции, с тем общим результатом, который получает страховщик от всей совокупности своих операций. Основное отличие алеаторных сделок от страхования в том, что первые имеют своей исключительной целью обогащение, тогда как страхование – обеспечение возможной потребности.

Характерным признаком страхования является его цель. Автор считает, что ни с теоретической, ни с догматической стороны цель взимания убытков не может быть признана в качестве признака, свойственного всем видам страхования. Ближе к истине находится идея «эвентуальной потребности», т. е. покрытия случайно возникающих имущественных потребностей. Однако объединяющим все виды страхования является признание, что цель страхования – дать общее обеспечение возможных потребностей. Там, где этого нет, там нет и страхования, а есть какие-то другие явления – игра, пари, лотерея, т. е. сделки алеаторные. Таким образом, здесь вновь подчеркивается

сущность страхования как обязательства, цель которого – обеспечить возможные последствия его рискового характера.

В доктрине гражданского права обязательства, цель которых – обеспечение определенных потребностей путем действий, не создающих вещественного (материализованного) результата, относятся к обязательствам по оказанию услуг. Поэтому необходимо признать, что законодатель вполне справедливо в п. 2 ст. 779 ГК РФ исключил страхование из тех платных услуг, к которым могут применяться нормы гл. 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг. Это еще раз подтверждает вывод о самостоятельном характере страхования.

В. И. Серебровский полагал, что страховой полис является односторонним документом, выдаваемым страховщиком и представляющим собой обещание страховщика уплатить известную сумму в случае наступления предусмотренного страхованием события (действия). Страховой полис не является ценной бумагой, он не предоставляет правомерному держателю права требовать исполнения того, что написано в этой бумаге¹. Страховой полис является исключительно принадлежностью страхового требования: бумага следует за требованием, а не требование за бумагой, как это имеет место в случаях с ценными бумагами. Не является страховой полис ценной бумагой и тогда, когда он составлен на предъявителя. В этом последнем случае можно говорить о страховом полисе как о легитимационной бумаге. Для получения страховой выплаты требуется наличие ряда юридических фактов: своевременная уплата страховой премии, наличие страхового интереса и страхового риска во время действия обязательства, наступление страхового случая помимо умысла или грубой неосторожности страхователя, выгодоприобретателя, застрахованного лица и др.

От страхования необходимо отличать некоторые явления, с внешней стороны на него похожие, но являющиеся другими институтами. Безвозмездное поручительство отличается от страхования тем, что оно акцессорное. Возмездное поручительство и очень близкое к нему страхование кредитов отличаются не только потому, что поручительство – акцессорное обязательство, а страхование – самостоятельное, но и тем, что даже при страховании кредитов страховщик никакого на себя ручательства не принимает, он сам является главным должником. Страхование отличается и от договора

¹ См. также: Серебровский В. И. Юридическая природа страхового полиса // Вестник советской юстиции. 1925. № 21 (55). С. 821–823. В литературе того времени высказывались мнения об отнесении страховых полисов к категории беспроцентных бумаг на предъявителя (см., например: Зейфман И. О бумагах на предъявителя // Вестник советской юстиции. 1923. № 5. С. 129–132). Однако позиция В. И. Серебровского впоследствии стала господствующей в науке страхового права.

гарантии. Гарантийный договор является односторонним договором, а страхование – обязательство двустороннее. Кроме того, лицо, выступающее гарантом, имеет чаще всего известный самостоятельный интерес в успешной деятельности другой стороны, тогда как страховщик обычно такого интереса не имеет.

Взгляд на достоинства и достижения новейшего регулирования страхования и их оценка не могут быть даны без обращения к теоретическому наследию по страхованию В. И. Серебровского, научные основы исследования самой юридической конструкции страхования и его гражданско-правовых характеристик.

Доцент кафедры гражданского права
юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
кандидат юридических наук
Е. Н. Гендзехадзе

Доцент кафедры гражданского права
юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
кандидат юридических наук
Т. С. Мартьянова

ОЧЕРКИ СОВЕТСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

ВВЕДЕНИЕ¹

[...] В нашей стране удовлетворение все возрастающих материальных и культурных потребностей граждан происходит не только путем развития общественных форм обслуживания этих потребностей, но и путем роста принадлежащей гражданам СССР личной собственности на предметы потребления, предназначенные для удовлетворения их потребностей в питании, одежде, жилье и т. д.

В Манифесте Коммунистической партии К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим уничтожить собственность, лично приобретенную, добытую своим трудом, собственность, образующую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности». «Мы, – указывали далее К. Маркс и Ф. Энгельс, – вовсе не намерены уничтожить это личное присвоение продуктов труда, служащих непосредственно для воспроизводства жизни, присвоение, не оставляющее никакого избытка, который мог бы создать власть над чужим трудом. Мы хотим уничтожить только жалкий характер такого присвоения, когда рабочий живет только для того, чтобы увеличивать капитал, и живет лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующего класса». «Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения поработать чужой труд»².

Развитие и укрепление принадлежащей гражданам СССР личной собственности происходит на базе социалистической системы хозяйства и социалистической собственности.

Личная собственность граждан является производной от социалистической собственности, так как она возникает и развивается в результате приложения их труда к орудиям и средствам производства, составляющим социалистическую собственность.

Чем больше растет и развивается социалистическая собственность, чем больше увеличивается доля совокупного общественного продукта, которая

¹ Несколько страниц из «Введения» в настоящем издании не приводятся, поскольку их содержание, в соответствии с требованиями того времени, когда создавалось данное исследование, представляло собой восхваление политики партии и государства. В настоящее время этот материал не представляет интереса (*примечание издателя*).

² Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, 1952, стр. 48–50*.

*Учитывая важность издания, в книге сохранены все особенности подачи автором справочного аппарата. – *Ред.*

поступает в распоряжение каждого трудящегося, тем больше растет и укрепляется личная собственность. [...]

В то же время рост личной собственности на базе общественной социалистической собственности способствует повышению производственной и общественной активности граждан. Это приводит к росту производительности их труда в социалистическом производстве, а тем самым – к развитию и укреплению общественной социалистической собственности, к подъему благосостояния социалистического общества в целом.

Таким образом, между социалистической собственностью и личной собственностью существует неразрывная связь. [...]

Основным источником происхождения личной собственности является труд гражданина в социалистическом производстве.

На свой трудовой заработок граждане приобретают продовольственные и промышленные товары, пополняют свое имущество.

Личная собственность, призванная удовлетворять постоянно возрастающие материальные и культурные потребности граждан, имеет чисто потребительский характер. Использование личной собственности в иных целях является недопустимым. Личная собственность не может быть использована как источник эксплуатации чужого труда, в целях спекуляции, наживы.

Свое юридическое выражение личная собственность граждан получает в праве личной собственности, закрепленном Конституцией СССР¹. В ст. 10 Конституции сказано: «Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан – охраняется законом».

Таким образом, охрана законом права личной собственности, а также права наследования личной собственности граждан на предметы потребления, является конституционным принципом.

¹ «Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства, в СССР допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплуатацию чужого труда» (ст. 9 Конституции СССР). Это – остатки мелкой трудовой частной собственности, которые в условиях запрещения эксплуатации чужого труда не могут переродиться в капиталистическую частную собственность и в связи с явными преимуществами труда в социалистическом хозяйстве постепенно исчезают. Удельный вес этих остатков трудовой частной собственности в СССР ничтожен. Поскольку сохранившееся пока в СССР мелкое частное хозяйство носит трудовой характер и не может служить источником эксплуатации чужого труда, на него распространяется ряд норм, установленных законодательством для личной собственности, в частности – и нормы наследственного права (см. Советское гражданское право. Учебник для юридических вузов, т. I. М., Госюриздат, 1950, стр. 345–346).

В связи с этим необходимо отметить, что в тексте проекта Конституции СССР, представленного Конституционной комиссией на рассмотрение Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, в ст. 10 указывалось, что охране законом подлежит «личная собственность граждан». Редакционной комиссией съезда в ст. 10 были внесены две существенные поправки¹. Первая из них заключалась в указании, что охране закона подлежит не «личная собственность граждан», а «право личной собственности граждан»; вторая поправка состояла в дополнении ст. 10 указанием, что, наряду с охраной законом права личной собственности, охраняется законом и «право наследования личной собственности граждан». Обе эти поправки к ст. 10, включенные в окончательный текст проекта Конституции, утвержденного Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов, явившиеся ярким выражением огромного роста материального благосостояния советских граждан и повышения удельного веса принадлежащей им личной собственности, возникающей и развивающейся на основе социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, придали формулировкам ст. 10 более точный, всесторонний и всеобъемлющий характер, подчеркнули большое значение законодательной, конституционной гарантии права личной собственности².

Конституция СССР неразрывно связывает право личной собственности граждан с правом наследования личной собственности. Это является очевидным доказательством того большого значения, которое имеет в СССР институт наследования.

* * *

Дела, связанные с переходом имущества по наследству, занимают довольно большое место в нотариальной, а, в известной мере, и в судебной практике. Однако некоторые вопросы наследственного права не получили еще в советской литературе соответствующего освещения и требуют теоретической разработки. Большой интерес представляет судебная практика по наследственным делам, решения Пленума Верховного суда и его руководящие указания народным судам, основанные на обобщении судебной практики. Перед наукой советского гражданского права возникает задача – на почве обобщения и изучения практики попытаться установить принципиальные положения, лежащие в ее основе, а в случае надобности – наметить те пути, по которым следовало бы идти судебной практике. В связи с разработкой

¹ См.: Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР. Госполитиздат, 1936, стр. 45.

² См.: Ронин С. Л. К истории разработки, утверждения и развития Сталинской Конституции. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 73–74.

Очерки советского наследственного права

проекта ГК* СССР необходимое внимание должно быть уделено и тем изменениям и дополнениям, которые следовало бы внести в наше законодательство о наследовании в целях его дальнейшего усовершенствования.

Этими задачами и определяется характер настоящей работы, которая является, в известной мере, и итогом других работ автора по советскому наследственному праву. Однако не все вопросы советского социалистического наследственного права смогли получить в этой работе одинаково подробную теоретическую разработку. Вне специального рассмотрения в настоящей работе остался ряд вопросов юридико-технического порядка, как например, охранение наследства, оформление наследственных прав и некоторые другие.

* В целях улучшения восприятия современным читателем редакция сочла возможным устранить разноту в написании сокращенного названия «Гражданский кодекс», оставив общеизвестную аббревиатуру ГК. — *Ред.*

ГЛАВА I

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ НАСЛЕДОВАНИЯ И НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

Под наследованием, или наследственным преемством, понимается переход имущества умершего к другому лицу или другим лицам – его наследникам – в установленном законом порядке. Это общее понятие требует раскрытия его значения и классового содержания в условиях эксплуататорского общества и в условиях общества социалистического.

По учению классиков марксизма-ленинизма, наследование находится в неразрывной связи с собственностью и отражает соответствующую экономическую и классовую организацию общества. В своем классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс показал¹, что пока происхождение считалось только по женской линии, по первоначальному порядку наследования умершему члену рода наследовали его ближайшие сородичи – кровные родственники со стороны матери. Дети умершего мужчины своему отцу не могли наследовать, так как не принадлежали к его роду. Когда возникает собственность мужчины на основные средства производства, изменяется и порядок наследования. Более влиятельное положение мужчины в семье порождает у него стремление использовать свое упрочившееся положение для того, чтобы изменить обычный порядок наследования в пользу своих детей. Устанавливается наследование детей после отца.

Таким образом, наследование существует уже на известной стадии развития родового строя, но наследственное право возникает только с появлением частной собственности на орудия и средства производства и разделением общества на классы, когда обычай передавать имущество умершего членам его семьи или рода закрепляется в признанных государством нормах обычного права или предписаниях закона. Последующее развитие наследственного права в эксплуататорском обществе находится в тесной связи с развитием частной собственности, обусловленным, в свою очередь, развитием производственных отношений.

Социально-экономическая природа наследования в буржуазном обществе с полной ясностью была раскрыта К. Марксом.

В докладе Генерального совета Первого Интернационала Базельскому Конгрессу в 1869 г. К. Маркс указывал: «Право наследования имеет социальное значение лишь постольку, поскольку оно оставляет за наследником ту

¹ См.: Э н г е л ь с Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 55.

власть, которой покойный обладал *при жизни*, а именно *власть* при помощи своей собственности *присваивать продукты чужого труда*. Например, земля дает землевладельцу при жизни власть под титулом ренты присваивать без всякой компенсации плоды чужого труда. Капитал дает ему власть делать то же самое под титулом прибыли и процента. Собственность на ценные бумаги дает ему возможность жить, не трудясь, плодами чужого труда и т. д.

Наследование не создает этой возможности перекладывать плоды труда одного человека в карман другого – оно касается лишь смены лиц, обладающих этой возможностью»¹.

В условиях буржуазного общества эксплуататорская сущность наследственного права проявляется в том, что, обеспечивая переход права собственности на средства производства для ряда поколений, оно тем самым укрепляет основанную на частной собственности власть эксплуататоров. Способствуя концентрации имущества в руках отдельных лиц и усиливая экономическое неравенство, в буржуазных странах институт наследования имеет значение, главным образом, для класса капиталистов, для миллионов же трудящихся институт наследования лишен практического значения, так как им, как правило, наследовать нечего.

К. Маркс считал крупной ошибкой учение социалистов-утопистов (Базара и других последователей Сен-Симона) о праве наследования, рассматривавших право наследования не как юридическое следствие, а как экономическую причину нынешней организации общества и требовавших отмены права наследования. В вышеупомянутом докладе Генерального совета К. Маркс указал, что «как и все гражданское право вообще, законы о наследовании являются *не причиной, а следствием, юридическим выводом из существующей экономической организации общества*, которая основана на частной собственности на средства производства...»². «*Исчезновение права наследования* будет естественным результатом того социального переустройства, которое упразднит частную собственность на средства производства; но *отмена права наследования* никогда не может стать *отправной точкой* такого социального преобразования»³. Таким образом, по мысли К. Маркса, не отмена права наследования может стать причиной уничтожения частной собственности, а, наоборот, лишь уничтожение частной собственности приведет к отмене буржуазного права наследования.

Не считая возможным начинать социальную революцию с отмены права наследования, К. Маркс и Ф. Энгельс выдвинули, тем не менее, в «Манифесте Коммунистической партии» в качестве одного из важнейших меро-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 336.

² Там же.

³ Там же, стр. 337.

приятый, которые должна провести победоносная пролетарская революция, отмену «права наследования»¹. Это мероприятие должно было представлять собой непосредственное вторжение «в право собственности и в буржуазные производственные отношения...»². В качестве переходных мер основоположники научного коммунизма выдвигали и иные мероприятия, направленные только к ограничениям права наследования: высокий налог на наследство, отмену наследования в боковых линиях³. Но отсюда вовсе не следует, что основоположники научного коммунизма якобы отказались от своего принципиального требования уничтожения буржуазного права наследования и заменили его требованием ограничения этого права, как клеветнически утверждали социал-реформисты (Эдуард Бернштейн и др.). Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс никогда не отказывались от выставленного ими в «Манифесте» требования уничтожения права наследования. Однако под этим требованием они понимали не уничтожение наследования вообще, а уничтожение наследования капиталистической частной собственности, так же как они требовали не уничтожения собственности вообще, а уничтожения собственности буржуазной.

Это программное требование основоположников научного коммунизма было осуществлено только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В социалистическом обществе социально-экономическая природа института наследования является принципиально иной, нежели в капиталистическом обществе. В отличие от капиталистических стран, в которых институт наследования рассчитан в основном на обеспечение интересов буржуазии, на закрепление за ней власти из поколения в поколение эксплуатировать чужой труд, в СССР институт наследования обслуживает интересы широких масс трудящихся, благосостояние которых непрерывно повышается и которые могут оставить свое имущество наследникам. В капиталистическом обществе основное значение имеет переход по наследству частной собственности на орудия и средства производства; в СССР по наследству переходят предметы потребительского характера.

Совокупность установленных Советским государством законодательных норм, регулирующих условия и порядок перехода по наследству права личной собственности граждан и других принадлежащих им имущественных прав, составляет советское социалистическое наследственное право, являющееся частью советского социалистического гражданского права.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Госполитиздат, 1952, стр. 55.

² Там же.

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. V, стр. 475, 586; т. VIII, стр. 482.

Обеспечивая за преемниками умершего гражданина – его наследниками – возможность сохранить и использовать его трудовые сбережения и другое имущество, что дает наследникам дополнительные материальные средства, советское наследственное право способствует дальнейшему повышению их материального благосостояния, укреплению права личной собственности. Поскольку же законодательство о наследовании признает основными наследниками лиц, входивших в состав семьи умершего гражданина¹, советское наследственное право способствует также укреплению советской семьи. Но в социалистическом обществе институт наследования не может оказывать того влияния на семейно-брачные отношения, какое он оказывает в буржуазном обществе: брак в СССР – подлинно свободный союз мужчины и женщины, основанный на их добровольном взаимном согласии, исключая возможность чьего-либо вмешательства в решение ими вопроса о заключении брака. В социалистическом обществе браки заключаются по взаимной склонности и любви лиц, вступающих в брак, а не по побуждениям материальной заинтересованности, что нередко имеет место в буржуазном обществе (в частности, из опасения лишиться наследства в случае отказа от вступления в брак с лицом, избранным родителями).

Способствуя укреплению личной собственности и обеспечению интересов советской семьи, советское наследственное право тем самым содействует укреплению общественной социалистической собственности и семейных отношений социалистического общества в целом.

Как и все советское социалистическое право, советское наследственное право строится на принципе гармонического сочетания личных интересов с интересами коллектива, государства².

Законодательство о наследовании предоставляет гражданину возможность путем завещания распорядиться на случай своей смерти принадлежащим ему имуществом. В силу этого он может завещать свое имущество другому гражданину или другим гражданам. Но, если у данного гражданина имеются законные наследники, он не вправе завещать имущество постороннему лицу; в интересах семьи законодательство о наследовании предоставляет ему право назначить наследником только кого-либо из тех лиц, которые входят в круг наследников по закону.

Гражданину также предоставлено законом право завещать свое имущество государственному органу или общественной организации. При этом гражданин может указать определенную цель, на которую должно быть употреблено завещанное имущество. Тем самым советское наследственное

¹ Подробнее см. гл. III наст. работы.

² См.: Н о в и ц к и й И . Б . Солидарность интересов в советском гражданском праве. М., Госюриздат, 1951, стр. 43.

право содействует упрочению связей, соединяющих в социалистическом обществе личность с коллективом, обеспечивает использование принадлежащего гражданину имущества на общепользные цели. Однако несовершеннолетние дети гражданина и другие его нетрудоспособные наследники не могут быть им лишены той доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону. Это правило применяется как в том случае, когда гражданин завещает свое имущество кому-либо из наследников по закону, так и в том случае, когда он сделает завещание в пользу какого-либо государственного органа или общественной организации. В этом находит свое проявление постоянная забота Советского государства об охране нетрудоспособных лиц. В отличие от наследственного права капиталистических стран, игнорирующего различие между трудоспособными и нетрудоспособными наследниками, советское законодательство о наследовании устанавливает ряд преимуществ в пользу нетрудоспособных наследников¹.

Характерный для советского общественного строя социалистический демократизм, получающий свое яркое проявление в принципе полного равенства гражданской правоспособности независимо от пола, расы, национальности, происхождения и социального положения, находит свое последовательное применение и в советском законодательстве о наследовании. В своих наследственных правах все граждане СССР равноправны: мужчины пользуются теми же наследственными правами, что и женщины, не допускается какая-либо дискриминация по расовому или национальному признаку и т. д. Наследственные доли наследников по закону являются равными.

Таковы наиболее характерные черты советского наследственного права, основанного на сочетании личных интересов с интересами коллектива, государства, — права, проникнутого началами социалистического демократизма и гуманизма.

* * *

Руководствуясь познанными объективными экономическими законами развития социалистического общества, Советское государство путем создания по воле советского народа правовых норм способствует использованию этих законов в интересах социалистического общества, оказывает активное влияние на социалистический базис.

Активную служебную роль на протяжении всего хода развития Советского государства выполняли и выполняют и нормы советского гражданско-

¹ Подробнее см. гл. IV наст. работы.

го права (включая и нормы наследственного права)¹, создававшиеся Советским государством под непосредственным руководством Коммунистической партии.

В первой главной фазе развития Советского государства нормы советского гражданского права были использованы Советским государством для подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов, а также для содействия созданию и развитию социалистического хозяйства и обеспечению победы социалистической собственности. Вместе с тем, советское гражданское право первой главной фазы развития Советского государства было направлено и на охрану зародившейся со времени Великой Октябрьской социалистической революции, а затем получившей быстрое развитие личной собственности, производной от социалистической собственности.

Уже в первые годы существования Советского государства была осуществлена национализация капиталистической частной собственности. Переход к государству экономических командных высот (земли, недр, лесов, вод, заводов, банков, железных дорог и т. д.) дал возможность заложить основы построения социалистического общества. Экспроприация крупной капиталистической частной собственности разрешала тем самым в отрицательном смысле и вопрос о возможности перехода ее по наследству. Но капиталистическая частная собственность не была ликвидирована полностью. Необходимо было пресечь возможность для перехода ее по наследству. Это и было осуществлено декретом ВЦИК от 27(14) апреля 1918 г. «Об отмене наследования», которым было вместе с тем реализовано программное требование, провозглашенное еще в Манифесте Коммунистической партии, об уничтожении права наследования капиталистической частной собственности. Декрет ВЦИК от 27(14) апреля 1918 г. «Об отмене наследования» (СУ РСФСР, 1918, № 34, ст. 456) являлся одним из звеньев в общей цепи мероприятий Советской власти, направленных на ликвидацию капиталистической частной собственности. Этим декретом наследование капиталистической частной собственности было отменено. Но вместе с тем декрет установил, что, если наследственное имущество не превышает по своей стоимости 10 000 руб., в частности — состоит из усадьбы, предметов домашней обстановки и средств производства трудового хозяйства в городе или деревне, то оно поступает в непосредственное управление и распоряжение имеющихся налицо ближайших родственников и супруга умершего. При этом ни государство, ни местные органы власти в порядок «управления и распоряжения» этим имуществом не должны были вмешиваться, предоставляя всецело его установление самим заинтересованным лицам. При таких условиях, по существу, имели

¹ Подробное изложение развития советского наследственного права дается Н. В. Рабинович в коллективной работе «История советского гражданского права», гл. V. М., Юриздат, 1949.

место отношения, которые возникают из отношений собственности, переходящей от умершего к его наследникам. Поэтому следует признать, что декретом от 27 (14) апреля 1918 г. были заложены основы советского социалистического наследственного права, направленного на охрану наследования трудовой собственности (зарождавшейся личной собственности и мелкой частной собственности единоличных крестьян, ремесленников и кустарей)¹.

Это новое социалистическое наследственное право имело в виду сравнительно узкий круг лиц, к которым имущество могло перейти по наследству и при этом только в порядке наследования по закону, а именно – к пережившему супругу, родственникам по прямой нисходящей и восходящей линии, братьям и сестрам, и притом имевшимся налицо, т. е. находившимся в том месте, где проживал умерший. Таким образом, декрет 1918 г. имел в виду в первую очередь обеспечение членов семьи умершего. Наследования по завещанию декрет 1918 г. не допускал. Такой порядок исключал возможность обхода правил декрета 1918 г.²

Переход к новой экономической политике, означавший допущение в известных пределах капиталистических элементов в промышленности, торговле и в других областях народного хозяйства, но при условии сохранения командных высот народного хозяйства в руках Советского государства, – что обеспечивало победу социалистических элементов над капиталистическими, – естественно, должен был отразиться и на вопросах наследования.

Декретом ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» (СУ РСФСР, 1922, № 36, ст. 423) было признано «право наследования по завещанию и по закону супругами и прямыми нисходящими потомками в пределах общей стоимости наследства 10 000 золотых рублей». Эти положения декрета ВЦИК от 22 мая 1922 г. легли в основу раздела ГК РСФСР – «Наследственное право», действующего (с рядом изменений и дополнений) и до настоящего времени.

¹ Декрет ВЦИК от 27(14) апреля 1918 г. еще не употребляет термина «наследование»; изданный же несколько позже декрет ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» (СУ РСФСР, 1918, № 62, ст. 674) уже трактует переход имущества по декрету от 27(14) апреля 1918 г. как наследование.

² Правовая характеристика этого декрета вызвала в нашей литературе большие споры. См.: Орловский П. Е. Право наследования личной собственности. Советская юстиция, 1937, № 13, стр. 8–10; Рейхель М. О. в учебнике «Гражданское право», ч. II. М., 1938, стр. 449; Давидович А. Основные вопросы советского наследственного права. Ученые записки Моск. юрид. ин-та, вып. I. М., 1939; Серебровский В. История развития советского наследственного права. Сб. Вопросы советского гражданского права. М.–Л., 1945; Рабинович Н. В. в коллективной работе «История советского гражданского права», гл. V. М., 1949.

ГК РСФСР, принятый 31 октября 1922 г. 4-й сессией ВЦИК IX созыва, представлял собою законодательное закрепление в области имущественных отношений грандиозных достижений Великой Октябрьской социалистической революции и первых лет социалистического строительства нашей страны. Допуская в известных пределах в целях восстановления народного хозяйства деятельность капиталистических элементов, ГК должен был содействовать окончательной победе социалистического строя над капиталистическими элементами. Это нашло свое отражение и в нормах наследственного права ГК 1922 г.

Характеризуя нормы наследственного права ГК 1922 г., надо прежде всего указать на присущий им демократизм.

Принцип равенства гражданской правоспособности независимо от пола, расы, национальности, вероисповедания и происхождения, нашедший свое выражение еще в первых декретах Советской власти и закрепленный в ст. 4 ГК РСФСР (и в соответствующих статьях ГК других союзных республик), получает последовательное выражение и в нормах наследственного права. ГК устанавливает полное равенство мужчины и женщины в наследственных правах, равенство наследственных долей при наследовании по закону¹.

По наследству могла переходить не только личная собственность граждан, но и мелкая трудовая частная собственность единоличных крестьян, ремесленников и кустарей, а также еще не ликвидированная окончательно капиталистическая частная собственность. Но, допуская наследование в нетрудовой частной собственности, ГК вместе с тем устанавливал ряд существенных ограничений, направленных против капиталистических элементов.

К числу этих ограничений прежде всего должно быть отнесено положение, в силу которого наследование по закону и завещанию допускалось, как правило, только в пределах общей стоимости наследственного имущества не свыше 10 000 золотых рублей за вычетом всех долгов умершего. Если же общая стоимость наследственного имущества превышала 10 000 золотых рублей, то между государством и лицами, являвшимися наследниками по закону или по завещанию, производился раздел наследственного имущества

¹ В связи с этим следует отметить, что в законодательстве дореволюционной России вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции сохранялось неравенство мужчины и женщины в наследственных правах. До издания закона 3 июня 1912 г. при наследовании по нисходящей линии, если оставались сыновья и дочери, дочь получала $\frac{1}{14}$ из недвижимости и $\frac{1}{8}$ из движимости, а при наследовании по боковой линии женщины совершенно исключались лицами мужского пола по правилу, что «сестра при брате – не наследница». Закон 3 июня 1912 г., имевший целью уравнивание наследственных прав мужчины и женщины, все же сохранил неравное положение мужчины и женщины при наследовании в земельном (внегородском) имуществе; из этого имущества сестра при брате могла получить не более $\frac{1}{7}$ части наследства.

или его ликвидация, причем часть, превышающая 10 000 золотых рублей, переходила к государству.

Другое ограничение наследственного преемства по ГК заключалось в установлении узкого круга наследников по закону. ГК 1922 г. знал только три категории наследников по закону: 1) прямые нисходящие умершего (дети, внуки, правнуки); 2) переживший супруг и 3) нетрудоспособные и неимущие лица, фактически находившиеся на полном иждивении умершего не менее одного года до его смерти. Таким образом, наследниками по закону являлись, в основном, члены семьи умершего гражданина. При отсутствии наследников по закону наследственное имущество переходило к государству в качестве выморочного.

Допуская возможность завещания имущества, ГК 1922 г. существенно ограничивал свободу завещательных распоряжений: имущество не могло быть завещано лицам, не являвшимся наследниками по закону. Принадлежавшее завещателю имущество не должно было выходить за пределы круга его близких родственников и других близких ему лиц, которых законодатель включил в круг наследников по закону. Если же завещатель лишал кого-либо из наследников по закону наследства, то доля лишенного наследства переходила к государству.

Установление предельного размера стоимости имущества, которое могло переходить по наследству, и узкого круга наследников по закону, ограничение свободы завещания, довольно широкое допущение возможности перехода к государству наследственного имущества в качестве выморочного — все это препятствовало образованию крупной капиталистической частной собственности и тем самым способствовало вытеснению и ликвидации капиталистических элементов¹. Вместе с тем нормы наследственного права ГК, обеспечивая переход по наследству к членам семьи умершего его трудовых сбережений и другого принадлежавшего ему имущества, способствовали укреплению права личной собственности и советской семьи.

Быстрое развитие социалистического строительства и неразрывно связанный с этим рост благосостояния трудящихся, а также успешное вытеснение капиталистических элементов дали основание к отмене в 1926 г. предельного размера стоимости имущества, которое может переходить по наследству (постановление ЦИК и СНК СССР от 29 января 1926 г. — СЗ СССР, 1926, № 6, ст. 37).

¹ Этим целям служило и налоговое законодательство. Почти одновременно с принятием ВЦИК ГК РСФСР 11 ноября 1922 г. был издан декрет ВЦИК о наследственных пошлинах (СУ РСФСР, 1922, № 71, ст. 905), устанавливавший прогрессивный налог с имущества, переходящего по наследству. В 1926 г. ставки налога в отношении крупных наследств были сильно повышены. Наследство же стоимостью до 1000 руб. вообще налогом не облагалось.

В связи с восстановлением в РСФСР института усыновления (постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 6 апреля 1928 г. – СУ РСФСР, 1928, № 47, ст. 355) круг возможных наследников был расширен включением в него усыновленных и их потомства. Другим постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 мая 1928 г. (СУ РСФСР, 1928, № 65, ст. 468) был установлен в интересах несовершеннолетних наследников институт обязательной наследственной доли. Оба эти постановления имели важное значение для укрепления социалистических семейных отношений.

Указанное выше постановление ВЦИК И СНК РСФСР от 6 апреля 1928 г. имело своей целью также расширить свободу завещательных распоряжений: было предоставлено право завещать имущество государству и его органам, государственным учреждениям и предприятиям, партийным, профессиональным, кооперативным и другим общественным организациям.

Другие изменения, внесенные в законодательство РСФСР о наследовании в период первой главной фазы развития Советского государства, имели менее принципиальное значение (например, изменение порядка исчисления срока для явки наследников, возложение на нотариальные конторы обязанностей по выдаче свидетельств о праве на наследование).

В других союзных республиках развитие наследственного права шло, в общем, по тому же пути, что и в РСФСР, хотя в нормах наследственного права ГК союзных республик и имелись некоторые расхождения.

Во второй главной фазе развития Советского государства нормы советского гражданского права используются Советским государством для всемерной охраны общественной социалистической собственности и всестороннего развития социалистического хозяйства, в целях содействия неуклонному повышению материального и культурного уровня жизни трудящихся.

Во второй главной фазе развития Советского государства изменяется и природа наследования в СССР. Как указывалось ранее, в первой фазе развития Советского государства по наследству могла переходить не только личная собственность граждан, но и мелкая трудовая частная собственность и даже еще не ликвидированная окончательно капиталистическая частная собственность. С полной ликвидацией капиталистических элементов и уничтожением антагонистических классов наследование капиталистической частной собственности исключено. Личная же собственность, производная от социалистической собственности, становится, по существу, единственным видом собственности, которая может переходить по наследству¹. Это поло-

¹ Как отмечалось выше, удельный вес мелкой трудовой частной собственности в СССР ничтожен. При переходе по наследству мелкой трудовой частной собственности применяются общие нормы наследственного права.

жение и получило свое закрепление в ст. 10 Конституции СССР. На основе Конституции, являющейся юридической базой для всего последующего законодательства, и шло дальнейшее развитие советского наследственного права.

Исключительное значение имело издание еще в условиях Великой Отечественной войны Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1945, № 15), внесшего существенные изменения в советское наследственное право. В связи с полной ликвидацией капиталистических элементов стало возможным расширить круг наследников по закону и предоставить гражданам более широкие права в распоряжении на случай смерти принадлежащим им имуществом. В соответствии с этим Указ от 14 марта 1945 г. устанавливает более широкий круг наследников по закону, расширяет свободу завещания, усиливает охрану интересов несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников.

В целях предоставления гражданам СССР возможности воспользоваться более широкими правами, чем это имело место ранее, на основании ст. 3 Указа от 14 марта 1945 г. действие его было распространено и на наследства, открытые до его издания, но не принятые наследниками и не перешедшие в собственность государства¹.

На основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» были изданы указы президиумами верховных советов союзных республик (Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от 28 мая 1945 г., Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г. и др.), внесшие ряд дальнейших изменений и дополнений в ГК союзных республик.

Разрабатываемый в настоящее время проект ГК Союза ССР должен дать, исходя из принципов Конституции СССР, подробное регулирование

¹ В связи с возникшим на практике вопросом, в течение какого срока лица, входящие на основании Указа от 14 марта 1945 г. в круг наследников по закону, вправе требовать передачи им наследственного имущества, а также – с какого времени наследственное имущество считается принятым наследниками или перешедшим в собственность государства как выморочное, Пленум Верховного суда СССР 11 января 1946 г. принял постановление «О применении ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию»». В этом постановлении Пленум указал, что наследники, не входящие до издания Указа от 14 марта 1945 г. в круг наследников, вправе требовать передачи им наследственного имущества в пределах общих сроков исковой давности, установленных ст. 44 ГК РСФСР и соответствующими статьями гражданских кодексов других союзных республик, со дня открытия наследства при условии, если оно не принято другими наследниками или не перешло в собственность государства как выморочное. Подробный анализ постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1946 г. дан в работе: Г р а в е К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР. М., Госюриздат, 1949.

всех институтов советского наследственного права в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму в целях содействия дальнейшему развитию и укреплению права личной собственности, всемерному упрочению советской семьи.

К созданию нового наследственного права приступили и страны народной демократии, успешно осуществляющие строительство социализма. В странах народной демократии охрана права наследования является одним из конституционных принципов (ст. 11 Конституции Албании, ст. 10 Конституции Болгарии, ст. 8 Конституции Венгрии, ст. 12 Конституции Румынии, ст. 158 Конституции Чехословакии, ст. 12 и 13 Конституции Польши). В некоторых странах народной демократии уже изданы особые законы, регулирующие наследственные отношения: Польский наследственный закон от 8 октября 1946 г., Болгарский наследственный закон от 3 января 1949 г. В Чехословакии наследственное право регулируется ГК Чехословацкой республики, введенным в действие с 1 января 1951 г.

ГЛАВА II

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СОВЕТСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

§ 1. Основания призвания к наследованию

Установление лица, к которому должно перейти после смерти собственника его имущество, может быть предопределено государством в законе: законом точно предусматривается круг тех лиц, к которым может перейти имущество умершего и порядок их призвания к наследованию. Это и есть так называемое наследование по закону.

Наследование по закону К. Маркс называет семейным правом наследования¹, так как оно имеет в виду, в первую очередь, обеспечение интересов семьи. Но государство может предоставить воле собственника установление лица, к которому должно перейти имущество после его смерти. Собственнику предоставляется при жизни право указать в завещании своего наследника, к которому должно перейти в случае смерти собственника принадлежавшее ему имущество. В этом случае имеет место так называемое наследование по завещанию².

ГК РСФСР (и ГК других союзных республик) считает основанием призвания к наследованию: 1) закон и 2) завещание. В силу этого различаются – наследование по закону и наследование по завещанию (ст. 416 ГК). Однако, когда мы говорим, что основанием призвания к наследованию является закон, все же надо считать, что действительным основанием призвания к наследованию является не непосредственно сам закон, а некоторые факты, предусмотренные законом: 1) смерть наследодателя, 2) родство наследника с наследодателем, либо 3) усыновление им наследника, 4) состояние наследника в браке с наследодателем и др. Для призвания данного лица в качестве наследника по

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XIII, ч.1, стр. 338.

² В буржуазном обществе наследованию по завещанию отводится главенствующая роль, хотя формально в ряде буржуазных ГК оно занимает второе место после наследования по закону (например, Французский ГК или Германское гражданское уложение). В Англии и США основная роль, бесспорно, принадлежит наследованию по завещанию. В этом находит свое проявление связь принципа свободы завещаний с принципом свободы частной собственности. Некоторые буржуазные законодательства, кроме наследования по завещанию и наследования по закону, основанием наследования признают еще так называемый наследственный договор, в силу которого наследодатель обязывается оставить свое имущество на случай смерти другой стороне в договоре или третьему лицу (Германское гражданское уложение, Швейцарский ГК). Но это основание наследования имеет на практике значительно меньшее применение, нежели наследование по завещанию и наследование по закону.

завещанию также требуется наличие некоторых предусмотренных законом фактов: 1) смерть завещателя, 2) наличие завещания, 3) вхождение данного лица на момент открытия наследства в круг лиц, в пользу которых может быть сделано завещание и др.

Призвание к наследованию возможно только по тем основаниям, которые предусмотрены законом. Поэтому, если после смерти гражданина принадлежащее ему имущество поступит к кому-либо не по указанным в законе основаниям, то такой переход имущества не может быть признан наследованием со всеми вытекающими из него юридическими последствиями. Так например, если имуществом умершего завладеет лицо, которое по установленным законом правилам не может быть призвано к наследованию, то такой переход имущества умершего к этому лицу не явится наследованием.

Согласно ст. 419 ГК, наследование по закону имеет место во всех случаях, когда и поскольку оно не изменено завещанием.

Статья 419 ГК имеет в виду прежде всего случай, когда гражданин вообще не оставил завещания. В этом случае к наследникам по закону поступит все имущество завещателя. То же самое произойдет, если завещание оказалось недействительным.

Статья 419 ГК допускает и другую возможность — когда гражданин завещает только часть своего имущества; в таком случае завещанная часть имущества поступит к наследникам по завещанию, а незавещанная — к наследникам по закону. Таким образом, в данном случае будет иметь место одновременное наследование как по завещанию, так и по закону.

При этом может случиться, что наследник по завещанию будет одновременно призван к наследованию и по закону: в одной части наследства он будет наследовать как наследник по завещанию, в другой же части наследства — как наследник по закону вместе с другими наследниками, призванными к наследованию по закону. Этот случай специально предусматривается ст. 466 ГК Белорусской ССР, в которой указывается, что «часть имущества, не распределенная завещанием, переходит равными долями ко всем наследникам, в том числе и к тем, которым часть завещанного имущества передается согласно завещанию».

У гражданина А было два сына и дочь. Он завещал дочери половину своего имущества, а о другой половине имущества распоряжения на случай смерти не сделал. Дочь получит половину имущества в качестве наследницы по завещанию. Другая половина поступит к наследникам по закону, в числе которых окажутся два сына и дочь, на долю которой в качестве наследницы по закону придется $\frac{1}{6}$ часть наследства ($\frac{1}{2}:3$). Таким образом, дочь получит $\frac{1}{2}$ наследства как наследница по завещанию и $\frac{1}{6}$ как наследница по закону, а всего — $\frac{4}{6}$, или $\frac{2}{3}$ наследства.

Для того, чтобы быть призванным к наследованию, наследник, назначенный в завещании, должен дожить до открытия наследства. Если ко всему имуществу был назначен один наследник и этот наследник умер ранее завещателя, имущество переходит к наследникам по закону (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску гр. Высоцкого)¹.

Аналогичные последствия наступают и в том случае, когда было назначено несколько наследников и все они умерли ранее завещателя.

Имущество поступит к наследникам по закону и в тех случаях, когда никто из назначенных наследников по завещанию не пожелает принять наследство.

Говоря о наследовании по закону и наследовании по завещанию, следует всегда помнить, что это деление имеет значение только в плоскости призвания данного лица в качестве наследника.

Коль скоро такое призвание по тому или иному основанию состоялось, возникшие отношения по наследованию регулируются нормами наследственного права, в основном, общими как для наследования по закону, так и для наследования по завещанию. В частности, такими общими нормами являются нормы, регулирующие порядок охранения имущества, принятие и отказ от наследства, ответственность по долгам, обременяющим наследство, и др.

§ 2. Открытие наследства

При наследовании весьма важное значение имеет так называемое открытие наследства.

Под открытием наследства понимается наступление таких фактов, которые обуславливают возникновение права наследования. Только с момента открытия наследства возможные предположения, что данное лицо сделается наследником, получают свою реализацию; только с момента открытия наследства у данного лица, ставшего наследником, возникает право принять наследство или отказаться от принятия наследства.

Фактами, влекущими за собой открытие наследства, являются: 1) смерть гражданина и 2) признание безвестно отсутствующего гражданина умершим (ст. 12, 60-а ГК)².

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1944 год. М., 1948, стр. 351–352.

² Дореволюционное русское право, кроме смерти и безвестного отсутствия, признавало основаниями к открытию наследства еще лишение всех прав состояния и пострижение в монашество. Лишение всех прав состояния приравнивалось к «гражданской смерти» осужденного преступника, пострижение в монашество – к естественной смерти лица.

Временем открытия наследства признается день смерти наследодателя. Доказательством факта смерти служит выписка из книги записей актов гражданского состояния¹.

В случае открытия наследства в силу признания безвестно отсутствующего умершим, временем открытия наследства признается день выдачи соответствующего свидетельства нотариальным органом или дата вступления в законную силу определения суда о признании данного лица умершим (в соответствии со ст. 12 ГК).

К моменту открытия наследства устанавливается круг лиц, приобретающих право наследования после смерти данного лица (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 17 января 1947 г. по делу № 36/56)².

К моменту открытия наследства определяется и состав наследства. Судебная коллегия Верховного суда СССР по иску Столяровой признала, что «народный суд при разрешении настоящего дела по существу не обследовал всех обстоятельств дела и не установил точно... какое именно имущество осталось после смерти Столярова». Выяснение же размера имущества «имеет существенное значение для правильного разрешения этого дела, так как с момента смерти Столярова до дня рассмотрения дела прошло около десяти лет», а «как указывает истица, за это время много имущества, находящегося в доме, приобретено ею и ее дочерью Столяровой Марией уже после смерти ее мужа Столярова» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 30 сентября 1947 г. по делу № 816)³.

Местом открытия наследства признается последнее постоянное жилище наследодателя, т. е. место, где наследодатель вследствие своей службы, постоянных занятий или местонахождения своего имущества имел постоянную или преимущественную оседлость (ст. 11 ГК). Место открытия наследства может не совпадать с местом смерти наследодателя, если смерть последовала во время его временного выезда из места постоянного жительства⁴.

Если постоянное местожительство наследодателя неизвестно, что, конечно, случается редко, местом открытия наследства должно быть признано местонахождение наследственного имущества или его основной части.

¹ Порядок записей случаев смерти в книге актов гражданского состояния регулируется правилами Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР (ст. 111–117-а, 124–130) и брачно-семейных кодексов других союзных республик.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1947. М., вып. II, 1947, стр. 23.

³ Судебная практика Верховного суда СССР, 1948. М., вып. I, 1948, стр. 28.

⁴ На практике иногда возникают затруднения при установлении места постоянного жительства наследодателя, когда наследодатель по условиям работы на длительное время переезжает в другое место (но не на постоянную работу). Однако этот вопрос может получить разрешение только путем издания компетентным органом соответствующих разъяснений.

По месту открытия наследства принимаются меры охраны наследственного имущества, выдаются свидетельства о праве наследования и т. д.

Возможны случаи, когда умирают лица, из которых каждое могло бы стать наследником после смерти другого, но конкретные обстоятельства дела не дают возможности установить, кто из них умер раньше другого (например, при гибели от какого-нибудь несчастного случая мужа и жены, отца и дочери и т. д.). В таких случаях следует считать, что эти лица умерли одновременно и, следовательно, никто из них не стал наследником другого. После же смерти каждого из них открывается самостоятельное призвание к наследованию: имущество, принадлежащее мужу, перейдет к его наследникам, имущество жены — к ее наследникам и т. д.

§ 3. Наследодатель и наследник

Наследодателем является гражданин, имущество которого после его смерти переходит в порядке наследования к другим лицам. Если гражданин (наследодатель) сделал в установленной законом форме распоряжение о судьбе принадлежащего ему имущества на случай своей смерти, он называется завещателем, а самый документ, в котором им было сделано такое распоряжение — завещанием. Лицо, к которому непосредственно переходит имущество умершего гражданина, именуется наследником. В зависимости от оснований призвания к наследованию различаются наследники по закону (законные наследники) и наследники по завещанию.

Наследодателем может быть каждый гражданин СССР¹. Но наследование после юридического лица невозможно, поэтому юридическое лицо и не может быть наследодателем. Возможно только прекращение юридического лица в форме его ликвидации или реорганизации, в силу чего принадлежавшее ему имущество может перейти к другому субъекту.

Наследником же может быть как гражданин, так и лицо юридическое.

Наследником может быть любой гражданин СССР², который находился в живых к моменту смерти наследодателя, а в случае признания безвестно отсутствующего умершим — ко дню выдачи нотариальной конторой свидетельства, либо ко времени вступления в законную силу определения суда (прим. к ст. 418 ГК, ст. 12 ГК).

¹ Наследодателем может быть и иностранец, как имевший в момент смерти местожительство в СССР, так и не имевший. См. проф. Л у н ц Л. А. Международное частное право. М., 1949, стр. 321–323.

² О наследовании в СССР иностранцев см. проф. Л у н ц Л. А. Международное частное право, стр. 316.

Хотя примечание к ст. 418 ГК имеет в виду только наследников по закону, но судебная практика распространила требование о том, что наследником может быть только лицо, находящееся в живых к моменту открытия наследства, и на наследование по завещанию.

Верховный суд СССР признал недействительным завещательное распоряжение, сделанное в пользу лица, не находящегося в живых к моменту открытия наследства (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 31 июля 1944 г. по делу № 415)¹.

Закон предоставляет право наследования лицам, зачатым при жизни наследодателя, но родившимся после его смерти (прим. к статье 418 ГК). Если же данное лицо было зачато после смерти наследодателя, то оно не может пользоваться наследственными правами (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 27 июля 1942 г. по делу № 619)². Но, тем не менее, отсюда не следует делать вывода, что ребенок в утробе матери уже является субъектом права наследования. Закон охраняет долю в наследстве зачатого, но еще не родившегося ко времени открытия наследства наследника только как будущего, возможного субъекта³. Если ребенок рождается живым, он становится наследником и притом с обратной силой ко времени открытия наследства; если же он рождается мертвым, то он считается юридически не существовавшим. Ребенок становится наследником, хотя бы он прожил после своего рождения всего несколько минут.

Примечание к ст. 418 ГК говорит о лицах, ко времени открытия наследства еще не родившихся, но уже зачатых. Поэтому под этими «лицами» не следует обязательно иметь в виду только детей самого наследодателя (как это было сказано в прежней редакции примечания к ст. 418 ГК). Такими лицами могут быть, например, и внуки наследодателя или его братья или сестры, которых он может назначить своими наследниками по завещанию.

Недееспособность гражданина (возраст, душевная болезнь и т. д.) не оказывают влияния на его право стать наследником. Необходимые юридические действия вместо него совершают его законные представители (родители, опекуны).

Допускаемая советским законодательством в известных случаях возможность лишения гражданина по суду отдельных политических и гражданских прав (ст. 31 УК РСФСР) не затрагивает прав гражданина как наследника. Однако иногда высказывается взгляд, что в тех случаях, когда данный

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1944 год. 1948, стр. 351.

² См. проф. Орловский П. Е. Практика Верховного суда СССР по гражданским наследственным делам. М., 1947, стр. 7.

³ См. проф. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950, стр. 51.

гражданин будет лишен судом родительских прав вследствие явно злостного пренебрежения своими родительскими правами, то следует отстранить такого гражданина от наследования после своих детей. Этот взгляд не лишен известного основания.

Судебная практика, «исходя из сущности и основания права наследования», признала, что «умышленное и наказуемое по УК убийство наследодателя лишает совершившего это убийство наследника права наследования в имуществе убитого» (постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 7 июня 1926 г., протокол № 9)¹.

Что касается юридических лиц, то они могут быть только наследниками по завещанию.

§ 4. Наследство (наследственное имущество)

В советской юридической литературе принято понимание наследства как совокупности имущественных прав и обязанностей наследодателя².

Таким образом, наследство, или наследственное имущество, понимается как некое единство, в состав которого входят и принадлежавшие умершему гражданину права (актив) и его долги (пассив)³.

Такая юридическая формула, не говоря уже о ее крайней абстрактности, нам представляется не соответствующей существу отношений, лежащих в основе института наследования в СССР.

В СССР, где осуществлен принцип социализма – «от каждого по его способности, каждому – по его труду», где право на труд обеспечивается

¹ См.: ГК РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постановлений систематизированных материалов. М., Госюриздат, 1950, стр. 261.

² Гражданское право, т. II. М., 1938, стр. 446; Учебник гражданского права, т. II. М., 1944, стр. 274; Ландкоф С. Н. Основы гражданского права. М., 1948, стр. 403. См. также: Переский И. С. ГК РСФСР. Комментарий, вып. VI. Наследственное право. М.–Пг., 1924, стр. 7; Амфиетров Г. Н. Право наследования личной собственности. М., 1946, стр. 8; Брауде И. Л. Право на строение и сделки по строениям. М., 1950, стр. 28.

³ **А к т и в** – это то наличное имущество, которое принадлежало наследодателю, а также принадлежавшие ему имущественные права. Поэтому несколько узко определяет актив М. М. Агарков, указывая, что в составе актива к правопреемнику переходят как вещные, так и обязательственные права предшественника. Помимо вещных и обязательственных прав к правопреемнику (в данном случае к наследнику) переходят и имущественные права, возникшие у предшественника (наследодателя) в связи с созданным им произведением литературы, науки и искусства или со сделанным им изобретением. **П а с с и в** – это долги наследодателя, его обязанности по обязательственным требованиям. Что касается обязанностей наследодателя, вытекающих из вещных и других абсолютных прав третьих лиц, то не приходится говорить о переходе их к преемнику (наследнику), так как преемник и сам является связанным (так же, как и всякий и каждый) в отношении этих прав. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Ученые труды ВИЮН, вып. III. М., 1940, стр. 24–25.

социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы (ст. 118 Конституции Союза ССР), каждый трудоспособный гражданин не только может обладать известным имуществом, но и действительно им обладает.

В целях обеспечения материального положения трудящихся советским законодательством установлены специальные льготы, в силу которых в случае обращения взыскания на имущество должника на некоторые виды имущества взыскание не может быть обращено.

Перечень видов имущества, на которое не может быть обращено взыскание, устанавливается Советом Министров союзной республики (ст. 271-а ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик).

Имущество гражданина – это совокупность принадлежащих ему реальных ценностей. В число этих ценностей входят, в первую очередь, различные материальные объекты (вещи); могут входить и другие объекты, например, права требования. Но, во всяком случае, в состав имущества не могут входить долги, а тем более не может имущество состоять из одних долгов.

Иное дело в капиталистических странах, где миллионы людей обречены на безработицу, лишены всех средств существования. Чтобы доказать, что у людей, у которых нет ничего, кроме долгов, есть имущество, буржуазные юристы создали понятие так называемого «отрицательного имущества». Так например, Планиоль указывает, что имущество не должно представлять собою обязательно положительную ценность, оно «может быть и пустым кошельком, в котором ничего нет»¹. С точки зрения буржуазных юристов, имущество выступает, таким образом, как некое абстрактное юридическое единство, которое в известных случаях может даже состоять из одних долгов. Оказывается, и капиталист – банкир или предприниматель, обладатели крупных капиталов, – и рабочий, у которого ничего нет за душой, оба имеют имущество. Таково лицемерие буржуазного юриста. Вполне очевидно, что и советскому правосознанию, и советскому законодательству абсолютно чуждо представление, что имущество гражданина может состоять из долгов, да это и вообще нелепо в условиях социалистического общества.

Не находит себе подтверждения понимание наследства как совокупности имущественных прав и обязанностей наследодателя и в действующем законодательстве.

Статьи 418, 420, 422–423, 428–436 ГК употребляют как синонимы термины «наследство», «наследственное имущество» и просто «имущество», но нигде не упоминают о наследственном имуществе или наследстве как о сово-

¹ P l a n i o l . Traité élémentaire de droit civil, t. I, 1925, p. 679.

купности имущественных прав и обязанностей наследодателя. Если же мы обратимся теперь к той статье ГК, которая ближе всего касается интересующей нас проблемы, — к ст. 434, то мы прежде всего должны будем констатировать, что в этой статье идет речь лишь об ответственности наследника «по долгам, обременяющим наследство». Долги являются, таким образом, только «обременением» наследства, но не его составной частью. Долги могут уменьшить наследственное имущество (наследство), даже полностью его исчерпать, но сами в состав наследственного имущества не входят. Если бы долги входили в состав наследственного имущества, то они уже никак не могли бы «обременять» его.

Что долги наследодателя не являются составной частью наследства, явствует также из правила ст. 434 ГК, согласно которому наследник отвечает «по долгам, обременяющим наследство, лишь в пределах действительной стоимости наследственного имущества» (под стоимостью, очевидно, может пониматься только актив наследства). Если бы долги входили в состав наследственного имущества, то было бы странно говорить об ограничении ответственности наследника по долгам наследодателя стоимостью наследственного имущества. «Долги» наследодателя и его «наследственное имущество» (актив) здесь совершенно определенно противопоставляются друг другу.

Не включают долги в состав наследства и «правила перехода к государству наследственных имуществ», утвержденные СНК РСФСР 28 декабря 1943 г., указывающие, что «в состав выморочного имущества входит как наличное имущество наследодателя, так и имущество (в том числе денежные суммы), следуемые ему от третьих лиц (ст. 17 Правил)». Из этого видно, что «Правила» включают в состав наследства только «наличное имущество», под которым надо понимать вещи (материальные объекты — жилой дом, наличные деньги и т. п.) и права требования к другим лицам (т. е. только актив). Далее, в ст. 18 тех же «Правил», указывается, что «из общей стоимости выморочного имущества» финансовый отдел, в соответствии со ст. 434 ГК, производит выплату: а) сумм, причитающихся с наследодателя по налогам и сборам; б) долгов наследодателя и др. Эти долги наследодателя, согласно ст. 434 ГК, будут только «обременять» наследственное имущество, перешедшее в собственность государства¹.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что, с точки зрения советского права, долги умершего во всяком случае не входят в состав принадлежавшего ему имущества.

Выше мы указывали, что имущество — это совокупность реальных ценностей, принадлежащих данному лицу. При наследовании от наследодателя к наследнику переходят принадлежавшие наследодателю права на эти реаль-

¹ См.: ГК РСФСР. Постатейные материалы. М., Юриздат, 1948, стр. 264–265.

ные ценности. Поэтому, с юридической точки зрения, наследство, или наследственное имущество, может рассматриваться как совокупность имущественных прав, принадлежавших умершему гражданину (наследодателю), переходящих после его смерти к наследникам¹.

Определение точного состава и стоимости наследственного имущества имеет очень важное практическое значение. Только определив состав и стоимость наследственного имущества, можно указать размер доли наследника в наследственном имуществе, установить, какие именно предметы входят в эту долю. Действительной стоимостью наследственного имущества ограничивается ответственность наследника по долгам, лежащим на наследстве. Предварительное определение состава и стоимости наследственного имущества необходимо при уплате государственной пошлины в связи с получением в нотариальной конторе свидетельства о праве наследования, подтверждающего права данного лица как наследника.

Как правило, все имущество умершего гражданина и является наследственным имуществом (иногда оно называется еще наследственной массой). Однако в некоторых случаях имущество умершего гражданина и наследственное имущество могут не совпадать.

Но прежде нам надо установить, какие же имущественные права умершего гражданина переходят к его наследникам. К числу таких имущественных прав мы должны, в первую очередь, отнести принадлежавшие умершему гражданину права личной собственности на объекты, перечисленные в ст. 10 Конституции СССР, – на трудовые доходы и сбережения, на жилой дом, на предметы домашней обстановки и обихода, на предметы личного потребления и удобства. В частности, переходят по наследству принадлежавшие умершему гражданину наличные деньги, облигации государственных займов, мебель, утварь, одежда, обувь, книги, картины и т. д.

Специального внимания заслуживает вопрос о переходе по наследству права личной собственности на жилой дом.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. установил, что «каждый гражданин и каждая гражданка СССР имеют право купить или построить для себя на праве личной собственности жилой дом в один или два этажа с числом комнат от одной до пяти включительно как в городе, так и вне города». Таким образом, поскольку после издания Указа от 26 августа 1948 г. строительство и покупка жилых домов, превышающих

¹ На такой позиции стоит и наша судебная практика. См., например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР, 1943, № 838 по делу Кадыровой к Галеевой, в котором коллегия четко противопоставляет «наследство», «наследственное имущество» – долгам, обременяющим наследство. (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1943 год. М., 1948, стр. 186.)

указанные размеры, не допускается, исключается и возможность перехода таких жилых домов по наследству. Но возникает вопрос, могут ли переходить по наследству жилые дома бóльших размеров, нежели это предусмотрено Указом от 26 августа 1948 г., если такие дома находились в личной собственности граждан еще до издания этого указа? В литературе был дан на этот вопрос утвердительный ответ¹, который нам кажется правильным, поскольку Указу от 26 августа 1948 г. не придана обратная сила.

Другим вопросом, возникающим в связи с переходом по наследству жилых домов, является вопрос о применимости при переходе жилых домов по наследству ст. 182 ГК, согласно которой жилые строения могут быть предметом запродажи и купли-продажи с тем, чтобы: 1) в результате этих сделок в руках покупателя, его супруга и несовершеннолетних детей не оказалось двух или более владений; 2) от имени продавца, его супруга и несовершеннолетних детей совершалось отчуждение не более одного владения в течение трех лет. Этот вопрос неоднократно возникал в судебной практике и вызывал споры в литературе². Ясное разрешение он получил в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г. «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» и других вопросах наследования». В п.11 этого постановления Пленума Верховного суда СССР указывается, что при наследовании жилых строений как по закону, так и по завещанию ст. 182 ГК РСФСР (и соответствующие статьи ГК других союзных республик), касающаяся ограничения перехода строений по договорам, не применяется. Постановление Пленума Верховного суда СССР было принято до издания Указа от 26 августа 1948 г., но, как нам кажется, нет оснований к признанию его утратившим силу в этой части.

Кроме права личной собственности на объекты, указанные в ст. 10 Конституции Союза ССР, гражданин мог при жизни обладать и другими имущественными правами, возникшими по разным основаниям. Он мог быть автором литературного, научного или художественного произведения или изобретателем. В силу этого ему принадлежало право на вознаграждение за использование созданного им произведения или изобретения. Это имущественное право автора литературного, научного или художественного произведения или изобретателя также переходит к их наследникам.

¹ См.: Б р а у д е И. Л. Право на строение и сделки со строениями. М., 1950, стр. 59. Очевидно, аналогичный вывод следует сделать и в отношении жилых домов, возведенных ранее на началах договора застройки, а в настоящее время принадлежащих гражданам на праве личной собственности.

² См. проф. О р л о в с к и й П. Е. Право собственности и практика Верховного суда СССР. Социалистическая собственность, 1944, № 9–10, стр. 12; А м ф и т а т р о в Г. Н. О праве личной собственности. Социалистическая законность, 1945, № 8, стр. 11–13.

По общему правилу, по наследству переходят права требования, возникшие из различных договоров: право требования о выплате по трудовому договору заработной платы, которую не успел получить умерший, право требования об уплате денег, данных взаймы наследодателем, права гражданина – собственника жилого дома по договору жилищного найма в отношении нанимателя¹ и др.

По наследству может перейти право на возмещение убытков в связи с невыполнением договора или причинением вреда имуществу гражданина, право требования по исполнительному листу, выданному судом. По наследству может перейти право на открывшееся, но еще не принятое наследником в установленный срок наследство. В случае смерти наследника в период между открытием и принятием наследства это право переходит по наследству к его собственным наследникам².

В порядке наследственного преемства к наследнику переходит право на вступление в дело по уже предъявленному наследодателем иску, если только производство по данному делу не подлежит прекращению в силу смерти стороны (если спор шел о правах, которые не могут перейти к другому лицу в порядке наследственного преемства; см. далее).

Вполне понятно, что в состав наследственного имущества может войти только то имущество, которое принадлежало умершему гражданину на законных основаниях. Как указал Верховный суд СССР, «закон предусматривает переход в порядке наследования только объектов права личной собственности, принадлежащих наследодателю на законных основаниях, и во все не допускает перехода в порядке наследования имущества, находящегося на хранении, добытого преступным путем, если это доказано, и т. д.» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 11 октября 1944 г. по делу № 670)³.

Какие же права, принадлежавшие умершему гражданину, не включаются в состав наследственного имущества и не переходят по наследству?

В состав наследственного имущества не включаются принадлежавшие умершему личные имущественные права – права на блага, неотделимые от личности.

¹ Однако то обстоятельство, что истец в порядке наследования получил дом, не может служить основанием для выселения ответчика, если истец имеет для себя и членов его семьи другую жилплощадь и в жилплощади не нуждается (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 15 января 1948 г. Судебная практика Верховного суда СССР, 1948. Вып. IV. М., 1948, стр. 13).

² См. гл. VI наст. работы.

³ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1944 год. М., 1948, стр. 352.

Не переходит по наследству, например, право на имя (фамилию). Имя (фамилия), по общему, правилу присваивается детям еще при жизни их родителями. Нельзя передать по наследству права авторства; наследник автора литературного или иного произведения делается преемником в имущественных правах автора, но не может считаться автором данного произведения.

Однако не только такие личные неимущественные права не переходят по наследству. Не переходят по наследству и не включаются в состав наследственного имущества и некоторые чисто имущественные права. К числу таких, не переходящих по наследству имущественных прав, надо, в первую очередь, отнести имущественные права, которые, будучи тесно связаны с личностью кредитора или должника, не могли перейти в порядке правопреимства и при жизни наследодателя. Так например, не переходят по наследству права по договору поручения; согласно ст. 260 ГК, договор поручения прекращается в силу смерти доверителя или поверенного. Однако имущественные права, уже приобретенные умершим при его жизни в связи с выполнением этого договора, передаются по наследству; например, передается по наследству право поверенного на получение обусловленного вознаграждения.

Не может перейти по наследству принадлежащее данному лицу право пожизненного пользования вещью: это право неразрывно связано только с данным лицом и не может быть уступлено им другому лицу.

Не может быть уступлено при жизни управомоченного лица и в соответствии с этим не переходит по наследству право на получение алиментов. Право на получение алиментов является правом, неразрывно связанным с данным лицом (ребенком, нетрудоспособным и неимущим супругом и т. д.). Не переходит по наследству право на получение пособия по многодетности.

Не переходят по наследству права, вытекающие из акта отвода земельного участка под индивидуальное строительство. Для передачи таких прав (и обязанностей) в порядке наследования, так же как и при передаче их при жизни землепользователя, необходимо подтверждение соответствующего земельного органа, даваемое в форме надписи на акте отвода¹.

Имеются и другие имущественные права, которые также не включаются в состав наследственного имущества умершего гражданина и не переходят по наследству.

Не переходит по наследству право на долю умершего члена колхозного двора в имуществе двора. В случае смерти члена колхозного двора наследование в имуществе колхозного двора не открывается; доля умершего члена колхозного двора из имущества двора не выделяется, а остается в личной собственности колхозного двора. Таким образом, к имуществу колхозного

¹ См.: Б р а у д е И. Л. Право на строение и сделки со строениями. М., 1950, стр. 28.

двора в случае смерти члена этого двора правила ГК о наследовании не применяются. Общие правила ГК о наследовании по закону и по завещанию применяются только в случае смерти последнего (единственного) представителя колхозного двора (§ 120 Инструкции МЮ РСФСР о применении Положения о государственном нотариате от 2 февраля 1948 г.).

В определении от 27 июня 1945 г. по иску П. В. Ягодкиной и других о праве наследования Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала, что «поскольку хозяйство умершей Ежиковой Е. С. перестало существовать как крестьянский двор и поскольку умершая Ежикова являлась последним представителем этого двора, суд правильно пришел к выводу, что настоящее дело подлежит разрешению по нормам гражданского права»¹.

В определении от 21 ноября 1951 г. по делу № 36/989 по иску М. А. Мурсаловой к К. О. Мурсаловой Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала, что «суду надлежало выяснить, относится ли спорный дом к хозяйству городского типа или составляет собственность сельскохозяйственного двора, в зависимости от чего и решить вопрос о праве сторон на это имущество. Если спорный дом составляет собственность сельскохозяйственного двора, то поскольку после смерти мужа истицы в хозяйстве остались проживать другие члены двора, у истицы отсутствует право на спорный дом, так как в сельскохозяйственном дворе наследство открывается только в случае смерти последнего члена двора. Если же спорный дом относится к хозяйству городского типа, то суду надлежит установить, принадлежал ли дом мужу истицы, и разрешить спор в соответствии с законодательством о праве наследования».

Иначе обстоит дело с переходом по наследству имущества, находящегося в личной собственности отдельного члена колхозного двора (обувь, одежда, музыкальные инструменты и т. п.). К этому имуществу применяются общие нормы наследственного права, предусмотренные ГК (§ 121 Инструкции МЮ РСФСР о применении Положения о государственном нотариате от 2 февраля 1948 г.). На основании разъяснения Президиума Верховного суда РСФСР от 3 марта 1932 г. (протокол № 7), к личному имуществу колхозника, переходящему, согласно правилам ГК, к наследникам умершего, относится и право на вознаграждение за выработанные колхозником трудодни, которое умерший при жизни не успел получить с колхоза.

Аналогичные правила применяются по отношению к общему имуществу единоличного крестьянского двора, а также к личному имуществу члена единоличного крестьянского двора.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1945. Вып. VII (XXIII). М., 1946, стр. 20.

Не допускается переход по наследству права участия в кооперативной организации, но в случае смерти члена кооперативной организации его наследники имеют право на получение паевых взносов умершего¹.

Не подлежит включению в общую наследственную массу пенсия, которую пенсионер не успел получить до своей смерти. Право на получение не полученной суммы пенсии предоставляется несовершеннолетним детям, усыновленным, братьям и сестрам пенсионера до достижения ими 16 лет, его нетрудоспособным детям, усыновленным, братьям и сестрам, утратившим трудоспособность до достижения 16-летнего возраста, и его родителям, усыновителям и супругу, независимо от их трудоспособности (Разъяснение НКЮ РСФСР и НКТ РСФСР от 5 сентября 1928 г.)². Но перечисленные лица получают неполученную умершим пенсионером сумму пенсии не как наследники, а как члены семьи умершего пенсионера.

Не переходят по наследству права, вытекающие из договора найма жилого помещения: члены семьи умершего пользуются правом на жилую площадь не в порядке наследственного преемства, а на основании своего самостоятельного права на жилую площадь.

Специального внимания заслуживает вопрос о включении в состав наследственного имущества вкладов, внесенных в сберегательные кассы и кредитные учреждения.

На основании ст. 436 ГК, вкладчикам, вносящим вклады в сберегательные кассы и кредитные учреждения, предоставляется право указывать лицо или лиц, которым должен быть выдан вклад в случае смерти вкладчика. Указания эти должны быть сделаны в письменной форме в соответствии с существующими правилами, предусмотренными Инструкцией Министерства финансов СССР № 901 от 20 июня 1949 г. по приему, хранению и выдаче вкладов государственными трудовыми сберегательными кассами. Лицами, которым должен быть выдан вклад, могут быть как отдельные граждане, независимо от того, являются ли они наследниками вкладчика, так и юридические лица.

¹ См., например, ст. 18 Примерного устава сельского потребительского общества, утвержденного в 1939 г. Особые правила установлены для жилищно-строительной кооперации. Согласно ст. 23 Примерного устава жилищно-строительного кооператива, утвержденного в 1939 г., пай умершего члена кооператива переходит к его наследникам, причем члены семьи, проживающие в принадлежавшем умершему жилом помещении, имеют преимущественное право пользования этим помещением при условии вступления кого-либо из членов семьи в состав кооператива. И. Л. Брауде правильно указывает на редакционную неточность ст. 23 Примерного устава ЖСК, поскольку принадлежать члену кооператива помещение в доме кооператива не может, речь идет о праве пользования, вытекающем из права на пай. Правовое регулирование жилищно-строительной кооперации. Вестник Моск. ун-та, 1951, № 4, Серия общ. наук, вып. 2.

² Законодательство о труде. Комментарий. М., 1947, стр. 282.

В тех случаях, когда вкладчик не сделал вышеуказанного заявления сберегательной кассе или кредитному учреждению на случай своей смерти, такие вклады переходят к его наследникам на общих основаниях, т. е. с соблюдением общих правил, установленных ГК для наследования по закону и по завещанию.

Как указывается далее в ст. 436 ГК, эти вклады не входят в состав наследства и на них не распространяются общие правила ГК о наследовании. Получающим указанные вклады, если они относятся к числу наследников вкладчика, эти вклады не засчитываются при определении размера их наследственной доли.

Таким образом, в зависимости от того, сделал ли вкладчик сберегательной кассе в установленной форме заявление о выдаче после его смерти вклада определенному лицу или не сделал, возникают различные юридические последствия. В первом случае внесенный в сберегательную кассу вклад не входит в состав наследства и на него не распространяются нормы наследственного права. Во втором случае внесенный в сберегательную кассу вклад переходит к наследникам вкладчика по общим правилам ГК, установленным для перехода имущества по наследованию¹.

По наследству переходят только те имущественные права, которые принадлежали умершему при жизни. Поэтому права, не принадлежавшие наследодателю при его жизни, а возникшие для его наследников именно в силу его смерти, в состав наследства не включаются. Характерным примером в этом отношении может служить договор страхования жизни, заключенный страхователем на случай своей смерти в пользу кого-либо из членов своей семьи (жены, детей). В этом случае страховая сумма, выплачиваемая им Госстрахом, не входит в наследственную массу (ст. 375а ГК); право же на

¹ Среди советских юристов существует два основных взгляда на юридическую природу взаимоотношений, возникающих между сберегательной кассой и вкладчиком, сделавшим в установленной форме заявление сберкассе о выдаче вклада после смерти вкладчика определенному лицу. Одни считают, что заявление вкладчика надо рассматривать в качестве особой упрощенной формы завещательного распоряжения (см. Р е й х е л ь М. О. в учебнике «Гражданское право», ч. II. М., 1938, стр. 464; ср. также «Устав государственных трудовых сберегательных касс СССР», 1948; Инструкция МФ СССР по приему, хранению и выдаче вкладов государственными трудовыми сберегательными кассами от 20 июня 1949 г.). По мнению других юристов, в данном случае имеет место не завещательное распоряжение, а договор в пользу третьего лица, предусмотренный ст. 140 ГК (см. С е р е б р о в с к и й В. Советское гражданское право, т. 2. М., 1951, стр. 439–440; Л у н ц Л. А. Ученые записки ВИНУ. – 1947, вып. VI, стр. 84; Л у н ц Л. А. Международное частное право. М., 1949, стр. 316–317; А н т и м о н о в Б., Г е р з о н С., Ш л и ф е р Б. Наследование и нотариат. М., 1946, стр. 16–17). Но как бы ни квалифицировать юридическую природу отношений, возникающих при указании вкладчиком сберегательной кассе лица, которому должен быть выдан вклад в случае смерти вкладчика, совершенно бесспорным является тот факт, что, по действующему законодательству, такой вклад не включается в состав наследственного имущества.

получение этой суммы является правом, непосредственно принадлежащим членам семьи страхователя, указанным в договоре страхования.

§ 5. Наследование (наследственное преемство)

Как уже указывалось, под наследованием, или наследственным преемством понимается переход имущества умершего к другому лицу или к другим лицам – его наследникам. Но так как имущество умершего (наследство, наследственное имущество), как было ранее установлено, с юридической точки зрения, представляет собою совокупность принадлежащих наследодателю имущественных прав, то наследование, или наследственное преемство, следует понимать как переход этих имущественных прав от наследодателя к его наследникам. При этом наиболее характерным является то, что наследник делается преемником совокупности принадлежавших умершему гражданину имущественных прав, которые переходят к наследнику, не изменяя своего содержания, а самый переход этих прав осуществляется одновременно и сразу – одним актом. Поэтому наследование и является общим или универсальным правопреемством. Наследник вступает в те права, которыми обладал умерший гражданин: наследник делается собственником жилого дома или домашней обстановки, принадлежавших умершему гражданину, приобретает право требовать уплаты денег, взятых у последнего кем-либо в займы, и т. д.

Но, вступая в права, принадлежавшие умершему гражданину, наследник – правопреемник наследодателя – не нуждается для приобретения каждой отдельной части наследственного имущества в наличии тех условий, которые требуются при приобретении каждой из этих частей имущества в отдельности (в частности, передачи вещей, уступки прав требования и т. д.). Он делается правопреемником умершего в силу одного акта – принятия им наследства. Если же имеется несколько наследников, то каждый из них рассматривается как преемник во всем наследстве, лишь фактически ограничиваемый наличием других таких же универсальных наследников и потому являющийся преемником только в известной доле наследства ($\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и т. д.). Характерная черта универсального наследственного преемства состоит и в том, что универсальный наследник является непосредственным преемником в имуществе наследодателя: наследство переходит от умершего к наследнику не только сразу и одновременно, но и непосредственно от наследодателя.

Что касается ответственности наследника по долгам, обременяющим наследство, то такая ответственность не есть непереносимое свойство универсального наследственного преемства, как это часто считают, а самостоятельный, хотя и находящийся с ним в близкой связи институт наследственного права, существование которого обусловлено специальной нормой закона.

Если бы долги наследодателя являлись составной частью наследства, наследник, к которому перешло наследство, всегда должен был бы нести ответственность по этим долгам в полном их объеме¹. Однако законом может быть предусмотрен иной порядок.

Так, по декрету ВЦИК об отмене наследования от 27 апреля 1918 г. кредиторы умершего удовлетворялись из оставшегося после него имущества только после соответствующих выдач родственникам и супругу умершего. Действующее советское право разрешает проблему ответственности наследника по долгам, обременяющим наследство, иным образом. Согласно ст. 434 ГК, наследник, принявший наследство, отвечает по долгам, обременяющим наследство, лишь в пределах действительной стоимости наследственного имущества. Но возможны и иные способы решения вопроса об ответственности наследника.

Вместе с тем, только по принятии предлагаемого здесь решения вопроса можно объяснить тот факт, что наследник, принявший наследство, несет ответственность не только по долгам наследодателя, но и по некоторым долгам, возникшим в связи с его смертью, т. е. по таким долгам, которые во всяком случае не являются долгами самого наследодателя².

От универсального наследственного преемства надо отличать так называемое частное, или сингулярное, преемство. В отличие от преемника универсального сингулярный преемник не является преемником в совокупности имущественных прав наследодателя, ни в отдельных долях наследства. Сингулярный преемник приобретает только какое-либо отдельное имущественное право, причем это право он получает не непосредственно от наследодателя, а через наследника (наследодатель обязывает наследника выполнить в отношении сингулярного преемника то или иное действие, например, уплатить известную сумму денег, предоставить в пожизненное пользование какую-нибудь часть завещанного наследнику дома и т. д.). В отношении сингулярного преемника не возникает и сложной проблемы об ответственности по долгам наследодателя; сингулярный преемник приобретает только известное право, но к нему не переходят обязанности наследодателя³.

§ 6. Понятие наследственного права и права наследования

¹ Исходя из этой точки зрения русский дореволюционный юрист В.Никольский категорически заявлял, что ответственность *ultra vires hereditatis* есть самое существенное отличительное свойство наследования. Наследование по описи (бенефициарное), по его мнению, противоречит понятию наследования как универсального преемства. — Н и к о л ь с к и й В. Об основных моментах наследования. М., 1871, стр. 52, 55.

² Об ответственности наследника по долгам, обременяющим наследство, см. гл. VIII, § 1 наст. работы.

³ См. гл. IV, § 9 наст. работы.

Ст. 10 Конституции СССР говорит о «праве наследования личной собственности граждан».

Последний раздел ГК РСФСР (и ГК других союзных республик) озаглавлен – «Наследственное право». Таким образом, Конституция и ГК пользуются неодинаковой терминологией, что, как мы в дальнейшем постараемся показать, имеет под собой определенные основания. Но в нашей литературе и судебной практике эти различные термины нередко считаются синонимами. Можно встретить такие выражения: «такому-то гражданину принадлежит право наследования», или же: «такой-то гражданин является обладателем наследственного права», либо: «советское социалистическое наследственное право» и наряду с этим – «советское социалистическое право наследования».

Мы полагаем, что этим понятиям свойственно все же неодинаковое значение. Право наследования – это субъективное право данного лица. Наследственное же право – это совокупность правовых норм, регулирующих известный круг отношений, связанных с наследственным преемством. Поэтому, когда Конституция СССР говорит об охране законом «права наследования личной собственности граждан», она имеет в виду гарантирование субъективных прав граждан при наследственном преемстве. Гражданский же кодекс дает систему норм (ст. 416–436), регулирующих условия и порядок наследственного преемства, меры охраны наследства и т. д. Можно также говорить о наследственном праве в объективном и в субъективном смысле. Наследственным правом в субъективном смысле и будет «право наследования». Как указывалось раньше, советское социалистическое наследственное право (наследственное право в объективном смысле), являющееся частью советского социалистического гражданского права, представляет собою совокупность установленных Советским государством норм, регулирующих условия и порядок перехода по наследству права личной собственности граждан и других принадлежащих им имущественных прав.

Основная масса правовых норм, регулирующих условия и порядок наследственного преемства, содержится (впредь до издания общесоюзного ГК) в ГК союзных республик (раздел «Наследственное право»). Отдельные расхождения в нормах наследственного права ГК союзных республик не имеют принципиального значения (например, о порядке принятия наследства и др.)¹. Вместе с тем надо отметить, что в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» наследственное право союзных республик было в значительной

¹ О расхождениях гражданских кодексов союзных республик по вопросам наследственного права см.: Бахчисарайцев Х. Э. К истории гражданских кодексов советских социалистических республик. Очерки. М., 1948.

степени унифицировано. Некоторые ранее существовавшие расхождения между ГК отдельных союзных республик теперь отпали (например, о круге наследников по закону, об обязательной наследственной доле).

Каково же должно быть место наследственного права в системе советского гражданского права?

В ГК РСФСР (и соответственно в ГК других союзных республик) наследственное право составляет последний раздел (вслед за обязательственным правом). Однако сам по себе этот факт (несмотря на все его значение) не является решающим аргументом для выяснения теоретического вопроса о месте наследственного права в системе советского гражданского права.

Представители вредительской «школки» хозяйственного права пытались свести «наследственное право» к «частноправовой форме социального обеспечения», к какому-то суррогату социального обеспечения. При таком понимании роли наследственного права ему, очевидно, не было места в системе советского гражданского права. Такой вывод, естественно, вытекал из общей вредительской концепции представителей «школки» хозяйственного права, «предсказывавших» отмирание у нас института наследования и вообще стремившихся к ликвидации гражданского права¹. Клеветнический характер этих «учений» особенно очевиден в свете Конституции СССР, прочно закрепившей право наследования в числе прочих прав, принадлежащих советскому гражданину.

Тесная связь, существующая между наследованием и семьей, приводит некоторых авторов к выводу, что наследование является не только институтом гражданского права, но и институтом семейного права².

Что институт наследования тесно связан с семейными отношениями – это не вызывает сомнения. Ближайшими наследниками по закону являются члены семьи умершего. В отношении некоторых членов семьи законом установлены особые правила, гарантирующие их от произвола в распоряжении имуществом со стороны завещателя (право на обязательную наследственную долю). Но следует ли все же отсюда, что наследование должно рассматриваться не только как институт гражданского права, но и как институт семейного права?

Хотя наследниками являются чаще всего переживший супруг и близкие родственники наследодателя, но наследниками по закону могут быть при известных условиях и его дальние родственники, и даже не родственники,

¹ См. акад. В ы ш и н с к и й А. Я. Вопросы теории государства и права. М., изд. 2-е, 1949, стр. 26.

² См.: С в е р д л о в Г. М. О предмете и системе социалистического семейного права. Советское государство и право, 1941, № 1, стр. 67–68. В своем учебнике «Советское семейное право» (Госюриздат, 1951) Г. М. Свердлов уже не поддерживает прежней точки зрения, подчеркивая только тесную связь наследственного права с семейным правом.

если они, будучи нетрудоспособными, находились не менее одного года до смерти наследодателя на его иждивении.

Закон предоставляет право гражданам завещать все свое имущество или часть его государственным или общественным организациям и притом даже в тех случаях, когда у наследодателя имеются наследники по закону.

При полном отсутствии наследников по закону или отказе их принять наследство имущество умершего переходит к государству в качестве выморочного имущества.

Таким образом, в ряде случаев наследственное имущество может перейти после смерти умершего и не к членам его семьи.

В связи с наследованием известные отношения могут возникнуть не только между наследниками – членами семьи умершего, но и между наследниками и кредиторами умершего гражданина (наследодателя). Эти отношения регулируются не нормами семейного, а нормами наследственного права. Нормами наследственного права регулируется также ряд других отношений (связанных с открытием и охранением наследства, принятием наследства наследниками, составлением завещания, оформлением наследственных прав и др.). Все это показывает совершенно ясно неприемлемость предложения считать наследование не только институтом гражданского права, но и институтом семейного права. Несмотря на свою весьма тесную связь с семьей, институт наследования является институтом гражданского права.

Поскольку наследование есть преемство в праве личной собственности, иногда высказывается взгляд, что в системе советского гражданского права наследственное право должно занять место вслед за правом личной собственности. В подкрепление такого взгляда обычно ссылаются на ст. 10 Конституции СССР, в которой говорится одновременно и о праве личной собственности, и о праве наследования личной собственности граждан. Однако, как уже отмечалось, по наследству могут переходить не только права на объекты, указанные в ст. 10 Конституции, но и другие имущественные права, принадлежавшие умершему (в частности, права требования по различного рода договорам). Переходят по наследству имущественные права, возникшие из создания литературного, научного или художественного произведения либо изобретения.

Поэтому нам представляется наиболее естественным считать наследственное право, регулирующее условия и порядок наследственного преемства, последним разделом гражданского права, как бы замыкающим систему советского гражданского права. В этом отношении надо считать систему ГК союзных республик вполне обоснованной.

Значительно более сложным представляется вопрос о «праве наследования», или наследственном праве, в субъективном смысле. Приступая к анализу

понятия «права наследования», надо учитывать, что это понятие имеет два значения: 1) как принадлежащее данному лицу право на приобретение наследства и 2) как право данного лица, возникшее из приобретения им наследства.

Остановимся сначала на первом значении «права наследования». Но предварительно надо установить, с какого момента у наследника возникает право на приобретение наследства. С точки зрения советского права, право на приобретение наследства возникает для наследника только с момента открытия наследства (прим. к ст. 418, ст. 422, 424 и 430 ГК)¹.

При жизни наследодателя (или до объявления его как безвестно отсутствующего умершим) предполагаемые (эвентуальные) наследники никаких прав на могущее открыться в будущем наследство не имеют. Поэтому они не вправе запретить личному собственнику (наследодателю) при его жизни распорядиться принадлежащим ему имуществом и, в частности, завещать его. Не вправе они и требовать при жизни наследодателя выдачи вещей из принадлежащего ему имущества. Гражданин Кривов имел дом в г. Космодемьянске, в котором он проживал с женой и тремя детьми. В 1936 г. жена Кривова умерла и он женился вторично. В 1939 г. по иску районного прокурора народный суд признал дом собственностью детей. После этого сын Кривова предъявил иск о выселении отца из дома на том основании, что отец не является собственником дома. Верховный суд Марийской АССР решение народного суда оставил в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев это дело по протесту председателя Верховного суда СССР, признала решение народного суда и определение Верховного суда Марийской АССР неправильными. В своем определении Судебная коллегия установила, что спорный дом находится в городе и зарегистрирован за Кривовым-отцом, поэтому последний является его собственником. Дети же могут получить право собственности на дом только после смерти отца. Если спорный дом был нажит Кривовым вместе с женой, умершей в 1936 г., то дети имеют право требовать признания за ними права собственности на ту часть дома, которая причиталась их покойной матери, причем наряду с детьми в качестве наследника на эту часть дома имеет право и переживший супруг – гр. Кривов. Вторая часть дома должна принадлежать Кривову, поскольку он является собственником дома и нажил его с покойной женой (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 15 ноября 1947 г. по делу № 1142)².

По тем же причинам не могут предполагаемые наследники отказаться от наследства еще при жизни наследодателя: отказаться от права может только тот, кто его имеет, а предполагаемому (эвентуальному) наследнику

¹ Об открытии наследства см. § 2 гл. II наст. работы.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1948. М., вып. I, 1948, стр. 26.

право на приобретение наследства еще не принадлежит. Итак, право на приобретение наследства возникает для данного лица лишь с момента открытия наследства.

Юридическая природа права наследования, в смысле права на приобретение наследства, весьма своеобразна. Содержание этого права заключается в предоставленном законом призванному наследнику альтернативном правомочии – принять или не принять наследство; последнее он может сделать путем формального акта (подачи заявления об отказе) или путем неформального, фактического непринятия наследства. Таким образом, «право на приобретение наследства», по существу, сводится к праву выбора между принятием и непринятием наследства. Можно ли рассматривать это «право» в качестве субъективного гражданского права? Ответ на этот вопрос в значительной степени зависит от того, что мы будем понимать под субъективным гражданским правом. Если под субъективным гражданским правом будет пониматься только элемент правоотношения, которому всегда должна соответствовать обязанность другой стороны¹, если само существование субъективного гражданского права невозможно без своей противоположности – правовой обязанности², то «право на приобретение наследства» не может быть отнесено к числу субъективных гражданских прав. Это – только одно из отдельных проявлений гражданской правоспособности, к числу которых относится и право совершать договоры, завещания и всякого рода иные сделки³.

Однако возможен и иной взгляд на субъективное гражданское право.

Как правильно замечает проф. С. Н. Братусь, субъективное право нельзя определить только путем указания на обязанность, лежащую на другом лице. И если субъективное право (притязание) проявляется в момент нарушения обязанности – ибо только в этом случае возникает возможность привести в действие аппарат государственного принуждения, – то придется признать, что право собственности не является субъективным правом до тех пор, пока правомочия собственника кем-либо не нарушены⁴. Вывод – лишаящий право собственности свойственного ему богатого содержания, которое не сводится, конечно, к охране нарушенного права собственности судебным порядком.

¹ См.: А г а р к о в М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Ученые труды ВИЮН, вып. III. М., 1940, стр. 69–73.

² См.: И о ф ф е О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949, стр. 62.

³ См.: А г а р к о в М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву, стр. 71–72.

⁴ Б р а т у с ь С. Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав. Советское государство и право, 1949, № 8, стр. 32; Б р а т у с ь С. Н. Субъекты гражданского права, стр. 9.

Существуют и другие субъективные гражданские права, осуществление которых возможно без их нарушения, – авторское право, право изобретателя и др.

Проф. С. Н. Братусь определяет субъективное гражданское право как признанную законом определенную меру возможного поведения лица¹ или как принадлежащую данному лицу определенную возможность и обеспеченность известного поведения². Не входя в ближайшее рассмотрение того и другого определения субъективного гражданского права, мы считаем правильным то, что центр тяжести в этих определениях перенесен на содержание субъективного гражданского права как на возможность совершения известных действий управомоченным лицом.

Исходя из этого понимания субъективного гражданского права, нет оснований не признавать субъективными гражданскими правами принадлежащие данному лицу на основании закона правомочия, заключающиеся в возможности – путем одностороннего волеизъявления – создания, изменения или прекращения правоотношений, причем таким правомочиям не противостоит ничья конкретная обязанность. Сюда должно быть, в частности, отнесено предоставленное законом право на прекращение по воле одной стороны договора и притом даже без обращения к суду. В качестве примера можно указать на предоставление ст. 386 ГК страховщику (Госстраху) права на расторжение договора, если при имущественном страховании опасность или вероятность наступления страхового случая увеличилась во время действия договора по причинам, в нем не предусмотренным³. К числу субъективных гражданских прав должно быть отнесено (вопреки мнению М. М. Агаркова) и предоставляемое должнику законом (ст. 108 ГК) право установления предмета обязательства при альтернативном обязательстве. Равным образом должно быть признано субъективным гражданским правом и право наследника на приобретение наследства, хотя этому праву не противостоит соответствующая обязанность на стороне сонаследников (или третьих лиц)⁴.

Нельзя не обратить внимания и на то, что право наследования в смысле права на приобретение наследства, в свою очередь, может перейти по наследству (см. п.9 Постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 ию-

¹ Советское государство и право, 1949, № 8, стр. 33.

² Б р а т у с ь С. Н. Субъекты гражданского права, стр. 11.

³ ГК РСФСР предусмотрено право на расторжение договора по воле одной стороны не только при договоре страхования; см., например, ст. 145, 155, п. «в» ст. 289.

⁴ Эту точку зрения мы развивали и в своих других работах: «Основные понятия советского наследственного права» (Советское государство и право, 1946, № 7, стр. 20); «Принятие наследства» (Советское государство и право, 1950, № 6, стр. 37).

ня 1947 г.)¹. Фактическая же «возможность» по наследству, очевидно, не переходит².

Рассмотрим теперь другое право наследника – «право, возникшее из приобретения им наследства». Это право наследник приобретает со времени принятия им наследства, т. е. изъявления им согласия на получение наследства. Наследник, принявший наследство, приобретает имущество умершего единым актом – одновременно и сразу. В силу этого он приобретает право собственности, права требования и т. д. на все части имущества наследодателя и даже на такие, о существовании которых он не подозревает. К нему переходят предметы, которыми он, быть может, и не желает обладать. «Право, возникшее из приобретения наследства», является субъективным гражданским правом наследника, охраняемым против всякого и каждого. Объектом этого права является все наследство в целом (так называемая наследственная масса).

Поэтому нельзя согласиться с О. С. Иоффе, что «реальное значение наследственного права состоит не в том, что его носитель вообще имеет данное право, а в том, что последнее является юридическим основанием для возникновения нового права – права собственности. Иначе говоря, наследственное право имеет значение для его обладателя не столько как право, сколько как юридический факт»³. О. С. Иоффе не учел, что наследственное право или, точнее, право наследования, имеет двойное значение: 1) как принадлежащее данному лицу право на приобретение наследства и 2) как право данного лица из приобретения им наследства. И то, и другое право является субъективным гражданским правом, но право данного лица из приобретения наследства, охраняемое против всякого и каждого, возникает только в результате реализации права данного лица на приобретение наследства, что находит свое выражение в акте «принятия» наследником наследства. Другая форма реализации этого права – непринятие наследства очевидно, приводит к обратному результату: право из приобретения наследства для данного лица не возникает.

Но, предоставляя гражданину полную свободу в реализации «права на приобретение наследства» в том или другом направлении («принять наследство» – «не принять наследства»), советское право не допускает возможности уступки наследником принадлежащего ему права на приобретение на-

¹ ГК РСФСР. Постатейно систематизированные материалы, стр. 259.

² Но мы считаем, что С. Н. Братусь все же идет слишком далеко, утверждая, что завещательное распоряжение – осуществление субъективного права собственника («Субъекты гражданского права», стр. 10). Составление завещания, как и совершение какого-нибудь договора, является только проявлением общей гражданской правоспособности, а не субъективным гражданским правом. В частности, «право» на составление завещания или на совершение договора не может перейти по наследству.

³ Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву, стр. 138.

следства другому лицу (кому-либо из наследников или постороннему лицу). Наследник не вправе «продать» или «подарить» возникшее для него в силу призвания к наследованию право на приобретение наследства. Право наследования в смысле права на приобретение наследства является неотчуждаемым.

супруг. При этом не принимается во внимание, жили ли наследники совместно с наследодателем или не жили. Это обстоятельство может иметь значение в известных случаях только для установления размера причитающейся данному наследнику доли в наследственном имуществе, но не затрагивает его прав как наследника.

Основным критерием при установлении круга наследников по закону является факт близкого родства наследника с наследодателем (если не считать супруга и так называемых иждивенцев, которые могут быть и не родственниками): для наследников по нисходящей линии – по общему правилу, не далее 3-й степени (наследование праправнуков – явление крайне редкое), для наследников по восходящей линии – 1-я степень (родители) и для наследников по боковой линии – 2-я степень (братья и сестры). Таким образом, при установлении круга наследников по закону советское право исходит, главным образом, из соображений родственной близости наследника с наследодателем.

2. Ближайшими наследниками являются дети. Их и имеет в виду, в первую очередь, законодатель, когда указывает, кто может быть наследником по закону.

Доказательством, что ребенок происходит от данных родителей является запись о рождении в книгах записи актов гражданского состояния (ст. 25 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и соответствующие статьи кодексов законов о браке других союзных республик). Поэтому для установления прав детей в качестве наследников надо обратиться к их записям о рождении.

Если родители ребенка состоят в зарегистрированном браке, то они оба записываются в книгу записей о рождении, и ребенок является наследником после них обоих, т. е. и после отца, и после матери; при этом не имеет значения, был ли брак зарегистрирован до или после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1944, № 37)¹.

Дети являются наследниками после своих обоих родителей и в ряде других случаев.

Ребенок мог быть рожден от родителей, не состоявших в зарегистрированном браке. Но если затем мать вступает в зарегистрированный брак с лицом, от которого она родила ребенка и которое признает себя его отцом, ребенок приравнивается во всех отношениях к детям, родившимся в зарегистрированном браке (ст. 28 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР). В таком случае делается соответствующая отметка в книге записей актов

¹ К зарегистрированным бракам приравниваются и церковные браки, заключенные в РСФСР до 20 декабря 1917 г., а в местностях, в которых Советская власть установилась позднее этого срока, – до образования органов записи актов гражданского состояния (прим. к ст. 2 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР). В других союзных республиках соответственно применяются иные сроки (на Украине – 20 февраля 1919 г., в Белоруссии – 1 мая 1920 г. и т. д.).

гражданского состояния, и выписка из этой книги служит доказательством рождения ребенка от данных отца и матери, в силу чего он является наследником после них обоих.

Ребенок мог родиться до издания Указа от 8 июля 1944 г. от родителей, не состоявших между собой в зарегистрированном браке; но если лицо, с которым мать состояла в незарегистрированном браке, было записано его отцом в книге записей актов гражданского состояния, то ребенок является наследником и после отца, и после матери (ст. 30 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1944, № 60) было установлено, что в тех случаях, когда фактические брачные отношения, существовавшие до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., не могут быть зарегистрированы, согласно ст. 19 Указа, вследствие смерти или вследствие пропажи на фронте одного из лиц, состоявших в таких отношениях, то другой стороне предоставляется право обратиться в народный суд с заявлением о признании ее супругом умершего или пропавшего без вести лица. В связи с этим возникает вопрос о правах детей, рожденных до издания Указа от 8 июля 1944 г. Приобретают ли они право наследования после обоих родителей или не приобретают? В самом Указе от 10 ноября 1944 г. об этом ничего сказано не было. В директивном же письме НКЮ СССР от 16 ноября 1944 г., № Д-41 делалось предложение судам в случае признания заявления подлежащим удовлетворению – выносить определение о признании заявителя (заявительницы) супругом умершего или пропавшего без вести лица, но никаких других вопросов (о праве на пенсию, пособие, наследство и т. п.) в определении не касаться¹. Некоторые советские авторы решали этот вопрос в том смысле, что признание на основании Указа от 10 ноября 1944 г. заявителя супругом дает основания к приобретению наследственных прав в имуществе лица, погибшего или пропавшего без вести на фронте, только для самого супруга, но не для детей, рожденных до 8 июля 1944 г. во время существования между супругами фактических брачных отношений². Такой вывод надо считать необоснованным, и судебная практика в этом вопросе пошла по другому пути. Постановлением Пленума Верховного суда от 4 августа 1950 г. № 14/10/у «О судебной практике по делам о взыскании средств на содержание детей» было разъяснено судам, что если, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г., «мать ребенка признана судом женой умершего или пропавшего без вести

¹ См.: Вопросы брака и семьи в суде. М., 1949, стр. 22.

² См.: А м ф и т е а т р о в Г. Н. Право наследования в СССР. М., 1946, стр. 13.

лица, то дети, родившиеся от этого брака, считаются детьми умершего или пропавшего без вести на фронте лица» (п. 5 постановления Пленума). Поэтому такие дети также наследуют и после отца, и после матери.

Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. № 12/8/у «О судебной практике по делам о расторжении брака», «права детей, рожденных в браке, признанном впоследствии недействительным, приравниваются к правам детей, рожденных в действительном зарегистрированном браке» (п. 11). В соответствии с этим, дети, рожденные в браке, признанном впоследствии недействительным, являются наследниками после обоих родителей.

Специального внимания заслуживает вопрос о наследственных правах детей, рожденных вне брака.

Буржуазное право исходит из положения о правовом неравенстве брачных и так называемых внебрачных детей. Классовый эгоизм буржуа не допускает уравнивания внебрачных детей с брачными детьми, так как такое уравнивание могло бы повести к нежелательному для буржуа вторжению «посторонних лиц» в его собственность. Этим и объясняются многочисленные ограничения в правовом положении внебрачных детей по буржуазному праву, в том числе и в области наследственного права. Так например, в Англии внебрачные дети наследуют только после своей матери, если у нее нет законных детей. Если же у матери имеются дети, рожденные в законном браке, внебрачные дети от наследования устраниаются¹.

Принципиально иначе решается этот вопрос о правовом положении ребенка, рожденного вне брака, в СССР.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. установил, что при регистрации в органах записи актов гражданского состояния рождения ребенка от матери, не состоящей в зарегистрированном браке, ребенок записывается по фамилии матери с присвоением ему отчества по указанию матери (ст. 21 Указа и соответственно ст. 27 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР). Таким образом, поскольку в записи о рождении ребенка указана лишь мать, ребенок наследует только после своей матери. В этом может заключаться для ребенка, рожденного вне брака, известная материальная невыгода. Но эта невыгода компенсируется той материальной помощью, которую Советское государство оказывает матери ребенка, рожденного вне брака. Одиноким (не состоящим в зарегистрированном браке) матерям выплачивается государственное пособие. Одинокая мать, если она того пожелает, может поместить рожденного ею ребенка на воспитание в детское учреждение, причем содержание и воспитание ребенка в таком слу-

¹ См.: Гражданское и торговое право капиталистических стран. М., 1949, стр. 501–502, 518–521.

чае полностью производится за государственный счет с тем, что одинокой матери предоставляется право в любой момент взять ребенка обратно. «Никакого умаления достоинства личности как гражданина, как члена социалистического общества в отношении ребенка, рожденного матерью, не состоящей в браке, в нашем государстве не допускается»¹.

Для признания наследниками детей, происхождение которых от данных родителей надлежащим образом установлено, не требуется еще каких-либо дополнительных условий, например, совместного проживания с родителями и т. п.

Гр. Богданова предъявила иск в качестве наследницы в имуществе своей умершей матери. Народный суд в иске отказал, и Судебная коллегия Верховного суда Грузинской ССР решение народного суда оставила в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, куда дело поступило по протесту Председателя Верховного суда СССР, решение народного суда и определение Судебной коллегии Верховного суда Грузинской ССР отменила, признав, что суд неправильно отказал Богдановой в иске по тем соображениям, что она 18 лет жила отдельно от матери и не находилась на ее иждивении, так как, согласно ст. 418 ГК Грузинской ССР, для получения наследства не является обязательным совместное проживание детей с родителями и нахождение детей на иждивении родителей (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 25 октября 1941 г. по делу № 983)².

О наследовании внуков и правнуков умершего будет сказано несколько позже (см. § 2 наст. главы).

3. Закон включает в число детей, являющихся наследниками, и усыновленных (ст. 418 ГК). Институт усыновления чрезвычайно развит в СССР. Особенно в широких масштабах стало применяться усыновление во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период, когда трудящиеся нашей страны приняли на усыновление значительное количество детей, лишившихся своих родителей.

Усыновленные и их потомство по отношению к усыновителю и усыновители по отношению к усыновленным и их потомству в личных и имущественных правах и обязанностях приравниваются к родственникам по происхождению (ст. 64 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР).

Вполне естественно поэтому, что усыновленный приобретает те же наследственные права в отношении умершего гражданина (его усыновителя), что и родные дети этого гражданина. Таким образом, у родных детей и усы-

¹ С в е р д л о в Г. М. Советское законодательство о браке и семье. Госюриздат, 1952, стр. 56–57.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1941 год. М., 1947, стр. 115.

новленных имеются одинаковые права на наследственное имущество, оставшееся после смерти этого гражданина.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР отменила определение областного суда, сославшись на то, что А. Т. Лукомская и Г. Т. и Т. Т. Великоцкие не имеют права наследовать имущество, оставшееся после Е. Г. Великоцкой, так как они не являются ее родными детьми. Рассмотрев настоящее дело по протесту Генерального прокурора СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР установила, что в деле имеется копия решения народного суда, согласно которому Г. Т. Великоцкий, Т. Т. Великоцкая и А. Т. Лукомская признаны усыновленными с 1919 г. Т. Великоцким и их мачехой Е. Г. Великоцкой. При наличии такого решения утверждение Судебной коллегии Верховного суда УССР о том, что указанные выше лица не имеют права наследовать в имуществе Великоцкой Е. Г., является необоснованным (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 1 марта 1950 г.). Вопрос о праве наследования усыновленного после усыновителя в тех случаях, когда усыновление надлежащим образом оформлено, не вызывает сомнений, но до последнего времени считался спорным вопрос, утрачивает ли усыновленный право наследования после своих родителей. Вопрос о правовых взаимоотношениях усыновленных с их родителями получил исчерпывающее разъяснение в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 13 октября 1950 г. по делу Колпаковой. Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что с момента усыновления всякая правовая связь между усыновленным и его родителями прекращается и никаких имущественных и лично-правовых притязаний, основываемых на факте кровного родства, ни усыновленный к родителю, ни родитель к усыновленному заявлять в судебном порядке не могут. Отсюда следует сделать вывод, что усыновленный утрачивает после своих родителей и право наследования. Но утрачивает ли усыновленный право наследования и после других своих родственников? Этот вопрос решается прямо только Кодексом законов о браке, семье и опеке Грузинской ССР, устанавливающим, что усыновленные и их потомство утрачивают все права и освобождаются от всех обязанностей по отношению к другим своим родственникам по происхождению (ст. 73). Такое решение вопроса нам кажется вполне последовательным. Присоединяясь к нему, мы высказываемся за то, чтобы в будущем ГК СССР было предусмотрено, что усыновленный утрачивает право наследования не только после своих родителей, но и после других своих родственников по происхождению.

О наследовании нисходящих усыновленного – его детей, внуков см. § 2 наст. главы.

4. В связи с наследованием усыновленных стоит вопрос о наследовании детей, фактически принятых на воспитание и содержание, но формально не усыновленных (ст. 42³ Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР).

Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что если при жизни усыновителя или усыновленного усыновление не было оформлено в надлежащем порядке, то по просьбе заинтересованного лица факт усыновления может быть установлен судом в порядке особого производства (постановление Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. № 9/8/у «О порядке судебного установления фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан»). В случае установления судом факта усыновления лицо, фактически принятое на воспитание и содержание, приобретает право наследования после лица, принявшего его на воспитание и содержание. Однако такие правовые последствия могут иметь место только при наличии прямого соглашения между сторонами о принятии одной из сторон ребенка на постоянное воспитание с иждивением или же при наличии между ними таких фактических отношений, из которых явствует, что в течение длительного времени лицо, не несущее по закону обязанностей по воспитанию и содержанию детей, фактически постоянно (одно или с родителями) воспитывало ребенка, заботилось о нем и содержало его (постановление Пленума Верховного суда СССР от 17 ноября 1950 г. по делу Корниловой с Сайдасановым).

Верховный суд СССР разъяснил также, что если заявление об установлении факта усыновления сделано в целях получения наследственного имущества, уже находящегося во владении другого лица, то такое дело подлежит рассмотрению в общеисковом порядке с вызовом заинтересованных лиц. Гр. Рыхальский обратился в суд с заявлением об установлении факта усыновления его Д. Рыхальским и Е. Рыхальской в целях получения оставшегося после их смерти наследственного имущества. Судебная коллегия Верховного суда СССР указала, что поскольку по данному делу стоит вопрос не только о признании Т. Рыхальского усыновленным, но и о признании его права на наследственное имущество, находящееся в настоящее время во владении Кондратьевых и Ракович, это дело подлежит рассмотрению в общеисковом порядке, а не в порядке особого производства, и суду следует вызвать Н. и С. Кондратьевых и Е. Ракович, которые уже оформили право наследования на имущество, оставшееся после смерти Д. и Е. Рыхальских (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 24 мая 1949 г. по делу № 36/505).

5. Пасынки и падчерицы не являются наследниками после своих отчима и мачехи. Наследниками после отчима или мачехи они могут быть только в тех случаях, если они были ими усыновлены или находились у них на иждиве-

нии (п.7 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г.). Гражданка Кудасова предъявила в народном суде г. Саратова иск о признании за ее дочерью Галиной права наследования на часть дома, оставшегося после смерти Б. А. Гордеева. Обстоятельства этого дела таковы: бабка дочери истицы Строганова находилась в браке с умершим Б. А. Гордеевым, причем при вступлении ее в брак с Гордеевым у нее был сын В. Строганов от другого брака, ставший пасынком Б. А. Гордееву; от брака Строганова В. с Кудасовой родилась дочь Галина, в пользу которой истица и просила присудить долю в имуществе, оставшемся после смерти Гордеева, являвшегося, по утверждению истицы, дедом Галины. Народный суд вынес решение о признании Галины наследницей в половине дома; решение это было Саратовским областным судом оставлено в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев по протесту Председателя Верховного суда СССР настоящее дело, нашла, что В. Строганов и его дети в силу ст. 418 ГК могли бы претендовать на получение наследственной доли в имуществе лишь в том случае, если бы В. Строганов был усыновлен Гордеевым. Но в материалах дела по этому вопросу нет никаких данных. При этих условиях суду при новом рассмотрении дела необходимо проверить, был ли В. Строганов усыновлен Гордеевым. Установление этого обстоятельства имеет значение для признания за дочерью истицы Галиной права на получение наследственной доли в имуществе, оставшемся после смерти Гордеева. На основании изложенного Судебная коллегия отменила решение народного суда и определение областного суда и дело передала на новое рассмотрение в Саратовский областной суд (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 27 октября 1944 г. по делу № 600)¹. Таким образом, Верховный суд правильно поставил вопрос о праве наследования дочери истицы Галины в зависимость от того, был ли ее отец (муж истицы) усыновлен Гордеевым.

6. В СССР широкое применение имеет так называемый патронат – принятие на воспитание детей, оставшихся без родителей. Но в то время как при усыновлении усыновленный приравнивается во всех личных и имущественных правах и обязанностях к родным детям усыновителя, приобретает все права и обязанности родного ребенка, при патронате между воспитателем и патронируемым ребенком не возникает прав и обязанностей, вытекающих из семейного союза. Правовые отношения между усыновителем и ребенком устанавливаются без указания срока; при патронате правовые отношения между ребенком и лицом, проявившим желание взять ребенка на воспитание, устанавливаются по особому договору только на определенный срок

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1944. Вып. X (XVI). М., 1945, стр. 26.

(как правило, до достижения ребенком 14 лет). Ребенок, принятый на воспитание по договору патроната, не получает фамилии воспитателя, сохраняя фамилию отца, не имеет права на получение алиментов с воспитателя, если последний откажется от воспитания, не приобретет права наследования в имуществе воспитателя и его родственников.

Не приобретает также права наследования в имуществе опекуна ребенок, находящийся под опекой. Опекун призван охранять личность и имущество недееспособного, он совершает от его имени те сделки, которые мог бы совершать сам подопечный, если бы обладал дееспособностью (при этом для ряда более важных сделок требуется согласие органов опеки и попечительства). Но опекун все же не приравнивается к родителю, как это имеет место в отношении усыновителя, поэтому подопечный не является наследником после опекуна.

7. Как и дети умершего, его переживший супруг является его ближайшим наследником.

До издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. в тех союзных республиках, в которых регистрация брака не считалась обязательной (РСФСР, БССР и большинство других союзных республик), судебная практика пошла по пути уравнивания наследственных прав фактического и зарегистрированного супруга, при том, разумеется, условии, что фактический брак отвечал требованиям, предусмотренным законом (ст. 11 и 12 Брачно-семейного кодекса РСФСР в редакции, действовавшей до издания Указа от 8 июля 1944 г., и соответствующие статьи брачно-семейных кодексов других союзных республик, признававших фактические браки). Судебной же практикой было признано, что лицо, состоявшее с умершим в фактических брачных отношениях, не может считаться его наследником, если ко времени открытия наследства у умершего был супруг, состоявший с ним в зарегистрированном и не расторгнутом браке¹. В тех же союзных республиках, которые признавали только зарегистрированные браки (Азербайджанская ССР, Туркменская ССР и др.), фактический супруг не приобретал в случае смерти другого супруга право наследования; исключением в этом отношении была УССР, законодательство которой признавало только зарегистрированный брак, но судебная практика пошла по пути признания фактического брака и защиты вытекающих из него отношений, в том числе и наследственных².

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., только зарегистрированный брак порождает права и обязанности

¹ См. проф. Орловский П. Е. Практика Верховного суда СССР по гражданским наследственным делам. М., 1947, стр. 7.

² См. проф. Бошко В. И. Очерки советского семейного права. Киев, Госполитиздат УССР, 1952, стр. 182.

супругов; наследовать после умершего супруга может лишь лицо, состоявшее с ним в зарегистрированном браке.

Как нами указывалось, закон приравнивает к зарегистрированным бракам церковные браки, заключенные в союзных республиках до образования в них органов записи актов гражданского состояния; поэтому переживший супруг, состоявший в таком браке, является законным наследником после умершего супруга (ср. определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 19 октября 1946 г. по делу № 718)¹.

С изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., признавшего законную силу только за зарегистрированным браком, наследование друг после друга лиц, состоявших в фактических брачных отношениях, по общему правилу, исключается. Это положение применяется как к тем случаям, когда фактические брачные отношения возникли после издания Указа от 8 июля 1944 г., так и к тем случаям, когда такие отношения возникли до издания Указа от 8 июля 1944 г. Но, если лица, фактически состоявшие в брачных отношениях до издания Указа от 8 июля 1944 г., оформили свои отношения путем регистрации брака, то в случае смерти кого-либо из них переживший супруг признается его наследником.

На основании вышеупомянутого Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов», фактические брачные отношения, возникшие до издания Указа от 8 июля 1944 г., могут быть установлены судом. В этом случае лицо, признанное супругом умершего, призывается к наследованию. Но при этом надо иметь в виду, что, согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 16 ноября 1951 г. по делу Калошина, Указ от 10 ноября 1944 г. может быть применен в тех отдельных случаях, когда смерть или пропажа без вести одного из супругов произошла в период Отечественной войны или хотя бы и после окончания Отечественной войны, но фактические брачные отношения, возникшие задолго² до издания Указа от 8 июля 1944 г., супруги по независящим от них причинам не могли после издания этого Указа оформить в органах ЗАГСа. Если же они имели возможность оформить свои фактические брачные отношения путем регистрации брака, но этого не сделали, то

¹ См. проф. О р л о в с к и й П. Е. Практика Верховного суда СССР по гражданским наследственным делам. М., 1947, стр. 7.

² Термин «задолго» нельзя, разумеется, признать достаточно определенным. Но, тем не менее, мысль, выраженная в постановлении Пленума Верховного суда СССР, представляется ясной: для признания фактических отношений, возникших между данными лицами до издания Указа от 8 июля 1944 г., брачными требуется, чтобы такие отношения существовали в течение более или менее продолжительного срока.

переживший фактический супруг не может быть признан наследником умершего.

Для признания пережившего супруга наследником не требуется, чтобы до момента смерти другого супруга супруги проживали совместно. Они могли проживать и раздельно (в разных квартирах и даже в разных населенных пунктах).

Судебная практика твердо стоит на той точке зрения, что пока брак не расторгнут, переживший супруг является наследником.

В апреле 1948 г. умер В. С. Кордзадзе. На имущество, оставшееся после смерти Кордзадзе, заявили свои права в порядке наследования: 1) П. Саладзе, с которой Кордзадзе находился в зарегистрированном браке с 1926 г., но с которой, не расторгнув брака, прекратил совместную жизнь в 1936 г.; 2) Автандил, родившийся в 1928 г. от брака Кордзадзе с Саладзе; 3) М. Невзорова, с которой Кордзадзе находился в фактических брачных отношениях с 1936 г. по день смерти; 4) трое детей, родившихся у Невзоровой от Кордзадзе: Тамара, родившаяся в 1937 г., Тереза, родившаяся в 1938 г., и Этери, родившаяся в 1945 г. Народный суд г. Еревана признал наследниками Невзорову и четырех детей Кордзадзе (от Саладзе и от Невзоровой); в иске Саладзе народный суд отказал. Верховный суд Армянской ССР оставил в силе решение народного суда со следующим изменением: наследственное имущество подлежит разделу между тремя наследниками – сыном Автандилом и дочерьми Тамарой и Терезой, родившимися хотя и вне брака, но до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев по протесту Председателя Верховного суда СССР настоящее дело, нашла, что суд неосновательно исключил из числа наследников П. Саладзе, брак которой с Кордзадзе не был расторгнут в установленном порядке и которая поэтому сохранила все права, предоставленные по закону лицам, состоящим в зарегистрированном браке, в том числе и право наследовать после умершего супруга. Судебная коллегия признала, что поскольку из материала дела видно, что дом, входящий в состав наследственного имущества, был построен в 1940 г. совместно Кордзадзе с Невзоровой, последняя имеет право, в силу ст. 65 ГК, на соответствующую долю в доме как общей собственности ее с Кордзадзе. За выделом доли Невзоровой, остальная часть дома должна считаться наследственным имуществом, которое после смерти наследодателя Кордзадзе должно поступить к его наследникам: Саладзе, как пережившему супругу умершего, и его четверым детям, поскольку он записан их отцом в свидетельствах о рождении. По изложенным основаниям Судебная коллегия отменила решение народного суда г. Еревана и определение Вер-

ховного суда Армянской ССР и дело передала на новое рассмотрение Верховному суду Армянской ССР по первой инстанции.

В случае развода разведенный супруг теряет право наследования в имуществе своего прежнего супруга. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР по иску Щербакова к Харитонову признала: «Материалами дела установлено, что супруги Щербаковы были разведены, и имущество между ними было разделено. Поэтому Щербаков не имеет, на основании ст. 418 ГК, права на получение имущества, оставшегося после смерти бывшей жены» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 28 ноября 1941 г. по делу № 1138)¹. Во всяком случае, суды должны при рассмотрении соответствующих дел тщательно выяснять, находилось ли заинтересованное лицо в разводе с умершим или не находилось. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отнесла к числу оснований, вызывающих необходимость в пересмотре дела, то, что «суд не выяснил, являлась ли Рухадзе женой умершего Умуршатына, так как ответчик утверждает, что Рухадзе находилась в разводе с Умуршатыном» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 10 июля 1945 г. по делу № 525)².

При рассмотрении вопроса о праве наследования пережившего супруга существенное значение имеет время прекращения брака в силу развода. Вопрос о времени прекращения брака получил разрешение в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г., № 12/8/у «О судебной практике по делам о расторжении брака». Согласно п.10 указанного постановления Пленума Верховного суда СССР, «регистрация развода в органах ЗАГС может производиться после вступления решения в законную силу. С момента внесения записи о разводе в книгу регистрации разводов брак считается прекращенным».

Таким образом, брак считается прекратившимся не с момента вступления решения о разводе в законную силу, а с момента записи о разводе в книгах записи актов гражданского состояния. С этого момента разведенные супруги утрачивают взаимное право наследования.

На практике возник вопрос, как поступать в тех случаях, если один из супругов умрет после вступления решения в законную силу, но до момента регистрации развода в органах записи актов гражданского состояния. Может ли в таком случае другой супруг считать себя наследником по закону в качестве пережившего супруга? Существующая Инструкция НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г. указаний по этому поводу не содержит. На практике, ко-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1941 год. М., 1947, стр. 114.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1945. Вып. VIII (XXIV). М., 1947, стр. 26.

нечно, могут быть случаи, когда развод не был зарегистрирован в органах ЗАГСа только по случайным причинам; но все же, в точном соответствии с вышеуказанным постановлением Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г., № 12/8/у, в таких случаях брак должен считаться нерас-торгнутым. Поэтому, если один из супругов умрет в период между момен-том вступления в законную силу решения о разводе и моментом регистрации развода в органах записи актов гражданского состояния, переживший супруг сохраняет право наследования в имуществе умершего.

Брак может быть признан недействительным в случае нарушения усло-вий, установленных законодательством для заключения брака (ст. 6 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и соответствующие статьи кодексов законов о браке, семье и опеке других союзных республик), например, при заключении брака с лицом, уже состоявшим в другом зарегистрированном браке. Брак может быть признан недействительным и в случае его фиктивно-сти, т. е. когда все формальные требования закона для заключения брака были соблюдены, но в действительности лица вступили в брак, не имея на-мерения к установлению между ними прав и обязанностей супругов (напри-мер, в целях получения жилплощади). Недействительный брак не может повести к возникновению тех прав и обязанностей, которые возникают для супругов из действительного брака. Поэтому лица, вступившие в брак, при-знанный впоследствии недействительным, не могут обладать и правом на-следования, принадлежащим пережившему супругу в действительном браке.

8. Вопрос о наследовании родителей имеет в СССР свою историю. Еще декрет ВЦИК «Об отмене наследования» от 27 апреля 1918 г. (СУ РСФСР, 1918, № 34, ст. 456), заложивший основы советского наследственного права, допуская возможность призвания к наследованию восходящих умершего, тем самым признавал родителей в качестве наследников (ст. IX декрета). ГК РСФСР 1922 г. не указывает родителей в числе наследников по закону. Од-нако это не означает, что родители вовсе устранялись от наследования. ГК ввел новую категорию наследников по закону — нетрудоспособных и неиму-щих лиц, фактически находившихся на полном иждивении умершего не менее одного года до его смерти (ст. 418 ГК в первоначальной редакции). Об этой категории наследников речь будет идти несколько позже. Сейчас же можно только указать, что если родители умершего отвечали признакам, установленным ст. 418 ГК для «иждивенца», то они могли призываться к наследованию. Таким образом, родители могли наследовать после своих детей лишь в качестве их «иждивенцев». Только ГК Белорусской ССР прямо разрешал наследование родителей, но все же не по закону, а только по заве-щанию (ст. 460 ГК Белорусской ССР).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» установленный ГК порядок был изменен. Указ признал родителей самостоятельной категорией наследников по закону, независимо от того, являлись ли они или не являлись «иждивенцами» умершего. На основании Указа от 14 марта 1945 г. ГК всех союзных республик включили родителей в круг наследников по закону, что вполне соответствует той естественной близости, которая существует между родителями и детьми.

Однако не всегда оба родителя призываются к наследованию после своих детей. В данном случае должно применяться то же правило, что и при наследовании детей после родителей. Для призвания к наследованию по закону отца или матери требуется установление их правовой связи с детьми, доказательством чего является запись о рождении в книгах записи актов гражданского состояния. Если и отец, и мать записаны в книгу записей о рождении, оба они призываются к наследованию после смерти их ребенка. Если же в записи о рождении указана только мать, то в качестве родителя-наследника может быть призвана к наследованию только мать.

При наследовании по закону родителей существенное значение имеет и факт их нетрудоспособности. Нетрудоспособный родитель призывается к наследованию прежде трудоспособного родителя. В силу этого родители не всегда призываются к наследованию вместе (см. далее, § 2).

9. Ст. 418 ГК не указывает усыновителей в числе наследников по закону. Но, поскольку усыновители приравниваются по отношению к усыновленному в личных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению (ст. 64 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР), усыновители являются наследниками после усыновленных.

Могут ли вместе с усыновителями наследовать и родители усыновленного? Очевидно, этот вопрос должен разрешаться аналогично разрешению вопроса о наследовании усыновленного после своих родителей.

Поскольку в силу усыновления всякая правовая связь между усыновленным и его родителями прекращается, родители усыновленного должны утрачивать право наследования после его смерти. В соответствии с высказанным нами мнением, что усыновленный должен утрачивать право наследования не только после своих родителей, но и после других своих родственников, следовало бы признать, что равным образом должны утрачивать право наследования и родственники усыновленного после его смерти.

Указ от 14 марта 1945 г. включил в круг наследников по закону родителей, что явилось, несомненно, вполне обоснованным мероприятием. Нам казалось бы, что следовало пойти несколько дальше по расширению круга наследников по закону в отношении родственников по восходящей линии, включив в круг наследников по закону также дедов и бабок. По действующему законода-

тельству, деды и бабушки являются наследниками по закону, поскольку они попадают под категорию «иждивенцев» наследодателя. Но почему же не признать за ними самостоятельное право наследования? Ведь они являются достаточно близкими родственниками умершего. И если допускаются при наличии известных условий к наследованию внуки и даже правнуки, то почему надо исключать из круга наследников по закону дедов и бабок? Но, включив дедов и бабок в круг наследников по закону, надо установить порядок их призвания – не вместе с родителями умершего, а в следующую за ними очередь.

10. Братья и сестры наследодателя являются его наследниками по боковой линии и притом единственными наследниками по боковой линии. Наследование других родственников по боковой линии – племянников, двоюродных братьев и сестер, дядей и теток и т. д. – не допускается. Братями и сестрами, так сказать, замыкается круг наследников по закону по советскому праву.

Советское законодательство не устанавливает при наследовании по закону какого-либо приоритета в пользу так называемых полнородных братьев и сестер (имеющих общих отца и мать) перед неполнородными, единоутробными (имеющими общую мать, но разных отцов) и единокровными (имеющими общего отца, но разных матерей). И те, и другие обладают правом наследования один после другого и притом независимо от того, имеются ли одновременно и полнородные, и неполнородные братья и сестры. Поэтому, если, например, имеются брат Василий и сестра Елена, рожденные матерью в первом браке, и брат Иван и сестра Ольга, рожденные той же матерью во втором браке, то в случае смерти кого-либо из братьев или сестер при отсутствии других законных наследников первой и второй очереди к наследованию после умершего призываются одновременно все оставшиеся в живых его братья и сестры, независимо от того, являются ли они полнородными или неполнородными. Следовательно, в случае смерти брата Василия будут призваны в качестве наследников не только полнородная сестра его Елена, но и неполнородные (в данном случае единоутробные) брат Иван и сестра Ольга. Так же обстоит дело и при наследовании единокровных братьев и сестер. И в этом случае закон не устанавливает какого-либо преимущества в пользу полнокровных братьев и сестер.

Гр. Рейман и Шерман обратились в суд с иском о признании их наследниками дома, оставшегося в г. Полоцке после смерти их сестры Табачниковой. Спорный дом был занят погрузочной конторой ст. Полоцк Западной ж. д. Народный суд г. Полоцка иск Рейман и Шерман удовлетворил, но Верховный суд БССР решение народного суда отменил на том основании, что истицы не являются наследниками. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев настоящее дело по протесту Председателя Верховного суда СССР, признала, что «поскольку Табачниковы (муж и жена) жили вместе и спорный дом был нажит ими при совместной

жизни, следует прийти к выводу, что если не весь дом целиком, то часть его принадлежала сестре истец и поэтому они вправе на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. претендовать на дом в порядке наследования» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 29 марта 1947 г. по делу № 36/242)¹.

Так называемые сводные братья и сестры, не состоящие в родстве друг с другом, правом наследования один после другого не обладают. Поэтому, например, если у вдовца (или разведенного) имелись дети от первого брака, а затем он женится на вдове (или разведенной), также имеющей детей от первого брака, то эти дети не приобретают права наследования друг после друга.

Статья 418 ГК предусматривает наследование после умершего его братьев и сестер, но не лиц, усыновленных отцом или матерью умершего. Эта норма закона находится в соответствии со ст. 64 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР, в силу которой усыновленные и их потомство приравниваются в своих личных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению только в отношении к усыновителям, а не к их родственникам. Практика, однако, иногда признает усыновленных наследниками детей усыновителя и обратно. Считая, в принципе, целесообразным полное уравнение усыновленного в правах и обязанностях с детьми усыновителя, мы все же думаем, что это может быть достигнуто только в законодательном порядке.

11. Наследниками по закону являются также лица, находившиеся на иждивении наследодателя (его «иждивенцы»).

В число иждивенцев могут войти родственники умершего, не включенные в число наследников по закону (например, двоюродные братья и сестры, дед и бабушка и т. д.), а также и не родственники.

По ст. 418 ГК в редакции, действовавшей до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию», для включения в число наследников по закону данного лица в качестве иждивенца требовалось, чтобы это лицо: 1) было нетрудоспособным и неимущим и 2) находилось на полном иждивении наследодателя не менее одного года до его смерти.

На основании ст. 1 Указа от 14 марта 1945 г. и ст. 418 ГК (в новой редакции) круг иждивенцев – наследников умершего – определяется иначе. Теперь для признания лица имеющим право быть наследником в качестве иждивенца требуется только, чтобы это лицо было: 1) нетрудоспособным и 2) состояло на иждивении умершего не менее одного года до его смерти. Таким образом, Указ от 14 марта 1945 г. (а также ст. 418 ГК в новой редакции) не требует,

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1947. Вып. V (XXXIX). М., 1948, стр. 13–14.

чтобы иждивенец был «неимущим» и находился на «полном» иждивении умершего.

Как указывается в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 19 мая 1945 г. по иску Анисимовой к Перовскому горфо, «новый закон о праве наследования не ставит обязательным условием для иждивенцев полное иждивение, совместное проживание и нуждаемость»¹. Рост материального благосостояния трудящихся СССР, естественно, исключает возможность существования неимущих граждан. Но данное лицо может быть признано состоящим на иждивении наследодателя, если материальная помощь последнего являлась основным источником существования этого лица, оказывалась ему систематически.

Гражданка Силина предъявила в народном суде иск о признании ее наследницей в имуществе, оставшемся после смерти ее племянницы Креслин. Народный суд г. Москвы постановил признать Силину наследницей в имуществе Креслин. Московский городской суд решение народного суда оставил в силе. Но Судебная коллегия Верховного суда РСФСР решение народного суда и определение городского суда отменила и в иске Силиной отказала. По протесту Председателя Верховного суда СССР дело поступило на рассмотрение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР, которая признала, что определение Верховного суда РСФСР подлежит отмене на следующем основании. Материалами дела подтверждается заявление Силиной, что она с 1935 г. находилась на иждивении Креслин. Свидетель Горшков показал, что ему как бывшему мужу Креслин известны взаимоотношения Креслин с Силиной и он знает, что Креслин с 1935 г. систематически помогала своей тетке Силиной. Другая свидетельница, Хвицкая, знавшая Силину и Креслин в течение 10 лет, также удостоверила, что Креслин систематически оказывала Силиной денежную помощь. При наличии таких данных Судебная коллегия Верховного суда СССР признала неосновательным указание Судебной коллегии Верховного суда РСФСР, что Силина не находилась на иждивении Креслин (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 5 февраля 1942 г. по делу № 15)².

С другой стороны, отдельные случаи нерегулярной материальной помощи не могут считаться признаком иждивения. В этом отношении представляет интерес дело по иску И. к Д-вой о признании ее малолетней дочери Ольги наследницей в имуществе, оставшемся после смерти мужа ответчицы Д-ва. Дело это разбиралось в ряде судебных инстанций и после того, как определе-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1945. Вып. VII (XXIII). М., 1946, стр. 19.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1943 год. М., 1948, стр. 264.

нием Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР был отклонен протест Председателя Верховного суда СССР, Председатель Верховного суда СССР внес протест в Пленум Верховного суда СССР. Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Пленум Верховного суда СССР признал протест подлежащим удовлетворению. В постановлении Пленума от 1 апреля 1949 г. указывается, что суд неосновательно признал Ольгу И. наследницей после умершего Д-ва. Ольга И. родилась в 1945 г., после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. Мать Ольги И. с Д-вым в зарегистрированном браке не состояла. Д-в Ольгу И. не усыновлял и отцом ее в книгах записи актов гражданского состояния записан не был. По делу не установлено, что помощь, которую Д-в оказывал И., была основным средством существования И. Поэтому отдельные нерегулярные случаи материальной поддержки, оказываемой Д-вым, не могут считаться доказательством иждивенчества и не создают для Ольги И. права на получение наследства, тем более, что она находилась и находится на иждивении своей матери. Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановил оставить по данному делу в силе решение Московского городского суда, которым в иске И. отказано (постановление Пленума Верховного суда СССР от 1 апреля 1949 г.).

Для признания данного лица имеющим право наследования в качестве «иждивенца» требуется еще, чтобы это лицо состояло на иждивении наследодателя не менее одного года до его смерти.

В 1943 г. в г. Сталинграде умерла гр. Макарова, и наследником ее был признан, по решению народного суда г. Сталинграда, ее муж Макаров. В 1947 г. сестра Макаровой – Россиева – предъявила иск к Макарову о признании ее наследницей в части имущества, оставшегося после смерти ее сестры, по тем основаниям, что умершая Макарова являлась ее воспитательницей с трехлетнего возраста и фактически ее усыновила, а ответчик Макаров брачные отношения с ее сестрой прекратил задолго до смерти последней. Из материалов дела усматривается, что Россиева действительно воспитывалась с трехлетнего возраста у своей сестры Макаровой, но с 1906 г. от нее ушла и с тех пор на иждивении сестры не состояла. Документов, свидетельствующих об усыновлении истицы ее сестрой, в деле не имеется. При наличии означенных обстоятельств, как указала в своем определении Судебная коллегия, у суда не было достаточных оснований для признания истицы наследницей в спорном имуществе (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 21 июня 1949 г. по делу № 36/723).

В случае открытия наследства после признания умершим безвестно отсутствующего лица необходимо, чтобы иждивенцы находились на его иждивении не менее одного года до момента получения от него последних извест-

тий (постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 16–17 сентября 1935 г., протокол № 67)¹. Но во всяком случае требуется, чтобы признание лица умершим было оформлено в установленном порядке.

Верховный суд СССР признал, что, поскольку в деле нет данных о том, что А. К. Аджабханян в установленном порядке был признан умершим, одного лишь извещения райвоенкомата о безвестной пропаже Аджабханяна недостаточно, чтобы суд мог признать его имущество наследственным (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 9 июня 1949 г. по делу № 36/638).

Таким образом, для иждивения, являющегося основанием для признания данного лица наследником, требуется наличие следующих признаков: 1) лицо, бывшее на иждивении у наследодателя, должно быть нетрудоспособным; 2) материальная помощь, оказывавшаяся наследодателем, должна была служить основным источником существования иждивенца; 3) материальная помощь должна была оказываться ему систематически; 4) лицо должно было состоять на иждивении у наследодателя не менее одного года до его смерти.

Для признания данного лица иждивенцем не должно считаться препятствием наличие у него известного имущества, если это имущество не может служить для него основным источником существования. Не является препятствием для признания иждивенцем получение им пенсии. Не имеет значения для решения вопроса об иждивенчестве и факт проживания наследодателя и лица, получающего от него помощь, в разных местах (городах, квартирах и т. д.). В приведенном выше определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР (от 5 февраля 1943 г., № 15) указывается, что проживание Силиной и Креслин на разных квартирах не имеет значения для решения вопроса об иждивенчестве Силиной, так как совместное проживание наследодателя и лица, получавшего от него помощь, не является по закону условием для признания иждивенца наследником. Что же касается получаемой Силиной пенсии, то это не исключает фактического состояния ее на иждивении Креслин².

Не превращает в иждивенца получение данным лицом средств на содержание с причинителя вреда по судебному решению. В определении по иску Кадыровой к Галеевой Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала, что получение Кадыровыми в течение ряда лет, по судебному решению, средств на свое содержание от Галеева не превращает их в иждивенцев последнего, имеющих по ст. 418 ГК право наследования в его имуществе (Галеев был осужден за убийство Кадырова и, по

¹ Советская юстиция, 1935, № 31, стр. 24.

² См.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1943 год. М., 1948, стр. 64.

приговору суда, с Галеева были присуждены периодические платежи на содержание двух несовершеннолетних детей Кадырова)¹.

При установлении факта иждивения весьма важное значение имеет установление нетрудоспособности лица, заявившего свои права на наследство. Поскольку в действующем гражданско-правовом законодательстве не содержится указаний о порядке установления нетрудоспособности иждивенца, обычно нетрудоспособность иждивенца устанавливается применительно к правилам нашего законодательства по социальному страхованию о назначении пенсий по инвалидности и по случаю потери кормильца². Мы думаем, однако, что нет оснований автоматически применять это законодательство, рассчитанное на совершенно иные отношения, к случаям признания данного лица нетрудоспособным в целях включения его в число наследников по закону. К тому же это законодательство крайне устарело³. Нельзя не учитывать при установлении нетрудоспособности, дающей право на получение наследства, и огромной роли трудоустройства инвалидов, являющегося одним из существенных способов обеспечения средств к жизни гражданам, у которых понижена трудоспособность, позволяющего включить этих граждан в общественно-производительный труд⁴.

В нашей литературе был высказан взгляд, согласно которому при определении нетрудоспособности по советскому гражданскому праву необходимо отказаться от заранее установленных категорий, существующих в пенсионном законодательстве, и при выяснении нетрудоспособности руководствоваться только фактическим состоянием здоровья лица на основании соответствующего медицинского освидетельствования⁵. С этим взглядом следует согласиться.

Во всяком случае, как нам кажется, один факт достижения данным лицом известного возраста (60 лет для мужчины и 55 лет для женщины) еще не является достаточным основанием для признания его нетрудоспособным с точки зрения наследственного права. Нет, в частности, как нам кажется, оснований и к включению, вопреки мнению некоторых авторов⁶, в число

¹ Там же, стр. 186.

² Правила обеспечения в порядке социального страхования по инвалидности и по случаю потери кормильца, утвержденные Союзным советом социального страхования 4 июля 1928 г. («Известия НКТ СССР», 1928, № 28–29), Постановление Союзного совета социального страхования об улучшении пенсионного обеспечения по инвалидности, по случаю потери кормильца и по старости («Известия НКТ СССР», 1932, № 4) и др.

³ Весьма убедительная критика существующей классификации инвалидности по трем группам с показом ее устарелости и недостаточности дается в работе: проф. М а р ц и н к о в с к и й Б. И. Врачебная экспертиза трудоспособности. М., 1952, стр. 159.

⁴ К р а с н о п о л ь с к и й А. С. Основные принципы советского государственного социального страхования. М., изд-во АН СССР, 1951, стр. 101.

⁵ См. автореферат диссертации Файнштейна А. А. Свобода завещания и ее границы. М., 1950, стр. 9.

⁶ А н т и м о н о в Б., Г е р з о н С., Ш л и ф е р Б. Наследование и нотариат, стр. 32.

наследников по закону инвалидов 3-й группы, подавляющее большинство которых продолжает работать¹.

Мы думаем, что факт нетрудоспособности, дающий основание к включению данного лица в круг лиц, призываемых к наследованию, должен быть в каждом конкретном случае установлен соответствующей врачебно-трудовой экспертизой. Причем, если этой экспертизой будет установлено, что данное лицо трудоспособность утратило частично и может при соответствующих условиях работать, то нет оснований к включению его в число наследников по закону. Следует при выработке проекта ГК СССР разработать правила, определяющие условия и порядок признания лица нетрудоспособным для включения его в число наследников по закону.

Для признания данного лица наследником по признаку «нетрудоспособности» требуется «стойкая» нетрудоспособность. «Временная» потеря трудоспособности («временная» нетрудоспособность) для этого недостаточна. Нетрудоспособность иждивенца должна иметь место к моменту открытия наследства².

Факт нахождения данного лица на иждивении наследодателя не менее одного года до его смерти должен быть подтвержден соответствующими документами (справка домоуправления или сельского совета и др.). В случае, если заинтересованное лицо не может получить документов, удостоверяющих факт нахождения его на иждивении наследодателя, а также в том случае, если невозможно восстановить утраченные или уничтоженные документы, заинтересованное лицо может обратиться в суд с просьбой об установлении факта нахождения его на иждивении наследодателя (см. п. «б» ст. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. № 9/8/у).

Несмотря на то, что закон точно указывает, кто может быть призван к наследованию в качестве наследника по закону, суды иногда расширяют или сужают круг наследников по закону. Вышестоящим судебным инстанциям приходится исправлять такие ошибки.

Народный суд Заонежского района признал Алферова, являвшегося опекуном Лупиной, наследником имущества, оставшегося после смерти Лупиной. Верховный суд Карело-Финской ССР решение народного суда оставил в силе. По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная

¹ В работе М. Сониной (Вопросы баланса рабочей силы. М., 1949, стр. 100) указывается, что по отчетным данным за 1945–1947 гг. более 95% инвалидов 3-й группы работают. Цит. по книге: К р а с н о п о л ь с к и й А. С. Основные принципы советского государственного социального страхования, стр. 101.

² См. проф. О р л о в с к и й П. Е. Практика Верховного суда СССР по гражданским наследственным делам. М., 1947, стр. 6.

коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев настоящее дело, разъяснила, что, кроме лиц, являющихся наследниками по закону в силу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г., «другие родственники, в частности племянницы, а также опекуны и лица, на иждивении которых находился умерший, в круг лиц, призываемых к наследованию по закону, не входят... Решение народного суда о признании Алферова наследником и определение Верховного суда Карело-Финской ССР не основаны на законе и не могут быть оставлены в силе» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 24 декабря 1946 г. по делу № 36/862)¹.

§ 2. Порядок призвания наследников по закону

До издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» ближайший родственник (например, сын) не устранял от наследования более отдаленных родственников (внуков); все они призывались к наследованию совместно.

Указ от 14 марта 1945 г. не только расширил круг наследников по закону, но и в корне изменил ранее действовавший порядок призвания наследников по закону с учетом степени родственной близости наследников с умершим и состояния их трудоспособности. Исходя из этого, Указ от 14 марта 1945 г. ввел в советское право ранее ему неизвестные очередность призвания наследников по закону и так называемое право представления.

1. Согласно Указу от 14 марта 1945 г. и ст. 418 ГК в новой редакции наследники по закону делятся на три очереди. Наследниками первой очереди являются: дети, усыновленные, переживший супруг, нетрудоспособные родители, а также другие нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего не менее одного года до его смерти. Внуки и правнуки наследодателя, а также нисходящие усыновленного, наследуют только по праву представления (см. далее). Но в этом случае они также входят в число наследников первой очереди. К наследникам по закону второй очереди относятся трудоспособные родители; к наследникам третьей очереди – братья и сестры наследодателя.

При наличии кого-либо из наследников первой очереди наследники второй и третьей очереди к наследованию не призываются. В случае отсутствия наследников первой очереди или непринятия ими наследства должны призываться наследники второй очереди. При отсутствии наследников и первой, и второй очереди призываются наследники третьей очереди. За полным отсут-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1947. Вып. II. М., 1947, стр. 19–20.

ствием наследников всех трех очередей наследственное имущество переходит как выморочное к государству.

Казалось бы, что вопрос об отнесении наследников к той или иной очереди не должен вызывать на практике затруднений, кроме одного случая, о котором мы скажем дальше. Тем не менее, на практике иногда встречаются случаи, когда суды не соблюдают установленной законом очередности призвания наследников, например, при наличии наследников первой очереди признают право наследования только за наследниками третьей очереди или одновременно и за наследниками первой, и третьей очереди¹.

Но один случай, вызывающий иногда затруднения на практике, объясняется, как нам кажется, недостаточно четкой редакцией закона.

В ч. 3 ст. 418 ГК сказано, что «в случае отсутствия указанных наследников (наследников первой очереди. – *В. С.*) или непринятия ими наследства наследниками по закону являются трудоспособные родители, а при их отсутствии – братья и сестры умершего». В последнем случае закон говорит только об «отсутствии» наследников, а о «непринятии» умалчивает. Отсюда иногда делается вывод, что к наследникам третьей очереди наследство может поступить только в случае отсутствия наследников предыдущих очередей, но не в случае непринятия ими наследства. Такой вывод и был сделан по одному судебному делу.

Житомирский областной суд отказал в иске К. Вахер о праве собственности на дом, оставшийся после смерти супругов Юфа, а дом признал принадлежащим государству. Это решение было оставлено в силе Судебной коллегией Верховного суда УССР. По протесту Генерального прокурора СССР дело было рассмотрено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР. Из обстоятельств дела усматривается, что Житомирский областной суд, признав установленным, что дом принадлежал умершим супругам Юфа, отказывая в иске Вахер, считал, что Вахер не может наследовать имущество, оставшееся после смерти Юфа, так как прямыми их наследниками являются родители, последние же наследство не приняли, и имущество как бесхозяйное в 1943 г. перешло в доход государства. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, согласившись с протестом Генерального прокурора СССР, признала, что приведенные в определе-

¹ В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 21 ноября 1951 г. по делу № 36/989 указывается: «Признав, что дом принадлежит мужу истицы, суд неправильно разделил дом на равные части между истицей и ответчицей как наследниками, так как, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию», при наличии пережившего супруга и детей наследодателя, т. е. наследников первой очереди, сестры и братья умершего не могут наследовать оставшееся после него имущество».

нии доводы нельзя признать обоснованными, так как наследство открылось не в 1943 г., а в 1945 г., т. е. тогда, когда было установлено, что наследодатели умерли. То обстоятельство, что родители не приняли наследства, не лишает братьев и сестер Юфа (наследников третьей очереди) права наследовать оставшееся имущество. Доводы суда о том, что с декабря 1943 г. спорное домовладение находится непосредственно в ведении районного жилищного управления, не обоснованы, так как пока собственники дома не были признаны умершими, их дом не мог быть передан в чью-либо собственность. По этим соображениям Судебная коллегия Верховного суда СССР отменила решение Житомирского областного суда и определение Судебной коллегии Верховного суда УССР, передав дело в Верховный суд УССР на новое рассмотрение по первой инстанции (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 20 октября 1949 г.). Таким образом, Судебная коллегия признала, что непринятие наследства наследниками первой и второй очереди (в зависимости от нетрудоспособности или трудоспособности родители могут быть наследниками по закону первой или второй очереди) не лишает права наследников третьей очереди наследовать оставшееся после наследодателя имущество. Судебная коллегия правильно применила ч. 3 ст. 418 ГК, исходя не из ее буквального текста, а из общего смысла: у законодателя не было оснований устанавливать два различных порядка при призвании к наследованию наследников второй и третьей очереди.

В связи с призванием к наследованию братьев и сестер надо иметь в виду, что возможны случаи, когда братья и сестры могут попасть в первую очередь наследников по закону. Это может быть в том случае, если нетрудоспособные братья или сестры умершего состояли у него на иждивении не менее одного года до его смерти. Но в этом случае они будут наследовать уже не как брат и сестра, а как «иждивенцы» наследодателя (ч.1 ст. 418 ГК).

2. В пределах каждой очереди наследство делится между наследниками по закону на равные доли (ст. 420 ГК). Как указывается в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску Ягодкиной и других о праве наследования, «согласно ст. 420 ГК, наследственное имущество делится поголовно на равные доли между всеми наследниками. Суд же все имущество разделил на две неравные части, в то время как всего наследников было признано восемь человек» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 27 июня 1945 г. по делу № 460)¹.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1947. Вып. II (XXXVI). М., 1947, стр. 17–18.

При наличии в числе наследников по закону пережившего супруга применяются следующие правила: переживший супруг имеет право на долю в совместно нажитом в браке с наследодателем имуществе, согласно правилам ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР (и соответствующих статей кодексов о браке, семье и опеке других союзных республик), и на равную долю с другими наследниками в остальной части имущества, переходящей по наследству. Таким образом, после смерти кого-либо из супругов сначала устанавливается доля пережившего супруга в совместно нажитом во время брака имуществе (обычно половина), а оставшаяся часть имущества подлежит разделу на равные части между наследниками по закону, в число которых входит и переживший супруг.

В народном суде 1-го участка Железнодорожного района г. Киева, а затем в Киевском областном суде и в Верховном суде УССР рассматривалось дело по иску Стариковых к Швецу (их сестре) о праве собственности на дом, оставшийся после смерти их родителей, и о признании недействительным договора дарения этого дома. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев по протесту Председателя Верховного суда СССР настоящее дело, признала, что все состоявшиеся судебные решения подлежат отмене по следующим основаниям: как усматривается из обстоятельств дела, дом был приобретен родителями истцов и ответчицы Л. Т. Стариковым и Ф. Т. Стариковой в период их супружеской жизни. Согласно ст. 125 Кодекса законов о браке, семье и опеке УССР, совместно нажитое имущество принадлежит обоим супругам. Поэтому, в силу ст. 418 ГК, имущество, оставшееся после смерти Ф. Т. Стариковой, принадлежит всем ее наследникам, т. е. пережившему супругу и детям. Отец истцов и ответчицы Л. Т. Стариков в 1945 г. по договору дарения передал весь дом ответчице Швецу и тем самым лишил наследства остальных наследников на часть дома, принадлежащую их матери Ф. Т. Стариковой, чего Л. Т. Стариков не имел права делать. Он мог дарить своей дочери Швецу лишь половину дома, ему принадлежащую, и $\frac{1}{5}$ часть (в опубликованном определении ошибочно сказано $\frac{1}{4}$) из половины дома, оставшуюся ему после смерти Ф. Т. Стариковой, а всего — $\frac{6}{10}$ дома. Остальная часть дома принадлежит детям, в том числе ответчице Швецу принадлежит $\frac{1}{10}$ часть дома по наследству плюс $\frac{6}{10}$ дома по договору дарения ее отца Л. Т. Старикова, а всего, следовательно, Швецу должна получить $\frac{7}{10}$ части спорного дома (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 8 февраля 1947 г. по делу № 36/150)¹. Как мы видим из этого определения, Судебной коллегии пришлось сделать довольно сложный арифметический расчет, чтобы установить

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1945. Вып. VII (XXIII). М., 1946, стр. 20.

долю каждого из наследников в спорном имуществе. Но Судебная коллегия правильно подошла к своему решению, исключив сначала половину дома, лично принадлежавшую Л. Т. Старикову, и разделив другую половину на пять частей по числу наследников после смерти Ф. Т. Стариковой (Л. Т. Стариков и четверо детей).

Некоторые особенности имеются при наследовании по закону предметов домашней обстановки и обихода. В изъятие из общего правила о равенстве долей наследников по закону ст. 421 ГК предоставляет некоторые преимущества наследникам, совместно проживавшим с умершим. Они имеют право на имущество, относящееся к обычной домашней обстановке и обиходу (за исключением предметов роскоши), сверх причитающейся им, согласно ст. 420 ГК, доли из имущества умершего.

Таким образом, наследники по закону, проживавшие вместе с наследодателем, имеют право на предметы обычной домашней обстановки и обихода сверх причитающихся им наследственных долей из оставшегося наследственного имущества.

Однако наследники, проживавшие совместно с наследодателем, получают сверх причитающейся им наследственной доли имущество, относящееся к обычной домашней обстановке и обиходу, только в том случае, если они призваны к наследованию. Если же к наследованию призваны другие наследники, то имущество переходит к призванным наследникам, хотя бы они и не проживали совместно с наследодателем, и делится между ними в порядке, установленном ст. 420 ГК (п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г. «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» и других вопросах наследования»). Это означает, что пока не исчерпана возможность призвания наследников первой очереди наследники второй или третьей очереди, хотя бы проживавшие совместно с умершим, не имеют права на имущество, относящееся к обычной домашней обстановке и обиходу; так же решается вопрос и между наследниками второй и третьей очереди. Таким образом, если, например, совместно с наследодателем проживала его сестра (наследник третьей очереди), а его родители, хотя бы и трудоспособные (наследники второй очереди), с ним вместе не проживали, оставшаяся после смерти наследодателя обычная домашняя обстановка перейдет к родителям, поскольку они призываются к наследованию ранее сестры наследодателя.

К числу предметов домашней обстановки и обихода следует относить вещи, предназначенные для удовлетворения обычных потребностей граждан, как например, мебель, посуда, платье, белье и т. п. Не относятся к предметам обычной домашней обстановки и обихода вещи, необходимые для осуществ-

вления профессиональной деятельности наследодателя (например, пишущая машинка машинистки, хирургические инструменты врача и т. д.).

Под действие ст. 421 ГК не подпадают так называемые предметы роскоши (особо ценные предметы), которые включаются в состав наследственного имущества на общих основаниях (например, ценная мебель, дорогие картины и т. п.)¹.

Судебная практика признала, что не подпадают под действие ст. 421 ГК жилые строения, хотя бы и незначительной стоимости (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 29 мая 1942 г. по делу № 527)².

В случае сомнения, следует ли отнести тот или иной объект к предметам домашней обстановки и обихода или к предметам роскоши, вопрос должен быть разрешен судом (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 25 ноября 1942 г. по делу № 960)³.

Если наследников, совместно проживавших с наследодателем, не окажется, то при разделе между наследниками по закону наследственного имущества, относящегося к обычной домашней обстановке и обиходу, применяются общие правила ст. 420 ГК, т. е. это имущество делится между ними на равные доли.

3. Выше мы указывали, что внуки и правнуки наследодателя могут наследовать лишь по праву представления. При наследовании по праву представления внуки и правнуки наследодателя призываются к наследованию только в тех случаях, если их родители умерли до открытия наследства, и получают из наследственного имущества ту долю, которая причиталась бы их умершим родителям, если бы они были живы в момент открытия наследства (п. 8 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г.).

Непременным условием для наследования по праву представления является смерть наследника ранее смерти самого наследодателя. Если, например, дочь умрет ранее своих отца или матери, то та доля в имуществе отца или матери, которая причиталась бы ей по закону, переходит к внукам наследодателя (детям дочери). Если же к моменту открытия наследства не окажется в живых ни дочери, ни внуков наследодателя, то доля дочери перейдет к правнукам наследодателя (ст. 418 ГК). Но если к моменту открытия

¹ Список предметов роскоши был опубликован НКФ РСФСР 29 декабря 1929 г. («Постановления и распоряжения НКФ РСФСР» от 9 января 1930 г., № 8/275). Этот список для настоящего времени весьма устарел и нуждается в пересмотре. В связи с быстрым ростом материального благосостояния трудящихся многие вещи, которые ранее могли считаться «предметами роскоши», в настоящее время достаточно часто встречаются в обычном обиходе советского гражданина.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1942. Вып. II. М., 1943, стр. 36.

³ См. проф. Орловский П. Е. Практика Верховного суда СССР по гражданским наследственным делам, стр. 9.

наследства дочь будет в живых, то только она и будет призвана к наследованию, внуки же в этом случае призываться к наследованию не будут. Равным образом устраняются от наследования правнуки при жизни своих родителей — внуков наследодателя.

Внуки наследодателя, призванные к наследованию по праву представления, делят между собой поровну ту долю, которая причиталась бы их умершему родителю (ч. 2 ст. 420 ГК). Поэтому, если у наследодателя было трое сыновей, из которых один сын, имевший двух дочерей, умер ранее наследодателя, то дочери сына получают вместе $\frac{1}{3}$ наследства, на долю же каждой из дочерей придется $\frac{1}{6}$ часть наследства ($\frac{1}{3} : 2 = \frac{1}{6}$).

Аналогично решается вопрос в отношении правнуков (что на практике, конечно, встречается сравнительно редко): правнуки делят между собой поровну ту долю, которая причиталась бы их умершему родителю. У наследодателя было две дочери, Мария и Елена. У дочери Марии было двое сыновей (внуков наследодателя), а у дочери Елены — сын и две дочери (внук и внучки наследодателя). Один из сыновей дочери Марии женился и от этого брака у него было двое детей (правнуков наследодателя). Еще до смерти наследодателя умерли и его дочь Мария, и ее женатый сын (внук наследодателя), а также другая дочь — Елена. Наследство должно быть поделено следующим образом: если бы дочери Мария и Елена дожили до дня смерти наследодателя, каждая из них получила бы $\frac{1}{2}$ наследственного имущества. Каждая из этих половин наследственного имущества делится на следующие части: доживший до открытия наследства сын Марии (внук наследодателя) получает $\frac{1}{4}$ часть наследства ($\frac{1}{2} : 2 = \frac{1}{4}$), ее два внука (правнуки наследодателя) получают по $\frac{1}{8}$ части наследства ($\frac{1}{4} : 2 = \frac{1}{8}$), сын и дочери Елены (внук и внучки наследодателя) получают по $\frac{1}{6}$ части имущества ($\frac{1}{2} : 3 = \frac{1}{6}$).

Право представления применяется и в отношении усыновленных. Поэтому, если усыновленный умрет ранее усыновителя, то наследственная доля, которая причиталась бы усыновленному, если бы он дожил до открытия наследства, перейдет по праву представления к детям усыновленного, которые и разделят ее между собой на равные части.

На потомство других наследников право представления не распространяется (п.8 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г.). Поэтому, например, если сестра умрет ранее наследодателя, ее дети (племянники и племянницы наследодателя) к наследству не призываются; не призываются к наследованию и дети нетрудоспособного лица, состоявшего на иждивении наследодателя не менее одного года до его смерти, если это лицо умерло ранее наследодателя.

Наследование по праву представления допускается только при наследовании по закону. Это прямо вытекает из ст. 418 и 420 ГК, предусматриваю-

ших круг наследников по закону и условия их призвания к наследованию, а также порядок раздела между наследниками доли, которая причиталась бы их умершему родителю. Возможности наследовать по праву представления при наследовании по завещанию советское право не предусматривает.

Таковы основные черты призвания к наследованию по праву представления.

Хотя термин «право представления» уже довольно прочно укрепился и в нашей литературе, и в судебной практике (ср., например, вышеупомянутое постановление Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г.), нельзя признать, чтобы он находился в соответствии с действительными отношениями, возникающими при призвании к наследованию внуков и правнуков наследодателя и потомства лица, усыновленного наследодателем.

Когда мы говорим о праве представления, то создается представление, будто бы нисходящий наследник умершего являлся его представителем до открытия наследства. Но в действительности ни о каком представительстве в данном случае говорить не приходится. Нисходящий наследник лица, умершего до открытия наследства (внук или правнук наследодателя) является не представителем своего восходящего, выбывшего из порядка наследования, а прямым законным наследником наследодателя. Он наследует непосредственно тому, кому должен был наследовать его восходящий. Как иногда говорят, нисходящий наследник умершего до открытия наследства только вступает на его место и в его степень. Если у наследника, умершего до открытия наследства, имеется несколько нисходящих (например, внуков), то все они, вступая в его степень, получают вместе ту часть наследства, которая бы ему причиталась, доживи он до открытия наследства.

При наследовании по праву представления не происходит никакого правопреемства между наследником, выбывшим в силу смерти до открытия наследства, и его прямым нисходящим. В этом случае не происходит передачи какого-либо права от этого наследника к его прямым нисходящим. Но в силу выбытия наследника его нисходящие делаются непосредственными наследниками того лица, наследовать которому должен был бы их восходящий (отец, мать, дед, бабушка). Они наследуют не по праву, принадлежавшему их восходящему, а по праву, принадлежавшему им самим. Отсюда и то последствие, что наследники по праву представления несут ответственность только по долгам самого наследодателя. За долги их восходящего, умершего до открытия наследства, они не отвечают. Поэтому внуки, наследующие по праву представления, несут ответственность по долгам их деда, но не их отца. За долги отца они будут отвечать только в том случае, если в порядке самостоятельного призвания к оставшемуся после отца наследству они приняли это наследство.

Таким образом, наследование по праву представления является только особым порядком призвания к наследованию наследников по закону.

Так как при наследовании по праву представления наиболее характерным является то, что нисходящие наследника, умершего до открытия наследства, получают вместе ту долю, которую мог бы получить наследник, если бы дожил до открытия наследства, то, быть может, правильнее было бы назвать наследование внуков и правнуков и потомства усыновленного поколением преемством¹. Но, поскольку в нашей теории и практике принят термин «право представления», мы будем пользоваться этим термином.

С наследованием по праву представления не надо смешивать тот случай, когда наследник умрет п о с л е открытия наследства, не успев в течение установленных законом сроков выразить своей воли на принятие наследства или на отказ от него. В этом случае право на принятие наследства или на отказ от него, принадлежащее этому наследнику, переходит к его собственным наследникам, среди которых могут оказаться и такие лица, которые не являются наследниками после смерти наследодателя (например, жена сына, умершего после открытия наследства). В данном случае будет иметь место не наследование по праву представления, а переход по наследству права наследования; это – два самостоятельных института наследственного права, между которыми существуют значительные правовые различия².

Случаи наследования по праву представления довольно часто доходят до рассмотрения судов. Однако не всегда суды правильно понимают этот институт советского наследственного права. Так например, по делу Морозовой к Сидориной Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР было установлено, что «суд, признав право наследования спорного имущества за Морозовой и ее дочерью Глагольевой, нарушил ст. 418 ГК, в силу которой при жизни детей наследодателя за внуками не может быть признано право наследования» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 19 марта 1948 г. по делу № 193)³. Суд, таким образом, не учел, что внуки могут призываться к наследованию только по праву представления, т. е. в тех случаях, когда их отец или мать (дети наследодателя) умерли до открытия наследства. Если же их родители (дети наследодателя) были к моменту открытия наследства живы, наследование внуков по праву представления исключается.

М. К. Бакланова предъявила иск к Т. В. Баклановой о наследственном имуществе, оставшемся после смерти родителей истицы, ссылаясь при этом

¹ К о л е н о м называется каждая степень (рождение) относительно примыкающих к ней линий; все же лица, входящие в состав линии, образуют по отношению к своему колену поколение.

² См. гл. VI наст. работы.

³ Судебная практика Верховного суда СССР, 1948. Вып. V. М., 1948, стр. 27–28.

на то, что она – единственный наследник после своих родителей, а ответчица, являющаяся женой ее умершего брата, незаконно завладела этим имуществом, в частности – домом. Народный суд 2-го участка Успенского района Ворошиловградской области требования истицы в части дома признал обоснованными, считая, что ответчица имеет право на долю в спорном доме лишь в размере $\frac{1}{6}$ части, т. е. в пределах доли, полагавшейся в порядке наследования после смерти матери ныне умершему мужу ответчицы, являвшемуся братом истицы; в отношении остальных требований истицы суд в удовлетворении отказал. По кассационной жалобе ответчицы это решение было отменено Ворошиловградским областным судом. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, на рассмотрение которой это дело поступило по протесту Председателя Верховного суда СССР, в своем определении от 31 декабря 1948 г. признала, что определение Ворошиловградского областного суда и все последующие решения и определения, вынесенные по настоящему делу, подлежат отмене по следующим основаниям. Из обстоятельств дела видно, что спорное домовладение принадлежало родителям истицы. После смерти в 1943 г. ее матери половина дома явилась наследством, на которое имели право отец истицы как переживший супруг, истица и ее ныне умерший брат – муж ответчицы, так что наследственная доля каждого из указанных наследников определялась в размере $\frac{1}{6}$ части, в соответствии с чем народный суд и признал право ответчицы на наследственное имущество, оставшееся после смерти ее мужа. На имущество же, оставшееся после смерти отца истицы, последовавшей в 1945 г., ответчица права не имеет, поскольку ее муж умер в 1944 г., т. е. до открытия наследства, а призвание к наследованию по праву представления Указом от 14 марта 1945 г. ограничено прямыми нисходящими родственниками наследодателя. Таким образом, как указала Судебная коллегия, народный суд правильно признал, что доля ответчицы в спорном доме ограничивается лишь той долей, которую получил ее муж в порядке наследования после смерти своей матери, т. е. в размере $\frac{1}{6}$ части, а оставшиеся $\frac{5}{6}$ частей дома принадлежат истице в порядке наследования после смерти своих родителей, причем после отца истица, как это видно из дела, являлась единственной наследницей. Судебная коллегия подтвердила общий принцип, что наследование по праву представления допускается только в случаях, прямо предусмотренных законом.

4. Как быть в том случае, когда данное лицо является наследником по праву представления, а вместе с тем удовлетворяет тем признакам, которые установлены законом для «иждивенца». Практически призвание данного лица к наследованию по праву представления или в качестве «иждивенца» может иметь в отдельных случаях для данного лица существенное значение,

так как в связи с этим может по-разному определяться размер причитающейся ему доли в наследственном имуществе.

У наследодателя было два сына, из которых один умер еще до открытия наследства. Несовершеннолетняя дочь умершего сына находилась более года на иждивении деда (наследодателя). Наследуя по праву представления, она получит ту долю в наследственном имуществе, которая причиталась бы ее отцу, если бы он дожил до открытия наследства (в данном случае – $\frac{1}{2}$). Но если бы кроме несовершеннолетней дочери у умершего сына было еще трое детей, то она, наследуя по праву представления, должна будет получить только четвертую часть наследственной доли, причитавшейся ее отцу ($\frac{1}{2} : 4 = \frac{1}{8}$); наследуя же как «иждивенец» наследодателя, она могла бы получить $\frac{1}{3}$ наследственного имущества, $\frac{1}{3}$ могли бы получить вместе по праву представления остальные дети умершего сына и $\frac{1}{3}$ – доживший до открытия наследства сын. Как видно из этого примера, то или иное основание призвания к наследованию может иметь значение не только для заинтересованного наследника, но и для других наследников, размер долей которых может соответственно измениться.

Есть взгляд, по которому разрешение подобной коллизии дается ч. 2 ст. 418 ГК, устанавливающей единственный порядок призвания к наследованию внуков наследодателя в случае смерти их восходящих до открытия наследства только по праву представления, что исключает возможность призвания к наследованию внуков наследодателя в качестве «иждивенцев». Однако, как нам кажется, правильней все же будет признать, что нетрудоспособные внуки наследодателя в указанных выше случаях должны призываться к наследованию именно в качестве «иждивенцев», а не по праву представления. Ведь если бы сын наследодателя дожил до открытия наследства (что исключает наследование для внуков по праву представления), внук-«иждивенец» был бы все же призван к наследованию наравне с другими наследниками, перечисленными в ч. 1 ст. 418 ГК. Приобретя же право наследования в качестве «иждивенца», он должен призываться в качестве «иждивенца» и в том случае, когда его отец (сын наследодателя) не доживет до открытия наследства. Аналогично должен решаться вопрос и в отношении правнуков. Но, во всяком случае, нет оснований предоставлять наследнику право выбора между призванием к наследованию по праву представления и призванием к наследованию в качестве «иждивенца». Здесь должна быть полная определенность.

ГЛАВА IV

НАСЛЕДОВАНИЕ ПО ЗАВЕЩАНИЮ

§ 1. Свобода завещания и условия ее осуществления

В условиях буржуазного общества, как указывал К. Маркс в письме к Лассалю от 22 июля 1861 г., свобода завещания наиболее соответствует сущности свободной конкуренции и основанного на ней общества¹. Принцип свободы завещания в буржуазном обществе является, по словам К. Маркса, «произвольным и суеверным преувеличением даже самого принципа частной собственности»². Предоставляя частному собственнику свободу распоряжения всем накопленным им в течение жизни имуществом, буржуазное право содействует росту имущественного неравенства и концентрации капиталистической частной собственности в руках отдельных лиц.

В упомянутом письме к Лассалю К. Маркс дает объяснение и самому понятию свободы завещания: «...под «свободой завещания» я понимал не свободу оставлять [или не оставлять] завещание, а свободу составлять его, насколько не считаясь с семьей»³. Таким образом, дело не только в том, что частный собственник по своему усмотрению определяет судьбу принадлежащего ему имущества, а в том, что он вправе ничего не оставить членам своей семьи.

В другом письме к Лассалю, от 11 июня 1861 г., Маркс указывает и причины, приведшие к господству принципа свободы завещания: «Абсолютная свобода завещания (благодаря которой ни один англичанин или янки не обязан оставлять своей семье хотя бы один фартинг) установилась со времени буржуазной революции 1688 г. и развивалась в той мере, в какой в Англии развивалось «буржуазное» богатство»⁴.

В то же время безграничная свобода завещания может затронуть интересы буржуазной семьи. Отсюда попытки некоторых буржуазных законодательств (Франция и др.) ограничить свободу завещательных распоряжений установлением известного компромисса между принципом свободы завещания, предоставляющим частному собственнику по своему усмотрению определить судьбу принадлежащего ему имущества, и ограничением этого принципа в интересах семьи наследодателя путем установления института обязательной доли.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXV, стр. 394.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XIII, ч.1, стр. 338.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXV, стр. 393.

⁴ Там же, т. XXV, стр. 392.

Однако условия буржуазного общества не позволяют разрешить противоречие между принципом свободы завещания и ограничением этого принципа в интересах семьи наследодателя. Чем больше закон ограничивает свободу завещателя в интересах его семьи, тем больше стесняются его личная инициатива и предприимчивость как капиталиста. С другой стороны, установление обязательной доли в наследстве в пользу членов семьи нередко весьма пагубно отражается и на многих частных хозяйствах, приводит к их дроблению, что в ряде случаев даже заставляет мелких собственников искусственно ограничивать деторождение (французское крестьянство).

Хотя в отдельных штатах США и в Англии за последнее время и установлены некоторые ограничения завещательной свободы, но все же право США и английское право в принципе не ограничивают произвола завещателя. Для права этих стран характерно непризнание ими института обязательной наследственной доли¹.

На принципиально иных началах решается проблема свободы завещания в социалистическом обществе.

В СССР ликвидирована капиталистическая система хозяйства и отменена частная собственность на орудия и средства производства. Безраздельно господствует социалистическая собственность на орудия и средства производства. На основе социалистической собственности возникла и получила развитие личная собственность граждан, исключающая эксплуатацию чужого труда. При этих условиях в СССР нет почвы для возникновения идеи о неограниченной свободе завещания, являющейся одним из проявлений «свободы» частного собственника.

Советское законодательство, гарантируя гражданину свободу распоряжения принадлежащей ему личной собственностью, созданной его личным трудом и не могущей быть источником эксплуатации чужого труда, предоставляет гражданину возможность распорядиться личной собственностью и на случай своей смерти: путем выраженной в завещании воли определить судьбу принадлежащего ему имущества.

Гражданин вправе, составив завещание, указать в нем, кому из членов его семьи или других близких ему лиц должны после его смерти перейти принадлежавшие ему сбережения, предметы домашней обстановки и обихода, жилой дом и т. д. Но вместе с тем советское законодательство устанавливает и известные условия осуществления завещательной свободы, основанные на принципе сочетания личных интересов с интересами общественными.

¹ См.: Гражданское и торговое право капиталистических стран. М., 1949, стр. 524–526; проф. Лунц Л. А. Международное частное право. М., 1949, стр. 311.

Согласно ст. 422 ГК, «каждый гражданин может по завещанию оставить все свое имущество или часть его одному или нескольким лицам из числа упомянутых в ст. 418, а также государственным органам и общественным организациям.

Однако завещатель не может лишить своих несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону.

При отсутствии лиц, указанных в ст. 418, имущество может быть завещано любому лицу».

Таким образом, условия осуществления гражданином завещательной свободы находятся в зависимости от наличия того или иного круга наследников по закону.

В своей диссертации «Свобода завещания и ее границы по советскому гражданскому праву» А. А. Файнштейн, проанализировав ст. 422 ГК, пришел к следующим выводам:

«1. Когда все наследники по закону – лица, имеющие право на обязательную наследственную долю, то завещатель не вправе ни в какой мере изменять установленный законом порядок.

В этом случае свобода завещания полностью отсутствует.

2. Когда все наследники по закону не имеют права на обязательную наследственную долю, завещатель вправе передать все свое имущество одному или нескольким из них, а равно завещать его государственным или общественным организациям, целиком или частично лишая наследства своих наследников по закону.

В этом случае свобода завещания ограничена тем, что наследодатель не вправе сделать своими наследниками по завещанию посторонних лиц, не указанных в ст. 418 ГК РСФСР.

3. Когда одни наследники по закону имеют право на обязательную наследственную долю, а другие такого права не имеют, то наследодатель вправе распоряжаться лишь той частью наследства, которую получили бы при наследовании по закону наследники, не имеющие права на обязательную наследственную долю.

В этом случае свобода завещания ограничена как тем, что наследодатель вправе завещать свое имущество лишь наследникам по закону, а также государственным или общественным организациям, так и тем, что он не имеет права уменьшить своим завещанием обязательную наследственную долю, причитающуюся необходимым наследникам.

4. Когда у наследодателя совершенно отсутствуют наследники по закону, он вправе завещать свое имущество государственной или общественной организации, а также любому постороннему физическому лицу.

В этом случае его свобода завещания ничем не ограничена»¹.

В связи с этими выводами А. А. Файнштейна надо прежде всего указать, что правильное говорить не о «границах» свободы завещания, а об условиях осуществления свободы завещания. Действительно, о каких «границах» свободы завещания может идти речь, когда завещатель вообще не вправе ни в какой мере изменить установленный законом порядок, как это происходит в том случае, когда все наследники по закону являются лицами, имеющими право на обязательную наследственную долю.

Правило советского законодательства, всемерно охраняющего интересы наследников, имеющих право на обязательную наследственную долю, — несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников наследодателя — имеет огромное не только материальное, но и моральное значение. Оно обусловлено социалистической системой нашего хозяйства, обеспечивающей каждому гражданину право на труд, равно как и возлагающей на него обязанность трудиться, уничтожением эксплуатации человека человеком, а также принципом социалистического гуманизма.

В СССР проводится широкая система мероприятий по материальному обеспечению лиц, утративших трудоспособность.

Утратившие трудоспособность рабочие и служащие получают материальное обеспечение в порядке государственного страхования и социального обеспечения, члены промысловых артелей — в порядке взаимного страхования и взаимопомощи, колхозники — от касс общественной взаимопомощи колхозов или непосредственно от колхозов за счет образуемых в них фондов помощи.

В систему материального обеспечения в связи с утратой трудоспособности входят и такие мероприятия, как трудоустройство инвалидов, их материально-бытовое и культурное обслуживание.

Но тем не менее обеспечение материального положения нетрудоспособных граждан достигается с большими трудностями, нежели граждан трудоспособных. Стремясь к всемерному обеспечению интересов нетрудоспособных граждан, советское право в качестве дополнительного источника их материального обеспечения привлекает имущество умершего гражданина, устанавливая правило, по которому нетрудоспособные граждане при известных условиях приобретают право на получение обязательной доли в наследстве.

Советское право воспрещает гражданину лишать несовершеннолетних детей (как правило, нетрудоспособных) и других нетрудоспособных наследников той доли в наследстве, которая причиталась бы им при наследовании по закону, устанавливая недействительность таких завещательных распоря-

¹ Ф а й н ш т е й н А. А. Автореферат диссертации на тему «Свобода завещания и ее границы по советскому гражданскому праву». М., 1950, стр. 10–11.

жений как нарушающих интересы советской семьи и противоречащих принципам социалистической морали.

Но в тех случаях, когда только некоторые из наследников по закону имеют право на обязательную наследственную долю, закон предоставляет завещателю право свободно распорядиться той частью наследства, которая не причитается наследникам, имеющим право на обязательную наследственную долю. Однако все же в этом случае завещатель не может завещать эту часть имущества гражданину – постороннему лицу, но он вправе завещать ее кому-либо из наследников по закону, а также государственным или общественным организациям.

Не может завещатель завещать имущество постороннему лицу и в том случае, когда все наследники по закону не имеют права на обязательную наследственную долю. При наличии таких наследников по закону за завещателем сохраняется свобода завещания в том отношении, что он может одним наследникам по закону завещать больше, другим – меньше; вправе он также некоторых наследников лишить полностью той доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону, завещав их доли другим наследникам по закону. В таких случаях путем завещания по существу происходит только перераспределение имущества, принадлежащего завещателю, между его наследниками по закону в ином порядке, нежели это предусмотрено нормой закона.

Но завещателю предоставляется право при наличии наследников по закону, не имеющих право на обязательную наследственную долю, завещать свое имущество государственным или общественным организациям. При этом завещатель вправе завещать все свое имущество этим организациям либо часть имущества завещать указанным организациям, а часть – наследникам по закону.

При отсутствии наследников по закону, перечисленных в ст. 418 ГК, гражданин вправе составить завещание и в пользу постороннего лица (гражданина, не входящего в круг наследников по закону). Разумеется, в этом случае за гражданином сохраняется право завещать свое имущество и государственной или общественной организации. Он может завещать все свое имущество соответствующей организации, либо завещать часть своего имущества организации, а часть – постороннему лицу, либо завещать все имущество постороннему лицу.

Но гражданин не вправе путем завещания предопределить порядок наследования для нескольких поколений, например завещать свое имущество гражданину Иванову с тем, чтобы после его смерти оно перешло в собственность гражданина Петрова, а после смерти последнего – к гражданке Васильевой и т. д. В противном случае наследник (в данном примере – гражданин Иванов) был бы ограничен в праве распоряжения перешедшим к нему имуществом, в частности – не имел бы права продавать его, завещать; не

применялся бы и установленный законом порядок наследования по закону и т. д.

Таковы правила советского наследственного права о свободе завещания и об условиях ее осуществления.

§ 2. Понятие завещания

Завещанием признается распоряжение гражданина на случай смерти о своем имуществе, сделанное в установленной законом форме. Завещание делается на случай смерти. Этот признак является наиболее характерным для завещания. Но отсюда не следует все же, что всякое распоряжение гражданина на случай смерти об имуществе является завещанием. Например, при договоре страхования жизни в пользу третьего лица страхователь в письменном заявлении на имя Госстраха может указать то лицо или лиц, которым должна быть выплачена Госстрахом страховая сумма. Однако такое распоряжение страхователя на случай своей смерти не является завещанием. Это – договор в пользу третьего лица, заключаемый страхователем с Госстрахом в соответствии со ст. 140, 367, 374, 375 и другими статьями ГК РСФСР (и соответствующими статьями ГК других союзных республик).

Чтобы данное распоряжение гражданина на случай смерти могло быть признано завещанием, оно должно отвечать ряду признаков и быть совершено в форме, предписанной законом. Но если все условия, необходимые для действительности завещания, соблюдены, закон всемерно охраняет волю наследодателя.

Как указывается в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР, «действующее законодательство о наследовании... охраняет волю наследодателя, если она не противоречит закону и выражена в установленной форме» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 23 января 1941 г. по делу № 45)¹.

Каковы же юридические признаки завещания, отличающие его от других распоряжений на случай смерти?

1. Завещание – односторонняя сделка (ст. 26 ГК): оно приобретает юридическую силу вследствие выражения воли одного лица – завещателя². Для действительности завещания не требуется, чтобы лица, указанные в нем в качестве наследников, дали при совершении завещания или позже – до момента смерти завещателя – свое согласие на назначение их наследниками. От них зависит впоследствии (после смерти завещателя) изъять свою волю на

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1941 год. М., 1947, стр. 114.

² Термин «завещание» применяется в двух значениях: завещанием называется как сам документ, в котором находит свое выражение воля завещателя, так и акт выражения воли завещателя; в последнем своем значении завещание является сделкой.

принятие или на отказ от наследства. Но это будет уже самостоятельной сделкой с их стороны, сделкой – также односторонней.

Иногда говорят, что завещание является последней волей гражданина. Это не значит, что завещание обязательно должно составляться перед самой смертью завещателя. Оно может быть составлено и задолго до смерти завещателя. Закон предоставляет завещателю право по своему усмотрению в любой момент отменить или изменить сделанное им завещание, причем всякие сделки и оговорки, ограничивающие это право завещателя, должны считаться недействительными (ст. 10 ГК). Но, поскольку завещатель выразил в завещании законным образом свою волю и своего завещания не отменил и не изменил, выраженная им воля должна считаться его последней волей (хотя бы она была выражена и за много лет до его смерти).

2. Завещание является распоряжением на случай смерти. Это обстоятельство придает завещанию как сделке специфические особенности. При завещании правовые последствия, по общему правилу, возникают только с момента открытия наследства, т. е. с момента смерти завещателя (или признания его как безвестно отсутствующего умершим, что приравнивается к его смерти). Завещание совершено, но указанное в нем в качестве наследника лицо еще не приобрело права наследования; для этого требуется открытие наследства, т. е. смерть наследодателя и призвание данного лица к наследованию. Было бы все же неправильным полагать, что во всех случаях правовые последствия завещания возникают только со смертью завещателя. Это только общее правило, но еще при жизни завещателя составленное им завещание может иметь известные, хотя и ограниченные, правовые последствия; вновь составленное завещание может повлечь за собой отмену или изменение ранее составленного завещания (ст. 426 ГК). Однако основные правовые последствия завещания, конечно, реализуются только с открытием наследства (призвание наследников, переход к ним имущественных прав наследодателя и др.)¹.

3. Поскольку завещание делается на случай смерти, в литературе завещание иногда относят к числу сделок, совершаемых под отлагательным условием. Мы считаем такой взгляд неправильным. Условием является некое обстоятельство, которое может наступить, но может и не наступить. Смерть же чело-

¹ В практике встречаются иногда случаи, когда на основании завещания происходит передача имущества назначенному в завещании наследнику еще при жизни завещателя. Обычно завещатель выговаривает себе при этом получение от назначенного им наследника пожизненного содержания. Таким образом, по существу, здесь имеет место двусторонняя и притом возмездная сделка, что противоречит природе завещания как сделки односторонней и безвозмездной. Такого рода сделка не может быть признана законной как ставящая силу завещания в зависимость от совершенно привходящего обстоятельства – выполнения принятых на себя обязательств лицом, назначенным завещателем наследником, и ограничивающая завещателя в свободе отмены и изменения завещания (ст. 426 ГК).

века неизбежна, неизвестен только момент смерти. Поэтому смерть завещателя, в зависимости от которой реализуются правовые последствия завещания, не придает завещанию характера условной сделки. Не является завещание условной сделкой еще и потому, что условие всегда является дополнительным моментом в сделке, устанавливаемым соглашением сторон. От желания сторон зависит придание сделке условного характера. Но если стороны этого не делают, то сделка будет иметь юридическую силу, хотя и не будет обладать условным характером. Так, купля-продажа, имущественный наем и другие договоры могут быть заключены со включением в договор тех или иных условий. Но, если стороны не поставят возникновение или прекращение договора в зависимость от наступления или ненаступления тех или иных условий, данный договор все же будет обладать надлежащей юридической силой, связывающей стороны, его заключившие. Завещание же может быть совершено только на случай смерти завещателя. Это обстоятельство является необходимым, а не случайным элементом завещания, который по желанию завещателя может быть включен или не включен в завещание. Упоминание в завещании, что оно составляется на случай смерти завещателя, вытекает из самого существа завещания, является его неотъемлемой частью и не может рассматриваться как отлагательное условие. Более точно было бы считать смерть завещателя сроком, который должен обязательно наступить, хотя и неизвестно, когда он наступит, сроком, от наступления которого зависят правовые последствия завещания как односторонней сделки, хотя, как мы видели, известные правовые последствия завещания может иметь еще и при жизни завещателя.

4. Завещание – сделка, непосредственно связанная с личностью завещателя (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 16 апреля 1952 г. по делу № 03/716). В завещании должна найти точное и полное выражение личная воля завещателя. Поэтому завещание может быть совершено только самим завещателем (§ 29 Положения о государственном нотариате РСФСР). Совершение завещаний через представителей, действующих по доверенности, – поверенных, или на основании закона – родителей, опекунов – по советскому праву не допускается.

5. Завещание является распоряжением гражданина о принадлежащем ему имуществе. Предметом завещательного распоряжения может быть любое имущество, принадлежащее завещателю, независимо от характера этого имущества (наличные деньги, облигации государственных займов, предметы домашней обстановки и обихода, жилой дом и т. п.) и от его местонахождения (в городе или сельской местности, в месте жительства завещателя или в ином месте). Но предметом завещательного распоряжения не могут быть такие имущественные права, которые гражданин не вправе уступить другому лицу и при жизни. Нельзя, например, завещать принадлежащее данному гражданину право на

получение алиментов; нельзя члену колхозного двора (если он не является последним представителем двора) завещать свою долю в дворе и т. д.

Распоряжение об имуществе составляет основное содержание завещания. Но в завещании могут быть и некоторые распоряжения неимущественного характера (например, о месте похорон завещателя, о возложении на кого-либо из наследников обязанности по приведению в порядок рукописей, оставленных завещателем, и др.).

Однако распоряжение гражданина на случай смерти, не содержащее волеизъявления о его имуществе, не может считаться завещанием, например, распоряжение отца о характере воспитания его детей на случай его смерти, о взаимоотношениях детей друг с другом и т. д. Такое распоряжение может иметь для лиц, которым оно адресовано, моральную силу, но не является завещанием в том смысле, как его понимает закон.

6. Завещание – сделка, которая для своей действительности требует обязательного соблюдения установленной законом формы. Поскольку исполнение завещания может последовать только после смерти завещателя, когда восполнить недостаток формы завещания уже невозможно, несоблюдение формы завещания неизбежно приводит к недействительности завещания¹.

Согласно ст. 425 ГК, завещание должно быть подписано завещателем и представлено в нотариальный орган для нотариального удостоверения. Таким образом, закон признает в качестве общей и основной формы завещания завещание письменное, нотариально удостоверенное. Завещание, хотя бы и письменное, но составленное домашним порядком без участия нотариуса, не допускается. Не допускаются и так называемые устные завещания, совершенные не на письме, а на словах. Тем не менее эти совершенно ясные правила ст. 425 ГК (и соответствующих статей ГК других союзных республик) на практике иногда нарушаются. Бывают случаи, когда народные суды выносят решения, признающие силу за распоряжениями наследодателя, подтверждаемыми только свидетелями, либо за завещаниями, нотариально не удостоверенными. Вышестоящим судебным инстанциям приходится отменять такие решения. Так, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 1 июля 1950 г. по делу № 36/681 указывается: «Народный суд и Верховный суд АзССР, признавая за истцами право собственности на спорное домовладение, исходили из того, что дом завещал истцам Кишаров Аршак, который являлся сыном истицы, Кишаровой Шушаник, и дядей истца – Саркисова Юрия. Между тем названное завещание не могло быть признано действительным, так как оно в нарушение ст. 495 ГК АзССР не удостоверено нотариальной конторой».

¹ См.: Антимонов Б., Герзон С., Шлифер Б. Наследование и нотариат, стр. 12.

Законодательством некоторых союзных республик (УССР, БССР, Грузинской ССР) обязательное нотариальное удостоверение завещания установлено под страхом недействительности завещания. Статья 425 ГК такого указания не содержит. В то же время, согласно ст. 29 ГК, несоблюдение требуемой законом формы влечет за собой недействительность сделки лишь в том случае, когда такое последствие несоблюдения формы прямо указано в законе. Однако судебная практика РСФСР относит завещание к таким сделкам, в которых форма составляет «существенную часть сделки и отсутствие ее делает всю сделку порочной...» (Инструктивное письмо ГКК Верховного суда РСФСР, 1927 г., № 1)¹. Инструкция по применению Положения о государственном нотариате РСФСР от 2 февраля 1948 г. относит завещания к числу сделок, подлежащих обязательному нотариальному удостоверению (§ 27).

Кроме письменного нотариально удостоверенного завещания, которым граждане могут пользоваться в любых случаях, советским законодательством установлены для определенных случаев некоторые особые формы письменных завещаний (см. далее, § 5).

7. Завещание не должно содержать в себе распоряжений, противных закону или сделанных в обход закона, либо направленных к явному ущербу для государства (ст. 30 ГК). Примером противозаконного завещания может служить завещание, в котором гражданин назначает своего сына наследником земельного участка, предоставленного гражданину под жилой дом, поскольку такого рода распоряжения нарушают законодательство о национализации земли и о запрещении сделок с землей (ст. 6 Конституции СССР, ст. 21 ГК и др.). В обход закона будет совершено завещание, по которому наследнику, имеющему право на обязательную долю в наследстве, эта доля назначается формально полностью; в действительности же наследник должен получить менее обязательной доли, так как оценка имущества в долях других наследников установлена ниже действительной стоимости².

Случаи завещаний, содержащих в себе распоряжения, противные закону или сделанные в обход закона, либо направленные к явному ущербу для государства, естественно, могут встречаться только как исключение. Но, если бы такое распоряжение было завещателем сделано, нотариус обязан потребовать исключения такого распоряжения из текста завещания, а при отказе завещателя сделать это — отказать в удостоверении завещания.

§ 3. Кому принадлежит право на составление завещания

¹ См.: ГК РСФСР. Постатейно систематизированные материалы, стр. 178.

² См.: Антимонов Б., Герзон С., Шлифер Б. Наследование и нотариат, стр. 27.

Завещателем может быть всякий дееспособный, т. е. достигший совершеннолетия (18 лет) гражданин, который может вполне сознательно относиться к существу делаемых им завещательных распоряжений. Поэтому не могут совершать завещания лица недееспособные и ограниченные в дееспособности. В связи с этим, поскольку все сделки за малолетних (не достигших 14 лет) и от их имени совершают их законные представители – родители, усыновители, опекуны, – завещания не должны совершаться лично завещателем, завещания малолетних не допускаются.

Спорным является вопрос о возможности совершения завещаний несовершеннолетними (в возрасте от 14 до 18 лет).

Случаи, когда бы несовершеннолетние имели намерение составить завещание, естественно, могут встречаться только как исключение. Поэтому вопрос о завещаниях несовершеннолетних не должен был бы привлекать к себе особого внимания. И если мы останавливаемся здесь на этом вопросе, то только потому, что он уже был затронут некоторыми советскими юристами, решавшими его, как нам кажется, неправильно. По мнению этих юристов, за несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет должно быть признано право совершать завещания. В обоснование этого взгляда были выдвинуты следующие соображения: поскольку несовершеннолетние (в возрасте от 14 до 18 лет) вправе распоряжаться имуществом, которое они приобрели на свои личные заработки, то они могут совершать завещания в отношении имущества, приобретенного их трудом¹.

Мы думаем, что ст. 9 ГК, на которую ссылаются сторонники этого мнения, толкуется ими слишком широко. Статья 9 ГК предоставляет несовершеннолетним право самостоятельно использовать в потребительских целях полученный ими трудовой заработок (приобретать продукты питания, одежду и т. д.). Но совершать сделки в отношении принадлежащего им имущества несовершеннолетние могут только с согласия своих родителей, усыновителей или попечителей, что неприменимо к завещанию, являющемуся, как выше указывалось, сделкой, непосредственно связанной с личностью завещателя, сделкой, в которой должна найти точное и полное выражение личная воля завещателя, свободная от чьего-либо влияния. К тому же у гражданина, не достигшего 18 лет, полной сознательности к существу совершаемых завещательных распоряжений может и не быть.

Исходя из этих соображений, мы считаем, что гражданам, не достигшим 18 лет, не принадлежит право составлять завещания. Практически же

¹ См.: Антимонов Б., Герзон С., Шлифер Б. Наследование и нотариат, стр. 25; Хитёв В. К. Социалистическая законность. 1947, № 7, стр. 30.

вопрос о составлении несовершеннолетними завещания вообще может возникнуть в исключительных случаях¹.

Завещания могут совершаться только дееспособными; лица, объявленные соответствующими учреждениями недееспособными вследствие душевной болезни или слабоумия (хотя бы и совершеннолетние), не могут выступать в роли завещателей.

Должны быть также признаны недействительными завещания лиц, формально дееспособных, но находившихся при совершении завещания в таком состоянии, что они не могли понимать значения своих действий, например, в силу болезненного состояния (ст. 31 ГК). В таких случаях необходима соответствующая медицинская экспертиза. Если медицинской экспертизой будет установлено, что данный гражданин при совершении им завещания находился в состоянии невменяемости, завещание должно быть признано судом недействительным.

Гражданин, совершающий завещание, должен обладать дееспособностью в момент совершения завещания. Поэтому если завещание было составлено недееспособным, то такое завещание будет недействительным, хотя бы впоследствии гражданин стал дееспособным (например, душевнобольной выздоровел). И наоборот, потеря гражданином дееспособности после составления им завещания, например, вследствие психического заболевания, не лишает завещание юридической силы.

Совершение завещаний совместно несколькими лицами не допускается. Завещание может быть составлено только одним лицом. Поэтому не могут, например, отец и мать одним завещанием завещать свое общее имущество, нажитое в браке, своим детям. Но каждый из них может в отдельно составленном завещании распорядиться принадлежащей ему долей в общем имуществе, равно как и лично ему принадлежащим (раздельным) имуществом.

Не допускаются и такие совместные завещания, в которых каждый из завещателей назначает своим наследником другого завещателя.

§ 4. Кто может быть назначен наследником по завещанию

Вопрос о том, кто может быть назначен наследником по завещанию, определяется Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию».

¹ Мы не касаемся здесь установленного особыми правилами порядка распоряжения вкладами, внесенными на свое имя в государственные трудовые сберегательные кассы лицами, не достигшими 18 лет (см. Инструкцию МФ СССР от 20 июня 1949 г. № 901 по приему, хранению и выдаче вкладов государственными трудовыми сберегательными кассами).

Согласно ст. 2 Указу от 14 марта 1945 г. и приведенной в соответствие с Указом ст. 422 ГК (и соответствующим статьям ГК других союзных республик), завещатель может назначить своими наследниками:

1) всех тех лиц, которые могут быть наследниками по закону; 2) государственные органы и общественные организации; 3) любых граждан при отсутствии наследником по закону.

Таким образом, Указ от 14 марта 1945 г. устанавливает три группы наследников по завещанию.

В соответствии со ст. 418 ГК, в первую группу входят дети, внуки, правнуки, усыновленные с их потомством, переживший супруг, родители, братья и сестры наследодателя, а также нетрудоспособные лица, находившиеся на иждивении наследодателя не менее года до его смерти. Завещатель вправе завещать все свое имущество или часть его любому из этих лиц, не считаясь с очередностью их призвания по закону. Такой вывод вытекает из содержания ст. 422 ГК, предоставляющей гражданину право оставить по завещанию свое имущество одному или нескольким лицам из числа упомянутых в ст. 418 ГК; в статье же 418 ГК упомянуты все перечисленные выше наследники по закону. Поэтому гражданин вправе, например, завещать свое имущество внукам, минуя дочь или сына, или завещать имущество сестре при наличии трудоспособных родителей.

Переходим ко второй группе наследников по завещанию. Прежде всего нужно установить, кого имеет в виду закон под государственными органами и общественными организациями.

Под государственными органами, которым гражданин может завещать свое имущество, надлежит понимать любые государственные учреждения, предприятия и организации (министерства, советы депутатов трудящихся, университеты, научно-исследовательские институты, заводы и т. д.). Не обязательно, чтобы данное государственное учреждение или предприятие пользовалось правами юридического лица.

Хотя ст. 422 ГК не говорит о возможности завещать имущество непосредственно государству, но, тем не менее, нет оснований отказывать в этом гражданину. Гражданин может не знать, к какому государственному органу должно поступить завещанное им имущество; государство же всегда даст надлежащие указания о наиболее целесообразном использовании завещанного имущества. В юридическом отношении затруднений возникнуть при этом не может, поскольку, как правильно отмечалось в нашей литературе, государство все равно становится собственником завещанного имущества как в

том случае, когда оно завещано непосредственно государству, так и в том случае, когда оно завещано одному из его органов¹.

Что касается общественных организаций, в пользу которых может быть сделано завещание, то под ними надо понимать партийные и профессиональные организации, колхозы и другие кооперативные организации, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные добровольные общества. Но нельзя завещать имущество церкви (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 23 октября 1947 г. по делу № 1068)².

Действительно ли завещание в пользу несуществующего к моменту открытия наследства государственного органа или общественной организации? Ответа на этот вопрос в ГК мы не находим.

Статья 423 ГК предоставляет гражданину право при завещании имущества государственным органам или общественным организациям указать определенную цель, на которую должно быть употреблено завещанное имущество. Так например, гражданин может указать в завещании, чтобы принадлежащая ему библиотека после его смерти была передана тому научному учреждению, в котором он работал, определенная денежная сумма – местному или кассе взаимопомощи этого учреждения, и т. д. В этих случаях гражданин определяет в завещании целевое назначение имущества, завещанного им существующим государственным органам или общественным организациям. Если же гражданин сделает завещательное распоряжение в пользу еще не существующих или уже не существующих государственных или общественных организаций, указав при этом определенную цель, на которую должно быть употреблено завещанное имущество, то государство может само решить, как надлежит использовать это имущество с соблюдением желания завещателя. И если государство и не признает целесообразным создание новой организации, которой должно быть передано завещанное имущество, то государство может передать это имущество уже существующей государственной или общественной организации, которая по осуществляемым ею целям ближе всего подходит к той организации, которую имел в виду завещатель.

Признание завещания недействительным и, следовательно, переход наследственного имущества к наследникам по закону только потому, что указанная завещателем организация к моменту открытия наследства не существует (еще не возникла или уже прекратила свое существование), было бы, с нашей точки зрения, неоправданным.

¹ См.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.–Л., 1948, стр. 336.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1948. Вып. I. М., 1948, стр. 5.

При наличии наследников по закону граждан вправе завещать часть имущества всем или кому-либо из этих наследников, а другую часть – государству, государственным органам либо общественным организациям. Но он может завещать все свое имущество государству, государственным органам или общественным организациям, устранив таким образом всех наследников по закону. В этом отношении советское законодательство никаких ограничений не устанавливает и по вполне понятным соображениям, поскольку в данном случае гражданин руководствуется общественным интересом (об ограничении в свободе завещания при наличии несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников см. далее, § 8).

Теперь следует остановиться на последней группе возможных наследников по завещанию – гражданах, не являющихся наследниками по закону.

Согласно ч. 3 ст. 422 ГК при отсутствии лиц, указанных в ст. 418 ГК, имущество может быть завещано любому лицу. Таким «любым» лицом может быть всякий гражданин, не входящий в круг наследников по закону; им может быть и более дальний родственник завещателя, и лицо, не являющееся его родственником. Закон говорит о «любом» лице в единственном числе (ст. 422), но наследниками может быть назначено и несколько «любых» лиц. Однако пока у завещателя имеется хотя бы один наследник из числа упомянутых в ст. 418 ГК, завещание, составленное в пользу гражданина, не входящего в круг наследников по закону (постороннего лица), не может иметь юридической силы, является недействительным. Но нет препятствий к тому, чтобы при отсутствии наследников по закону имущество было завещано в одной части государственному органу или общественной организации, а в другой части – постороннему лицу.

В связи с возможностью составления завещания в пользу постороннего лица возникает вопрос, на какой же момент должно быть установлено отсутствие у завещателя наследников по закону. На момент ли совершения завещания или на момент открытия наследства? Ведь с момента совершения завещания и до момента открытия наследства могут произойти значительные изменения в семейном положении завещателя. У него могли быть, например, близкие родственники или иждивенцы ко времени составления завещания в пользу постороннего лица, но к моменту открытия наследства их уже не оказывалось в живых, и, наоборот, ко времени составления завещания завещатель был одиноким человеком, не имевшим ни жены, ни близких родственников, а затем он женился, у него родились дети. В первом случае завещание, составленное в пользу постороннего лица, очевидно, должно быть признано действительным, во втором же случае – утратившим силу. Решающее значение в данном случае имеет отсутствие у завещателя наследников по закону не на момент составления завещания, а на момент открытия

наследства. В таком смысле и дал разъяснение Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 20 июня 1947 г. «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» и других вопросах наследования» (п.6).

По своей юридической природе завещание, составленное в пользу постороннего лица при наличии у завещателя на момент составления завещания наследников по закону, является односторонней сделкой, правовые последствия которой зависят одновременно от наступления срока – момента смерти завещателя и осуществления отрицательно-отлагательного условия – отсутствия у завещателя наследников по закону к моменту открытия наследства¹.

Итак, если к моменту открытия наследства у завещателя наследников по закону не окажется, то завещание в пользу постороннего лица имеет надлежащую юридическую силу. При наличии же у завещателя наследников по закону и изъявленного ими в установленный срок желания принять наследство такое завещание свою силу утрачивает.

Более сложным является решение вопроса о силе завещания в пользу постороннего лица в том случае, если при наличии у завещателя наследников по закону никто из них не пожелает принять наследство (заявит формальный отказ от наследства или просто не явится в установленный срок). Часть 3 ст. 422 допускает возможность завещания в пользу постороннего лица на случай отсутствия лиц, перечисленных в ст. 418 ГК (наследников по закону), но не на случай их отказа от наследства или неявки в установленный шестимесячный срок. Поэтому, по буквальному смыслу ст. 422 ГК, в случае отказа наследников от наследства по закону или их неявки в установленный срок наследственное имущество, завещанное в пользу постороннего лица, должно быть признано выморочным, а завещание в пользу постороннего лица – недействительным.

Однако такой вывод расходился бы с общим духом действующего законодательства (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г., Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от 28 мая 1945 г. и Указы Президиумов Верховных Советов других союзных республик), всемерно охраняющего законную волю завещателя и оберегающего интересы членов его семьи и других близких ему лиц, но не ставящего своей целью расширение круга случаев перехода к государству наследственного имущества в качестве выморочного и даже сократившего число таких случаев. Поэтому мы думаем, что, поскольку в данном случае эти интересы не

¹ См.: Ф л е й ш и ц Е. А. Завещание и легат в советском гражданском праве. Ученые записки ВИЮН, вып. VI. М., Юриздат, 1947, стр. 88.

затрагиваются, нет оснований к невыполнению воли завещателя и к признанию наследственного имущества выморочным¹.

В связи с возможностью назначения наследником по завещанию любого лица в практике возникает вопрос о действительности так называемых смешанных завещаний, т. е. таких завещаний, по которым часть наследственного имущества завещается наследникам по закону, а часть — посторонним («любым») лицам. При желании завещателя совершить такое завещание в РСФСР нотариусы обычно предлагают завещателю назначить наследником наследника по закону, а постороннее лицо — в порядке ст. 424 ГК — подназначить наследником на случай смерти наследника до открытия наследства или непринятия им наследства². Предлагается также иногда в таких случаях назначить законными наследниками только наследников по закону. Мы думаем все же, что нет серьезных оснований к недопущению смешанных завещаний. Как уже указывалось, действительность завещания определяется на момент открытия наследства. Если к этому моменту будут находиться в живых назначенные наследниками по завещанию лица, входящие в круг наследников по закону, и постороннее лицо, то завещание, в соответствии со ст. 37 ГК, должно быть признано недействительным не целиком, а только в части, касающейся назначения наследником постороннего лица³. Доля в наследстве, предназначенная по завещанию этому лицу, поступает к законному наследнику, назначенному наследником по завещанию, если кроме него нет других законных наследников; если

¹ Иначе решает этот вопрос Е. А. Флейшиц. Соглашаясь с тем, что вывод о признании в рассматриваемом случае наследства выморочным не соответствует тенденциям нашего новейшего законодательства в области наследственного права, направленным к наиболее бережному охранению законной воли завещателя, с одной стороны, и к сокращению круга выморочных имуществ, с другой, Е. А. Флейшиц все же считает такой вывод неизбежным. «Для иного вывода, — по мнению Е. А. Флейшиц, — надо было бы, чтобы закон говорил о действительности завещания в пользу стороннего лица не только при отсутствии у завещателя наследников по закону, но и в случае неявки их в течение шести месяцев со дня открытия наследства» (Ф л е й ш и ц Е. А. Завещание и легат в советском гражданском праве, стр. 89).

² Е. А. Флейшиц с основанием указывает, что предусмотренная ст. 424 ГК возможность подназначения наследника позволяет укрепить права подназначенного наследника из числа посторонних завещателю лиц лишь в том случае, когда назначенный в завещании наследник является единственным наследником завещателя по закону; если же у завещателя имеются кроме него и другие наследники по закону, то субституцию надо рассматривать так же, как непосредственное назначение наследника из числа посторонних лиц при наличии у завещателя наследников по закону. Учебные записки ВИЮН, вып. VI, стр. 87.

³ В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г. «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 ноября 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» и других вопросах наследования» указывается на обязанность нотариуса предупредить завещателя о том, что если к моменту смерти завещателя будет жив кто-либо из его законных наследников, то завещание в отношении посторонних лиц будет недействительным. Таким образом, по разъяснению Пленума Верховного суда СССР, завещание в таком случае делается недействительным только в отношении посторонних лиц.

же такие законные наследники имеются, то эта доля перейдет ко всем наследникам по закону (ст. 419 ГК). Таким образом, в данном случае лицо, входящее в круг наследников по закону, назначенное наследником по завещанию, сохранит за собой долю, назначенную ему завещателем. Доля же, предназначенная постороннему лицу, поступит к наследникам по закону; причем, если единственным наследником по закону окажется наследник, назначенный в завещании, то он получит все наследственное имущество; если же кроме него окажутся и другие наследники по закону, то эта доля будет поделена между наследниками по закону ближайшей очереди, в числе которых может оказаться и наследник по завещанию. Например, наследниками по завещанию были назначены супруг завещателя и постороннее лицо. Оба они были в живых к моменту открытия наследства. Кроме того, к моменту открытия наследства в живых оказались еще два взрослых сына завещателя и его брат. Доля постороннего лица перейдет к наследникам по закону первой очереди, т. е. к двум взрослым сыновьям и супругу; брат завещателя, как наследник по закону третьей очереди, не будет призван к наследованию.

Возможен и такой случай, когда при назначении наследниками по завещанию одновременно наследника по закону и постороннего лица наследник по закону, назначенный наследником по завещанию, уже не будет находиться в живых к моменту открытия наследства, а других наследников по закону у завещателя не окажется. Какова будет судьба части имущества, предназначенной завещанием наследнику по закону? Поступит ли она к наследнику по завещанию – постороннему лицу – или перейдет к государству в качестве выморочного имущества? Поскольку единственный наследник по закону отпал еще до открытия наследства, предназначавшаяся ему часть имущества завещателя должна рассматриваться как оставшаяся вне завещательных распоряжений и, следовательно, из-за отсутствия наследников по закону должна перейти к государству. Но постороннее лицо, назначенное наследником по завещанию, в указанном случае сохранит за собой выделенную ему по завещанию долю наследства.

§ 5. Формы завещания

Выше мы указывали, что общей, основной формой завещания является письменное, нотариально удостоверенное завещание¹. В РСФСР порядок совершения завещания регулируется Положением о государственном нота-

¹ Законодательство Грузинской ССР разрешает при отсутствии в данном месте нотариуса удостоверение завещаний народному судье, а при отсутствии судьи – сельскому совету. Законодательство Белорусской и Украинской ССР разрешает при отсутствии в данном месте нотариальной конторы удостоверение завещаний сельским советам.

риате РСФСР и Инструкцией Министерства юстиции РСФСР по его применению от 2 февраля 1948 г. Здесь мы считаем возможным ограничиться изложением самых общих положений, касающихся порядка составления и удостоверения завещаний¹.

Из текста ст. 425 ГК как будто следует, что завещатель должен всегда сам составлять проект завещания и, подписав его, представлять в нотариальную контору для удостоверения². Но завещание может быть составлено в нотариальной конторе нотариусом со слов завещателя. В некоторых же случаях (например, при инвалидности завещателя или его тяжелой болезни, препятствующих завещателю лично явиться в нотариальную контору) завещатель может вызвать к себе нотариуса на дом или в больницу для составления и удостоверения завещания (§ 4 Инструкции Министерства юстиции РСФСР по применению Положения о государственном нотариате РСФСР).

Закон не требует, чтобы завещание было обязательно перепечатано на пишущей машинке. Оно может быть написано чернилами от руки. Но завещание должно быть составлено в двух тождественных экземплярах.

В нотариальных конторах для удобства граждан имеются примерные формы завещаний. Но граждане при составлении завещания не обязаны текстуально придерживаться этих примерных форм (хотя нотариусы иногда и требуют этого).

Нотариус обязан проверить самоличность завещателя, а также его дееспособность. Но нотариус не проверяет правоспособности завещателя, как неточно указывают авторы работы «Наследование и нотариат»³. Уголовным кодексом РСФСР предусмотрена возможность лишения гражданина политических и гражданских прав: 1) избирательного права; 2) права занимать выборные должности в общественных организациях; 3) права занимать те или иные государственные должности; 4) права носить почетные звания; 5) родительских прав; 6) права на пенсию (ст. 31 УК) и некоторых других. Однако никакое лишение гражданина указанных политических или отдельных гражданских прав не может служить препятствием к составлению им завещания.

Нотариус должен также проверить законность распоряжений завещателя.

В случае недееспособности завещателя или незаконности его завещательного распоряжения нотариус должен отказать в удостоверении завеща-

¹ См.: Антимонов Б., Герзон С., Шлиффер Б. Наследование и нотариат. — М., 1946.

² С просьбой об удостоверении завещания гражданин может обратиться в любую нотариальную контору, хотя целесообразней всего делать это в нотариальной конторе по месту жительства гражданина.

³ См.: Антимонов Б., Герзон С., Шлиффер Б. Наследование и нотариат, стр. 22, 24 и др. — См. по этому поводу правильное возражение в рецензии А. Доркина и В. Рысенцева. Социалистическая законность, 1947, № 10, стр. 28–30.

ния; если, например, завещатель выразит желание завещать не только принадлежащую ему на праве личной собственности дачу, но и земельный участок, на котором она расположена, поскольку такого рода завещательное распоряжение явится нарушением законодательства о национализации земли.

Нотариус не обязан проверять права завещателя на имущество, которое он завещает. Между моментом составления завещания и смертью завещателя нередко может пройти значительный срок, в течение которого состав имущества, принадлежащего завещателю, может в той или иной степени измениться; некоторые имущественные объекты могут из состава имущества завещателя выбыть, другие – войти. Не должен также нотариус требовать от завещателя представления доказательств родственной связи с ним лиц, в пользу которых завещается имущество (§ 66 Инструкции по применению Положения о государственном нотариате РСФСР от 2 февраля 1948 г.). Но на обязанности нотариуса лежит объяснить завещателю значение ст. 422 ГК, обеспечивающей интересы несовершеннолетних детей завещателя и его других нетрудоспособных наследников. При совершении завещания нотариус должен также предупредить завещателя о том, что если к моменту смерти завещателя будет жив кто-либо из его законных наследников, то завещание в отношении посторонних лиц будет недействительным (п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г.).

После установления окончательной редакции текста завещания происходит подписание завещателем завещания. Подписывается завещание завещателем по общему правилу в присутствии нотариуса.

Должны быть подписаны оба экземпляра завещания.

В отдельных случаях закон допускает, чтобы вместо завещателя в присутствии нотариуса завещание подписало другое лицо. Имеются в виду случаи, когда завещатель по неграмотности, болезни или по другим причинам не может сам подписать завещание.

Случаи неграмотности советских граждан – этого наследия дореволюционной России – в настоящее время явление исключительно редкое. На этот случай закон разрешает подписание завещания за завещателя другому лицу, которого закон называет рукоприкладчиком (ст. 125 ГК). Рукоприкладчиком не может быть лицо, в пользу которого завещается какое-либо имущество (§ 66 Инструкции по применению Положения о государственном нотариате РСФСР).

Грамотные глухие, немые и глухонемые сами подписывают завещание. Но если завещатель является глухим, немым или глухонемым и притом неграмотным, то при удостоверении завещания привлекается лицо, умеющее объяс-

ниться с завещателем, которое своей подписью удостоверяет, что содержание завещания соответствует воле неграмотного глухого, немого или глухонемого.

Если же завещатель является слепым, то текст завещания обязательно прочитывается нотариусом, о чем отмечается на завещании, после чего слепой подписывает завещание; в случае его неграмотности за него расписывается другое лицо (§ 9 Инструкции по применению Положения о государственном нотариате РСФСР).

Привлечение рукоприкладчика возможно и в других случаях, например, если завещатель, не имеющий руки, при помощи протеза все же не может подписать завещания.

Подписанное завещателем завещание подлежит удостоверению нотариусом, после чего оно приобретает юридическую силу. Удостоверение завещания заключается в совершении нотариусом на самом завещании удостоверительной надписи.

Последующие действия нотариуса, примыкающие к совершению удостоверительной надписи, – регистрация завещания и др., – не имеют решающего значения для получения завещанием юридической силы¹.

Возникает вопрос, должен ли нотариус совершить удостоверительную надпись и прочие действия, если завещатель, подписав завещание, умрет или утратит дееспособность?

Авторы работы «Наследование и нотариат» решают этот вопрос таким образом: «Когда и поскольку удостоверительная надпись закончена нотариусом еще при жизни завещателя, до утраты им дееспособности, нотариус обязан закончить прочие действия независимо от состояния, в которое в дальнейшем впал завещатель. В противном случае нотариус должен немедленно прекратить нотариальные действия»².

Нам кажется такой вывод, по меньшей мере, спорным. Хотя, конечно, завещание может считаться окончательно составленным только с момента совершения нотариусом удостоверительной надписи, но центр тяжести завещания все же заключается в состоявшемся выражении воли завещателя. И если завещатель, будучи дееспособным, успел в присутствии нотариуса надлежащим образом выразить свою волю и подписать завещание, то нотариус должен совершить все необходимое, чтобы эта воля получила требуемое законом оформление, т. е. сделать на завещании удостоверительную надпись и совершить прочие действия (регистрацию завещания и др.).

Из двух подписанных завещателем экземпляров завещания один остается на хранении в нотариальной конторе, другой же (второй) выдается завещателю.

¹ См.: Антимонов Б., Герзон С., Шлифер Б. Наследование и нотариат, стр. 38.

² См. там же.

За удостоверение нотариусом завещания взимается государственная пошлина в размере 10 руб. независимо от суммы завещанного имущества.

Кроме завещаний, удостоверенных в нотариальных органах, советское право допускает в определенных случаях удостоверение завещаний у других должностных лиц.

Капитан морского судна, плавающего под флагом Союза ССР, имеет право во время плавания удостоверять завещания, составленные лицами, находящимися на судне (ст. 59 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР – СЗ СССР, 1929, № 41, ст. 365). Капитану судна внутреннего водного транспорта предоставлено право удостоверять завещания, составленные лицами, находящимися на судне (ст. 27 Устава внутреннего водного транспорта – СЗ СССР, 1930, № 55, ст. 582).

Разрешается удостоверение завещаний помимо нотариальных органов командованию отдельных воинских частей (полков, дивизионов, рот, батарей и т. д.), а завещаний военнослужащих, находящихся на излечении в госпиталях, – начальникам госпиталей.

За границей консулы и консульские агенты СССР могут удостоверять завещания советских граждан (ст. 60 Консульского устава СССР – СЗ СССР, 1929, № 61, ст. 567).

На основании примечания к ст. 425 ГК, паевые взносы, внесенные в первичную кооперативную организацию, могут быть их членами завещаны лицам, в пользу которых по общим правилам наследственного права могут совершаться завещания, путем совершения в членской книжке соответствующей надписи о назначении наследников без нотариального удостоверения этой надписи. Как было разъяснено Верховным судом СССР, «поскольку порядок завещания, установленный примечанием к ст. 425 ГК, является исключением из общего, установленного законом правила удостоверения завещаний, то распространять его на какие-либо другие документы, кроме членской книжки... нельзя...» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 29 апреля 1952 г. по делу № 03/375).

О форме распоряжения на случай смерти вкладами, внесенными в банк или в государственную трудовую сберегательную кассу, см. гл. II, § 4.

§ 6. Содержание завещания

Основное содержание завещания составляют распоряжения завещателя о назначении данных лиц наследниками с указанием того имущества, которое завещатель им предназначает. В нашей литературе был даже высказан взгляд, что назначение наследника является необходимым реквизитом завещания и что

распоряжение, в котором не указывается наследник, не есть завещание¹. Действительно, в подавляющем большинстве случаев распоряжение завещателя о назначении наследника составляет главное содержание завещания. Но возможно и такое завещание, в котором все распоряжение завещателя заключается не в назначении наследника, а в устранении от наследования всех наследников по закону. Этот случай прямо предусматривается ч. 2 ст. 433 ГК, устанавливающей, что «в случае... лишения завещателем права наследования всех наследников, имущество признается выморочным и переходит в собственность государства».

Конечно, подобные завещания могут иметь место весьма редко, но все же возможны. Возможны и такие завещания, по которым все имущество передается на общепользные цели без назначения определенных наследников².

Назначая завещательным наследником кого-либо из наследников по закону или постороннее лицо, завещатель должен указать фамилию и имя наследника. Но в отдельных случаях, как нам кажется, возможно назначение наследника и без указания его фамилии и имени; например: «завещаю все мое имущество моим внукам». К моменту смерти завещателя количество его внуков может увеличиться, но все же воля завещателя о назначении внуков единственными наследниками является выраженной в завещании совершенно ясно.

Назначение наследника в завещании может быть сделано только самим завещателем, и назначенный завещателем наследник не может быть заменен судом другим лицом. Верховный суд Молдавской ССР изменил частично завещание, удостоверенное нотариальной конторой, признав наследницей по завещанию на часть дома, принадлежавшего наследодателю гр. Вишнякову, его дочь Мунтян (в завещании же было указано, что гр. Вишняков завещает эту часть дома своей жене Сосидко с тем, чтобы после ее смерти эта часть дома перешла к его дочери Мунтян). Определение Верховного суда Молдавской ССР об изменении завещания было мотивировано теми соображениями, что воля наследодателя в завещании изложена неправильно, так как наследодатель желал завещать эту часть дома дочери Мунтян, но вместе с тем, желая обеспечить свою жену жилой площадью, имел намерение возложить на дочь обязанность предоставить его жене Сосидко пожизненное проживание в этой части дома. По протесту Председателя Верховного суда СССР определение Верховного суда Молдавской ССР было отменено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР. В своем определении по этому делу Судебная коллегия указала, что мотивы Верховного суда Молдавской ССР не основаны на законе: «...наследник в завещании должен быть

¹ См.: Ф лей ш и ц Е. Завещание и легат в советском гражданском праве, стр. 89–90; А н т и м о н о в Б., Г е р з о н С., Ш л и ф е р Б. Наследование и нотариат, стр. 10.

² См.: Д о р к и н А., Р я с е н ц е в Н. Социалистическая законность, 1947, № 10, стр. 29.

указан самим завещателем и помимо его воли включать в завещание других наследников нельзя... Верховный суд Молдавской ССР не мог изменять в этой части завещание и заменять одних наследников по завещанию другими...» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 16 апреля 1952 г. по делу № 03/316).

Составляя завещание, завещатель не может знать, кто умрет раньше – он сам или назначенный им наследник. Не может он знать и того, захочет ли наследник по завещанию принять наследство. В связи с этим закон предоставляет завещателю право назначить в завещании другого (добавочного) наследника на тот случай, если бы наследник, назначенный по завещанию, умер ранее открытия наследства или не принял его (так называемая субституция – ст. 424 ГК). Вполне допустимо такое назначение в завещании добавочного наследника одновременно и на тот, и на другой случай. К смерти назначенного основного наследника должно быть приравнено и признание его в установленном порядке как безвестно отсутствующего умершим (ст. 12 ГК). В качестве примера назначения добавочного наследника можно привести следующую запись в завещании: «Завещаю принадлежащую мне дачу моей жене, а если она умрет ранее меня или не захочет принять наследства – моим сыновьям, Сергеем и Петру». Как при назначении основного, так и при назначении добавочного наследника завещатель, как правило, может делать свой выбор только из числа наследников по закону, указанных в ст. 418 ГК. При отсутствии наследников по закону завещатель вправе назначить добавочным наследником любое лицо, т. е. не наследника по закону (ст. 424 ГК). Однако не допускается назначение добавочного наследника к наследнику, пережившему наследодателя и принявшего наследство. В вышеприведенном определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда по жалобе гр. Мунтян на действия нотариуса Судебная коллегия указала, что Верховный суд Молдавской ССР «должен был признать завещание недействительным ввиду того, что по закону не допускается подназначение наследника к наследнику, пережившему наследодателя и принявшему наследство».

Нет препятствий к составлению завещания под отлагательным условием. При составлении завещания под отлагательным условием назначенный завещателем наследник не делается собственником завещанного ему имущества впредь до наступления условия. До этого момента имущество юридически находится в несколько неопределенном положении. Фактически оно еще никому не принадлежит. Но при наступлении или ненаступлении указанного в завещании отлагательного условия правовое положение этого имущества сразу выясняется: назначенный в завещании под отлагательным условием наследник или делается субъектом соответствующего права, или не делается. Так например, если гражданин завещает свою библиотеку сыну под условием, что сын

окончит высшее учебное заведение, сын станет собственником этой библиотеки по окончании высшего учебного заведения; если же он высшего учебного заведения не окончит или вообще не поступит в высшее учебное заведение до достижения им предельного возраста, установленного для поступления в высшее учебное заведение, то он права собственности на библиотеку не приобретает, и тогда библиотека перейдет в собственность других наследников либо в качестве выморочного – к государству. Основное практическое затруднение при завещаниях с отлагательным условием заключается в той правовой неопределенности, которая продолжается в течение известного времени – до выяснения вопроса о выполнении выставленного завещателем условия. Ограничить это время сроком для принятия наследства (шесть месяцев) практически для большинства случаев будет означать невозможность выполнения условия. Отсутствие же каких-либо сроков, в пределах которых может быть выполнено условие, придает завещательному распоряжению крайне неустойчивый характер, да и судьба соответствующего имущества в отдельных случаях может длительное время оставаться весьма неопределенной. Поэтому было бы желательным установление в законодательном порядке какого-то предельного срока, в течение которого должен окончательно выясниться вопрос о наступлении или ненаступлении отлагательного условия. Вместе с тем в законодательном же порядке следует определить и правовое положение завещанного имущества на период времени между открытием наследства и наступлением или ненаступлением отлагательного условия, если завещатель сам не сделал соответствующих распоряжений. Завещанное имущество, состоящее из денег и облигаций займов, целесообразно вносить на этот период на хранение в банк или государственную трудовую сберегательную кассу. Забота же о прочем имуществе может быть возложена на наследников или на исполнителя завещания.

Не должны признаваться имеющими силу условия противозаконные или противоречащие правилам социалистической морали. Не должно иметь силы завещательное распоряжение о назначении данного лица наследником под условием совершения им противозаконного действия. Не могут быть признаны имеющими силу завещательные распоряжения, которым данное лицо назначается наследником под условием, что оно не изберет себе известной профессии, или не вступит в брак, или, наоборот, расторгнет свой брак и т. д.

Недействительным должно быть признано завещательное распоряжение о назначении данного лица наследником по завещанию с тем, чтобы за ним сохранилось право личной собственности на завещанное имущество в течение пяти, десяти и т. д. лет. Однако можно завещать имущество во временное пользование, в частности – в пожизненное пользование. В этом случае один или несколько наследников приобретают право пользования наследственным иму-

ществом в течение известного срока или пожизненно, другой же или другие назначенные завещателем наследники становятся собственниками этого имущества, но ограничиваются в праве пользования им впредь до истечения обусловленного завещателем времени. Жена завещает принадлежащий ей жилой дом в пожизненное пользование мужу и в собственность дочери. Пока жив муж, дочь ограничена в праве пользования этим домом. Муж же может пользоваться домом, но не может им распоряжаться, например, продать, подарить и т. д. В случае отчуждения дочерью этого имущества другому лицу муж должен сохранить принадлежащее ему пожизненно право пользования.

Возможно завещательное распоряжение под отлагательным сроком. Например, отец оставляет сыну известную денежную сумму, обусловив выдачу ему этой суммы истечением пяти лет после смерти завещателя.

Назначение наследника связано с предоставлением ему завещателем принадлежащего ему имущества. При этом завещатель вправе завещать все свое имущество всем наследникам по закону, завещав, однако, одним из них больше, другим меньше (в неравных долях). Так например, гражданин, имеющий жену и трех взрослых сыновей, завещает жене $\frac{1}{2}$, одному сыну – $\frac{1}{4}$, а двум другим сыновьям – по $\frac{1}{8}$ принадлежащего ему имущества.

Завещатель может завещать все свое имущество одному или только некоторым из числа наследников по закону, не оставив ничего другим наследникам по закону. Например, гражданин, имеющий двух сестер, завещает все свое имущество одной сестре.

Завещатель может завещать только часть своего имущества. В этом случае незавещанная часть имущества перейдет к наследникам по закону. Имущество гражданина заключалось в жилом доме и домашней обстановке. Семейство гражданина состояло из его жены и двух взрослых дочерей. Свой жилой дом он завещал жене, а об остальном имуществе в завещании не упомянул. Имущество, не упомянутое в завещании (домашняя обстановка), перейдет к наследникам по закону, т. е. к двум дочерям и жене, потому что жена как переживший супруг также является наследницей по закону в незавещанной части имущества.

Завещатель может указать каждый завещанный им предмет в натуре; например, в завещании может быть сказано, что домашняя обстановка завещается дочери, библиотека – сыну и т. д., но завещатель вправе, не делая таких конкретных обозначений, сделать распоряжения в общей форме (например: «Все мое имущество, в чем бы ко дню смерти оно ни заключалось, завещаю моей сестре такой-то»). Завещатель может также, распределяя свое имущество между наследниками по завещанию, указать только определенную долю каждого из них в завещанном имуществе; например, сыну Ивану –

$\frac{1}{3}$, дочери Вере – $\frac{1}{4}$ и т. п. В случае умолчания о размере наследственных долей доли наследников по завещанию должны считаться равными.

Объектом завещательного распоряжения может быть все то, что является объектом имущественных прав, которые могут переходить в порядке наследственного преемства, – трудовые сбережения, жилой дом, предметы домашней обстановки и обихода, предметы личного потребления и удобства. Можно завещать право требования по долговой расписке, авторское право (в его имущественной части) и т. д. Но нельзя завещать одни обязанности. Как мы увидим в дальнейшем, закон предоставляет завещателю право возлагать на наследника по завещанию выполнение тех или иных обязательств (см. § 9), но это допускается только при условии получения этими наследниками наследственного имущества или известной его доли. Завещание, которым завещатель обязал наследника выполнить те или иные обязанности или уплатить его долги без предоставления ему всего или части имущества, может иметь для наследника моральную, а не юридическую силу. Не вправе на основании такого завещания предъявить к наследнику свои требования и соответствующие кредиторы наследодателя.

Имущество колхозного двора, принадлежащее ему на праве личной собственности (жилой дом, продуктивный скот, птица, мелкий сельскохозяйственный инвентарь), а также имущество, принадлежащее единоличному крестьянскому двору, как известно, не может переходить по наследству, не может, следовательно, быть предметом завещательных распоряжений. Из этого общего правила сделано одно изъятие. Имущество колхозного двора и единоличного крестьянского двора может быть завещано, если завещатель является единственным и последним представителем двора (§ 119 Инструкции Министерства юстиции РСФСР по применению Положения о государственном нотариате). При этом надо иметь в виду общее правило, что действительность завещательного распоряжения определяется не на момент его составления, а на момент открытия наследства. Поэтому для признания такого завещательного распоряжения действительным решающим обстоятельством должно быть то, чтобы к моменту открытия наследства не было в живых никого из членов двора. Особого внимания заслуживает вопрос о допустимости завещания предметов обычной домашней обстановки и обихода. В судебной практике РСФСР иногда давались отрицательные ответы на этот вопрос. В одном из определений Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР указывалось, что предметы обычной домашней обстановки и обихода не могут быть завещаны наследникам, не проживавшим совместно с умершим. Нам уже приходилось и в других работах отмечать, что такая практика не

вытекает из действующего законодательства¹. На основании ст. 421 ГК предметы обычной домашней обстановки и обихода (за исключением предметов роскоши) поступают к наследнику, проживавшему совместно с наследодателем сверх причитающейся ему, согласно ст. 420, доли из имущества умершего. Но ст. 420 ГК касается только отношений, возникающих из наследования по закону. Из этого видно, что нормы ст. 421 ГК относятся лишь к особым случаям наследования по закону². Вместе с тем закон (ст. 419 ГК) дает возможность наследодателю изменить путем завещания порядок наследования по закону, причем в законе не содержится каких-либо ограничений в отношении предметов обычной домашней обстановки и обихода и каких-либо льгот в пользу наследников, совместно проживающих с наследодателем. Из принципа свободы завещания законом (ч. 2 ст. 422 ГК) установлены изъятия в пользу несовершеннолетних детей завещателя и его других нетрудоспособных наследников, но не в пользу наследников, совместно проживающих с наследодателем³. Поэтому за завещателем должно быть признано право завещать предметы обычной домашней обстановки и обихода не только тем наследникам, которые жили с ним совместно, но и тем, которые проживали отдельно. Так решается этот вопрос в ГК Грузинской ССР; согласно примечанию к ст. 420, домашняя обстановка за исключением предметов роскоши переходит в равных долях к тем из перечисленных в ст. 418, кто совместно проживал с умершим, или же к лицам, указанным в завещании.

Допустимы ли завещания, содержащие в себе указания, ограничивающие наследников в праве распоряжения завещанным им имуществом? В частности, можно ли признать действительным завещание, которым наследник лишается права продать завещанный ему жилой дом? Мы думаем, что завещания, ограничивающие полную свободу распоряжения наследника, ставшего собственником завещанного ему имущества, должны, по общему правилу, считаться не имеющими силы. Но распоряжения завещателя, ограничивающие свободу распоряжения наследника завещанным имуществом только в известных отношениях, в отдельных случаях допустимы. Так, нам представляется законным завещательное распоряжение, которым супруг-наследник ограничивается в праве продажи завещанного ему дома впредь до совершеннолетия проживающих в нем детей завещателя, хотя бы эти дети и получили из другого наследственного имущества причитающуюся им обязательную долю. Но, если бы в силу сложившихся обстоятельств продажа такого дома сделалась необходи-

¹ См.: Учебник гражданского права, т. II. М., 1951, стр. 464. См. также: Антимонов Б., Герзон С., Шлифер Б. Наследование и нотариат, стр. 30; Граве К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР. М., 1949, стр. 40.

² См.: Граве К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда, стр. 40.

³ См. далее, § 8.

мой, суду должно быть предоставлено право дать разрешение на отчуждение дома.

Кроме назначения наследника в завещании могут найти свое выражение и некоторые другие распоряжения завещателя. Эти распоряжения завещателя могут выразиться: 1) в устранении наследника от наследования; 2) в возложении на наследника выполнения какого-либо обязательства в пользу другого лица и других лиц (завещательный отказ). Возможны и некоторые другие виды завещательных распоряжений, как например, назначение исполнителя завещания, указание опекуна несовершеннолетним детям и др.

§ 7. Устранение завещателем наследника от наследования

Возможность для завещателя устранить от наследования того или иного из наследников по закону была признана советским правом с тех пор, как ГК РСФСР (и ГК других союзных республик) был установлен наряду с порядком наследования по закону порядок наследования по завещанию. У завещателя могут быть серьезные основания не желать, чтобы его имущество перешло после его смерти в руки тех или иных его наследников по закону. Ведь может оказаться, что эти лица являются и без того достаточно обеспеченными. А, может быть, завещатель при своей жизни ничего не получал от этих лиц, кроме обид и грубой неблагодарности. Быть может, поведение этих лиц вообще противоречит правилам социалистической морали и т. д. Почему же препятствовать завещателю в праве устранить таких лиц от наследования, лишь бы при этом не были нарушены интересы общества и охраняемых законом лиц?

Устранить от наследования неудобного ему наследника завещатель может двояким путем. Составляя свое завещание, завещатель может просто у м о л ч а т ь в завещании об этом наследнике, распределив все свое имущество между остальными наследниками или предоставив это имущество одному или нескольким из них. В этом случае завещатель, не сказав ничего о данном наследнике, просто обходит его молчанием. Таким образом, устранение наследника совершается не прямо, а косвенно. Наследник устраняется в силу того, что все наследственное имущество оказывается завещанным другому или другим наследникам. Такой порядок устранения наследника от наследства предусмотрен ч. 1 ст. 422 ГК.

От такого фактического лишения наследства путем предоставления завещателем всего наследственного имущества другому или другим наследникам надо отличать устранение наследника посредством п р я м о выраженного в завещании желания завещателя л и ш и т ь кого-либо из наследников или всех их права наследования. На первый взгляд может показаться, что как

в том, так и в другом случае правовой результат всегда будет одинаков: наследник окажется устраненным от наследования. Однако это не так.

Предположим, что наследодатель устранил законного наследника, завещав все свое имущество другому наследнику по закону, но назначенный завещателем наследник умирает ранее самого завещателя, который об этом факте не знает и поэтому не изменяет завещания. Возможен и такой случай, когда назначенный завещателем наследник откажется по открытии наследства принять его. В этих случаях устраненный завещателем наследник, если можно так выразиться, возрождается в своем праве наследования. Ведь при отпадении наследника по завещанию, по общему правилу, наследство переходит к наследникам по закону¹, а, следовательно, законный наследник, фактически устраненный завещателем от наследования, все же будет призван к наследованию. Наконец, может быть и такой случай, когда часть имущества окажется незавещанной; в этом случае «обойденный» завещателем наследник все же будет призван в качестве наследника по закону в незавещанной части имущества.

При прямом устранении наследника от наследования, что бы ни произошло с назначенным в завещании наследником, лишенный наследства наследник путем прямо выраженной на то воли завещателя является устраненным от наследства окончательно (кроме случая признания завещания недействительным). Поэтому вопрос о форме устранения наследника в завещании (прямо или косвенно) имеет существенное практическое значение.

Прямое лишение наследника наследства может быть сделано в различных выражениях, например: «сына моего Федора лишаю наследства» или «жену мою такую-то устранию из числа наследников» и т. д. Воля завещателя о лишении наследства должна быть выражена ясно и недвусмысленно. В сомнительных случаях на суд ложится задача со всем тщанием выявить действительную волю завещателя, так как от того или иного понимания воли завещателя проистекают совершенно различные правовые последствия.

Нужны ли какие-нибудь особые мотивы для устранения наследника от наследования? В этом отношении советское право никаких правил не устанавливает. Завещание является актом свободной воли завещателя о посмертной судьбе принадлежащего ему имущества, и потому завещатель вправе распорядиться этим имуществом по своему усмотрению, в частности — лишить наследства кого-либо или всех своих наследников по закону.

Однако предоставление законом завещателю права устранить наследника от наследования имеет свои пределы. Эти пределы определяются правилами

¹ Мы говорим — «по общему правилу», потому, что в некоторых случаях отпадение завещательного наследника может и не повлечь за собой призвания законных наследников, например, при наличии нескольких завещательных наследников, если доля отпавшего наследника переходит к остальным завещательным наследникам по праву приращения (см. гл. VII).

закона об обязательной наследственной доле. Тех наследников по закону, которые имеют право на обязательную наследственную долю, завещатель не вправе лишить наследства (об обязательной наследственной доле см. далее, § 8).

В связи с прямым лишением завещателем наследства своих наследников по закону возникают два основных вопроса. Во-первых, какова судьба той доли наследства, которая причиталась бы наследнику, если бы он не был лишен права наследования? Во-вторых, устраняются ли от наследования внуки и правнуки завещателя, если он лишает права наследования их родителей (своих детей).

Исторически вопрос о судьбе наследственной доли лишенного наследства решался советским правом неодинаково. В первоначальной редакции примечания к ст. 422 ГК указывалось, что в случае лишения завещателем права законного наследования одного, некоторых или всех лиц, указанных в ст. 418 ГК, наследственное имущество в целом или в части переходит к государству в качестве выморочного имущества. Это правило ГК закрепляло те общественные отношения, которые были характерны для периода его издания – начального периода новой экономической политики. Допуская институт наследования, советское право того периода принимало в то же время все возможные меры, чтобы не допустить рост частного капитала, способствовало вытеснению и ликвидации капиталистических элементов. Одной из мер в этом отношении и было установление общего правила, что доля лишенного наследства не должна идти на увеличение долей других наследников. Доля лишенного наследства рассматривается как имущество, у которого нет наследника; поскольку же у этого имущества нет наследника, естественно, что оно должно перейти к государству в качестве выморочного.

6 апреля 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было разрешено завещать имущество не только физическим лицам, но и государству и его органам, а также партийным, профессиональным и общественным организациям. В связи с этим в примечание к ст. 422 ГК было внесено существенное изменение. Было установлено, что доля лишенного наследства переходит к государству в качестве выморочного имущества, поскольку оно не завещано одной из указанных выше организаций. Таким образом, по ранее действовавшему законодательству РСФСР доля лишенного наследства, как общее правило, переходила к государству. Такое правило было воспринято и большинством ГК других союзных республик.

В РСФСР указанный выше порядок перехода доли лишенного наследства к государству просуществовал до издания Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г. «Об изменении ГК РСФСР». Согласно ч. 1 ст. 433 ГК в редакции, установленной Указом от 12 июня 1945 г., в слу-

чае лишения завещателем наследства одного или нескольких наследников их доля переходит к другим наследникам по закону и делится между ними в порядке, установленном ст. 420 ГК, если только в завещании не указано, что завещатель оставляет все свое имущество назначенным им наследникам. Таким образом, по общему правилу, доля наследника, лишённого права наследования, не поступает теперь к государству, а переходит к другим наследникам по закону. Поскольку же из текста завещания можно установить, что завещатель, лишая права наследования кого-либо из своих наследников по закону, имел в виду оставить все свое имущество лицам, названным в завещании наследниками, то в этом случае доля лишённого наследства переходит к наследникам по завещанию. К государству доли лишённых права наследования переходят только в том случае, если завещатель лишил права наследования в с е х наследников (ч. 2 ст. 433 ГК).

Вправе ли кредиторы наследодателя оспорить его распоряжение о лишении данного наследника права наследования? На этот вопрос надо дать отрицательный ответ. Поскольку, согласно ст. 434 ГК, ответственность наследника по долгам наследодателя определяется стоимостью наследственного имущества, кредитор ничего не теряет от того, перешло ли это имущество к тому или иному наследнику или даже в качестве выморочного к государству. У кредитора нет юридического интереса к предъявлению иска о признании недействительным данного распоряжения завещателя.

Довольно сложным является вопрос, лишаются ли права наследования внуки и правнуки завещателя в случае устранения от наследования их родителей. Этот вопрос возник только после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию», так как до издания этого Указа все наследники по закону призывались к наследованию одновременно, в частности внуки и правнуки завещателя наследовали вместе с его детьми и другими наследниками по закону (ст. 418–420 ГК в старой редакции); при наследовании же по завещанию их правовое положение определялось независимо от правового положения их родителей (детей наследодателя). Совершеннолетние внуки и правнуки могли быть, по усмотрению завещателя, лишены наследства, и та доля, которая причиталась бы им при наследовании по закону, переходила к государству. Если же к моменту смерти завещателя они оказывались не достигшими совершеннолетия, распоряжение завещателя о лишении их наследства признавалось недействительным, и они получали $\frac{3}{4}$ от наследственной доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону¹. Но это была их собственная наследственная доля.

¹ По правилам ГК РСФСР и большинства других союзных республик.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» и изданный на его основе Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1945 г. внесли существенные изменения в порядок наследования, на что уже указывалось выше. Но ни Указ от 14 марта 1945 г., ни Указ от 12 июня 1945 г. не коснулись вопроса о последствиях устранения от права наследования для потомства устраненного. Этот вопрос получил разрешение только в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г. «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» и других вопросах наследования».

Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г., «если лишенный завещанием права наследования сын (или дочь) завещателя умер до открытия наследства, то их несовершеннолетние дети (внуки завещателя) получают наследство по праву представления на общих основаниях; совершеннолетние же их дети (внуки завещателя) получают наследство в этом случае лишь при условии, если все имущество не будет завещано другим наследникам».

Какие же выводы надо сделать из этого постановления Пленума Верховного суда СССР?

Постановление Пленума имеет в виду тот случай, когда лишенный права наследования, имевший детей, умер до открытия наследства, но не касается случая, когда лишенный права наследования умер после открытия наследства.

Обращаемся к тому случаю, когда лишенный права наследования умер еще до открытия наследства. Здесь, в свою очередь, надо различать два случая: 1) когда у лишенного права наследования, умершего до открытия наследства, остались несовершеннолетние дети и 2) когда у него остались совершеннолетние дети. Если лишенный права наследования, имевший несовершеннолетних детей, умер до открытия наследства, его дети получают ту наследственную долю, которую получил бы их восходящий при наследовании по закону, если бы не был лишен права наследования. Таким образом, лишение наследника права наследования не распространяется на его несовершеннолетних нисходящих.

В 1949 г. умер Ф. М. Максимов, оставивший по завещанию свое имущество дочери, гр. Кривеневой. У наследодателя был сын Н. Ф. Максимов, который, находясь на фронте, в августе 1944 г. пропал без вести и определением народного суда в 1948 г. был признан умершим. Жена пропавшего без вести на фронте Н. Ф. Максимова – Л. В. Максимова, у которой остались две дочери – Ирина и Галина, родившиеся в 1937 и 1942 гг., являющиеся внучками умершего Ф. М. Максимова, предъявила в суд иск о признании недей-

ствительным завещания, совершенного Ф. М. Максимовым в пользу Кривеневой. Народный суд 1-го участка Московского района г. Ленинграда признал недействительным завещание Ф. М. Максимова, установив, что дочери истицы имеют право наследования в имуществе, оставшемся после смерти Ф. М. Максимова. Ленинградский городской суд отменил решение народного суда, а Верховный суд РСФСР решение Ленинградского суда оставил в силе. По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР отменила решение Ленинградского городского суда и определение Верховного суда РСФСР, признав, что, поскольку отец несовершеннолетних Галины и Ирины Максимовых признан умершим в 1948 г., т. е. до открытия наследства, они могут наследовать имущество, оставшееся после смерти своего деда Ф. М. Максимова по праву представления на общих основаниях, независимо от того, было ли это имущество кому-нибудь завещано или нет. Судебная коллегия оставила в силе решение народного суда, дополнив его указанием, что за Галиной и Ириной признано право наследования в имуществе Ф. М. Максимова в размере $\frac{1}{4}$ части за каждой (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 10 января 1951 г. по делу № 36/1320).

Иначе решается вопрос, если у лишенного права наследования, умершего до открытия наследства, имелись совершеннолетние дети. В этом случае совершеннолетние дети наследника, лишенного права наследования (внуки завещателя) призываются к наследованию (по праву представления) только в том случае, если какая-либо часть наследства осталась вне завещательных распоряжений.

Если же завещатель, лишив кого-либо из своих детей (сыновей или дочерей) права наследования, вместе с тем завещал все свое имущество другим наследникам, то совершеннолетние дети наследника, лишенного права наследования (совершеннолетние внуки завещателя), к наследованию не призываются.

Смысл постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г., очевидно, заключается в том, чтобы дать преимущество несовершеннолетним детям наследника, лишенного права наследования. Лишение права наследования их восходящего на них не распространяется. Совершеннолетние же дети такого наследника (случай вообще более редкий) такой льготой не пользуются.

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г. не затронут вопрос, распространяется ли лишение наследника права наследования на его совершеннолетних, но нетрудоспособных детей (внуков завещателя). Мы полагаем, что на этот вопрос надо ответить отрицательно. Указ от 14 марта 1945 г. совершенно ясно говорит, что завещатель не может лишить

обязательной наследственной доли детей и других нетрудоспособных наследников. Поэтому нетрудоспособный совершеннолетний внук завещателя в случае лишения права наследования его восходящего, умершего до открытия наследства, также должен иметь право на обязательную наследственную долю.

Если же лишенный права наследования наследник дожил до открытия наследства, то его дети (все равно – несовершеннолетние или совершеннолетние), по общему правилу, устраняются от призвания к наследованию.

§ 8. Обязательная наследственная доля

Предоставляя завещателю свободу распоряжения своим имуществом на случай смерти, советское право устанавливает из этого общего правила весьма важное изъятие в интересах детей завещателя и его других нетрудоспособных наследников, которых завещатель не вправе устранить от наследования и которые имеют право на так называемую обязательную наследственную долю. Если завещатель этой доли им не предоставит (прямо – лишив их наследства или не упомянув о них в завещании), то каждый из таких наследников вправе требовать от других наследников, к которым перешло наследственное имущество, выдачи той доли, которую он мог бы получить, если бы призывался к наследованию по закону. В этом находит яркое выражение забота Советского государства о несовершеннолетних детях и других нетрудоспособных наследниках. Таким образом, известные категории наследников призываются к наследованию даже вопреки воле завещателя. Закон как бы поправляет завещателя, по тем или иным причинам не предоставившего своим несовершеннолетним детям и другим нетрудоспособным наследникам той доли в наследстве, которая причиталась бы им при наследовании по закону. ГК РСФСР в первоначальной редакции не знал института обязательной доли, но уже постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 мая 1928 г. (СУ, 1928, № 65, ст. 468) в интересах несовершеннолетних наследников было запрещено оставлять им по завещанию менее $\frac{3}{4}$ доли, которую они должны были бы получить при наследовании по закону, что нашло свое отражение в примечании 2 к ст. 422 ГК. В случае лишения таких наследников наследства соответствующая часть наследства не переходила к государству, а поступала к этим наследникам. Институт обязательной доли был воспринят ГК и большинства других союзных республик.

Статьей 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» было установлено общее правило, что завещатель не может лишить своих несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников той доли, которая причиталась бы им

при наследовании по закону. Это правило Указа значительно отличается от ранее действовавшего правила, изложенного в примечании 2 к ст. 422 ГК. Согласно этому примечанию, завещатель не вправе был лишить законной доли наследства тех из наследников по закону, которым к моменту смерти наследодателя не исполнится 18 лет. Таким образом, ни один из наследников по закону, перечисленных в ст. 418 ГК, не мог быть лишен права наследования при условии, что он являлся несовершеннолетним. Все такие лица имели право на обязательную наследственную долю в размере $\frac{3}{4}$ своей законной доли. В отличие от этого Указ применяет признак «несовершеннолетия» только к детям наследодателя. Но зато Указ включает в число лиц, которых завещатель не вправе лишить права наследования, и «других нетрудоспособных наследников». Кроме того, обязательная наследственная доля доводится до размера той наследственной доли, которая причиталась бы указанным лицам, если бы они наследовали по закону (а не $\frac{3}{4}$ этой доли, как было установлено примечанием 2 к ст. 422 ГК РСФСР). Это правило ст. 2 Указа от 14 марта 1945 г. впоследствии нашло свое отражение в новой редакции ст. 422 ГК РСФСР (и в соответствующих статьях ГК других союзных республик).

Поскольку несовершеннолетние дети и другие нетрудоспособные наследники завещателя должны обязательно получить ту долю в наследственном имуществе, которую они получили бы, если бы наследовали по закону, эту долю и называют обычно *обязательной наследственной долей*.

Теперь следует рассмотреть более детально, кто из наследников имеет право на обязательную наследственную долю и как устанавливается размер обязательной доли.

Указ от 14 марта 1945 г. и соответственно ст. 422 ГК различают две группы наследников, имеющих право на обязательную долю: 1) несовершеннолетних детей и 2) других нетрудоспособных наследников.

Вопрос о праве несовершеннолетних детей на обязательную долю не вызывает особых затруднений. Такое право принадлежит всем несовершеннолетним детям завещателя¹. Кроме факта несовершеннолетия (т. е. недостижения 18 лет), каких-либо других условий в отношении детей завещателя закон не устанавливает. Поэтому право на обязательную долю имеет и лицо, достигшее так называемого трудового совершеннолетия (16 лет), независимо от того, находится ли оно на работе или нет. Не имеет значения и то, находился ли несовершеннолетний на иждивении завещателя. Единственным условием для приобретения права на обязательную долю является возраст сына или дочери завещателя (их несовершеннолетие) к моменту открытия наследства.

¹ Об установлении правовой связи завещателя с детьми см. гл. III, § 1.

Право на обязательную долю должно быть признано и за детьми завещателя, зачатыми при его жизни, но родившимися после его смерти (прим. к ст. 418 ГК).

Внуки и правнуки завещателя по общему правилу являются наследниками по закону по праву представления, т. е. в тех случаях, когда они заступают место своего родителя (сына или дочери наследодателя), умершего до открытия наследства. Поэтому, если к моменту открытия наследства сын или дочь завещателя, имеющие детей, будут в живых, их дети (внуки завещателя), и несовершеннолетние, и совершеннолетние, не приобретают права на обязательную долю. Иначе решается вопрос о праве внуков завещателя на обязательную долю в случае смерти сына или дочери завещателя до открытия наследства, т. е. ранее самого завещателя. Согласно ст. 422 ГК, завещатель не мог лишить своих несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников той доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону, — а в случае смерти сына или дочери завещателя до открытия наследства, внуки были бы призваны к наследованию, — следует поэтому сделать вывод, что внуки завещателя, если они отвечают условиям, предусмотренным ст. 422 ГК, приобретают право на обязательную наследственную долю. Если у умерших до открытия наследства сына или дочери завещателя будет только один ребенок, он получит целиком долю, причитавшуюся сыну или дочери. Если же внуков окажется два или более, то они разделят между собой поровну эту долю.

Но здесь возникает еще один вопрос, требующий разрешения. Как мы видели, для приобретения права на обязательную долю в отношении детей завещателя требуется наличие только одного условия — их несовершеннолетие. Достаточно ли этого условия в отношении внуков завещателя? Или же внуки завещателя для приобретения права на обязательную долю должны приравниваться к нетрудоспособным наследникам? Из буквального текста закона, умалчивающего о внуках, как будто вытекает, что внуки приобретают право на обязательную долю только по признаку нетрудоспособности. Исходя из этого, надо было бы признать внука, не достигшего возраста трудового совершеннолетия (16 лет), имеющим право на обязательную долю, а достигшего этого возраста — не имеющим такого права¹. Однако такой вывод не соответствовал бы духу советского законодательства, всемерно оберегающего интересы несовершеннолетних. Поэтому следует приравнять несовершеннолетних внуков завещателя к несовершеннолетним детям, а не к

¹ См.: А м ф и т а т р о в Г. Н. Право наследования в СССР. М., 1946, стр. 28–29; Г р а в е К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР, стр. 53.

другим нетрудоспособным наследникам¹. В силу этого несовершеннолетний внук (не достигший 18 лет), наследующий по праву представления, будет иметь право на обязательную долю даже в том случае, если он к моменту открытия наследства окажется уже трудоспособным (достигнет 16 лет).

Такой вывод, как нам кажется, находит свое подтверждение и в судебной практике. В своем постановлении от 20 июня 1947 г., на которое мы уже неоднократно ссылались, Пленум Верховного суда СССР, указав, что несовершеннолетние дети лишенных права наследования сына или дочери завещателя, умерших до открытия наследства (внуки завещателя), получают наследство по праву представления на общих основаниях, — тем самым ясно определил условием для приобретения внуком завещателя права на обязательную наследственную долю его несовершеннолетие, а не нетрудоспособность².

Усыновленные, приравниваемые в правах и обязанностях к родным детям усыновителя, также имеют право на обязательную долю в имуществе умершего усыновителя. Право на обязательную долю имеют и нисходящие усыновленного, когда они наследуют по праву представления.

В отношении первой группы наследников (детей, усыновленных и их потомства, наследующего по праву представления) для приобретения права на обязательную долю требуется, как мы говорили, наличие только одного условия — их несовершеннолетия к моменту открытия наследства; в отношении же второй группы наследников необходимо наличие иных условий.

Из предыдущего изложения известно, что наследниками по закону являются дети (в том числе усыновленные), супруги, родители, братья и сестры, а также другие нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего не менее одного года до его смерти (ст. 418 ГК). Однако обязательная доля может причитаться только тому из наследников по закону, кто призывается к наследованию. Поэтому при наличии наследников по закону первой очереди наследник последующей очереди не приобретает права на обязательную долю. Если, например, после умершего остались переживший нетрудоспособный супруг и нетрудоспособные сестры, то право на обязательную долю может быть признано только за супругом (наследником первой очереди); сестры же (наследники третьей очереди) в этом случае права на обязательную долю не приобретут, хотя бы они были и нетрудоспособными. Равным образом не будет иметь права на обязательную долю и нетрудоспособный брат умершего, если имеются трудоспособные родители (наследники второй очереди). Таким

¹ Ф а й н ш т е й н А. А. Диссертация «Свобода завещания и ее границы по советскому гражданскому праву». Автореферат. М., 1950, стр. 9.

² Против такого решения выступает К. А. Граве, считающий, что в данном случае может идти речь не столько о несовершеннолетних внуках завещателя, сколько о внуках нетрудоспособных. См.: Г р а в е К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР, стр. 53.

образом, одним из условий для приобретения права на обязательную долю для этой группы наследников является их призвание к наследованию. Кроме того, требуется наличие и другого условия – нетрудоспособности наследника¹. При наличии указанных двух условий данное лицо попадает в число наследников второй группы, имеющих право на получение обязательной доли.

Следует остановиться более подробно на рассмотрении отдельных категорий наследников по закону, имеющих право на обязательную долю.

Как уже указывалось, дети умершего являются непременно наследниками, поскольку они являются несовершеннолетними. Но и совершеннолетние нетрудоспособные дети завещателя также имеют право на обязательную долю. В данном случае решающим является факт их нетрудоспособности.

Право на обязательную долю должно быть признано и за совершеннолетними нетрудоспособными внуками наследодателя, если они призываются к наследованию по праву представления.

В вышеприведенном определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 10 января 1951 г. по иску Максимовой к Кривеневой указывается: «...ограничение свободы завещательного распоряжения распространяется и в отношении совершеннолетних внуков завещателя, если по праву представления они пользуются правом наследования по закону».

Судебная коллегия не оговаривает только, что право на обязательную долю может принадлежать совершеннолетним внукам только в том случае, если они являются нетрудоспособными.

Аналогично должен решаться вопрос и в отношении совершеннолетних нетрудоспособных усыновленных, а также их потомства, наследующего по праву представления.

Нетрудоспособные супруг и родители завещателя (наследники первой очереди) всегда имеют право на обязательную долю. Что касается братьев и сестер (наследников третьей очереди), то, как уже указывалось выше, они получают право на обязательную долю только при отсутствии наследников предшествующих очередей – первой и второй. Однако нет оснований к ограничению круга братьев и сестер, имеющих право на обязательную долю, малолетними братьями и сестрами, как это делают авторы рецензии на книгу «Наследование и нотариат»². Малолетние являются нетрудоспособными; но нетрудоспособными могут быть и совершеннолетние братья и сестры, и закон не устанавливает в этом отношении каких-либо изъятий.

К числу наследников по закону относятся и так называемые иждивенцы – нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении наследодателя не

¹ См. гл. III, § 1.

² Социалистическая законность, 1947, № 10, стр. 28–29.

менее одного года до его смерти. На этой категории наследников мы останавливались уже достаточно подробно¹. Данное лицо должно быть признано состоящим на иждивении наследодателя, если материальная помощь последнего была основным источником существования этого лица и оказывалась ему систематически. Поскольку лицо, состоявшее на иждивении наследодателя не менее одного года до его смерти, становится его наследником при условии своей нетрудоспособности, с точки зрения действующего законодательства, условия для призвания «иждивенца» к наследованию по закону и для включения его в круг лиц, имеющих право на обязательную долю, совпадают. Каждое лицо, отвечающее условиям, установленным в ст. 418 ГК для призвания «иждивенца» к наследованию, тем самым имеет право и на обязательную долю, т. е. не может быть устранено завещателем от наследования.

Однако факт иждивения должен приниматься во внимание при установлении права данного лица на обязательную долю только в тех случаях, когда имеется в виду право на обязательную долю «иждивенцев» завещателя. Для других же категорий наследников, имеющих право на обязательную долю, факт нахождения их на иждивении завещателя не имеет значения². Решающим условием для приобретения права на обязательную долю является нетрудоспособность наследника по закону призываемой к наследованию очереди. Состоял ли этот наследник на иждивении наследодателя или не состоял – в данном случае не имеет значения. Поэтому, в частности, не могут быть устранены завещателем от наследования нетрудоспособные родители, хотя бы и не состоявшие на его иждивении.

Таким образом, право наследника на обязательную долю основывается на его несовершеннолетии или нетрудоспособности. Но так как несовершеннолетние в большинстве случаев являются нетрудоспособными, то в основном право наследника на обязательную долю предопределяется фактом его нетрудоспособности. В этом заключается характерная особенность советского наследственного права.

Какова юридическая природа обязательной доли? Является ли обязательная доля наследственной долей или представляет собою только право требования к наследнику обязательного характера? Иначе говоря, является ли лицо, имеющее право на обязательную долю, наследником или кредитором? В ст. 422 ГК указывается, что завещатель не может лишить своих нетрудоспособных детей и других нетрудоспособных наследников той доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону. Отсюда ясно, что советское право

¹ См. гл. III, § 1.

² Ф а й н ш т е й н А. А. Диссертация «Свобода завещания и ее границы по советскому гражданскому праву». Автореферат. М., 1950, стр. 10.

понимает под обязательной долей именно наследственную долю. С точки зрения советского права, лицо, имеющее право на обязательную долю, – не кредитор, имеющий обязательственное право требования к наследникам, а полноправный наследник, и притом наследник, который не может быть устранен волею завещателя, являющийся наследником даже против воли завещателя. Поэтому несовершеннолетние дети и другие нетрудоспособные наследники, которых наследодатель, вопреки закону, обошел в завещании (лишив их причитавшейся им по закону доли или завещав им менее этой доли), являются сособственниками с другими наследниками в наследственном имуществе, обладают равными с ними правами по пользованию и управлению этим имуществом. Им принадлежит право требовать выдачи наследственного имущества от всех лиц, незаконно его удерживающих, и т. д.

Так как, по действующему законодательству, обязательная доля равняется полной наследственной доле наследника по закону, то для установления размера обязательной доли надо определить размер той доли, которая причиталась бы наследнику при наследовании по закону; эта доля устанавливается путем деления всего наследственного имущества между призываемыми наследниками по закону на равные доли¹. Для этого следует сначала установить актив наследства на момент его открытия, определить, что входит в состав наследственного имущества и какова его стоимость, затем исключить из него пассив (долги, обременяющие наследство), а остаток разделить на число наследников по закону, которые, не будь завещания, призваны бы к наследованию. Например, в завещании гражданина А. завещано имущество, принадлежавшее ему совместно с женой, в браке с которой он имел двух малолетних детей от первого брака, прекратившегося в силу смерти жены, все свое имущество завещал своей второй жене. Такое завещательное распоряжение, как противоречащее ст. 422 ГК, должно быть признано недействительным. Если бы гражданин А. не сделал завещания, к наследованию были бы призваны в качестве наследников по закону его дети и жена (три наследника). Поэтому для определения размера обязательной доли имущество, оставшееся после смерти гр. А., должно быть разделено на три части. Размер обязательной доли составит в данном случае $\frac{1}{3}$ наследства; $\frac{2}{3}$ наследства получают дети и $\frac{1}{3}$ – жена.

Возможны случаи, когда к моменту установления размера обязательной доли не будут выяснены все долги, обременяющие наследство, или вообще ничего не будет известно о существовании долгов. Размер обязательной доли определяется в таких случаях по наличному состоянию актива наследства. В дальнейшем же каждый наследник, в том числе и наследник, получивший обязательную долю, отвечает перед кредитором в пределах полученной им наследственной доли.

¹ Гражданский кодекс РСФСР, ст. 502.

При установлении размера обязательной доли должны приниматься во внимание все наследники, которые призывались бы к наследованию, если бы наследодатель не оставил завещания. В связи с этим при определении размера обязательной доли надлежит иметь в виду и наследников, отказавшихся от наследства. Если после умершего гражданина В. остались несовершеннолетний внук от ранее умершей дочери и три взрослых сына, которым гражданин В. завещал свое имущество, причем один из сыновей отказался от наследства, то обязательная наследственная доля внука, призываемого к наследованию по праву представления, составит $\frac{1}{4}$ часть наследственного имущества.

Если завещатель лишил наследников причитающейся им обязательной доли или оставил им по завещанию менее того, что им причиталось бы при наследовании по закону, наследники имеют право требовать от других наследников выдачи соответствующей части наследства, чтобы получить полностью полагающуюся им обязательную долю. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР по делу Ф. признала¹, что если сумма, завещанная истце, ниже обязательной наследственной доли, как это установлено судом, то он должен был довести эту сумму до законного размера, обязав ответчицу из полученного ею наследства возместить истце следующую ей разницу (определение от 23 января 1941 г., № 45).

Советское право не предусматривает возможности прижизненного выдела наследственной доли будущим наследникам по закону. Однако на практике такие случаи иногда встречаются. Было бы целесообразно установить в законодательном порядке правило, по которому часть имущества гражданина, выделенная им при жизни своему будущему наследнику по закону именно в качестве части наследства, должна учитываться при установлении размера его наследственной доли, т. е. стоимость этой выделенной части имущества должна присоединяться к активу наследства. Если же такой выдел был произведен в пользу будущего наследника, имеющего право на обязательную долю, то стоимость выделенной части наследства также должна зачитываться в счет причитающейся ему обязательной доли. Поэтому, если завещатель устранил прямо или косвенно такого наследника от наследования, то при выплате ему обязательной доли надлежит зачесть стоимость того имущества, которое было выделено ему при жизни наследодателя.

Правила об обязательной наследственной доле не распространяются на вклады, внесенные гражданином в государственные трудовые сберегательные кассы или в Государственный банк СССР, а также на облигации государствен-

¹ См. проф. Орловский П. Е. Практика Верховного суда СССР по гражданским наследственным делам, стр. 11.

ных займов, внесенные на хранение в указанные выше кредитные учреждения СССР, если вкладчиком было сделано в установленной форме заявление государственной сберегательной кассе или другому кредитному учреждению с указанием лица, которому должен быть выдан вклад в случае смерти вкладчика (ст. 436 ГК). Если же такого заявления вкладчик не сделал, вклады переходят по наследству на общих основаниях и, следовательно, на них полностью распространяются и правила об обязательной наследственной доле.

Ранее мы указывали, что за завещателем должно быть признано право завещать предметы обычной домашней обстановки и обихода не только тем наследникам, которые проживали с ним совместно, но и тем, которые проживали отдельно. Возникает вопрос, как следует связать свободу завещания предметов обычной домашней обстановки и обихода с институтом обязательной доли? Правильное решение этого вопроса дается К. А. Граве, полагающим, что «когда у завещателя имеются наследники по закону, упомянутые в абзаце втором ст. 422 ГК, домашняя обстановка и вещи домашнего обихода могут быть завещаны другим наследникам по закону, если только из остальной части наследственного имущества может быть выделена соответствующим наследникам причитающаяся им обязательная доля. Только в том случае, если это окажется невозможным, может стать вопрос о необходимости признать такое завещательное распоряжение недействительным как противоречащее абзацу второму ст. 422 ГК»¹.

При определении размера обязательной доли в стоимость наследственного имущества должна включаться и стоимость предметов обычной домашней обстановки и обихода. Закон обеспечивает за призываемыми к наследованию несовершеннолетними детьми и другими нетрудоспособными наследниками право на получение обязательной доли в размере доли, причитающейся им при наследовании по закону. Но закон не устанавливает дополнительного обеспечения для наследников, имеющих право на обязательную долю, совместно проживающих с наследодателем. Наследники, имеющие право на обязательную долю, должны получать ее в одинаковом размере, независимо от того, проживали ли они совместно с наследодателем или раздельно.

В заключение необходимо указать на ту несомненную коллизию, которая существует между ст. 422 ГК и ст. 42-2 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР, на что с основанием указывает З.Г.Крылова в своей диссертации². Согласно ст. 42-2 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР, получивший наследство от лица, содержавшего детей, или от лица, на котором по закону лежала обязанность содержать их, обязан доставлять содержание

¹ Г р а в е К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР, стр. 41.

² См.: К р ы л о в а З. Г. Наследование по завещанию в советском гражданском праве. Автореферат. М., 1950, стр. 10.

несовершеннолетним или нуждающимся нетрудоспособным детям в пределах размеров полученного им имущества. Статья же 422 ГК запрещает завещателю лишать своих несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону. Получение обязательной доли вполне обеспечивает интересы несовершеннолетних или нуждающихся нетрудоспособных детей и нет причин предоставлять им еще притязания на получение содержания из наследственного имущества. При действии ст. 422 ГК (в новой редакции) нет оснований для применения ст. 42-2 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР.

§ 9. Завещательный отказ

Завещатель вправе возложить в завещании на наследников выполнение какого-либо обязательства в пользу другого лица или других лиц. Так, завещатель может возложить на наследника по завещанию обязанность выдать из наследства какие-либо вещи (например, предметы домашней обстановки, картины, рукописи и т. д.) или пожизненно содержать кого-либо из законных наследников, или предоставить этим лицам часть завещанного домовладения в пожизненное пользование (постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 15 апреля 1929 г., протокол № 7)¹. Завещатель может возложить на наследника обязанность выплатить известную денежную сумму единовременно или по частям, периодически (например, по 200 руб. ежемесячно в течение определенного срока или до достижения известной суммы). Завещатель может также возложить на наследника по завещанию обязанность приобрести какой-нибудь предмет и передать его в собственность указанному им в завещании лицу (например, обязать наследника-сына купить велосипед и подарить его внуку) и т. п.

Во всех таких случаях имеет место завещательное распоряжение, доставляющее определенному лицу имущественную выгоду за счет наследственного имущества, но не делающее его, однако, наследником. Такого рода завещательные распоряжения в нашей литературе носят название «завещательных отказов». Впрочем, этот термин встречался и в нашем законодательстве (в настоящее время уже отмененном). Так, Положение о налоге с имущества, переходящих в порядке наследования и дарения, утвержденное ЦИК и СНК СССР 29 января 1926 г. (СЗ СССР, 1926, № 6, ст. 39), называет «отказом» возложение на наследника обязанности произвести другому лицу выдачу из наследственного имущества (ст. 12). Термин «отказ» повторяется

¹ См.: Справочник по вопросам судебной практики. Сост. Аскарханов С. С. и Иодковский А. Н. М., 1937, стр. 50.

в том же значении и в ст. 40 Правил исчисления и взимания налога с имущества, переходящих по наследованию и дарению, и порядка перехода к государству наследственных имущества, утвержденных ВЦИК и СНК РСФСР 30 октября 1929 г. (СУ РСФСР, 1929, № 81, ст. 793)¹.

Возможность установления завещательных отказов прямо предусмотрена ст. 423 ГК РСФСР. Согласно этой статье (и соответствующим статьям гражданских кодексов других союзных республик), «на лиц, поименованных в ст. 418, получающих по завещанию наследственное имущество, завещатель может возложить исполнение какого-либо обязательства в пользу одного, нескольких или всех остальных наследников, которые в силу этого распоряжения получают право требовать исполнения соответствующего обязательства вышеуказанными лицами». Далее в той же статье 423 ГК указывается, что «на лиц, получающих по завещанию наследственное имущество в порядке, предусмотренном третьей частью ст. 422, завещатель может возложить исполнение обязательства в пользу любого лица» (в редакции от 12 июня 1945 г.).

В силу сделанного завещателем распоряжения правовые отношения возникают между: 1) лицом, обязанным к выполнению завещательного отказа, и 2) отказополучателем.

Из содержания ст. 423 ГК видно, что лицами, обязанными к выполнению завещательного отказа, являются только наследники по завещанию.

Возложение такой обязанности на наследников, не назначенных наследниками по завещанию, не допускается. Однако таким наследником по завещанию может быть и так называемый «подназначенный наследник». Как уже указывалось, подназначение наследника по ГК возможно в случаях, если лицо, назначенное наследником, умрет (или будет признано как безвестно отсутствующее умершим) до открытия наследства или если лицо, назначенное наследником, не примет наследства (ст. 424 ГК). В указанных случаях обязанность по выполнению завещательного отказа должна перейти на «подназначенного наследника».

Возникает вопрос, может ли завещатель возложить такую обязанность на государственный орган или общественную организацию, которых завещатель вправе, по ст. 422 ГК, назначить своими наследниками. Поскольку ст. 423 ГК совершенно ясно указывает, что такая обязанность может быть возложена на «лиц, поименованных в ст. 418», а в ст. 418 ГК речь идет только о наследниках по закону, приходится дать на этот вопрос отрицательный ответ: по действующему праву, завещатель не вправе обязать выполнением

¹ В нашей литературе применяется иногда еще латинский термин «легат». Термин «легатарий» употребляется наряду с однозначным ему термином «отказополучатель». Термины эти, несомненно, устарели. Но поскольку новая терминология еще не выработана, в настоящей работе мы пользуемся принятой терминологией.

завещательного отказа государственный орган или общественную организацию, которым он завещает все или часть своего имущества. Однако с точки зрения желательных законодательных изменений такой порядок, как нам кажется, нуждается в пересмотре.

Почему не допустить, например, установления для государственного музея, которому гражданин завещал свое собрание картин, обязанности выплатить известную денежную сумму дочери завещателя, сумму, значительно меньшую, нежели стоимость собрания картин? В таком и в подобных ему случаях для государственного органа или общественного учреждения не будет уже столь обременительным выполнить последнюю волю завещателя за счет завещанного им имущества.

Вместе с тем можно высказать пожелание, чтобы в будущем законодательстве завещателю было предоставлено право возлагать исполнение завещательных отказов не только на наследников по завещанию, но и на наследников по закону. Почему надо лишать наследодателя права, не завещая конкретным лицам своего имущества, указать все же в завещании, что он возлагает на тех лиц, которые будут его наследниками по закону, обязанность пожизненного содержания известного лица, например, его жены, либо выдачи ей из наследственного имущества определенной суммы денег?

Может ли завещатель возложить выполнение завещательного отказа на наследника, который имеет право на получение обязательной наследственной доли?

Закон не воспрещает завещателю возлагать на такого наследника в порядке ст. 423 ГК выполнение тех или иных обязательств в пользу другого наследника или других наследников. Но завещатель не вправе путем установления завещательного отказа уменьшить причитающуюся такому наследнику обязательную долю. Поэтому, если в силу завещательного распоряжения о возложении на наследника какого-либо обязательства в пользу кого-либо из других наследников будет уменьшена причитающаяся ему обязательная доля, она подлежит восстановлению путем соответствующего уменьшения обязательств по завещательному отказу. Но если наследодатель завещал необходимому наследнику имущество в размере, превышающем стоимость обязательной наследственной доли, то часть этого имущества, превышающая стоимость обязательной доли, может быть обременена завещательным отказом. У гражданина Б. имелись три наследника по закону: две взрослые дочери и нетрудоспособная мать; следовательно, в случае призвания их к наследованию по закону каждый из этих наследников получил бы $\frac{1}{3}$ часть наследства. Гражданин Б. завещал свое имущество, состоящее из жилого дома стоимостью 30 тыс. руб., матери, возложив на нее обязанность в течение двух лет после его смерти выплачивать каждой из дочерей по

2 тыс. руб. ежегодно. Таким образом, в течение двух лет мать гражданина Б. должна выплатить его дочерям 8 тыс. руб. Поскольку стоимость полученного матерью гражданина Б. по завещанию имущества превышает на 20 тыс. руб. размер причитающейся ей обязательной доли (обязательная доля составляла бы $30\,000 : 3 = 10\,000$ руб.), завещательное распоряжение гражданина Б. является действительным.

Из ст. 423 ГК можно сделать вывод, что она допускает возможность установления завещательного отказа только в пользу лиц, не назначенных наследниками по завещанию (в пользу одного, нескольких или всех остальных наследников). Но вряд ли можно все же признать незаконным завещательное распоряжение, обязывающее сестру наследодателя, которой он завещал дачу, выплатить известную сумму денег (одновременно или периодически) брату, получившему по завещанию домашнюю обстановку.

Поскольку, как уже указывалось, при назначении наследника завещатель не связан очередностью призвания наследников к наследованию, надо признать за завещателем аналогичное право и при установлении им завещательных отказов. Поэтому, например, при наличии совершеннолетних детей и брата завещатель вправе назначить наследником брата, возложив на него выполнение завещательного отказа в пользу детей. Возможно установление завещательных отказов и в пользу внуков при наличии к моменту смерти наследодателя его совершеннолетних детей и т. д. В остальном к отказополучателям должны применяться те же общие правила, что и к наследникам; такими лицами могут быть только лица, находившиеся в живых к моменту смерти наследодателя, а также лица, зачатые при его жизни и родившиеся после его смерти. Установление завещательных отказов в пользу посторонних лиц разрешается лишь в тех случаях, когда наследником по завещанию также назначено постороннее лицо.

ГК признает единственную форму для установления завещательного отказа – завещание. Установление завещательного отказа в форме какого-либо иного документа (домашнего или нотариально удостоверенного) не имеет силы. По общему правилу, завещатель устанавливает завещательный отказ в том же завещании, в котором он назначает наследника, возлагая на последнего выполнение известного обязательства в пользу отказополучателя. Но поскольку завещатель не ограничивается в праве составить два или несколько завещаний, причем последующие завещания по содержанию заключающихся в них завещательных распоряжений могут и не отменять ранее составленного завещания, мы считаем возможным, чтобы наследники по завещанию были назначены в одном завещании, а отказополучатели – в другом завещании. В случае смерти завещателя воля его будет установлена на основании всех составленных им завещаний. Если же из текста какого-либо

из составленных им завещаний можно будет установить, что назначение наследника, на которого он возложил исполнение завещательного отказа, им отменено, то, очевидно, отпадает и установление завещательного отказа.

Завещательный отказ обычно рассматривается как сингулярное наследственное преемство.

Считается, что в отличие от наследника как преемника универсального сингулярный преемник не является преемником в совокупности имущественных прав наследодателя, а получает только одно или несколько определенных имущественных прав. Но, как неправильно отмечает Е. А. Флейшиц, это не значит, что определенное имущественное право переходит к указанному наследодателем лицу «в том же составе и объеме, в каком оно принадлежало этому последнему. Иногда это именно так. Но это может быть и иначе: наследодатель мог, например, быть собственником определенной вещи и установить в пользу легатария право пользования тою же вещью»¹. Ранее в качестве примера нами приводился и такой случай, когда завещатель возлагает на наследника обязанность приобрести какой-нибудь предмет и передать его в собственность указанному им в завещании лицу.

В ряде случаев отказополучатель получает не то имущественное право, которое принадлежало самому завещателю, а какое-то иное. Но это право он получает «за счет наследства». Из собственных средств наследник выполнять возложенные на него завещателем обязательства не должен. Получая за счет наследства только известное имущественное право, отказополучатель не обязан, в принципе, нести ответственность по долгам, обременяющим наследство, ответственность, лежащую на наследниках.

Характерным моментом является также и то, что, согласно ст. 423 ГК, отказополучатель получает соответствующую имущественную выдачу не непосредственно от завещателя, а *п р и п о с р е д с т в е* наследника по завещанию. Завещатель *о б я з ы в а е т* кого-либо из наследников по завещанию или всех их выполнить известное обязательство за счет наследства в пользу указанного завещателем лица. Таким образом, при назначении наследника имеет место преемство «непосредственное», при установлении же завещательного отказа преемство в имуществе завещателя является «посредственным».

Закон допускает установление завещательного отказа только в виде предложения наследнику по завещанию выполнить то или иное обязательство. В силу этого наследник является должником, а отказополучатель – кредитором, хотя и кредитором особого рода. В случае же непосредственного предоставления завещателем лицу, поименованному в ст. 418, тех или иных предметов из состава наследственного имущества, это лицо надо считать

¹ Ф л е й ш и ц Е. А. Завещание и легат в советском гражданском праве, стр. 91.

наследником со всеми вытекающими отсюда последствиями (обязанность по оплате долгов, обременяющих наследство, в случае принятия наследства наследником и т. д.).

В законе нет каких-либо указаний о порядке, в котором отказополучатель может реализовать установленное в его пользу право. Поскольку, по ГК, установление завещательного отказа возможно только в виде предложения наследнику по завещанию выполнить то или иное обязательство, отказополучатель может приобрести соответствующее право только при условии, если наследник, на которого по завещанию возложена соответствующая обязанность, примет наследство. Если же такой наследник умрет до открытия наследства или не примет наследства, то, по действующему праву, это должно повлечь за собой отпадение завещательного отказа. В нашей литературе уже указывалось на желательность в интересах бережной охраны законной воли завещателя сохранить в этих случаях сделанное им распоряжение в силе¹. Ведь важно, чтобы лицо, которому завещатель хочет что-то оставить из своего имущества, действительно это имущество получило. Не будет одного наследника, может быть другой, который сможет выполнить волю завещателя. В связи с этим было бы желательно установить в законодательном порядке, что в случае смерти наследника как до, так и после открытия наследства, либо при непринятии им наследства, либо при устранении его от наследования, возложенное завещателем на наследника обязательство переходит на других наследников по завещанию или по закону, получивших долю того наследника, на которого было возложено обязательство по выполнению завещательного отказа.

Такое правило должно применяться и в случае смерти подназначенного наследника либо непринятия им наследства.

При таких условиях выполнение завещательного отказа не находилось бы зачастую в зависимости от случайных обстоятельств. Вместе с тем отчетливее подчеркивалось бы положение, что завещательный отказ является обременением наследства (а не только наследника).

Отказополучатель становится кредитором наследника в момент открытия наследства. Каких-либо заявлений с его стороны о желании воспользоваться установленным в его пользу правом не требуется. Отказополучатель делается кредитором наследника в силу закона. Но для того, чтобы стать обладателем установленного в его пользу права, он должен дожить до открытия наследства. Если же отказополучатель умрет ранее завещателя, то установленное завещателем в его пользу право отпадает.

¹ См.: Ф л е й ш и ц Е. А. Завещание и легат в советском гражданском праве, стр. 92.

Делаясь кредитором наследника, отказополучатель не может быть, естественно, принуждаем к использованию этого права. Он может от него отказаться, заявив об этом наследнику или нотариальному органу.

По аналогии со ст. 424 ГК, завещателю должно быть предоставлено право указать в завещании второго отказополучателя на случай смерти до открытия наследства первого указанного им отказополучателя или его нежелания воспользоваться установленным в его пользу правом. Если же завещатель такого указания не сделал, завещательный отказ отпадает: наследник освобождается от обязанности передать ту или иную вещь, входящую в состав наследственного имущества, или выплатить известную сумму денег, или приобрести и передать затем какой-либо предмет и т. д. В одних случаях, таким образом, получится, что имущество, которое должно было быть передано наследником указанному в завещании лицу, фактически останется в обладании этого наследника; в других же случаях наследник будет освобожден от обязанности расходовать средства наследства на приобретение каких-либо предметов. Но так или иначе это будет означать, что то или иное имущество, предназначенное завещателем в пользу отказополучателя, будет обращено в пользу того, на кого завещатель возложил обязанность исполнения завещательного отказа.

Те же последствия должны иметь место в случаях, когда все завещание или часть его, содержащая установление завещательного отказа, будут признаны недействительными, а также в случае отмены завещателем установленного им завещательного отказа.

Исключением из этого общего правила может быть случай установления завещательного отказа в пользу двух или более лиц при неделимости предмета обязательства наследника; в этом случае при отпадении одного из этих лиц предмет обязательства остается в обладании всех остальных лиц (например, если при предоставлении завещателем права пожизненного проживания двум сестрам в одной комнате дома, завещанного брату, одна из сестер откажется от этого права, то это право будет сохранено полностью за другой сестрой).

Закон не устанавливает срока, в течение которого отказополучатель должен заявить свое требование. Е. А. Флейшиц было высказано мнение, в силу которого целесообразно «считать, что легатарий, уведомленный наследником или иным путем узнавший об установлении в его пользу легата, должен подобно кредиторам наследодателя и под страхом утраты своих прав заявить в шестимесячный со дня его уведомления срок о своем намерении осуществить возникающие из легата права»¹. Иначе говоря, Е. А. Флейшиц предлагала применить к отказополучателю тот же порядок, который установлен в отношении

¹ Ученые записки ВИЮН, вып. VI, стр. 92.

кредиторов наследодателя (прим. к ст. 434 ГК). С этим нельзя согласиться. Шестимесячный срок установлен законом для выявления долгов, обременяющих наследство, о наличии которых, по общему правилу, наследник из содержания завещания узнать не может. В выявлении же возложенных на завещателя обязательств по выполнению завещательных отказов нет необходимости, так как их наличие может быть усмотрено непосредственно из содержания самого завещания¹. В данном случае отказополучателю должен быть предоставлен обычный срок для заявления своей претензии – три года с момента открытия наследства, т. е. с момента, когда у него возникло право требования из завещательного отказа. Если в течение этих трех лет отказополучатель умрет, не успев осуществить своего права, это право переходит к его наследникам на остающийся срок, за исключением тех случаев, когда по своему характеру завещательный отказ был тесно связан с личностью управомоченного лица (например, при установлении права пожизненного пользования жилым помещением в доме, принадлежавшем завещателю).

Как указывалось выше, отказополучатель является в отношении наследника по завещанию его кредитором. Однако его положение как кредитора отличается от положения других кредиторов наследодателя. По существу, требование отказополучателя к наследнику представляет собою требование лица, «одаренного» завещателем. Поэтому оно подлежит удовлетворению только после того, как будут удовлетворены требования кредиторов наследодателя, в основе которых обычно лежат возмездные отношения. Значит наследник должен прежде уплатить долги, обременяющие наследство, и только после этого приступить к выполнению завещательных отказов. Но, конечно, наследник, на которого возложено завещателем выполнение завещательного отказа, обязан выполнить возложенное на него в пользу отказополучателя обязательство только в пределах действительной стоимости полученного им наследства (актива, оставшегося за вычетом долгов, обременяющих наследство). Если же наследник, не зная о наличии таких долгов, удовлетворил требование отказополучателя, а другие кредиторы наследодателя предъявили свои претензии к наследнику, последнему должно быть предоставлено право предъявить обратное требование к отказополучателю, если стоимость наследственного имущества окажется недостаточной для удовлетворения претензий кредиторов.

Согласно существующим правилам, при выдаче свидетельства о праве наследования со стоимости всего наследственного имущества взимается государственная пошлина². Наследник по завещанию, на которого возложено

¹ См.: Ученые записки ВИАУН, вып. V. М., 1947, стр. 167.

² Государственная пошлина взимается на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1942 г. «О государственной пошлине» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1942, №

выполнение завещательного отказа, уплачивает государственную пошлину со всей стоимости завещанной ему доли, включая и стоимость имущества, подлежащего выдаче отказополучателю. Но при выполнении завещательного отказа наследник может удержать с отказополучателя часть выплаченной государственной пошлины, падающую на завещательный отказ.

От завещательного отказа надо отличать так называемое «возложение». О «возложении» говорится в ст. 423 ГК, указывающей, что завещатель может возложить на наследников по завещанию исполнение каких-либо действий, направленных на осуществление какой-либо общепользуемой цели.

Примером «возложения» может служить завещательное распоряжение, которым завещатель обязывает своих наследников передать из наследственного имущества известную сумму денег на оборудование научной лаборатории или библиотеки. Но «возложением» будет и завещательное распоряжение о порядке использования оставленных завещателем рукописей или переписки.

Как и завещательный отказ, «возложение» обязывает наследника по завещанию к выполнению известного обязательства. Но в то время, как в первом случае всегда имеется в виду обязательство с имущественным содержанием, во втором случае на наследника может быть возложена обязанность совершения действий и неимущественного характера.

Завещательный отказ устанавливается всегда в пользу определенного лица, причем, по общему правилу, таким лицом является кто-либо из наследников по закону; только в тех случаях, когда наследником по завещанию является постороннее лицо, отказополучателем также может быть, как указано, постороннее лицо. При «возложении» существо завещательного распоряжения обычно состоит в исполнении наследником действий, направленных на осуществление общепользуемой цели, т. е. цели, преследующей общественные интересы (хотя нет препятствий к установлению возложения и в иных целях). Поэтому при «возложении» указание определенного лица не является необходимым; если же такое лицо завещателем и указывается, то им может быть любое лицо, как физическое, так и юридическое. Действий, направленных на осуществление общепользуемой цели, может быть возложено завещателем на любого из лиц, назначенных им наследником по завещанию.

Как нами ранее указывалось, если наследник, на которого возложено выполнение завещательного отказа, умрет до открытия наследства или не примет наследства, то это влечет за собой отпадение завещательного отказа. Вместе с тем мы высказались за желательность установления в законода-

13). Порядок исчисления и взимания государственной пошлины регулируется Инструкцией Министерства Финансов СССР от 14 марта 1947 г. № 160. См.: «Нотариат». Сборник официальных материалов, составленный Н. С. Будневым. М., Госюриздат, 1950, стр. 98.

тельном порядке правила, в силу которого в случае отпадения по тем или иным причинам наследника по завещанию, на которого завещателем возложено обязательство по выполнению завещательного отказа, это обязательство должно перейти к другим наследникам по завещанию или по закону. Такое правило следовало бы установить и в отношении «возложения», в особенности в связи с тем, что при «возложении» в ряде случаев дело идет о выполнении действий, направленных на осуществление общепользной цели.

Установление завещательного отказа дает право требовать исполнения обязательства тому лицу, в чью пользу он установлен: это лицо является кредитором в отношении наследника. При «возложении» не возникает обязательственного отношения между наследником и другим лицом; нет поэтому и кредитора, который мог бы потребовать исполнения обязательства в свою пользу. Но, поскольку «возложение» устанавливается для осуществления известной общепользной цели, требовать его исполнения вправе заинтересованная государственная или общественная организация, а также прокуратура (в порядке ст. 2 ГПК РСФСР). Такое право должно быть предоставлено также исполнителю завещания и сонаследнику.

§ 10. Исполнение завещания

Согласно ст. 427 ГК приведение в исполнение воли наследодателя, выраженной им в завещании, возлагается на самих наследников; при отсутствии в завещании иных распоряжений все наследники в равной мере являются призванными к выполнению завещательных распоряжений.

Но ст. 427 ГК предоставляет завещателю право поручить в завещании выполнение завещания особому лицу – исполнителю завещания. Надобность в этом может возникнуть по различным причинам: тут могут иметь значение соображения о наилучшем обеспечении интересов несовершеннолетних наследников, об облегчении распределения завещанного имущества между многочисленными наследниками и др.

Значение института исполнителя завещания в буржуазном обществе и в СССР совершенно различно. В условиях буржуазного общества переход имущества по наследству является весьма сложной операцией. В составе наследства нередко имеются самые разнообразные имущественные объекты – земли, дома, промышленные и торговые предприятия, акции и другие ценные бумаги, патенты, различного рода права требования. Имущество может быть обременено ипотеками и другими долговыми обязательствами. Прежде чем осуществить раздел наследства между наследниками и произвести из наследства указанные завещателем выдачи, необходимо внести полную ясность в актив и пассив наследства; иногда для этого необходимо про-

вести не один судебный процесс. Поэтому исполнение завещания является не простым делом и требует затраты времени и труда, а также известных навыков и умения. Как это ясно само собой, институт исполнителя завещания в буржуазном обществе рассчитан на обеспечение класса капиталистов. Для миллионов трудящихся капиталистических стран институт исполнителя завещания не имеет никакого значения, так как им вообще нечего передавать по наследству.

В СССР, как мы знаем, по наследству может переходить только личная собственность, обладающая чисто потребительским характером. Имущество, принадлежавшее советскому гражданину и переходящее после его смерти к его наследникам, состоит из тех объектов, которые перечислены в ст. 10 Конституции Союза ССР; это – трудовые сбережения, предметы домашней обстановки, жилой дом и т. д. Реализация воли завещателя, как правило, не вызывает особых трудностей, а потому и не требует привлечения особого лица – исполнителя завещания. Поэтому на практике завещания с назначением исполнителя завещания встречаются не столь уж часто. Обычно распоряжения завещателя выполняются самими наследниками.

Известный интерес представляет вопрос о юридической природе исполнителя завещания. В буржуазной юридической литературе этому вопросу, в соответствии с той ролью, которую в капиталистических государствах играет институт исполнителя завещания, уделяется много внимания. Подробная сводка различных взглядов буржуазных юристов по этому вопросу и их критика даны в докторской диссертации В. А. Рясенцева «Представительство в советском гражданском праве»¹. Здесь могут быть указаны только основные взгляды буржуазных юристов. Согласно наиболее распространенному направлению буржуазной юриспруденции, в основу юридической квалификации исполнителя завещания (или, как его называли в русской дореволюционной литературе, душеприказчика) кладется идея представительства. Но затем начинаются расхождения. Одни авторы считают исполнителя завещания представителем завещателя (в русской дореволюционной литературе – А. Гордон, Анненков, Гольмстен), другие – представителем наследников (Гуляев), третьи – представителем наследства как юридического лица (Шершеневич).

Все эти «теории» имеют только одно назначение – так или иначе обособить наилучшее выполнение воли частного собственника, выраженной им в завещании.

Иначе должен трактоваться вопрос о юридической природе института исполнителя завещания в СССР. Институт исполнителя завещания в СССР –

¹ Рясенцев В. А. Представительство в советском гражданском праве. М., 1948, стр. 264 и след. (рукопись).

особый институт, установленный в советском праве для облегчения выполнения воли завещателя, но вместе с тем и для наилучшего обеспечения интересов наследников, кредиторов наследодателя и других лиц, в пользу которых завещателем были сделаны соответствующие завещательные распоряжения. Таким образом, исполнитель завещания действует в общественном интересе. Этот момент имеет существенное значение для понимания природы института исполнителя завещания в СССР.

Но, во всяком случае, совершенно неприемлема трактовка исполнителя завещания как представителя (все равно – как представителя завещателя или наследников). Представительство возможно только между живыми (ст. 39 ГК); завещатель же умер, следовательно, исполнитель завещания не может быть его представителем. Не является исполнитель завещания и представителем наследников; наследники не дают поручений исполнителю завещания, и последний действует не от их имени, а от своего собственного имени; в некоторых случаях, выполняя завещание, он может действовать и против интересов наследников. Не является исполнитель завещания и представителем самого наследства: советскому праву вообще чужда идея о наследстве как юридическом лице как особом субъекте права.

Основанием прав и обязанностей исполнителя завещания является, согласно ст. 427 ГК, «поручение», данное завещателем исполнителю завещания, – исполнить его волю. Однако, как правильно замечает В. А. Рясенцев, хотя в ст. 427 ГК говорится о «поручении», но договора поручения здесь нет. Никаких прав и обязанностей между завещателем и исполнителем завещания не возникает, как не возникает и возможности требовать исполнения «договора». Под «поручением» же в данном случае следует понимать одностороннее волеизъявление завещателя, с которым закон связывает определенные юридические последствия – возникновение прав и обязанностей у исполнителя завещания, если к этому присоединяются еще два обстоятельства – согласие данного лица на назначение его исполнителем завещания и смерть завещателя.

Назначение исполнителя завещания возможно только в самом завещании. Но для действительности такого назначения требуется, чтобы лицо, назначенное исполнителем завещания, дало на это согласие или в самом завещании, или в отдельном заявлении, приложенном к завещанию (ст. 427 ГК). Однако, как нам кажется, нет оснований считать назначение исполнителя завещания недействительным только по тем соображениям, что при жизни завещателя эти формальности не были выполнены. Если уже после смерти завещателя назначенный им исполнитель завещания выразит свое согласие на это назначение, то такое назначение надо считать действительным.

Возможно назначение в одном завещании и нескольких исполнителей завещания.

Поскольку действия по исполнению завещания заключаются в управлении и распоряжении наследственным имуществом, исполнителем завещания может быть только дееспособное, обычно физическое лицо. Исполнителем завещания обычно назначается постороннее лицо – не наследник по завещанию. Но возможно назначение исполнителем завещания и кого-либо из наследников по завещанию. Нет препятствий к назначению исполнителем завещания юридического лица (например, Академии наук СССР). Основная обязанность исполнителя завещания состоит в передаче наследникам причитающегося им по завещанию наследственного имущества. Но в связи с этим исполнителю завещания приходится в ряде случаев выполнять и некоторые другие обязанности: до момента передачи наследникам причитающихся им частей наследства он осуществляет управление наследственным имуществом, выявляет его актив, предъявляет в случае надобности иски об истребовании наследственного имущества, находящегося в чужих руках, взыскивает долги и т. д. В то же время он выплачивает долги, лежащие на наследстве, и т. д.

Может ли исполнитель завещания получать вознаграждение за свой труд? Мы думаем, что на этот вопрос надо дать в принципе отрицательный ответ: в подавляющей массе случаев и назначение исполнителя завещания, и согласие последнего на такое назначение предполагают наличие между завещателем и исполнителем завещания отношений дружбы, доверия и т. д.; поэтому вопрос о вознаграждении исполнителя завещания не должен был бы возникать. Но, если завещатель сделает специальное распоряжение в завещании о выдаче вознаграждения из наследственного имущества исполнителю завещания, такое распоряжение нет оснований признавать недействительным. Во всяком случае, исполнитель завещания вправе требовать возмещения расходов, понесенных им в связи с охранением и управлением наследственным имуществом.

По предложению наследников, исполнитель завещания обязан представить отчет о своих действиях.

При несогласии наследников с действиями исполнителя завещания они вправе в судебном порядке оспорить его действия. В случае явной неспособности исполнителя завещания к выполнению возложенных на него завещателем обязанностей и, тем более, в случае его недобросовестности по отношению к наследникам не может быть, как нам кажется, отказано по суду в просьбе об устранении исполнителя завещания.

Исполнитель завещания вправе в любое время отказаться от исполнения своих обязанностей.

§ 11. Изменение и отмена завещания

Завещание – акт последней воли гражданина. Поэтому пока гражданин жив, он вправе по своему усмотрению вносить изменения в сделанное им завещание. Он вправе и отменить сделанное им завещание.

Изменение завещания совершается путем составления завещателем нового завещания. При этом соблюдается общий порядок, установленный для составления и удостоверения завещаний (см. § 5 наст. главы). Во вновь составленном завещании завещатель может указать, какие изменения он вносит в ранее сделанные им завещательные распоряжения. Если же он этого не сделает, то надлежит руководствоваться правилом ст. 426 ГК, в силу которого завещание, позднее составленное, отменяет предыдущее, поскольку в последнем не остается распоряжений, не предусмотренных позднейшим завещанием. Отсюда следует, что в случае противоречия между двумя или несколькими завещаниями имеют силу распоряжения последнего по времени составления завещания; распоряжения же более раннего завещания, не находящиеся в противоречии с распоряжениями более позднего завещания, сохраняют свою силу.

Отмена завещания может быть совершена двояким способом: 1) составлением нового завещания, которым отменяется предыдущее; 2) подачей завещателем в нотариальный орган заявления об отмене ранее составленного завещания. Но завещание не может быть отменено путем перечеркивания или физического уничтожения. Наследники завещателя могут получить у нотариуса дубликат завещания, который будет иметь ту же силу, что и экземпляр завещания, выданный нотариусом завещателю. Форма завещания не имеет значения для отмены ранее составленного завещания. Поэтому завещание, удостоверенное нотариусом, может быть отменено путем составления завещания, удостоверенного капитаном морского судна, плавающего под флагом СССР, начальником военного госпиталя и т. д., и наоборот. Что касается отмены завещания путем подачи завещателем в нотариальный орган заявления об отмене ранее составленного завещания, то завещатель может подать такое заявление как в ту нотариальную контору, в которой было удостоверено ранее составленное завещание (наилучший способ), так и в любую иную нотариальную контору; в последнем случае нотариус должен переслать это заявление той нотариальной конторе, в которой было удостоверено отмененное завещание¹.

§ 12. Недействительность завещания

¹ См.: Антимонов Б., Герзон С., Шлиффер Б. Наследование и нотариат, стр. 42.

Завещание является сделкой и требует для своей действительности соблюдения ряда условий. Если какие-либо из этих условий не соблюдены, завещание может быть признано недействительным.

Завещание может быть совершено только дееспособным лицом (см. § 3 наст. главы). Поэтому отсутствие у завещателя дееспособности в момент совершения завещания влечет за собой недействительность завещания. Те же последствия имеют место, если завещатель в момент совершения завещания находился в таком состоянии, что он не мог понимать значения совершаемых им действий (ст. 31 ГК).

Завещание – сделка строго формальная. Несоблюдение установленной законом формы завещания делает завещание недействительным. Поэтому является недействительным завещание, сделанное в письменной, но не удостоверенной нотариальным порядком форме, или завещание, сделанное на словах. Недействительным должно быть признано также завещание, удостоверенное нотариусом, но с нарушением установленного для удостоверения завещания порядка, например, когда завещание было предоставлено для удостоверения нотариусу не самим завещателем, а другим лицом, когда при составлении завещания слепым неграмотным завещателем за него расписалось лицо, назначенное им наследником, и т. д.

Недействительно завещание, содержащее в себе распоряжения, противные закону или сделанные в обход закона, или направленные к явному ущербу для государства (ст. 30 ГК).

Должно быть признано недействительным завещание, совершенное под влиянием обмана, насилия или угрозы. При этом не должно иметь значения, кем именно были допущены обман, насилие или угроза – назначенным ли в завещании наследником, отказополучателем или другим лицом.

Не могут быть признаны действительными завещания, составленные с нарушением правил социалистической морали, например, завещание о назначении супруга наследником под условием, чтобы после смерти завещателя он не вступил в брак с определенным лицом.

Признание завещания недействительным производится в судебном порядке.

Иск о признании завещания недействительным может быть предъявлен всяким лицом, непосредственно заинтересованным в признании недействительным завещания. Такими заинтересованными лицами могут быть наследники по закону (наиболее частый случай), а при наличии другого завещания – наследники по этому завещанию. Иск о недействительности завещания может быть также предъявлен финансовым органом, если имеются основания для перехода наследства к государству. Если этого требуют интересы

государства или трудящихся, иск о недействительности завещания может быть предъявлен прокурором (ст. 2 ГПК РСФСР).

Если назначенные в завещании наследники приняли наследство, то они и являются ответчиками по иску о недействительности завещания.

Более сложным является вопрос об установлении надлежащего ответчика по иску о недействительности завещания, если наследники по завещанию не совершили никаких действий, свидетельствующих об их намерении принять наследство. Довольно распространенным является взгляд, что и в этом случае в качестве ответчиков по иску о недействительности завещания должны быть привлечены наследники по завещанию. Но почему они должны быть признаны ответчиками по иску о недействительности завещания? Только потому, что завещателю было желательно назначить их своими наследниками! Привлечение же их к делу в качестве ответчиков, помимо хлопот и траты времени в случае удовлетворения иска, может повлечь для них невыгодные материальные последствия (взыскание с них расходов по производству дела, понесенных истцом – ст. 46 ГПК РСФСР). Может получиться странное положение: наследники по завещанию сами понимают, что завещание будет признано недействительным (например, составленное недееспособным лицом), и все же добровольно принимают наследство в качестве ответчиков влечет для них и другие невыгодные последствия. Признав себя ответчиками, они тем самым как бы изъявляют согласие на принятие наследства, чего бы, может, они в действительности не намеревались делать. Заявив же о том, что они не считают себя ответчиками, наследники по завещанию тем самым как бы заявляют о своем отказе от наследства, чего они, быть может, не имели в виду.

Мы считаем, что в тех случаях, когда наследники по завещанию еще не приняли наследства, иск о недействительности завещания должен быть предъявлен применительно к правилам ст. 29 ГПК РСФСР. Редакцию этой статьи нельзя признать удачной, так как она позволяет сделать вывод, будто бы само наследственное имущество является субъектом права. К такому выводу, в частности, приходит С. Н. Абрамов, утверждающий даже, что «иски к имуществу, оставшемуся после смерти собственника, т. е. к наследственному имуществу, недопустимы, по советскому праву, так как имущество как таковое не признается субъектом права; следовательно, иск может быть заявлен только к правопреемникам умершего»¹.

Конечно, наследственное имущество как таковое советским правом не признается субъектом права. Тем не менее, иски до перехода наследства к правопреемникам умершего, т. е. до принятия его наследниками, вполне

¹ А б р а м о в С. Н. Гражданский процесс. М., 1948, стр. 138.

возможны. Кроме иска о недействительности завещания, можно указать в качестве примера еще на тот случай, когда кредитор наследодателя опасается пропуска срока исковой давности по своему требованию. Если для управления наследственным имуществом уже назначен опекун, то на нем и лежит обязанность ответа по иску, предъявленному к наследственному имуществу; если же такой опекун еще не был назначен, то органы опеки должны назначить опекуна для ответа по иску (ст. 69, прим. к ст. 72 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР).

Опекун над имуществом умершего, конечно, не является ни представителем самого умершего, ни его имущества, но он оберегает интересы как возможных наследников (по завещанию и по закону) и отказополучателей, так и государства, поскольку в известных случаях оно может стать преемником в имуществе умершего (когда завещатель назначил государство своим наследником и в случае выморочности наследственного имущества).

«Если, однако, назначенный по завещанию наследник умрет раньше открытия наследства, то завещание теряет силу, и для признания его недействительным наследодателю совершенно не нужно обращаться в суд, а следует лишь заявить об этом в нотариальную контору» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 29 мая 1943 г. по делу № 580)¹.

В случае признания судом завещания недействительным к наследованию призываются наследники по закону или наследники по другому завещанию. В некоторых случаях (например, при полном отсутствии наследников) признание завещания недействительным влечет переход наследственного имущества к государству.

При недействительности отдельных завещательных распоряжений надлежит руководствоваться ст. 37 ГК, в силу которой недействительные части сделки не затрагивают прочих ее частей, поскольку можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части. В таких случаях суд, признав данное завещательное распоряжение недействительным, должен тщательно обсудить, насколько этим затрагивается судьба всего завещания в целом, и если он признает, что устранение данного завещательного распоряжения не лишит завещания того основного содержания, которое ему было придано завещателем, то такое завещание должно сохранить свою силу (за исключением недействительной его части).

Соответственно недействительным полностью или в части должно быть признано завещательное распоряжение, составленное с нарушением ч. 2

¹ Сборник постановлений Пленума и определений судебных коллегий Верховного суда СССР, 1943 год. М., 1948, стр. 263.

ст. 422 ГК, т. е. с нарушением правил об обязательной наследственной доле. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала, что «если бы даже Глиенко и не утратил права наследования за пропуском срока, установленного ст. 430 ГК УССР, то и тогда завещание могло быть признано недействительным только в части, касающейся той доли, которая причиталась бы несовершеннолетнему при наследовании по закону. Между тем, областной суд признал недействительными завещание и свидетельство о праве наследования в целом» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 12 июля 1952 г. по иску Чеховых к Шапченко о признании недействительным завещания).

ГЛАВА V

ПРИНЯТИЕ И НЕПРИНЯТИЕ НАСЛЕДСТВА

§ 1. Принятие наследства

1. Первым условием, необходимым для приобретения наследства наследником, является открытие наследства, под которым понимается наступление таких юридических фактов, которые обуславливают возникновение у данного лица права на приобретение наследства — права наследования. К числу таких юридических фактов советское право относит: смерть гражданина либо признание безвестно отсутствующего гражданина умершим.

При жизни наследодателя или до объявления его как безвестно отсутствующего умершим предполагаемые (эвентуальные) наследники никаких прав на могущее открыться в будущем наследство не имеют. Поэтому они не вправе запретить наследодателю при его жизни распорядиться принадлежащим ему имуществом и, в частности, завещать его. Не вправе они и требовать при жизни наследодателя выдачи вещей из принадлежащего ему имущества (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 15 ноября 1947 г. по делу № 1142)¹.

Но открытие наследства еще не означает, что данное лицо, входящее в круг наследников по закону или указанное наследодателем в завещании, уже вступило в те имущественные отношения, субъектом которых был умерший. Чтобы сделать преемником в имущественных правах наследодателя требуется еще: 1) чтобы данное лицо было призвано к наследованию и 2) чтобы оно выразило свое согласие на приобретение наследства.

Для призвания данного лица к наследованию требуется, в свою очередь, наличие ряда фактов. При этом приходится различать призвание наследника по закону и призвание наследника по завещанию.

Данное лицо может считаться призванным к наследованию по закону: 1) если оно входит в круг наследников по закону, перечисленных в ст. 418 ГК РСФСР и соответствующих статьях ГК других союзных республик, притом такой очереди, которая в данном случае призывается к наследованию ранее других очередей; 2) если умерший не оставил завещания, влекущего за собой устранение возможности наследования по закону (ст. 419 ГК).

Поэтому не считается призванным к наследованию, например, брат наследодателя (наследник по закону третьей очереди), если после умершего

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1948. Вып. I. М., 1948, стр. 26.

оставались дети, переживший супруг или «иждивенцы» (наследники первой очереди). Не могут считаться призванными к наследованию наследники по закону, например, трудоспособные дети и родители, если наследодатель завещает все свое имущество сестре, и т. д.

Однако наследник по закону последующей очереди окажется призванным к наследованию, если, например, наследник предшествующей очереди откажется от наследства (при наличии двух наследников по закону – взрослого сына и трудоспособной матери – сын сделает заявление об отказе от наследства). Будут призваны к наследованию наследники по закону, если завещание в установленном порядке будет признано недействительным, и т. д.

Для признания данного лица в качестве наследника по завещанию требуется: 1) наличие завещания; 2) вхождение этого лица на момент открытия наследства в круг лиц, в пользу которых может быть сделано завещание (ст. 422 ГК).

Однако ни открытие наследства, ни призвание данного лица к наследованию еще недостаточны для приобретения наследства. Наличие этих фактов вызывает возникновение у данного лица права наследования в смысле права на приобретение наследства, но не делает еще это лицо преемником в имущественных правах наследодателя. Для приобретения данным лицом наследства требуется еще выражение им своего согласия на приобретение наследства. Выражение наследником такого согласия называется принятием наследства.

2. Каким же путем «право на приобретение наследства» приводит к действительному приобретению наследником наследства?

Ответ на этот вопрос дается в ст. 429 и 430 ГК. Согласно ст. 429 ГК, «если присутствующий в месте открытия наследства наследник в течение трех месяцев со дня открытия наследства не заявит надлежащему нотариальному органу об отказе от наследства, он считается принявшим наследство».

Находящиеся налицо наследники могут вступить в управление наследственным имуществом, не дожидаясь явки прочих наследников, каковые, своевременно явившись, могут истребовать свою долю наследственного имущества».

Статья 430 ГК гласит: «Наследники, отсутствующие в месте нахождения наследства, могут принять наследственное имущество лично или через поверенных в течение шести месяцев со дня открытия наследства».

Лица, для которых право наследования возникает на основании третьей части ст. 418, лишь в случае отсутствия других наследников или непринятия ими наследства могут заявить в те же сроки о своем согласии принять наследст-

венное имущество независимо от того, будут ли они призваны к наследованию»¹.

Статья 429 ГК не говорит прямо о необходимости принятия наследства присутствующим наследником, но, по существу, принятие наследства так же необходимо со стороны присутствующего наследника, как и со стороны наследника отсутствующего. Во всяком случае, в ст. 429 ГК не содержится указаний, что присутствующий в месте открытия наследник приобретает наследство в момент открытия наследства в силу закона, помимо выраженного им желания принять наследство. Закон исходит только из презумпции, что присутствующий в месте открытия наследства наследник предполагается принявшим наследство.

По истечении трех месяцев со дня открытия наследства это предположительное принятие наследником наследства превращается в принятие окончательное, если за это время со стороны наследника не последовало прямого отказа от наследства. Презумпция о принятии присутствующим наследником наследства вытекает из вполне обоснованного предположения, что если наследник проживает в месте открытия наследства и, следовательно, знает об открытии наследства и не заявляет о своем отказе от наследства, то тем самым он обнаруживает свое намерение принять наследство. Но это не значит все же, что он уже приобрел наследство в силу закона. Он вправе заявить официально нотариальному органу, что он не желает принимать наследства. Однако вопреки высказанному в нашей литературе взгляду мы думаем, что установленная ст. 429 ГК презумпция не относится к числу так называемых неопровержимых презумпций². В этом отношении прав И. С. Перетерский, писавший еще в 1924 г., что «презумпция эта не является... неопровержимой», и если окажется, что «наследник фактически был лишен возможности заявить об отказе и не

¹ Необходимо обратить внимание на различие в терминологии ст. 429 и 430 ГК РСФСР. Статья 429 говорит о наследнике, присутствующем в «месте открытия наследства», а ст. 430 – о наследниках, отсутствующих «в месте нахождения наследственного имущества». Если имущество умершего будет находиться в различных местах (городах, районах и т. д.), то может получиться, что наследник, оказавшийся к моменту смерти наследодателя в месте открытия наследства, в соответствии со ст. 429 ГК, будет признан присутствующим наследником и принявшим наследство (где бы оно ни находилось), если он не заявит в течение трех месяцев об отказе от наследства; по буквальному же смыслу ст. 430 ГК, тот же наследник должен быть признан отсутствующим наследником в отношении того имущества умершего, которое не находилось в месте открытия наследства, и для принятия этой части наследства должен будет в течение шести месяцев особо выразить свою волю. Верховный суд СССР разрешил это терминологическое расхождение ст. 429 и 430, приводящее иногда на практике к значительным затруднениям, признав, что и «отсутствие», и «присутствие» наследника определяются «по месту открытия наследства» (п. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1946 г.).

² См.: Ле в е н т а л ь Я. Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском праве. Советское государство и право, 1949, № 6, стр. 62.

совершил никаких действий, свидетельствующих о его желании стать правопреемником наследодателя, то презумпция принятия им наследства отпадает»¹.

О принятии наследства ГК говорит и в ряде других статей (ст. 424, 433 и 434), причем эти статьи, несомненно, имеют применение не только к случаям приобретения наследства отсутствующими, но и присутствующими наследниками.

Во всяком случае, как нам кажется, было бы противно принципам советского права признать, что данное лицо может без своего согласия (или согласия своих законных представителей) приобрести наследство. Только в силу своего желания, выраженного в принятии наследства, наследник приобретает наследство, делается преемником в имущественных правах умершего, несет ответственность по долгам, обременяющим наследство, и т. д. Советское право не признает данное лицо преемником в имуществе только потому, что оно присутствовало в месте открытия наследства к моменту смерти наследодателя, но лишь исходит из презумпции о принятии наследства таким лицом, презумпции, которая при известных условиях может быть им и опровергнута².

3. Как мы видели, ГК делит наследников в отношении принятия наследства на две категории: наследников, «присутствующих» в месте наследства, и наследников «отсутствующих» (ст. 429 и 430 ГК). Такое деление содержат ГК большинства союзных республик³. Деление это имеет весьма существен-

¹ П е р е т е р с к и й И. С. ГК РСФСР. Комментарий, вып. VI. Наследственное право. М.—Пг., 1924, стр. 21.

² Проф. К. С. Юдельсон полагает, что никакой презумпции в ст. 429 ГК нет, а установлена норма, в силу которой не заявивший в трехмесячный срок о своем отказе от принятия наследства, если он входит в круг законных наследников или наследников по завещанию, является именно наследником со всеми вытекающими отсюда по праву наследственного правопреемства последствиями. По мнению проф. К. С. Юдельсона, «здесь мы сталкиваемся с тем редким случаем, когда закон придает молчанию юридическое значение: ГК считает, что молчание является актом волеизъявления» (Ю д е л ь с о н К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., Госюриздат, 1951, стр. 267). Однако такой вывод не подтверждается текстом ст. 429 ГК, в которой вовсе не говорится, что «не заявивший в трехмесячный срок о своем отказе от принятия наследства... является... наследником», а сказано, что «наследник... с ч и т а е т с я принявшим наследство», т. е. именно устанавливается презумпция принятия присутствующим наследником наследства.

³ ГК Грузинской ССР не признает понятия «присутствующего» наследника. Согласно прим. 2 к ст. 428 ГК Грузинской ССР, находящиеся налицо в месте открытия наследства наследники могут вступить в управление наследственным имуществом, не дожидаясь явки прочих наследников: последние в течение общей трехлетней давности лично или через представителей могут потребовать свою долю наследственного имущества. Однако находящиеся налицо наследники не имеют права распорядиться им до истечения трехлетнего срока. Согласно ст. 429 Грузинской ССР, если все наследники отсутствуют в месте открытия наследства, то они могут принять наследственное имущество лично или через поверенных в течение шести месяцев со дня принятия охранительных мер. ГК Белорусской ССР не известно ни понятие «присутствующего», ни понятие «отсутствующего» наследника. Согласно ст. 477 ГК Белорусской ССР, каждый наслед-

ное значение, так как в зависимости от принадлежности наследников к той или иной категории устанавливаются не только различные сроки, но, как мы уже знаем, даже несколько различные способы приобретения наследства. Однако в вопросе о том, кто из наследников должен считаться «присутствующим» и кто «отсутствующим», в судебной практике до последнего времени не замечалось достаточной устойчивости. Вот несколько случаев.

Гражданин Черняцкий обратился в суд с жалобой на отказ нотариуса оформить его право наследования на находящийся в г. Кишиневе дом, завещанный ему его отцом. Нотариус мотивировал отказ тем, что Черняцкий как отсутствующий наследник пропустил шестимесячный срок для принятия наследства. Верховный суд Молдавской ССР признал действия нотариуса правильными. Из обстоятельств дела видно, что дом был завещан гр. Черняцкому в 1938 г. Гражданин Черняцкий проживал в то время с отцом. После смерти отца он остался в этом же доме и не проживал в нем только несколько месяцев (с ноября 1940 г. по июнь 1941 г.) в связи с землетрясением; спустя некоторое время он выехал из Кишинева в порядке эвакуации, а затем вернулся в сентябре 1945 г. В своем определении от 25 декабря 1946 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала, что нотариус отказал Черняцкому в оформлении права наследования на основании ст. 430 ГК УССР. Между тем, эта статья касается лиц, отсутствующих в месте открытия наследства; Черняцкий же как присутствовавший в месте открытия наследства, в силу ст. 429 ГК УССР, считается лицом, принявшим наследство. Исходя из этого, Судебная коллегия отменила определение Верховного суда Молдавской ССР и возвратила дело на новое рассмотрение¹.

По другому делу Верховный суд Абхазской АССР признал, что поскольку гр. Зуев в момент смерти своей бабки – наследодательницы не находился в месте открытия наследства, он должен быть признан отсутствующим наследником и в связи с пропуском шестимесячного срока считаться отказавшимся от наследства, почему и не имеет права на долю наследственного имущества. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в своем определении от 30 апреля 1947 г. указала, что «у суда не было оснований считать А. Д. Зуева, проживавшего постоянно в доме своей бабки в г. Сухуми, отсутствующим наследником в силу того, что он временно выехал со своей матерью в Москву»².

ник имеет право, не дожидаясь явки прочих наследников, принять в свое ведение все наследственное имущество. Прочим наследникам предоставляется право истребовать свои доли в течение шести месяцев после смерти наследодателя или признания его пропавшим.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1947. Вып. II (XXXVI). М., 1947, стр. 18–19.

² Г р а в е К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР. М., 1949, стр. 19.

По делу Мелик-Нубарова Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала решающим фактом для отнесения Мелик-Нубарова к присутствующим наследникам проживание его в доме, принадлежавшем его отцу, ко времени открытия наследства¹. Таким образом, вопрос о признании наследника «присутствующим» или «отсутствующим» разрешается судебными органами далеко не одинаково, и одни и те же фактические обстоятельства, которые дают основания одной судебной инстанции квалифицировать данное лицо как «присутствующего» наследника, приводят другую судебную инстанцию к заключению, что данное лицо является «отсутствующим» наследником. А ведь практические последствия от такой различной квалификации будут весьма значительны.

Значительные разногласия по вопросу, кого считать «присутствующим» и «отсутствующим» наследником, имеются и в нашей литературе. Так, по мнению В. К. Хитёва, «присутствующими» наследниками должны быть признаны только те из них, которые фактически владеют наследственным имуществом; такими наследниками в подавляющем большинстве случаев, полагает В. К. Хитёв, являются те наследники, которые проживали совместно с наследодателем. Поэтому можно предположить, что в качестве «присутствующих» наследников законодатель имел в виду именно наследников, проживавших совместно с наследодателем².

Г. Н. Амфитеатров считает «присутствующим» наследника, проживающего вместе с наследодателем или живущего в непосредственной к нему близости, например в том же городе³. К. А. Граве видит решающий момент для признания наследника «присутствующим» в совпадении его местожительства с последним местожительством наследодателя. Если такого совпадения нет, наследник должен быть признан «отсутствующим». Исходя из этих соображений, К. А. Граве делает вывод, что лишь временно отсутствующий наследник, местожительство которого совпадает с последним местожительством наследодателя, должен быть признан «присутствующим» наследником. Равным образом, по мнению К. А. Граве, фактическое присутствие наследника, местожительство которого не совпадает с последним местожительством наследодателя, в месте открытия наследства в момент смерти наследодателя не превращает такого наследника в «присутствующего»⁴.

В связи с изложенными взглядами надо прежде всего указать, что если бы законодатель под «присутствующими» наследниками понимал только наследников, «совместно проживавших с наследодателем», как это полагает

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1947. Вы. III (XXXVII). М., 1947, стр. 29–30.

² См.: Хитёв В. К. Вопросы наследственного права в судебной практике.

³ См.: Амфитеатров Г. Н. Право наследования в СССР. М., 1946, стр. 31.

⁴ Граве К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР, стр. 20–21.

В. К. Хитёв, он так бы и сказал в ст. 429 ГК, чего, однако, сделано не было. А ведь признаком «совместного проживания» законодатель уже пользовался при решении вопроса о переходе предметов домашней обстановки и обихода (ст. 421 ГК). Что же касается толкования понятия «присутствующего» наследника, данного Г. Н. Амфитеатровым, то вряд ли оно может быть признано удовлетворительным ввиду крайней неопределенности признака проживания наследника «в непосредственной близости» с наследодателем. Понятие такого признака дает слишком широкий простор субъективным оценкам в понимании того, что надо считать «непосредственной близостью».

Мы полагаем, что приведенные выше взгляды не вытекают из содержания ст. 429 ГК. Статья 429 ГК не требует совпадения постоянного местожительства наследника с местожительством наследодателя. Не устанавливает ст. 429 ГК и какого-либо срока для проживания наследника в месте открытия наследства как до смерти наследодателя, так и после его смерти. Из закона, во всяком случае, не вытекает, чтобы для признания наследника «присутствующим» требовалось его непрерывное проживание в месте открытия наследства в течение всех трех месяцев, в течение которых он может заявить о своем отказе от наследства. Для признания наследника «присутствующим», по нашему мнению, достаточно, чтобы наследник фактически проживал к моменту смерти наследодателя в месте открытия наследства, хотя бы и не имея там постоянного жительства. Поэтому «присутствующим» будет и тот наследник, который, приехав незадолго до смерти наследодателя в город, где наследодатель имел место постоянного жительства, находился там к моменту смерти наследодателя. И, наоборот, «отсутствующим» наследником будет тот наследник, который, например, выехал в служебную командировку незадолго до смерти наследодателя. Такое понимание ближе к общежитейскому представлению о гражданине, «присутствующем» либо «отсутствующем» в месте открытия наследства. Аналогичного взгляда придерживаются Б. Антимонов, С. Герзон и Б.Шлифер, полагающие, что «п р и с у т с т в и е в м е с т е о т к р ы т и я н а с л е д с т в а следует понимать в прямом смысле этого выражения, т. е. как физическое присутствие в момент открытия наследства в том населенном пункте, где наследство открылось»¹.

¹ Антимонов Б., Герзон С., Шлифер Б. Наследование и нотариат. М., 1946, стр. 56. Р. О. Халфина также считает, что нет оснований не рассматривать как «присутствующего» наследника лицо, присутствующее в месте открытия наследства, как бы временно его пребывание в этом месте ни было («Право наследования в СССР». М., 1952. стр. 60–61). Но вместе с тем Р. О. Халфина полагает, что случайное отсутствие в месте открытия наследства лица, постоянно там проживающего, не лишает его качества «присутствующего» наследника и не делает его наследником «отсутствующим», по мнению Р. О. Халфиной, особенно это относится к тем наследникам, которые постоянно проживали с наследодателем и случайно или временно отсутствовали в месте открытия наследства (там же, стр. 62). С последним выводом нельзя согласить-

Как нам кажется, изложенное нами понимание наследников в качестве «присутствующих» и «отсутствующих» проводится и в ряде определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР.

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску Понагайбо к Иерусалимской сказано: «Народный суд не выяснил, присутствовали ли Понагайбо, ее малолетние дочери и племянницы в месте открытия наследства во время смерти Иерусалимского. Если это обстоятельство имело место, то Понагайбо и ее дочери, не отказавшиеся от своих наследственных прав в течение трех месяцев со дня открытия наследства, должны, в силу ст. 429 ГК, считаться принявшими наследство...» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 14 мая 1941 г., № 472)¹.

Аналогичный взгляд проводится Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР по делу Киселевских².

Истцы Киселевские (дочь и внук наследодательницы) обратились в 1946 г. в суд с иском о признании за ними права наследования на имущество, оставшееся после смерти гр. Чуваковой, умершей в 1933 г., и об аннулировании нотариального свидетельства о наследовании, по которому право на наследство было признано за тремя сыновьями наследодательницы – Иваном, Василием и Дмитрием Чуваковыми. Затем с самостоятельным иском в дело вступила внучка наследодательницы – Н. Чувакова, которая также просила признать ее наследницей в имуществе, оставшемся после смерти ее бабки. Народный суд Мытищенского района иск Н. Чуваковой удовлетворил, а в иске Киселевским отказал за пропуском срока давности, признав наследниками в спорном имуществе трех сыновей – Ивана, Дмитрия и Василия Чуваковых и внучку наследодательницы Н. Чувакову. Московский областной суд 16 мая 1947 г. решение народного суда оставил в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР эти решения отменила, передав дело на новое рассмотрение

ся, как приводящим к полной неопределенности понятия «присутствующего» наследника и к несомненным практическим затруднениям, так как в каждом отдельном случае надо будет устанавливать «случайное» или «временное» отсутствие наследника в месте открытия наследства, причем и понятия «случайного» и «временного» отсутствия сами не отличаются необходимой определенностью. Статья 429 ГК исходит из презумпции принятия наследства присутствующим наследником. К этой презумпции Р. О. Халфина добавляет вторую презумпцию: наследник, «случайно» или «временно» отсутствующий, считается присутствующим. Приходится сомневаться в целесообразности таких сложных юридических построений.

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР, 1941. М., 1947, стр. 5.

² См. мою статью «Принятие наследства» в журнале «Советское государство и право», 1950, № 6, стр. 41–42.

областного суда. В мотивах своего определения Верховный суд указал, что поскольку местом открытия наследства является Мытищенский район, т. е. дачная местность Подмосковья, а истцы к моменту смерти наследодательницы проживали в Москве, то они должны считаться принявшими наследство как присутствовавшие в месте его открытия. При новом рассмотрении дела Московским областным судом иски как Киселевских, так и Н. Чуваковой были удовлетворены, в соответствии с чем наследниками к спорному имуществу были признаны шесть человек, каждый в размере $\frac{1}{6}$ части. Решение это было оставлено в силе Верховным судом РСФСР. По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР 24 мая 1949 г. вынесла определение, которым оставила в силе решение народного суда Мытищенского района и определение Московского областного суда об отказе в иске гр. Киселевским, а все последующие судебные решения и определения отменила. В этом определении Судебная коллегия подробно остановилась на понятии места открытия наследства, а также на понятии «присутствующих» и «отсутствующих» наследников. Как нам кажется, Судебная коллегия Верховного суда СССР правильно ограничила понятие места открытия наследства «пределами данного города или населенного пункта» и в соответствии с этим признала, что Верховный суд РСФСР придал понятию места открытия наследства «расширительное и притом произвольное толкование». Имея же в виду, что истцы Киселевские в месте открытия наследства не присутствовали, так как постоянно проживали и проживают в Москве, Судебная коллегия признала, что они не могут рассматриваться как наследники, присутствовавшие в месте открытия наследства. Присутствовавшими наследниками Судебная коллегия признала только тех наследников, которые находились «в месте открытия наследства к моменту смерти наследодательницы», т. е. трех сыновей и внучку наследодательницы – Н. Чувакову. Однако Судебная коллегия не выставила в качестве требования для признания наследника присутствующим, чтобы он имел постоянное жительство там, где проживал наследодатель: наследник должен там только находиться к моменту смерти наследодателя.

Та же мысль проводится и в некоторых других определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР. Так например, в определении по иску Мезеновой и Тихоновой к Морозовой Судебная коллегия обратила внимание на то, что «суд, разрешая дело, не исследовал вопроса о месте жительства истиц в момент смерти их матери и не установил, действительно ли истицы присутствовали в месте открытия наследства. Между тем выяснение этого обстоятельства имеет решающее значение для правильного разрешения спора о наследственном имуществе» (определение

Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 23 января 1952 г. по делу № 03/40).

В другом определении Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала, что «наследственное имущество находится в г. Ворошиловске Ворошиловградской области, а истицы жили до смерти своей матери и живут в настоящее время в г. Ворошиловграде, т. е. не в месте открытия наследства. В момент открытия наследства никто из перечисленных выше наследников в месте открытия наследства не находился, за исключением одной дочери наследодательницы, ответчицы по делу Шапченко, которая жила вместе со своей матерью. Поэтому ссылка суда на то, что Чеховы в момент открытия наследства находились в месте открытия наследства, является необоснованной» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 12 июля 1952 г. по иску Чеховых к Шапченко).

Как видно из изложенного, принятое ГК РСФСР (и в ГК ряда других союзных республик) деление наследников на «присутствующих» и «отсутствующих» приводит к довольно значительным затруднениям на практике. Было бы целесообразно при пересмотре действующего законодательства отказаться от этого деления, установив общий порядок принятия наследства как для наследников, проживавших в месте открытия наследства к моменту смерти наследодателя (постоянно или временно), так и для наследников, в месте открытия наследства не проживавших.

Срок для принятия наследства должен быть также единым, как для присутствующих, так и для отсутствующих наследников. Учитывая дальность расстояний в нашей стране, этот срок целесообразно несколько удлинить, доведя его до одного года со дня открытия наследства вместо существующего шестимесячного срока.

При этом за основу можно было бы принять приведенную выше ст. 477 ГК Белорусской ССР с заменой недостаточно ясной формулировки «принять в свое ведение все наследственное имущество» более точной формулировкой «вступить в управление или владение наследственным имуществом» (как это сказано в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1946 г., № 1/2/у).

4. По своей юридической природе принятие наследства является односторонней сделкой, обладающей обратной силой.

Принятие наследства – это волевой акт, в котором находит свое выражение желание наследника принять наследство. Этот акт является односторонним актом: он представляет собою выражение воли только одного лица – наследника, не требует участия или согласия других лиц и не обращен к кому-либо конкретно. Но этот акт влечет за собой ряд правовых последствий

в отношении как самого наследника, так и иных лиц (других наследников, кредиторов наследодателя и др.).

Принятие наследства – акт добровольный, и никто не может, не изъявив своего согласия, считаться принявшим наследство. Не может и суд признать данное лицо наследником, если оно в той или иной форме не заявило о своем намерении принять наследство. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в своем определении от 30 сентября 1947 г. указала, что суд неправильно признал наследниками на имущество Столярова его детей Марию, Виталия и Сергея при отсутствии в деле их заявления о признании за ними права наследования¹.

Обратная сила принятия заключается в том, что наследство считается перешедшим к наследнику не с момента принятия, а с момента открытия наследства. Если наследодатель умер 1 февраля 1945 г., а наследник изъявил свое согласие на принятие наследства 15 мая 1945 г., то тем не менее наследство считается перешедшим к нему 1 февраля 1945 г. По этому моменту определяются все имущественные отношения наследника; в частности, все доходы, полученные от наследственного имущества (например, проценты по вкладам в сберегательные кассы, выигрыши по облигациям займов и т. д.), принадлежат наследнику, принявшему наследство, с момента открытия наследства.

К моменту открытия наследства приурочиваются и все расчеты между наследниками, принявшими наследство (установление размера наследственных долей, ответственность по долгам, обременяющим наследство, и т. д.).

В связи с тем, что момент принятия наследства может отделяться от момента открытия наследства известным промежутком времени, возникает вопрос о правовом положении наследственного имущества в этот промежуток времени.

По мнению О. С. Иоффе, «с наступлением смерти наследодателя всегда имеется определенное лицо, у которого наследственное право возникает немедленно, а если его нет, то наследственное имущество как выморочное поступает в доход государства. Таким образом, нельзя указать ни на один момент во времени, в течение которого наследственная масса существовала бы как совокупность никому не принадлежащих прав, т. е. как бессубъектное право. Конечно, в течение известного времени от отсутствующих наследников может не поступить заявление о принятии наследства или до истечения известного времени присутствующие наследники могут отказаться от принятия наследства, но это имеет значение для осуществления, а не для возникновения наследственных прав. Самое же наследственное право у определен-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1948. Вып. I. М., 1948, стр. 29.

ных наследников возникает в момент открытия наследства, т. е. в момент смерти наследодателя. В силу их отказа от принятия наследства или в силу их отсутствия наследственная масса может перейти к наследникам другой очереди или как выморочное имущество поступить в доход государства, но тем не менее она всегда принадлежит определенному субъекту и никогда не является имуществом бессубъектным»¹.

Далее О. С. Иоффе пишет: «Лицо, приобретающее наследственное право, становится собственником наследственного имущества только после осуществления своего права. Но это не означает, что в промежуток времени между моментом смерти наследодателя и осуществлением наследственного права наследственная масса является *res nullius*, ибо, с одной стороны, факту принятия наследства придается обратная сила, а с другой стороны, хотя наследник и не становится собственником наследственной массы до осуществления своего права, он имеет такое право, которое может превратиться в право собственности»².

Но если наследник, как считает О. С. Иоффе, «не становится собственником наследственной массы до осуществления своего права», то как же наследственная масса с момента открытия наследства принадлежит всегда определенному субъекту? Наследственная масса может ведь принадлежать только собственнику, а наследник, призываемый к наследованию, еще не является собственником. И затем, как же это в силу отказа наследников или их отсутствия наследственная масса может перейти к наследникам другой очереди? Получается что-то вроде права собственности под отменительным условием. Вся «юридическая конструкция» О. С. Иоффе имеет чрезвычайно искусственный характер.

Дело обстоит иначе. Действительно, у наследников (призываемых к наследованию) с момента открытия наследства возникает право наследования, но только как «право на приобретение наследства», право принять наследство или отказаться от него³. Однако отсюда вовсе не следует, что до принятия наследства наследником оно уже принадлежит определенному субъекту или само является субъектом права. Для таких «юридических конструкций» в советском праве нет оснований. Субъект права на наследственное имущество устанавливается только в момент принятия наследства наследником, а при отсутствии наследников или отказе их от наследства – в момент перехода наследства как выморочного к государству. Поэтому возможны случаи, когда наследственное имущество в течение известного времени (как правило, непродолжительного), действительно, не будет иметь субъекта. Однако

¹ Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949, стр. 137–138.

² Там же, стр. 138.

³ См. гл. II, § 6.

это не значит, что имущество остается без охраны. В случае надобности нотариальная контора назначает хранителя наследственного имущества¹, а если наследственное имущество нуждается в управлении (например, домовладение), то назначается опекун (ст. 36 Положения о государственном нотариате РСФСР). В Инструкции Министерства юстиции РСФСР от 2 февраля 1948 г. по применению Положения о государственном нотариате подробно регулируются те случаи, когда в составе имущества умершего окажутся облигации государственных займов, валютные ценности, изделия из драгоценных металлов и проч., подлежащие сдаче на хранение в учреждения Госбанка (§ 101). Если же в составе этого имущества окажутся ценные рукописи, литературные труды, письма, имеющие художественное, историческое и научное значение, то они передаются на ответственное хранение или наследникам, или соответствующим организациям (§ 102 Инструкции).

Выше мы уже приводили ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию», согласно которой действие Указа было распространено на наследства, открывшиеся до его издания, но не принятые наследниками и не перешедшие в собственность государства. Таким образом, Указ в не возбуждающих никаких сомнений выражениях допускает возможность, чтобы данное наследство оказалось еще не принятым наследниками, т. е. не перешло в их собственность и вместе с тем не стало и собственностью государства. Спрашивается, кто же является субъектом права на такое наследство в этот промежуточный период? Из Указа от 14 марта 1945 г. со всей определенностью следует, что в этот промежуточный период наследство еще никому не принадлежит, оно еще не имеет собственника.

Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 11 января 1946 г. № 1/2/у «временем перехода наследственного имущества в собственность государству как выморочного» признал «день выдачи нотариальной конторой подлежащему финансовому органу свидетельства о выморочности наследственного имущества» (п. 3). Можно не соглашаться с этим выводом Верховного суда СССР и считать, что выдача свидетельства о выморочности наследственного имущества имеет обратную силу, т. е. что право собственности государства на выморочное имущество считается возникшим не с момента выдачи нотариальной конторой подлежащему финансовому органу свидетельства о выморочности, а с момента открытия наследства, — но все же представляется несомненным, что между моментом открытия наследства и выдачей свидетельства о выморочности всегда имеется известный разрыв

¹ Статья 432 ГК говорит о назначении ответственного попечителя. Но обычно назначается опекун и не самим нотариусом, а соответствующими органами опеки и попечительства.

во времени, в течение которого наследственное имущество не имеет собственника. По общему же правилу, нотариальная контора имеет право выдать такое свидетельство не ранее истечения шести месяцев со дня открытия наследства (ст. 40 Положения о государственном нотариате РСФСР и § 117 Инструкции МЮ РСФСР по его применению). Именно в силу выдачи свидетельства о выморочности наследство и переходит в собственность государства. А это, по правильному замечанию К. А. Граве, означает, что сама выдача указанного свидетельства является актом, имеющим конститутивное значение, т. е. актом, переносящим право собственности на наследственное имущество на государство¹.

Что советское законодательство признает возможным отсутствие у наследственного имущества на известный период субъекта, явствует и из ст. 29 ГПК, предоставляющей возможность предъявления исков к имуществу, оставшемуся после смерти собственника. Если бы наследственное имущество уже принадлежало с момента смерти наследодателя определенному субъекту, то не было бы необходимости и в установлении правила ст. 29 ГПК. Такого рода иски могут быть предъявлены именно потому, что наследство еще не принято наследниками, что у него нет собственника².

Вообще советскому праву известны случаи, когда имущество не имеет субъекта, которому бы оно принадлежало. Об этом прямо сказано в ст. 68 ГК, говорящей о бесхозяйном имуществе, собственник которого неизвестен или которое не имеет собственника. Однако это имущество переходит в собственность государства только с соблюдением особого установленного законом порядка, причем до перехода бесхозяйного имущества в собственность государства может случиться, что некоторое время это имущество не будет иметь собственника. То же самое происходит и с наследственным имуществом с момента открытия наследства до момента его принятия наследниками, а при отсутствии наследников или их отказе от принятия наследства — до момента перехода имущества к государству в качестве выморочного. Но отсюда вовсе не следует, что наследственное имущество в этот промежуточный период должно рассматриваться как совокупность «бес-субъектных прав». Субъективное гражданское право всегда принадлежит определенному субъекту. Но такого субъекта пока еще нет. Следовательно, данное имущество как совокупность известных реальных ценностей (предметов домашней обстановки, сбережений, жилого дома и т. д.) еще никому не принадлежит. Когда же наступит предусмотренный законом юридический факт (принятие наследства наследником), у данного лица и возникнет право

¹ Г р а в е К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР, стр. 35.

² См. гл. IV, § 12 наст. работы.

на это имущество, причем этот закон придает принятию обратную силу, относя его к моменту открытия наследства. Однако правило об обратной силе принятия вовсе не является доказательством того, что наследственное имущество в период времени от открытия наследства и до его принятия уже принадлежало определенному субъекту; оно установлено в силу чисто практических соображений, так как именно на момент открытия наследства, характеризующийся наибольшей определенностью, легче и проще всего определить все наследственные правоотношения. Для обоснования обратной силы принятия советским юристам нет надобности прибегать к фикциям, как это делает, например, О. С. Иоффе, утверждающий, что наследственная масса с момента открытия наследства «всегда принадлежит определенному субъекту».

5. Принятие как односторонняя сделка является волеизъявлением. Волеизъявление это направлено на приобретение наследства в целом, а не на отдельные имущественные права, принадлежавшие наследодателю. В силу принятия наследник вступает в права наследодателя и на такое имущество, которое не находится в месте открытия наследства, а может быть и вообще еще не обнаружено. Наследник, принимающий наследство, тем самым как бы объявляет ко всеобщему сведению, что он желает стать преемником во всем имуществе наследодателя. И если в отдельных случаях наследник фактически ограничивается наличием других наследников, то все же акт принятия наследства имеет в виду все наследственное имущество, а не направлен на те или иные доли этого имущества либо на те или иные отдельные предметы, входящие в его состав. Поэтому принятие наследства недробимо. Если же наследник все же изъявит намерение принять только часть наследства, то такое принятие должно рассматриваться как принятие всего наследства.

Как и всякая сделка, принятие требует от лица, его совершающего, наличия дееспособности. Недееспособные (не достигшие 14 лет лица, объявленные в установленном порядке душевнобольными и слабоумными) не могут принимать открывшееся в их пользу наследство. Принятие наследства за них совершают их законные представители – родители, усыновители, опекуны¹. Лица, обладающие частичной дееспособностью (от 14 до 18 лет), могут принимать наследство только с согласия своих родителей, усыновителей, попечителей.

В случае безвестного отсутствия наследника открывшееся в его пользу наследство принимается опекуном, назначенным над имуществом безвестно отсутствующего, осуществляющим в интересах безвестно отсутствующего принадлежащие ему права (ст. 79 Кодекса законов о браке, семье и опеке

¹ Порядок принятия наследства опекуном подробно регулируется Инструкцией Наркомпроса РСФСР № 59-И от 11 августа 1945 г. Справочник по вопросам охраны детства. Учпедгиз, 1947.

РСФСР). Пока безвестно отсутствующий не объявлен в установленном порядке умершим, он сохраняет свои права наследника, но юридические действия за него совершает опекун.

Статья 430 ГК предоставляет право отсутствующим наследникам принять наследство не только лично, но и через представителей. В этом случае, очевидно, представителями могут быть не только законные представители (родители, опекуны), но и лица, действующие по доверенности от имени наследника.

Принятие бесспорно и безусловно. Наследник не может взять назад принятие им наследства или принять наследство под каким-нибудь условием. Однако изъявление наследником своей воли на принятие наследства должно быть сознательным и свободным. Поэтому принятие наследства, совершенное наследником, хотя бы и временно находившимся в таком состоянии, когда он не мог понимать значения своих действий, может быть признано недействительным (ст. 31 ГК).

6. Принятие наследства может быть выражено как формальным, так и неформальным способом.

Формальным способом будет подача наследником заявления нотариусу о принятии наследства или о выдаче свидетельства о праве наследования.

Наследник может обратиться к нотариусу с заявлением о принятии наследства, не обращаясь, вместе с тем, с просьбой о выдаче свидетельства о праве наследования, поскольку закон не устанавливает, по общему правилу, для наследника обязанности оформления своих прав на наследство (ст. 435 ГК). Для отсутствующего наследника, не заявившего о выдаче свидетельства о праве наследования, подача указанного заявления представляет собой наиболее надежный способ принятия наследства.

Подача присутствующим наследником заявления нотариусу о принятии наследства (без просьбы о выдаче свидетельства о праве наследования) является, по существу, излишней, так как присутствующий наследник, согласно ст. 429 ГК, предполагается принявшим наследство. Однако, как нам кажется, и присутствующему наследнику не может быть возбранена подача нотариусу подобного заявления. Быть может, присутствующий наследник таким актом хочет устранить в дальнейшем какие-либо сомнения в желании его принять наследство, обеспечить себя от возможных споров. Почему же отказывать присутствующему наследнику в его естественном желании – оформить принятие им наследства путем подачи соответствующего заявления нотариусу?

Свидетельство о праве наследования выдается наследнику, принявшему наследство. Но подача наследником по закону заявления нотариусу о выдаче свидетельства о праве наследования должна быть рассматриваема как очевидное намерение наследника принять наследство. Равным образом должно

быть рассматриваемо как намерение принять наследство и представление завещания нотариусу наследником по завещанию для получения свидетельства о праве наследования.

Свидетельство о праве наследования является официальным подтверждением наследственных прав данного лица. Противное может быть установлено только в судебном порядке. Пока же суд своим решением не аннулировал выданное свидетельство о праве наследования, лицо, указанное в нем в качестве наследника, вправе совершать все действия, которые может совершать наследник¹.

Для неформального принятия наследства требуется, чтобы конкретные действия наследника явно свидетельствовали о его намерении принять наследство. Если наследник фактически уже вступил во владение или управление наследственным имуществом, он должен считаться принявшим наследство. В ряде случаев наследник осуществляет управление наследственным имуществом после вступления во владение им. Но возможно управление наследником наследственным имуществом и без вступления во владение этим имуществом, если, например, наследник проживает не там, где находится наследственное имущество. Под управлением наследственным имуществом, имеющим значение принятия наследства, надо понимать все действия наследника, совершаемые им так, как мог бы их совершать собственник в своих интересах, имея в виду сохранение имущества и ведение нормального хозяйства (уплата налогов, производство необходимого ремонта, приобретение корма для скота и т. д.). Управление наследственным имуществом может быть осуществлено наследником и через представителя, например, путем выдачи доверенности другому наследнику или постороннему лицу.

Принятием наследства должно быть признано предъявление иска наследником к другим наследникам или третьим лицам, незаконно завладевшим наследственным имуществом, о выдаче наследнику наследства или соответствующей части его.

Не являются принятием наследства действия призванного к наследованию лица, направленные только к охране наследства, но не свидетельствующие о прямом желании наследника принять наследство (например, принятие на себя обязанности хранителя имущества, выдача средств на похороны наследодателя). Не будет принятием наследства и вступление в управление наследственным имуществом в интересах других наследников, а не в своих личных интересах.

В случае спора имело ли место принятие наследства или нет, вопрос должен решаться судом с учетом всех конкретных обстоятельств данного дела.

¹ См.: Антимонов Б., Герзон С., Шлифер Б. Наследование и нотариат, стр. 53.

7. Существенное значение имеет время принятия наследства. Вопрос о времени принятия наследства получил подробное разъяснение в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1946 г. № 1/2/у.

Пленум Верховного суда СССР различает способы установления времени принятия наследства для наследников, фактически вступивших в управление или владение наследственным имуществом, для наследников, присутствующих в месте открытия наследства, и для наследников, отсутствующих в месте открытия наследства.

Для наследников, фактически вступивших в управление или владение наследственным имуществом, временем принятия наследства считается день вступления в управление или владение имуществом. В этом случае Верховный суд СССР не проводит различия между наследниками, присутствующими и отсутствующими в месте открытия наследства. Важен самый факт вступления наследника в управление или владение наследственным имуществом. Как для присутствующих, так и для отсутствующих наследников, вступивших в управление или владение наследственным имуществом, временем принятия наследства признается день их фактического вступления в управление или владение наследственным имуществом; но к отсутствующим наследникам это правило должно применяться в том случае, если они прибыли в место открытия наследства до истечения шести месяцев со дня открытия наследства.

Что касается наследников, присутствующих в месте открытия наследства, но не вступивших в управление или владение им, временем принятия наследства должен считаться день окончания трехмесячного срока со дня открытия наследства, если в течение этого срока не последовало отказа наследников от наследства. В продолжение этого срока наследник может принимать те или иные меры по выяснению состава и ценности оставшегося имущества и даже осуществлять управление этим имуществом в интересах других наследников, но принявшим наследство он будет признан только по истечении трехмесячного срока со дня открытия наследства, если к тому времени он не заявит о своем отказе от наследства.

Для наследников, отсутствующих в месте открытия наследства¹, временем принятия наследства считается день подачи ими заявления в нотариальную контору по месту открытия наследства о принятии наследства, если такое заявление подано не позднее шести месяцев со дня открытия наследства.

¹ В данном случае имеются в виду отсутствующие наследники, не вступившие фактически в управление или владение наследственным имуществом.

8. Какова правовая природа шестимесячного срока, установленного ст. 430, 433 ГК для заявления отсутствующими наследниками о принятии наследства? По этому вопросу в нашей литературе нет единого мнения.

По мнению одних авторов, установленный ст. 430 и 433 ГК шестимесячный срок для принятия наследства является так называемым специальным сроком, с истечением которого прекращается само право наследования данного лица. Другие авторы относят срок, установленный ст. 430 и 433 ГК, к числу давностных сроков, допускающих возможность его приостановления и продления (ст. 48 и 49 ГК).

Вопрос о правовой природе сроков, установленных для принятия наследства, является частью общего вопроса о правовой природе сроков исковой давности. В ГК РСФСР не содержится указаний, какие сроки допускают и какие не допускают возможность их приостановления, перерыва и продления. Но еще в 20-х годах Верховным судом РСФСР было указано, что продление и перерыв давностного срока, как правило, не применимы к сокращенным срокам давности (постановления Пленума Верховного суда РСФСР от 16 ноября 1925 г., протокол № 19, и от 4 июля 1927 г., протокол № 12)¹. На этой основе впоследствии нашей теорией было создано довольно запутанное учение² об общих, сокращенных и специальных сроках исковой давности. В правовой литературе за последнее время был высказан ряд серьезных критических замечаний по этому поводу, с обоснованностью которых нельзя не согласиться³. Характер настоящей работы не дает возможности остановиться на этом вопросе сколько-нибудь подробно, но как бы ни трактовать срок для принятия наследства, как специальный или сокращенный, ни из закона (ГК), ни из существа отношений не вытекает, что этот срок исключает возможность его приостановления или продления.

Практика Верховного суда СССР допускает и приостановление, и продление срока, установленного ст. 430 и 433 ГК.

Возможность приостановления течения шестимесячного срока, установленного ст. 430 и 433 ГК для принятия наследства, была признана постановлением Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г. «О приостановлении в связи с обстоятельствами военного времени течения сроков, указанных для принятия наследства в статьях 430 и 433 ГК РСФСР и соответствующих статьях ГК других союзных республик». Постановление это в настоящее время признано утратившим силу как выполнившее свое назначе-

¹ ГК РСФСР. М., Юриздат, 1950. См. Постатейные материалы.

² См.: Учебник гражданского права для юридических вузов: изд. 1938 г., т. I, гл. 8; изд. 1944 г. — т. I, гл. 7; изд. 1950 г. — т. I, гл. XII.

³ Рецензия кафедры гражданского права Харьковского юридического ин-та на учебник «Советское гражданское право», т. I, 1950 («Советское государство и право», 1951, № 10).

ние. Но тем не менее содержание его представляет несомненный интерес. Согласно этому постановлению, при невозможности в связи с обстоятельствами военного времени явки наследников в пределах указанного срока течение этого срока приостанавливается впредь до прекращения обстоятельств, послуживших основанием для приостановления течения срока на принятие наследства. Вопрос о признании уважительными причин для приостановления течения установленного законом срока для принятия наследства в случаях, предусмотренных в вышеуказанном постановлении Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г., должен был решаться судом в зависимости от конкретных обстоятельств дела (п. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г.).

Но не только обстоятельства военного времени могут служить основанием к приостановлению течения шестимесячного срока, установленного ст. 430 ГК для принятия наследства. Таким основанием, по разъяснению Верховного суда СССР, может быть и такой факт, как отсутствие у несовершеннолетнего ко времени открытия наследства законного представителя (опекуна).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала¹, что если в момент открытия наследства наследник был несовершеннолетним и не имел законного опекуна для защиты его интересов, то он вправе добиваться утверждения его в правах наследства, согласно ст. 430 ГК, в течение шести месяцев со дня достижения совершеннолетия. Таким образом, отсутствие у несовершеннолетнего ко времени открытия наследства законного представителя является обстоятельством, дающим основание к приостановлению срока для принятия наследства.

Значительно чаще в судебной практике возникает вопрос о продлении срока, пропущенного для принятия наследства (ст. 49 ГК).

В нашей литературе было высказано со ссылкой на постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 16 ноября 1925 г. (протокол № 19) мнение, что в случае пропуска опекуном срока, установленного для принятия наследства, вина опекуна может создать для него ответственность перед органом опеки или перед подопечным, но не ведет к восстановлению срока на принятие наследства². Однако Верховный суд СССР в интересах детей встал на иную точку зрения. В упоминавшемся деле гр. Д. К. Зуев, принимая наследство в качестве наследника по закону после смерти своей матери гр. Зуевой, не указал, что он принимает наследственное имущество также и за своего малолетнего сына А. Д. Зуева. Когда же впоследствии мать этого малолетне-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам от 25 февраля 1942 г. по делу № 173. См. проф. Орловский П. Е. Практика Верховного суда СССР по гражданским наследственным делам, стр. 13.

² Антимонов Б., Герзон С., Шлифер Б. Наследование и нотариат, стр. 60–61.

го сына потребовала выдачи причитающейся ему доли в наследстве, то народный суд г. Сухуми в этом отказал, ссылаясь на пропуск им шестимесячного срока, установленного ст. 432 ГК Грузинской ССР. Решение это Верховным судом Абхазской АССР было оставлено в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, на рассмотрение которой дело поступило по протесту Председателя Верховного суда СССР, указала в своем определении, что суд не учел того обстоятельства, что Зуев А. Д. к моменту открытия наследства был малолетним, а ошибки его опекуна «не могут быть поставлены ему в вину». Исходя из этого, Судебная коллегия признала возможным, в соответствии со ст. 49 ГК, продлить пропущенный по вине опекунов шестимесячный срок для принятия наследства наследнику, бывшему малолетним к моменту открытия наследства¹. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 16 декабря 1950 г. по иску Жолнеркевич и др. прямо указано, что «ссылка в определении Верховного суда БССР на то, что шестимесячный срок, установленный ст. 478 ГК БССР², не может быть продлен, противоречит закону и указаниям, содержащимся в постановлениях Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1942 г. № 15/м/16/у и от 20 июня 1947 г. № 9/4...»

В отдельных случаях судебная практика допускает возможность продления срока на предъявление иска о признании прав на наследственное имущество даже в случае истечения общего трехлетнего срока исковой давности. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 29 апреля 1947 г. указывается, что Молотовский областной суд отказал гр. Ильиной в иске на том основании, что Ильина пропустила срок исковой давности на предъявление иска и что народный суд продлил давностный срок истнице без достаточных к тому оснований. Однако, как указывает Судебная коллегия, эта ссылка областного суда недостаточно убедительна. Из материалов дела видно, что бабушка истницы – Нагибина – умерла в январе 1942 г., а истница предъявила иск в мае 1945 г., т. е. на пять месяцев позже установленного ст. 44 срока на предъявление иска. Пропуск срока исковой давности истница объясняет тем, что она в период с 1942 г. по 1945 г. работала в другом районе, что подтверждается документами. При новом рассмотрении дела суду следует подробно проверить все обстоятельства дела и обсудить вопрос, насколько уважительны мотивы пропуска истницей срока исковой давности. Судебная коллегия отменила все решения и определения по данному делу и передала его на новое рассмотрение по существу в

¹ См.: Г р а в е К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР, стр. 26.

² Ст. 478 ГК БССР соответствует ст. 433 ГК РСФСР.

Молотовский областной суд¹. В этом определении Судебная коллегия решает утвердительно вопрос о продлении не шестимесячного срока, а общего трехлетнего срока исковой давности, что нельзя признать правильным, так как закон знает только один срок для принятия наследства отсутствующим наследником – шесть месяцев со дня открытия наследства.

Спорный вопрос о правовой природе срока, установленного ст. 430 и 433 ГК РСФСР, получил разъяснение в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 5 сентября 1952 г. «О судебной практике по применению ст. 430 и 433 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик». В этом постановлении Верховный суд СССР указал, что, «согласно ст. 430 и 433 ГК РСФСР и соответствующим статьям ГК других союзных республик, пропуск шестимесячного срока на принятие наследства наследником, отсутствовавшим в месте нахождения наследства, влечет для последнего утрату права на наследство». Но «в исключительных случаях, когда пропуск шестимесячного срока произошел по причинам, вызванным особыми обстоятельствами (длительная командировка, продолжительная болезнь и т. п.), вследствие которых наследник был лишен возможности принять наследство в установленный срок, суд на основании ст. 49 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик может по заявлению заинтересованного наследника продлить этот срок и присудить причитающуюся истцу долю в наследственном имуществе с наследников, к которым перешло имущество, согласно ч. 1 ст. 433 ГК РСФСР и соответствующим статьям ГК союзных республик. При этом наследники, принявшие наследство, если не будет установлено, что они, принимая наследство, действовали недобросовестно, с целью присвоить долю отсутствующего наследника, отвечают перед последним в пределах того наследственного имущества, которое сохранилось у них в наличии на день предъявления к ним иска»².

Таким образом, Верховный суд СССР признал, что: 1) срок на принятие наследства, пропущенный отсутствующим наследником, в случае перехода наследственного имущества к другим наследникам в порядке ч. 1 ст. 433 ГК может быть в исключительных случаях, когда пропуск срока произошел по причинам, вызванным особыми обстоятельствами, продлен судом на основании ст. 49 ГК; 2) таким сроком является шестимесячный срок, а не трехлетний.

С этим выводом Верховного суда мы не можем не согласиться³. Конечно, установленный законом срок для принятия наследства отсутствующим

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1947. Вып. V (XXXIX). М., 1948, стр. 23–24.

² О последствиях пропуска срока на принятие наследства всеми наследниками см. гл. X.

³ В основном из тех же принципиальных положений исходили и мы в своей статье «Правовая природа сроков, установленных ст. 430 и 433 ГК РСФСР», опубликованной до принятия Пленумом Верховного суда СССР постановления от 5 сентября 1952 г.

наследником должен быть твердо соблюдаться, и суды не должны удовлетворять при отсутствии серьезных оснований ходатайств отсутствующих наследников о продлении им шестимесячного срока на принятие наследства. Но нельзя не учитывать и возможности особых обстоятельств, в силу которых отсутствующие наследники не смогли в установленный законом срок выразить свою волю на принятие наследства. Продление судом в таких исключительных случаях срока на принятие наследства может обеспечить достижение материальной истины, что является целью советского правосудия.

Верховный суд СССР не установил исчерпывающего перечня особых обстоятельств, дающих суду право для продления срока для принятия наследства на основании ст. 49 ГК и, как нам кажется, поступил в этом отношении совершенно правильно; установление такого исчерпывающего перечня в данном случае вряд ли вообще возможно. В случае же какой-нибудь ошибки в этом отношении вышестоящая судебная инстанция всегда может ее исправить.

Наряду с этим мы должны с сожалением отметить, что Верховный суд СССР, говоря о пропуске шестимесячного срока на принятие наследства наследником, отсутствующим в м е с т е н а х о ж д е н и я и м у щ е - с т в а , отошел от правильной формулировки, данной в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1946 г., согласно которой «отсутствие» и «присутствие» наследника определяются по месту открытия наследства (а не по месту нахождения наследственного имущества)¹.

Поскольку в действующем законодательстве не содержится указаний, в течение какого времени следует допускать продление пропущенного отсутствующими наследниками срока для принятия наследства, следовало бы внести в разрабатываемый в настоящее время ГК СССР правило, по которому продление пропущенного срока не допускается, если со дня открытия наследства прошло более трех лет. Такая мера обеспечила бы в достаточной степени и интересы отсутствующих наследников, которые по уважительным причинам пропустили срок для принятия наследства, и гарантировала бы полностью наследников, принявших наследство, в приобретенных ими правах на наследственное имущество.

9. Согласно ч.2 ст. 430 ГК, «лица, для которых право наследования возникает на основании третьей части ст. 418, лишь в случае отсутствия других наследников или непринятия ими наследства могут заявить в те же сроки о своем согласии принять наследственное имущество независимо от того, будут ли они призваны к наследованию». Таким образом, на основании ч. 2 ст. 430 ГК, тру-

¹ См. стр. 172–173.

доспособные родители (наследники второй очереди), а также братья и сестры (наследники третьей очереди) вправе заявить в течение тех же сроков о своем согласии принять наследство, хотя бы и при наличии наследников первой очереди. Положение, установленное ч. 2 ст. 430, является изъятием из общего правила, согласно которому наследники, не призванные к наследованию, не могут изъявить свою волю на принятие наследства.

В связи с изложенным возникает ряд вопросов. Прежде всего следует установить, какие сроки имеет в виду ч. 2 ст. 430 ГК. Ч. 1 ст. 430 предусматривает только один срок – шесть месяцев со дня открытия наследства (для отсутствующего наследника). Поскольку в ч. 2 ст. 430 говорится о «сроках», следует думать, что ч. 2 ст. 430 ГК имеет в виду и срок, предусмотренный ст. 429 ГК (для присутствующего наследника). В связи с этим приходится сделать вывод, что ч. 2 ст. 430 ГК предполагает два срока, в течение которых наследники второй и третьей очереди вправе заявить о своем согласии принять наследство: три месяца (если наследник является «присутствующим») и шесть месяцев (если наследник является «отсутствующим»). Хотя ст. 429 ГК, исходя из презумпции принятия наследства присутствующими наследниками, считает присутствующего наследника принявшим наследство, если он в течение трех месяцев со дня открытия наследства не заявит нотариальному органу об отказе от наследства, но, при наличии наследников первой очереди, присутствующему наследнику второй и третьей очереди, в соответствии с ч. 2 ст. 430 ГК, следует все же в целях обеспечения своих интересов сделать заявление о своем согласии принять наследство. Такое заявление может быть сделано им нотариальному органу в течение трех месяцев со дня открытия наследства. Отсутствующий наследник второй и третьей очереди вправе сделать заявление о своем согласии принять наследство в течение шести месяцев со дня открытия наследства.

Вместе с тем надо иметь в виду, что согласие наследников второй и третьей очереди принять наследство будет реализовано фактически только в том случае, если они все же будут призваны к наследованию, что предполагает отпадение всех других наследников предшествующих очередей. При таких условиях может получиться, что принятие наследства присутствующим наследником второй или третьей очереди может произойти за пределами трехмесячного срока, установленного ст. 429 ГК (например, если единственный отсутствующий наследник первой очереди умрет через четыре месяца после открытия наследства, не успев выразить свою волю на принятие наследства). Таким образом, в отдельных случаях для присутствующего наследника фактически может получиться удлинение до шести месяцев срока для принятия наследства.

Наследник, назначенный завещателем на случай непринятия наследства другим наследником (ст. 424 ГК), может заявить в те же сроки о принятии им наследства на тот случай, если наследник не примет наследства.

Изложенное здесь показывает, что установление в законе единых сроков для принятия наследства наследниками всех очередей, как призываемых, так и непризываемых к наследованию, должно вызывать на практике затруднения и неудобства. Было бы желательно при пересмотре действующего законодательства установить для наследников второй и третьей очереди особые, дополнительные сроки для принятия ими наследства.

10. Специального внимания заслуживает примечание к ст. 430 ГК. Согласно этому примечанию, доля не родившегося к моменту открытия наследства наследника может быть в течение трех месяцев по его рождению истребована его законным представителем. Здесь устанавливается особый срок — три месяца со дня рождения, который не совпадает ни с предельным трехмесячным сроком со дня открытия наследства, установленным ст. 429 ГК для присутствующих наследников, ни с предельным шестимесячным сроком со дня открытия наследства, установленным ст. 430 ГК для отсутствующих наследников. Окончание срока, предусмотренного примечанием к ст. 430 ГК, может иметь место ранее истечения шестимесячного срока, установленного ст. 430 ГК, так как рождение ребенка может последовать через несколько дней после смерти наследодателя. Но окончание этого срока может и выйти за пределы шестимесячного срока, установленного ст. 430 ГК, если, например, наследник родится спустя семь или восемь месяцев после смерти наследодателя. Таким образом, срок на принятие наследства наследником, родившимся после смерти наследодателя, может не совпасть ни со сроком на принятие наследства присутствующими наследниками, ни со сроком на принятие наследства отсутствующими наследниками. Этот срок, очевидно, имеет самостоятельное значение. Но, надо думать, что он имеет одинаковое значение как для тех наследников, которые родились в месте открытия наследства, так и для тех, которые родились в другом месте. Исходя из этого рассматриваемое примечание помещено под ст. 430 ГК, но по существу оно относится и к ст. 429 ГК. Отсюда следует, что те наследники, которые родились после смерти наследодателя в месте открытия наследства, чтобы приобрести наследство, должны принять его через своих представителей таким же порядком, как и те наследники, которые родились после смерти наследодателя не там, где открылось наследство, а где-нибудь в другом месте. Иначе говоря, в отношении не родившихся к моменту открытия наследства не применяется презумпция о принятии наследства присутствующими наследниками (что, конечно, представляется вполне понятным).

Принятие наследства есть завершающая стадия наследования. С момента принятия наследства призванный к наследованию наследник вступает в имущественные отношения наследодателя, делается субъектом перешедших к нему имущественных прав, несет ответственность по долгам, обременяющим наследство.

§ 2. Непринятие наследником наследства

1. Непринятие наследником наследства может быть выражено различным образом. Непринятие наследником наследства может быть фактическим, когда наследник в течение срока, установленного для принятия наследства, не обнаруживает ни в какой форме своего намерения принять наследство. Но непринятие наследником наследства может быть выражено и явно. Во избежание всякого рода недоразумений и неясностей в своих отношениях с другими наследниками и с кредиторами наследодателя наследник может официально заявить, что он не принимает наследства. Сделанное наследником заявление о нежелании принять наследство и представляет собою так называемый отказ от наследства.

При наличии каких же условий может быть заявлен отказ от наследства?

Так как право наследования возникает у наследника только с момента открытия наследства, то предполагаемые наследники не вправе при жизни наследодателя отказаться от наследства.

Отказ от наследства, сделанный еще до открытия наследства, не может быть признан имеющим юридическое значение. Такой отказ должен быть признан недействительным как в том случае, когда он был сделан путем одностороннего волеизъявления, так и в форме договора об отказе от наследства, заключенного возможным (эвентуальным) наследником с собственником (наследодателем) или с другими возможными наследниками.

Специального внимания заслуживает вопрос о тех случаях, когда собственник при жизни выделяет возможному наследнику какую-то часть своего имущества в качестве наследственной доли. В этом случае возможный наследник получает наследственную долю как бы вперед. Можно ли считать, что он, соглашаясь на такой выдел, заранее отказывается от участия в наследстве, которое может впоследствии открыться? Советское законодательство не регулирует этого вопроса, а между тем он, несомненно, имеет практическое значение. Нам казалось бы, что, поскольку может быть точно установлено, что такой выдел имел действительно характер выдела вперед наследственной доли и поскольку размер выделенной доли не меньше той наследственной доли, которая должна была бы причитаться наследнику в от-

крывшемся наследстве, — нет оснований к допущению такого наследника к участию в открывшемся наследстве. Однако в данном случае устранение такого наследника от участия в открывшемся наследстве явится следствием не его отказа от наследства, совершенного при жизни наследодателя, а выделения ему вперед наследственной доли.

Отказ от наследства может быть сделан только после открытия наследства. Однако отказ от наследства может быть сделан наследником по закону и такой очереди, которая еще не призывается к наследованию. От наследства может отказаться до своего призвания и наследник, назначенный завещателем на случай, если бы назначенный по завещанию наследник не принял его, так называемый подназначенный наследник (ст. 424 ГК).

2. Приняв наследство, наследник делается преемником в имущественных правах умершего, может распоряжаться наследственным имуществом, продавать, дарить его и т. д.. Но, заявив о своем отказе от наследства и не становясь преемником в имущественных правах умершего, он уже не вправе распоряжаться наследственным имуществом; в частности, он не может отказаться от своей доли в пользу другого лица. Как разъяснил Верховный суд РСФСР еще в 1926 г., «отказ от наследства, предусмотренный 2-й частью 429 ст. ГК РСФСР, имеет в виду категорическое и безоговорочное заявление об отказе во вступление в наследование; поэтому заявления одного или нескольких из наследников об отречении от своей доли наследства в пользу других законных наследников либо вовсе не должны приниматься во внимание, либо могут с соблюдением требований соответствующих законов рассматриваться как заявление о переуступке своей доли другим наследникам и во всяком случае не могут рассматриваться как отказ от наследства» (протокол № 20 от 10 декабря 1926 г.)¹. Та же мысль, но в более четкой форме получила подтверждение в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г., признавшего, что «отказ наследника от своей доли наследства в пользу какого-либо из других наследников не допускается, отказ может быть только безусловным» (п. 5 постановления Пленума). Не имея права отказаться от своей доли в пользу другого наследника, наследник тем более не вправе уступить ее какому-либо третьему лицу, не являющемуся наследником².

Не может отказаться от наследства наследник, уже принявший наследство, поскольку принятие наследства является, по общему правилу, бесповоротным и безусловным.

¹ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР. М., 1935, стр. 102.

² См.: Г р а в е К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР, стр. 44–45.

Нельзя также заявлять об отказе только от части наследства, так как принятие наследства недробимо. Противоположный взгляд К. А. Граве противоречит сущности наследства как определенной совокупности имущественных прав умершего, не подлежащей дроблению по усмотрению наследника.

Предельным сроком для отказа от наследства надо считать для присутствующих наследников три месяца со дня открытия наследства, а для отсутствующих наследников – шесть месяцев со дня открытия наследства.

3. Отказ от наследства представляет собой одностороннюю сделку, к которой применяется ряд положений, установленных для сделок. В частности, отказ от наследства требует от лица, отказывающегося от наследства, дееспособности. Лица недееспособные не могут заявлять об отказе от наследства.

Возможен ли отказ через представителя? ГК допускает только принятие наследства через представителей (ст. 430 ГК). Поскольку дело идет о представителе дееспособного наследника, казалось бы, нет препятствий и к допущению отказа от наследства через представителя. Если дееспособный наследник может принять наследство через представителя, почему же он не может отказаться от наследства при посредстве представителя. Но, разумеется, полномочия представителя на отказ от наследства должны получить вполне четкое выражение в той доверенности, которая будет выдана наследником представителю.

Согласно ст. 86 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР, опекуну не предоставлено право отказа от наследства, открывшегося в пользу его подопечного; в этом случае для отказа от наследства требуется согласие органов опеки и попечительства. Это правило распространяется и на попечителей (ст. 90 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР). Так как родители признаются законными опекунами и попечителями своих детей, то на них должны быть в полной мере распространены ограничения в отношении отказа от наследства, установленные ст. 86 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР.

Отказ от наследства, совершенный наследником, находившимся, хотя бы и временно, в таком состоянии, что он не мог понимать значения своих действий, а также отказ от наследства, совершенный под влиянием обмана, насилия или угрозы, может быть признан недействительным в судебном порядке (ст. 31 и 32 ГК).

Что касается отказа от наследства, совершенного под влиянием существенного заблуждения (ст. 32 ГК), то следовало бы различать заблуждение наследника в составе и ценности наследства и заблуждение в иных обстоятельствах. Отказ наследника от наследства под влиянием заблуждения в составе ценности наследства не может быть оспорен. Наследник по ошибке полагал, что у наследодателя не осталось почти никакого имущества, а в

действительности после умершего остались ценные вещи. Но ведь никто не принуждал наследника отказываться от наследства, а если он на это решился, то пусть и несет невыгодные для него последствия своего отказа. Другое дело, если наследник ошибочно полагал, например, что его отказ приведет к увеличению доли одного наследника, в действительности же произошло увеличение долей других наследников. Сын наследодателя отказался от наследства в пользу своей нетрудоспособной матери, не зная, что отказ в пользу другого наследника не допускается (п. 5 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г.). В силу его отказа от наследства причитавшаяся ему доля в наследстве подлежит распределению между всеми наследниками по закону первой очереди, в число которых входит не только его нетрудоспособная мать, но и его взрослые и трудоспособные братья и сестры (дети наследодателя). В данном случае, как нам кажется, отказ от наследства, совершенный под влиянием заблуждения, может быть оспорен. Но подобные случаи, естественно, на практике встречаться весьма редко. Наиболее же часты случаи заблуждения наследника в составе и ценности наследства. Но такого рода заблуждение, как мы уже говорили, не должно служить основанием к оспариванию отказа от наследства.

Отказ от наследства требует соблюдения известных формальностей. Согласно ст. 429 ГК, отказ от наследства присутствующим наследником должен быть сделан путем письменного заявления нотариальному органу¹. Хотя в ГК РСФСР ничего не говорится о порядке отказа от наследства отсутствующим наследником, но можно считать, что он вправе заявить о своем отказе тем же способом, т. е. путем подачи соответствующего заявления нотариальному органу по месту открытия наследства.

4. Последствием отказа от наследства является переход доли отказавшегося законного наследника по приращению к другим наследникам по закону той очереди, к которой принадлежал наследник, заявивший о своем отказе от принятия наследства. Если таких наследников не окажется или они не примут наследства, то доля отказавшегося наследника переходит к наследникам следующей очереди. В тех случаях, когда наследников по закону вовсе нет, доля отказавшегося наследника переходит к государству (ст. 433 ГК, п. 4 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г.).

Если было оставлено завещание, то надо различать два случая: а) когда завещателем на случай непринятия наследником наследства был назначен другой наследник; б) когда завещателем наследник на этот случай не был назначен. В первом случае доля отказавшегося наследника поступает к подназначенному наследнику. Во втором же случае, если из текста завещания

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1946. Вып. IX (XXXIII). М., 1947, стр. 11.

можно установить, что завещатель имел в виду оставить в с е свое имущество лицам, назначенным им в завещании наследниками, доля наследника, отказавшегося от наследства, поступит по приращению¹ к остальным наследникам по завещанию. Если же из текста завещания такого вывода сделать нельзя, то доля отказавшегося наследника поступит по приращению к наследникам по закону.

Приведенное выше постановление Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г. не затрагивает чрезвычайно важного вопроса о последствиях отказа наследника от наследства для его нисходящих. Устраняются ли они также от участия в наследстве? Как было разъяснено Верховным судом СССР, внуки и правнуки наследодателя призываются к наследованию по праву представления только в тех случаях, когда их родители умерли д о о т к р ы т и я наследства (п. 8 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г.). В тех же случаях призывается к наследованию по праву представления и потомство усыновленных². Отказ же от наследства может быть совершен только п о с л е открытия наследства. В связи с этим на поставленный выше вопрос надо ответить в том смысле, что в силу отказа наследника от наследства его нисходящие (дети, внуки) устраняются от наследования. Поэтому, если, например, после умершего наследодателя остались три взрослые дочери, причем одна из них, имевшая детей, отказалась от наследства, то причитавшаяся ей наследственная доля поступит не к ее детям, а к двум другим дочерям наследодателя – наследницам по закону. Иное положение может сложиться при наследовании по завещанию. При наследовании по завещанию возможен случай, когда доля наследника, отказавшегося от наследства, поступит к его нисходящим, однако все же не по праву представления, а по приращению. Если наследодатель завещал, например, все свое имущество сыну и внукам (детям сына), а сын отказался от наследства, то его доля по приращению перейдет к внукам. Такой вывод вытекает непосредственно из содержания ст. 433 ГК РСФСР, согласно которой в случае «отказа от принятия наследства (за исключением случаев, предусмотренных ст. 424)... доля переходит к другим наследникам по закону... если только в завещании не указано, что завещатель оставляет все свое имущество назначенным им наследникам».

5. Имеет ли отказ от наследства бесповоротное значение? Наследник подал нотариусу заявление об отказе от наследства, а затем, до истечения сроков, предусмотренных ст. 429 и 430 ГК, подал нотариусу другое заявление, в котором сообщил, что он берет свой отказ от наследства обратно; или

¹ См. гл. VII.

² К потомству других наследников по закону – родителей, братьев и сестер наследодателя, его пережившего супруга и «иждивенцев» – право представления не применяется.

наследник подал нотариусу заявление об отказе от наследства, а затем фактически вступил в управление и владение наследственным имуществом.

Мы считаем, что как принятие наследства является бесповоротным, так же бесповоротным должен быть признан и отказ наследника от наследства.

Правило о бесповоротности отказа от наследства неприменимо, разумеется, к случаям, когда наследник оспаривает в судебном порядке заявленный им отказ от наследства вследствие пороков воли (как совершенный под влиянием обмана, насилия и т. д.). Такое оспаривание отказа возможно не только до, но и после принятия наследства другими наследниками.

6. На практике может возникнуть вопрос, вправе ли назначенный завещателем наследник отказаться от наследства, а затем принять его в качестве наследника по закону. Мы склоняемся к отрицательному решению этого вопроса¹. При помощи такого маневра наследник по завещанию (если он был единственным наследником по завещанию) или наследники по завещанию (если их было несколько) могут аннулировать волю завещателя о судьбе наследственного имущества, а если на них завещателем было возложено выполнение известных обязательств (завещательных отказов), то освободиться от их выполнения. Поэтому наследник по завещанию, отказавшийся от наследства, не может наследовать завещанное ему имущество в качестве наследника по закону. Но на часть имущества, оставшуюся вне завещательных распоряжений, его отказ не распространяется, если только он в своем отказе прямо не заявит, что вообще отказывается от наследства.

7. Те же последствия, что и при формальном отказе от наследства, имеют место при фактическом непринятии наследником наследства, когда наследник, не подавая нотариусу формального заявления об отказе, просто не является за получением наследства. Такие случаи на практике бывают нередко. В отношении отсутствующих в месте открытия наследства наследников факт непринятия ими наследства может быть легко доказан, поскольку ст. 430 ГК РСФСР требует от отсутствующих наследников принятия наследства лично или через представителей; если они этого в течение шести месяцев со дня открытия наследства не сделали, то становится очевидным, что они наследства не приняли. Значительные затруднения могут возникнуть в отношении присутствующих в месте открытия наследства наследников. В отношении присутствующих наследников, как известно, действует презумпция о принятии ими наследства. Правда, как мы полагаем, презумпция эта не является неопровержимой, но тем не менее присутствующий наследник в силу одного факта своего присутствия в месте открытия наследства к моменту его открытия считается принявшим наследство. Значит, простое проявле-

¹ См. также: Антимонов Б., Герзон С., Шлифер Б. Наследование и нотариат, стр. 11.

ние им незаинтересованности в наследственном имуществе не может, при действии ст. 429 ГК, служить доказательством непринятия им наследства. Если он действительно не хочет принять наследство, он должен, в соответствии со ст. 429 ГК, заявить нотариусу об отказе от наследства. На практике все же бывают случаи, когда присутствующие наследники фактически во владение или управление наследственным имуществом не вступают, и суды иногда признают их доли перешедшими к другим наследникам. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР от 30 апреля 1947 г. установила, что «Солдатова и Шабанова в момент открытия наследства проживали в г. Нальчике, т. е. месте открытия наследства, но в течение четырех лет к управлению имуществом не приступали и своих прав на это имущество не осуществили. Поэтому, в силу ст. 433 ГК, они утратили право на имущество, оставшееся после смерти их матери Зацепиной... Поскольку в управление имуществом вступили фактически принявшие его наследники Галкина и Зацепин», то, по определению Судебной коллегии, «все наследственное имущество должно быть признано за ними»¹.

В этом определении вызывают возражения соображения Судебной коллегии о том, что невступление гр. Солдатовой и Шабановой в течение четырех лет в управление наследственным имуществом влечет утрату их права на наследство. Гр. Солдатова и Шабанова, проживавшие в г. Нальчике в момент открытия наследства, являлись присутствовавшими наследниками и должны были, в соответствии со ст. 429 ГК, быть признаны принявшими наследство по истечении трех месяцев со дня его открытия (отказа от его принятия они не заявляли). Поэтому нет оснований в данном случае для применения ст. 433 ГК, которая имеет в виду случаи неявки наследников или отказа их от принятия наследства, т. е. случаи непринятия наследниками наследства. При отсутствии же заботы и надзора по поводу сохранности строения и возможности гибели его местный совет может в порядке предъявления гражданского иска возбудить вопрос о признании строения бесхозяйственно содержимым, причем лишь по вынесении судом соответствующего решения такое строение может быть изъято у владельца (постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 3-14 августа 1934 г., протокол № 37)². Но в таких случаях имущество изымается от личного собственника и передается государству, а не поступает к другим наследникам.

В рассматривавшемся выше случае дело шло о наследниках, присутствовавших в месте открытия наследства, но не вступивших в управление наследственным имуществом. Но Судебная коллегия по гражданским делам

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1947. Вып. V (XXXIX). М., 1948, стр. 14–15.

² ГК РСФСР. М., 1950. Постатейно систематизированный материал, стр. 191–192.

Верховного суда СССР сделала аналогичные выводы даже в отношении наследников, присутствовавших в месте открытия наследства и вступивших в управление наследственным имуществом.

Обстоятельства данного дела в интересующей нас части таковы: сестры М. С. Теплова и Зункова в 1945 г. получили свидетельство о праве наследования на дом в г. Павлодаре, а в 1947 г. предъявили иск о выселении из этого дома Петушковой – жены их брата, умершего на фронте, на том основании, что истица Зункова не имеет квартиры и нуждается в жилой площади. Петушкова предъявила встречный иск о признании недействительным свидетельства о праве наследования, выданного нотариусом Тепловой и Зунковой. Судебная коллегия по гражданским делам Павлодарского областного суда в иске Тепловой и Зунковой о выселении Петушковой отказала, а заявленный Петушковой встречный иск удовлетворила, свидетельство о праве наследования признала недействительным, а наследниками в имуществе погибшего на фронте П. С. Теплова признала его жену Петушкову и сына его, Ю. П. Теплова; тем же решением Павлодарского областного суда было постановлено выселить М. С. Теплову из половины дома. Верховный суд Казахской ССР отменил решение в части выселения Тепловой, а в остальном решение оставил в силе. По протесту Генерального прокурора СССР дело было рассмотрено Судебной коллегией Верховного суда СССР. Судебная коллегия признала, что «в материалах дела имеются данные, что после смерти Х. К. Тепловой с 1931 г. наследственным домом владели фактически принявшие наследство истицы Теплова, Зункова и их брат, умерший на фронте П. С. Теплов, хотя все они надлежащим образом не оформили свои наследственные права, причем Зункова с 1938 г. прекратила управлять имуществом и выехала из Павлодара». По мнению Судебной коллегии, «суд должен был выяснить, имеет ли Зункова право требовать признания ее наследницей через 15 лет после смерти наследодателя к имуществу, которым она фактически много лет не управляла и о нем не заботилась, и не являются ли наследниками спорного дома после смерти Х. К. Тепловой лишь ее внуки – истица М. С. Теплова и умерший на фронте П. С. Теплов, которые фактически приняли наследство и управляли им. В последнем случае правопреемником на долю П. С. Теплова также в порядке наследования имеют право его жена Петушкова и сын Ю. П. Теплов, которые фактически и проживают в половинной части дома, оплачивая все налоги и сборы». Ввиду изложенного Судебная коллегия определила отменить все решения и определения и направить дело на новое рассмотрение в Павлодарский областной суд (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 10 мая 1950 г. по делу № 36/464).

В связи с определением Судебной коллегии надо прежде всего указать, что действующее законодательство не требует обязательного оформления

заинтересованными лицами своего права наследования (ст. 435 ГК). Поэтому непонятно, почему Судебная коллегия специально оговаривает, что заинтересованные по делу лица «надлежащим образом» не оформили своих наследственных прав. Но уже совершенно непонятным является вывод Судебной коллегии, что при указанных условиях суду следовало выяснить, имеет ли право требовать Зункова признания ее наследницей через 15 лет после смерти наследодателя. Как видно из обстоятельств дела, изложенных в рассматриваемом определении Судебной коллегии, Зункова вовсе не требовала признать ее наследницей. Да и для чего ей было предъявлять такие требования? Как указывается в определении Судебной коллегии, после смерти Х. К. Тепловой в 1931 г. наследство фактически приняли ее внуки — М. С. Теплова, Зункова и их брат П. С. Теплов, причем все они вместе управляли имуществом до 1938 г. (т. е. в течение семи лет), после чего Зункова выехала из г. Павлодара. Но если это так, то, согласно ст. 429 ГК, Зункова, как не заявившая в трехмесячный срок о своем отказе от наследства, должна считаться полноправным преемником в соответствующей доле наследственного имущества, участником в праве собственности на дом, принадлежавшем ранее Х. К. Тепловой. То же обстоятельство, что через семь лет после смерти наследодательницы Х. К. Тепловой Зункова выехала из Павлодара и «перестала управлять имуществом», вовсе не означает, что она перестала быть собственником в известной доле этого имущества. Получение ею в 1945 г. вместе со своей сестрой М. С. Тепловой у нотариуса свидетельства о праве наследования ясно показывает, что она считала себя полноправной наследницей (что и соответствовало действительности).

Оформление же права наследования для наследников, принявших наследство, как неоднократно разъяснял Верховный суд СССР, никаким сроком не ограничено (см., например, определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 7 октября 1950 г. по делу № 36/1026 и от 26 сентября 1951 г. по делу № 36/828).

Поскольку М. С. Теплова, Зункова и впоследствии умерший на фронте их брат П. С. Теплов фактически приняли в 1931 г. наследство, все они в равных долях должны считаться собственниками спорного дома. Но так как П. С. Теплов умер на фронте, причитающаяся ему наследственная доля должна в порядке наследования поступить к его жене Петушковой и к сыну Ю. П. Теплову. В иске об их выселении как не имеющем под собой каких-либо законных оснований, разумеется, должно быть отказано.

Анализируя это определение Судебной коллегии, а также аналогичное определение по делу Дунаевых, Н. В. Рабинович замечает¹, что в этих опре-

¹ Вестник Ленинградского университета. 1951, № 2, стр. 87–88.

делениях содержится новое, несколько необычное указание, что лица, фактически принявшие наследство, тем не менее не могут быть признаны имеющими право на наследственное имущество, если они после этого длительное время не осуществляли своих прав на наследственное имущество и последнее находилось в распоряжении других наследников. Н. В. Рабинович пишет далее, что Верховный суд считает, очевидно, что такое имущество не должно быть признано бесхозным, хотя хозяин (наследник) фактически от него отказался после принятия наследства, и что оно должно перейти к остальным наследникам точно так же, как к ним переходит доля наследства, которую один из наследников не принял или от которой он отказался до принятия наследства (ст. 433 ГК). По существу, замечает Н. В. Рабинович, действительно нет разницы между данным положением вещей и таким, когда наследник, не отказавшийся от наследства или даже принявший наследство, вскоре после этого теряет связь с наследственным имуществом и своих прав по отношению к нему не осуществляет. Основное, что, по мнению Н. В. Рабинович, в подобных случаях определяет права сонаследника на спорное имущество, — это то, что один из наследников не осуществляет своих прав по управлению и распоряжению своей собственностью¹. С таким выводом Н. В. Рабинович мы не можем согласиться.

Но советское законодательство не устанавливает нормы, обязывающей гражданина осуществлять свои права по управлению и распоряжению своей собственностью; управление собственностью можно осуществлять и через другое лицо. Не знает советское законодательство и нормы, в силу которой собственник, выбывший на долгое время с места своего постоянного жительства и в течение этого времени не осуществляющий правомочий собственника, утрачивает принадлежащее ему право собственности. Разве, например, лицо, находящееся в длительной заграничной командировке, не осуществляет правомочий собственника, теряет право собственности на оставленное им в СССР имущество?

Вместе с тем, надо иметь в виду, что наше право не знает и института приобретательной давности. Сколько бы времени собственник не отсутствовал, гражданин, во владении которого находилось имущество, принадлежащее этому собственнику, не делается собственником данного имущества.

Вся проблема, как нам кажется, должна решаться по-иному. Присутствующие наследники, по точному смыслу ст. 429 ГК, должны считаться принявшими наследство независимо от того, вступили ли они или не вступили в управление или владение наследственным имуществом². Различие имеется

¹ Рабинович Н. В. Указ. работа, стр. 88.

² Иное решение вопроса возможно только в законодательном порядке (см. выше, стр. 180).

только в порядке исчисления времени принятия наследства. Для наследников, присутствующих в месте открытия наследства и вступивших в управление наследственным имуществом, временем принятия наследства признается день вступления их в управление или владение наследственным имуществом. Для наследников же, присутствующих в месте открытия наследства, но не вступивших в управление или владение наследственным имуществом, временем принятия наследства является день окончания трехмесячного срока со дня открытия наследства, если в течение этого срока не последовало отказа наследников от наследства (п. 2 постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 января 1946 г. № 1/2/у). С этого момента они являются такими же собственниками наследственного имущества, как и присутствующие наследники, вступившие ранее в управление этим имуществом. В дальнейшем их взаимоотношения должны определяться уже не по нормам наследственного права, а по правилам об общей собственности (ст. 61–65 ГК), пока между ними не произойдет раздел. Как правильно указывала М. В. Зимелева, советское право «предоставляет отдельному участнику общей собственности как возможность выхода из нее, так и возможность длительного закрепления отношений общей собственности»¹. Поэтому сам по себе факт непредъявления участником общей собственности требования о выделе ему соответствующей доли вовсе не доказывает, что он утратил право собственности на эту долю, хотя бы прошло и много времени с момента возникновения общей собственности. С другой стороны, наследник, вступивший во владение или управление наследственным имуществом в качестве участника общей собственности, имеет несомненное право требовать от присутствующего наследника, не вступившего в управление наследственным имуществом, возвращения произведенных расходов по управлению наследственным имуществом, по уплате налогов и т. д. в пределах, разумеется, соответствующих давностных сроков для предъявления таких требований.

Во всяком случае, право участника общей собственности для требования о выделе причитающейся ему доли никаким сроком не ограничено. Но если с момента заявленного им требования о выделе, не удовлетворенного другим или другими участниками общей собственности, пройдет три года, он должен считаться утратившим право на иск, так как, по общему правилу, срок давности по вещным искам начинает течь только с момента нарушения права². Однако, как признано судебной практикой, при наличии уважительных причин пропущенный срок давности может быть восстановлен.

¹ Ученые записки ВИЮН, вып. II. М., 1941, стр. 69.

² См. Б р а т у с ь С. Некоторые вопросы применения общей части ГК в практике Верховного суда СССР // Социалистическая законность. Чкалов, 1941. № 1–2, стр. 19. Там же анализ судебной практики. См. еще определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда

По иску Бабаева и других к Джурабаевой Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала, что «хотя с момента регистрации наследственного имущества за мужем ответчицы Джурабаевой Хайри – Джурабаевым Махмудом прошло свыше трех лет, однако пропущенный срок подлежит восстановлению в порядке ст. 49 ГК Таджикской ССР, поскольку истцы не знали о переводе дома на имя мужа ответчицы» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 20 декабря 1944 г. по делу № 36/826)¹.

Изложенное здесь еще раз показывает, к каким большим затруднениям на практике приводит принятое в ГК деление наследников на «присутствующих» и «отсутствующих» и как назрела необходимость пересмотра этого деления в законодательном порядке.

8. Последний вопрос, на котором следует остановиться, – это вопрос о праве кредиторов наследников оспорить отказ наследников от наследства или фактическое непринятие ими наследства. Могут ли кредиторы наследников, считая, что отказ или фактическое непринятие наследства наследниками наносит ущерб их материальным интересам, просить суд признать такой отказ или непринятие недействительными и допустить обращение своих взысканий на наследственное имущество, которое должно было бы перейти к наследникам? Вопрос этот привлекал к себе большое внимание в русской дореволюционной науке гражданского права и судебной практике и разрешался в положительном смысле². В советских условиях подобные случаи встречаются крайне редко. Действующее советское законодательство такого права кредиторам наследников не предоставляет (ст. 434 ГК имеет в виду кредиторов наследодателя). Но и по существу предоставление такого права кредиторам наследников надо признать нецелесообразным. Принятие наследства, как нами уже отмечалось, – акт добровольный, и наследник не может быть обязан к принятию наследства, если он этого не желает. Вообще же нет оснований к созданию для кредиторов наследников дополнительного обеспечения их претензий за счет наследственного имущества. Вместе с тем, надо иметь в виду, что предоставление права кредиторам наследника оспорить его отказ от наследства могло бы привести к невыгодным последствиям для кредиторов наследодателя, поскольку право на удовлетворение из на-

СССР от 10 августа 1944 г. по иску Тищенко к колхозу им. Максима Горького, в котором Судебная коллегия признала, что срок давности на предъявление иска о праве собственности на домовладение должен исчисляться с момента, когда истцу стало известно о нарушении его права собственности (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1944. М.: Юриздат, 1948, стр. 233).

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1946. Вып. IX (XXXIII). М., 1947, стр. 11.

² См.: Ш е р ш е н в и ч Г. Ф. Учебник гражданского права, т. II. М., 1915, стр. 466.

следственного имущества получили бы не только кредиторы наследодателя, но и кредиторы наследника.

ГЛАВА VI

ПЕРЕХОД ПО НАСЛЕДСТВУ ПРАВА НАСЛЕДОВАНИЯ

1. Возможны случаи, когда отсутствующий в месте открытия наследства наследник умирает, не успев в течение шестимесячного срока, установленного для принятия наследства, выразить свою волю на принятие наследства или на отказ от наследства. Могут быть также случаи, когда присутствующий в месте открытия наследства наследник умрет до истечения трехмесячного срока, предоставленного законом для заявления об отказе от наследства. В этих случаях право наследника принять наследство или отказаться от него переходит к его собственным наследникам (такой переход по наследству неосуществленного права наследования в юридической литературе иногда называется наследственной трансмиссией).

С момента открытия наследства наследнику, призванному к наследованию, принадлежит право наследования в смысле права принять наследство или отказаться от него. Это право является имущественным правом, так как оно дает наследнику возможность стать преемником умершего в его имущественных отношениях.

В случае смерти призванного к наследованию наследника после открытия наследства, но до осуществления им принадлежащего ему права наследования это имущественное право переходит вместе с прочей наследственной массой к собственным наследникам наследника. Таким образом, в данном случае происходит переход по наследству неосуществленного права наследования: право наследника принять наследство или отказаться от него переходит к его собственным наследникам в том же объеме, в каком оно принадлежало ему самому.

Советское законодательство не регулирует специально перехода по наследству права наследования, но судебной практике этот институт наследственного права хорошо известен.

Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР 9 сентября 1940 г. было рассмотрено дело по иску Тамары Енукидзе к ее свекрови Текле Енукидзе и к деверю Владимиру Енукидзе о выдаче наследственного имущества, оставшегося после смерти свекра Самсона Енукидзе. Народный суд г. Тбилиси постановил выделить в пользу Тамары Енукидзе две трети из половины спорного имущества, одну треть оставить в пользу Владимира Енукидзе, а вторую половину всего имущества народный суд постановил выделить Текле Енукидзе. Верховный суд Грузинской ССР решение народного суда оставил в силе. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, куда дело поступило по протесту Председа-

ля Верховного суда СССР, признала, что Текла Енукидзе как жена наследодателя Самсона Енукидзе имеет, в силу ст. 17 Кодекса законов о браке, семье и опеке Грузинской ССР (соответствующей ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР), право на половину спорного имущества, нажитого супругами при совместной жизни, а кроме того – право на равную долю с остальными наследниками в части имущества наследодателя, переходящей по наследству. Тамара Енукидзе имеет право на получение двух долей из половины наследственного имущества: одной доли, полагающейся ее мужу, являющемуся сыном наследодателя, умершему после смерти отца, и второй доли, полагающейся ее дочери, являющейся внучкой Самсона Енукидзе, зачатой при жизни деда и родившейся после его смерти. Одну долю из половины наследственного имущества имеет право получить сын наследодателя – Владимир Енукидзе. В соответствии с этим, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила все решения и определения, вынесенные по данному делу, отменить и дело передать на новое рассмотрение в Верховный суд Грузинской ССР по первой инстанции¹.

В этом деле нас интересует следующее: Тамара Енукидзе являлась женой сына наследодателя Самсона Енукидзе; сын этот умер после того как скончался Самсон Енукидзе, не успев принять наследство. Если бы сын Самсона Енукидзе был жив, Тамара Енукидзе никаких прав в наследственном имуществе не имела бы, как не входящая в круг наследников, предусмотренный ст. 418 ГК. Но так как муж Тамары Енукидзе (сын наследодателя) умер, не успев принять наследство, его право принять наследство после Самсона Енукидзе перешло вместе с оставшимся после него другим имуществом к его собственной наследнице – его жене Тамаре Енукидзе². Здесь имел место указанный выше переход по наследству права наследования.

В своем постановлении от 20 июля 1947 г. Пленум Верховного суда СССР уделил специальное внимание возможности перехода по наследству права наследования. В п. 9 этого постановления указывается, что если наследник, призванный к наследованию, умер после открытия наследства, не успев его принять, то его право на причитающуюся ему долю в наследстве переходит его наследникам. В этом определении не хватает указания на возможность перехода по наследству не только права принять наследство, но и

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1940 год. М., 1941, стр. 234–235. См. также определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 17 января 1947 г. по делу № 36/56, в котором Судебная коллегия предусматривает возможность перехода по наследству права наследования. Судебная практика Верховного суда СССР, 1947. Вып. II (XXXVI). М., 1947, стр. 23–24.

² Открытие наследства имело место до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию», поэтому внучка Самсона Енукидзе призывалась к наследованию совместно со своим отцом (сыном наследодателя).

права отказаться от наследства. А в то же время в своем постановлении Верховный суд СССР далее указывает, что это право умершего наследника может быть осуществлено его наследниками на общих основаниях в течение сроков, установленных для принятия наследства (ст. 429 и 430 ГК и соответствующие статьи ГК других союзных республик). Статья же 429 ГК, как известно, прямо указывает на право присутствующего наследника заявить отказ от наследства. Это право принадлежит и отсутствующему наследнику.

2. Условиями для перехода по наследству права наследования являются: 1) открытие наследства; 2) смерть лица, призванного к наследованию, до того как оно осуществило принадлежащее ему право принять наследство или отказаться от него. К смерти, очевидно, должно быть приравнено и признание его как безвестно отсутствующего умершим. Что касается наследника, лишенного завещателем права наследования, то если такой наследник умер до открытия наследства, наступают последствия, предусмотренные п. 10 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г.¹ Если же он умер после открытия наследства, то, будучи устранен завещателем от наследования и не приобретя в силу этого права наследования, он, естественно, также не может передать своим наследникам какого-либо права в отношении имущества наследодателя.

3. При переходе по наследству права наследования фигурируют два лица: 1) наследник, умерший после открытия наследства, не успевший осуществить принадлежавшего ему права принять наследство или отказаться от него (так называемый трансмиттент), и 2) его собственный наследник (так называемый трансмиссар). Собственный наследник наследника, умершего до изъявления им воли на принятие наследства или на отказ от него, может быть в отношении первоначального наследодателя совершенно посторонним ему лицом (например, жена сына, как это имело место в приведенном выше деле, рассмотренном Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР).

Переход по наследству права наследования не требует, чтобы лицо, к которому переходит право наследования, знало об открывшемся наследстве. Этот переход совершается помимо его воли.

Не осуществленное наследником право наследования переходит к его собственному наследнику в тот момент, когда последний примет после него наследство.

Наследники умершего после открытия наследства наследника могут осуществить перешедшее к ним по наследству право наследования на общих основаниях в пределах оставшихся сроков для принятия наследства (ст. 429 и 430 ГК). При этом наследники умершего отсутствовавшего наследника

¹ См. гл. IV, § 7.

могут в течение еще не истекшего с момента открытия наследства шестимесячного срока изъявить свою волю на принятие наследства или на отказ от него; наследники же умершего присутствовавшего наследника, поскольку он предполагается, в соответствии со ст. 429 ГК, принявшим наследство, могут в течение еще не истекшего с момента открытия наследства трехмесячного срока заявить нотариальному органу о своем отказе от наследства.

4. Переход по наследству права наследования не надо смешивать с правом представления. Право представления есть право прямых нисходящих родственников наследника, умершего до открытия наследства, получить из наследственного имущества ту долю, которая причиталась бы ему, если бы он был жив в момент открытия наследства. В этом случае умерший еще не был призван к наследованию и права наследования не приобрел, поэтому не может произойти и перехода какого-либо права от умершего к его прямым нисходящим.

При переходе же по наследству права наследования наследник уже был призван к наследованию, но не успел в силу своей смерти осуществить принадлежавшее ему право наследования, которое и переходит к его собственным наследникам, в числе которых могут оказаться не только его прямые нисходящие родственники, но и другие наследники, например, переживший супруг, родители, братья и сестры.

При переходе по наследству права наследования трансмиссар сначала наследует в имуществе трансмиттента, а уже в силу этого наследует и в имуществе наследодателя.

Право представления применяется только при наследовании по закону. Переход по наследству права наследования возможен как при наследовании по закону, так и при наследовании по завещанию.

Наследником, умершим после открытия наследства, может быть как наследник по закону, так и назначенный завещателем наследник. В свою очередь наследником, к которому переходит неосуществленное право наследования, может быть как наследник по закону, так и наследник по завещанию.

В силу принятия наследства после наследника, не успевшего осуществить свое право наследования, его наследник делается преемником в тех имущественных отношениях, преемником в которых должен был бы стать наследник, не успевший осуществить приобретенное им право наследования. В частности, это относится и к обязанностям наследника по оплате долгов, обременяющих наследство. И в этом отношении имеется существенная разница с ответственностью по долгам наследника, наследующего по праву представления. Наследники, заступающие умершего по праву представления, несут ответственность перед кредиторами наследодателя. Наследники, призываемые к наследованию в порядке перехода по наследству права на-

следования, несут ответственность не только перед кредиторами наследодателя, но и перед кредиторами умершего наследника. Эти наследники принимают не только наследство, принадлежавшее наследодателю, но и наследство наследника, умершего после смерти наследодателя, – наследство, в состав которого входит и не осуществленное наследником право наследования.

5. Далее, нужно остановиться на вопросе о соотношении между переходом по наследству права наследования и подназначением наследника (ст. 424 ГК). Гражданин А. составил завещание, в котором он назначил наследником во всем принадлежащем ему имуществе свою взрослую дочь Елену, а на случай, если дочь Елена умрет ранее завещателя или не примет наследства, – своего сына Василия. Елена вышла замуж. Через два месяца после смерти гр. А. умирает и его дочь Елена, не успев выразить свою волю на принятие или на отказ от наследства. К кому должно перейти не осуществленное ею право наследования, к сыну завещателя или к мужу его дочери?

Как мы указывали ранее, институт перехода по наследству права наследования в ГК специально не урегулирован, но тем не менее из содержания ст. 424 ГК можно сделать вывод, что ст. 424 имеет в виду, чтобы основной наследник сам принял наследство. Если же это установленное волей завещателя условие не будет выполнено, то должны наступить последствия, предусмотренные завещанием: призвание подназначенного наследника. Таким образом, по советскому праву, подназначение наследника (субституция) устраняет переход по наследству права наследования (наследственную трансмиссию). Но если подназначенный наследник не примет наследства, неосуществленное право наследования перейдет по наследству к собственным наследникам основного наследника.

ГЛАВА VII

ПРАВО ПРИРАЩЕНИЯ

1. Под п р и р а щ е н и е м при наследовании понимается увеличение наследственной доли наследника в связи с отпадением кого-либо из других наследников, совместно призываемых к наследованию. При призвании к наследованию нескольких наследников могут иметь место случаи, когда кто-нибудь из наследников отпадает и не сможет стать преемником в имуществе наследодателя. В таком случае наследственная доля отпавшего наследника поступит к другому или другим сонаследникам, как бы «прирастет» к их наследственным долям (отсюда и термин – «приращение»). У сонаследника, таким образом, возникает право на долю отпавшего наследника (или на часть этой доли). Такое право принято называть «правом приращения».

В каких же случаях допускается право приращения при наследовании по советскому праву? Часть 1 ст. 433 ГК предусматривает три случая, когда происходит «приращение» долей сонаследников: 1) неявка наследника в течение шести месяцев со дня открытия наследства; 2) отказ наследника от принятия наследства и 3) лишение завещателем наследника права наследования. Таким образом, если наследник не заявил в течение установленного законом срока своего желания принять наследство (не явился) либо прямо заявил о своем отказе от наследства, – его наследственная доля переходит в порядке «приращения» к другим сонаследникам. Те же последствия будут иметь место и при лишении завещателем права наследования наследника, у которого нет потомства¹. Во всех этих случаях происходит отпадение наследника, которому должно было принадлежать право на наследственную долю, и переход его доли к другим наследникам. Если два из этих трех случаев могут иметь место сравнительно редко (отказ от наследства и лишение наследства), то третий случай (неявка наследника) происходит довольно часто. В одних случаях сонаследник не заявляет в срок, установленный законом, о своем желании принять наследство, потому что хочет, чтобы его наследственная доля перешла к другим, материально менее обеспеченным сонаследникам (заявить же о своем формальном отказе от наследства у него нет желания); в других случаях – потому что он считает себя вообще материально обеспеченным и не нуждающимся в наследстве. У наследника могут быть и иные мотивы для неявки в установленный срок для принятия наследства. Во всех этих случаях у сонаследников возникает право на долю отпавшего наследника.

¹ Вопрос о последствиях лишения права наследования наследника, имеющего потомство (детей, внуков), рассмотрен выше (гл. IV, § 7).

Мы полагаем, однако, что, кроме случаев, предусмотренных ст. 433 ГК РСФСР (и соответствующими статьями ГК других союзных республик), возможны и некоторые другие случаи, когда отпадение наследника является условием для возникновения права приращения у других наследников.

Основанием для возникновения права приращения может явиться в известных случаях смерть сонаследника. Для этого требуются следующие условия: 1) чтобы данное лицо уже было призвано к наследованию¹ и 2) чтобы у этого лица не было собственных наследников. Так например, если из двух братьев-наследников по закону (сыновей наследодателя) один умрет после открытия наследства, не успев до истечения установленного законом срока (ст. 430 ГК) изъявить свою волю на принятие наследства, то при отсутствии у него собственных наследников по закону или завещанию его наследственная доля по праву приращения перейдет к другому брату.

Поскольку признание безвестно отсутствующего умершим приравнивается по своим правовым последствиям к смерти, оно может служить основанием для возникновения права приращения у других наследников.

Возможны и другие случаи, когда происходит приращение наследственной доли. Такие последствия наступают, например, в случае признания брака недействительным уже после смерти одного из супругов. В этом случае переживший супруг наследодателя, имевший право на наследственную долю, утрачивает право на эту долю, которая переходит к другим наследникам. Приращение наследственной доли возможно также в случаях признания недействительным усыновления, признания недействительной записи в актах гражданского состояния об отцовстве или материнстве.

¹ В одной из наших ранее вышедших работ (Наследственное право. М., 1948, стр. 53) мы отнесли к случаям, влекущим за собой право приращения для сонаследников, также смерть до открытия наследства не имеющего потомства наследника по закону. Однако правильнее все же будет признать смерть наследника, не имевшего потомства, за основание для возникновения права приращения у других наследников только в том случае, если смерть наследника по закону произошла уже после открытия наследства. Для перехода наследственной доли по праву приращения к другим наследникам надо, чтобы наследнику уже причиталась какая-то определенная доля в наследстве, а для этого требуется, в свою очередь, чтобы наследник уже был призван к наследованию (а затем отпал). У лица же, которое еще только могло в будущем быть призванным к наследованию (эventуального наследника), нет права на долю в наследстве (при жизни наследодателя). Поэтому если это лицо умрет ранее наследодателя, то хотя это обстоятельство и может повлечь за собой фактически увеличение долей других наследников, но тем не менее в этом случае нет «приращения» наследственной доли.

2. О приращении наследственной доли может идти речь только в тех случаях, когда имеется хотя бы один сонаследник. Если же по тем или иным причинам сонаследников не окажется, то может возникнуть вопрос о признании наследственной доли отпавшего наследника выморочной и о переходе ее к государству¹.

Поскольку нет оснований для перехода к государству в качестве выморочного имущества доли отпавшего наследника, она переходит к другим наследникам по праву приращения, однако не во всех случаях. При наследовании по закону не может быть приращения наследственной доли, когда доля отпавшего наследника переходит к его потомству по праву представления. Такой вывод вытекает непосредственно из самого текста ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. и соответственно ст. 418 ГК, согласно которой, в случае смерти кого-либо из детей наследодателя до открытия наследства его наследственная доля переходит к его детям (внукам наследодателя), а в случае смерти последних – к их детям (правнукам наследодателя). Как уже указывалось, приращение происходит в том случае, если наследник скончался после открытия наследства. При наследовании же по праву представления дело идет о наследнике, умершем до открытия наследства. Поэтому, если отпадение наследника (сына или дочери наследодателя) произошло в результате его смерти до открытия наследства (ранее смерти наследодателя), то при наличии у наследника потомства его наследственная доля поступит к его детям (внукам наследодателя), а не к другим наследникам наследодателя, хотя бы и той же очереди. Если, например, после умершего остались: 1) сын, 2) жена (вдова) и 3) три внука (от ранее умершей дочери), то та наследственная доля, которую дочь могла бы получить, если бы дожила до открытия наследства, поступит не ко всем перечисленным наследникам первой очереди, а только к внукам. В данном случае преимущество сохраняется за прямыми нисходящими наследника, умершего до открытия наследства.

Приращение наследственной доли может быть устранено путем подназначения наследника (субституции). Подназначение завещателем наследника исключает возможность приращения наследственной доли для сонаследников. Этот случай прямо предусмотрен ч. 1 ст. 433 ГК. В силу этого, если завещатель, в порядке ст. 424 ГК, назначил другого наследника на случай, если бы назначенный им в завещании наследник не принял наследства, отпадение наследника не влечет за собой приращения долей других наследников. Доля такого наследника поступает к подназначенному наследнику, а не к другим сонаследникам. Но если и подназначенный наследник не примет

¹ Об условиях признания имущества умершего выморочным см. главу X.

наследства, то причитавшаяся ему наследственная доля поступит к сонаследникам в порядке приращения.

Право приращения не может иметь места и при переходе по наследству права наследования¹. Так например, если из трех сыновей наследодателя один умрет после открытия наследства, не успев в установленный срок осуществить свое право на принятие наследства, это право перейдет к его собственным наследникам (жене, детям и т. д.), которые могут осуществить его в течение оставшегося для принятия наследства срока. Если наследники сына выразят свое согласие на принятие наследства, наследственная доля, причитавшаяся сыну наследодателя, поступит к ним, а не к другим сыновьям наследодателя.

Таким образом, несмотря на отпадение наследника после открытия наследства, приращение не имеет места: 1) когда завещатель назначил другого наследника на случай, если бы назначенный завещателем наследник не принял наследства; 2) когда право наследника, умершего после открытия наследства, на принятие наследства переходит к его собственным наследникам.

Из сказанного надо заключить, что право приращения при наследовании имеет вспомогательное, субсидиарное значение. Оно применяется в тех случаях, когда нет оснований для перехода наследственного имущества к другому наследнику в ином порядке.

3. Приращение не является особым призванием к наследованию, а означает только известное изменение размера наследственных долей для сонаследников. Приращение дополнительной доли не требует особого акта принятия со стороны сонаследника. Выражая свое согласие на принятие наследства, наследник тем самым изъявляет свою волю на принятие наследства вообще, а не на принятие той или иной его части. Принятие наследства подчиняет наследника всем правовым последствиям как предвиденным, так и непредвиденным. Поэтому в случае отпадения кого-либо из наследников от других наследников уже не требуется особого акта принятия доли отпавшего наследника; эта доля «прирастает» к их первоначальным наследственным долям помимо их воли и желания.

Если сонаследник, получивший свою первоначальную долю, не дожил до того момента, когда выяснится, что ему принадлежит право на прирастающую долю, право на эту долю осуществляют его собственные наследники. У наследодателя было три сына. Один из них умер после открытия наследства, оставив после себя двух детей (внуков наследодателя), а второй некоторое время спустя после смерти своего брата отказался от наследства. Дети умершего сына получают по праву приращения $\frac{1}{2}$ наследственной доли отка-

¹ См. гл. VI.

завшегося от наследства сына, т. е. получают в дополнение к причитающейся им наследственной доле в размере $\frac{1}{3}$ наследства еще $\frac{1}{6}$ наследства; другая $\frac{1}{6}$ наследства по праву приращения поступит к третьему сыну.

Вправе ли сонаследник, согласившись на принятие наследства, отказаться от приращения? Здесь должно применяться общее правило о недопустимости частичного принятия и частичного отказа от наследства. Изъявляя согласие на принятие первоначальной наследственной доли, наследник не может отказаться от части наследства, переходящей к нему по приращению.

4. Приращение возможно как при наследовании по закону, так и при наследовании по завещанию.

Разъясняя порядок перехода наследственной доли по праву приращения при наследовании по закону, Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 20 июня 1947 г. установил, что «при отказе наследников от наследства или непринятии ими наследства их доля переходит к наследникам той очереди, к которой они принадлежат, а при отсутствии таких наследников или непринятии ими наследства — к наследникам следующей очереди; если же других наследников вовсе нет, то наследство переходит к государству» (п. 4). Это означает, что по праву приращения наследственная доля переходит не ко всем наследникам по закону, а только к наследникам той очереди, к которой принадлежал отказавшийся наследник. Если, например, в течение установленного срока не принял наследства сын наследодателя, его наследственная доля «прирастет» к наследственным долям других наследников по закону первой очереди, но не к наследственным долям наследников других очередей. Но если других наследников первой очереди не окажется, то наследственная доля отказавшего наследника поступит к наследникам второй очереди (к трудоспособным родителям), а при их отсутствии — к наследникам третьей очереди (братьям и сестрам). Если, например, после открытия наследства единственными наследниками окажутся три сестры наследодателя и одна из них откажется от наследства, то ее доля по приращению поступит к остальным сестрам (наследникам третьей очереди).

В постановлении от 20 июня 1947 г. Пленум Верховного суда СССР разрешил вопрос о последствиях отпадения наследника в силу его отказа от наследства или непринятия им наследства. Но, как нам кажется, эти руководящие указания Верховного суда СССР должны найти применение и в других случаях отпадения наследника по закону, являющихся основанием для возникновения права приращения (например, в случае лишения завещателем наследника права наследования, смерти сонаследника и др.).

Согласно ч. 1 ст. 433 ГК, наследственная доля, перешедшая по праву приращения к сонаследникам по закону, должна делиться между сонаследниками по закону поровну в порядке, установленном ст. 420 ГК, т. е. на равные части.

5. При наследовании по завещанию доля отпавшего наследника поступает по приращению к другим наследникам по завещанию только в том случае, если завещатель оставил «все свое имущество назначенным им наследникам» (ч. 1 ст. 433 ГК). Так например, завещатель мог указать в завещании: «Все мое имущество завещаю моим детям». Но одна из дочерей завещателя не изъявила в установленный срок своей воли на принятие наследства. В этом случае по смыслу завещания ее доля перейдет к остальным наследникам по завещанию (к остальным детям наследодателя), а не к другим наследникам по закону (среди которых могут оказаться не только дети завещателя, но, например, его переживший супруг). Закон не различает при этом случаи, когда имущество было завещано с точным указанием наследственных долей назначенных наследников или без указания размера таких долей. Поэтому доля отпавшего наследника как в том, так и в другом случае должна перейти по приращению к остальным наследникам по завещанию. Это положение, как нам кажется, должно иметь применение и к тем случаям, когда наследниками по завещанию назначены только посторонние лица (граждане, не являющиеся наследниками по закону), причем к моменту открытия наследства наследников по закону не окажется. Но, если посторонним лицам завещана только часть имущества, принадлежавшая завещателю, и кто-либо из этих лиц отпадет после открытия наследства, причитавшаяся ему доля должна считаться выморочной: к другим наследникам по завещанию она поступить, согласно ч. 1 ст. 433 ГК, не может, а наследников по закону не имеет. ~~Как же~~ ^{Какая же} должна распределяться в случае приращения освободившаяся доля между сонаследниками по завещанию? Ст. 433 ГК не дает на это ответа. В случаях приращения при наследовании по закону деление освободившейся доли на равные части является вполне обоснованным (поскольку при наследовании по закону доли наследников являются равными); применение того же правила к случаям приращения при наследовании по завещанию вряд ли можно признать оправданным. Правильно было бы установить в этом случае приращение по соразмерности наследственных долей наследника по завещанию (если, например, первоначальная доля наследника по завещанию составляет $\frac{1}{2}$ наследства, то он должен получить по приращению $\frac{1}{2}$ освободившейся доли и т. д.).

6. Завещатель вправе завещать как все свое имущество, так и какую-либо его часть. В последнем случае, по смыслу ч. 1 ст. 433 ГК, при отпадении кого-либо из завещательных наследников его доля поступит не к остальным наследникам по завещанию, а к наследникам по закону. Пример: половина наследственного имущества в равных частях завещана нетрудоспособной матери наследодателя и его взрослой, не имеющей потомства дочери, другая же половина наследственного имущества осталась вне завещательных

распоряжений; у наследодателя имелся еще взрослый сын. Дочь умирает после открытия наследства, не успев его принять. В этом случае доля дочери в размере $\frac{1}{4}$ наследственного имущества по приращению должна поступить к наследникам по закону (к матери и сыну), которые разделят эту долю поровну. К ним же как к наследникам по закону поступит и половина имущества, оставшегося вне завещательных распоряжений. При этих условиях мать получит по завещанию $\frac{1}{4}$ наследства, а по закону $-\frac{1}{4} + \frac{1}{8}$, всего же $\frac{5}{8}$ наследства, сын же $-\frac{1}{4} + \frac{1}{8} = \frac{3}{8}$ наследства.

Во всяком случае приращение при наследовании по завещанию не является общим правилом: оно возможно только в том случае, если наследодатель завещал все свое имущество нескольким наследникам. Если же он завещал только часть своего имущества, то в случае отпадения назначенного в завещании наследника освободившаяся доля переходит по праву приращения к наследникам по закону.

В итоге мы приходим к следующим выводам:

1. В случае отпадения наследника причитающаяся ему наследственная доля, если нет оснований к переходу ее к наследникам следующей очереди или к государству в качестве выморочного имущества, переходит к другим наследникам по приращению, за исключением случаев, когда имеет место наследование в порядке подназначения наследника (субституции) либо перехода по наследству права наследования (наследственной трансмиссии).

2. При приращении не происходит самостоятельного призвания к наследованию. От сонаследника не требуется поэтому и особого акта принятия «прирастающей» доли.

3. При наследовании по завещанию, если наследодатель завещал все свое имущество целиком нескольким наследникам, в случае отпадения кого-либо из назначенных наследников причитающаяся ему доля переходит по приращению к остальным назначенным завещателем наследникам. Если же наследодатель завещал только часть своего имущества, то доля, принадлежавшая отпавшему наследнику по завещанию, переходит по приращению к наследникам по закону.

ГЛАВА VIII

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИНЯТИЯ НАСЛЕДНИКОМ НАСЛЕДСТВА

§ 1. Ответственность наследника по долгам, обременяющим наследство

1. Говоря о характере универсального наследственного преемства, мы затрагивали уже в известной мере вопрос об ответственности наследника по долгам наследодателя, причем пришли к выводу, что такая ответственность наследника вытекает не из сущности универсального наследственного преемства, а устанавливается специально законом. Такую специальную норму закона представляет ст. 434 ГК, в которой говорится: «Наследник, принявший наследство, а равно органы государства или организации, к которым перешло выморочное имущество, отвечают по долгам, обременяющим наследство, лишь в пределах действительной стоимости наследственного имущества».

Обычно в нашей литературе указывается, что на наследника вместе с активом переходит пассив наследственного имущества, причем это положение приводится как не требующее особых доказательств¹. Некоторые авторы утверждают даже, что оно сделалось азбучной истиной современного наследственного права². Однако вопрос об ответственности наследника по долгам, обременяющим наследство, является не столь простым, как это иногда кажется, и требует более тщательного рассмотрения. Но прежде чем приступить к этому, следует предварительно установить, какое вообще значение имеет вопрос об ответственности наследника по долгам, обременяющим наследство, в условиях социалистического общества.

Цель социалистического производства, как учит И. В. Сталин, не прибыль, а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его материальных и культурных потребностей. Действие основного экономического закона социализма ведет к систематическому подъему производительных сил общества, к непрерывному росту материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. Коммунистическая партия и Советское правитель-

¹ Перетерский И. С. ГК РСФСР. Комментарий, вып. VI. М.—Пг., 1924, стр. 7; ГК советских республик. Текст и практический комментарий под ред. проф. А. Малицкого. Юриздат НКЮ УССР, 1927, стр. 416; Гражданское право. Учебник для юридических вузов, ч. II. М., 1938, стр. 446–447, 471; Гражданское право. Учебник, т. 2. М., 1944, стр. 274, 306; Ландкоф С. Н. Основы гражданского права. Киев, 1947, стр. 403; Советское гражданское право. Учебник для юридических школ УССР. М., 1940, стр. 259.

² Бугаевский А. А. Советское наследственное право. Одесса, 1926, стр. 101.

ство проявляют неуклонную заботу о максимальном удовлетворении постоянно растущих потребностей трудящихся. В социалистическом обществе уничтожена эксплуатация человека человеком, отсутствуют экономические кризисы и безработица. При таких условиях в социалистическом обществе нет почвы для широкого распространения долговых отношений, участниками которых были бы граждане СССР. Долговые отношения между гражданами – это, как правило, долговые отношения по договору займа, носящего характер дружеской услуги в целях оказания материальной помощи родственнику или знакомому, временно нуждающемуся в средствах для приобретения каких-либо предметов в потребительских целях. Возможны долговые отношения между гражданами в связи с заключаемыми ими другими договорами (купли-продажи, жилищного найма и т. д.), а также возникшие из причинения вреда имуществу или личности (ст. 403 ГК). Возможны также долговые отношения между гражданами и социалистическими организациями в связи с пользованием гражданами жилыми помещениями, коммунальными услугами, получением ссуд на индивидуальное жилищное строительство, обложении граждан налогами и т. п. Но удельный вес таких долговых отношений в хозяйстве гражданина СССР, естественно, невелик.

В СССР вообще исключена возможность, чтобы гражданин мог быть «опутан» долгами и его наследникам могли угрожать многочисленные кредиторы наследодателя, как это имеет место в капиталистических странах. Поэтому в наших условиях вопрос об ответственности наследника по долгам, обременяющим наследство, вообще не может иметь того значения, которое он имеет в буржуазном обществе. Этим, надо думать, объясняется тот факт, что в советской юридической литературе этот вопрос не привлекал к себе достаточного внимания; но тем не менее это не означает, что он вообще не имеет у нас никакого значения. В связи с ответственностью наследника по долгам, обременяющим наследство, возникает ряд довольно сложных вопросов – о содержании этой ответственности, ее объеме и др.

2. В СССР законодательное регулирование ответственности наследника по долгам получило свое разрешение еще в первом законодательном акте Советской власти по наследственному праву – в декрете ВЦИК от 27 апреля 1918 г. «Об отмене наследования» (СУ РСФСР, 1918, № 34, ст. 456). В этом декрете в ст. VIII указывалось: «Из имущества умершего покрываются, в первую очередь, расходы по управлению имуществом. Родственники и супруг умершего получают содержание из его имущества предпочтительно перед его кредиторами. Кредиторы умершего в случае признания их требований подлежащими оплате удовлетворяются из остающегося за указанными вычетами имущества, причем в случае недостаточности имущества для покрытия всех требований кредитора применяются общие начала конкурса».

Здесь представляется чрезвычайно интересной последовательность удовлетворения долгов: кредиторы умершего стоят на последнем месте, родственники же и супруг умершего получают причитающееся им содержание из наследственного имущества ранее кредиторов умершего.

Условия первых лет существования Советской власти не вызвали практической необходимости в дальнейшем правовом регулировании ответственности наследника. Но этот вопрос потребовал своего разрешения в условиях перехода Советского государства на мирную работу по восстановлению народного хозяйства. Это и было сделано в ГК РСФСР 1922 г. Согласно ст. 434 ГК в редакции 1922 г., наследник, принявший наследство, а равно государство, к которому перешло выморочное имущество, отвечают по долгам, обременяющим наследство, лишь в пределах действительной стоимости наследственного имущества. 6 апреля 1928 г. редакция ст. 434 ГК была несколько изменена: вместо упоминания о государстве, к которому перешло выморочное имущество, в новой редакции ст. 434 ГК говорится об органах государства или организациях, к которым перешло выморочное имущество. Но по существу содержание ст. 434 ГК осталось без изменения.

Рассмотрим ряд вопросов, связанных с ответственностью наследника по долгам, обременяющим наследство.

3. Прежде всего возникает вопрос о содержании ответственности наследника. Весьма существенно то, что ст. 434 ГК говорит не об ответственности наследника по долгам наследодателя, а об ответственности наследника по долгам, обременяющим наследство. Эти два понятия могут не совпадать. Второе понятие является более широким, включая в себя и первое понятие. С другой стороны, как мы увидим в дальнейшем, не все долги наследодателя переходят на наследника. Ранее мы уже останавливались на вопросе о соотношении понятий «наследства» и «долгов», обременяющих наследство. На основании анализа социально-экономической природы понятия имущества по советскому праву, а также гражданского законодательства, относящегося к данному вопросу, мы пришли к выводу, что «долги» не являются составной частью наследственного имущества¹.

Теперь следует более точно установить само понятие «долга» в том смысле, как понимает этот термин ст. 434 ГК.

Под термином «долг» чаще всего понимается обязанность должника уплатить по принятому на себя обязательству определенную сумму денег (в качестве заемщика, покупателя, арендатора и т. д.). Но термин «долг» может пониматься и в более широком смысле. «Долгом» может быть признан не только такой долг, в котором обязанность уплатить известную сумму

¹ См. гл. II, § 4.

денег составляет первоначальное содержание обязательства, но и такой долг, в котором обязанность уплатить денежную сумму может служить санкцией за неисполнение обязательства, первоначальное содержание которого состояло не в обязанности уплаты денег, а в совершении каких-либо иных действий или в воздержании от каких-либо действий. В таком смысле и понимается термин «долг» в ст. 434 ГК.

Обременяющие наследство долги по основанию своего возникновения не однородны. Одни из них являются долгами самого наследодателя. Так например, гражданин мог при жизни не уплатить вовремя квартирной платы или причитавшегося с него налога, взять у своего знакомого займы некоторую сумму денег и не успеть ее отдать и т. д. Другие обременяющие наследство долги могут образоваться по различным основаниям только со смертью наследодателя, например, в связи с расходами по управлению оставшимся после него имуществом или в связи с расходами на его похороны. В своем определении по иску Джанелидзе к Пуладзе Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала, что «суд не разрешил вопроса о встречных исковых требованиях Сурмова, предъявившего истце счет на оплату издержек, понесенных им в связи с погребением ее мужа. Суду следовало предложить Сурмову оформить встречный иск к Джанелидзе о возмещении ему расходов, связанных с похоронами ее мужа» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 10 июля 1945 г. по делу № 529)¹.

Таким образом, долги, обременяющие наследство, распадаются на две группы: 1) долги самого наследодателя и 2) долги, возникшие в связи со смертью наследодателя.

Согласно ст. 423 ГК, долги по уплате завещательных отказов являются долгами тех наследников, на которых завещатель возложил исполнение соответствующего обязательства. Однако, как нами выше указывалось², целесообразно установить иной порядок выполнения завещательных отказов, при котором отпадение по тем или иным причинам наследника не должно влечь за собой отпадение самого завещательного отказа. В случае принятия законодателем такого порядка долги по выплате завещательных отказов также должны стать долгами, обременяющими наследство, и притом долгами, возникающими только после смерти завещателя, хотя и по его воле, выраженной им при жизни.

Закон не устанавливает порядка удовлетворения долгов, обременяющих наследство. Поэтому, например, долги в связи с расходами на похороны

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1945. Вып. VII (XXIII). М., 1946, стр. 14–15.

² См. гл. IV, § 9.

наследодателя или по управлению наследственным имуществом не пользуются преимуществом перед долгами самого наследодателя. Но нам казалось бы более правильным установить в законодательном порядке известную очередность в уплате этих долгов. Можно было бы установить примерно следующий порядок оплаты долгов, обременяющих наследство: в первую очередь должны удовлетворяться из наследственного имущества долги, образовавшиеся в связи с расходами по уходу за наследодателем во время его предсмертной болезни (приглашение постоянной сиделки и т. п.), а также в связи с расходами на похороны наследодателя. Это вытекает из естественного чувства уважения к памяти умершего. В первую очередь должны быть включены и расходы на содержание лиц, находившихся на иждивении наследодателя, а также расходы по охране наследственного имущества и по управлению им. Небезынтересно отметить, что Положение о государственном нотариате РСФСР от 31 января 1947 г. предоставляет государственным нотариальным конторам в случае необходимости разрешать выдачу из охраняемого наследственного имущества денежных сумм на покрытие указанных расходов (ст. 37 Положения о государственном нотариате РСФСР). При отсутствии в составе наследственного имущества денежных сумм по распоряжению нотариальной конторы для этой цели могут быть выданы вещи, оставшиеся после покойного, стоимость которых не должна превышать сумм вышеуказанных расходов. Эти выдачи нотариальные конторы вправе производить в период хранения имущества, т. е. когда наследственное имущество еще не принято наследниками.

Во вторую очередь должны удовлетворяться прочие долги наследодателя, причем при недостаточности наследственного имущества выплата долгов должна производиться с соблюдением общего порядка, установленного ст. 266 ГК РСФСР.

В последнюю очередь должны выполняться завещательные отказы, которые, по существу, являются «даром» со стороны завещателя. Естественно поэтому, что они должны удовлетворяться только в том случае, если стоимость оставшейся части наследства это позволяет.

4. Из различных видов долгов, обременяющих наследство, наибольшее значение имеют долги самого наследодателя. На них следует остановиться более подробно.

Прежде всего возникает вопрос, переходят ли на наследника все долги наследодателя? При этом, как уже ранее указывалось, под долгами мы понимаем не только такие долги, в которых обязанность уплатить денежную сумму составляет первоначальное содержание обязательства, но и такие, в которых обязанность уплатить денежную сумму может служить санкцией за неисполнение обязательства, первоначальное содержание которого состояло

не в обязанности уплаты денег, а в совершении каких-либо действий или в воздержании от совершения каких-либо действий.

По общему правилу, обязанности наследодателя личного характера (не имущественные) не переходят по наследству. Нельзя передать по наследству обязанности, вытекающие из личных отношений, например, обязанности родителей по воспитанию детей. Не переходят по наследству обязанности опекунов, попечителей.

Обязанности же наследодателя имущественного характера, по общему правилу, на наследника переходят. Это относится как к обязательствам, возникающим из договоров, так и к обязательствам, возникшим из причинения вреда и неосновательного обогащения¹.

Однако из этого общего правила допускаются некоторые изъятия.

Так, не переходят по наследству обязанности имущественного характера, которые, по общему правилу, не могли быть уступлены другому лицу и при жизни наследодателя, например, обязанности автора по издательскому договору, постановочному договору или сценарному договору. Но обязанность автора возратить аванс в случае непредставления им рукописи или в случае признания судом недобросовестности в выполнении автором его труда (прим. к ст. 9, ст. 16 типового издательского договора) переходит и на его наследника.

Не переходят на наследников обязанности умершего поверенного, вытекающие из договора поручения (ст. 260 ГК). Закон возлагает на наследников поверенного только обязанность известить доверителя о смерти поверенного, приняв необходимые меры к ограждению интересов доверителя (ст. 263 ГК).

Мы отмечали уже, что, по общему правилу, обязанности по обязательствам из причинения вреда переходят по наследству. Если наследодателем был причинен вред имуществу или личности другого, наследник должен нести материальную ответственность по обязательству наследодателя. Однако при этом возможно применение ст. 411 ГК. В этом отношении чрезвычай-

¹ По законодательству ряда союзных республик, получивший наследство от лица, содержавшего детей, или от лица, на котором по закону лежала обязанность содержать таковых, обязан доставлять содержание несовершеннолетним или нуждающимся нетрудоспособным детям в пределах полученного им имущества (ст. 42-2 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР и др.). Однако в этом случае нет перехода по наследству алиментных обязательств наследодателя. Как правильно отмечалось в нашей литературе, самостоятельное алиментное обязательство наследников возникает при других основаниях, в другом размере и в отношении иного круга лиц. См.: П е р г а м е н т А. И. Алиментные обязательства. М., Госюриздат, 1951, стр. 109; Б о ш к о В. И. Очерки советского семейного права. Киев, Госполитиздат УССР, 1952, стр. 101.

чайно интересным является дело по иску Кадыровой к Галеевой¹. В 1935 г. Галеев был осужден за убийство Кадырова и по приговору суда с Галеева были присуждены периодические платежи по 80 руб. в месяц на содержание двух несовершеннолетних детей Кадырова. В феврале 1942 г. Галеев умер, и мать несовершеннолетних детей Кадыровых – Кадырова – обратилась в народный суд с иском о взыскании средств на содержание этих детей с жены умершего Галеева. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала, что «вопрос о материальной ответственности Галеевой перед Кадыровыми должен был обсуждаться судом на основании ст. 434 ГК, в силу которой наследник, принявший наследство, отвечает по долгам, обременяющим наследство, лишь в пределах действительной стоимости наследственного имущества. Из материалов дела видно, что все оставшееся после смерти Галеева наследство заключается в половине деревянного жилого дома, оцененного инвентаризационным бюро в 1800 рублей. На долю ответчицы Галеевой в этом доме приходится $\frac{1}{6}$ часть. В пределах стоимости $\frac{1}{6}$ части дома Галеева и могла бы нести, по ст. 434 ГК, материальную ответственность перед Кадыровой по уплате периодических платежей на содержание детей.

Однако, как отмечается в определении Судебной коллегии, и в этом случае вопрос об ответственности Галеевой должен решаться, согласно ст. 411 ГК, т. е. с учетом материального положения сторон.

Из дела же видно, что наследственный дом Галеевой представляет собою имущество потребительского типа, не приносящее дохода. Сама Галеева является инвалидом второй группы, живет с несовершеннолетней дочерью на получаемую пенсию, а трудоспособный член семьи Галеевой – ее сын – находится в Красной Армии.

При этих условиях взыскание с Галеевой в порядке ст. 434 ГК РСФСР средств на содержание детей истицы Кадыровой может быть произведено путем продажи дома, что было бы равносильно лишению Галеевой последнего имущества и жилища. Между тем, в деле имеются данные, свидетельствующие о том, что истица материально более обеспечена, чем ответчица, имеет дом и два флигеля, сдает их в аренду и, кроме того, имеет корову. Поэтому Судебная коллегия признала, что на Галееву не может быть возложена обязанность по возмещению вреда, причиненного ее мужем истице Кадыровой.

5. Каков объем ответственности наследника за долги? Советское право исходит из принципа, что наследник, принявший наследство, отвечает по

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1943 год. М., 1948, стр. 185–186.

долгам, обременяющим наследство, лишь в пределах действительной стоимости наследственного имущества (ст. 434 ГК). Выше действительной стоимости наследственного имущества наследник не отвечает. Действительно, обязать наследника, принявшего наследство, отвечать неограниченно по долгам, обременяющим наследство, нет оснований. Могут сказать, пусть наследник осмотрительнее принимает наследство, а раз уже принял, то его имущество должно слиться с имуществом наследодателя, а таким путем на него должна лечь и неограниченная ответственность за долги наследодателя. Но предъявление таких требований к наследнику было бы нереальным. К моменту принятия наследства кредиторы могли еще не успеть заявить своих претензий, а могут быть и такие случаи, когда уже после принятия наследства обнаружатся ранее не известные долги наследодателя. Возложение на наследника неограниченной ответственности было бы явно несправедливым; ведь может получиться, что наследник в результате принятия наследства не только не приобретет никакого имущества, но потеряет и лично ему принадлежащее. Неоправданным является и улучшение положения кредиторов наследодателя, которые в результате смерти своего должника (наследодателя) получают как бы дополнительное обеспечение.

По иску ОРСа лесхоза к Мирон Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР обратила внимание на то, что «суд не выяснил, какое наследственное имущество осталось у жены Койхмана после смерти. Выяснение этого вопроса имело существенное значение для правильного разрешения дела, так как, в силу ст. 434 ГК УССР, наследник, принявший наследство, отвечает по долгам наследодателя только в пределах действительной стоимости наследственного имущества» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 17 февраля 1951 г. по иску ОРСа лесхоза к Мирон).

Однако установление ограниченной ответственности наследника не означает все же, что кредиторы наследодателя могут обратить взыскание только на унаследованное имущество. Они могут обратить по своему выбору взыскание и на лично принадлежащее наследнику имущество. Но наследник несет ответственность, во всяком случае, не свыше действительной стоимости наследственного имущества.

Вместе с тем надо иметь в виду, что, согласно существующему порядку обращения взысканий, должнику предоставлено право заявить судебному исполнителю, на какие предметы по его желанию взыскание должно быть обращено в первую очередь (§ 42 Инструкции НКЮ СССР от 28 сентяб-

ря 1939 г. «О порядке исполнения судебных решений»)¹. Если такое заявление должника не препятствует исполнению решения, судебный исполнитель должен его учесть. Таким способом наследник может, если найдет для себя желательным, сохранить лично принадлежащее ему имущество.

6. Лицом, несущим ответственность по долгам, обременяющим наследство, является наследник умершего. Однако не всякий наследник несет эту ответственность, а только наследник, *п р и н я в ш и й н а с л е д с т в о* (ст. 434 ГК). Именно в результате принятия наследства и возникает для наследника ответственность его по долгам, обременяющим наследство. Таким образом, ответственность эта – не следствие или элемент наследования как универсального преемства, а результат волевого акта, выраженного данным лицом желания принять наследство (с теми долгами, которые это наследство обременяют). Но содержание и объем ответственности наследника устанавливаются законом. Этим только и можно объяснить тот факт: 1) что ответственность наследника распространяется не только на долги самого наследодателя, но и на долги, возникшие после смерти наследодателя (в сущности говоря, в отношении последнего вида долгов вообще не приходится говорить о каком-либо преемстве); 2) что ответственность наследника имеет свои пределы – ограничивается действительной стоимостью наследственного имущества.

Поскольку кредиторы не вправе предъявлять требование об уплате долга наследнику, еще не принявшему наследства, то тем более они не вправе предъявлять такие требования к наследнику, не пожелавшему принять наследство (отказавшемуся, не явившемуся). Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала, что «ввиду смерти Амбарцумяна артель могла предъявить иск к его жене лишь при наличии доказательств, подтверждающих, что она является наследником, получившим после смерти мужа наследственное имущество, ибо по закону наследник, принявший наследство, отвечает по долгам наследодателя лишь в пределах действительной стоимости наследственного имущества» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 23 июля 1940 г. по делу № 857)². Из этого определения Судебной коллегии явствует, что хотя Судебная коллегия требует в качестве неперемного условия для ответственности наследника получения наследником наследства, но, по существу, дело идет именно о принятии наследником наследства.

¹ Сборник приказов и инструкций Министерства юстиции СССР, 1936–1948 гг. М., 1949, стр. 255.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1940 год. М., 1941, стр. 236.

Таким образом, наследник, не принявший наследства, не может быть привлечен к ответственности по долгам, обременяющим наследство.

Для признания наследника несущим ответственность по долгам, обременяющим наследство, не имеет значения, получает ли он наследство по закону или по завещанию, целиком или в известной доле, или только какую-нибудь определенную вещь. Если он изъявил свое согласие на принятие наследства, то тем самым он принял на себя и ответственность по долгам, обременяющим наследство.

Ответственность по долгам несет и лицо, получающее обязательную долю. Как мы установили, право этого лица является наследственным правом, и само это лицо – наследником. Поэтому оно должно нести ответственность по долгам пропорционально своей наследственной доле.

Иным является положение отказополучателя (легатария). По смыслу ст. 423 ГК, отказополучатель (легатарий) в отношении наследника сам является кредитором, хотя и находящимся в ином положении, нежели другие кредиторы наследодателя. Приобретая только известное право требования к наследнику, отказополучатель не несет ответственности по долгам, обременяющим наследство. Поэтому со своими требованиями кредиторы умершего должны обращаться к наследнику, но не к легатариям. В связи с этим мы не можем согласиться с некоторыми авторами, утверждавшими, что ответственность по долгам умершего должны нести не только наследники в собственном смысле этого слова, но и лица, в пользу которых завещателем установлены обязательства наследников¹. Но если наследник, не подозревая о существовании долгов, обременяющих наследство, удовлетворил требование отказополучателя, а затем по предъявлении претензий кредиторами умершего выяснилось, что стоимость наследственного имущества для удовлетворения этих претензий недостаточна, – наследник вправе потребовать от отказополучателя возврата всего или части выплаченного завещательного отказа.

7. При наличии нескольких наследников они, по общему правилу, несут ответственность по долгам, обременяющим наследство, пропорционально своей наследственной доле. Это вытекает из ст. 115 ГК, согласно которой солидарная ответственность наступает, если она предусмотрена договором или законом. Законом же, в качестве общего правила, солидарной ответственности наследников не устанавливается.

Солидарная ответственность наследников наступает при неделимости предмета обязательства (ст. 116 ГК). Но это вытекает из специальной нормы закона. Наследодатель продал свою корову, но не успел до своей смерти передать ее покупателю. Покупатель вправе, на основании ст. 189 ГК, требо-

¹ Гражданское право. Учебник для юридических вузов, ч. II. М., 1938, стр. 472.

вать от наследников продавца за их солидарной ответственностью передачи покупателю коровы.

Если один из наследников погасил долги наследодателя, превышающие ту сумму, которая причиталась с него пропорционально его наследственной доле, то он имеет право требовать с остальных наследников возмещения излишне выплаченной суммы в соответствии с их наследственными долями. В противном случае имело бы место неосновательное обогащение других наследников.

Изъятие из этого общего правила представляет случай, когда к наследнику переходит имущество, обремененное залогом (например, заложенный жилой дом). В данном случае наследник отвечает полностью заложенным имуществом, не имея права обратного требования к другим наследникам. Это вытекает из существа залоговых отношений. Наследник получает известное имущество вместе с лежащим на этом имуществе обременением. Поэтому обязанность уплаты долга, вытекающего из залога, является обязанностью наследника, к которому перешло заложенное имущество. Но если вырученная от реализации заложенного имущества сумма окажется недостаточной для покрытия требования залогодержателя и наследник удовлетворит требование залогодержателя из другого имущества (ст. 100 ГК), то наследник вправе требовать в порядке регресса излишне им уплаченное с других наследников пропорционально наследственной доле каждого.

Так как ответственность наследников по долгам, обременяющим наследство в пределах действительной стоимости полученного ими наследственного имущества, установлена законом (ст. 434 ГК), то наследодатель не вправе на одних наследников возложить обязанность платить долги, а других наследников от этой обязанности освободить. Завещательное распоряжение такого рода могло бы иметь силу для расчетов завещательных наследников между собой, но не для кредиторов, которые и в этом случае сохраняют за собой право предъявления своих требований к наследникам в пределах действительной стоимости полученного каждым из них наследственного имущества.

8. Если наследник, принявший наследство, несет ответственность по долгам, обременяющим наследство, в пределах действительной стоимости наследственного имущества, то, естественно, представляется весьма существенным вопрос о том, как же устанавливается действительная стоимость наследственного имущества. Установление размера действительной стоимости наследственного имущества имеет значение и при уплате государственной пошлины, взимаемой за выдачу нотариальными органами свидетельств о праве наследования.

Для того чтобы определить действительную стоимость наследственного имущества, надо сначала установить, что именно входит в состав наследственного имущества¹.

После того как будет установлен состав наследственного имущества (актив), производится оценка этого имущества. Если наследник получает свидетельство о праве наследования, то оценка наследственного имущества производится нотариусом в соответствии с правилами о взимании государственной пошлины². Если же наследник свидетельства о праве наследования не получает (получение свидетельства о праве наследования, как правило, для наследников необязательно), то оценка стоимости наследственного имущества устанавливается самими наследниками, а при недостижении ими согласия – судом.

Действительная стоимость наследственного имущества определяется на день открытия наследства.

После установления стоимости наследственного имущества (актива) удовлетворяются долги, обременяющие наследство, о которых кредиторы заявили в течение установленного (прим. к ст. 434 ГК) шестимесячного срока. Образовавшийся остаток распределяется между наследниками в соответствии с наследственной долей каждого наследника.

Долги бесспорные удовлетворяются с общего согласия наследников; все же прочие долги должны быть подтверждены вступившим в законную силу судебным решением или нотариальной исполнительной надписью.

В том случае, если право требования у кредитора возникает после истечения шестимесячного срока, установленного примечанием к ст. 434 ГК (например, если обязательство находилось в зависимости от наступления условия или срока), либо не подтверждено вступившим в законную силу судебным решением или нотариальной исполнительной надписью, а наследники уже разделили между собой наследственное имущество, кредиторы, заявившие в срок свои претензии (прим. к ст. 434 ГК РСФСР), могут предъявить к каждому из наследников свои требования пропорционально стоимости их наследственных долей.

9. В случае совпадения в одном лице наследника с кредитором наследник не теряет своих прав в качестве кредитора, но в то же время не освобождается от ответственности по данному обязательству пропорционально причитающейся с наследника сумме долга по обязательству. В этом случае обязательство прекращается в части, равной сумме долга, падающей на наследника (п. «в» ст. 129 ГК), в остальной же части наследник-

¹ См. гл. II, § 4.

² См. Инструкцию Министерства финансов СССР от 14 марта 1947 г. № 160.

кредитор сохраняет право требования против остальных должников. Пример: сын дал отцу займа 1000 руб.; после смерти отца осталось, кроме сына, еще трое детей (всего четыре наследника), которые должны разделить наследство поровну; в равной доле каждый из них должен оплатить и долг наследодателя, т. е. уплатить по 250 руб.; поскольку в лице сына происходит совпадение наследника с кредитором, происходит прекращение обязательства в сумме 250 руб., остальные же 750 руб. наследнику-сыну должны уплатить остальные наследники.

10. Согласно примечанию к ст. 434 ГК, кредиторы наследодателя, под страхом утраты права требования, обязаны заявить свои претензии в течение шести месяцев после открытия наследства. Таким образом, если кредиторы наследодателя в течение указанного срока своих претензий не заявят, то они лишаются права требовать в судебном порядке осуществления своих прав.

Примечание к ст. 434 ГК (и соответствующим статьям ГК других союзных республик) дает наследнику возможность при принятии наследства в кратчайший срок установить размер задолженности наследодателя. В известной мере в этом может быть заинтересовано и государство, поскольку наследство при наличии условий, предусмотренных ст. 433 ГК, может быть признано выморочным: согласно ст. 434 ГК, органы государства или организации, к которым перешло наследственное имущество, отвечают по долгам, обременяющим наследство, также в пределах действительной стоимости наследственного имущества.

Примечание к ст. 434 ГК говорит только о кредиторах наследодателя. Таким образом, к другим лицам, имеющим права требования к наследнику, принявшему наследство, правило примечания к ст. 434 ГК о необходимости предварительной заявки претензии не применяется (например, к отказополучателям). Вместе с тем, мы считаем, что правило примечания к ст. 434 ГК не должно применяться к недоимкам, числящимся за наследодателем по налогам и сборам и приравненным к ним платежам, поскольку для их взыскания законом установлен особый порядок.

Примечание к ст. 434 ГК не указывает, кому должен кредитор наследодателя заявить свою претензию. Среди комментаторов этого правила закона нет единогласия. Так например, Малицкий полагал, что кредитор наследодателя может заявить свою претензию только народному суду¹. Аналогичный взгляд в свое время высказывали и другие авторы².

¹ ГК советских республик. Текст и практический комментарий под ред. проф. А. Малицкого. 1927, стр. 626.

² См.: Перетерский И. С. ГК. Комментарий, вып. VI. Наследственное право. М.—Пг., 1924, стр. 27; Серебровский В. И. Наследственное право. Комментарий к ст. 416—435 ГК РСФСР. М., 1925, стр. 67.

Однако, как впоследствии с основанием отметил М. О. Рейхель, достаточно, чтобы заявление было сделано самому наследнику, так как правила примечания к ст. 434 ГК имеют своей целью обеспечить своевременное осведомление наследника о долгах. Наряду с этим, по мнению М. О. Рейхеля, заявление может быть сделано органу, на который возложена обязанность охранения наследства, т. е. нотариальному органу¹. Последняя точка зрения нам кажется правильной². Поскольку цель правил примечания к ст. 434 ГК заключается в предоставлении наследнику возможности в кратчайший срок определить размер задолженности наследодателя, нет оснований требовать, чтобы кредитор наследодателя адресовал свою претензию только к нотариальному органу. К тому же действующее правило не требует ни обязательного принятия мер охранения наследства, ни обязательного оформления наследственных прав³.

Мы считаем, кроме того, что кредитор наследодателя вправе заявить свою претензию и исполнителю завещания, поскольку на последнего возлагается распределение наследственного имущества между наследниками, а это предполагает, конечно, и предварительную оплату долгов наследодателя.

Свои претензии кредиторы наследодателя под страхом утраты права требования по ним обязаны заявить в срок, указанный в примечании к ст. 434. Это относится и к таким кредиторам, чье право требования находится в зависимости от наступления или ненаступления в будущем известного условия. Иначе говоря, свои претензии кредиторы наследодателя обязаны заявить независимо от возникновения у них права на иск.

В то же время надо иметь в виду, что заявление кредиторами своих претензий не изменяет, по существу, времени исполнения обязательств и имеет целью лишь установление состава долгов⁴. Поэтому кредитор не вправе требовать выполнения обязательства ранее обусловленного в нем срока исполнения, хотя бы он и сделал соответствующее заявление в порядке примечания к ст. 434 ГК. Кредитор наследодателя может требовать удовлетворения своих претензий в пределах соответствующих сроков исковой давности, исчисляемых не с момента заявления претензии, а с момента возникновения

¹ См.: Гражданское право. Учебник для юридических вузов, ч. II. М., 1938, стр. 472.

² Мы держались этой точки зрения в своих позднейших работах: Гражданское право. Учебник для юридических вузов, т. II. М., 1944, стр. 308; Наследственное право. Учебное пособие. М., 1948, стр. 58; Учебник советского гражданского права для юридических вузов, т. II. М., Госюриздат, 1951, стр. 479.

³ Ст. 198 ГПК РСФСР предоставляет право лицам, имеющим претензии к наследодателю, обратиться в народный суд, в районе которого открылось наследство, с просьбой о принятии мер, обеспечивающих удовлетворение их требований. В данном случае дело идет о порядке обеспечения иска, который может быть предъявлен кредиторами.

⁴ См.: П е р е т е р с к и й И. С. ГК. Комментарий, вып. VI. Наследственное право, стр. 27.

у него права на иск. Вполне возможно поэтому предъявление кредитором иска не только после истечения шестимесячного срока, предусмотренного примечанием к ст. 434 ГК, но и до истечения этого срока; однако в интересах прочих кредиторов (которые в течение всего предусмотренного примечанием к ст. 434 ГК срока имеют право на заявление своих претензий) в последнем случае представляется целесообразным отсрочить исполнение решений до истечения указанного шестимесячного срока. Такую позицию в свое время занял Верховный суд УССР (определение Гражданской кассационной коллегии от 4 апреля 1924 г.)¹.

Если же наследник, несмотря на пропуск кредитором срока для заявления претензии, все же удовлетворит ее, то, согласно ст. 401 ГК, он будет не вправе требовать возврата уплаченного: право требования кредитора было лишено исковой силы, но не являлось недействительным в силу закона.

Действующий ГК не регулирует достаточно подробно правовое положение наследства до истечения шестимесячного срока для явки наследников и заявления кредиторами своих претензий. Некоторые авторы полагают все же, что присутствующие в месте открытия наследства наследники не могут распоряжаться наследственным имуществом до судебного решения о разделе наследства, но должны лишь сохранить его, ведя нормальное хозяйство (например, производить необходимый ремонт и т. д.). До истечения шести месяцев со дня открытия наследства наследники могут получить наследство только в управление, но не вправе им распоряжаться – продавать, закладывать и т. д.²

Соблюдение такого порядка, несомненно, представляет выгоду как для остальных (еще не явившихся) наследников, так и для кредиторов. Только в виде исключения, поскольку это предусмотрено специальной нормой, могут быть выплачены из наследственного имущества некоторые привилегированные долги (долги, связанные с организацией ухода во время болезни и похоронами наследодателя, а также с затратами на содержание лиц, находившихся на иждивении наследодателя, с расходами по охране наследственного имущества и по управлению им, – Положение о государственном нотариате РСФСР, ст. 37).

Остальные долги должны выплачиваться только после истечения шестимесячного срока со дня открытия наследства. Но, во всяком случае, было бы необоснованным допускать выплату долгов по мере явки кредиторов. При таких условиях кредиторы, явившиеся раньше, получили бы полное удовлетворение своих претензий; на долю же кредиторов, явившихся позже,

¹ См.: ГК советских республик. Текст и практический комментарий под ред. проф. А. Малицкого, стр. 629.

² См.: Перетерский И. С. ГК. Комментарий, вып. VI. Наследственное право, стр. 22.

может ничего не остаться. К концу шестимесячного срока должны выясниться все претензии кредиторов (кроме таких, на которые этот срок не распространяется); по истечении этого срока наследник и должен произвести сразу расчет со всеми кредиторами. При этом должен соблюдаться общий порядок, предусмотренный ст. 101 ГК и 266 ГПК РСФСР.

В нашей литературе были высказаны сомнения о целесообразности правила, установленного примечанием к ст. 434 ГК. М. О. Рейхель указывал, что если закон имеет в виду предоставить наследнику возможность при принятии наследства узнать о всех долгах наследодателя, то с этим не вяжется установление одного срока как для заявления наследника о принятии наследства, так и для заявления кредиторами об их претензиях. Кроме того, шестимесячный срок может в отдельных случаях оказаться для кредиторов слишком кратким¹. С этими соображениями трудно не согласиться. Однако простое исключение правила, предусмотренного примечанием к ст. 434, еще не решает вопроса.

Желательно, чтобы при пересмотре гражданского законодательства были разработаны достаточно подробные правила, обеспечивающие интересы как наследников, так и кредиторов наследодателя.

§ 2. Раздел наследства

При наличии нескольких наследников в силу принятия ими наследства между ними возникает право общей собственности на наследственное имущество. Это наиболее распространенный случай возникновения права общей собственности по долям, регулируемой ст. 61-65 ГК. Право общей собственности на наследственное имущество существует до тех пор, пока этого хотят сонаследники. Но, как и всякий участник права общей собственности, каждый из сонаследников вправе требовать раздела или выдела причитающейся ему наследственной доли².

По общему правилу, раздел наследства или выдел наследственной доли осуществляется на основании полюбовного соглашения наследников. Если же такого соглашения наследникам достичь не удастся (что, разумеется,

¹ См.: Гражданское право. Учебник для юридических вузов, ч. II. М., 1938, стр. 472.

² К авторскому праву на произведения литературы, науки и искусства неприменимы ни правила об общей собственности, ни правила о разделе или выделе наследственной доли. Авторское право неделимо. Поэтому при переходе по наследству к нескольким наследникам авторского права на произведение литературы, науки или искусства раздел авторского права или выдел из него соответствующей доли невозможен. Но, разумеется, наследники автора имеют право на соответствующую долю в гонораре, выплачиваемом за издание или исполнение произведения.

является исключением из общего правила), то раздел или выдел производится в судебном порядке.

При разделе наследства между наследниками должна быть предварительно выделена пережившему супругу его доля в общем имуществе, нажитом с умершим супругом во время брака. Однако это, казалось бы, бесспорное правило не всегда соблюдается.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР по делу Е. Столяровой, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР нашла, что, «разрешая вопрос о праве наследования на имущество, оставшееся после смерти Столярова, суд не установил размер имущества, принадлежащего Столяровой Елизавете, в силу ст. 10 КЗоБСО, т. е. имущества, которое было нажито в течение брака с ее мужем Столяровым и которое не может быть включено в раздел в порядке наследования» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 30 сентября 1947 г. по делу № 816)¹.

В данном случае суд нарушил общее правило, обязывающее наследников, прежде чем приступить к разделу наследства, выделить пережившему супругу его долю в общем имуществе, нажитом с умершим супругом во время брака.

Если в составе наследственного имущества имеется строение, которое по документам значится принадлежащим умершему супругу-наследодателю, нотариус вправе выделить пережившему супругу долю из общего имущества, нажитого в браке с наследодателем, лишь при условии, если переживший супруг представит исполнительный лист или копию решения суда, вошедшего в законную силу, по которому за пережившим супругом признано, на основании ст. 10 КЗоБСО, право на долю в этом строении (§ 144 Инструкции МЮ РСФСР по применению Положения о государственном нотариате).

В особую категорию при разделе наследства должны быть выделены предметы обычной домашней обстановки и обихода, которые делятся между наследниками по закону, проживавшими совместно с наследодателем, сверх причитающихся им наследственных долей.

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по иску Ягодкиной и других о праве наследования указывается, что «суд произвел также раздел предметов домашнего обихода. Поскольку Ягодкина жила совместно с матерью, то суд, в силу ст. 421 ГК, должен был выделить ей эти предметы домашнего обихода, не включая их в наследственную массу, подлежащую разделу между всеми наследниками» (определе-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1948. Вып. I. М., 1948, стр. 28–29.

ние Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 27 июня 1945 г. по делу № 460)¹.

В случае судебного раздела или выдела, в соответствии со ст. 65 ГК, наследственное имущество, по решению суда, делится в натуре, поскольку это возможно без несоразмерного ущерба его хозяйственному назначению. В противном случае выделяемый наследник получает денежную компенсацию (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 31 декабря 1948 г. по делу № 516).

Размер денежной компенсации устанавливается с учетом конкретных обстоятельств данного дела. В качестве примера можно сослаться на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 29 ноября 1950 г. по делу № 36/1185, в котором Судебная коллегия признала, что размер денежной компенсации истцам за долю в доме судом недостаточно обоснован. Как указала Судебная коллегия, «суд в данном случае исходил из стоимости дома на момент рассмотрения дела, без учета при этом утверждения ответчицы о том, что она произвела капитальный ремонт дома, в результате чего повысилась его оценка. Существенным являются доводы ответчицы и в той части, что она в течение многих лет одна и без помощи истцов несла по дому расходы, которые при разрешении настоящего дела суду следовало учесть».

Разрешение судебного спора о разделе наследства не находится в зависимости от получения наследниками нотариального свидетельства о праве наследования, поскольку получение свидетельства о наследовании для лица, принявшего наследственное имущество, по общему правилу, не является обязательным (ст. 435 ГК).

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1945. Вып. VII (XXIII). М., 1946, стр. 20.

ГЛАВА IX

ИСК О НАСЛЕДСТВЕ

Наследственным имуществом могло завладеть лицо, не являющееся ни наследником по закону, ни наследником по завещанию; действительный наследник предъявляет иск к незаконному владельцу о выдаче наследственного имущества. Один или несколько сонаследников завладели всем наследственным имуществом, хотя были и другие наследники, имевшие право на это имущество; эти последние вправе требовать возврата им незаконно присвоенных наследственных долей. Наследственное имущество поступило к лицу, назначенному наследником по завещанию; но действительность завещания оспаривается наследниками по закону или наследниками по другому завещанию, которые требуют выдачи им наследства или определенной его части. Во всех этих случаях имеет место так называемый иск о наследстве (наследственный иск).

Иск о наследстве направлен на выдачу данному лицу всего, что ему причитается как наследнику.

В некоторых случаях заинтересованное лицо непосредственно обращается в суд с просьбой о признании его наследником в имуществе умершего и о присуждении ответчика к выдаче наследственного имущества или какой-либо его части. Но возможны случаи, когда заинтересованное лицо уже получило у нотариуса свидетельство о праве наследования. Такое свидетельство является документом, официально удостоверяющим качество данного лица как наследника. Однако суд не связан фактом выдачи свидетельства о праве наследования и при рассмотрении иска о выдаче наследства обязан решить по существу вопрос, является ли данное лицо наследником.

Суд не связан фактом выдачи свидетельства о праве наследования и в тех случаях, когда такое свидетельство было получено ответчиком по иску о наследстве. Исходя из конкретных обстоятельств данного дела, суд может аннулировать свидетельство, а права наследования признать за другими лицами. В отдельных случаях наследник обращается в суд с жалобой на действия нотариуса, выдавшего свидетельство о праве наследования лицу, таким правом, по мнению наследника, не обладающему. Но поскольку в подобных случаях, по существу, наследником оспаривается чье-либо право наследования, эта жалоба также представляет собой иск о наследстве, и дело, по разъяснению Верховного суда СССР, «должно рассматриваться не в порядке особого производства, а в общеисковом порядке» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 12 июля 1952 г. по иску Чеховых к Шапченко). В тех случаях, когда иск о

наследстве связан с требованием о признании недействительным завещания, заинтересованное лицо должно доказать предварительно недействительность завещания (в силу пороков воли завещателя или несоблюдения формы завещания, либо назначения наследником лица с нарушением установленных ст. 422 ГК условий и т. д.).

Поскольку центральным требованием иска о наследстве является требование о присуждении ответчика к выдаче наследства или определенной его части, этот иск относится к числу исков о присуждении.

Иск о наследстве может быть направлен против всякого лица, незаконно завладевшего наследством, что делает этот иск сходным с виндикацией. Но в остальном между этими видами исков имеется ряд различий.

При виндикации истцом является невладеющий собственник вещи, на котором лежит обязанность доказать свое право собственности на виндицируемую вещь, ответчиком же – незаконный владеец вещи, не являющийся ее собственником.

При наследственном иске истцом является лицо, которое должно только доказать, что оно действительно является наследником. Доказать же свое право собственности на тот или иной объект, входящий в наследственную массу, истец не обязан. Таким образом, только лицо, считающее себя наследником, вправе предъявить иск о наследстве. Но, вместе с тем, управомоченным на предъявление иска о наследстве может быть не только ближайше призванный наследник. Им может быть и подназначенный наследник, поскольку имеются налицо условия, предусмотренные ст. 424 ГК, – смерть основного наследника до открытия или неприятие им наследства. Лицом, управомоченным на предъявление иска о наследстве, может быть и наследник наследника, к которому перешло по наследству не осуществленное последним право наследования. Истцом может быть и государство в лице финансового органа, поскольку есть основания для перехода имущества умершего как выморочного в собственность государства. Ответчиком по иску о наследстве может быть только такое лицо, которое завладело наследством, считая себя (по ошибке или по другим основаниям) наследником. Если ответчик хочет опровергнуть притязания истца, он должен доказать, что именно он – ответчик – является настоящим наследником. Таким образом, при иске о наследстве спор не должен выходить за пределы наследственных правоотношений. Если же ответчик ссылается на то, что он приобрел данную вещь от наследодателя по какой-либо сделке (купле-продаже, дарению и т. д.), нет места для иска о наследстве.

При виндикационном иске собственник требует возврата принадлежащих ему вещей (или вещи), индивидуально определенных или хотя бы определяемых родовыми признаками, но все же каким-то способом индивидуали-

зированных. При наследственном иске истец требует выдачи ему наследства, в состав которого могут входить самые разнообразные объекты – вещи, обязательственные права требования, авторское право в его имущественной части и т. п.; поэтому наследственный иск – иск универсальный. Наследственное имущество, вообще говоря, величина непостоянная; наследственное имущество, находившееся в руках ответчика, может подвергаться различным изменениям в сторону как его увеличения, так и уменьшения. По иску о наследстве истец требует выдачи ему наследства или известной его части; при этом истец может требовать выдачи не только предметов, входивших в состав имущества наследодателя, но и тех ценностей, которые были приобретены ответчиком за счет имущества наследодателя, например, денег, вырученных от продажи дома, принадлежащего наследодателю. Взыскание эквивалента выходит из рамок виндикационного иска как такового, хотя и может ему сопутствовать.

Истец по иску о наследстве должен доказать: 1) факт открытия наследства (смерть или признание безвестно отсутствующего наследодателя умершим); 2) свое призвание к наследованию в качестве наследника по закону или завещанию.

Для доказательства факта открытия наследства истец должен представить удостоверение органов записи актов гражданского страхования о смерти наследодателя либо свидетельство нотариальной конторы или копию определения суда о признании наследодателя как безвестно отсутствующего умершим.

Если истец требует выдачи наследства в качестве наследника по закону, он должен доказать свое родство с наследодателем. Поскольку в качестве наследников по закону, согласно ст. 418 ГК, могут быть призваны переживший супруг и лица, находившиеся на иждивении наследодателя не менее года до его смерти, лица, претендующие на наследство в качестве пережившего супруга или «иждивенцев», также должны соответствующим образом себя легитимировать. Однако наследник не обязан доказывать, что, кроме него, имеются еще другие наследники, находящиеся по отношению к наследодателю в одинаковом с ним или более близком родстве.

Если наследник по закону призывается по праву представления, он должен доказать, что его восходящий умер до открытия наследства.

При наследовании по завещанию истец должен представить суду завещание или его дубликат, а также указать характер своего отношения к наследодателю (родственник, супруг, иждивенец, постороннее лицо). Но истец не обязан доказывать действительность завещания. В случае спора о недействительности завещания, наличие таких обстоятельств, которые делают завещание недействительным (назначение завещательным наследником лица

постороннего при наличии к моменту открытия наследства законных наследников, недееспособность завещателя и проч.), должно доказать лицо, оспаривающее завещание.

Истец не обязан доказывать факт принятия им наследства. Но само предъявление иска о наследстве может рассматриваться как принятие наследства.

Как уже ранее указывалось, в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 5 сентября 1952 г. «О судебной практике по применению ст. 430 и 433 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик» сказано, что наследники, к которым перешло наследство в порядке ч. 1 ст. 433 ГК, если не будет установлено, что, принимая наследство, они действовали недобросовестно с целью присвоить долю отсутствующего наследника, отвечают перед последним в пределах того наследственного имущества, которое сохранилось у них в наличии на день предъявления к ним иска. Верховный суд СССР не указал, однако, чем следует руководствоваться в тех случаях, когда будет установлено, что данное лицо, принимая наследство, действовало недобросовестно с целью присвоить долю отсутствующего наследника. Мы думаем, что в таком случае, в соответствии со ст. 399 ГК, это лицо будет обязано вернуть наследнику все неосновательно полученное им наследственное имущество (а не только имущество, сохранившееся в наличии на день предъявления иска). Если же возврат имущества в натуре окажется невозможным, то должна быть выплачена денежная сумма, соответствующая стоимости этого имущества.

В свою очередь, ответчик вправе требовать от истца возмещения сумм, уплаченных ответчиком по долгам, обременяющим наследство; ответчик мог уже оплатить долги наследодателя, выплатить завещательные отказы и т. д. Истец должен будет при получении наследства возместить ответчику все эти расходы. Кроме того, ответчик может требовать от истца возмещения произведенных ответчиком необходимых затрат по содержанию наследственного имущества. Но ответчик, хотя бы и добросовестный, не вправе требовать возмещения таких произведенных им расходов, которые не были действительно необходимыми для содержания наследственного имущества, например, если владелец наследственного имущества произвел затраты на перестройку жилого дома или на сооружение к нему пристройки в целях размещения своей семьи, приведшие к увеличению стоимости наследственного имущества.

Весьма важное значение имеет вопрос о сроках для исков об истребовании наследниками своих наследственных долей от других наследников, получивших наследственное имущество свыше причитающейся им по закону наследственной доли. Согласно ч. 2 ст. 429 ГК, «находящиеся налицо на-

следники могут вступить в управление наследственным имуществом, не дожидаясь явки прочих наследников, каковые, своевременно явившись, могут истребовать свою долю наследственного имущества».

Здесь прежде всего возникает вопрос, кого надо понимать под «прочими» наследниками. Очевидно, под «прочими» наследниками понимаются отсутствующие наследники. Что касается того, что надо понимать под «своевременной явкой» наследников, то, по совокупному смыслу ст. 430 и 433 ГК, следует признать, что в данном случае дело может идти только о шестимесячном сроке со дня открытия наследства. Закон устанавливает шестимесячный срок для принятия наследства отсутствующими наследниками; в течение этого срока они вправе требовать выдачи причитающихся им наследственных долей от наследников, уже вступивших в управление наследственным имуществом. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР пошла в этом вопросе по иному пути, признав, что «в случае предъявления иска о наследственном имуществе одними наследниками к другим применяются правила об общеисковой давности, предусмотренной ст. 44 ГК»¹.

В более развернутом виде этот тезис был дан в уже приводившемся определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по делу Киселевских. В этом определении Судебная коллегия признала, что, в соответствии с ч. 2 ст. 429 ГК, отсутствующие наследники могут истребовать свои наследственные доли от других наследников, получивших имущество свыше доли по закону, в течение общего трехлетнего срока, а если наследственное имущество как выморочное переходит к государству, то в течение шести месяцев со дня открытия наследства.

В данном случае Судебная коллегия по существу воспроизвела в сжатом виде то, что было изложено более пространно в постановлении Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г. В этом постановлении Верховный суд РСФСР разъяснил, что «... слово «своевременно» по отношению к государству как ответчику должно быть понято в смысле шестимесячного срока, по отношению же к сонаследнику, незаконно присвоившему себе имущество свыше своей доли по закону (ст. 418, 420 ГК и сл.), если и пока меры охранения не были приняты и имущество не перешло по закону к государству, должен считаться о б щ и й д а в н о с т н ы й , т. е. трехгодичный срок (ст. 44)»². Но надо иметь в виду, что Верховный суд РСФСР применил этот общий срок исковой давности только к тем случаям, е с л и и п о к а н е б ы л и п р и н я т ы м е р ы о х р а н е н и я н а с л е д с т в а. Если же такие

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1946. Вып. IX (XXXIII). М., 1947, стр. 11.

² Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР. М., 1935, стр. 102–103.

меры охранения были приняты, то отсутствующие наследники, явившиеся после шестимесячного срока со дня принятия мер охранения наследства, теряли право на наследственное имущество.

Дело в том, что, по первоначальной редакции ст. 430 ГК, шестимесячный срок на явку отсутствующего наследника исчислялся не со дня открытия наследства, а со дня принятия мер охранения наследственного имущества. Наследственное же имущество, по первоначальной редакции ст. 433 ГК, признавалось выморочным в случае неявки наследников в течение шести месяцев по принятии мер охранения. Но могло случиться, что меры охраны не были приняты, а находящиеся налицо наследники вступили в управление наследственным имуществом. В течение какого же срока отсутствующие наследники могли в таком случае истребовать причитающиеся им наследственные доли? Верховный суд РСФСР при действии ст. 430 и 433 ГК в первоначальной редакции вполне последовательно разъяснил: в течение общего срока исковой давности, потому что при данных обстоятельствах никакого другого срока и быть не могло. Но ст. 430 и 433 ГК 20 июля 1930 г. были изменены (СУ РСФСР, 1930, № 35, ст. 441), причем исчисление шестимесячного срока было установлено не со дня принятия мер охранения, а со дня открытия наследства. В связи с этим постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г. должно считаться утратившим силу. При действующем в настоящее время порядке исчисления срока на явку отсутствующих наследников, очевидно, ни о каком другом сроке, кроме как о шестимесячном сроке со дня открытия наследства, уже говорить не приходится. И надо признать, что Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, воспроизведя в своем определении от 24 мая 1949 г. по делу Киселевских выводы Верховного суда РСФСР от 19 апреля 1926 г., не учла, что ст. 430 и 433 ГК действуют теперь в новой редакции. Следовательно, под «своевременной явкой» отсутствующих наследников надо понимать шестимесячный срок со дня открытия наследства; этот срок должен применяться по общему правилу и при истребовании отсутствующими наследниками своих наследственных долей от других наследников, получивших более того, что им причиталось при наследовании по закону или завещанию.

Часть 2 ст. 429 ГК предусматривает возможность предъявления только одного вида иска о наследстве – иска об истребовании наследником наследственной доли от другого наследника, получившего наследственное имущество свыше причитающейся ему по закону доли. Но, как мы уже указывали, возможны и другие виды исков о наследстве, в частности, – так называемый иск о недействительности завещания, являющийся, по существу, иском о наследстве, но осложненным требованием о предварительном признании

судом недействительности завещания¹. В нашей литературе был высказан взгляд (Хитёв), что если отсутствующий в месте открытия наследства наследник в течение шести месяцев со дня открытия наследства не изъявит желания принять его, то по миновании указанного срока наследник будет считаться утратившим право на наследство. В данном случае, следовательно, его иск о недействительности завещания, предъявленный им по истечении шести месяцев со дня открытия наследства (хотя бы и до истечения общего трехлетнего срока исковой давности), был бы беспредметным, так как наследник уже утратил само право на наследство. Поэтому, если бы суд даже и признал завещание недействительным, истец все равно не получил бы наследства, на которое он уже не имеет права. Напротив, если истец является наследником, присутствующим в месте открытия наследства, то иск о недействительности завещания может быть предъявлен в течение общих сроков исковой давности.

Нам представляется непонятным этот вывод о двух сроках для исков об оспаривании завещаний. Общим сроком для установления всех наследственных правоотношений является шестимесячный срок со дня открытия наследства (ч. 2 ст. 429 и ст. 430 ГК). В течение этого срока и может быть предъявлен иск о недействительности завещания, независимо от того, будет ли заинтересованное лицо «отсутствующим» или «присутствующим» наследником. Если же заинтересованное лицо пропустит шестимесячный срок со дня открытия наследства для предъявления иска о недействительности завещания по причинам, вызванным особыми обстоятельствами (продолжительная болезнь и т. п.), воспрепятствовавшими своевременному предъявлению иска, по ходатайству этого лица суд может в исключительных случаях продлить срок на основании ст. 49 ГК.

Если иск о выдаче имущества предъявлен государством (когда имущество завещано государству или подлежит переходу в собственность государства в качестве выморочного), то никакого срока для предъявления такого иска не существует. В данном случае должно применяться общее правило о применении исковой давности к искам об изъятии государственного имущества из незаконного владения². Но, разумеется, если в составе этого имущества имелись права требования, принадлежавшие наследодателю в отношении третьих лиц, то к ним должны применяться соответствующие сроки исковой давности.

Посредством иска о наследстве истец требует выдачи ему наследства или известной его части только в силу того, что он является наследником.

¹ См. гл. IV, § 12.

² См.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948, стр. 539–540, 542–546.

Но, помимо этого, наследник может пользоваться и обычными вещными и обязательственными исками.

Являясь в силу приобретения наследства собственником отдельных вещей или кредитором по договорным обязательствам, входящим в состав наследства, в случае, если эти вещи незаконно удерживаются другими лицами или если должники не выполняют своих обязательств, наследник вправе воспользоваться виндикационным иском о возврате ему этих вещей (ст. 59 ГК) или предъявить иск о взыскании по соответствующему обязательственному требованию. В случае надобности наследник может предъявить иск о возмещении вреда, нанесенного наследственному имуществу, или иск из неосновательного обогащения. Но такие иски не представляют каких-либо особенностей по сравнению с обычными исками.

ГЛАВА X

ВЫМОРОЧНОЕ ИМУЩЕСТВО

Согласно ст. 433 ГК РСФСР, имущество умершего признается выморочным и переходит в собственность государства в случае неявки в установленный срок¹, отказа от принятия наследства или лишения завещателем права наследования всех наследников.

Поэтому будет признано выморочным имущество, если, например, все наследники, присутствующие в месте открытия наследства, в течение трехмесячного срока заявят нотариальному органу об отказе от наследства (ст. 429 ГК) или если все отсутствующие наследники не примут наследства в течение шести месяцев со дня открытия наследства (ст. 430 ГК).

Но выморочным имущество может стать и в тех случаях, когда один наследник отпадает по одному основанию, а другой – по другому, например, когда при наличии только двух наследников по закону (предположим, двух братьев наследодателя) один будет завещателем лишен наследства, а другой откажется принять наследство. Во всяком случае, согласно ст. 433 ГК, требуется, чтобы все, а не некоторые наследники не явились, отказались от принятия наследства или были лишены наследства. В этих случаях все наследственное имущество признается выморочным.

Если же не явились в установленный срок только некоторые наследники или отказались от наследства лишь некоторые из них, или завещатель лишил права наследования только некоторых наследников, то, по общему правилу, часть наследственного имущества, причитавшаяся неявившемуся, отказавшемуся от наследства или лишенному права наследования, поступает не к государству, а к другим наследникам либо в порядке призвания к наследованию наследника следующей очереди, либо в порядке подназначения наследника (ст. 424 ГК), либо по праву приращения (ч. 1 ст. 433 ГК), либо в порядке перехода по наследству права наследования (п.9 постановления Пленума Верховного суда СССР от 20 июня 1947 г.).

В связи с этим К. А. Граве пришел даже к общему выводу, что в отличие от действовавшего до издания Указа от 14 марта 1945 г. законодательст-

¹ Неявка всех наследников, влекущая за собой признание наследственного имущества выморочным, может иметь место или потому, что у наследодателя не окажется вовсе наследников (ни по закону, ни по завещанию), или потому, что все наследники не пожелают принять имущество (без заявления, однако, формального отказа от наследства).

ва ныне может быть признано выморочным и поэтому перейти в собственность государства только все наследственное имущество в целом¹.

Мы думаем все же, что возможны и теперь случаи, когда в собственность государства перейдет в качестве выморочного только часть наследственного имущества. Если наследодатель завещал постороннему лицу только часть своего имущества, то при отсутствии наследников по закону оставшая часть его имущества должна быть признана выморочной и перейти в собственность государства. Статьей 433 ГК этот случай не предусмотрен. Статья 433 ГК имеет в виду случай перехода доли отпавшего наследства к другим наследникам по закону или наследникам по завещанию, причем в последнем случае лишь тогда, когда завещатель оставил все свое имущество назначенным наследникам. В приведенном же случае дело идет о завещании постороннему лицу части имущества. Очевидно, что часть имущества, оставшаяся вне завещательных распоряжений, не сможет перейти к нему по приращению, так как он не является наследником по закону. Не сможет эта часть имущества перейти к нему по приращению и как к наследнику по завещанию, потому что нет в наличности другого условия, предусмотренного ст. 433 ГК, – завещания всего имущества.

Поэтому и в настоящее время (хотя, конечно, в значительно более редких случаях, нежели до изменения ст. 433 ГК) возможны случаи возникновения общей собственности государства и граждан на наследственное имущество с последующим переходом соответствующей части этого имущества государству.

Немаловажный теоретический и практический интерес имеет вопрос о природе права Советского государства на выморочное имущество.

По господствующему в советской литературе взгляду, право Советского государства на выморочное имущество следует рассматривать как право наследования со стороны государства. Правда, как указывает проф. И. С. Перетерский, «в самом ГК соответствующего прямо выраженного правила не содержится... Но важно, конечно, не название, а существо права, и с этой точки зрения следует признать, что переход к государству выморочного имущества носит все черты наследственного права. Этот переход: а) происходит в силу смерти лица, б) распространяется на все имущество умершего как единое целое (универсальный характер преемства), в) связывается с ответственностью по долгам, «обременяющим наследство...», г) считается совершившимся в момент открытия наследства...» По мнению И. С. Перетерского, здесь имеются налицо все признаки, характеризующие наследст-

¹ См.: Г р а в е К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР, стр. 28.

венное правопреемство¹. Мы считаем, что этот взгляд находит свое подтверждение и в действующем законодательстве. Правда, ГК не называет прямо право государства на выморочное имущество правом наследования. Но общий смысл ст. 418, 433 и 434 ГК, равно как и место, отведенное ГК порядку перехода выморочного имущества к государству (в разделе «Наследственное право»), дает все основания утверждать, что ГК признает право государства на выморочное имущество правом наследования².

Но, хотя государство и является наследником в выморочном имуществе, тем не менее, ни в коем случае нельзя полностью уравнивать положение государства как наследника с положением других наследников.

Прежде всего для государства не требуется акта принятия наследства, что является необходимым для прочих наследников (ст. 429, 430 ГК). Государство делается преемником имущественных прав умершего гражданина не в результате акта принятия наследства, а в силу выдачи нотариусом свидетельства о выморочности наследственного имущества.

Только в силу выдачи такого свидетельства происходит переход наследственного имущества в собственность государства и притом с обратной силой: право собственности государства считается возникшим не с момента выдачи нотариального свидетельства о выморочности, а с момента открытия наследства³.

По общему правилу, свидетельство о выморочности имущества выдается нотариусом по просьбе местного финансового отдела по истечении шести месяцев со дня открытия наследства (ст. 40 Положения о государственном нотариате; §117 Инструкции Министерства юстиции РСФСР по применению Положения о государственном нотариате РСФСР). Но нотариус обязан выдать такое свидетельство о выморочности и независимо от того, поступило ли требование о выдаче свидетельства от финансового органа⁴. Необходимо

¹ Перетерский И. С. и Крылов Б. С. Международное частное право. М., 1940, стр. 170. См. также: проф. Луиц Л. Ученые записки ВЮОН, вып. II. М., 1941, стр. 167–168; е го ж е . Международное частное право. Учебник для юридических вузов. М., 1949, стр. 326; К о р е ц к и й В. М. Очерки англо-американской доктрины и практики международного частного права. М.-Л., 1948, стр. 148. Без каких-либо доказательств авторы неоднократно цитированной работы «Наследование и нотариат» (стр. 76) утверждают, что в данном случае «никакого наследования не происходит».

² Советское государство является наследником и в том случае, когда дело идет о выморочном имуществе, оставшемся после смерти советского гражданина за границей. (Проф. Луиц Л. А. Международное частное право. М., 1949, стр. 327.)

³ См.: Г р а в е К. А. Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР, стр. 35.

⁴ См.: А н т и м о н о в Б., Г е р з о н С., Ш л и ф е р Б. Наследование и нотариат, стр. 71. – Свидетельство о праве наследования выдается только по просьбе заинтересованного лица.

только, чтобы истек установленный срок для принятия наследства наследниками и чтобы наследство никем не было принято¹.

При переходе выморочного имущества к государству не применимы правила закона об отказе от наследства, предоставляющие призванному наследнику право не принять наследство. К тому же такой отказ от наследства не достиг бы цели потому, что в этом случае наследственное имущество, став бесхозным, все равно с соблюдением только иного порядка сделалось бы собственностью государства.

Хотя наследственное имущество может перейти в качестве выморочного к государству только на основании выдачи нотариальной конторой свидетельства о выморочности, в судебной практике по этому вопросу имеются некоторые колебания. Так, определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 31 января 1947 г. по иску Пржедпольской было признано правильным указание Верховного суда Грузинской ССР, что народный суд неосновательно применил по делу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г., поскольку, как установлено по делу, «оставшееся после умершего имущество еще в августе 1944 г. как выморочное перешло к государству, о чем 20 августа 1944 г. составлен акт»². Акт этот был составлен на основании решения народного суда о признании спорного имущества выморочным комиссией в составе инспектора финансового отдела, инженера жилищного управления, судебного исполнителя, уполномоченного по дому. Однако никакими действующими законоположениями не предусматривается, чтобы на основании актов, составленных подобными комиссиями, наследственное имущество могло переходить к государству. Не предоставлено право и суду признавать факт выморочности имущества, что всецело относится к компетенции нотариальных органов.

Примечательно, что в тот же самый день по другому делу Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда СССР было признано, что «отказ в иске Даниленковой об утверждении ее в правах наследства к имуществу умершей дочери Езерской по мотивам перехода дома как вымороч-

¹ Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 5 сентября 1952 г., «если в установленный шестимесячный срок наследство не будет принято ни одним из наследников, наследственное имущество, как выморочное, в силу ч. 2 ст. 433 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик, считается собственностью государства, и заявления отсутствующих наследников о продлении им шестимесячного срока на принятие наследства удовлетворению в судебном порядке не подлежат». Таким образом, в случае пропуска всеми наследниками срока на принятие наследства продление этого срока судом, на основании ст. 49 ГК, не допускается; наследственное же имущество в таком случае признается собственностью государства, но, разумеется, с соблюдением изложенного выше общего порядка перехода в собственность государства выморочного имущества.

² Судебная практика Верховного суда СССР, 1947. Вып. II (XXXVI). М., 1947, стр. 20–21.

ного к государству не основан на материалах дела и судом не установлено, когда и в каком порядке перешел дом к государству». Далее, со ссылкой на вышеуказанную Инструкцию НКФ СССР от 31 мая 1943 г. №311 по применению Положения о порядке учета и использования национализированного, конфискованного и выморочного имущества, Судебная коллегия указала, что «выморочное имущество поступает в распоряжение финансовых органов по месту этого имущества... на основании свидетельства, выдаваемого нотариальными органами» (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 31 января 1947 г. по делу №36/125)¹.

Перешедшее в собственность государства выморочное имущество передается затем государственным, кооперативным или общественным организациям для соответствующего использования.

Печатается по: В. И. Серебровский. Очерки советского наследственного права. – М., Издательство Академии Наук СССР, 1953.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, 1947. Вып. II (XXXVI). М., 1947, стр. 21–22. На это расхождение в судебной практике обращает внимание К. А. Граве (Вопросы наследственного права в практике Верховного суда СССР, стр. 34).

ШМУЦ

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С
ПРИНЯТИЕМ НАСЛЕДНИКОМ НАСЛЕДСТВА

Приобретение данным лицом наследства предполагает прежде всего, чтобы имели место открытие наследства и призвание этого лица к наследованию. Однако ни открытие наследства, ни призвание к наследованию сами по себе еще недостаточны для приобретения наследником наследства. Как указывается в ч. I ст. 546 ГК РСФСР¹, «для приобретения наследства наследник должен его принять». В этом находит проявление одно из основных положений советского наследственного права: приобретение наследства происходит не автоматически, а с согласия наследника в силу принятия им наследства. Только с принятием наследства наследник делается преемником наследодателя в принадлежавших ему правах и обязанностях.

1. Принятие наследства – акт, всецело зависящий от воли наследника. По своей юридической природе принятие наследства является односторонней сделкой, обладающей обратной силой: принятое наследство признается принадлежащим наследнику со времени открытия наследства (ч. V ст. 546).

Не допускается принятия наследства под условием или с оговорками (ч. I ст. 546). Нельзя также одну часть наследства принять, а другую не принять. Волеизъявление наследника направлено на приобретение наследства в целом, а не на отдельные его части. В силу акта принятия наследник приобретает наследственное имущество, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось (п. 7 «а» постановления Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1966 г. «О судебной практике по делам о наследовании»²).

Принятие наследства является бесповоротным: нельзя принять наследство, а затем отказаться от него. Но поскольку принятие наследства является сделкой, оно может быть оспорено наследником в судебном порядке при наличии обстоятельств, делающих волю лица, призванного к наследованию, недействительной, например, в случае принятия наследства под влиянием обмана, насилия, угроз и т. д. (ст. 58).

Эти положения общего характера давно стали достоянием науки советского гражданского права и судебной практики³.

Новые ГК союзных республик внесли ряд существенных изменений в нормы наследственного права, регулирующие порядок принятия наследником наследства. Однако не все эти нормы обладают необходимой полнотой и четкостью формулировок, что вызывает разногласия в теории и затруднения в практике применения указанных норм.

¹ В дальнейшем ГК РСФСР именуется сокращенно – ГК. Ссылки на статьи без указания означают ссылки на статьи ГК РСФСР.

² Бюллетень Верховного Суда СССР. 1966. № 4, стр. 22.

³ Однако, как будет видно из дальнейшего изложения, имеются из этих общих положений и некоторые исключения.

2. Согласно ч. II ст. 546, признается, что наследник принял наследство, когда он фактически вступил во владение наследственным имуществом или когда он подал нотариальному органу по месту открытия наследства заявление о принятии наследства. В ч. III ст. 546 предусматривается, что указанные действия должны быть совершены в течение шести месяцев со дня открытия наследства.

Из текста ст. 546 (ч. II и ч. III) напрашивается вывод о их применимости ко всем категориям наследников. Однако это не так. Имеется еще ч. IV ст. 546, в которой сказано: лица, для которых право наследования возникает лишь в случае непринятия наследства другими наследниками, могут заявить о своем согласии принять наследство в течение оставшейся части срока для принятия наследства, а если эта часть менее трех месяцев, то она удлинится до трех месяцев¹.

Под возникновением права наследования следует понимать возникновение у данного лица права на принятие наследства. Такой наследник является призванным к наследованию. Но одни наследники призываются со времени открытия наследства, а другие – позже. Часть IV ст. 546 предусматривает именно этот последний случай, а ч. II ст. 546 – те случаи, когда наследники призываются со времени открытия наследства.

Сопоставляя ч. II и ч. IV ст. 546, можно прийти к выводу, что в отношении принятия наследства существуют две группы наследников, различающиеся: а) по времени возникновения у них права наследования; б) по способу принятия наследства; в) по срокам для принятия наследства.

Какие же лица входят в первую группу наследников и какие – во вторую группу?

Часть II ст. 546 имеет в виду лиц, призванных к наследованию со времени открытия наследства: а) наследников по закону первой очереди; б) наследников по закону второй очереди при отсутствии наследников первой очереди или в случае лишения их завещателем права наследования; в) назначенных завещателем своими наследниками; г) подназначенного завещателем наследника, если назначенный им наследник умер до открытия наследства (ст. 532, 534, 536 ГК).

Под действие ч. IV ст. 546 подпадают следующие призванные к наследованию лица: а) наследники по закону второй очереди в случае непринятия наследства наследниками первой очереди; б) подназначенный наследник, если назначенный наследник не принял наследство; в) лицо, наследующее в порядке наследственной трансмиссии в случае, когда призванный к наследо-

¹ В ГК некоторых союзных республик вопрос ставится иначе: основанием возникновения права наследования признается не только непринятие наследства, но и отсутствие других наследников (например, ст. 552 ГК АзССР, ст. 549 ГК УССР).

ванию наследник по закону или по завещанию умер после открытия наследства, не успев принять его (ст. 532, 536, 548 ГК).

В отношении наследников первой группы ч. II ст. 546 предусматривает два способа принятия наследства: 1) неформальный – путем совершения наследником конклюдентных действий, из которых можно заключить о его намерении принять наследство (подробно об этом см. п. 3); 2) формальный – путем подачи наследником соответствующего заявления нотариальному органу по месту открытия наследства.

Особые правила установлены в отношении способов принятия наследства для лиц, предусмотренных ч. IV ст. 546. Там только указывается, что эти лица могут заявить о своем согласии принять наследство. Однако не сказано, к кому они вправе обратиться с таким заявлением. Надо полагать, что заявление должно быть подано нотариальному органу по месту открытия наследства¹. Принятие наследства путем вступления во владение или управление наследственным имуществом ч. IV ст. 546 не предусматривает.

Несколько иначе решается вопрос о сроках для принятия наследства. В отличие от наследников первой группы наследники второй группы вправе заявить о своем согласии принять наследство в течение оставшейся части срока, а если эта часть менее трех месяцев, то, как уже отмечалось, она удлиняется до трех месяцев. Правило это является обоснованным, так как право наследования у данной группы наследников в ряде случаев может возникнуть не со времени открытия наследства, а позже – даже за один день до истечения срока на принятие наследства. Но, если этот срок истек, может возникнуть вопрос о продлении срока на принятие наследства в порядке, предусмотренном ст. 547. Только в некоторых союзных республиках и для наследников второй группы установлен общий срок – шесть месяцев со дня открытия наследства (например, ст. 549 ГК УССР, ст. 542 ГК КазССР, ст. 599 ГК УзССР, ст. 542 ГК ТаджССР).

Помимо принятия наследства посредством подачи заявления нотариальному органу, в литературе были указаны и некоторые другие формальные способы, притом без различия групп наследников. Как указывает В. Толстой, если заявление о выдаче свидетельства о праве на наследство подано в нотариальный орган до истечения сроков на принятие, никаких доказательств вступления во владение или управление наследственным имуществом не требуется: само это заявление представляет собой один из способов принятия наследства². Ту же мысль развивает и Т. Чепига, констатирующая, что чаще наследники подают в нотариальную контору заявление о выдаче им

¹ Аналогичного взгляда по данному вопросу придерживаются Н. И. Бондарев, Э. Б. Эйденова и А. Л. Яковлева. Нотариат. М.: Юридическая литература, 1968, стр. 5.

² См.: Толстой В. Принятие наследства и отказ от его принятия. Советская юстиция. 1966. № 13, стр. 21.

свидетельства о праве на наследство. Если такое заявление подано до истечения шести месяцев со дня открытия наследства, оно рассматривается как заявление о принятии наследства¹.

Следует заметить, что способ принятия наследства путем подачи заявления в нотариальную контору о выдаче свидетельства о праве на наследство прямо предусмотрен законодательством некоторых союзных республик (например, ст. 599 УзССР).

По мнению О. С. Иоффе, хотя в законе прямо не говорится, следует, однако, прийти к выводу, что наследник считается принявшим наследство, если, например, не подавая заявления в органы нотариата, он обратился к какому-либо лицам с наследственным иском в суде².

Не входя здесь в детальное рассмотрение природы наследственного иска (иска о наследстве), следует лишь заметить, что при наследственном иске спор между сторонами не может выходить за пределы наследственных отношений, причем истец не обязан доказывать факт принятия им наследства. Само предъявление наследственного иска есть осуществление принадлежащего ему права на принятие наследства, реализация которого при данных обстоятельствах не могла быть полностью обеспечена путем подачи заявления нотариальному органу.

Было бы желательно, чтобы указанные в литературе формальные способы принятия наследства получили закрепление в законе.

3. Специального внимания заслуживает вопрос, что следует понимать под совершением конклюдентных действий, из которых можно судить о намерении наследника принять наследство.

Как отмечалось выше, под такими действиями ч. II ст. 546 имеет в виду фактическое вступление наследника во владение наследственным имуществом. В большинстве же ГК других союзных республик говорится о вступлении в управление или во владение наследственным имуществом (например, ст. 549 ГК АрмССР, ст. 541 ГК БССР, ст. 559 ГК КиргССР и др.), а не только «во владение», что является более правильным, так как полнее отражает характер конклюдентных действий наследника, из которых можно заключить, что он выразил намерение принять наследство. Но поскольку в ст. 549 ГК РСФСР имеется указание о наследнике, вступившем во владение и л и у п р а в л е н и е наследственным имуществом, можно считать, что и гражданское законодательство РСФСР признает вступление наследника в управление наследственным имуществом в качестве одного из способов принятия наследства.

¹ См.: Чепига Т. Способы принятия наследства. Советская юстиция, 1968. № 16, стр. 14; см. также: Бондарев Н. И., Эйдинова Э. Б., Яковлева А. Л. Ук. соч., стр. 54.

² См.: Иоффе О. С. Советское гражданское право, ч. III. Изд-во ЛГУ, 1965, стр. 329.

Что же следует понимать под вступлением во владение и управление наследственным имуществом?

В литературе существуют различные определения понятия владения. Так, Д. М. Генкин под владением понимает «фактическое господство лица над вещью». Вместе с тем правильно замечает, что поскольку «такое господство имеет место в обществе людей и закреплено запретительной нормой закона, постольку оно приобретает правовое значение»¹. Некоторыми авторами владение определяется как фактическое обладание вещью, дающее возможность физического или юридического воздействия на вещь², а право владения – как основанная на законе возможность обладания вещью, создающая условия хозяйственного воздействия на нее³.

Несмотря на различие в формулировках, во всех случаях признается, что владение есть обладание вещью.

Владение нередко соединяется с пользованием вещью, заключающимся в извлечении из вещи ее полезных свойств. Но возможно вступление во владение вещью и без пользования ею (например, наследник перевез к себе музыкальный инструмент наследодателя, оставляя этот инструмент без использования).

Вступлением в управление наследственным имуществом надо считать действия, совершаемые наследником так, как если бы их совершал собственник в своих интересах, имея в виду сохранение имущества и ведение нормального хозяйства. Управление наследственным имуществом может быть осуществлено и через представителя путем выдачи наследником доверенности другому наследнику или постороннему лицу. Вступление во владение или управление наследственным имуществом не в своих интересах, а в интересах других лиц не может считаться принятием наследства (например, когда наследник принимает на себя обязанности хранителя вещей умершего только в интересах других наследников).

В качестве примера конклюдентных действий наследника по вступлению во владение имуществом можно указать на случаи, когда наследник, проживавший совместно с наследодателем, вступил во владение вещами, принадлежавшими наследодателю, или если наследник, проживавший отдельно от наследодателя, перевез к себе эти вещи. Примером вступления в управление наследственным имуществом может быть уплата наследником налогов и сборов по жилому дому, принадлежавшему наследодателю, производство им ремонта этого дома.

В литературе указывается ряд фактов, которые могут служить доказательством вступления наследника во владение или управление наследствен-

¹ Генкин Д. М. Право собственности в СССР. М.: Госюриздат, 1961, стр. 82.

² Советское гражданское право, т. I. М.: Юридическая литература, 1965, стр. 263.

³ Гражданское право, т. I. М.: Юридическая литература, 1969, стр. 265.

ным имуществом. К числу таких фактов, в частности, относят: отметки в сберегательной книжке о получении наследником сумм из вклада наследодателя¹, сдачу наследником внаем наследуемого дома или вселение в него самого наследника².

Однако не со всеми высказываниями в печати по данному вопросу можно согласиться. Так, В. Толстой, ссылаясь на дело, разбиравшееся в одном из народных судов Москвы, утверждает, что если гражданин Д. за несколько дней до своей смерти и еще до истечения шестимесячного срока на принятие наследства после жены составил завещание в пользу брата, лишив тем самым прав наследования двух сестер, то составление завещания говорит о том, что он принял наследство. Далее В. Толстой пишет: «даже если распоряжение и использование имущества осуществлено вопреки указаниям ст. 549 ГК РСФСР, эти действия все равно свидетельствуют о согласии принять наследство»³. Таким образом, получается, что хотя бы данное лицо и не совершило никаких предусмотренных ст. 546 действий, оно, сделав завещание, должно считаться изъявившим согласие на принятие наследства.

Вряд ли это можно признать правильным, учитывая то, что ст. 549 запрещает наследнику, даже вступившему во владение или управление наследственным имуществом, распоряжаться этим имуществом. Завещание же является распорядительной сделкой наследодателя о своем имуществе на случай смерти. Тем более не может быть признана действительной распорядительная сделка, совершенная лицом, еще не вступившим во владение или управление наследственным имуществом.

Вызывает сомнение разъяснение Отдела нотариата Верховного суда РСФСР по следующему вопросу: «как установить факт вступления во владение вкладом, если наследник обратился в нотариальную контору по истечении шестимесячного срока со дня открытия наследства. Данных о принятии наследником другого наследственного имущества не имеется». В разъяснении Отдела нотариата указывается, что «доказательством получения наследником сберегательной книжки до истечения установленного законом шестимесячного срока на практике могут быть: отметки в сберегательных книжках или сообщение сберегательной кассы о получении наследником денег из сберкасс, справка управления домами или исполкома Советов депутатов трудящихся о том, что наследнику в определенное время была вручена оставшаяся после умершего наследодателя сберегательная книжка, документ о пересылке этой книжки по почте, документ учреждения, предприятия, производившего после смерти наследодателя опись наследственного имущества,

¹ См.: Бондарев Н. И. Актуальные вопросы нотариальной практики. Советское государство и право. 1965. № 9, стр. 127.

² См.: Толстой В. Ук. соч., стр. 20.

³ Толстой В. Ук. соч., стр. 20.

документ нотариуса, принимавшего меры к охране наследственного имущества, о вручении наследнику сберегательной книжки, акт комиссии по организации похорон наследодателя, из которого видно о вручении наследнику сберегательной книжки»¹.

В связи с изложенным надо, прежде всего, заметить, что, хотя в быту иногда применяется выражение «владелец вклада», но ведь владеть можно только вещами. По денежному же вкладу вкладчик делается кредитором сберегательной кассы, приобретает определенные правомочия по отношению к сберегательной кассе (на получение процентов и др.), внесенные же вкладчиком деньги становятся собственностью государства. Что касается сберегательной книжки с указанием имени вкладчика, попавший тем или иным путем к наследнику, то сам факт нахождения сберегательной книжки у наследника еще не может служить доказательством принятия наследником наследства. Сберегательная книжка – не наследственное имущество, а документ, удостоверяющий факт внесения наследодателем вклада (определенной суммы денег) в сберегательную кассу. Имуществом, переходящим по наследству, является сам вклад. Из приведенного выше перечня доказательств лишь отметки в сберегательных книжках или сообщение в сберегательной кассе о получении наследником денег из сберкасс могут подтвердить принятие наследником наследства при условии, что наследодатель не сделал распоряжение сберегательной кассе на случай своей смерти о выдаче вклада какому-нибудь определенному лицу или государству, так как в подобном случае вклад не входит в состав наследственного имущества (ч. II ст. 561).

4. Применим ли способ принятия наследства путем совершения конклюдентных действий ко всякого рода правам, принадлежавшим наследодателю?

По этому вопросу в литературе были высказаны различные взгляды. Как замечает В. Толстой, не всякое имущество может быть приобретено путем вступления во владение или управление им. Нельзя, например, с помощью конклюдентных действий стать владельцем авторского или изобретательского права, принадлежавшего наследодателю (право на авторское вознаграждение, на получение авторского свидетельства и т. д.). Эти права составляют особую категорию, их можно принять и использовать, только получив свидетельство о наличии права на данное наследство².

Этот взгляд В. Толстого оспаривает Т. Чепига. По ее мнению, если авторское право не исчерпывает всего наследства, то вступление наследника в управление или во владение другими частями наследственного имущества влечет, по принципу универсальности, принятие всего наследства, в том числе и авторского права. Стало быть, нет надобности в специальном акте при-

¹ Из практики выдачи свидетельств о праве на наследство по закону и по завещанию. Советская юстиция. 1967. № 12, стр. 10.

² Толстой В. Ук. соч., стр. 21.

нятия именно авторского права. Но даже если вся наследственная масса исчерпывается авторским правом (что маловероятно), наследство может быть принято и путем совершения некоторых фактических действий: отысканием или собиранием рукописей умершего автора, подготовкой рукописей к изданию, выполнением обязанностей по редактированию произведения, возложенных на наследника завещанием умершего автора, и др. Получение нотариального свидетельства не является обязательным. Поэтому не свидетельство о праве на наследство, а принятие наследства дает основание для осуществления наследственных прав, в частности, авторского права¹.

В связи с приведенными высказываниями следует, прежде всего, заметить, что неформальный способ принятия наследства путем совершения конклюдентных действий имеет более ограниченное применение, нежели формальный способ принятия наследства. Первый способ может применяться лишь в тех случаях, когда по наследству переходят права личной собственности на вещи. Формальный способ является универсальным, который может применяться во всех случаях. Поэтому, когда, например, по наследству переходят авторское, изобретательское право, право получить диплом умершего автора открытия, а также вознаграждение за открытие, принятие наследства может быть осуществлено только формальным способом – подачей наследником заявления нотариальному органу о принятии наследства или заявления нотариальной конторе о выдаче свидетельства о праве на наследство, причем в законе не содержится запрещения призванному к наследованию наследнику обращаться в течение установленного законом срока с подобного рода заявлением и после вступления наследника во владение или управление наследственным имуществом. Разумеется, он вправе это сделать и тогда, когда по наследству переходят только вышеуказанные права, принадлежавшие наследодателю (случай, конечно, весьма редкий). Получение же в указанных случаях свидетельства о праве на наследство не предшествует принятию наследства, а является подтверждением его принятия.

Как уже упоминалось, Верховным Судом СССР было разъяснено, что фактическое вступление во владение частью наследственного имущества рассматривается как принятие всего наследства (п. 7 «а» постановления Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1966 г.). По нашему мнению, в рассмотренных выше случаях это разъяснение не должно иметь применения.

Обращаясь к приведенным Т. Чепигой примерам совершения наследником фактических действий, надо различать переход по наследству авторского права и предметов, в которых творчество автора нашло свое внешнее выражение (рукопись, чертеж и т. д.). Вступление наследника во владение такими предметами не означает перехода к нему входящего в состав наследст-

¹ Чепига Т. Ук. соч., стр. 14–15.

ва авторского права. Равным образом наследник, получив в свое обладание описание открытия или изобретения, сделанных наследодателем, не становится тем самым его правопреемником в отношении принадлежащего ему права на открытие или изобретательского права.

В заключение следует остановиться еще на одной особенности, свойственной принятию наследником наследства путем совершения конклюдентных действий. Согласно ч. III ст. 550, не допускается отказ от наследства, если наследник подал в нотариальную контору по месту открытия наследства заявление о принятии им наследства или о выдаче ему свидетельства о праве на наследство. Это дает возможность для вывода, что наследник, принявший наследство путем фактического вступления во владение наследственным имуществом, не ограничен в праве отказаться от наследства в течение шести месяцев со дня открытия наследства. Но тогда придется признать, что положение о бесповоротности принятия наследства в рассматриваемом случае неприменимо.

Чтобы объяснить создавшееся положение, О. С. Иоффе утверждает, что вступление наследников в фактическое владение наследственным имуществом имеет значение презумпции принятия наследства, которая может быть опровергнута подачей ими в установленный срок заявления об отказе от наследства¹. Т. Д. Чепига, отвергающая презумпцию принятия наследником наследства, полагает, что фактическое вступление во владение или управление наследственным имуществом и неподача заявления об отказе от наследства — такова совокупность фактов, которая влечет признание наследника принявшим наследство².

По нашему мнению, обе эти концепции не так уже далеки одна от другой: и в том, и в другом случае дается сходная по существу квалификация силы принятия наследства посредством совершения наследником конклюдентных действий. Но в целях устранения неясности следовало бы в ГК союзных республик уделить рассматриваемому здесь немаловажному вопросу должное внимание.

Печатается по: В. И. Серебровский. Некоторые правовые вопросы, возникающие в связи с принятием наследником наследства // Вестник Московского университета. — 1971. — № 1. — С. 12–19.

¹ См.: Иоффе О. С. Ук. соч., стр. 331.

² См.: Чепига Т. Д. Ук. соч., стр. 15.

ШМУЦ

ФАКТИЧЕСКОЕ НЕПРИНЯТИЕ НАСЛЕДНИКОМ НАСЛЕДСТВА И
ОТКАЗ ЕГО ОТ НАСЛЕДСТВА

Приобретение наследства наследником происходит не автоматически, а по его воле, находящей свое выражение в акте принятия наследства. Но наследник вправе и не принять наследство.

Непринятие наследства является фактическим, когда призванное к наследованию лицо в течение установленного законом срока не совершит тех действий, из которых можно заключить о его намерении принять наследство (ст. 546 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик)¹. Однако закон предоставляет наследнику право заявить о своем нежелании принять наследство и формальным способом – путем отказа от наследства.

В отличие от принятия наследства, являющегося действием (сделкой), фактическое непринятие наследства по своей юридической природе не действие, а бездействие – юридический факт, с которым закон связывает ряд весьма важных правовых последствий не только для самого наследника, выбывающего из наследственных отношений, но и для других лиц. Так, наследники второй очереди призываются к наследованию по закону, в частности, при непринятии наследства наследниками первой очереди (ч. II ст. 532). Допускается подназначение наследника на тот случай, если назначенный наследник не примет наследства (ст. 536). В случае непринятия наследства лицом, на которое возложено исполнение завещательного отказа, обязанность исполнения последнего переходит на других наследников, получивших его долю.

Могут возникнуть и другие правовые последствия. Лица, для которых право наследования возникает лишь в случае непринятия наследства другими наследниками, могут в течение установленных законом сроков заявить о своем согласии принять наследство (ч. IV ст. 546). Если наследник, призванный к наследованию по закону или по завещанию, умер после открытия наследства, не успев его принять в установленный срок (ст. 546), право на принятие причитающейся ему доли наследства переходит к его наследникам (ч. I ст. 548). В случае непринятия наследства наследником по закону или по завещанию его доля наследства поступает к наследникам по закону и распределяется между ними в равных долях, а если наследодатель завещал все свое имущество назначенным им наследникам, то доля наследства, причитавшаяся отпавшему наследнику, поступает к остальным

¹ В дальнейшем ссылки на статьи без указания источника означают ссылки на статьи ГК РСФСР.

наследникам по завещанию и распределяется между ними в равных долях (ч. I и ч. II ст. 551).

Фактическое непринятие наследником наследства может быть вызвано различными обстоятельствами. Наследник может не хотеть принять наследство, но вместе с тем не заявить об этом официально, он может не знать об открытии наследства и др.

В интересах наследников, пропустивших установленный срок для принятия наследства, ст. 547 предусматривает возможность продления срока на принятие наследства как в судебном, так и во внесудебном порядке.

В ст. 547 сказано: «Срок для принятия наследства, установленный ст. 546 настоящего Кодекса, может быть продлен судом, если он признает причины пропуска срока уважительными». Чрезмерная краткость этой нормы вызвала ее различное толкование и в литературе, и в судебной практике.

Так, Ю.К. Толстой полагает, что если суд вынесет решение о продлении срока, наследство считается принятым наследником¹. По мнению М. В. Гордона, суд одновременно решает вопрос не только о сроке, но и о признании лица наследником, а в случае надобности – и о разделе наследства². Иного взгляда придерживаются Н. И. Бондарев и Э. Б. Эйдинова, считающие, что ст. 547 дает основание лишь для продления срока на принятие наследства. Вместе с тем, с их точки зрения, такие дела следовало бы рассматривать в порядке искового производства и одновременно разрешать вопрос о признании факта и о присуждении наследнику искомого наследства³.

Верховный суд СССР разъяснил, что вопрос о продлении пропущенного срока на принятие наследства, если других наследников нет или наследники, кроме истца, отказались от наследства, разрешается судом по месту открытия наследства с привлечением к участию в деле в качестве третьего лица представителя финансового органа. Далее Верховный Суд указал, что, продлевая пропущенный по уважительным причинам срок для принятия наследства, принятого другими наследниками или перешедшего

¹ См.: О. С. И о ф ф е, Ю. К. Т о л с т о й. Новый ГК РСФСР. Изд. ЛГУ, 1965, стр. 433; см. также: Т. Б. М а л ь ц м а н. Судебная практика по делам о наследовании. Научный комментарий судебной практики по гражданским делам за 1964–1965 гг. М., Изд. «Юридическая литература», 1966, стр. 163.

² См.: М. В. Г о р д о н. Наследование по закону и по завещанию. М., Изд. «Юридическая литература», 1967, стр. 82.

³ См.: Н. И. Б о н д а р е в, Э. Б. Э й д и н о в а. Координация работы судебных и нотариальных органов по наследственным делам. «Советское государство и право», 1968, № 4, стр. 99.

к государству, суд должен также разрешить вопрос о признании за истцом права на причитающуюся ему часть имущества, сохранившегося в натуре, или на денежные средства, если имущество было реализовано¹.

Что касается практики народных судов, то она разноречива: при рассмотрении вопроса о продлении срока на принятие наследства одни суды ограничиваются вынесением решения о продлении срока, не указывая его продолжительности; другие вместе с тем устанавливают определенный срок для принятия наследства – иногда шесть месяцев, а иногда и более продолжительное время².

Нам представляется, что, в соответствии с текстом ч. 1 ст. 547, суд, проверив наследственные права заинтересованного лица и признав причины пропуска срока уважительными (тяжелое заболевание, длительная командировка и т. д.), вправе лишь предоставить этому лицу дополнительный срок для принятия наследства. Расширение правомочий судов при разрешении такого рода дел возможно лишь в законодательном порядке. Независимо от этого, в целях упрочения прав принявших наследство наследников на перешедшее к ним имущество следовало бы в законодательном порядке установить предельный срок для обращения в суд о продлении срока на принятие наследства. Такой срок мог бы быть ограничен тремя годами, считая со дня предусмотренного ст. 546 истечения срока на принятие наследства.

Как указывалось выше, кроме судебного ст. 547 предусматривает еще и внесудебный порядок продления срока на принятие наследства при условии согласия на это всех остальных наследников, принявших наследство. К сожалению, в законе не указывается, как происходит оформление продления срока на принятие наследства в таком порядке.

Согласно существующей практике, нотариус в данном случае принимает от наследников, принявших наследство, заявление о включении в число наследников того из наследников, который пропустил срок на принятие наследства. Нотариус выдает этому наследнику свидетельство о праве на наследство наравне с другими наследниками³.

¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1966 г. № 6 «О судебной практике по делам о наследовании» (пп. «г» и «д» п. 7). «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 4, стр. 22. – Ссылаясь на указанное постановление Пленума Верховного Суда СССР, отдел нотариата Верховного Суда РСФСР разъяснил, что если суд вынес решение о продлении наследнику срока на принятие наследства, то такое лицо следует считать принявшим наследство (см.: «Советская юстиция», 1969, № 7, стр. 33).

² См.: Н. И. Бондарев, Э. Б. Эйдинова, ук. статья, стр. 98 и след.

³ См.: Н. И. Бондарев, Э. Б. Эйдинова, А. Л. Яковлева. Нотариат. М., Изд. «Юридическая литература», 1968, стр. 57.

Так как ст. 547 допускает продление пропущенного срока без обращения в суд лишь при согласии на это всех остальных наследников, принявших наследство, то выражение несогласия со стороны хотя бы одного из них исключает внесудебный порядок продления срока на принятие наследства. Внесудебный порядок не может применяться и в случаях, когда срок пропущен единственным наследником или когда все имеющиеся наследники пропустили этот срок¹.

Поскольку внесудебный порядок может применяться лишь при условии согласия на то всех принявших наследство наследников, нет оснований к установлению для этого какого-то предельного срока.

Наследник вправе заявить о своем нежелании принять наследство и формальным способом – путем отказа от наследства².

Действующее законодательство предусматривает два вида отказа от наследства: отказ без указания лица, в пользу которого он сделан (безусловный или безоговорочный отказ), и отказ с указанием такого лица³. Названным видам отказа от наследства свойственны общие черты. Но между ними имеются и весьма значительные различия. В том и другом случаях отказ от наследства представляет собою одностороннюю сделку, в которой выражено нежелание наследника принять наследство. В обоих случаях отказ от наследства совершается путем подачи заявления в нотариальную контору по месту открытия наследства в течение шести месяцев со дня открытия наследства (ч. I и ч. IV ст. 550). Заявление об отказе от наследства, сделанное до открытия наследства, недействительно.

¹ См.: Е. А. П о с с е. Охрана интересов граждан в наследственных правоотношениях. В кн.: «Гражданско-правовая охрана интересов личности». М., Изд. «Юридическая литература», 1969, стр. 246–247.

² Правильнее было бы говорить об отказе не от наследства, а от принятия наследства, так как до принятия наследства у наследника нет еще права на само наследство. Но поскольку закон говорит об отказе от наследства, приходится пользоваться данной формулировкой.

³ Следует заметить, что советские высшие судебные органы в течение многих лет в своих руководящих постановлениях (см., например: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 20 июня 1947 г. № 9/4/У «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. «О наследниках по закону и по завещанию» и других вопросах наследования», «Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников», т. 3. М., Юриздат, 1949, стр. 480; Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 10 апреля 1957 г. «О судебной практике по делам о наследовании». «Бюллетень Верховного Суда СССР». 1957, № 2, стр. 24) исходили из того, что отказ от наследства может быть только безусловным. Как указывалось в литературе, наследник, не имея права отказаться от своей доли в пользу другого наследника, тем более был бы не вправе уступить ее какому-либо третьему лицу, не являющемуся наследником (см.: К. А. Г р а в е. Вопросы наследственного права в практике Верховного Суда СССР. М., Юриздат, 1949, стр. 45). Таковы были принципиальные взгляды практики и теории на отказ от наследства до вступления в силу новых ГК союзных республик.

Отказ от наследства выражает волю наследника в отношении наследства в целом. Поэтому, хотя бы к моменту отказа наследнику и не был известен весь состав наследственного имущества, отказ от наследства распространяется на все это имущество.

Отказ от наследства бесповоротен. Согласно разъяснению Верховного Суда СССР, наследник, отказавшийся от наследства, не вправе впоследствии претендовать на наследство (пп. «в» п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1966 г.). Со всей определенностью бесповоротность заявления наследника об отказе от наследства выражена и в ст. 553 ГК УССР.

Поскольку отказ от наследства является сделкой, суд может признать отказ недействительным, если таковой имел место под влиянием обмана, насилия, угрозы, а также по иным основаниям недействительности сделок, предусмотренным ГК союзных республик (пп. «г» п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1966 г.)¹.

Не допускается отказ от наследства, если наследник подал в нотариальную контору по месту открытия наследства заявление о принятии наследства или о выдаче ему свидетельства о праве на наследство (ч. III ст. 550). Из этого можно сделать вывод, что наследник, принявший наследство путем вступления во владение или управление наследственным имуществом, не ограничен в праве заявить отказ от наследства в течение шестимесячного срока со дня открытия наследства.

Возможность продления наследнику пропущенного им срока на подачу заявления об отказе от наследства законом не предусматривается.

Таково в общих чертах то, что характерно для обоих видов отказа от наследства.

Однако между рассматриваемыми видами отказа от наследства имеются значительные различия в отношении тех последствий, которые ими вызываются.

В соответствии с ч. II ст. 550, отказ от наследства без указания, в пользу кого наследник отказывается от наследства, влечет те же последствия, что и непринятие наследства. Эти последствия рассмотрены выше.

Основное внимание мы намерены уделить отказу от наследства в пользу другого лица. К сожалению, имеющиеся в законе положения слишком скудны, чтобы составить ясное представление об этом новом институте советского наследственного права.

¹ О признании судом недействительным отказа от наследства под влиянием угрозы см.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1969, № 1, стр. 5.

В ч. I ст. 550 предусматривается право наследника на отказ от наследства в пользу других лиц из числа наследников по закону (ст. 532) или по завещанию (ст. 534), в пользу государства или отдельно государственной, кооперативной или общественной организации. Ту же позицию занимает большинство ГК других союзных республик. Наследник не вправе отказаться от наследства лишь в пользу граждан, не относящихся к числу наследников. Не требуется, однако, чтобы наследники являлись призванными к наследованию по закону или по завещанию. Поэтому при наличии наследников по закону первой очереди наследник может отказаться от наследства в пользу наследников второй очереди. Так, по наследственному делу умершей гр-ки К., оформленному Первой московской государственной нотариальной конторой, одновременно наследниками оказались: первой очереди – муж и сын и наследницей второй очереди – сестра умершей, так как от наследства отказалась в ее пользу дочь умершей¹.

Исключение представляет ГК УССР (ст. 553), допускающий отказ от наследства только в пользу наследников, призванных к наследованию по закону или завещанию. В отношении же отказа от наследства в пользу государства, отдельной государственной, кооперативной или общественной организации в ГК УССР, по сравнению с ГК других союзных республик, каких-либо отличий нет.

В общем, можно признать, что правомочия наследника, отказывающегося от наследства в пользу другого лица, весьма широки. Они не совпадают, но в известной мере сходны с правомочиями завещателя. Достаточно для этого сравнить ст. 534 и ч. I ст. 550.

Чрезмерная краткость законодательного регламентирования отказа от наследства в пользу другого лица вызвала затруднения в практике его применения. В частности, возник вопрос, возможен ли отказ от наследства в пользу внука или правнука наследодателя? Верховный Суд СССР разъяснил, что отказ от наследства в пользу внука или правнука наследодателя может иметь место, если они являются наследниками по закону или завещанию (пп. «б» п. 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 1 июля 1966 г.). Внуки и правнуки наследодателя (со стороны как отца, так и матери) не составляют самостоятельной категории наследников по закону. Они являются наследниками по закону лишь в том случае, когда ко времени открытия наследства нет в живых того из их родителей, который был бы наследником (ст. 532). Они наследуют по праву представления, под которым понимается право нисходящих наследников получить долю на-

¹ См.: Н. И. Бондарев, Э. Б. Эйдинова, А. Л. Яковлева, ук. соч., стр. 59–60.

следственного имущества, которая причиталась бы их родителю, если бы он был в живых ко времени открытия наследства.

Внук или правнук будут наследниками по завещанию, если они названы в качестве наследников в сделанном наследодателем завещании при условии, что внук или правнук находились в живых к моменту смерти наследодателя или были зачаты при его жизни и родились после его смерти (ст. 530). Право представления при наследовании по завещанию не применяется.

Известные трудности вызывает решение вопроса о праве несовершеннолетнего наследника на отказ от наследства в пользу другого лица. Статья 86 Кодекса о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. не предоставляла опекуну права отказа от наследства, открывшегося в пользу его подопечного; в данном случае для отказа от наследства требовалось согласие органов опеки и попечительства. При этом норма, установленная ст. 86, имела в виду безоговорочный (безусловный) отказ от наследства, но не отказ в пользу другого лица. В Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. вопрос решен в более общей форме. В ст. 133 нового КоБС указано, что предварительное разрешение органов опеки и попечительства требуется для заключения договоров, подлежащих нотариальному удостоверению, отказа от принадлежащих подопечному прав, совершения раздела имущества, обмена жилых помещений и отчуждения имущества. Там же установлено, что правила настоящей статьи распространяются и на сделки, заключаемые родителями (усыновителями) в качестве опекунов (попечителей) своих несовершеннолетних детей.

Отказ от наследства есть вид отказа от принадлежащего лицу права и, следовательно, требует предварительного разрешения органов опеки и попечительства. Это правило должно применяться при безоговорочном отказе от наследства. Но к случаю отказа несовершеннолетнего наследника от наследства в пользу другого лица оно вряд ли применимо.

Какова юридическая природа отношений, возникающих между наследником, отказывающимся от наследства, и лицом, в чью пользу он это сделал? В литературе высказан взгляд, согласно которому, «вместо того, чтобы принять свою долю в наследстве и затем подарить имущество другому наследнику, отказавшийся может сразу же передать этому наследнику свои права на долю»¹. Однако такой взгляд противоречит ч. 1 ст. 546, в соответствии с которой, для приобретения наследства наследник должен его принять. До принятия наследства наследник не обладает каким-либо правом на наследованное имущество. Только в силу принятия наследства

¹ М. В. Гордон, ук. соч., стр. 84.

он становится преемником наследодателя в принадлежавшем ему имуществе (как в активе, так и в пассиве).

От чего же он отказывается в пользу другого лица? Следует признать, что поскольку призванному к наследованию наследнику принадлежит лишь право на принятие наследства, он и уступает это право другому лицу.

ГК допускает переход права на принятие наследства в случае наследственной трансмиссии. Переход права на принятие наследства имеет место и при отказе наследника от наследства в пользу другого лица. В этом сходство указанных институтов наследственного права. Но в остальном они резко отличаются друг от друга. При наследственной трансмиссии право на принятие наследства, не осуществленное наследником в установленный законом срок в результате смерти, переходит, на основании ст. 548, к его собственным наследникам в порядке и сроки, предусмотренные законом. Таким образом, в законе определены все последствия, возникающие в результате неосуществления наследником права на принятие наследства. При отказе же от наследства в пользу другого лица происходит добровольная уступка наследником принадлежащего ему права на принятие наследства. Решающим фактором является здесь воля наследника.

С нашей точки зрения, в основе отношений наследника с лицом, в пользу которого он отказывается от наследства, лежат две односторонние сделки: в силу одной из них наследник уступает этому лицу право на принятие наследства, в силу другой – лицо, в чью пользу сделан отказ, выражает согласие на принятие наследства. Во всяком случае нет оснований для вывода, будто лицо, в чью пользу сделан отказ от наследства, получает его независимо от своего на то согласия.

К сожалению, в ГК не предусматривается, каким способом и в какой срок лицо, в чью пользу сделан отказ, может заявить о своей согласии на принятие наследства. Нет в ГК также указаний о судьбе отказа в пользу другого лица, если это лицо не выразит намерения принять отказ. Вместе с тем, нужно иметь в виду, что приращение наследственной доли к долям других наследников по закону или завещанию, в силу последней части ст. 551, исключается. А поскольку отказ наследника от наследства бесповоротен, может получиться «юридический тупик».

Специального внимания заслуживает вопрос о переходе к государству наследственного имущества, если наследник отказался от наследства в его пользу. В ст. 552 сказано, что если кто-нибудь из наследников отказался от наследства в пользу государства, к государству переходит причитавшаяся этому наследнику доля наследственного имущества. Но порядок перехода к государству этой доли в ГК не определен.

По распространенному в литературе взгляду, государство всегда принимает наследственное имущество и не может отказаться от него¹. Этот взгляд вполне обоснован в отношении тех случаев, когда к государству переходит выморочное имущество: если бы государство в лице соответствующего органа и отказалось от принятия такого имущества, оно все равно в обязательном порядке по праву наследования перешло бы к государству.

Иначе должен решаться вопрос при отказе наследника от наследства в пользу государства, если наследство не является выморочным.

В литературе уже указывалось на право государства при наследовании по завещанию либо принять наследство, либо отказаться от него². Так же обстоит дело и при отказе от наследства в пользу государства: без выражения государством согласия на принятие наследства к нему не может перейти доля в наследственном имуществе наследника, отказавшегося от наследства.

Некоторые авторы предлагают дополнить правила об отказе от наследства в пользу других лиц указанием на то, что он не распространяется на отказ от обязательной доли; последний может быть только безусловным³. Другие полагают, что в случае подназначения наследника отказ от наследства в пользу других лиц не допускается⁴. В литературе отмечалось также, что отказ в пользу другого лица имеет силу, если он не противоречит воле наследодателя или закону⁵. С этими суждениями следует согласиться.

Есть, однако, и высказывания, которые нельзя признать убедительными. Так, некоторые авторы полагают, что наследник в пределах шестимесячного срока со дня открытия наследства при согласии остальных наследников может изменить содержание отказа с тем, чтобы безоговорочный

¹ См.: Советское гражданское право, т. II. М., Изд. «Юридическая литература», 1965, стр. 476; Научно-практический комментарий к ГК РСФСР. М., Изд. «Юридическая литература», 1966, стр. 622; М. В. Г о р д о н, ук. соч., стр. 77.

² См.: О. С. И о ф ф е. Советское гражданское право (курс лекций), ч. III. Изд. ЛГУ, 1965, стр. 328.

³ См.: Т. Д. Ч е п и г а. Некоторые вопросы наследования обязательной доли. «Вестник МГУ», серия «Право», 1964, № 3, стр. 70. — Аналогичный взгляд нашел выражение и в выводах отдела нотариата Верховного Суда РСФСР, признавшего, что по смыслу закона, гарантирующего несовершеннолетним или нетрудоспособным наследникам, перечисленным в ст. 532 ГК РСФСР, право на обязательную долю, отказ от обязательной доли не может быть сделан в пользу других лиц (см.: Из практики выдачи свидетельств о праве на наследство по закону и по завещанию. «Советская юстиция», 1967, № 12, стр. 10).

⁴ См.: О. С. И о ф ф е, Ю. К. Т о л с т о й, ук. соч., стр. 435.

⁵ См.: Н. И. Б о н д а р е в, Т. Н. И л ь и н а, С. Я. Ш и м е л е в и ч. Удостоверение и исполнение завещаний. Библиотечка нотариуса, вып. 8. М., Изд. «Юридическая литература», 1965, стр. 70; Советское гражданское право, т. II, стр. 482.

отказ от наследства дополнить указанием, в пользу кого он совершен, или заменить названного ранее наследника другим¹.

В ч. I ст. 550 слова: «при этом он может указать, что отказывается от наследства в пользу других лиц» по буквальному их смыслу означают, что наследник вправе это сделать только одновременно с подачей заявления об отказе, а не впоследствии, хотя бы и в течение шести месяцев со дня открытия наследства. Наследник, отказавшийся от принятия наследства, — «это лицо, навсегда устраняющееся от данного наследственного правопреемства»². Сказанное относится как к отказу безоговорочному, так и к отказу с указанием лица, в чью пользу он сделан.

Заявив в установленном порядке об отказе, наследник выбывает из наследственных отношений, за исключением вышеупомянутых случаев, когда он в судебном порядке докажет, что отказ им был сделан под влиянием насилия, угрозы и т. д. Перестав быть наследником, он не вправе заменить лицо, в чью пользу он сделал отказ от наследства, другим. Поэтому непонятно, какое юридическое значение может иметь согласие всех остальных наследников «изменить содержание отказа». Наследников нельзя наделять правомочиями, не предусмотренными в законе.

Составители «Справочника государственного нотариуса» утверждают, что наследник, отказавшийся от наследства, вправе определить доли тех лиц, в пользу которых он отказывается от наследства. «Однако заявления об отказе от наследства с указанием в них конкретного имущества, которое должно перейти в пользу каждого из наследников, — говорится в справочнике, — не могут приниматься нотариальными конторами, поскольку такой отказ не вытекает из закона»³. Но и отказ с указанием долей тоже не предусмотрен в законе. Призванный к наследованию наследник в таких случаях только уступает принадлежащее ему право на принятие наследства, но не может определять доли в наследстве, которое ему не принадлежит.

Если при пересмотре гражданского законодательства будет признана целесообразность сохранения отказа от наследства в пользу другого лица, следовало бы с учетом практики судебных и нотариальных органов, а также заслуживающих положительной оценки высказываний отдельных авторов дать этому институту советского наследственного права более подробную законодательную регламентацию.

¹ См.: Справочник государственного нотариуса. М., Изд. «Юридическая литература», 1968, стр. 155.

² Б. С. А н т и м о н о в, К. А. Г р а в е. Советское наследственное право. М., Госюриздат, 1955, стр. 191.

³ Справочник государственного нотариуса, стр. 155.

Печатается по: В. И. Серебровский. Фактическое непринятие наследником наследства и отказ его от наследства // Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 46–53.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приступая к составлению «Очерков», автор имел в виду написать элементарное руководство по советскому страховому праву.

Страховое дело в СССР быстрыми шагами идет вперед, создаются новые отрасли страхования, развиваются старые, все более широкие массы втягиваются в круг страховых отношений. Одновременно с этим процессом развития страхового дела естественно накапливается обширный правовой материал, нуждающийся в систематизации и изучении.

Попыткой к такому изучению и систематизации страхового правового материала Союза ССР и являются настоящие «Очерки». Необходимо, однако, заметить, что не весь имевшийся в распоряжении автора материал подвергся одинаковой обработке. Одни вопросы смогли получить более подробную теоретическую разработку, другие же оказались только намеченными и ждут еще своего исследователя.

В. Серебровский.

Октябрь
1925 г.

ГЛАВА I

НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ СТРАХОВАНИЯ И СТРАХОВОЕ ПРАВО

§ 1. Страхование как средство борьбы с угрожающими человеку и его хозяйству опасностями

Деятельность человека как в сфере частнохозяйственной, так и народнохозяйственной находится постоянно под угрозой различных опасностей. Пожар, градобитие, буря, несчастный случай, болезнь, смерть и т. д. угрожают на каждом шагу разрушить благополучие той или иной хозяйственной деятельности (человека).

Борьба с угрожающими человеку и его хозяйству опасностями издавна ведется или путем предупреждения опасностей (дома строятся из огнеупорных материалов и т. п.), или путем подавления возникших опасностей (организация пожарного дела).

Кроме этих средств борьбы с опасностями человечество выработало еще одно средство – *страхование*.

Сущность страхования заключается в том, что ущерб, который данное хозяйство или человек могут понести от известной опасности, распределяется между несколькими хозяйствами или группами людей, находящимися в более или менее одинаковых условиях по отношению к наступлению той же опасности. Этот результат достигается тем, что те лица, которым угрожает какая-нибудь опасность, делают на случай наступления определенной опасности (пожара, болезни и т. п.) известные денежные отчисления (взносы), из коих постепенно составляется тот фонд, из которого впоследствии выплачивается вознаграждение потерпевшему.

Таким образом, вред, который отдельное лицо понесло от известной опасности, падает на него не целиком, а только в меньшей части (в сумме сделанных взносов), в большей же части – возмещается другими лицами.

Страхование надо отличать от *самострахования*. При самостраховании носитель хозяйственной деятельности – владелец известного количества однородных имущественных объектов (заводов, пароходов и т. д.) – отчисляет сам себе ежегодно часть своих доходов в особый страховой капитал, предназначенный для возмещения потерь в ценности указанных объектов от несчастных случайностей. То возмещение ущерба, которое при страховании происходит за счет ряда хозяйств, при самостраховании осуществляется за счет *одного* хозяйства.

Нельзя не отметить, что самострахование с народнохозяйственной точки зрения является организацией более чем неудовлетворительной. Самострахование требует быстрого образования большого страхового капитала, так как несчастье может произойти в любой момент. Кроме того, собранные большие средства должны лежать мертвым капиталом и не принимать участия в обороте. При страховании же заинтересованное лицо, делая сравнительно незначительные взносы, приобретает возможность получить страховое вознаграждение немедленно при наступлении предусмотренного страхованием события.

Значение страхования для народного хозяйства чрезвычайно велико. На первый взгляд кажется, что страхование приносит пользу только частному хозяйству, получающему возможность восстановить погибшие материальные ценности, или отдельному лицу, получающему новые средства к существованию; для государства же никакой явной пользы не наблюдается.

Тем не менее, значение страхования является весьма ощутительным и для государства.

Для народного хозяйства далеко не одно и то же, окажутся ли, например, разрушенными десятки тысяч отдельных крестьянских и рабочих хозяйств, а их владельцы – разоренными и нуждающимися в государственной и общественной помощи, или эти хозяйства будут восстановлены, и их владельцы окажутся в состоянии принимать активное участие в трудовой жизни страны.

Но значение страхования не исчерпывается восстановлением причиненного вреда. Страхование ослабляет момент риска для отдельного хозяйства, дает ему прочную почву для дальнейшего развития. Застраховав посевы от градобития, крестьянин спокойно взирает на будущее; застраховав товары, торговец уверенно строит свои дальнейшие коммерческие расчеты; застраховав свою жизнь в пользу своих малолетних детей, ремесленник не опасается за их судьбу. А это, в свою очередь, ведет к укреплению и упрочению всей народнохозяйственной жизни, вносит в нее устойчивость и спокойствие¹.

Эта сторона страхования имеет особо важное значение для Союза ССР как страны с преимущественно крестьянским населением, особенно остро испытывающим нужду в обеспечении от различных стихийных бедствий.

Страхование имеет большое значение и для всего кредитного оборота страны. Накопленные страховые средства не лежат мертвым капиталом в

¹ М а н е с, «Основы страхового дела», гл. I; русск. перевод 1909 г., Ш е р ш е н е в и ч, «Курс торгового права», II, стр. 355 сл., В. П о т о ц к и й, «Краткий популярный курс страхования», стр. 10 сл.

кассах страховых организаций, а помещаются на выдачу ссуд под строения, в процентные бумаги, на текущие счета и т. п.

Как указывается в «Обзоре НКФ Союза ССР»¹, большая часть наличных средств Госстраха держится в ликвидном состоянии – во вкладах, в иностранной валюте и в платежных обязательствах Центрокассы; в противоположность довоенной практике, когда страховые общества крупные суммы вкладывали в строительство, у Госстраха пока вложения этого рода (акции строительных и кредитующих строительство предприятий) составляют лишь незначительную часть его личных средств. Объясняется это тем, что меняющиеся пока нормы вознаграждений и тарифов, с одной стороны, и наблюдающееся возрастание страховых случаев, с другой, не позволяют пока заранее определить, какую часть страховых средств можно иммобилизовать без риска для своевременной выплаты вознаграждения, но так как большая часть сумм Госстраха хранится в банках, то фактически Госстрах дает возможность кредитным учреждениям направлять собранные по мелочам крупные суммы на краткосрочное банковское кредитование народного хозяйства. Другая часть средств Госстраха помещена в облигациях государственных займов и платежных обязательств Центрокассы. Таким образом, Госстрах играет заметную роль на рынке государственных бумаг².

§ 2. Значение понятия «советское страховое право»

В западноевропейской теории страхового права принято проводить деление между частным страхованием (*Privatversicherung*) и социальным страхованием (*Socialversicherung*).³ Под первым понимается страхование индивидуальных хозяйств и отдельных лиц, под социальным же страхованием – обязательное страхование масс рабочих.

Такое деление страхования, находя себе объяснение в истории развития страхования, допускавшего первоначально только индивидуальное страхование⁴, не может быть, однако, оправдано с теоретической точки зрения.

Несомненно, что не только страхование рабочих, но и подавляющее большинство остальных видов страхования, имеет чрезвычайно важное значение для всей народнохозяйственной жизни и потому также обладает «социальным» характером.

¹ «Обзор работы НКФ СССР с 1 октября 1923 г. по 1 апреля 1925 г.», стр. 217.

² В новом освещении рисует роль страхования в СССР С. К р а с н и к о в в статье «Страхование и Коммунизм», помещенной в «Вестн. Госстраха», 1925 г., № 13–14.

³ Г а г е н, «Ehrenberg's Handb. d. HR», VIII, I, стр. 21. Там же о попытках к установлению специфической юридической природы социального страхования.

⁴ З. Т е т т е н б о р н, «Советское социальное страхование», 1925 г., стр. 8.

Тем более неприменимым делается противопоставление «частного» страхования «социальному» в СССР. Если страхование лиц наемного труда, регулируемое Кодексом Законов о труде¹, получило в законе наименование «социального», то безусловно в такой же мере заслуживает подобного наименования и государственное страхование имуществ и лиц, проводимое в интересах широких масс населения, с установлением для неимущих слоев ряда разнообразных льгот, выражающихся в льготных тарифах, полном освобождении от страховых платежей, в ассигнованиях на меры превенции и репрессии и пр.

Различны организации, проводящие страхование: в первом случае – Цу-страх, во втором случае – Госстрах, но и в том, и в другом случае страхование, несомненно, имеет резко выраженный «социальный» характер².

И если, тем не менее, мы не пользуемся в настоящей работе термином «социальное страхование» для всех видов страхования, то только потому, что с этим термином уже прочно связан определенный круг представлений, обнимающий обязательное страхование лиц наемного труда. Но в то же время мы не считаем возможным пользоваться при установлении советской правовой терминологии и термином «частное страховое право», поскольку советское страховое право, несомненно, в глубочайшей степени проникнуто социальными элементами.

Эти соображения приводят нас к необходимости пользоваться термином «советское страховое право» без добавления – «частное» в отношении всех норм, регулирующих в СССР страхование, кроме тех норм, которые регулируют страхование лиц наемного труда («социальное»). Это «советское страховое право» и является предметом настоящих «Очерков». Право «социального страхования» нашему рассмотрению здесь не подлежит.

* * *

Представляет собой «страховое право» такую же самостоятельную правовую дисциплину, как право государственное, финансовое, административное, уголовное, гражданское?

На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Правда, в настоящее время, несомненно, существует весьма развитая наука страхового права, развивается самостоятельное страховое законодательство, читаются специальные курсы страхового права. Но, тем не менее, если всмотреться ближе, то страховое право представляется ни чем иным, как только объединенной в

¹ Ст. 175–192.

² См. доклад С. Рыбникова «Об обязательном страховании» на съезде страховых работников. «Вестн. Госстраха», 1925 г., № 6, стр. 69.

целях удобства изложения и изучения совокупностью норм самого разнообразного содержания, заимствованных из различных отраслей права.

В состав страхового права входят:

1) нормы государственного права, регулирующие организацию страховых учреждений; 2) нормы административного права, регулирующие страховую превенцию и репрессию (организация огнестойкого строительства, пожарное дело); 3) нормы уголовного права, карающие совершение преступлений, связанных с страхованием (поджоги с целью получения страхового вознаграждения); 4) нормы гражданского (торгового) права, регулирующие страховой договор и др.

Поскольку значительное количество норм страхового права имеет целью регулирование тех отношений, которые возникают в договорном порядке между страховщиком, страхователем и другими лицами, являющимися иногда субъектами страхового правоотношения, главную роль в системе страхового права играют нормы гражданского (торгового) права. Часть этих норм имеет специальное назначение регулировать страховые отношения¹, часть является заимствованной из общего арсенала норм гражданского, по преимуществу обязательственного, права. Это обстоятельство заставляет некоторых исследователей вообще считать страховое право частью гражданского или торгового права². Однако, такой взгляд можно считать правильным только отчасти, потому что, как мы видели, помимо норм гражданского права страхование регулируется нормами и других отраслей права³.

¹ Глава XI ГК: «О страховании».

² И д е л ь с о н, «Записки Харьковск. Ун-та», 1903 г., № 1.

³ Также и право «социального страхования» является не самостоятельной правовой дисциплиной, а только частью «трудового права». З. Т е т е н б о р н, «Советское социальное страхование», 1925 г., стр. 1.

ГЛАВА II

РАЗВИТИЕ СТРАХОВАНИЯ

§ 1. Развитие страхования на Западе¹

Идея страхования уходит далеко в глубь веков. Первые зачатки страхования встречаются еще в законах вавилонского царя Хамураби (более 2000 лет до нашей эры), устанавливавших нечто вроде взаимного страхования караванов вавилонских путешественников от вреда, причиняемого им нападениями разбойников. В Египте существовали на началах взаимного страхования товарищества религиозного характера, имевшие целью оказывать помощь родственникам своих умерших членов. Подобного рода религиозные товарищества под именем *collegia tenuiorum* существовали и в древнем Риме; эти *collegia tenuiorum* взимали со своих участников взносы и выплачивали родственникам известную сумму денег на погребение умершего участника товарищества – главы семьи.

В средние века, уже в X столетии существовала англо-саксонская гильдия (союз), учредившая особую кассу для возмещения своим участникам стоимости украденного у них скота. В XI столетии в Дании образовались союзы, выдававшие своим членам вознаграждение, если кто-нибудь из них попадал в плен или терпел кораблекрушение. В XII веке в Исландии крестьяне образовывали союзы для совместного несения убытков от пожаров и падежа скота. Подобного рода организацию мы встречаем в XII веке и на юге Франции в виде товарищества с обязательным в нем участием, получающего от своих членов твердые взносы и возмещающего им полную стоимость убытков от грабежа или кражи; эта организация существовала до 1789 г. (до Великой Французской Революции). В XIV веке в Португалии организуются на началах обязательности участия товарищества мореплавателей, возмещавшие убытки от морских опасностей.

Все перечисленные зародышевые формы страхования были построены на началах общности интересов участников и были проникнуты духом товарищеского единения. Но не из этих первичных форм получило свое развитие современное страхование. Своим возникновением и развитием современное страхование обязано построенному на коммерческих началах, т. е. с целью

¹ Развитие страхования здесь может быть дано лишь в самом кратком и суммарном изложении. Подробное изложение вопроса см. М а н е с, «Основы страхового дела», гл. II, русск. пер. 1909 г.; см. также В. П о т о ц к и й, «Краткий курс страхования», гл. II, изд. 2-ое; В. С. Г р о х - м а н, «Очерки по страхованию жизни», гл. I; Г а г е н, Ehrenberg's Handb. d. HR, VIII, § 1; М ю л л е р-Э р ц б а х, Deutsches Handelsrecht. S. 668.

извлечения прибыли, морскому страхованию, зародившемуся еще в XII веке на Средиземном море. Исходным пунктом для морского страхования послужил так называемый морской заем (*foenus nauticum*), представлявший собою нечто среднее между обыкновенным займом и товариществом. Капиталист выдавал судовладельцу под товары известную сумму денег, причем эта сумма денег первоначально возвращалась капиталисту только в случае благополучного прибытия корабля в назначенный порт. В случае гибели товаров в пути капиталист терял свои деньги. Неся предпринимательский риск, капиталист, естественно, хотел получить за это соответственное вознаграждение, которое и получал первоначально в форме процентов на ссуженный капитал. С течением времени капиталист стал выплачивать обещанную им сумму денег только в случае гибели товаров, т. е. не при заключении договора, а по наступлении предусмотренного договором события, проценты же, получавшиеся им с судовладельца, превратились в страховые премии. К половине XIV века морской заем превратился в чистое страхование. В нотариальных архивах Генуи самостоятельный договор страхования встречается уже в половине XIV века. В XIV же веке возникает и так называемый *полис* – частный документ, выдаваемый страховщиком, сменивший собою сложную форму нотариального засвидетельствования морского страхования.

Из Италии морское страхование проникает в Испанию, Голландию и затем в Англию. Во Франции и Германии морское страхование развивается несколько позже.

Вслед за морским страхованием возникло и страхование от огня. Громадный пожар в Лондоне в 1666 г. дал сильный толчок к развитию на коммерческих началах этого вида страхования.

В дальнейшем получает свое возникновение и развитие страхование от града, падежа скота, сухопутное транспортное и проч. виды имущественного страхования.

Позже многих видов имущественного страхования возникает страхование жизни.

В возникновении страхования жизни известную роль сыграли пари, ренты и тонтинны – институты, на первый взгляд ничего общего со страхованием не имеющие.

В конце средних веков большое развитие получили пари относительно жизни отдельных лиц (императоров, пап, политических деятелей и т. п.). При господствовавших в те времена нравах довольно часто заинтересованные лица не останавливались перед убийством лица, на жизнь которого заключалось такое страховое пари, прибегая к помощи наемного убийцы или к яду. Борьба правительства с такими страховыми пари привела к отграничению сделок дозволенных, в основании которых лежал страховой интерес (страхо-

вых договоров), от сделок недозволенных, в основании которых такого страхового интереса не было (страховых пари)¹.

Большое распространение еще в XVI веке получили ренты, состоявшие в том, что отдельные лица передавали какому-либо учреждению, например, монастырю, известную сумму денег, получая взамен от этого учреждения пожизненно определенный ежегодный доход.

Известное значение в возникновении страхования жизни имели и тонтины, обязанные своим происхождением и именем итальянцу Тонти (XVII век). С внешней стороны тонтина представляла собою особую форму государственного займа с распределением подписчиков на несколько возрастных групп и с выплатой каждой группе ежегодно определенной суммы процентов. Эта сумма процентов не подлежала изменению при выбытии (смерти) отдельных подписчиков. Таким образом, при выбывании отдельных участников тонтины доход оставшихся в живых увеличивался. По смерти последнего участника заем оказывался погашенным. С внутренней же стороны тонтина представляла собою ежегодно возрастающую пожизненную ренту².

И страховое пари, и ренты, и тонтины, несомненно, оказали свое влияние на развитие страхования жизни. Но только со времени выработки на научных основах английским математиком и астрономом Галлеем таблиц смертности человека, позволивших с большой долей правдоподобности устанавливать смертность людей одинакового возраста при более или менее одинаковых условиях, страхование жизни могло получить свое настоящее развитие.

Первое страховое общество по страхованию жизни было открыто в Англии в 1765 г. На континенте Европы и в Америке страховые общества жизни возникли только в XIX веке. Со второй половины XIX века развивается государственное страхование жизни (Франция, Бельгия, Англия, Япония и др.). Возникает так называемое народное страхование, преследующее цели распространения страхования среди широких кругов малоимущего населения на упрощенных и льготных основаниях (Англия, Соединенные Штаты, Германия и др.).

Бурный рост промышленности и транспорта, столь характерный для второй половины XIX века, породил ряд постоянных очагов повышенной опасности (заводы, железные дороги и т. п.) и вызвал вслед за этим новый вид страхования – страхование от несчастных случаев.

¹ Английский «Gambling Act» (закон по игре) 1774 г.

² Кроме Франции тонтины нигде не получили большого распространения и во многих странах были воспрещены. Во Франции и Италии в настоящее время на тонтинных началах построены разного рода пенсионные кассы. Федоров, «Торговое право», 1911 г., стр. 896.

К XIX же веку относится развитие и перестрахования, представляющего собою передачу страховщиком страховых рисков другому страховому учреждению.

XX век рождает новый вид страхования – страхование авиационных рисков.

§ 2. Развитие страхования в дореволюционной России и в СССР

I. В дореволюционной России страхование впервые возникает в 1786 г. как страхование государственное в форме «страховой экспедиции» при государственном заемном банке, а некоторое время спустя – в форме «страховой конторы» при государственном банке. Но только с начала XIX века страхование начинает идти быстрыми шагами вперед. В 1827 г. возникло «1-е Российское страховое от огня общество», организованное на акционерных началах. За ним возник ряд других акционерных страховых обществ («Саламандра», «Надежда», «Якорь», «Россия», «Волга»). С 1835 г. открыло операции по страхованию жизни акционерное общество «Жизнь».

Кроме акционерного страхования, производившего преимущественно операции по страхованию от огня, жизни и транспорта, существовало еще страхование государственное. С 1844 г. государственное страхование от огня (обязательное) было учреждено для государственных и удельных крестьян, сохранившееся и после введения земства в тех губерниях, где не было земств, в форме взаимного губернского страхования. В 1897 г. было введено государственное обязательное взаимное страхование судов поморов Архангельской губернии. В 1906 г. были открыты операции по страхованию жизни через государственные сберегательные кассы.

В 1864 г. было организовано «Земское страхование». Земское страхование распалось на два вида – обязательное и добровольное. Обязательное страхование представляло собою страхование сельских построек от огня. Добровольное же земское страхование, кроме страхования от огня, проводило еще операции по страхованию рогатого скота и лошадей и в ничтожной степени от градобития (опыты Орловского земства).

С половины XIX века возникают городские общества взаимного добровольного страхования от огня, число коих в 1910 г. достигает довольно крупной цифры – 148¹.

¹ Первое Об-во взаимного страхования возникло в Риге еще в 1765 г., но действительное развитие этой формы страхования можно наблюдать только с середины XIX столетия; о других разнообразных и многочисленных формах взаимного страхования в дореволюционной России см. В. П о т о ц к и й, «Краткий курс страхования», стр. 20.

II. Октябрьская революция не затронула непосредственно деятельности страховых учреждений, и они продолжали свое самостоятельное существование до весны 1918 г., когда был образован Совет по делам страхования, на который был возложен контроль за их деятельностью (С.У. 1918 г. № 30, ст. 397).

Но уже в конце 1918 г. страхование во всех его видах и формах было объявлено государственной монополией (С.У. 1918 г. № 86, ст. 904). Все частные страховые общества и организации (акционерные и взаимные) были ликвидированы, а земские и взаимно-городские страховые организации были объявлены достоянием РСФСР. Страхование жизни по-прежнему должно было производиться через государственные сберегательные кассы (однако уже в 1919 г. все договоры по страхованию жизни, в том числе и через сберегательные кассы, были аннулированы) (С.У. 1919 г. № 56, ст. 542). Исключение из страховой монополии было допущено только для кооперации. Все советские имущества и предприятия освобождались от страхования. Совет по делам страхования был реорганизован в страховой отдел при ВСНХ. Однако жизнь сделала это учреждение, по правильному замечанию В. Потоцкого¹, излишним, так как в эпоху военного коммунизма за отсутствием торгового оборота и за отмиранием денежного обращения страхование теряло свой смысл, становилось ненужным. На смену старым страховым формам должна была возникнуть другая организация, соответствующая новым народнохозяйственным условиям.

В декабре 1920 г. государственное монопольное страхование, установленное в 1918 г., было упразднено и заменено организованной государственной помощью пострадавшим от стихийных бедствий (декрет от 18 декабря 1920 г. С.У. 1920 г. № 100, ст. 538). В силу этого декрета государственная помощь в стихийных бедствиях (пожары, градобитие и проч.) должна была оказываться всем трудовым хозяйствам, если деятельность их отвечает интересам рабоче-крестьянского государства. Хозяйственная помощь могла оказываться: 1) натурой; 2) в форме безвозмездного производства государством для надобности пострадавших хозяйств строительных и других работ и т. п.; 3) в исключительных случаях – в денежной форме. Эта помощь должна была оказываться из государственных, а также из местных средств. Но проведение на практике такой государственной помощи от стихийных бедствий оказалось неосуществимым для государства, разоренного империалистической и гражданской войнами. Фактически крестьянство ничего не получало за этот период, кроме разрозненных и довольно случайных пособий из центра и, в некоторых случаях, от местных советских учреждений².

¹ В. Потоцкий, «Кратк. курс», стр. 21.

² В. Потоцкий, «Кратк. курс», стр. 22.

Переход к новой экономической политике, вызвавшей оживление денежного и товарного обращения, привел к необходимости восстановления и страхования в его денежной форме.

Возник ряд комиссий, которые начали создавать проекты возрождения страхования. В дальнейшем эти комиссии объединились, и в результате их работ появился декрет от 6 октября 1921 г. о государственном имущественном страховании.

Декретом от 6 октября 1921 г. было введено государственное имущественное страхование частных хозяйств от нижеследующих стихийных бедствий: пожаров, падежа скота, градобития и аварий на путях водного и сухопутного транспортов. На первое время вводилось государственное добровольное страхование, а по мере укрепления технического аппарата страхования – и государственное обязательное страхование. Кооперативным организациям было представлено право организовать взаимное страхование собственных имуществ. Для заведывания государственным имущественным страхованием в составе НКФ было учреждено Главное управление Госстраха.

Дальнейшее законодательство только развило те основные начала, которые были заложены в декрете 6 октября 1921 г.

Постановление СНК РСФСР от 15 мая 1922 г. ввело во всех действующих на территории РСФСР страховых учреждениях обязательное отчисление с прибылей на содержание местных пожарных организаций. В развитие этого постановления СНК была затем издана подробная инструкция НКВД и НКФ.

6 июля 1922 г. было утверждено постановление СНК РСФСР о государственном страховании, представляющее собою дальнейшее развитие декрета 6 октября 1921 г. Согласно этому постановлению, государственное страхование строится на началах хозяйственного расчета. Главное Управление Государственного Страхования переименовывается в Главное Правление Государственного Страхования (Госстрах). По мере развития своих операций Госстрах может включить в круг своей деятельности, с разрешения НКФ, кроме видов страхования, предусмотренных декретом 6 октября 1921 г., также добровольное страхование жизни и страхование от несчастных случаев, не обнимаемых обязательным социальным страхованием. Остальное содержание постановления СНК РСФСР от 6 июля 1922 г. предусматривает, по преимуществу, вопросы образования средств Госстраха и порядка распределения его прибылей.

Постановлением СНК РСФСР от 25 июля 1922 г. обязательное страхование в Госстрахе было распространено на имущества коммунальных хозяйств, находящихся в арендном пользовании или на иных, кроме аренды, основаниях у частных лиц и обществ; для содействия развитию страхового

дела этим же постановлением был учрежден при НКФ Совет по делам страхования. Постановлением НКФ от 27 ноября 1922 г. было утверждено Положение о Совете по делам страхования, в котором были детально определены функции этого страхового органа.

27 ноября 1922 г. было также утверждено НКФ Положение о Главном Правлении Государственного Страхования (Госстрах), определившее подробно его цели, средства, управление, операции и проч.

Союзные Республики – Украинская, Белорусская и Закавказская – в свое время не только подтвердили в законодательном порядке основные декреты о страховании, изданные в РСФСР, но и издали ряд нормативных актов в развитие этих основных декретов.

Со времени образования Союза ССР появляется ряд актов общесоюзного значения, развивающих принципиальные начала, заключенные в вышеприведенных декретах 1921 г. и 1922 г.¹

Но свое окончательное организационное и правовое оформление страхование в СССР получает только в 1925 г. – в Положении о Государственном Страховании Союза ССР².

¹ О содержании этих общесоюзных нормативных актов мы будем говорить по мере надобности по ходу изложения материала.

² Собр. Зак. и Расп. 1925 г. № 73, ст. 536, 537.

ГЛАВА III

ИСТОЧНИКИ СТРАХОВОГО ПРАВА

§ 1. Источники страхового права на Западе

I. История развития страхового права

Старейшим сборником морского страхования является Барселонский сборник 1435 г. Но первая настоящая кодификация морского страхового права была достигнута во французском *Ordonnance de la marine* 1681 г. Достаточное внимание уделяет страхованию и прусское Земское Уложение 1794 г.

XIX век не обогатил особенно страховое законодательство. Во французском гражданском кодексе о страховании сказано буквально несколько слов. Морское страхование регулируется довольно подробно французским торговым кодексом. В достаточной мере подробные правила, регулирующие страхование, содержатся в ряде торговых кодексов, изданных в течение XIX века (Голландия, Бельгия, Венгрия, Италия, Испания, Португалия, Чили и Германия).

Зато XX век дал очень много в области страхового законодательства. В 1906 г. Англия кодифицирует морское страхование. В 1908 г. почти одновременно в Германии и Швейцарии были изданы специальные законы о страховом договоре, явившиеся, в особенности швейцарский, до сих пор еще не превзойденными образцами законодательного страхового творчества. В 1917 г. Австрия издает специальный закон о страховом договоре, во многих своих положениях примыкающий к германскому закону 1908 г.

В остальном источниками страхового права являются на Западе судебная практика (Франция, Англия) и так называемые правила страхования, издаваемые страховыми обществами (Германия, Франция и др.). Особого внимания в качестве своеобразных источников страхового права заслуживают *правила страхования* (иначе называемые полисными условиями), представляющие собою заранее выработанные основные условия заключаемых обществами однородных договоров страхования. Правила эти определяют наиболее важные элементы этих договоров – род опасности, объем ответственности страховщика, главнейшие обязанности сторон и т. д. Будучи первоначально не чем иным, как актами чисто односторонними и являвшимися обязательными для страхователя только после выраженного им согласия на содержащиеся в них условия, правила страхования постепенно превратились в разновидность объективного права в качестве одной из форм внезаконодательного правотворчества, совершаемого страховыми организациями в пре-

делах свойственной им способности к правовому самоопределению (социальной автономии)¹. Ввиду чрезвычайно важного значения правил страхования в качестве одного из источников страхового права и в целях защиты интересов страхователей законодательства устанавливают определенный порядок издания этих правил, подчиняя издание правил особому правительственному надзору (Германия, Швейцария, Австрия и др.).

Постоянным источником страхового права является и частное международное право².

II. Состояние страхового права на Западе в настоящее время

В *Германии* морское страхование регулируется нормами торгового кодекса 1897 г., несколько измененными новеллой 1908 г., и общегерманскими правилами морского страхования 1919 г. Остальные виды страхования, кроме перестрахования, подчинены действию закона 1908 г. о страховом договоре, являющемся краеугольным камнем всего германского страхового права. Гражданское уложение также содержит в себе некоторые положения, касающиеся страхования (§ 330, 759 сл., 1046, 1127 сл.). Страховой надзор за деятельностью страховых обществ осуществляется законом 1901 г., дополненным новеллами 1917 и 1923 гг. Законы 1922 и 1923 гг. установили особый налог на все виды страхования, за исключением перестрахования, страхования жизни и страхования скота мелкими хозяйствами. Кроме того, отдельные виды добровольного страхования регулируются особыми правилами страхования. Страховые отношения с общественными страховыми учреждениями (*öffentliche Versicherungsanstalten*) регулируются законами отдельных государств, входящих в Германию (Прусский закон 1910 г. для обществ страх. от огня учреждений; Баварский закон 1884 г.; § 192 Германского закона о страховом договоре 1908 г.).

В *Швейцарии* надзор за частными страховыми предприятиями регулируется законом 1885 г. В 1919 г. издан союзный закон о гарантиях, принимаемых на себя страховыми обществами. Договорное страховое право нормируется законом о страховом договоре 1908 г.

В *Австрии* действует с 1917 г. специальный закон о страховом договоре. Страховой надзор за деятельностью страховых обществ осуществляется законом 1921 г.

¹ Л. Т а л ь, «Вестн. гражд. права», 1915 г., № 8, стр. 71, 72. Г а г е н, «Ehrenberg's H. d. HR», В. VIII, I, стр. 33.

² Г а г е н, там же, § 28 сл. См. также В г у с к, «Zwischenstaatliches Versicherungsrecht», 1924.

Во *Франции* морское страховое право нормируется торговым кодексом (§ 332–396). Остальные виды страхового права регулируются преимущественно судебной практикой. С 1868 г. действует особый закон о страховых обществах. В 1905 г. издан специальный закон об обществах страхования жизни. В 1904 г. внесен на рассмотрение парламента проект закона о страховом договоре, до настоящего времени не получивший силы закона. В 1925 г. в парламент поступил новый проект, выработанный внепарламентской комиссией¹.

Италия до сих пор довольствуется нормами о страховании своего торгового кодекса. Возбуждавший большой интерес закон 1912 г., устанавливавший государственную монополию для страхования жизни, не будучи осуществленным, был в 1922 г. аннулирован правительством².

В *Польше* действует закон 1921 г. о государственном взаимном страховании.

В *Англии*, за исключением немногочисленных законодательных актов, страхование преимущественно регулируется судебной практикой – common law. Кондифицировано в Англии только морское страхование – законом 1906 г. Деятельность страховых обществ нормируется законом 1909 г.

Северо-Американские Соединенные Штаты до сих пор не имеют общесоюзного страхового законодательства. Из страховых законов отдельных штатов выделяются страховые законы Калифорнии, кодифицировавшей в своем ГК 1872 г. нормы английского страхового права.

Как характерную особенность страхового права средней, главным образом, немецкой Европы (Германии, Австрии, Швейцарии), надо отметить проникающее через все страховое законодательство этих стран резко выраженное стремление законодателя прийти на помощь социально слабой стороне – страхователю, обеспечить его при заключении договора от могущего быть давления со стороны экономически несравненно более сильного и влиятельного контрагента-страховщика, обычно акционерного страхового общества. Отсюда ведет свое происхождение большое количество норм принудительного характера, не подлежащих изменению соглашением сторон в ущерб для страхователя. В особенности это «начало принудительности» резко проведено в швейцарском законе 1908 г.

Напротив, в странах романских (Франция, Италия) и, в особенности, англо-саксонских (Англия, Северо-Американские Соединенные Штаты),

¹ «Revue de droit civil», 1925, № 4.

² Подробную регламентацию страхования дает чрезвычайно интересный проект торгового кодекса, выработанный под редакцией крупного итальянского специалиста торгового права проф. В и в а н т е. Проект этот не получил, однако, силы закона. «Итальянск. проект торг. кодекса», под ред. и с предисл. проф. В. М. Г о р д о н а, 1925.

сообразно более индивидуалистическому характеру права этих стран, господствует начало страховой договорной свободы.

Чрезвычайно последовательно это начало договорной свободы проводится в Англии и Северо-Американских Соединенных Штатах. Что же касается вышеупомянутого французского проекта закона о страховом договоре (1904 г.), то и он отводит свободе заключения страхового договора значительно больший простор, нежели это делают законодательства Германии, Швейцарии и Австрии¹.

§ 2. Источники страхового права в дореволюционной России

Источники страхового права в дореволюционной России были очень разнообразны.

Морское страхование регулировалось уставом торговым, инкорпорировавшим специальный закон о морском страховании 1846 г. Кроме того, источниками морского страхового права являлись полисы морского страхования, уставы страховых обществ и даже иностранные законы (Устав торговый, ст. 561).

В отношении отдельных видов страхования действовали также разнообразные источники права. Некоторые виды страхования (государственного) нормировались законодательными актами (правила о губернском и земском страховании, закон 1906 г. о страховании жизни через государственные сберегательные кассы и др.); частному же имущественному страхованию в законах гражданских была отведена только одна статья (ст. 2199, т. X, ч. I). Специальные законы были изданы в 1899 г. о надзоре за деятельностью страховых обществ и учреждений и в 1898 г. о порядке помещения и хранения средств акционерных страховых обществ.

Вполне естественно, что такая скудость законодательных норм должна была привести к отысканию других источников права. Такими источниками страхового права оказались уставы акционерных страховых обществ и полисные правила, вызывавшие постоянные споры в литературе и судебной практике об их юридической силе и значении².

Отчасти роль источника страхового права играла и судебная практика.

¹ Гаген, «Ehrenberg's H.d.H.R.», VIII, I, стр. 68.

² А. Г. Г о й х б а р г, «Источники договорного страхового права». — «Вестник Гражд. права», 1913 г., № 2.

§ 3. Источники советского страхового права¹

Приходится отметить, что до последнего времени (до издания Положения о государственном страховании Союза ССР 18 сентября 1925 г.) источники советского страхового права представляли собой весьма пеструю картину.

Все действовавшие источники советского страхового права можно было разбить на шесть групп.

Первая группа – нормативные акты, изданные центральными общесоюзными органами всеобщей компетенции.

Положение о НКФ СССР в части, касающейся государственного страхования (ст. 2, п. «е», «з», ст. 3, п. «л», ст. 13), постановление СТО СССР о статистическом учете пожаров (С.У. 1924 г., № 16), постановление СТО СССР о плане окладного обязательного страхования в городах на 1924–1925 г. и об окладном обязательном страховании в сельских местностях в 1924–1925 г. (С.З. и Р. 1924 г., № 12), постановление СНК СССР о государственном страховании в сельских местностях (С.З. и Р. 1924 г., № 26), постановление СНК СССР о государственном гарантийном страховании («Известия», № 292 от 21 декабря 1924 г.), постановление ЦИК и СНК Союза ССР о выгодоприобретателях по договорам личного страхования и их правах («Известия», № 26 от 1 февраля 1925 г.) и некоторые др.

Вторая группа – нормативные акты, изданные центральными органами всеобщей компетенции союзных республик².

а) По РСФСР сюда входили: декрет СНК от 6 октября 1921 г. о государственном имущественном страховании (С.У. 1921 г., № 69), постановление СНК о содержании местных пожарных организаций («Известия», 1922 г., № 115), декрет СНК о государственном страховании от 6 июля 1922 г. (С.У. 1922 г., № 41), декрет СНК о страховании имущества (С.У. 1922 г., № 46), ГК РСФСР (ст. 75, 97, 164, 367–398), постановление СНК о предоставлении Госстраху права открыть операции страхования авиационных рисков (С.У. 1923 г., № 74), постановление СНК об установлении текста декретов о страховании имущества (С.У. 1924 г., № 61), постановление II сессии ВЦИК XI созыва о распределении прибыли Госстраха, инструкция ЭКОСО РСФСР о том же («Известия», № 181 от 11 августа 1925 г.), постановление ВЦИК и СНК РСФСР о дополнении ст. 271 ГПК («Известия», № 180 от 9 августа 1925 г.), постановление Президиума ВЦИК о страховых суммах, выдаваемых за сгоревшие молитвенные здания («Известия», № 20 от 5 сентября 1925 г.) и некотор. др.

б) Союзные республики – Украинская, Белорусская и Закавказская – в свое время не только подтвердили в законодательном порядке основные декреты о страховании, изданные РСФСР в 1921–1922 г., но и издали ряд законодательных актов в развитие этих основных декретов (С.У.

¹ Вопрос об источниках советского страхового права и о соотношении этих источников права между собой в своей принципиальной постановке должен разрешаться таким же порядком, как и об источниках других видов советского права (гражданского, уголовного и т. д.). См.: проф. К. А. А р х и п о в, «Понятие закона», «Советское право», 1924 г., № 2/8; проф. Д. А. М а г е р о в с к и й, «Государственная власть и государственный аппарат», стр. 163; В. Л. К о б а л е в с к и й, «Очерки советск. администр. права», стр. 134; М. О. Р е й х е л ь, «Очерки конституционных взаимоотношений союзных республик», ч. I, гл. III; В. С е р е б р о в с к и й, «Источники советск. страхов. права», «Право и Жизнь», 1925 г., № 6.

² Ряд республиканских нормативных актов (по РСФСР) отменен постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 4 января 1926 г. (С.У. РСФСР 1926 г., № 18), а по УССР – постановлением ВУЦИК и СНК (С.У. УССР 1926 г., № 3, ст. 28).

УССР 1924 г., № 14, 31–32, С.У. БССР 1923 г., № 1–2, 7, 17, 1924 г. – № 4, 8, 17, 18, С.У. ЗСФСР 1923 г., № 9, 1924 г. – № 2, 4, «Заря Востока», 1924 г., № 843 и др.).

ГК союзных республик не внесли никаких изменений в главу о страховании ГК РСФСР, заменив только установленный ст. 397 порядок утверждения НКФ правил для отдельных видов страхования порядком утверждения этих правил своими уполномоченными¹.

Третья группа – нормативные акты, изданные НКФ и другими наркоматами.

а) Утвержденное НКФ РСФСР положение о совете по делам страхования (С.У. 1922 г., № 79) и утвержденное НКФ РСФСР Положение о Главном Правлении Государственного Страхования (С.У. 1922 г., № 80).

б) Правила обяз. страхования посевов, утв. НКФ 9 апреля 1922 г., переизданные в 1925 г.; правила добров. страхования от огня, утв. НКФ 2 мая 1922 г.; прав. обяз. страхования скота, утв. НКФ 22 мая 1922 г., переизданные в 1925 г.; правила страхования грузов по морским путям, утв. НКФ 27 мая 1922 г., переизданные в 1925 г.; правила страхования грузов по сухим путям, утв. НКФ 27 мая 1922 г., переизданные в 1925 г.; правила страхования грузов по речным путям, утв. НКФ 27 мая 1922 г.; правила обяз. страхования от огня, утв. НКФ 27 мая 1922 г. (частично); правила добров. страхования скота, утв. НКФ 29 мая 1922 г., переизданные в 1925 г.; правила страхования судов по речным путям, утв. НКФ 17 июня 1922 г.; правила страхования судов по морским путям, утв. НКФ 7 июля 1922 г.; правила добров. страхования посевов, утв. НКФ 5 марта 1923 г.; правила страхования на случай смерти, утв. НКФ СССР 17 октября 1923 г.; правила страхования от несчастн. случаев, утв. НКФ 18 декабря 1923 г.; условия групповых страхований жизни, утв. НКФ 2 июля 1924 г., переизданные в 1925 г.; правила обяз. вкладн. и дополнит. страхования, утв. НКФ 15 октября 1924 г.; правила гарантийного страхования, утв. НКФ 5 февраля 1925 г. и др.

в) Инструкция по страхованию государственных имуществ, подлежащих обязательному страхованию, НКФ, согл. с НКЮ, 1923 г.; инструкция по страхованию коммун. имуществ, сданных в аренду НКФ, согл. с НКЮ и НКВД, 1923 г.; цирку. НКФ и НКВД от 28 декабря 1923 г. об уплате страхового вознаграждения за сгоревшие храмы и др.

Четвертая группа – нормативные акты, изданные Госстрахом.

Инструкции Госстраха по обязательному страхованию скота, по добровольному страхованию скота, по обязательному страхованию посевов, по страхованию жизни и др.

Циркуляры Госстраха – сводный циркуляр № 705 по июнь 1924 г. и ряд последующих циркуляров, имеющих нормативный характер (№ 712, 721/2, 737/2, 746/6, 759/2 и др.).

Пятая группа – нормативные акты, изданные местными органами управления.

Постановления по страхованию – Моссовета, Ленинградск. Совета и др.

Шестая группа – нормы иностранного страхового права.

Гамбургские общие правила морского страхования².

* * *

Обращаясь к нормативным актам, изданным центральными общесоюзными органами, мы должны прежде всего отметить, что Конституция Союза ССР в ст. 1, говорящей о предметах ведения Союза, о страховом законо-

¹ Текст ст. 397 сохранился до настоящего времени неизменным, хотя со времени образования Союза ССР Наркомфин построен как объединенный Наркомат.

² Правила страхования грузов (§ 7, 13, п. «б») и судов (§ 8, 22, п. «б») по морским путям, изд. 1922 г.

дательстве непосредственно не упоминает. Но, тем не менее, появление общесоюзного страхового законодательства представляется совершенно понятным.

Как правильно замечает проф. С. А. Котляревский, страховое дело весьма технично и требует постановки, которая более всего обеспечивается центральным руководством. Это – с одной стороны. С другой стороны, страхование тем устойчивее, чем на большее количество объектов оно простирается, т. е. и территория, и население, им обслуживаемые, должны быть по возможности больше. Этим объясняется, что область страхования в федерациях, вообще говоря, относится к сфере общедоделативной. И едва ли можно спорить, что самое законодательство о страховании, особенно в условиях действующей страховой монополии, должно быть предоставлено Союзу¹.

Поэтому представляется вполне понятным, что если III сессия ЦИК СССР 1 созыва – 1) отнесла к предметам ведения НКФ СССР регулирование вопросов государственного страхования на всей территории Союза (ст. 2. п. «е») Положения о НКФ) и 2) включила в состав НКФ СССР Главное Правление Государственного Страхования (ст. 3, п. «л»), осуществляющее в качестве состоящего на хозяйственном расчете органа НКФ СССР в лице Правления Государственного Страхования союзных республик государственную страховую монополию на территории Союза ССР и руководящее деятельностью государственного страхования в союзных республиках на основании особого Положения (ст. 13).

Что же касается нормативных страховых актов республиканского значения, то до последнего времени их удельный вес в общем страховом законодательстве Союза был весьма велик. Особого внимания из нормативных страховых актов республиканского значения заслуживали в качестве источников страхового права правила о страховании гражданских кодексов союзных республик, детально регулирующие *договорное* страховое право.

Не меньшее значение имели и нормативные страховые акты, изданные НКФ и другими наркоматами, а также Госстрахом (правила страхования, инструкции, циркуляры).

В известной мере служили источниками страхового права и некоторые постановления местных органов власти.

Иностранное страховое право (Гамбургские правила страхования) играло роль субсидиарного источника права при морском страховании².

¹ Проф. С. А. Котляревский, – «СССР и Союзные Республики», стр. 83. См. также С. Рыбников, высказывающегося за сосредоточение в руках Союза страхового законодательства, страхового надзора и осуществления страховой монополии. – «Союзная конституция и страхование», «Вестн. Госстр.», 1923 г., № 1-2.

² Под Гамбургскими общими правилами морского страхования 1867 г., понимаются общие правила, на основании которых совершались сделки по морскому страхованию страховыми обществами на Северном море. Правила эти получили широкое применение в дореволюционном

Издание 18 сентября 1925 г. ЦИК'ом и СНК Союза ССР Положения о Госстрахе Союза ССР явилось актом чрезвычайно важного значения. В советском праве страхование впервые получило законченное правовое оформление и притом в общесоюзном масштабе.

С внешней стороны Положение о Госстрахе представляет собою закон размером в 61 статью, не считая двух приложений размером в общей сложности в 12 статей. Этому закону предшествует вводный закон размером в 5 статей.

Вводный закон сохраняет в силе действующие правила страхования и тарифы премий впредь до издания новых правил и тарифов, основанных уже на Положении о Госстрахе, и уполномочивает существующие органы Госстраха продолжать свою деятельность до реорганизации аппарата Госстраха на основе Положения о Госстрахе.

Положение о Госстрахе Союза ССР распадается на 4 раздела.

В первом разделе устанавливаются общие положения о страховании как государственной монополии, об изъятиях для кооперации, о Госстрахе как предприятии, действующем на началах хозяйственного расчета, об источниках страхового права и др. (ст. 1–6).

Второй раздел обнимает операции государственного страхования. Положение о Госстрахе отдельно перечисляет действующие в СССР виды страховых операций в области имущественного и личного страхования, а также в области перестрахования. Подробно в этом разделе нормируется обязательное окладное и неокладное страхование. Довольно бегло очерчено добровольное страхование (ст. 7–19).

Третий раздел посвящен органам государственного страхования, центральным и местным (ст. 20–45).

Четвертый раздел касается вопроса о средствах и отчетности Госстраха (ст. 46–61).

Приложение 1-е подробно регулирует страхование кооперативных имуществ (ст. 1–4). Приложение 2-е устанавливает детальные правила перестрахования рисков государственного страхования в иностранных страховых организациях (ст. 1–8).

Положение о Госстрахе Союза ССР определило с достаточной ясностью круг источников страхового права и их соотношение между собой.

Ст. 4 Положения указывает, что операции государственного страхования производятся на основании общесоюзного законодательства, издаваемых в их развитие законоположений союзных республик, а равно общих

русском морском страховании (перевод Гамбургских правил дает Г е с с е н, «Устав торговый», стр. 662). В 1919 г. Гамбургские правила были заменены в Германии, где они возникли, новыми «Общегерманскими правилами морского страхования».

правил страхования (полисных условий) и тарифов премий, утверждаемых в установленном порядке.

Таким образом, в качестве общего принципа провозглашается положение, что страховое законодательство является *общесоюзным*.

Союзные республики могут издавать законы, регулирующие страхование, только в *развитие* общесоюзного страхового законодательства.

Правила страхования (полисные условия), представляющие собой заранее выработанные основные условия по отдельным видам страхования, также являются общесоюзными нормативными актами. Положение о Госстрахе возлагает рассмотрение вносимых правлениями Госстрахов союзных республик проектов правил страхования на страховые советы при народных комиссариатах финансов союзных республик. Одобренные затем наркомфинами союзных республик эти правила подлежат дальнейшему направлению через Главное Правление Госстраха в Страховой Совет при НКФ Союза ССР на утверждение НКФ СССР¹.

Но, если основным источником страхового права теперь может быть только общесоюзное законодательство (Положение о Госстрахе и другие общесоюзные нормативные акты), то, тем не менее, достаточное значение, по нашему мнению, должно сохраниться и за республиканскими органами всеобщей компетенции, поскольку, конечно, эти законы издаются в развитие общесоюзного законодательства.

В частности, мы полагаем, что независимо от издания Положения о Госстрахе должны сохранить свою силу и значение в качестве источника страхового права правила о страховании, изложенные в гл. XI ГК союзных республик. Положение о Госстрахе уделяет добровольному страхованию очень мало места – всего 3 статьи (17–19). Это заставляет предполагать, что законодатель имел намерение предоставить законодательству союзных республик (ГК) более подробное регулирование добровольного страхования.

Немаловажное значение, несомненно, сохранится по-прежнему и за нормативной деятельностью Госстраха, хотя в Положении об этом говорится вскользь².

Известное значение в качестве источников страхового права будут иметь и постановления местных органов власти, поскольку Положение о Госстрахе дает право правительствам автономных республик, областным, губернским и окружным исполнительным комитетам издавать постановления, в которых должны быть дифференцированы по отдельным подведомственным им районам нормы страхового обеспечения в пределах средних норм, установленных

¹ Пол. о Госстрахе, ст. 39, 41.

² Пол. о Госстрахе, ст. 25, п. «в», ст. 29, п. «г».

планом окладного страхования, а также устанавливать в указанных же пределах нормы страхового обеспечения для отдельных строений двора¹.

Последний вид источников страхового права, действовавших до издания Положения о Госстрахе в качестве субсидиарного источника страхового права, – правила Гамбургского страхования, – должен, разумеется, отпасть. Но мы склонны все же думать, что ввиду интернационального характера морского страхования (а отчасти и других видов транспортного страхования), советское страховое право будет постоянно впитывать в себя в качестве дополнительных источников права распространенные на Западе нормы «Английского морского страхового права», «Общегерманских правил морского страхования» и др.²

Интересно отметить, что новые, утвержденные 18 сентября 1925 г., правила страхования грузов по морским путям допускают в тех случаях, которые не предусмотрены этими правилами, условиями полиса или страховой квитанции временно, впредь до издания Морского Кодекса СССР, применение «Общих германских правил морского страхования» 1919 г., если не было обусловлено применение других иностранных правил морского страхования (§ 30).

Постоянно действующим источником страхового права явится иностранное право и в порядке коллизионном (ст. 7 ГПК).

* * *

Большой интерес вызывает вопрос о соотношении источников советского страхового права между собой.

Соотношение нормативных страховых актов, издаваемых центральными органами всеобщей компетенции, общесоюзными и республиканскими, разрешается довольно просто. Положение о Госстрахе, как мы видели, допускает республиканское (союзных республик) законодательство только в развитие законодательства общесоюзного.

Поэтому в случае отступления союзных республик от этой нормы должны иметь применение общие правила Конституции Союза ССР, дающие верховным органам Союза право приостанавливать и отменять постановления ЦИК'ов и СНК союзных республик (ст. 20, 31, 32 и др.).

Значительно сложнее обстоит вопрос о соотношении между нормативными страховыми актами, утвержденными НКФ СССР (правилами страхования), и прочими нормативными страховыми актами, как издаваемыми центральными общесоюзными органами всеобщей компетенции, так и центральными органами всеобщей компетенции республиканскими. Разрешение этого вопроса, по нашему мнению, должно идти в плоскости установления

¹ Пол. о Госстрахе, ст. 11.

² Полисы морского страхования – «Ллойда», «Гамбургский», «Марсельский».

взаимоотношений объединенных наркоматов (поскольку НКФ является объединенным наркоматом) с верховными органами Союза и союзных республик.

Общее положение о наркоматах Союза ССР указывает, что распоряжения народных комиссариатов Союза ССР могут быть приостанавливаемы или отменяемы ЦИК'ом Союза, его Президиумом или СНК СССР; председателю СНК ССР и его заместителю принадлежит право приостанавливать распоряжения народных комиссариатов с последующим докладом в СНК СССР¹. Право приостановки и отмены постановлений наркоматов Союза ССР принадлежит также и СТО Союза ССР².

В свою очередь, распоряжения народных комиссариатов союзных республик, при явном несоответствии данного распоряжения Конституции Союза ССР или законодательству союзной республики, могут быть приостанавливаемы ЦИК'ами или президиумами ЦИК'ов союзных республик. О приостановке распоряжений ЦИК'и союзных республик немедленно сообщают в СНК Союза ССР или соответствующему народному комиссариату Союза ССР³.

Но, как замечает И. Н. А н а н о в, приостановление не может явиться нормальным свойством осуществления органами союзной республики ее прав и является лишь тем решительным средством, к которому республики должны прибегать, когда исчерпаны все другие способы воздействия⁴. Нормальным же средством правовой защиты союзной республики является право опротестования распоряжений наркомата Союза ССР в Президиум ЦИК или СНК Союза ССР⁵.

Обратно, объединенному (и общесоюзному) наркомату СССР принадлежит право опротестовать постановления ЦИК'а или Президиума ЦИК'а союзной республики в Президиум ЦИК Союза ССР, постановление СНК союзной республики – в СНК СССР, а постановление ЭКОСО союзной республики – в СТО⁶.

Право протеста принадлежит также и объединенным наркоматам союзных республик. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1925 г., протесты объединенных наркоматов РСФСР на постановления и распоряжения соответствующих наркоматов Союза ССР в случае несоответствия таковых законодательству Союза или законодательству

¹ Общее положение о наркоматах СССР, ст. 7.

² Положение о СТО, ст. 3, п. «в» и «г». См. проф. Д. А. Магеровский, «Вестник Сов. Юстиции», 1924 г., № 2. Несколько иначе И. Н. А н а н о в, «Очерки федерального управления», стр. 54, 1925 г.

³ Общее положение о наркоматах СССР, ст. 8.

⁴ «Очерки», стр. 52.

⁵ Конституция Союза ССР, ст. 35. Положение о СНК СССР, ст. 3, п. «к».

⁶ И. Н. А н а н о в, там же, стр. 53.

РСФСР представляются в СНК РСФСР с одновременным сообщением копий таковых протестов подлежащим наркоматам СССР, причем СНК РСФСР в случае признания протеста уважительным принимает соответствующее постановление и направляет таковое или в порядке ст. 59 Конституции РСФСР, или в порядке ст. 7 общего положения о народных комиссариатах СССР¹.

Изложенный здесь в общих чертах строй взаимоотношений объединенных наркоматов с верховными органами Союза, союзных республик и с одноименными объединенными наркоматами союзных республик полностью применим и к Наркомфину.

Правила страхования, утверждаемые НКФ СССР, являются разновидностью нормативных актов объединенного народного комиссариата и во всем должны разделять юридическую судьбу этих актов в случае их столкновения с нормами общесоюзного или республиканского страхового законодательства.

* * *

Нормативные акты Главного Правления Госстраха в случае противоречия их советскому страховому законодательству могут быть в порядке иерархической подчиненности отменяемы НКФ СССР².

Нормативные страховые акты, издаваемые местными органами власти, подчиняются обычному режиму, установленному для нормативных актов, издаваемых этими органами власти³.

¹ Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1925 г., ст. 1–3 («Известия», № 247, от 28 октября 1925 г.).

² Пол. о НКФ СССР, ст. 13.

³ Конституция РСФСР, ст. 48, 65.

ГЛАВА IV

ОРГАНИЗАЦИЯ СТРАХОВАНИЯ

§ 1. Организация страхования на Западе¹

По своей организации страхование на Западе делится на два основных вида: *частное и публичное*. Частное страхование является наиболее распространенной формой страхования. Публичное страхование встречается реже, хотя в отдельных государствах ему отводится довольно значительное место.

I. *Формы частного страхования*: 1) единичные предприниматели, 2) акционерные страховые общества, 3) общества взаимного страхования, 4) общества смешанного типа.

1) Организация страхования единичным предпринимателем является одной из самых старых форм организации страхования. В настоящее время на Западе она встречается еще при морском страховании, а также при страховании скота от падежа и при страховании выигрышных билетов.

Особую форму единоличного страхования представляют собою так называемые Ллоиды, случайные объединения физических лиц, внесших (каждое) определенный залог для выступления в качестве страховщика. Ллоиды встречаются при морском страховании главным образом в Англии и в Соединенных Штатах Америки.

2) Акционерные страховые общества, являющиеся наиболее распространенной формой организации страхования, представляют собою чисто капиталистические предприятия, преследующие цель извлечения прибыли в интересах акционеров. Для этих обществ страхование является не выполнением известной социальной функции, а средством к получению дохода, как от любой торговой или промышленной деятельности.

По своей юридической структуре акционерные страховые общества представляют собою обычные акционерные общества. Но ввиду того, что эти общества, обладающие громадными капиталами, собранными из взносов страхователей, могут злоупотреблять предоставленными им правами в отношении страхователей – лиц, в массе случаев экономически слабых, – законодательства вводят особые правила, устанавливающие за этими обществами особый правительственный надзор².

¹ Мане, «Основы страхового дела», гл. 2; «Словарь страховых терминов», 1925 г., стр. 51, 63, 66, 141.

² Во Франции – зак. 1868 г. о страховых акционерных обществах и зак. 1905 г. об акционерных обществах страхования жизни; в Швейцарии – зак. 1885 г. о надзоре за страховыми обществами; в Германии – зак. 1901 г. о надзоре за деятельностью страховых обществ; в Австрии – зак. 1921

3) Общества взаимного страхования (частные), представляющие собою весьма распространенную форму страхования, являются добровольными объединениями многих лиц с целью распределения между всеми участниками убытков от определенного несчастья, которое им всем угрожает, но постигает в действительности некоторых из них¹. При этой форме страхования каждый страхователь является участником общества и участвует через соответствующие органы – общие собрания, собрание уполномоченных, правление и совет – в управлении делами общества и в распоряжении могущими быть прибылями общества.

Преимущества для страхователей этой формы страхования перед акционерной формой заключаются: а) в дешевизне, так как в акционерном страховании из собранных премий должен быть не только покрыт убыток, понесенный страхователями, но и быть отчислена прибыль акционерам, при взаимном же страховании размер премии определяется величиной действительно понесенного ущерба; б) в легкости контроля, поскольку каждый страхователь является в то же время участником общества.

Невыгоды обществ взаимного страхования состоят:

а) в ограниченности круга участников; б) в отсутствии паевого капитала, что в особенности в первые годы организации общества не дает уверенности участникам на получение полного вознаграждения.

4) Общества смешанного типа представляют собою организации, заимствовавшие одновременно много черт, свойственных и акционерным страховым обществам, и обществам взаимного страхования. Некоторые акционерные общества дают акционерам право участия в прибылях и в управлении. Встречаются общества взаимного страхования, обладающие паевым капиталом, причем пайщики временами играют главную роль в управлении делами общества. Иногда более крупным страхователям предоставляется большее количество голосов, чем вводится в взаимное страхование начало, заимствованное из акционерного страхования².

II. *Формы публичного страхования*: 1) государственное, 2) общественное.

г. о надзоре за деятельностью страховых обществ; в Англии деятельность страховых акционерных обществ нормируется законом 1909 г.

¹ Ш е р ш е н е в и ч, «Курс торгового права», II, стр. 358.

² Большое количество частных страховых обществ и конкуренция между ними привели на Западе к возникновению союзов страховых предпринимателей, преследующих целью уничтожение конкуренции и предупреждение ее возрастания путем установления однообразных тарифов, выработки общих условий страхования и т.п. Этим союзам страховых предпринимателей с незначительным успехом пытаются противостоять союзы страхователей; М а н е с, «Основы», стр. 46.

1) Государственное страхование осуществляется на Западе или через специальные организации (Польша), или через те или другие органы государства, осуществляющие иные функции (страхование жизни через почтово-сберегательные конторы в Японии).

2) Общественное страхование совершается различными учреждениями и организациями, встречающимися на Западе в большом количестве и в чрезвычайно разнообразных формах (Германия, Швейцария, Австрия, Бельгия, Англия и т. д.)¹.

Не надо отождествлять страхование публичное с страхованием обязательным, а страхование частное с страхованием добровольным. Страхование жизни в Японии через почтово-сберегательные конторы является государственным и вместе с тем добровольным. Страхование рабочих от несчастных случаев в Италии обязательно, хотя и совершается в частных страховых обществах. Страхование в германских общественных страховых учреждениях в некоторых случаях заключается на началах обязательности, в других – на началах добровольности.

§ 2. Организация страхования в дореволюционной России

В дореволюционной России существовало большое разнообразие в организационных формах страхования.

Частное страхование строилось, по преимуществу, на акционерных началах («1-е Российское О-во», «Россия», «Саламандра», «Жизнь» и др.). Значительное развитие получили и частные общества взаимного страхования (городские).

Публичное страхование осуществлялось следующими организациями: а) государственными (губернское страхование от огня в тех губерниях, где не было земств; страхование жизни через государственные сберегательные кассы, страхование от огня в губерниях царства польского, страхование судов поморов в Архангельской губ.); б) общественными (земское страхование от огня и скота от падежа, обязательное страхование строений Варшавским магистратом); в) сословные (казацье страхование и синодальное); г) общинными (общества колонистов)².

Все эти страховые организации вели ожесточенную борьбу за страхователя, что не создавало благоприятных условий для развития страхового дела³.

¹ Подробн. см. М а н е с, «Основы», гл. 2 и С. А. Р ы б н и к о в, «Монополия страхового дела», стр. 29. сл.; 1923 г.

² «Словарь страховых терминов», стр. 141.

³ В. П о т о ц к и й, «Краткий курс», стр. 19 сл.

§ 3. Организация страхования в СССР

І. Государственная страховая монополия

Под именем государственной страховой монополии понимается такая организация страхования, когда во всей стране страхование осуществляется только самим государством в лице его специальных органов.

Вопрос о введении государственной страховой монополии был серьезно выдвинут в теории еще в 80-х годах XIX века известным немецким экономистом Адольфом Вагнером. Но до сих пор, если не считать не приведшей ни к каким практическим результатам попытки Италии ввести монополию страхования жизни, нигде на Западе государственная страховая монополия введена не была¹.

Осуществление задачи последовательного проведения государственной страховой монополии было осуществлено только Союзом ССР².

Монополия страхования была провозглашена еще в конце 1918 г. с исключением из страховой монополии кооперации³. Но только с переходом к новой экономической политике государственная страховая монополия могла быть поставлена на твердую почву и получить практическое осуществление.

Первое свое правовое оформление страховая монополия получила в декрете 6 октября 1921 г. о государственном имущественном страховании, признавшем, что все страховое дело может находиться только в руках государства, с некоторыми исключениями для кооперации. Статьей 7 этого декрета единственным страховым органом было указано Главное Управление Государственного Страхования, входившее в состав Народного Комиссариата Финансов. Страхование имуществ, находящихся на территории РСФСР, в иностранных страховых обществах, а также перестрахование таковых иму-

¹ Монополия страхования жизни была установлена в Италии законом 1912 г., но в 1922 г. правительством этот закон был аннулирован. Государственная монополия страхования была провозглашена еще законом 1911 г. в Уругвае; но фактически она там отсутствует, так как частные страховые общества продолжают свою работу в Уругвае до настоящего времени. В ближайшем будущем предполагается введение страховой монополии в Коста-Рике (Центральная Америка). Проекты национализации страхования возникали и в других странах, но не получили никаких результатов (в Германии – в 1919 г., в Дании – в 1924 г., во Франции последний проект относится к 1924 г.). Вопрос о введении страховой монополии обсуждался серьезно во время войны в 1916 г. и в дореволюционной России. «Вестн. Госстр.», 1924 г., № 23, стр. 42–46; С. Рыбник о в. «Монополия страхового дела», стр. 3.

² Исследование социально-экономической стороны советской страховой монополии выходит за пределы настоящей работы. См. С. Рыбник о в. «Монополия страхового дела». Ряд статей – в «Вестн. Госстраха» за 1922–1924 гг.

³ См. гл. II, § 2, II.

ществ в этих обществах без особого разрешения в каждом отдельном случае СНК было запрещено (ст. 6).

Такое положение вещей, когда единственным страховщиком на всей территории Советского государства оказывается одна государственная организация – Госстрах, – является, конечно, не чем иным, как государственной страховой монополией, хотя в декрете от 6 октября 1921 г. такой термин и не употребляется¹.

Последующее законодательство эту идею страховой монополии укрепило еще больше².

После образования Союза ССР, существование государственной монополии получило подтверждение в Положении о НКФ СССР. Ст. 13 этого Положения гласит: «Главное Правление Государственного Страхования, в качестве состоящего на хозяйственном расчете органа НКФ Союза ССР, в лице Правления Государственного Страхования союзных республик осуществляет государственную страховую монополию на территории Союза ССР и руководит делом государственного страхования в союзных республиках, на основании особого Положения».

Но наиболее ярко эта идея проявилась в Положении о государственном страховании Союза ССР, указывающем, что страхование во всех его видах является *государственной монополией* Союза ССР³.

С теоретической точки зрения обычно указывают на следующие положительные стороны государственной страховой монополии, дающие ей ряд преимуществ перед частным страхованием: 1) при страховой монополии создается обширнейшее страховое поле, что создает большую устойчивость для страховой организации и почти совершенно уничтожает потребность в перестраховании иностранных перестраховщиков; 2) облегчается выработка страховой тарификации; 3) государство получает возможность принять на свою ответственность такие риски, которые частные общества отказались бы принять по их высокой опасности, а также предоставить страхователям наибольшие льготы в отношении тарифов премий, порядка их уплаты и проч.; 4) страховая монополия уничтожает параллелизм страховых органов, прояв-

¹ Е. М е н, «Имуществен. страхование по законодат. СССР», 1924 г., стр. 7 сл.; «Вестн. Госстраха», 1924 г., № 11–12, 13, 14–16.

² Пост. СНК от 6 июля 1922 г., пост. СНК от 25 июля 1922 г., постан. НКФ от 27 ноября 1922 г. и др.

³ Ст. 1, 3. В виде изъятия Положение о государственном страховании сохраняет за НКПС и НКП и Т предоставленные им действующими законоположениями права на взимание особого сбора с объявленной ценности пассажирского багажа и почтовых отправок. Не изменяются так же правила об артелях ответственного труда. Там же, прим. 2, ст. 1. Об изъятиях для кооперации (см. стр. 309), для экспортно-импортных товаров (см. стр. 311). О перестраховании (см. стр. 317).

ляющийся при действии различных страховых организаций, и сокращает административные расходы.

Но в условиях советского государства, кроме этих преимуществ общего характера, страховая монополия обладает еще другими положительными свойствами, чуждыми частному страхованию.

Как указывает Е. М е н, даже в буржуазных государствах национализация страхового дела (государственная страховая монополия) не связывается исключительно с возможностью извлечения прибыли, а мыслится как мера социальная, не только имеющая прямой своей целью извлечение прибылей, но долженствующая путем удешевления и широкого распространения страхования создать наибольшую устойчивость как самой государственной операции, так и благосостояния населения и всего гражданского оборота страны. Самое сосредоточение в руках государства значительных страховых капиталов мыслится лишь в качестве подсобной второстепенной меры, как усиление средств казны, прямое же назначение их усматривается в другом – в открытии для государства возможности широкого развития мероприятий, имеющих целью уменьшение истребления имущества (и людей) стихийными бедствиями, предупреждение их и борьбу с ними¹.

Тем более резко выступает на первый план значение государственной страховой монополии как меры социальной в СССР.

«Получение прибыли, – говорит С. Р о з е н о е р, – как таковое, как самоцель, не является задачей Госстраха. Конечно, в результате того или иного благоприятного года в кассе Госстраха могут получиться некоторые излишки. Но эти излишки – не дивиденд, подлежащий выдаче акционерам. Они возвращаются населению в виде безвозвратных пособий на покупку пожарных машин, на борьбу с эпизоотиями и др. Цель Госстраха – не прибыль, а оказание помощи населению, пострадавшему от стихийных бедствий»².

Наглядной иллюстрацией к этим словам являются суммы, отчисленные Госстрахом на меры борьбы со стихийными бедствиями. Согласно «Обзору работы НКФ Союза ССР» за период с 1 октября 1923 г. по 1 апреля 1925 г., прибыль Госстраха за 1922–23 гг. выразилась в общей сумме в 8,2 миллиона рублей, причем за счет прибылей 1922–23 гг. на меры борьбы со стихийными бедствиями (путем превенции и репрессий) было ассигновано свыше 2,2 миллиона руб. За счет прибылей 1923–24 гг. проектируется отчислить 4–5 миллионов руб.³

¹ «Вестн. Госстраха», 1924 г., № 11–12, стр. 13 след.

² «Вестн. Госстраха», 1924 г., № 19, стр. 7.

³ «Обзор работы НКФ СССР», 1925 г., стр. 217.

II. Структура аппарата государственного страхования¹

А. Высшим органом надзора по отношению к Госстраху является НКФ СССР, в состав которого входит Главное Правление Госстраха в качестве органа, состоящего на хозяйственном расчете². На обязанности Народного Комиссара Финансов СССР лежит утверждение тарифов страховых премий и правил страхования, а также постановлений Страхового Совета при НКФ СССР, касающихся законодательных предположений по государственному страхованию и др. принципиальных вопросов по страховому делу, вносимых членами Совета или ведомствами Союза ССР³.

Народным комиссарам финансов союзных республик присваиваются в отношении соответствующих страховых советов права, аналогичные правам Народного Комиссара Финансов СССР в отношении страхового совета НКФ СССР⁴.

Б. При НКФ СССР состоит Страховой Совет – учреждение совещательного характера. На его обязанности лежит: рассмотрение вносимых Главным Правлением Госстраха планов страхования в общесоюзном масштабе, общих правил страхования (полисных условий), тарифов премий, законодательных предположений по государственному страхованию, предположений Главного Правления об общих основаниях отчислений в резервы премий по всем видам страхования, принципиальных вопросов по страховому делу, вносимых членами Совета или ведомствами Союза ССР и др.⁵

При НКФ союзных республик также имеются свои страховые советы. На них возлагается рассмотрение вносимых правлениями госстрахов союзных республик проектов планов страхования соответствующих республик, проектов правил страхования (полисных условий), проектов тарифов премий и др.⁶

¹ Структура органов Госстраха, организованная до издания Положения о Госстрахе, несколько отличается от структуры, принятой Положением. До образования соответствующих органов государственного страхования на основе Положения продолжают свою деятельность существующие органы Госстраха. Постановление ЦИК и СНК СССР о введении в действие Положения о Госстрахе, ст. 3.

² Положение о НКФ СССР, ст. 13.

³ При несогласии Народного Комиссара Финансов с постановлением большинства Страхового Совета вопрос переносится на разрешение СТО Союза ССР. План обязательного окладного страхования, во всяком случае, подлежит утверждению СТО по представлению Наркомфина Союза ССР.

⁴ При несогласии Народных Комиссаров Финансов с постановлением большинства страховых советов, вопрос переносится на разрешение ЭКОСО соответствующих республик.

⁵ Положение о Госстрахе, ст. 38.

⁶ Там же, ст. 41.

В. Центральным руководящим органом государственного страхования общесоюзного значения является Главное Правление Государственного Страхования («Госстрах Союза ССР»).

На Госстрах возложены в союзном масштабе следующие функции: перестрахование рисков Госстраха в иностранных страховых организациях и по приему от последних их рисков в порядке перестрахования, перестрахование рисков взаимных кооперативных страховых организаций, все виды транспортного страхования, все виды страхования имущества государственных учреждений Союза ССР и предприятий общесоюзного значения и все виды личного страхования. Кроме того, на Главное Правление Госстраха возлагается: общее руководство и надзор за страховыми операциями и за организацией дела государственного страхования во всем Союзе ССР, распоряжение имуществом и капиталом Госстраха, составление общих по всему Госстраху смет, сводных отчетов и балансов, разработка и внесение в Страховой Совет при НКФ СССР подлежащих его рассмотрению правил страхования (полисных условий), тарифов премий и правил к ним, а равно планов страхования в общесоюзном масштабе и др.¹

Главное Правление Госстраха состоит из председателя и членов в количестве не свыше шести человек. Председатель и члены Главного Правления назначаются Народным Комиссаром Финансов Союза ССР².

Кроме Главного Правления Госстраха имеются еще правления государственного страхования в союзных республиках.

На правления государственного страхования в союзных республиках возлагается: непосредственное ведение операций на территории соответствующих республик, за исключением операций, непосредственно ведущихся Главным Правлением Госстраха, руководство деятельностью местных органов Госстраха, их инструктирование и инспектирование и др.³

Таким образом, на Главное Правление Госстраха возложено, по преимуществу, общее руководство и надзор, непосредственное же ведение страховых операций входит в компетенцию госстрахов союзных республик, Главное Правление Госстраха, как указывалось, ведет непосредственно только операции по всем видам личного страхования, транспортного, страхования имущества государственных учреждений СССР и предприятий общесоюзного значения, а также по перестрахованию рисков взаимных кооперативных страховых организаций и по перестрахованию рисков Госстраха в иностранных страховых обществах.

¹ Положение о Госстрахе, ст. 23, 24.

² Там же, ст. 22.

³ Там же, ст. 28.

Правления государственного страхования союзных республик состоят из председателей и членов в количестве не свыше четырех, назначаемых Народным Комиссаром Финансов соответствующей союзной республики по соглашению с Главным Правлением Госстраха СССР, причем, по соглашению НКФ СССР с правительствами союзных республик, допускается взамен учреждения правления государственного страхования назначение уполномоченного Госстраха для данной республики¹. В настоящее время уже образованы правления – Росгосстраха, Белгосстраха, Укргосстраха, и Закгосстраха. Узбекистан и Туркменистан обслуживаются пока через уполномоченного Госстраха².

Г. Для проверки отчетности Госстраха НКФ СССР и НКФ союзных республик, по принадлежности, назначаются ежегодно особые ревизионные комиссии; ревизионная комиссия, назначаемая НКФ СССР, проверяет сводный отчет и баланс Главного Правления Госстраха, ревизионные же комиссии, назначаемые НКФ союзных республик, проверяют отчеты и балансы правлений Госстраха в соответствующих союзных республиках³.

Д. Местными органами Госстраха являются управления, конторы и агентства (агенты), подчиняющиеся правлению Госстраха соответствующей республики. Местные органы Госстраха производят страховые операции на основании Положения о Госстрахе, правил страхования и тарифов премий, а равно инструкций, циркуляров и распоряжений правлений Госстраха в соответствующей союзной республике⁴.

Правлениям Госстраха в союзных республиках предоставляется назначать своих уполномоченных с подчинением страховых органов нескольких губерний их руководству.

Непосредственное руководство всей работой и ответственность за правильное ведение страховых операций лежит, соответственно, на уполномоченном правления, на управляющем конторой или заведующем агентством. Заведующие агентствами (или агенты) назначаются конторами по соглашению с уездными (окружными) исполнительными комитетами, но подчиняются исключительно конторам Госстраха⁵.

Кроме того, в состав местных органов Госстраха входят: инспектора, на которых возлагается ревизия и инструктирование агентуры, а также установление связи с местными органами власти, волостные доверенные и др. Необходимо отметить также роль органов, оказывающих содействие, но не под-

¹ Положение о Госстрахе, ст. 27 и прим.

² П о т о ц к и й, там же, стр. 70. О взаимоотношениях Госстраха с Росгосстрахом см. С. К р а с н и к о в, «Вестник Госстраха», 1925 г., № 23–24.

³ Положение о Госстрахе, ст. 44–45.

⁴ Там же, ст. 31, 33.

⁵ Там же, ст. 32, 34, 35.

чиненных непосредственно Госстраху, — агентов-акквизиторов, субагентов, местные финорганы и сборщиков.

Непосредственное осуществление страховых операций производится через участковых и уездных (окружных агентов). Участковые агенты являются первичным аппаратом на местах по учету обязательного страхования, заключению и ликвидации договоров и сбору страховых премий. Уездные (окружные) агенты, выполняя те же обязанности, являются, кроме того, представителями Госстраха перед уисполкомами. Уездные (окружные) и участковые агенты состоят на службе Госстраха.

Значение агентов в деле страхования весьма велико. Являясь фактическим проводником государственного страхования в гуще населения, выполняя довольно сложную процедуру заключения страхования, агент должен быть хорошим знатоком своего дела¹.

От уездных (окружных) и участковых агентов надо отличать агентов-акквизиторов и субагентов.

Агенты-акквизиторы не являются служащими Госстраха и работают исключительно по привлечению добровольных страхований, без права выдачи страховых документов. Акквизиторами могут быть частные лица или учреждения.

Субагенты являются вспомогательными агентами, приглашаемыми, страховыми агентами для обслуживания отдаленных от их контор местностей. Всю материальную и моральную ответственность за действия субагентов несут пригласившие их страховые агенты.

Сборщики выбираются населением или назначаются сельсоветом для сбора платежей по обязательному окладному страхованию².

* * *

Организация аппарата Госстраха была бы, однако, не вполне охвачена, если бы мы не остановились еще на деятельности местных органов власти, оказывающих содействие Госстраху.

Обязанность оказывать содействие страховому делу лежит на всех органах власти на местах — краевых, областных, губернских, окружных, уездных и волостных исполкомах и сельских советах³. Особенно подробно устанавливаются в этом отношении функции волостных исполкомов и сельских

¹ Западноевропейские законодательства правовому регулированию агентуры отводят достаточное внимание: германский закон 1908 г., § 43–48, швейцарский закон 1908 г., § 34, австр. закон 1917 г., § 43–47; см. также В и л е н к и н, «Журн. мин. юстиции», 1910 г., № 5, стр. 150.

² «Словарь страховых терминов», стр. 6, 91, 133.

³ Полож. о Сев.-Кавк. Крае, § 56, п. «б», § 94, п. «п», Полож. о губисполк., § 30, п. 5, полож. об уисполк., § 22, п. «л» и полож. о волисполк., § 17, п. «и», § 23, п. «в» (РСФСР).

советов, что, конечно, представляется вполне понятным ввиду того, что без содействия и надзора органов власти, ближе всего стоящих к населению, никакой агент не будет в состоянии проводить надлежащим образом свою работу.

Положение о волостных съездах советов и волостных исполнительных комитетах возлагает на волисполкомы «наблюдение за деятельностью страховых агентов волости и оказание помощи сбору по окладному страхованию, а также выполнение необходимых противопожарных мер и организацию пожарной охраны». Таким образом, на волисполкомы возлагаются три обязанности: 1) принятие мер страховой превенции, 2) оказание содействия по сбору им взносов по обязательному окладному страхованию, 3) надзор за деятельностью страховых агентов¹.

Положение о сельских советах возлагает на сельский совет – участие в оценке строений страховыми агентами, содействие сбору страховых взносов и участие в оценке убытков после пожара. На обязанности сельских советов лежит также организация пожарной охраны и наблюдение за выполнением гражданами своих обязанностей по борьбе с пожарами².

* * *

В связи с проведением в жизнь обязательного окладного страхования в сельских местностях инструкцией ЭКОСО РСФСР от 29 октября 1925 г. («Известия», № 266 от 21 ноября 1925 г.) организованы еще особые органы, принимающие участие в распределении для сельского населения льгот по этому виду страхования.

Самые льготы применяются местными органами Правления Госстраха РСФСР по принадлежности. Но списки хозяйств, имеющих право на льготы, утверждаются, а также все жалобы по применению льгот рассматриваются особыми губернскими (областными, краевыми), уездными (окружными, кантонными, аймачными) или волостными (районными) совещаниями по страховым вопросам, образуемыми: а) губернские (областные, краевые) или уездные (окружные, кантонные, аймачные) в составе: управляющего местной конторой Росгосстраха (или уездного агента последнего), представителей от местной плановой комиссии финансового отдела, земельного отдела, крестьянского общества взаимопомощи и сельскохозяйственной кооперации (по одному от каждой организации); б) волостные (районные) в составе: председателя или члена волостного (районного) исполнительного комитета,

¹ См. В. М о р з о в , «Вестн. Госстраха», 1924 г., № 24. Пол. о волисполкомах, § 17, п. «и», § 23, п. «в». Пол. о Госстрахе, ст. 37.

² Положение РСФСР о сельских советах, § 9, п. «л», § 8, п. «р».

участкового агента, в район которого входит данная волость (район), или его помощника, представителя волостного (районного) комитета крестьянского общества взаимопомощи, участкового агронома, ветеринара, если они проживают в месте нахождения подлежащего исполнительного комитета, и представителя сельскохозяйственной кооперации¹.

Постановлением ЭКОСО РСФСР от 5 февраля 1926 г. образованы особые страховые комиссии для предоставления льгот по обязательному окладному страхованию в городах. Эти страховые комиссии образуются в каждом городе или поселении и городского типа в составе: по одному представителю от финансовой и коммунальной секций городского совета, представителя от местного органа Росгосстраха, от профессиональных союзов и от органа социального обеспечения («Известия» от 13 февраля 1926 г., № 36).

III. Средства и отчетность Госстраха

Все средства Госстраха являются едиными для государственного страхования Союза ССР. Средства Госстраха составляют: 1) отпущенные ему правительством – а) основной капитал в сумме 5 000 000 рублей, б) особый резервный капитал в сумме 2 500 000 рублей; 2) образуемые в процессе операций Госстраха – а) запасные капиталы и капиталы специального назначения; б) резервы премий по страхованию; в) текущие поступления по операциям.

Из текущих поступлений (страховые премии, проценты по текущим счетам и др. поступления) по операциям, производимым правлениями Госстраха в союзных республиках и по операциям личного страхования 25% поступлений переводятся на счет Главного Правления, остальные 75% текущих поступлений остаются в распоряжении правлений госстрахов союзных республик. Текущие поступления по операциям, производимым правлениями Госстраха в союзных республиках от имени и за счет Главного Правления (ст. 24, 28, п. «л»), за исключением поступлений по операциям личного страхования, полностью зачисляются на счет Главного Правления².

Если в течение года выяснится необходимость в пополнении оборотных средств правлений Госстраха в союзных республиках, то такое пополнение производится Главным Правлением из средств, находящихся в его распоряжении. Равным образом, правления госстрахов союзных республик обязаны в экстренных случаях пополнять средства Главного Правления, если находящиеся в его распоряжении оборотные средства окажутся недостаточными³.

¹ Постановление ЭКОСО РСФСР от 29 октября 1925 г., § 10. Аналогичные органы имеются и в других союзных республиках.

² Положение о Госстрахе, ст. 47, 46, 48, 49.

³ Там же, ст. 51.

По утверждению общего отчета и баланса Госстраха НКФ СССР и по выведении чистой прибыли, последняя распределяется следующим образом: по операциям обязательного окладного страхования – а) 50% отчисляются на образование запасного капитала и пополнение заимствований из основного капитала, б) 50% отчисляются на меры предупреждения и борьбы со случаями, предусмотренными страхованием; по прочим операциям государственного страхования – а) 50% отчисляются на образование запасного капитала и пополнение заимствований из основного капитала, б) 20% отчисляются на меры превенции и репрессии, в) 15% отчисляются на рабочее жилищное строительство, г) 10% отчисляются в доход казны и 5% – на улучшение материального положения сотрудников Госстраха¹.

IV. Кооперативное страхование

Как уже отмечалось, декрет от 6 октября 1921 года о государственном имущественном страховании, вводя государственную страховую монополию, установил изъятие для кооперации.

Согласно ст. 5 этого декрета, кооперативным организациям предоставлялось право взамен обязательного государственного страхования организовать взаимное страхование собственных имуществ от стихийных бедствий. Отсюда следовало, что имущества, принадлежащие кооперативным организациям, могли страховаться, по желанию кооперативных организаций, или в Госстрахе, или в кооперативных страховых организациях, но, если в течение известного срока – трех месяцев – эти имущества не оказывались застрахованными в кооперативном страховании, то они считались застрахованными в Госстрахе².

На основании декрета от 6 октября 1921 г., в СССР образовались три кооперативных страховых центра: 1) Страховая Секция Центросоюза для страхования имуществ потребительской кооперации; 2) Всероссийский Кооперативный Страховой Союз для страхования имуществ других видов кооперации и 3) Украинский Кооперативный Страховой Союз для страхования имуществ всех видов кооперации.

Организация этих кооперативных страховых центров построена на принципе взаимности.

Согласно положению об организации страхования Центросоюзом, для ведения страховых операций учреждается основной страховой фонд, образуемый из специального ассигнования Центросоюза и из взносов кооперативных союзов, состоящих членами Центросоюза, причем размер их взносов определяется в зависимости от мощности каждого союза. В случае недоста-

¹ Положение о Госстрахе, ст. 54.

² Циркуляр Госстраха, № 705, гл. XVIII, § 1, 4, 6.

точности страховых капиталов на покрытие чрезвычайных убытков, Центросоюз и его члены могут быть привлечены к дополнительной ответственности в размере не менее десятикратного отчисления в основной страховой фонд. Для организации страхового дела и ведения страховых операций при Центросоюзе учреждена Страховая Секция, возглавляемая Страховым Советом, На местах страхование производится кооперативными союзами, действующими по особому соглашению с Центросоюзом в качестве его представителей. Страховой Совет разрабатывает общие вопросы кооперативного страхования, устанавливает виды и формы страховых операций, разрабатывает вопросы организации кооперативного страхования и проч.¹

На аналогичных началах построена организация Всероссийского Кооперативного Страхового Союза и Украинского Кооперативного Страхового Союза.

Право кооперативных организаций на производство страховых операций в виде изъятия из действующей в СССР страховой монополии сохранилось и Положением о государственном страховании².

Положение о государственном страховании предоставляет право союзам кооперативов всех степеней учреждать взаимные страховые организации для страхования в них собственных имуществ членов данной страховой организации, а равно имуществ первичных кооперативов, непосредственно входящих в кооперативное объединение любой степени, состоящее членом страховой организации.

Операции кооперативных страховых организаций, действующих на территории одной из союзных республик, производятся на основании уставов и правил кооперативных страховых организаций, утверждаемых в порядке законодательства союзных республик. Операции кооперативных страховых организаций, действующих на территории двух или более союзных республик, производятся на основании уставов и правил, утверждаемых НКФ СССР³.

В отличие от ранее действовавшего порядка, по которому взаимному кооперативному страхованию подлежали только собственные имущества кооперативных организаций⁴, в настоящее время в кооперативных организациях могут быть застрахованы не только собственные имущества кооперативов, но и строения, принадлежащие им на праве застройки, а также товары, переданные им на комиссию, для хранения и для перевозки⁵.

¹ Н. М а т в е е в, «Кооперативное страхование», 1923 г., стр. 31.

² Прим. I к ст. 1.

³ Приложение к ст. 1, ст. 2, I.

⁴ Циркуляр Госстраха, № 705, гл. XVIII.

⁵ Пол. о Госстрахе, прил. к ст. 1, ст. 2.

Все эти имущества, в тех случаях, когда они подлежат обязательному окладному и неокладному страхованию, освобождаются от обязательного страхования в Госстрахе, если они застрахованы во взаимном кооперативном страховании¹.

Предоставление кооперативным организациям права организовать взаимное кооперативное страхование не означает, однако, полного отрыва кооперативного страхования от страхования государственного, проводимого Госстрахом.

Все риски, принятые кооперативными страховыми организациями в суммах, выше установленных, должны перестраховываться в известной доле в Главном Правлении Госстраха². Таким образом, в операционном отношении кооперативное страхование тесно связывается с государственным страхованием. Но эта связь проявляется и в организационном отношении. Положение о Госстрахе включает в состав страхового совета, состоящего при НКФ СССР, и страховых советов, состоящих при НКФ союзных республик, представителей от кооперации³.

V. Страхование за границей

Постановлением СНК от 6 октября 1921 г. застрахование каких-либо имуществ в иностранных страховых обществах не допускалось без разрешения в каждом отдельном случае СНК (ст. 6). Отсюда следовало, что, если экспортные товары в момент застрахования еще находились на территории Советского государства, то они могли быть застрахованы только в Госстрахе. Поскольку же такие товары находились уже вне территории Советского государства, их можно было застраховать или в Госстрахе, или в иностранном страховом обществе⁴.

Что же касается страхования импортных товаров, то вне пределов Союза ССР они могли быть застрахованы, по выбору страхователя, или в Госстрахе, или в иностранных страховых обществах⁵.

Положением о государственном страховании этот порядок был несколько изменен.

¹ Пол. о Госстрахе, ст. 3.

² Там же, ст. 4.

³ Там же, ст. 37, п. 5, 6, ст. 40, п. 3.

⁴ В. К. Р а й х е р, «Государственное имущественное страхование в СССР», стр. 10. Исключение было сделано только для Добровольного Флота, которому было разрешено страхование в иностранных страховых обществах перевозимых на его судах экспортных грузов (С.У. 1922 г., № 45, ст. 556, § 18 и прим.).

⁵ Там же, стр. 11.

Положение о Госстрахе в общем подтверждает прежний порядок, указывая, что страхование в иностранных страховых обществах всякого рода имущества, находящегося в пределах СССР, а равно речных, морских и воздушных судов под флагом СССР, допускается исключительно с разрешения СНК СССР; но в отношении экспортных и импортных товаров Положение вводит новые правила.

Согласно Положению о Госстрахе, экспортно-импортные товары, находящиеся за границей и состоящие в непосредственном распоряжении правительственных учреждений, государственных органов, кооперативных организаций и граждан Союза ССР, могут страховаться исключительно в Госстрахе или в смешанных обществах по соглашению с Госстрахом¹.

Некоторое изменение в порядок, установленный Положением, внесено Советско-германским торговым договором от 12 октября 1925 г. Этот договор устанавливает, что, если на территории одной из сторон (Германии или Союза ССР) находятся во время ввоза, вывоза или транзита товары граждан или хозяйственных органов другой стороны, не имеющих в первой стране ни своего местопребывания, ни отделений, то эти товары, пока они идут за риск указанных граждан или хозяйственных органов, могут страховаться во второй раз в обществах той страны, по которой проходят. Практически это означает, что, например, германская фирма, закупившая в пределах СССР какой-либо товар, имеет право страховать этот товар в заграничном обществе, хотя бы этот товар находился на территории СССР².

В пределах Западной Европы агентура по транспортным операциям сосредоточена в руках торговых представительств. Кроме того, организованы агентства в Персии, Манчжурии и Китае³. В целях облегчения для иностранного кредитного оборота обслуживания страхованием внешней торговли Союза ССР, Госстрахом, с разрешения НКФ, было учреждено в Лондоне в 1925 г. в феврале смешанное страховое акционерное общество с капиталом в 100 000 английских фунтов, под наименованием — Черноморско-Балтийское Страховое Общество⁴.

¹ Пол. о Госстрахе, ст. 2.

² Советско-германский торговый договор, § 16–18; изд. НКВТ, Я. Г а н е ц к и й, «Советско-германский торговый договор», 1926 г., стр. 22.

³ П о т о ц к и й, «Краткий курс», стр. 71.

⁴ «Обзор работы НКФ Союза ССР от 1 октября 1923 г. по 1 апреля 1925 г.», стр. 206.

ГЛАВА V

ВИДЫ СТРАХОВАНИЯ

§ 1. Виды страхования по роду страхуемых опасностей

Для всех разновидностей страховых правоотношений характерным признаком является идея обеспечения страхователя или выгодоприобретателя от возможного вреда и недостатка. Но в одних случаях эта идея находит свое выражение в установлении обязанности страховщика возмещать понесенные страхователем или выгодоприобретателем убытки, в других же случаях – в установлении обязанности страховщика к уплате определенной суммы денег, независимо от того, были ли понесены убытки или нет. В первом случае говорят о «страховании убытков» (*Schadenversicherung*), во втором же случае – «о страховании сумм» (*Summenversicherung*). Первый вид страхования применяется при страховании имущества, второй – при страховании лица. Отсюда ведет свое начало основное деление всех видов страхования – на страхование *имущественное* и страхование *личное*. Также поступает и ГК (ст. 367), указывающий, что при имущественном страховании страховщик обязуется возместить страхователю или выгодоприобретателю в пределах страховой суммы понесенные ими убытки, при личном же страховании страховщик обязуется уплатить страховую сумму.

В свою очередь имущественное и личное страхования допускают ряд дальнейших подразделений.

1. *Имущественное страхование* делится в зависимости от рода опасности на очень большое количество разновидностей.

Опасности, угрожающие имуществу, могут быть чрезвычайно разнообразны. Часть этих опасностей вызывается исключительно силами природы: наводнения, землетрясения, бури, град. Другая часть опасностей, хотя и является результатом сил природы, но тем не менее может быть вызвана и действиями человека: пожар, болезнь животных. И, наконец, последняя часть опасностей может быть вызвана исключительно действиями человека: кража, растрата.

Положение о Госстрахе СССР предусматривает следующие виды имущественного страхования:

1) страхование от огня; 2) страхование животных; 3) страхование растительных культур от градобития и иных бедствий; 4) страхование средств

транспорта, грузов, фрахта и т. п. и почтовых посылок; 5) гарантийное страхование; 6) страхование от краж со взломом¹.

II. *Личное страхование* делится на два основных вида: 1) страхование жизни и 2) страхование от несчастных случаев и болезней, влекущих за собой временную или постоянную утрату трудоспособности².

Страхование жизни подразделяется на две основных отрасли: а) страхование капиталов и б) страхование рент (доходов).

В первом случае страховщик принимает на себя обязательство при наступлении предусмотренного договором события (смерть, достижение известного возраста) уплатить страхователю единовременно известную сумму денег (капитал).

Во втором случае, страховщик обязывается выплачивать страхователю определенную сумму денег (доход, ренту) в течение известного количества времени или пожизненно.

Страхование капитала делится на три основных вида: а) страхование на случай смерти; б) страхование на дожитие и в) страхование смешанное.

При страховании на случай смерти страховщик обязуется уплатить страховое вознаграждение на случай смерти застрахованного лица. Страхование на случай смерти может быть временным или пожизненным.

Временное страхование на случай смерти ограничивается определенным сроком (2, 5 и т. д. лет). По этому виду страхования страховщик отвечает только тогда, когда застрахованное лицо умрет до истечения срока, ука-

¹ Страхование от краж со взломом, предусмотренное Положением о Госстрахе, до сих пор Госстрахом фактически еще не проводится. По постановлению СТО, государственное страхование может быть распространено и на другие, сверх указанных, виды страхования; Положение о Госстрахе, ст. 7. Постановлением СТО от 10 февраля 1926 г. введен новый вид страхования – страхование от гражданской ответственности, возникшей на водных, воздушных и сухопутных путях сообщения («Известия ЦИК СССР» от 24 февраля 1926 г., № 45).

Весьма интересная форма страхования «от неурожая» была предметом обсуждения на съезде страховых работников в 1925 г. См. доклад В. Г о х м а н а, выдвинувшего в качестве основных положений: а) принцип «предельного риска», по которому Госстрах гарантирует страхователю определенную долю среднего урожая; б) построение страхования от неурожая на основе натуральных ценностей, т. е. так, чтобы страховое вознаграждение выдавалось, если не натурой, то в денежной сумме, достаточной для реального покрытия дефицита; в) целесообразность этого вида страхования в форме обязательного. «Фин. газета», 1925 г., № 69. См. также П о т о ц к и й, «Краткий курс», гл. XIII.

На Западе имущественное страхование применяется в очень широком масштабе. Кроме обычных разновидностей страхования – от огня, транспортного, от градобитий, скота, – имущественное страхование применяется еще: от краж со взломом, стекол в витринах магазинов от разбития, от гражданской ответственности, машин, от простоя квартир, от народных волнений, выигрышных билетов, от ураганов, от дурной погоды, от потери артистами голоса и красоты (в Америке) и мн. др.

² Пол. о Госстрахе, ст. 7, п. 7.

занного в договоре. Если же застрахованное лицо умрет после истечения срока договора, то страховщик от ответственности освобождается.

Пожизненное страхование на случай смерти не ограничивается каким-либо определенным сроком. В этом случае страховщик обязуется уплатить страховое вознаграждение, когда бы ни произошла смерть застрахованного лица.

При страховании на дожитие страховщик обязуется уплатить страховое вознаграждение лицу, указанному в договоре, в случае, если это лицо доживет до определенного возраста.

При смешанном страховании, представляющем собою соединение указанных двух видов страхования жизни, страховщик обязуется уплатить страховое вознаграждение или при достижении лицом, указанным в договоре, известного возраста, или в случае его смерти, и до достижения им этого возраста¹.

В свою очередь, указанные формы страхования жизни допускают дальнейшие подразделения.

В качестве особой формы страхования жизни надлежит отметить еще получившее на Западе² широкое распространение (Англия, Северо-Американские Соединенные Штаты, Германия и др.) так называемое народное страхование жизни, приуроченное к интересам широких кругов малоимущего населения.

К числу характерных черт этой последней формы страхования жизни относятся: 1) ограничение страховой суммы известным максимумом; 2) отсутствие медицинского освидетельствования (или упрощение его); 3) частые взносы премий; 4) отсроченная ответственность, устанавливающая ответственность страховщика некоторое время спустя (через несколько лет), а не сразу после заключения договора³.

В СССР в настоящее время применяется страхование на случай смерти и смешанное. Страхование на дожитие в чистом виде Госстрахом не проводится. Что же касается страхования пенсий, то Госстрахом уже разрабатывается способ страхования пенсий, заключающийся в том, что страхователь может вносить любые суммы, причем каждая сумма дает, согласно выработанному тарифу, определенную пенсию; окончательная же пенсия составит из отдельных частей, получившихся в результате сделанных отдельных взносов⁴.

¹ В. Г о х м а н, «Очерки», стр. 7 след.; «Словарь страховых терминов», стр. 108.

² Народное страхование применяется и в СССР,

³ «Словарь страх. терминов», стр. 108 и сл.

⁴ П о т о ц к и й, «Краткий курс страхования», стр. 196.

II. Не все события, от последствия наступления которых совершаются страхования, являются «несчастьем» в буквальном смысле слова. Тем не менее нельзя не признать, что для большинства страхований наступление этих событий, несомненно, является «несчастливым случаем» (пожар, градобитие и т. п.).

Этому пониманию несчастного случая в широком смысле слова надо, однако, противопоставить понимание несчастного случая в узком смысле слова. В последнем своем значении несчастный случай понимается как событие, причиняющее человеку помимо его воли и извне телесное повреждение, вызывающее смерть или инвалидность¹ (увечье на железной дороге, от автомобиля и т. п.).

Этот последний вид опасности и предусматривает страхование «от несчастных случаев».

В СССР операции по страхованию от несчастных случаев открыты сравнительно недавно – с лета 1925 г.²

Немаловажный интерес представляет вопрос о взаимоотношении страхования от несчастных случаев с так называемым социальным страхованием, проводимым Кодексом законов о труде.

Сходство между этими двумя видами страхований заключается в том, что и при социальном страховании страхование часто имеет целью обеспечить страхователя или его близких от последствия различных событий, влекущих за собою смерть или утрату трудоспособности (увечье рабочего на фабрике и т. п.).

Тем не менее, различия между этими видами страхования весьма значительны, и оба вида страхований являются самостоятельными институтами.

Согласно Кодексу законов о труде, социальное страхование распространяется на всех лиц наемного труда (рабочих, служащих), причем все застрахованные обеспечиваются пособиями в размере тарифной сетки, соответствующей категории в данном предприятии или учреждении. Неуплата страховых взносов не лишает лиц наемного труда права на получение пособий по социальному страхованию³.

Страхование от несчастных случаев может иметь применение только к тем группам населения, которые не подлежат социальному страхованию. В отношении же тех лиц, которые подпадают под действие социального страхования, страхование от несчастных случаев может применяться только в

¹ Правила страхования от несчастных случаев, § 2, п. I.

² Положение о Госстрахе сохраняет эту форму личного страхования, ст. 7, п. 7.

³ Ст. 175, 179, 191.

качестве страхования дополнительного, в целях получения полного возмещения вреда, не всегда возмещаемого социальным страхованием¹.

В отличие от социального страхования размер страхового вознаграждения при страховании от несчастных случаев в принципе не является ограниченным какими-нибудь пределами. Но выплата страхового вознаграждения при страховании от несчастных случаев предполагает уплату страховых взносов (премий)².

Различен и объем ответственности. По страхованию от несчастных случаев Госстрах уплачивает вознаграждение только в случае смерти, инвалидности или временной неспособности к труду. Социальное же страхование охватывает собой: а) оказание медицинской помощи; б) выдачу пособий при временной утрате трудоспособности; в) выдачу дополнительных пособий (предметы ухода, погребение и т. п.); г) выдачу пособий при безработице; д) выдачу пособий при инвалидности; е) выдачу пособий членам семейств трудящихся по найму в случае смерти или неизвестного отсутствия их кормильца³.

Наконец, социальное страхование строится на началах обязательности, страхование от несчастных случаев является в СССР страхованием добровольным.

III. В особую категорию видов страхования надо отнести так называемое *перестрахование*.

Перестрахование преследует цель придать финансовую устойчивость страховым операциям. Страховщик должен в каждом принимаемом на страх риск соблюдать известный уровень своей заинтересованности, приемлемый для него с технически-страховой и финансовой точек зрения⁴. Всякий риск, превышающий этот уровень, может повлечь за собой гибель всего страхового учреждения. Отсюда для страховщика два пути: 1) или отказываться от принятия на страх подобных рисков, или 2) привлекать к участию в несении риска других страховщиков. Второй путь и находит свое выражение в перестраховании, под коим разумеется передача страховщиком части риска другому или другим страховщикам.

В СССР обязательное перестрахование установлено для кооперативных страховых организаций.

Положение о Госстрахе Союза ССР обязывает кооперативные страховые организации все риски, принятые в суммах, превышающих установленные по соглашению с Главным Правлением Госстраха максимумы,

¹ См. ст. 413 ГК.

² Различного рода льготы в уплате премии не меняют этого основного положения.

³ Код. Зак. о Труде, ст. 176.

⁴ «Словарь страховых терминов», стр. 75.

перестраховывать в Главном Правлении Госстраха в доле, устанавливаемой соглашением между ними. В договоры о перестраховании, заключаемые на изложенных основаниях, может, по соглашению сторон, включаться и условие об ограничении размеров ответственности кооперативных страховых организаций по каждому отдельному риску вторым (предельным) максимумом с тем, чтобы вся остальная, превышающая этот максимум страховая сумма полностью поступала на ответственность Главного Правления Госстраха. Разногласия между Госстрахом и кооперативными страховыми организациями относительно условий перестрахования рассматриваются Страховым Советом при НКФ СССР, причем кооперативные организации, недовольные постановлениями Страхового Совета, имеют право обжалования в СТО Союза ССР¹.

Госстрах может также заключать перестрахования своих рисков в иностранных страховых обществах по всем видам страхования, кроме обязательного окладного страхования².

В свою очередь, Главному Правлению Госстраха разрешается принимать в перестрахование риски иностранных страховых организаций на основе договоров, заключенных с одобрения НКФ СССР.

Риски, принятые Госстрахом в перестрахование как от советских кооперативных страховых организаций, так и от страховых организаций иностранных, разрешается передавать в дальнейшее перестрахование на основаниях и в пределах, установленных правилами Положения о Госстрахе³.

§ 2. Виды страхования по их юридической природе

Все виды страхования могут быть по своей юридической природе разделены на 2 группы: на страхование *обязательное* и страхование *добровольное*.

Страхование обязательное заключается в том, что страховое правоотношение в некоторых случаях возникает непосредственно в силу веления закона. В этих случаях Госстрах берет на себя инициативу в деле защиты экономических интересов широких масс населения и имущественных интересов самого государства или местных советов.

I. В СССР обязательное страхование бывает следующих видов: 1) обязательное *окладное* страхование и 2) обязательное *неокладное* страхование.

1) Обязательному *окладному* страхованию в СССР подлежат: а) строения, принадлежащие кооперативам и частным лицам, страхуемые от огня;

¹ Пол. о Госстрахе, прил. к ст. 1, ст. 4.

² Пол. о Госстрахе, ст. 7 и прил. к ст. 7.

³ Положение о Госстрахе, прил. к ст. 7, ст. 7–8.

б) растительные культуры, страхуемые от градобитий, и в) сельскохозяйственный скот от падежа.

Окладное страхование растительных культур от градобития, крупного рогатого скота и лошадей от падежа может быть введено в обязательном порядке в пределах плана, утвержденного СТО, лишь постановлениями губисполкомов, с согласия уездных съездов советов или пленумов уездных (или соответствующих им) исполнительных комитетов. Таким же порядком может быть установлено распространение окладного страхования и на другие виды имущества и опасности¹.

Безусловная обязательность страхования, таким образом, оставлена только для огневого страхования.

Обязательное окладное страхование носит массовый характер, а потому пользуется упрощенными формами. Оно не распространяется на каждое имущество и не обеспечивает действительную его стоимость, а идет путем установления однородных групповых норм. Эти групповые нормы носят название окладных, так как в соответствии с ними на страхователя начисляется определенный обязательный платеж – «оклад». Отсюда и само страхование называется окладным².

План окладного страхования на каждый год, в котором предусматриваются виды обязательного окладного страхования, подлежащие этому страхованию имущества и местности, где такое страхование вводится, а также сроки и тарифы страховых премий и размер окладных норм обеспечения (страховых сумм) составляются следующим образом: правления государственного страхования в союзных республиках разрабатывают проекты планов окладного страхования в масштабе соответствующей республики и по рассмотрении их в страховых советах при НКФ союзных республик и по одобрении ЭКОСО данных республик направляют эти проекты в Главное Правление Госстраха, которое на основе представленных проектов составляет общий план окладного страхования по Союзу ССР.

Этот общий план по рассмотрении его в Страховом Совете при НКФ СССР и одобрении НКФ Союза ССР утверждается СТО Союза ССР.

Правительства автономных республик, областные и губернские исполнительные комитеты осуществляют общее наблюдение за проведением в жизнь плана окладного страхования, издают постановления, в которых дифференцируют по отдельным подведомственным им районам нормы страхового обеспечения в пределах средних норм, установленных планом окладного страхования, а также устанавливают в указанных же пределах нормы страхового обеспечения для отдельных строений двора, равным

¹ Пол. о Госстрахе, ст. 9.

² П о т о ц к и й, «Краткий курс», стр. 26.

образом осуществляют проведение установленных планом льгот беднейшему населению¹.

Постановлением СТО от 2 сентября 1925 г. об обязательном страховании в сельских местностях в 1925–1926 гг., сельское обязательное окладное страхование установлено от огня (строений) в 59 губерниях, а также в округах Уральской Области и Северо-Кавказского Края РСФСР, в 42 округах и в одной автономной республике УССР, во всей БССР и в одной области Узбекской ССР². Сельское обязательное окладное страхование посевов и сельскохозяйственного скота (крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов) разрешено в тех уездах, округах и кантонах автономных республик, областей и губерний, в которых уездными или соответствующими съездами советов, а при невозможности (ввиду срочности дела) немедленного созыва съездов советов – пленумами уездных или соответствующих им исполнительных комитетов, будут вынесены постановления о введении указанных видов страхования. Постановления, вынесенные вышеуказанными местными органами, о введении названных видов обязательного страхования на 1924–1925 г. сохраняют свою силу и на 1925–1926 г. за исключением тех случаев, когда названные органы вынесли до 1 октября 1925 г. постановление об отмене обязательности этих видов страхования.

Постановлением СТО от 2 сентября 1925 г. сельскому населению предоставлен ряд весьма значительных льгот. По страхованию строений от огня и посевов от градобитий беднейшие и разоренные стихийным бедствием сельские хозяйства, семьи красноармейцев, а также добровольные пожарные организации освобождены от взноса страховых платежей полностью или частью с тем, чтобы число освобожденных, по расчету на полное освобождение, было равно 15% общего числа соответственно застрахованных хозяйств.

По страхованию животных от падежа освобождаются от взносов беднейшие и разоренные стихийными бедствиями сельские хозяйства, а также маломощные хозяйства, получившие ссуды в порядке сельскохозяйственного кредита, а равно добровольные пожарные организации с тем, чтобы количество хозяйств, освобождаемых от уплаты страховых платежей, по страхованию крупного скота, не превышало 10% общего числа застрахованных хозяйств того округа или уезда, в котором данное страхование производится, а для верблюдов и лошадей этот процент не превышал 7½%³.

¹ Пол. о Госстрахе, ст. 10, 11.

² Пост. СТО об обязательном окладном страховании в сельских местностях в 1925–1926 г., ст. 1, 2. Собр. Зак. и Распор., 1925 г., № 63, ст. 464.

³ Пост. СТО об обяз. страховании в сельск. местн., ст. 8.

Что касается обязательного окладного страхования в городах, то постановлением СТО от 2 сентября 1925 г. об обязательном окладном страховании в городах на 1925–1926 г., окладное обязательное страхование строений от огня установлено на всей территории Союза ССР, за исключением Северного Сахалина, Камчатской губернии, Кара-Калпакской автономной области и Якутской АССР. Обязательное окладное страхование крупного рогатого скота от падежа введено в 1925–1926 г. в тех городах СССР, которые попали в особый список, установленный СТО. Обязательное окладное страхование лошадей и верблюдов установлено для тех автономных республик, областей, губерний, округов и уездов, в которых в течение 1925–1926 г. будет действовать это страхование в сельских местностях. Что касается страхования в пределах городской черты полевых посевов, то оно установлено в качестве обязательного страхования по нормам и тарифам, указанным по плану обязательного окладного страхования в сельских местностях на 1925–1926 г. с тем, чтобы постановления, предусмотренные ст. 2 постановления СТО от 2 сентября 1925 г. об обязательном окладном сельском страховании, выносились в подлежащих случаях горсовета́ми или соответствующими им органами¹.

Постановлением СТО от 2 сентября 1925 г. предоставлен ряд льгот и городскому населению. От взноса страховых платежей полностью или частью освобождено беднейшее городское население, хозяйства, разоренные стихийными бедствиями, семьи красноармейцев, а также добровольные пожарные организации с тем, чтобы общая сумма сложенного оклада не превысила 5% общей суммы начисленной страховой премии по каждому виду обязательного окладного страхования в городах. Для членов профсоюзов, рабочих и служащих по найму, лиц, пользующихся социальным обеспечением, членов добровольных пожарных дружин и кустарей-одиночек, а также для всякого рода объединений, состоящих исключительно из лиц поименованных выше категорий, установлен ряд скидок с тарифов премий: по страхованию посевов от градобития и строений от огня – в размере 10%, по страхованию лошадей и верблюдов – в размере 5%².

Кроме перечисленных льгот значительные льготы установлены для обязательного окладного страхования еще постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 13 июля 1925 г.³ Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР, на суммы страхового вознаграждения за убытки, причитающиеся страхова-

¹ Пост. СТО об обяз. окладном страховании в городах, ст. 1–4. Собр. Зак. и Расп., 1925 г., № 63, ст. 465.

² Там же, ст. 8, 9.

³ Примеч. к ст. 271 ГПК РСФСР, «Известия» № 180 от 9 августа 1925 г. См., кроме того, Пол. о взимании налогов, утвержд. ЦИК и СНК Союза ССР 2 октября 1925 г., ст. 17, п. «в».

телям по обязательному окладному страхованию, при условии обращения этих сумм исключительно на восстановление погибшего имущества, не могут быть обращаемы взыскания за всякого рода долги страхователя госорганам и частным лицам, за исключением претензий по зарплате, социальному страхованию, а также претензий кредитных учреждений, обеспеченных залогом застрахованного имущества.

2) Обязательному *неокладному* страхованию в СССР подлежат: а) имущества, принадлежащие государству и местным советам, находящиеся во временном владении, пользовании или распоряжении на началах аренды, права застройки, комиссии или по какому-либо иному основанию у кооперативов и частных лиц – физических и юридических; б) имущества, принадлежащие кооперативам и частным лицам, служащие обеспечением ссуд, выданных государственными, в том числе и коммунальными, кредитными учреждениями; в) товары, принадлежащие государственным органам, кооперативам и частным физическим и юридическим лицам, поступающие на хранение в учрежденные надлежащим порядком специальные товарные склады, если под эти товары выданы варрантные (складочные и залоговые) свидетельства¹.

В настоящее время обязательное неокладное страхование применяется в СССР при страховании от огня и при транспортном страховании². Распространение неокладного страхования на иные виды имущества, кроме перечисленных, а равно ограничение применения обязательного неокладного страхования как в отношении подлежащих означенному страхованию имуществ, так и в отношении рода опасности, производится по представлению Главного Правления Госстраха постановлением СТО³.

II. Страхование *добровольное* возникает из свободного соглашения сторон (страхового договора).

В СССР добровольное страхование применяется как страхование от огня, животных от падежа, растительных культур от градобитий, транспортное, гарантийное и личное⁴. Новым видом страхования, проводимым Госстрахом в добровольном порядке, является еще страхование от гражданской ответственности.

Имущества, находящиеся в ведении государственных, в том числе и коммунальных, учреждений и предприятий, как состоящих на общегосударственном или местном бюджете, так и переведенных на хозяйственный или

¹Пол. о Госстрахе, ст. 13. Постановление ЦИК и СНК СССР от 4 сентября 1925 г. о документах, выдаваемых товарными складами. Собр. Зак. и Расп., 1925 г., № 60, ст. 445.

²Пол. о Госстрахе, ст. 13.

³Там же, ст. 14.

⁴Там же, ст. 17.

Очерки советского страхового права

коммерческий расчет, могут страховаться в Госстрахе в порядке добровольного страхования, если названные имущества не подлежат обязательному неокладному страхованию. Имущества, застрахованные в обязательном (окладном или неокладном) порядке не в полной стоимости или не от всех опасностей, предусмотренных Положением о Госстрахе, могут быть дополнительно застрахованы в добровольном порядке¹.

¹ Пол. о Госстрахе, ст. 18, 19.

ГЛАВА VI

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СТРАХОВАНИЯ

§ 1. Страхование как правоотношение

С юридической точки зрения страхование является *правоотношением*.

В качестве правоотношения страхование может проистекать из различных оснований.

Необходимо отметить, что вопрос о классификации оснований обязательства является более чем спорным.

Римляне исходили из деления обязательств на обязательства, возникающие из договоров, правонарушений и *ex variis causarum figuris* – из других различных оснований. В дальнейшем, однако, они пришли к четырехчленному делению оснований обязательств: обязательства из договоров (*ex contractu*), как бы договоров (*quasi ex contractu*), правонарушений (*ex delicto*) и как бы правонарушений (*quasi ex delicto*)¹. Римская классификация оснований обязательств, опиравшаяся на римскую исковую систему, является для настоящего времени, несомненно, устаревшей и поэтому в современной юридической литературе делается немало попыток к установлению более точной и исчерпывающей классификации.

Д е р н б у р г учит, что часть обязательств возникает из юридических сделок, возникновение же другой не менее значительной группы связано с иными юридическими событиями². П л а н и о л ь знает только два основания обязательств – договор и закон³. Б р и н ц развивает взгляд, что только объективный правопорядок, а не субъективное намерение лица, создает правоотношение; сделка вызывает к жизни правоотношение только потому, что такова была воля закона; закон, таким образом, является единственным источником обязательств⁴. В русской юридической литературе известна классификация Ш е р ш е н е в и ч а: юридическая сделка, правонарушение, неосновательное обогащение⁵. В последнее время к римской классификации приближается проф. М. М. А г а р к о в, выделяющий, по его мнению, бесспорно установленные основания обязательств – сделку, правонарушение и неосновательное обогащение – и обозначающий все остальные обязательства как обязательства, проистекающие из других различных оснований – *ex*

¹ Gajus I I pr. D. 44,7; § 2 J 3, 13.

² Д е р н б у р г, «Пандекты, обяз. пр.», § 6.

³ P l a n i o l, «Traité», II, p. 254.

⁴ B r i n z, «L. d. Pandecten, II, § 247.

⁵ Ш е р ш е н е в и ч, «Учебн. гражд. права», II, стр. 10.

variis causarum figuris¹. Профессор А. Г. Г о й х б а р г, указывая, что, если уже по отношению к буржуазному законодательству мыслимы заявления, что «последним основанием обязательственно-правовой связи служит не воля сторон, а объективный правопорядок»², то тем более это применимо к обязательственным отношениям ГК, в котором основания всех обязательств сводятся к указаниям закона³.

Из всех этих разнообразных мнений мы должны остановить свое внимание на взгляде Б р и н ц а, утверждающего, что основанием обязательства всегда является только закон. Этому взгляду нельзя, разумеется, отказать в известной логической последовательности, поскольку все правоотношения в *конечном счете*, конечно, определяются нормами данного правопорядка. Но так обстоит дело только «в конечном счете». В действительности же мы, несомненно, имеем случаи, когда для возникновения обязательства необходимы юридические действия (в этих случаях закон действует *посредственно*) и когда для возникновения обязательства таких действий не надо (в последних случаях закон действует *непосредственно*)⁴.

Обращаясь теперь к ГК, мы видим, что, согласно ст. 106 ГК, «обязательства могут возникать из договоров и других указанных в законе оснований, в частности, вследствие неосновательного обогащения и вследствие причинения другому лицу вреда». Редакция этой статьи дает проф. А. Г. Г о й х б а р г у основание к выводу, что «договор» сводится к одному из указанных в законе оснований, т. е. основанием всех обязательств в конечном счете является закон. Тем не менее, в связи с вышеизложенным учением о посредственном и непосредственном действии закона в качестве источника обязательств, мы полагаем, что утверждение проф. А. Г. Г о й х б а р г а правильно лишь постольку, поскольку дело идет о роли закона «в конечном счете». Из буквального же текста ст. 106 с очевидностью явствует, что ГК знает два источника обязательств: 1) договор и 2) закон как непосредственный источник обязательств. К этому надо добавить, что ГК знает еще в качестве источника обязательств и одностороннее обещание (установление завещанием, являющимся односторонней сделкой, завещательного отказа, ст. 423 ГК).

¹ М. М. А г а р к о в, «Право и Жизнь», 1922 г., № 2, стр. 6.

² Слова Г е д е м а н а, «Schuldrecht des BGB», стр. 38.

³ А. Г. Г о й х б а р г, — «Хоз. право», вып. I, стр. 248.

⁴ С и н а й с к и й, «Гражд. право», II, стр. 12. См. также А. Т u h r, «D. allg. T. d. Schweiz. OR», S. 38. 1924 г.

В результате мы получаем для советского права такую классификацию оснований обязательств: 1) сделки – односторонние и двусторонние (договоры) и 2) закон как непосредственный источник обязательства¹.

Применяя эту классификацию к страхованию, мы устанавливаем в качестве источников страхового правоотношения, следующие основания: 1) договор и 2) закон.

В буржуазных государствах в качестве основания для страхования на первом месте, несомненно, стоит договор, закон же играет роль гораздо менее значительную². Напротив, в СССР с его системой народного хозяйства, основанной на плановых началах, стремящейся силой государственного аппарата направить в желательное русло течение экономических интересов различных классов и социальных групп, договор как основание страхования играет роль заметно менее значительную. Поэтому в СССР в качестве основания для страхования не менее важное значение имеет закон, устанавливающий страховые отношения помимо воли и желания страхователя или принуждающий стороны к вступлению в страховые отношения³.

Остановим свое внимание сначала на выяснении понятия страхового правоотношения, основанного на договоре.

§ 2. Понятие страхового договора

¹ Разумеется, сделки только тогда могут быть источником обязательств, когда они признаны действующим правом порядком; в этом случае закон действует в качестве посредственного основания обязательств, но непосредственным источником обязательств все же являются юридические действия, проявляющиеся в форме односторонних сделок или договоров. Что же касается закона как непосредственного источника обязательства, то правильнее было бы говорить о «юридическом факте или совокупности юридических фактов, точно определенных самим законом».

² Поскольку страховое дело в буржуазных государствах сосредоточено по преимуществу в руках акционерных обществ, страховые операции развиваются в форме добровольных страховых соглашений (страховых договоров). Страхования, заключаемые по требованию закона и в силу закона, существуют значительно реже; § 192 Германск. Страх. закона различает страхования, которые возникают в общественном учреждении (öffentliche Versicherungsanstalten), согласно местному праву, непосредственно в силу закона, а равно страхования, которые возникают путем принуждения к тому со стороны закона; общественные учреждения подобного типа существуют в ряде германских государств – Пруссии, Бадене, Баварии, а также в некоторых иных государствах – Англии, Швейцарии и др. См. М а н е с, «Основы», гл. III.

³ По мнению М. И. С е м е н о в а, добровольное страхование в СССР – это достояние НЭП'а, и с изживанием этого периода оно должно отмереть; поскольку в дальнейшем останется частное хозяйство, оно должно будет страховаться обязательно. Примечания М. И. С е м е н о в а в книге В. П о т о ц к о г о, «Краткий курс», стр. 25.

Несмотря на громадную литературу, посвященную выяснению понятия страхового договора¹, среди исследователей этого вопроса единодушие далеко не достигнуто.

Спорят о том, можно ли говорить о едином понятии страхового договора или надо различать два самостоятельных страховых договора – договор страхования имущества и договор страхования лица, и можно ли вообще считать страхование лица подлинным страхованием. Спорят также о том, что является характерными признаками страхового договора (его цель, характер события, предусмотренного договором, необходимость заключения договора с планомерно организованным крупным предприятием и др.).

Как совершенно правильно отметил еще Г е к к е р², нет ничего ошибочней при определении понятия страхового договора, как исходить из альтернативы: или исключать из области страховых договоров все сделки хозяйственной предусмотрительности и заботы о будущем (договоры страхования жизни), или насильственно подводить их под договоры страхования убытков. Тем не менее, и та, и другая ошибки в литературе страхового права делались очень часто.

Существовало научное течение и довольно сильно представленное (Т е л ь, Л а б а н д и др.), которое признавало подлинными договорами страхования только договор страхования имущества, в страховании же лица это научное течение вообще не видело договора страхования, а только новизность займа, мены, товарищества, сбережения и т. п.³

Противоположный этому научному течению взгляд усматривал в страховании лица вид страхования имущества. Сторонники этого последнего взгляда (Л е в и с, Г о л ь д ш м и д т, ранее Э р е н б е р г и др.)⁴ учили, что договор страхования лица, в сущности, также имеет целью возмещение убытков, как и договор страхования имущества. Между этими видами страхования есть, конечно, некоторая разница, но в общем оба эти вида страхования преследуют одну цель – возместить страхователю тот ущерб, который он понесет от предусмотренного в договоре события. В последнее время этот взгляд получил поддержку у В о л ь ф а⁵, утверждающего, что страхование во всех своих проявлениях имеет целью возмещение вреда; отличие страхования имущества от

¹ Указания литературы у Н у р к а, «Zeitchr. f. HR», В. 66. S. 546. В позднейшей литературе: М. W o l f, «Holzendorff's Enz.», В. II. S. 418; J. G i e r k e, – «Z. f. H. R», В. 86. S. 146 flg.

² Н е к к е р, «Zum Lehre v. d. rechtlichen Natur d. Versicherungsverträge», 1892. Цитирую по А. Г. Г о й х б а р г у, «Единое понятие страхового договора», «Право», 1914 г., № 10, стр. 761. См. также В. И д е л ь с о н, «Записки Харьк. Ун-та», 1903 г., № 1, стр. 14.

³ Г е р г а р д, «Комментарий Manes'a», стр. 10.

⁴ В русской литературе – И д е л ь с о н, «Зап. Харьк. Ун-та», 1903 г., № 1.

⁵ М. W o l f, там же, стр. 419. В несколько смягченном виде этот взгляд проводится Г е р - г а р д о м, в «Комментарии Manes'a», стр. 9 и S t e f i n g e r' о м, «Versicherung u. Gesellschaft», стр. 5.

страхования лица заключается только в том, что при страховании имущества возмещается индивидуальный, конкретный вред, при страховании же лица происходит возмещение убытков таким же порядком, как и при уплате договорной неустойки¹, т. е. размер возможных убытков фиксируется вперед из расчета средней, типичной величины возможного вреда.

Обе приведенные здесь теории служат наглядным доказательством, как научная мысль может находиться в плену старых представлений, возникших в свое время в иной обстановке, в иных экономических и политических условиях. Поистине «le mort saisit le vif» – «мертвый влечет за собой живого»!

Дать объяснение указанных теорий нетрудно. Страхование жизни возникло значительно позже страхования имущества. В известные периоды времени благодаря различного рода злоупотреблениям со стороны страхователей, заинтересованных в ускорении наступления смерти застрахованных в их пользу лиц, оно даже воспрещалось законодательствами².

Естественно, что сначала консервативная по природе юридическая мысль пугливо отталкивала от себя развивающееся страхование жизни, пытаясь отнести его к другим ей привычным правовым явлениям – договору займа, мены, товарищества и т. д. Когда же рост быстро развивающегося института и притом института, несомненно, обладавшего свойствами, сближавшими его с договором страхования имущества, стал резко бросаться в глаза, теория, идя по линии наименьшего сопротивления, попыталась причислить страхование жизни к уже исследованному явлению – договору страхования имущества³. Таким путем исторический приоритет страхования убытков, основанный на том обстоятельстве, что ранее других развившиеся виды страхований – морское страхование и страхование от огня – носили характер страхования от убытков, был возведен в логическую сущность института⁴.

В дальнейшем развитие учения о страховом договоре пошло, однако, по пути логически совершенно правильному. Вместо попыток к априорному подведению нового явления под старые, сложившиеся правовые формы, последующие устремления направились к установлению понятия страхового договора по методу выяснения признаков, общих всем видам страхования, и уста-

¹ Ст. 141 ГК.

² «Ordonnance de la marine», 1681 г. Знаменитый английский закон 1774 г. под названием «Gambling act» (закон об игре) допустил страхование жизни другого лица только при наличии имущественного интереса со стороны страхователя в продолжении жизни застрахованного лица, см.: P i t m a n' s mercantile Law, p. 256. 1914.

³ Старое законодательство (Прусс. Земск. Уложение) expressis verbis отождествляло оба вида страхования со страхованием убытков (§ 1934, 1968 ALR II, 8).

⁴ А. Г. Г о й х б а р г, там же, стр. 761.

новления на основании этих найденных признаков понятия договора страхования.

Юридический анализ страхования имущества и лица обнаружил между ними ряд существенных отличий. Прежде всего было отмечено, что страхование имущества строится всегда на наличии убытков, страхование же лица – только на возможности их¹. Поэтому при страховании имущества ответственность страховщика наступает только тогда, когда имущество страхователя потерпело действительный ущерб. Отсюда была выведена цепь последствий, характерных для договора имущественного страхования: страховая сумма не может превышать размера убытков², в случае застрахования имущества выше стоимости, договор признается действительным только в пределах суммы возможных убытков страхователя – его страхового интереса³ и т. д. Напротив, при страховании лица страховщик обязывается к уплате страхового вознаграждения совершенно независимо от того, понесли страхователь или выгодоприобретатель какой-нибудь материальный ущерб от наступления предусмотренного в договоре события или не понесли (например, сын, в пользу которого был застрахован его отец на случай своей смерти, если до своей смерти отец находился у сына на иждивении). Указанное различие, как обнаружилось, влечет за собой и различный объем ответственности страховщика. В отличие от ответственности страховщика при имущественном страховании, отвечающего, как было указано выше, только в пределах действительно понесенного ущерба, по договору страхования лица страховщик отвечает в размерах той суммы, которая была выговорена при заключении договора страхования, хотя бы страхователь и не понес никаких убытков.

Приведенные здесь различия между договором страхования имущества и лица казались некоторым исследователям столь значительными, что заставили их прийти к убеждению о существовании двух совершенно самостоятельных договоров – договора страхования имущества и договора страхования лица⁴.

Критерий «убытков», таким образом, не смог лечь в основание понятия, объединяющего все виды страхования. Но если критерий убытков оказался в качестве такого объединяющего признака непригодным, то, тем не менее,

¹ Ш е р ш е н е в и ч, «Курс торг. права», II, стр. 443.

² Ст. 368 ГК.

³ Ст. 369 ГК.

⁴ Р I a n i o I, «Traité», p. 673; 1912. Ш е р ш е н е в и ч, там же, стр. 444. См. также С и н а й-с к и й, «Гр. право», II, стр. 134. Указанное различие нашло свое отражение и в некоторых законодательствах, проводящих деление страхования на страхование убытков и страхование известной суммы денег (Schaden- und Summenversicherung, § 1 Герм. закона 1908 г.).

это обстоятельство не охладило попыток к разысканию какого-либо другого объединяющего начала¹.

Попытки к нахождению такого общего начала делались различными авторами.

Некоторые (В и в а н т е, последнее время Э р е н б е р г и др.)² видят типичный элемент страхового договора в заключении его с планомерно организованным страховым предприятием. С их точки зрения, договор страхования может приводить к желательным результатам только тогда, когда он заключен со страховым предприятием – организацией, собирающей со страхователей взносы-премии и из собранного из этих премий фонда производящей выплаты страхового вознаграждения. Отдельные страховые сделки могут быть допущены только в качестве исключения (в морском страховании).

Другие писатели (К о з а к, В о л ь ф)³ усматривают общий элемент не в признаке заключения договора с планомерно организованным предприятием, а в соразмерности уплачиваемой страхователем премии, вероятности наступления предусмотренного договором события.

Третьи (К о л е р, К и ш)⁴ видят общее начало в принятии на себя страховщиком риска (Gefahrübernahme).

Четвертые (Г у п к а)⁵ пытаются найти признак, присущий всем договорам страхования, в той цели, которую преследуют все страхователи, а именно, в стремлении к достижению общего обеспечения от возможного вреда и недостатка (zum Zweck der sicheren Deckung eines künftigen Bedarfs).

Интересная попытка к разрешению рассматриваемой проблемы была в свое время сделана и проф. А. Г. Г о й х б а р г о м⁶.

Подвергая детальному анализу различные теории, посвященные вопросу о понятии страхового договора, и, в особенности, теории юристов – В и в а н т е и Г у п к и, а из экономистов – Г о б б и, проф. А. Г. Г о й х б а р г пришел к следующим выводам.

Отвергая как совершенно оторванные от современной экономической действительности теории, пытавшиеся подвести страхование лица под страхование убытков, проф. А. Г. Г о й х б а р г тем не менее не находил для се-

¹ Вышеотмеченная попытка В о л ь ф а заменить понятие индивидуального вреда понятием вреда среднего, типичного несколько не разрешает, по нашему мнению, проблемы. Факт полного отсутствия убытков при безусловной ответственности страховщика – явление, несомненно, встречающееся иногда при страховании лица.

² V i v a n t e, «Z. f. H. R.», B. 39. Versicherungslexicon, S. 1380.

³ C o s a c k, «Lehrb. d. H. R.», § 181; W o l f, там же, стр. 420.

⁴ K o h l e r, in «Dernburg's Bürg. R.», B. 6: K i s c h, «Handb. d. Privatversicherungsrechts», II, 87.

⁵ H u p k a, «Z. f. H. R.», B. 66.

⁶ А. Г. Г о й х б а р г, «Право», 1914 г., № 10.

бя возможным полностью присоединиться к учению кого-либо из трех только что названных авторов.

Соглашаясь с В и в а н т е в том, что существенным элементом страхового договора является заключение его с планомерно организованным крупным предприятием, проф. А. Г. Г о й х б а р г находил наличие этого существенного элемента все же недостаточным для конструкции единого договора страхования.

Второй существенный элемент, свойственный всем видам страхования, проф. А. Г. Г о й х б а р г усматривал в возмездном характере договора страхования, выражающемся во взимании страховой премии с страхователя, но с тем, чтобы размер этой премии не был произвольным. Премия, за вычетом необходимых расходов и обычной прибыли страхового предприятия, должна быть пропорциональна вероятности наступления события, по поводу которого заключается страхование. Возражая Г у п к е, указывавшему, что при принятии последнего взгляда пришлось бы исключить из сферы понятия страхования все юные его отрасли впредь до накопления статистического материала, достаточного для применения теории вероятностей к вычислению надлежащей премии, проф. А. Г. Г о й х б а р г утверждал, что страхование для страховщика не должно носить алеаторного, рискованного характера. Для того, чтобы страхование достигало своей основной цели – обеспечения, необходимо, чтобы существовала вероятность, переходящая в уверенность, что всей группе страхователей придется выплатить меньше, чем с них получено. В противном случае страховщик рано или поздно должен будет оказаться не в состоянии уплатить причитающиеся страхователям суммы, и наименование таких договоров договорами страхования, т. е. договорами, безусловно обеспечивающими страхователей, окажется несостоятельным.

Третий существенный элемент страхового договора проф. А. Г. Г о й х б а р г, развивая взгляд Г о б б и и Г у п к и, видел в идее общего обеспечения, присущей всем видам страхования. Эта идея, по мнению А. Г. Г о й х б а р г а, свойственна всем разновидностям страхования и позволяет отличать его от похожих на него явлений – игры, пари и лотереи. Если в основании игры лежит азарт, при пари – разногласие во мнениях, при лотерее же – любопытство, то в основании страхования лежит стремление страхователя к общему обеспечению себя или других от случайностей темного, неизвестного будущего.

В окончательном итоге проф. А. Г. Г о й х б а р г приходил к установлению единого понятия страхового договора как договора, по которому одна сторона (страхователь) в целях удовлетворения будущей нужды получает на случай наступления известного события или момента времени за вознаграждение, исчисляемое соразмерно вероятности их наступления (страховую премию), от другой стороны, планомерно организованного предприятия

(страховщика), обещание совершить действие, исполнение и объем которого зависят от неопределившихся обстоятельств, касающихся имущества или личности самого страхователя или третьего лица.

В новейшее время попытку дать единое понятие страхового договора сделал еще Ю. Г и р к е, определяющий страховой договор в его типичной форме как «самостоятельный договор», в силу которого одна сторона, действующая по определенному плану, принимает на себя за вознаграждение перед другой стороной обязательство к выполнению действия, состоящего в известном имущественном предоставлении (*Vermögensleistung*), на случай наступления неизвестного хозяйственно-вредоносного события¹.

* * *

Приведенный здесь обзор разнообразных попыток к выявлению характерных для всех видов страхования признаков и к установлению родового понятия договора страхования показывает, что чем более обширный и разнообразный круг исследуемых явлений входит в поле зрения исследователя и чем более общие признаки приходится ему брать для создания родового понятия, обнимающего эти явления, тем менее ясным и отчетливым делается выведенное им понятие. Все характерное, яркое – бледнеет, стушевывается. Остается слабый, неясный контур, с трудом позволяющий распознать новое юридическое понятие от других столь же общих понятий. Затраченный труд, с рабочей точки зрения, оказывается, таким образом, вложенным даром. В результате образование понятий, имеющее целью облегчить усвоение изучаемого предмета, вопреки желанию самих исследователей превращается в образование понятий ради самих понятий. Поэтому приходится признать совершенно правильным укрепляющийся в последнее время в рядах теоретиков страхового права взгляд на нецелесообразность стремлений к установлению общего понятия страхового договора.

«Попытки дать определение страхования оказались бесплодными, – говорит М ю л л е р – Э р ц б а х, один из позднейших исследователей этого вопроса, – как только описание становится всеобъемлющим, оно делается бесцветным и ничего не говорящим»². Правильный метод должен заклю-

¹ G i e g k e, там же, стр. 161-162. Единое понятие страхового договора дает и итальянский проект торгового кодекса – «договором страхования страховщик обязуется за премию взять на себя риск»; перевод под ред. проф. В. М. Г о р д о н а.

² М ю л л е р-Э р ц б а х, «Deutsches Handelsrecht», стр. 658. В том же духе высказывается и Г а г е н, там же, VIII, I, стр. 10. Германский, австрийский и швейцарский законы 1908 г. не дают определения страхового договора, следуя правилу римского юриста Я в о л е н а, что «*omnis definitio in jure civili periculosa est*» (I. 202 D 50, 17).

чатся поэтому не в создании тонких, ажурных юридических понятий, а в установлении прочных характеристик страхового договора, которые позволили бы отличить его от смежных или сходных с ним юридических явлений.

В чем же заключаются характерные признаки страхового договора с точки зрения советского права?

В отличие от германского, австрийского и швейцарского законов, не дающих определения страхового договора, ГК определяет его следующим образом. Согласно ст. 367, по договору страхования, одна сторона (страхователь) обязуется уплатить условленный взнос (страховую премию), а другая сторона (страховщик) обязуется в случае наступления предусмотренного в договоре события (страхового случая) при имущественном страховании возместить страхователю или третьему лицу (выгодоприобретателю) понесенные ими убытки в пределах условленной по договору суммы (страховой суммы), при личном же страховании – уплатить страховую сумму.

На первый взгляд получается, что ГК принимает единое понятие страхового договора. Но редакция конца ст. 367 весьма недвусмысленно обнаруживает, что законодатель попросту объединил в одной статье два определения страхового договора: одно – для договора страхования имущества, а другое – для договора страхования лица. В первом случае дело идет о возмещении убытков (*Schadenversicherung*), во втором же – об уплате установленной в договоре суммы независимо от наличия или размера убытков (*Summenversicherung*). Приходится, таким образом, сделать вывод, что ГК не знает единого понятия страхового договора.

Тем не менее, отсутствие в ГК единства понятия страхового договора не означает, что советское право не наделяет страхование во всех его видах характерными, только ему присущими свойствами или признаками.

1) ГК уделяет страхованию всю XI главу в количестве 32 статей (ст. 367–398). Из всего этого количества статей только одна (398) касается обязательного страхования. Все же остальные статьи посвящены страхованию договорному. Это показывает, что уже с чисто внешней стороны ГК придает страховому договору *самостоятельное* значение. Но таковым он, как мы увидим дальше, не является и по существу.

В этой самостоятельности договора страхования лежит ключ к отграничению его от других, похожих на него договоров. Поэтому не будет договором страхования договор, в силу которого, например, акционерное общество, вырабатывающее стекла, принимает на себя ответственность за целостность стекол в течение известного срока, так как в этом случае обязательство акционерного общества является не самостоятельным, а добавочным к основному договору о продаже стекол. Не будет договором страхования также принятие на себя комиссионером так называемого *del credere*, т. е. принятие

на себя комиссионером ручательства за исправность своего контрагента, равно как и принятие на себя фрахтовщиком риска за целостность груза и др.¹

2) Договор страхования является договором *двусторонним* (прим.. к ст. 139 ГК). Одна сторона – страхователь, обязывается к уплате известного вознаграждения – страховой премии (ст. 367), а другая сторона – страховщик, принимает на себя *риск* (*Gefährübernahme*), т. е. ответственность за те последствия, которые могут произойти для имущества или жизни данного лица от наступления предусмотренного в договоре события (страхового случая)².

3) Можно ли страхование считать условной сделкой³? Согласно ст. 41 ГК, сделка признается совершенной под отлагательным условием, когда права и обязанности, устанавливаемые сделкой, должны наступить с наступлением условия. По буквальному смыслу ст. 41 ГК получается, что поскольку ответственность страховщика обусловливается наступлением известного события (или срока), страховой договор является условной сделкой. Однако такой вывод оказался бы неправильным.

В сделке обычно различают части троякого рода: существенные, обыкновенные и случайные.

Существенными (*essentialia negotii*) называются те части, без которых не может быть данной сделки. Так, купля-продажа предполагает уплату покупателем условной цены и передачу продавцом имущества в собственность покупателя (ст. 180 ГК); по договору займа займодавец передает в собственность заемщику деньги или определенные родовыми признаками вещи, а заемщик обязуется возвратить займодавцу полученную сумму денег или равное взятому займы количество вещей того же рода и качества (ст. 208 ГК) и т. д.

Обыкновенными (*naturalia negotii*) являются те части, которые предполагаются присущими сделке, если нет противоположного соглашения между

¹ См. также стр. 344.

² Фр. ГК (§ 1964) включает страховой договор в группу «алеаторных», или рискованных, договоров, см. также: W a h l, «Précis de droit commercial», p. 483. Статья 367 ГК не указывает прямо, что основная обязанность страховщика заключается в принятии на себя риска, но это вытекает непосредственно из существа самого страхования. Возражения Ю. Г и р к е, что о «принятии на себя риска можно говорить лишь в переносном смысле» (*bildlich*), так как «несение риска не есть выполнение известного действия, а только состояние известной правовой связанности», неубедительны, так как состояние правовой связанности есть нормальное свойство, присущее всякому договору. В данном случае эта связанность находит свое проявление в принятии на себя страховщиком несения риска, что выражается в обязанности его возместить убытки (при имущественном страховании) или уплатить определенную сумму (при личном страховании) в случае наступления предусмотренного договором события.

³ Так думают, например, P l a n i o l, «Traité», II, p. 675 и Ш е р ш е н е в и ч, «Курс торг. права», II, стр. 367; в настоящее время такого же мнения придерживается Е. М е н, «Вестн. Госстраха», 1923 г., № 7–8, стр. 12.

сторонами. При купле-продаже обычно деньги уплачиваются немедленно, но продажа может быть совершена и в кредит.

И, наконец, случайные части сделки устанавливаются сторонами по их усмотрению. Наличие этих частей не вытекает из существа сделки и не предполагается. К числу этих случайных частей сделок и относятся так называемые условия, т. е. присоединенные сторонами к основной сделке оговорки, в силу которых стороны ставят последствия сделки в зависимость от будущего неизвестного обстоятельства. Таким образом, понятие условия предполагает наличие двух обстоятельств: а) существование основной сделки, по отношению к которой условие является добавочным соглашением, и б) указание на будущее неизвестное событие. Поэтому не будет условной сделкой завещание, в котором наследодатель завещал свое имущество наследникам при условии, «если он умрет», так как смерть завещателя является существенной составной частью завещания. Но зато, вне сомнения, будет условной сделкой завещание, в котором завещатель завещает свое имущество сыну при условии, если он окончит высшее учебное заведение.

Обращаясь теперь к страхованию, на поставленный выше вопрос – можно ли считать страхование условной сделкой, – мы должны ответить отрицательно. Страхование *не является условной сделкой*.

Во-первых, основная обязанность, лежащая на страхователе, уплата страховой премии, не находится в зависимости от какого-либо условия или срока; по общему правилу страхователь должен уплатить премию при самом заключении договора страхования, если договором не установлена рассрочка или иные сроки¹.

Во-вторых, установление страховым договором ответственности страховщика в зависимости от наступления предусмотренного в договоре события (ст. 367 ГК) также мало походит на условие, как и составление завещания в указанном выше примере под условием смерти завещателя. Иначе говоря, «наступление предусмотренного в договоре события» есть не случайная, добавочная часть страхового договора, а часть договора существенная, необходимая (*essentiale negotii*)².

¹ Ст. 389 ГК; правила добровольного страхования от огня § 9; правила добровольного страхования животных § 8; правила добровольного страхования растительных культур § 5; правила страхования грузов по морским (§ 14), речным (§ 7) и сухим (§ 14) путям; правила страхования судов по морским (§ 9) и речным (§ 8) путям; правила страхования на случай смерти (§ 5).

² Условный характер страхования решительно отрицает G o l d s c h m i d t, «System d. H. R.», 235. Во французской литературе, относящей вместе с ГК (§ 1964) договор страхования к числу так называемых «алеаторных», или рискованных, договоров, отличие договора страхования от договоров условных проводится весьма отчетливо. В условном договоре от наступления неизвестного события зависит существование самого договора. При «алеаторном» же договоре существование самого договора несомненно; от наступления неизвестного события зависит только, какая из

4) Необходимым признаком договора страхования является *неопределенность ответственности* страховщика, ее *рисковый* характер. Страховщик не знает, будет ли он платить или нет, или, по крайней мере, не знает времени или суммы платежа. В таком положении страховщик находится как при страховании имущества, доколе не наступило предусмотренное в договоре событие (пожар, градобитие, падеж скота и т. д.), так и при личном страховании до момента смерти застрахованного лица или достижения им известного возраста¹. Поэтому, если событие, предусмотренное договором, уже наступило или стало невозможным еще до заключения договора, страховщик ответственности не несет (дом сгорел или застрахованное лицо умерло до заключения договора страхования).

Риск несет и страхователь, который, уплачивая премию, не знает твердо, получит ли он или выгодоприобретатель страховое вознаграждение, а если и получит, то при продолжительности взноса премий представится ли ему выгодным получение страхового вознаграждения².

5) Ответственность страховщика является *ограниченной* размерами страховой суммы, показанной в договоре (ст. 367). При личном страховании страховщик уплачивает ту сумму, которую обещал. При имущественном же страховании страховая сумма, установленная в договоре, играет роль того предела, выше которого страховщик не должен отвечать за понесенный страхователем убыток (ст. 368).

6) Ответственность страховщика является *срочной*. Согласно ст. 378 ГК, в договоре страхования должен быть установлен срок, на который договор заключается, или периоды, к которым приурочивается исчисление страховой премии (страховой период).

7) Событие, в виду которого заключается договор, должно носить *случайный* характер (*страховой случай*). Поэтому страховщик не несет ответственности за события, вызванные волей страхователя или выгодоприобретателя или их грубой небрежностью³.

8) Договор страхования является сделкой *возмездной* (ст. 367 ГК).

Но можно ли считать характерным для договора страхования, чтобы вознаграждение, уплачиваемое страхователем страховщику (страховая премия), исчислялось математически точно пропорционально вероятности на-

сторон выиграет и какая проиграет. Colinet Capitant, «Cours de droit civil», II, 1924, p. 659. См. также Rostain, «Manuel des assurances», 1924, p. 18; Wahl, «Précis de droit commercial», 1922., p. 483.

¹ Отклонения от этого начала «неопределенности» при страховании лица в германском праве см. у Гагена, там же, стр. 17.

² Colinet Capitant, «Cours de droit civil», 1924, II, p. 268.

³ Ст. 393 ГК; ст. 7 пост. ЦИК и СНК СССР от 16 января 1925 г.; С.З. СССР 1925 г., № 4, ст. 43.

ступления предусмотренного договором события¹. На этот вопрос, по нашему мнению, нельзя дать утвердительный ответ по отношению ко всем видам страхования, действующим ныне в СССР.

При страховании жизни вычисление тарифов премий происходит почти математически точно². В основание расчета кладутся так называемые таблицы смертности, в которых на основании многолетних наблюдений показано, какова в среднем смертность людей того или иного возраста, принадлежащих к кругу, среди которых производятся данные операции по страхованию жизни³. На основании этих таблиц определяется размер нетто-премий, т. е. чистой себестоимости страхований для страховщика без учета накладных расходов и др. статей. Для получения брутто-премии, т. е. тарифной ставки, к нетто-премии делается добавка, исчисление которой производится в соответствии с принятым в данном учреждении планом организации дела⁴. Таким образом, установление величины страховых премий при страховании лица происходит, действительно, почти математически точно пропорционально возможности наступления события, предусмотренного в договоре страхования⁵.

Но уже при имущественном страховании достижение математической точности вычисления размеров страховых премий представляется делом значительно более трудным. Как общее правило, тариф страховых премий определяется по степени опасности. Но само вычисление возможности этой опасности требует продолжительных, предварительных статистических вычислений, что иногда, в особенности для новых видов страхования, оказывается просто невозможным⁶.

¹ К о з а к, В о л ь ф, Г о й х б а р г, см. стр. 334, 335...

² Проект итальянского торгового кодекса прямо в этом случае употребляет понятие «математического резерва» премий, ст. 602, перев. под ред. проф. В. М. Г о р д о н а, 1925.

³ Такие таблицы составлялись в различных странах. Данные этих таблиц различались между собой, но очень незначительно. В дореволюционной России за отсутствием собственных таблиц страховые общества пользовались с 1898 г. германскими таблицами смертности. В 1916 г. были опубликованы таблицы смертности, составленные на основании наблюдений над застрахованными в русских страховых обществах с 1835 г. по 1910 г., с подразделением на 3 эпохи, из которых последняя охватывала период с 1886 г. по 1910 г. В СССР в основание расчетов положены таблицы смертности застрахованных на случай смерти в русских обществах с тем от них отличием, что период времени взят с 1861 г. по 1910 г. В. С. Г о х м а н, там же, стр. 10–12, 48 сл.

⁴ Технику установления тарифов по страхованию жизни см. В. С. Г о х м а н, там же, стр. 48 сл.

⁵ См., однако, колебания тарифов в дореволюционных русских страховых обществах, приведенные В. М. П о т о ц к и м в «Кратк. курсе», стр. 193.

⁶ В западно-европейских государствах (как равно и в дореволюционной России) выработка высоты тарифов поставлена в зависимость от учета всех особенностей страховых рисков. Но, как указывает М. И. С е м е н о в, распространять практику буржуазного страхования в отношении дифференциации тарифов премий в условиях положения страхового дела в СССР было бы неправильно. Имея в виду монопольный характер советского страхования и пролетарско-

Если при страховании от огня высота тарифов премий ввиду достаточного статистического материала может быть вычислена с относительной приближенностью к вероятности наступления страхового случая¹, то уже даже в таком старом виде страхования, как транспортное, установление высоты тарифов оказывается делом статистически далеко не вполне обоснованным². Еще менее научно разработанными являются тарифы страхований скота, посевов от градобитий, а в особенности таких юных отраслей страхования, как например, гарантийное страхование, введенное постановлением СНК СССР от 16 декабря 1924 г., или авиационных рисков, разрешенное Госстраху постановлением СНК РСФСР от 24 августа 1923 г.³

В итоге мы полагаем, что если по отношению к страхованию жизни можно говорить о том, что страховая премия устанавливается в СССР математически точно – пропорционально вероятности наступления предусмотренного договором события, то аналогичный вывод по отношению к установлению высоты тарифов страховых премий, взимаемых при иных видах страхований, применяемых в СССР, при современном состоянии статистических данных, имеющихся в распоряжении страховых органов, безусловно не может быть сделан.

Это не значит, конечно, что эти тарифы устанавливаются Госстрахом произвольно. Тарифы премий всегда устанавливаются соразмерно со степенью опасности, но одно дело «соразмерность» и другое – «пропорциональность, основанная на математически точном расчете». Поэтому мы не можем признать, чтобы устанавливаемый некоторыми теоретиками страхового пра-

классовую экономическую политику Советской власти, необходимо положить в основу тарификации наряду с размером объективной страховой опасности также следующие принципы: 1) учет классового признака (кому принадлежит страхуемое имущество); 2) учет хозяйственной мощи страхователя (для имуществ государственных, общественных и т. п.) и 3) меру связи данного вида страхования или застрахованного имущества с границей. Дифференциацию же тарифов по размерам страховой опасности допускать только для обширных относительно территорий и для крупных группировок объектов страхования. Примечания М. И. Семенова в книге Потоцкого, стр. 44. О классовом принципе тарификации в страховании от огня см. еще Н. Платонов, «Вестн. Госстраха», 1923 г., № 13–15.

¹ См. интересные данные об американском проекте построения дифференцированного тарифа для страхований от огня, основанного на статистике, «Вестн. Госстраха», 1924 г., № 23, стр. 40.

² В. М. Потоцкий, там же, стр. 163. В частности, надлежит заметить, что тарифы премий морского страхования, устанавливаемые в результате конкуренции страховых обществ, а не путем научной разработки, строятся в международном масштабе. Эти тарифы морского страхования пока применяются и в советском государственном страховании; В. М. Потоцкий, там же, стр. 166.

³ Столь же мало можно говорить о точно научном расчете при установлении тарифов премий по отношению к проектируемому к введению в СССР страхованию от краж со взломом или по отношению к известным на Западе страхованиям – от разбития стекол в витринах магазинов, от ураганов, убытков от народных волнений, от землетрясений, от дурной погоды и т. д.

ва признак – страховая премия, уплачиваемая страхователем, должна исчисляться строго пропорционально вероятности наступления предусмотренного договором события, – был свойствен страховому договору во всех его видах.

9) Как мы уже отмечали, ГК, давая в ст. 367 общее определение договора страхования, в действительности проводит резкое различие между договором страхования имущества и договором страхования лица¹. В первом случае страхователь возмещает только убытки, во втором – страховщик обязуется уплатить известную сумму денег независимо от понесенных страхователем или выгодоприобретателем убытков. Отсюда с несомненностью вытекает, что элемент «убытков» во всяком случае не является характерным признаком для всех видов советского страхования.

Но, если элемент «убытков», таким образом, не имеет в советском праве значения объединяющего начала для различных форм страхования, то не может ли сыграть роль такого объединяющего начала, если не с точки зрения ГК, то по крайней мере – существа советского страхования, выдвинутая некоторыми юристами (Г у п а, Г о й х б а р г) взамен узкого понятия «убытков» более широкая идея общего обеспечения от возможного вреда и недостатка².

«При лихорадочном темпе нашей жизни, – говорит проф. А. Г. Г о й х б а р г, – при массе грозящих на каждом шагу неожиданностей, неожиданностей только для отдельного лица, но в совокупности своей содержащих элемент закономерности, – при всех этих обстоятельствах никто не уверен в завтрашнем дне, никто не ведает, что станет с ним самим, с его имуществом, с его близкими или лицами, которыми он по тем или иным многосложным причинам интересуется»³.

Желание избежать этих случайностей и экономически обеспечить себя или близких от этих случайностей и вызывает применение страхования в его различных проявлениях. Желая обеспечить себя, служащий страхует от огня свою домашнюю обстановку. Но также, желая обеспечить свою жену, ремесленник страхует свою жизнь в ее пользу. Таково общее правило, допускающее, разумеется, и исключения. Нельзя, конечно, отрицать, что в некоторых отдельных случаях идея общего обеспечения и не будет лежать в основании конкретного страхового договора, как в приведенном нами ранее примере, когда сын страхует в свою пользу жизнь отца, находящегося у него на иждивении. Но такие случаи встречаются, несомненно, крайне редко. Они не

¹ Это различие весьма определенно проводится ГК в ряде статей, из коих одни посвящены исключительно имущественному страхованию (ст. 368, ч. 1, 369, 370, 371 и т. д.), другие же – страхованию лица (ст. 368, ч. 2, 374 и др.).

² Понятие общего обеспечения от возможного вреда и недостатка включает в себя и понятие «убытков»; Г а г е н, там же, VIII, I, стр. 15.

³ А. Г. Г о й х б а р г, там же, стр. 772. Хотя слова эти написаны были еще в 1914 г., но они не устарели, конечно, и для настоящего времени.

типичны. Типичной же формой договора страхования является та, в которой эта идея общего обеспечения от возможного вреда и недостатка ясно и отчетливо выражена. Но ведь только типичные формы дают основание к установлению прочных характеристик данного явления.

Эти выводы, основанные на рассуждениях общего характера, становятся, по нашему мнению, еще более убедительными, если мы обратимся к рассмотрению тех социальных групп, которые являются в СССР в подавляющем числе страхователями жизни¹.

Как известно, часть населения – рабочие и служащие – подлежит действию социального страхования². Но остальная, огромная многомиллионная масса, не живущая продажей своего труда, т. е. крестьяне, ремесленники, кустари-одиночки, лица так называемых «свободных профессий» (члены коллегий защитников, врачи и т. д.), остается вне действия обязательного социального страхования³. Вот эта многомиллионная масса и образует в СССР те кадры, из которых могут рекрутироваться страхователи жизни, уже по одному своему социальному положению проникнутые стремлением обеспечить себя или своих близких. Конечно, закон не ставит препятствий к застрахованию жизни и нетрудящегося (ст. 4, 5 ГК), например, нэпмана, но такая страховая сделка, конечно, будет представлять сравнительно редкое явление по сравнению с основной массой страховых сделок, совершаемых трудящимися. Этими же последними при заключении договоров страхования, вне сомнения, всегда руководит стремление обеспечить себя или своих близких от возможного вреда и недостатка, в случае смерти, а также потери и ослабления трудоспособности, в связи с достижением известного возраста. Таким образом, надлежит заключить, что *понятие общего обеспечения от возможного вреда и недостатка* является характерным признаком для всех *типичных* страховых договоров советского страхового права.

10) Последний признак, подлежащий здесь нашему рассмотрению, – это заключение страхового договора с планомерно организованным страховым предприятием.

Приходится отметить, что, если этот признак вызывает споры в рядах западноевропейских теоретиков страхового права⁴, не находя, действительно, себе опоры в действующем западноевропейском праве (приморском

¹ Страхование имущества мы намеренно оставляем в стороне, потому что, как нами указывалось, понятие общего обеспечения включает в себя и понятие убытков, являющееся характерным признаком имущественного страхования.

² Ст. 175–192 Код. Закон. о Труде.

³ В. Г о х м а н, «Очерки по страхованию жизни», стр. 40.

⁴ В и в а н т е, Э р е н б е р г и др.; также Итальян. проект торг. кодекса против – М ю л л е р-Э р ц б а х, Г а г е н.

страховании, страховании скота и др.), то для советского страхового права этот признак имеет самое первостепенное значение.

Как уже неоднократно отмечалось, в СССР единственным страховщиком является Главное Правление Государственного Страхования (Госстрах), как планомерно организованный и состоящий на хозяйственном расчете орган НКФ СССР, входящий в состав последнего. Кроме Госстраха, страхование в СССР в указанных в законе случаях могут производить еще: кооперативные страховые организации, смешанные общества, страхующие экспортно-импортные товары, НКПС в отношении багажа, НКП и Т в отношении посылок с объявленной ценностью, иностранные страховые организации при перестраховании рисков Госстраха или с особого разрешения СНК Союза ССР¹. Но все эти организации также являются планомерно организованными предприятиями.

11) Можно было бы указать еще один признак, по мнению некоторых авторов, характерный для договора страхования. Поскольку выработка условий страхового договора обычно принадлежит страховщику, от страхователя же только зависит изъяснить свое согласие на эти условия или нет, договор страхования может быть причислен к той группе договоров, которой С а л е й л ь дал название «договоров, заключаемых посредством присоединения», (*contrats d'adhésion*)². По мнению С а л е й л я, существуют сделки, в которых один контрагент вырабатывает все условия договора, другая же сторона никакого участия в выработке условий договора не принимает; сами же сделки заключаются путем заявления о согласии (присоединения) со стороны кого-либо из неопределенного количества лиц, которым становятся известными выработанные контрагентом условия договора. Несмотря на то, что учение С а л е й л я о договорах, заключаемых посредством присоединения, получило дальнейшее развитие во французской литературе³, понятие этих договоров тем не менее не приобрело и до сего времени достаточной юридической определенности. Это обстоятельство, как равно и то соображение, что при заключении договора страхования многие существенные части договора (определение страховой суммы, срок, порядок уплаты страховой премии и др.) вырабатываются соглашением сторон⁴, заставляет нас воздержаться от наделения страхового договора характеристикой «договора, заключаемого посредством присоединения».

¹ Пол. о Госстрахе, ст. 1, 2, прил. к ст. 7.

² «Déclaration de volonté», p. 229.

³ Д о л л а, П и ш о н, Г а з е н и др., см. П. Т а л ь, «Вестн. Гражд. Права», 1914 г., № 14; по отношению к страх. договору, W a h l, «Précis de droit commercial», 1922, p. 485.

⁴ Ст. 367, 378, 389 и др. ГК.

В окончательном итоге мы приходим к выводу, что общими признаками, свойственными всем видам советского страхового договора, являются: 1) самостоятельность договора, 2) его двусторонний характер, 3) рисковый характер договора, 4) ограниченность ответственности страховщика, 5) срочный характер этой ответственности, 6) случайный характер события, предусмотренного договором, 7) возмездность договора, 8) цель договора, направленная к обеспечению страхователя или выгодоприобретателя от возможного вреда и недостатка, 9) заключение договора с планомерно организованным страховым предприятием.

Эти общие признаки могут быть, конечно, положены в основание единого понятия страхового договора. Но, как мы уже указывали, такое понятие, будучи хотя и всеобъемлющим, но весьма громоздким, неизбежно оказалось бы слишком сложным и в то же время бесцветным. Поэтому мы предпочитаем, указав определенные юридические признаки договора страхования, воздержаться от установления общего понятия страхового договора.

Наличие этих общих, свойственных всем видам договора страхования признаков не означает, однако, что отдельные разновидности страхования не могут быть подразделены на основании отличительных, свойственных отдельным видам страхования признаков (*differentia specifica*) на известные группы или категории, подлежащие самостоятельному рассмотрению и изучению, равно как и законодательному регулированию.

Установление того факта, что в одних случаях ответственность страховщика и размер ответственности определяются наличием понесенных убытков, в других же случаях наличие или отсутствие убытков и их величина не определяют ни ответственности, ни размера ответственности страховщика, позволяет подразделить все разновидности страхования на два основных вида: страхование имущественное и личное (так поступает и ГК, ст. 367). В свою очередь, тот и другой виды страхования допускают и дальнейшие подразделения¹.

* * *

Чтобы закончить вопрос о понятии страхового договора, надлежит сказать еще несколько слов о некоторых правовых явлениях, похожих, на первый взгляд, на страховой договор, но, тем не менее, совершенно от него отличных. Мы имеем в виду прежде всего известные западноевропейскому праву договоры — игры, пари и лотереи².

¹ См. стр. 43 сл.

² Фр. ГК, § 1964 сл.; Герм. Гр. Ул. § 762–764; Шв. Об. пр. § 513–514.

Проще всего разрешается вопрос о договорах *игры и пари*. Хотя Советское право и не знает замкнутого числа (*numerus clausus*) допустимых договоров¹, тем не менее договоры игры и пари, не вошедшие в ГК, по нашему мнению, не могут пользоваться защитой закона (ст. I ГК). Поэтому вопрос об отграничении понятия страхового договора от понятий игры и пари отпадает сам собой.

Для Советского права может возникать вопрос только об отграничении понятий страхового договора и *лотереи*. С внешней стороны между страхованием и лотереей замечается несомненное сходство. И в том, и в другом случае в основании сделки лежит идея распределения. При лотерее выигрыши, падающие на долю некоторых счастливых, образуются за счет массы взносов, делаемых покупателями билетов. При страховании – страхователь получает от страховщика страховое вознаграждение из того фонда, который страховщик собирает со страхователей, уплачивающих ему страховые премии². Основное отличие между этими явлениями состоит в том, что лотерея основана исключительно на желании обогатиться, получить известную и в достаточной мере неожиданную прибыль, страхование же преследует цель обеспечить страхователя или близких ему лиц от возможного вреда и недостатка. Таким образом, отличительным признаком является цель сделки.

Но договор страхования может быть смешиваем и с некоторыми другими сделками. Ввиду того, что страхование имеет целью обеспечить страхователя от возможного вреда, оно смешивается иногда с теми договорами, которые преследуют аналогичные цели – с *поручительством* (ст. 236 ГК), с так называемым договором *гарантии* и с принятием комиссионером на себя *d e l e g a t e* – ручательства из исправность контрагента.

От поручительства договор страхования отличается двумя моментами: а) страховой договор – возмездный (ст. 367 ГК), поручительство – договор безвозмездный (ст. 236 ГК)³, б) страховой договор является самостоятельной сделкой, поручительство – сделкой дополнительной, находящейся в зависимости от существования главного обязательства⁴.

От договора гарантии, состоящего в том, что одна сторона принимает на себя самостоятельное обязательство, заключающееся в ручательстве за достижение другой стороной известной выгоды (например, при ведении торгового предприятия), договор страхования отличается признаком воз-

¹ Ст. 7 Пост. III сесс. ВЦИК IX соз.; также проф. В. М. Г о р д о н, Коммент. к ст. 106 ГК, под ред. А. М а л и ц к о г о.

² Ш е р ш е н е в и ч, «Курс торг. права», III, стр. 373.

³ См., однако, в отношении Германского права: М ю л л е р-Э р ц б а х, стр. 652.

⁴ W a h l, «Précis», 1922, p. 483. S. Staub's Kommentar z. H.E.B., B. II, 1, S. 143; 1921.

мездности, чуждым договору гарантии¹. Кроме того, лицо, дающее гарантию, имеет обычно самостоятельный интерес в успешной деятельности предприятия, тогда как страховщик такого интереса не имеет.

От принятия комиссионером ручательства за исправность контрагента (*del credere*) договор страхования отличается тем, что первое носит характер дополнительного и притом случайного обязательства, договор же страхования является сделкой самостоятельной и основной.

§ 3. Юридическая природа страховых отношений, возникающих в силу закона

Большой интерес вызывает рассмотрение юридической природы страховых отношений, возникающих непосредственно в силу закона или по принуждению со стороны закона.

В советском страховом праве такого рода страховые отношения имеют место при так называемом «обязательном окладном» и «обязательном неокладном» страховании².

По обязательному окладному страхованию имущества считаются застрахованными силой самого закона без заключения о том особого договора с Госстрахом и независимо от времени поступления страховой премии. Районы действия окладного страхования, размер окладных страховых норм и страховых премий, а также сроки страховых периодов определяются помимо воли страхователя. Оценка имущества производится Госстрахом и считается окончательной. Не уплаченная в срок страховая премия перечисляется в недоимку и взыскивается в бесспорном административном порядке, согласно «Положению о взимании налогов и сборов». Характерно также отметить, что при взыскании недоимок по налогам, прежде всего из взыскиваемых сумм удерживаются причитающиеся платежи по окладному страхованию и лишь после покрытия таковых остатки взысканных сумм обращаются на пополнение прочих государственных и местных налогов и сборов³.

На иных началах построена в СССР организация неокладного страхования, применяемого при страховании от огня и от опасностей перевозки⁴.

С внешней стороны, обязательное неокладное страхование должно проявляться в форме договора, заключаемого страхователем с Госстрахом. Но в

¹ М ю л л е р-Э р ц б а х, там же, стр. 525.

² Социальное страхование, регулируемое Кодексом законов о труде (ст. 175–192), остается вне сферы нашего рассмотрения.

³ Пол. о Госстрахе, ст. 8 Прав. Гос. обяз. окладн. и доп. страх. от огня, § 4, 5, 11, 20, 21. Аналогично Прав. обяз. страх. животн. § 3, 4, 19.

⁴ Пол. о Госстрахе, ст. 12, 13.

отличие от добровольного страхования, в котором заключение договора страхования зависит от добровольного согласия сторон, при обязательном страховании заключение договора является для той и другой стороны обязательным. Обязательным является также для обеих сторон содержание всех необходимых условий договора, касающихся имущества, отдаваемого на страх, рода опасности, срока страхования, размера страховой премии и размера страховой суммы¹. В отличие от порядка взыскания страховой премии при окладном страховании взыскание страховой премии при неокладном страховании производится не в административном порядке, а в судебном, в порядке выдачи судебных приказов².

* * *

Вопрос о юридической природе обязательного окладного и неокладного страхований еще до издания Положения о Государственном Страховании Союза ССР вызвал в советской юридической литературе большой и весьма интересный спор, не потерявший своего значения и до настоящего времени, шедший, главным образом, в плоскости признания обязательного окладного и неокладного страхований публично-правовым институтом или гражданско-правовой сделкой³.

Если для изображения правил окладного страхования основой послужили правила взаимного земского страхования, то для неокладного страхования, говорит П. Д о м б р о в с к и й⁴, необходимо было строить новую правовую конструкцию, вполне отвечающую существу этого страхования, так как прошлое страховое право не знало его. Тем не менее, в силу традиции были позаимствованы правовые формы, применявшиеся в дореволюционном праве к страхованию имуществ, заложенных в банках, сданных в аренду и т. д., и как ранее в указанных случаях страхование осуществлялось в форме договора, так и неокладное страхование в Госстрахе строится по правилам добровольного, т. е. как и прежде в форме заключения договора страхования, и этим как бы относится к праву частному. Ссылаясь на то, что для частноправового отношения является существенной свобода волеизъявления на его установление, так как от субъекта права зависит воспользоваться своим субъективным правом или нет, П. Д о м б р о в с к и й указывает,

¹ Пол. о Госстрахе, ст. 12–14. Прав. обяз. стр. от огня 27 мая 1922 г., § 31.

² Пол. о Госстрахе, ст. 15, 16. Цирк. НКЮ РСФСР от 8 августа 1924 г., № 120, Еж. Сов. Юст. 1924 г., № 30., Цирк. Госстраха № 737/1 и № 759/2.

³ Спор этот происходил на страницах ведомственных изданий, главным образом «Вестника Госстраха», и потому остался мало известным широким кругам юристов.

⁴ П. Д о м б р о в с к и й, «Вестн. Госстраха», 1923 г., № 1–2.

что частноправовые отношения не могут быть установлены, если этого не желает участник его. Он может быть обязан уплатить неустойку, убытки, но, при нежелании его, не может получить осуществления то правоотношение, которое требует его участия. Но если арендатор не пожелает страховать, не пожелает вступить в договор страхования, спрашивает указанный автор, то как создавать правоотношения по неокладному страхованию, если остаться на признании его частноправовой сделкой? Единственный выход – это конструировать неокладное страхование не как договор и отнести его всецело к институтам публично-правовым. Для такого вывода есть и убедительный пример – социальное страхование, устанавливающее ряд аналогичных взаимоотношений между сторонами, но, несомненно, являющееся институтом публичного права.

К институтам публичного права относит как окладное, так и неокладное обязательное страхование и С. Рыбников¹.

Противоположную позицию заняли Е. Мен и проф. М. Я. Пергамент.

Полемизируя с П. Домбровским, Е. Мен находит², что с юридической точки зрения оба вида обязательного страхования объединены одним существенным моментом, который единственно и может породить спор в вопросе о юридической природе обязательного страхования, именно моментом обязательности, ибо во всем прочем, в самом существе возникающих по страховому договору между сторонами правоотношений, нет решительно никакой разницы, ни между окладным и неокладным страхованием, ни между каждым из них и страхованием договорным. Подвергая подробному анализу понятие страхового договора, Е. Мен устанавливает следующие характерные для него признаки: двусторонность, условность, возмездность, ограниченность ответственности страховщика, срочность. Эти признаки Е. Мен усматривает не только при договоре добровольного страхования, но и при страховании обязательном. Госстрах обязан уплатить страховое вознаграждение, если убыток произойдет вследствие наступления предусмотренного правилами случайного явления (условность сделки); ответственность Госстраха ограничивается пределами страховой суммы; страхователь обязан уплачивать страховую премию (возмездность); изложенные в правилах обязательного страхования права и обязанности обеих сторон (двусторонность) ограничиваются установленным соком (срочность). Таким образом, при окладном страховании, по мнению Е. Мена, имеются налицо те же необходимые признаки страхового договора, которые устанавливаются также правилами добровольного страхования и ГК. К этому надо еще добавить при-

¹ «Вестн. Госстраха», 1923 г., № 11–12.

² Там же, № 7–8.

своеенное тому и другому виду страхования право иска страхователя об исполнении договора и об убытках. Но если так обстоит дело с обязательным окладным страхованием, то еще с большим основанием можно утверждать, продолжает Е. М е н, о наличии договора и при обязательном неокладном страховании, так как это прямо устанавливается источником (Прав. § 33), где мы читаем, что подлежащие неокладному страхованию имущества поступают на страх по правилам и тарифам добровольного страхования. Что же касается отсутствия свободы волеизъявления, то, по мнению Е. М е н а, принуждение воли лица к совершению того или иного действия законом ни в коем случае не может почитаться принуждением, порочащим силу совершенной им сделки. Не может служить основанием к признанию обязательного страхования институтом публичного права и порядок взыскания премии не в судебном порядке, а в административном (при окладном страховании), так как порядок взыскания – судебный или не судебный – ни в какой связи с самой сделкой не стоит.

Интересны по своим построениям рассуждения о юридической природе обязательного страхования проф. М. Я. П е р г а м е н т а¹.

Нередко, говорит проф. М. Я. П е р г а м е н т, правопорядок, все равно, закон ли или уполномоченная на то административная власть, обязует субъекта к заключению договора (Kontrahierungszwang). Типичный случай такого Kontrahierungswang'a представляет собой веление закона к железной дороге об обязанности заключения договоров перевозки. Анализируя отношения дороги к отдельному грузоотправителю, проф. М. Я. П е р г а м е н т усматривает в них две стадии. Первая стадия – обязанность дороги заключить договор принятием предложения грузоотправителя; вторая стадия – обязанность перевезти груз согласно договору. Первая стадия создается законом, вторая – договором. Итак, сначала «obligatio ex lege», потом «obligatio ex contractu»². По мнению проф. М. Я. П е р г а м е н т а, все различие между приведенными отношениями, вытекающими из железнодорожной перевозки, и отношениями из страхования, сводится к тому, что во втором случае обязанность не на стороне учреждения, а на стороне публики, граждан. И в этом случае оказываются все те же два обязательства: одно, возникающее силою закона, принуждающее заключить договор, и другое, возникающее из заключенного вслед затем договора страхования, заключенного во исполнение означенного принуждения. Поскольку же договор является заключенным, все равно, добровольное ли страхование или обязательное, все происходит в плоскости договорной и тем самым, конечно, частноправовой. Но ведь контрагент не только принуждается к вступлению в сделку и само содержание договора

¹ «Вестн. Госстраха», 1923 г., № 21.

² Ср. В i e r m a n n, «Rechtswang Z. Kontrahieren, Jhering's Jahrb.» B. 32.

ему также диктуется! Можно ли при таких условиях говорить все же о договоре? На этот вопрос проф. М. Я. П е р г а м е н т, ссылаясь на новейшие учения о «договорах присоединения» (*contrats d'adhésion*) и «продиктованных договорах» (*dictierte Verträge*), отвечает утвердительно, указывая, что правильность учения, согласно которому содержание договора устанавливается, непременно, соглашением сторон, уже в достаточной степени поколеблена.

Таким образом, по мнению проф. М. Я. П е р г а м е н т а, по общему правилу, обязательное неокладное страхование остается в границах договорных, частноправовых. Но можно ли видеть такие же частноправовые отношения при обязательном окладном страховании, а также при неокладном обязательном страховании, если страхователь отказался заключить страховой договор, либо, хотя таковой договор и заключил, но не уплачивает страховой премии? Профессор М. Я. П е р г а м е н т полагает, что правопорядок являет в этих случаях фигуру, смешанную из элементов как публично-правовых, так и частноправовых¹. Со стороны своего возникновения правоотношение лежит в плоскости публично-правовой; но со стороны своего содержания то же самое правоотношение преимущественно, в подавляющей мере – гражданско-правовое. Правовая ткань тут соткана из нитей не однородных, а двух родов². Гражданско-правовым институтом считает обязательное неокладное страхование и С. К р а с н и к о в³.

¹ В подтверждение своего взгляда проф. М. Я. П е р г а м е н т ссылается на так называемые *Mischgebilde* (смешанные образования) германского права. «Смешанные образования возникли весьма естественно как результат внесения в Гражданское право социального начала, как результат его, Гражданского права, социализации. Не учитывать «социализации» Гражданского права в настоящее время способен разве слепой или безнадежный упрямец (и это даже там, на Западе, а тем более, следовательно, в условиях нашего социалистического отечества)». М. Я. П е р г а м е н т, там же, стр. 13.

² Взгляд проф. М. Я. П е р г а м е н т а встретил возражения со стороны П. В е й с а («Вестн. Госстраха», 1924 г., № 5–6), который категорически высказывается за признание обязательного окладного страхования публично-правовым институтом. Что же касается обязательного неокладного страхования, то П. В е й с а рассматривает его всецело как институт частноправовой. По мнению П. В е й с а, обязанность арендатора застраховать вверенное госимущество возникает не иначе, как вследствие предшествовавшего о том соглашения (*pactum de contrahendo*). Если же арендатор уклонится от заключения договора, то учреждению, сдавшему имущество в аренду, предоставляется на выбор: либо отступить от договора, либо домогаться исполнения условия о застраховании судом. На этом основании Госстрах правомочен принять данное имущество на учет и, исполнив все требуемые для страхования формальности, представить затем изготовленные страховые документы в суд по месту нахождения страхового имущества с ходатайством обязать неисправного арендатора подписать представленные документы, а при нежелании – заменить его подписью решением суда и взыскать с него должные страховые сборы. См. возражение проф. М. Я. П е р г а м е н т а П. В е й с у в «Вестн. Госстраха», 1924 г., № 11–12.

³ «Вестн. Госстраха», 1923 г., № 13–15.

Изложенные здесь мнения различных авторов показывают, что вопрос о юридической природе обязательного страхования в сущности представляет собою вопрос о том, что лежит в основании страхового правоотношения при обязательном страховании: договор или закон, и является ли само правоотношение отношением права гражданского или публичного.

Разберем отдельно случаи окладного и неокладного страхования.

Что в основании обязательного окладного страхования лежит веление закона, сомневаться нет никаких оснований. Имущество является застрахованным помимо воли и желания страхователя и независимо от взноса им страховой премии. Все существенные части страховых отношений между Госстрахом и страхователем, как мы ранее видели, фиксируются законом и правилами страхования, и страховая премия взыскивается в порядке, установленном для взыскания налогов, причем премия эта взыскивается даже прежде других государственных налогов и сборов¹. Поэтому вряд ли можно согласиться с Е. М е н о м, утверждающим, что «в самом существе возникающих *по страховому договору* между сторонами правоотношений нет решительно никакой разницы между окладным и неокладным страхованием, ни между каждым из них и страхованием добровольным»². В том-то и дело, что при окладном страховании нет и признаков договора. Непосредственным источником возникновения страхового отношения оказывается закон, и само правоотношение, несомненно, является отношением публичного права.

Но, признавая окладное страхование публично-правовым отношением, не должны ли мы отнести обязательное окладное страхование к числу налогов, как это делают некоторые, например, Н. З и л ь б е р ш т е й н³.

По мнению Н. Зильберштейна, окладное страхование преследует те же цели, что и так называемые целевые налоги (Пост. ЦИК и СНК СССР «об единовременном налоге для нужд населения, пострадавшего от неурожая», Пост. ЦИК и СНК СССР «О целевом квартирном налоге»). Как и в окладном страховании, так и при целевых налогах население обязывается к уплате определенных взносов, а соответствующие органы власти обязаны осуществить возложенные на них хозяйственные задания путем целесообразного использования этих взносов. Как при окладном страховании, так и при целевых налогах неуплата взносов влечет определенные невыгодные последствия для неисправного плательщика, Но не приостанавливает обязанности подлежащего государственному органу к устранению вредных материальных по-

¹ § 21 Прав. госуд. обяз. окладн. страхования от огня. Предоставление страхователю права взыскивать страховое вознаграждение судебным порядком является, конечно, приводящим моментом и не меняет природы института.

² «Вестн. Госстраха», 1923 г., № 7–8, стр. 4.

³ «Советск. право», 1925 г., № 4.

следствий в хозяйстве. Поэтому указанные сборы, как имеющие налоговой характер, используются для восстановления таких хозяйств, которые обслуживают лиц, совершенно не платящих указанных сборов (пост. СТО о плане окладного страхования). Вместе с тем, по мнению Н. Зильберштейна, отпадают возражения, что страхование всегда эквивалентно в отличие от налогов. Различие в актах властвования при окладном страховании и целевых налогах, указывает названный автор, заключается только в том, что в первом случае обязательные взносы устанавливаются ввиду возможности наступления хозяйственного ущерба, а при целевых налогах взимание сборов производится в связи с обнаружившимся ущербом.

Несмотря на внешнее сходство с налогом, мы все же полагаем, что обязательное окладное страхование налогом не является.

Отличительная черта налога как принудительного сбора, взимаемого для покрытия общественных расходов, в том именно и заключается, что плательщик не получает при этом никакого специального эквивалента. И совершенно напрасно Н. Зильберштейн в подтверждение своего взгляда ссылается на целевые налоги, существующие в СССР. Несмотря на свой целевой характер, налоги эти так же построены на отсутствии эквивалентности, как и другие налоги. Единовременный налог на нужды населения, пострадавшего от неурожая, был установлен в 1924–1925 г. «в целях увеличения средств, отпускаемых правительством СССР, на нужды населения, пострадавшего от неурожая, *со всех граждан СССР, достигших 18-летнего возраста*». В силу же целевого квартирного налога налогом «на нужды строительства рабочих жилищ была обложена жилая площадь, занимаемая в городах плательщиками подоходного налога, отнесенными к категории «В», т. е. лицами, получающими доход от владения промышленными и торговыми предприятиями и от других нетрудовых источников дохода».

Напротив, при обязательном страховании, как и при страховании вообще, отношения между страхователем и страховщиком строятся на совершенно иных началах. В основе обязательного окладного страхования, как и страхования добровольного, лежит одна и та же идея – распределение необходимых для страхования сумм между отдельными хозяйствами, могущими понести ущерб от известной опасности¹.

Здесь нет стремления к удовлетворению фискальных интересов государства или к обеспечению одних групп населения за счет других групп (как при целевых налогах). В сущности, страховщик выступает всегда только как распорядитель собранных средств между отдельными хозяйствами. Выступление государства в качестве страховщика накладывает много специфиче-

¹ Проф. К. Воблы й, «Основы экономии страхования», 1915 г., стр. 41.

ских черт на проводимое им страхование (способы установления страховой суммы, взимания премии, льготы и т. п.), но не превращает все же страхования в налог. И как социальное рабочее страхование не является налогом, так же не является налогом и обязательное окладное страхование¹.

Значительно сложнее обстоит вопрос с обязательным окладным страхованием.

Положение о Госстрахе Союза ССР в не оставляющих никакого сомнения выражениях указывает, что государственное обязательное неокладное страхование совершается *в форме договора*, к заключению которого стороны обязываются силой закона.

Дальше, Положение о Госстрахе говорит, что условия, которым должны удовлетворять договоры обязательного неокладного страхования, порядок их заключения и последствия, которые наступают в случае их незаклучения или несвоевременного заключения обязанными к тому сторонами, определяются правилами обязательного неокладного страхования (полисными условиями), издаваемыми порядком, установленным Положением о Госстрахе. Вместе с тем Положение о Госстрахе фиксирует, что страховая сумма не может быть выше страховой оценки имущества, но в то же время не может быть и ниже страхового интереса, обеспечиваемого обязательным неокладным страхованием².

Положение о Госстрахе СССР предусматривает также и тот случай, если страхователь уклонился от вступления в договорное отношение. В этом случае на Госстрахе лежит обязанность вчинить иск о признании за ним всех прав, вытекающих из заключения такого договора. После признания за Госстрахом этих прав, последний может уже приступить ко взысканию страховой премии в бесспорном судебном порядке.

При безуспешности взыскания со страхователя страховой премии, удостоверенной судебным исполнителем, Госстрах предъявляет требование об уплате премии и к тому государственному органу, в ведении которого находится имущество, подлежащее страхованию в обязательном неокладном порядке. Если подлежащий орган в двухнедельный срок не внесет страховой премии, то договор страхования считается утратившим силу, и ответственность Госстраха по нему прекращается³.

Формулировка Положения о Госстрахе означает, что Советское страховое право мыслит юридическую природу обязательного неокладного страхования как правоотношения, основанного на принудительном договоре, за-

¹ См. также К р а с н и к о в, «Вестн. Фин.», 1922 г., № 25; Р ы б н и к о в, «Вестн. Госстраха», 1923 г., № 11–12.

² Пол. о Госстрахе, ст. 12.

³ Там же, ст. 15, 16.

ключаемого сторонами по требованию со стороны закона (Kontrahierungszwang – проф. М. Я. Пергамента).

Но что же это за «принудительный договор»? Является ли он разновидностью обыкновенного договора гражданского права (ст. 130 ГК) или чем-нибудь иным?

Проверим теоретическую ценность понятия принудительного договора.

Понятие «принуждения к заключению договора» (Kontrahierungszwang) получило сравнительно недавно подробную разработку в работе Иенского приват-доцента Н и п е р д е я – «Kontrahierungszwang und dictierter Vertrag», – горячего сторонника этого института. Последуем за указанным автором¹.

Одним из основных индивидуалистических понятий частного права, говорит Н и п е р д е й, является начало договорной свободы. Начало договорной свободы проявляется в свободе установления содержания договора, вступления в него, определения личности контрагента и распоряжения установленным договорным отношением. Однако это начало договорной свободы подвергалось ради общей пользы еще до войны, а в особенности во время войны, ряду ограничений².

Формой такого ограничения договорной свободы является «принуждение к заключению договора» – Kontrahierungszwang и подписанный договор (буквально – продиктованный договор), так называемый, dictierter Vertrag.

Под Kontrahierungszwang'ом Н и п е р д е й понимает возложенную на субъекта помимо его воли в силу нормы существующего правопорядка (объективного права) в интересах другого лица обязанность заключить договор, содержание которого установлено заранее или будет установлено кем-либо, стоящим вне этого договора.

Такой нормой существующего правопорядка (объективного права) может быть закон, административный акт, уставы публично-правовых соединений и даже соглашения частных лиц, порождающие известный правопорядок (коллективные договоры)³.

Kontrahierungszwang есть явление правового характера. Поэтому не подходит под понятие Kontrahierungszwang'а всякое принуждение к заклю-

¹ Учение о Kontrahierungszwang'е было разработано В и е т а н'ом еще в девяностых годах прошлого столетия в работе – «Rechtswang Z. Kontrahieren, Jhering's Jahrb.». В. 32 – и нашло свое отражение как в общих руководствах (Козак, Кроме, Эннексерус, Штоббе и др.), так и в отдельных монографических исследованиях, посвященных иным проблемам (Лотмар, Эренберг и др.). Работой Н и п е р д е я мы пользуемся как наиболее поздним трудом, специально посвященным проблеме Kontrahierungszwang'а и содержащим в себе не только теорию вопроса, но и богатую его практику.

² Н и п е р д е й, указанная работа, 1920 г., стр. 2, след.

³ Там же, стр. 7, след.

чению договора фактического свойства (покупка пищи, дабы не умереть с голоду, вступление самостоятельного промышленного предприятия в синдикат вследствие объявленной ему синдикатом промышленной войны и т. п.).

Kontrahierungszwang имеет целью возникновение договора. Но договор есть в основном институт частного права. Приходится с самого начала отграничить от Kontrahierungszwang'a те институты публичного права, которые внешне проявляются в тех же формах, как и Kontrahierungszwang.

Сравнительно просто это отграничение проявляется в тех случаях, когда публично-правовая корпорация выступает по отношению к гражданину с каким-либо приказом или принуждением (например, принудительное отчуждение).

Труднее разрешаются вопросы в тех случаях, когда субъектом отношения является публично-правовое учреждение (Anstalt). В этих случаях мы часто имеем отношения, похожие на Kontrahierungszwang, но в действительности иного порядка.

Учреждение принуждается выполнить известную обязанность по отношению к гражданину (Zulassungszwang), в свою очередь, гражданин принуждается к использованию в этом отношении соответствующего учреждения (Nutzungszwang). Примером такого рода отношений может служить принудительное присоединение к водопроводной или канализационной сетям, принадлежащим городу. Нет также Kontrahierungszwang'a, указывает Н и п е р д е й, при обязательном народном школьном обучении, при обязательном оспопрививании, при обязательном социальном страховании, при обязательном государственном страховании строений от огня или скота от падежа и др¹. Во всех указанных здесь случаях отношения лежат в плоскости публичного права.

Но если учреждение публично-правового характера преследует цели извлечения прибыли, отношения между ним и гражданином, его использующим (Benutzer), могут рассматриваться, по мнению Н и п е р д е я, как вытекающие из Kontrahierungszwang'a. К числу последних Н и п е р д е й относит железные дороги, государственный банк, электрические станции, принадлежащие государству или городам, и т. п. Правоотношения, возникающие в этих случаях, по мнению указанного автора, являются правовыми фигурами смешанного типа (публично- и частноправовыми)².

Чтобы усвоить понятие Kontrahierungszwang'a, надо еще заметить, что Kontrahierungszwang имеет место только тогда, когда принудительный договор

¹ Н и п е р д е й, стр. 26, след. См. также Флейнер, «Institutionen des d. Verwaltungsrechts», 1922 г., стр. 311.

² Основание отношения – публично-правовое – социальный интерес. Предмет же отношения – частноправовой. Н и п е р д е й, стр. 87.

заключается с тем субъектом, в пользу которого установлена обязанность к заключению договора. Kontrahierungszwang предполагает, что будущий кредитор по договору будет и лицом, непосредственно получающим от договора выгоду. Поэтому не будет Kontrahierungszwang'ом возлагавшаяся некоторыми актами военного и переходного времени на владельца предприятий обязанность страхования некоторых категорий припасов (например, древесной массы, необходимой для выделки бумаги). В последнем случае цель закона – не доставление выгоды страховому обществу, а обеспечение интересов государства.

Ниппердей делит разнообразные проявления Kontrahierungszwang'a на две категории. К первой он относит те случаи, когда принуждение к заключению договора имеет целью регулирование таких взаимоотношений, которые находят свое проявление в имущественном обороте независимо от вмешательства со стороны объективного правопорядка. Ко второй категории он относит те случаи, когда принуждение к заключению договора имеет целью создание в обороте таких договорных отношений, которые без вмешательства правопорядка совсем не имели места или создавались бы в ином виде, нежели этого требует общественный интерес¹.

В качестве субъектов отношения в первую категорию входят: 1) железные дороги, государственный банк, почта и т. п.; 2) лица, занимающиеся профессиями или ремеслами, нуждающимися для осуществления своей деятельности в разрешении, утверждении и т. п. со стороны правительственного учреждения (извозчики, аптекари, акушерки и т. п.); 3) лица, выполняющие известные профессии в силу предоставленного им властью исключительного права на осуществление этих профессий (Bannrechte старого немецкого права; для современного права как исключение – трубочисты в Гамбурге, владельцы живодерен, во время войны торговцы мясом и некоторые др.)².

Вторая категория обнимает, по преимуществу, случаи, возникающие в условиях принудительно-организованного народного хозяйства. Во время войны часто издавались правительственные акты, возлагавшие на продавцов обязанность продавать товар по твердой цене под угрозой его отчуждения органом власти; существовали также обязательные постановления, преследовавшие целью принудительное заключение договоров найма жилых помещений под застройку и т. п.³

В случае отказа обязанного лица от заключения договора нормальным средством принуждения к заключению договора является заключение дого-

¹ Н и п е р д е й, стр. 32, сл.

² Там же, § 4.

³ Там же, § 6.

вора в судебном порядке, предусмотренном § 894 германского гражданско-процессуального устава.

§ 894 германского гражданско-процессуального устава гласит: «если должник присужден к выражению волеизъявления, то это волеизъявление считается выраженным со времени вступления в силу судебного решения».

В силу принятой фикции договор считается, таким образом, заключенным, хотя бы обязанное лицо и не выразило соответствующего волеизъявления.

Иск о заключении договора, по мнению Н и п е р д е я, в интересах кредитора должен быть соединен с иском об исполнении по договору¹.

В тех случаях, когда этот обычный путь принуждения к заключению договора закрыт (случаи второй категории), принуждение к заключению договора осуществляется в форме так называемого предписанного договора (*dictierter Vertrag*), где все содержание договорных отношений устанавливается помимо воли сторон. При продиктованном договоре подлежащий орган власти не подтверждает уже существующего права, а создает новое право (например, утверждение в Германии комиссаром по демобилизации трудового договора между предпринимателем и лицами, работавшими у него ранее, подлежащими по демобилизации обратному приему на службу, в случае отказа в выполнении приговора третейского суда)².

Приходится отметить, однако, что учение «о принуждении к заключению договора» (*Kontrahierungszwang*) в очерченном здесь объеме имеет против себя достаточно авторитетных противников, не усматривающих в нем особой теоретической ценности.

Как, по нашему мнению, правильно указывает Т у р, весьма сомнительно, чтобы понятие *Kontrahierungszwang*'а могло служить хорошим средством для понимания юридической природы рассматриваемых отношений. Обязанности железной дороги и почти настолько подробно регламентированных законом, что не оставляют почти никакого места для договорных соглашений. Железная дорога и почта обязаны к перевозке грузов и доставке писем уже в силу закона, и вовсе не требуется, чтобы перевозке грузов или пересылке писем предшествовал особый договор перевозки или почтовой пересылки³. Также обстоит дело и в других приведенных выше случаях, где усматривают наличие «*Kontrahierungszwang*'а. По мнению Т у р а, во всех этих случаях в силу закона возникает не обязанность к заключению договора, но только обязанность к доставке воды, электричества, к приему больно-

¹ Там же, стр. 118.

² Н и п е р д е я, стр. 199, сл.

³ Обязанность доставки писем лежит на почте даже тогда, когда договор не может быть заключен с отправителем по причине его недееспособности; Т у р, D. allg. T. d. Schweiz. OR, I, стр. 238.

го и т. д. Поэтому оформление в договорную форму таких возникающих из закона обязательственных предоставлений являлось бы, безусловно, лишним. Вполне последовательно Т у р делает и тот вывод, что при отказе в выполнении этих обязательств надлежит предъявлять иск не о заключении договора, а об истребовании того, что истцу причитается в силу действующих постановлений закона. Таким образом, о договорной природе приведенных сейчас правовых явлений не может быть и речи¹. Обязательства железной дороги, почты и т. п. возникают непосредственно в силу закона (aus einem gesetzlichen Tatbestand)².

К этим соображениям Т у р а надо добавить еще следующее.

Если в случае отказа лица, обязанного заключить договор, таковой совершается судом, то это означает, в сущности, не что иное, как отрицание всей договорной конструкции, поскольку в наличности не оказывается ни одного элемента договора.

Такой же вывод мы должны сделать и в отношении «предписанного договора».

Как совершенно точно указывает проф. М. М. А г а р к о в, о договоре может идти речь только тогда, когда в составе юридических отношений между сторонами остаются хотя бы немногочисленные, даже единичные элементы, для возникновения коих необходима встреча двух свободных волеизъявлений. Поэтому в том правоотношении, в котором воля одной из сторон не будет иметь никакого значения ни для установления правоотношения, ни для выбора другой стороны, ни для определения содержания прав и обязанностей, нет и встречи двух волеизъявлений, нет и договора³.

Может ли при неокладном страховании страхователь по своему усмотрению установить страховые правоотношения? Нет, не может, так как его

¹ Если, тем не менее, многие и до сих пор продолжают придерживаться понятия Kontrahierungszwang'a, то Т у р находит этому обстоятельству объяснение, во-первых, в том, что исторически обязательства в приведенных отношениях действительно первоначально возникли из договоров, и, во-вторых, в заимствованной от римлян привычке современной юриспруденции, где только возможно, выводить права и обязанности из соглашения сторон; там же, стр. 38, 239.

² См. также S c h l o s s m a n n, «Ueber d. Vorvertrag u. d. rechtliche Natur d. sogen. Realkontrakte, Jhering's Jahrb». В. 45. Возникновение этих обязательств в силу закона не исключает, однако, возможности для сторон определять соглашением второстепенные моменты правоотношения (при приобретении плацкарты – выговорить нижнее место, при помещении больного в бесплатную больницу – договориться о помещении в палату с меньшим количеством больных и т. д.).

³ «Право и Жизнь», 1922 г., № 3, стр. 14, 15. Ср. также ст. 130 ГК: «договор признается заключенным, когда стороны выразили друг другу *согласие* по всем существенным его пунктам; существенными, во всяком случае, признаются предмет договора, цена, срок, а также все те пункты, относительно коих, по предварительному заявлению одной из сторон, должно быть достигнуто соглашение».

принуждает к этому законодатель, устанавливающий обязательность страхования известных, строго определенных категорий имуществ.

Но, может быть, страхователь имеет право выбора контрагента¹? Тоже нет, так как единственным страховщиком является Госстрах.

Но, наконец, не предоставлено ли страхователю право установить содержание тех страховых отношений, которые возникают между ним и страхователем? И на этот вопрос следует дать столь же отрицательный ответ, как и на два первых. Как мы уже видели, все *существенные* части правоотношения при неокладном страховании устанавливаются помимо желания и воли страхователя даже тогда, когда он изъявляет желание оформить эти отношения в виде договора, как этого требует Положение о Госстрахе СССР (ст. 12).

Но, в свою очередь, и Госстрах принуждается законом к вступлению в страховое отношение, пределы и объем которого также определены законом.

Мы полагаем, что то правоотношение, которое возникает между страхователем и Госстрахом при неокладном страховании в случае добровольного вступления сторон в страховые отношения представляет собою в действительности не договор в смысле гражданского кодекса (ст. 130), а тот публично-правовой институт *Zulassungszwang*² и *Nutzungszwang*², о котором речь шла выше. С одной стороны, публично-правовое учреждение, не имеющее своей основной целью извлечение прибыли (Госстрах)², принуждается к принятию на страх известных, строго определенных в законе категорий имуществ (*Zulassungszwang*); с другой же стороны, опять-таки точно указанные в законе лица принуждаются к использованию в этом отношении Госстраха (*Nutzungszwang*).

Подобного рода отношения известны и иностранному страховому праву (германскому).

В комментарии к германскому страховому закону 1908 г. М а н е с а среди описаний различных публично-правовых страховых учреждений, существующих и поныне в Германии, приводится описание подобного учреждения, существующего в Баварии. Это публично-правовое страховое учреждение, возникшее еще в 1817 г., действует в качестве организации, принимающей на страх от огня недвижимые имущества на всей террито-

¹ Как в приводимом проф. М. М. А г а р к о в ы м примере с французским законом 5 апреля 1910 г. о пенсиях рабочих и крестьян, разрешающим лицам, подлежащим обязательному страхованию по своему выбору застраховаться или в Caisse nationale de retraite, или в Société ou union de Société de Secour mutuel, или в Caisse syndicat professionnel, или еще в трех различных учреждениях.

² Пол. о НКФ СССР, ст. 13. Р о з е н о е р, «Вестн. Госстраха», 1924 г., № 11–12, стр. 13, сл. Из содержания ст. 54 Пол. о Госстрахе видно также, что извлечение прибыли не является основной целью деятельности Госстраха.

рии страны. Учреждение это осуществляет свою деятельность на началах принудительности и монополии. Начало принудительности проводится в отношении всех общественных строений, т. е. строений, принадлежащих государству, городам, школам и т. п., которые в порядке прямого принуждения (*directer Zwang*) должны быть застрахованы в указанном страховом учреждении. В силу же монополии страхование указанных строений воспрещено в других страховых учреждениях под страхом недействительности и даже штрафа¹.

Отчетливо оттеняет юридическую природу тех взаимоотношений, которые возникают в силу *Zulassungszwang*'а и *Nutzungszwang*'а, известный немецкий специалист по административному праву Ф л е й н е р².

Ф л е й н е р рассматривает эти отношения как публично-правовые. По мнению Ф л е й н е р а, публично-правовой характер указанных отношений проявляется в нескольких направлениях. Здесь мы укажем только главнейшие.

Принуждение к использованию соответствующего учреждения может иметь место только тогда, когда это прямо предусмотрено законом (обязательное школьное обучение, обязательное страхование и т. п.). Здесь все отношения покоятся не на договоре, а на норме объективного права – законе. Отсюда вытекает важное последствие, что учреждение не может отказаться от вступления в соответствующее отношение с отдельным гражданином на равных с другими гражданами условиях.

Используя учреждение, лицо тем самым подчиняет себя власти этого учреждения (школьная дисциплина и т. п.). В отличие от договора, где стороны юридически являются равноправными, в рассматриваемом случае мы имеем отношение, строящееся по началу власти и подчинения. Внешне это находит свое выражение в различного рода постановлениях, издаваемых подобного рода учреждениями, обязательных для их пользователей.

Наконец, публично-правовая сторона отношения сказывается и в характере ответственности учреждения. За вред, причиненный действиями своих органов, учреждение отвечает не в обычном гражданском порядке, а в порядке ответственности за действия должностных лиц.

Профессор М. Я. П е р г а м е н т, который особенно подробно аргументирует необходимость признания частноправовыми страховых отношений, возникающих из обязательного неокладного страхования³, в подтверждение своего взгляда ссылается, между прочим, на мнение таких авторитетных знатоков западноевропейского страхового права, как Э р е н б е р г и Г а-

¹ М а н е с, «Kommentar z. Versich.-Vertr. G». 1908 г., § 192, стр. 782 сл.

² Ф л е й н е р, там же, § 18. См. также, Н а т с ч е к, «Lehrbuch d. d. Verwaltungsrechts», 1924 г., § 59.

³ «Вестн. Госстраха», 1923 г., № 21, стр. 11.

г е н¹, указывающих, что, если отношения по страхованию покоятся на принуждении, то все же во всех случаях помощью страхования возникают частноправовые отношения между страховым учреждением и страхователем. Нам кажется, однако, что эта ссылка на Э р е н б е р г а и Г а г е н а вряд ли может быть признана особенно доказательной.

Не надо забывать, что социально-экономические условия западноевропейских государств и СССР более чем резко отличаются друг от друга. Поэтому в условиях индивидуалистического народного хозяйства вполне естественны высказывания, подводящие очень многие отношения под категорию отношений частного права, но подобные же высказывания в условиях планового народного хозяйства СССР являются уже слишком отвлеченными и мало считающимися с действительностью. Частноправовой оборот в СССР и ограничен, и узок, и вообще нормы частного (гражданского) права являются только известной уступкой частнохозяйственным началам², являются исключением из обширной сферы норм публичного права. Поэтому ссылка на теоретиков западноевропейского страхового права, конечно, не может быть признана убедительной³. К этому надо добавить, что и в западноевропейском страховом праве к страховым отношениям, возникающим в силу закона, применяется ряд положений, наглядно обнаруживающих резко выраженный публично-правовой характер этих отношений⁴.

Если мы сделаем теперь хотя бы самый беглый просмотр отдельных наиболее существенных положений, применяемых при обязательном неокладном страховании, то увидим, вопреки проф. М. Я. Пергаменту, как сильно сказывается в этом виде страхования наличие публично-правовых свойств.

Принципиальное исключение норм гражданского права в отношении неокладного страхования мы видим в ст. 398 ГК, указывающей, что постановления XI главы ГК не распространяются на все виды обязательного страхования, поскольку в правилах о последних нет указаний на эти постановления.

Правда, в правилах обязательного страхования от огня 1922 г. содержится положение, указывающее, что подлежащие неокладному страхованию

¹ E h r e n b e r g, «Privatversicherungsrecht», s. 5. H a g e n, VIII, 1, § 76. Также – J. G i e r k e, «Z. f. H. R.», 86.

² А. Г. Г о й х б а р г, «Хозяйственное право», стр. 53.

³ Между прочим, заметим, что Г а г е н, на которого ссылается проф. М. Я. П е р г а м е н т, вообще считает обязательное страхование, применяемое многими немецкими общественными страховыми учреждениями, за пережиток прошлых времен. В. VIII, 1, § 64.

⁴ См. приводимые Г а г е н о м данные о способах установления страховой оценки и страховой суммы, страховой премии, значения просрочки, срока и пр., там же, § 77. Формально неприменимость норм закона «о страховом договоре» к такого рода отношениям указана в самом законе, § 192.

имущества поступают на страх по правилам добровольного страхования (§ 33)¹. Но к этому параграфу еще при издании в 1922 г. указанных правил было сделано достаточное количество дополнений и изменений, резко меняющих общие правила добровольного страхования. Изданные в дальнейшем инструкции по страхованию коммунальных и государственных имуществ, циркуляры Госстраха и Положение о Госстрахе СССР в еще большей степени подчинили обязательное неокладное страхование действию права, не находящего себе выражения в нормах ГК о страховании.

При возникновении страхового правоотношения из договора страховое отношение лежит в сфере гражданского права; в этом случае, действительно, можно с некоторыми общими оговорками об известной условности границы между публичным и частным правом и об общей насыщенности страхового договора публично-правовыми началами говорить о частноправовой природе страхового отношения². Напротив, при возникновении страхового отношения в силу веления закона страховое отношение в условиях советского правопорядка, несомненно, проникается в столь сильной степени публично-правовыми свойствами, что говорить о принципиальном подчинении его нормам частного (гражданского) права уже не приходится.

Мы не будем отрицать, что при обязательном неокладном страховании в некоторых второстепенных случаях могут применяться правила договорного страхования, т. е. положения ГК и соответствующих правил добровольного страхования. Но уже в наиболее существенном моменте – в определении размера страховой суммы – выставляется положение, могущее найти себе объяснение только в полном подчинении неокладного страхования публично-правовым началам: имущества, подлежащие неокладному страхованию, должны быть застрахованы в сумме, которая не может быть выше страховой оценки имущества и не может быть ниже страхового интереса, обеспечиваемого неокладным страхованием³.

Равным образом по тем же причинам не предоставлено свободному усмотрению сторон определение других основных элементов страхового правоотношения – страхового риска, премии и срока⁴.

¹ Неизвестно, сохранится ли эта формулировка в новых правилах обязательного неокладного страхования, которые Госстрах должен выработать, согласно ст. 12 Положения о Госстрахе СССР.

² Формально это проявляется в применимости ст. 167–397 ГК, материально же – в праве сторон устанавливать соглашением ряд существенных условий страхового правоотношения (страховую сумму, срок, круг имуществ, род опасности).

³ Пол. о Госстрахе, ст. 12.

⁴ Пол. о Госстрахе, ст. 12; § 31–33 Правил обязательного страхования от огня, 1922 г.; циркул. Госстраха № 705 и дополнения к нему; Инстр. по страх. комм. имущ., § 1, 5, 6, 7, 8; Инстр. по страх. гос. имущ., § 1, 2.

Но не только в указанных моментах проявляется публично-правовая природа неокладного страхования. Свое сильнейшее отражение она находит и в начале «принудительности», которому Е. М е н совершенно напрасно отводит так мало значения.

Принуждение страхователя страховать известные категории имущества в Госстрахе, а Госстрах принимать это имущество на страх связывает стороны такими крепкими нитями, которые они не могут разорвать по своему желанию. Поэтому не только страхователь, но и Госстрах не могут по своему желанию уйти из страхового правоотношения, ни отказаться войти в него, за исключением случаев, указанных в законе.

Это начало принудительности, связывающее страхователя с Госстрахом, не делает их сторонами, юридически равноправными. Страхователь, помимо своего желания, подчиняется власти Госстраха, выражающейся внешне в правилах, издаваемых Госстрахом, регулирующих условия и порядок заключения неокладного страхования, а равно и последствия незаключения такового (Полож. о Госстрахе, ст. 12). В отличие от добровольного страхования, где правила страхования являются только типовыми условиями договора, которые лицо, желающее застраховать имущество, может принять или отвергнуть, при неокладном страховании воле страхователя нет места. Знает ли он или не знает содержания этих правил, согласен он на них или нет, правила эти для него равно обязательны. Здесь нет места началу юридического равноправия, свойственного договору гражданского права. Перед нами – отношения власти к подвластному¹.

Столь же ярко сказывается публично-правовое свойство отношения и при выдаче страхового вознаграждения. Согласно действующим до настоящего времени инструкциям, при страховании коммунальных имущества, если имущество сгорело целиком, страховое вознаграждение уплачивается коммунальному учреждению, которому оно принадлежало, если же имущество пострадало частично, то страховое вознаграждение выдается арендатору, при страховании же государственных имущества, по общему правилу, вознаграждение выдается госоргану – сдатчику имущества. Арендатор, получивший страховое вознаграждение, обязывается немедленно обратить его на восстановление пострадавшего имущества, отвечая за израсходование не по назначению в порядке ст. 185 Угол. Код., как за растрату².

¹ Это начало властвования характерно сказывается, например, в праве представителя Госстраха требовать от арендатора или учреждения, заключившего договор с последним, производства надлежащего ремонта для приведения имущества в технически удовлетворительное состояние и проведение ряда противопожарных мер, при выполнении коих имущество может быть принято на страх. Прав. обязат. страх. от огня 1922 г., доп. к § 1, прим. 2.

² Инстр. по страхованию коммунал. имущества, § 11, 12; Инстр. по страхован. гос. имущества, § 10; Пост. о введении в действие положения о Госстрахе, ст. 2.

Итак, внимательный анализ страхового правоотношения по неокладному страхованию показывает, что это правоотношение и по основанию своего возникновения, и по характеру установления всех своих существенных элементов, и по свойству прав и обязанностей сторон, несомненно, является отношением публичного права.

Поэтому, хотя Положение о Госстрахе и квалифицирует отношение по неокладному страхованию между Госстрахом и страхователем как «принудительный договор», в действительности же мы имеем пред собой разновидность особого института публичного права – *принудительного использования публично-правового учреждения обязанным к тому лицом*¹.

* * *

Еще менее можно говорить о договорном характере неокладного страхования, когда страхователь уклоняется от оформления этого правоотношения и когда имущество считается застрахованным в судебном порядке со времени получения Госстрахом судебного приказа о взыскании страховой премии².

Говоря о § 894 германского гражданско-процессуального устава, мы уже охарактеризовали его применение как безусловное отрицание всей договорной конструкции. Этот взгляд надлежит применить и к случаю, предусмотренному ст. 16 Положения о Госстрахе. Эффект, достигаемый Госстрахом при уклонении страхователя от исполнения возложенной на него законом обязанности путем особой формы судебного воздействия, к слову сказать, не предусмотренной гражданско-процессуальными кодексами союзных республик, является несомненным проявлением власти Госстраха как публично-правового учреждения.

Но этого эффекта можно было бы достигнуть и другими средствами чисто административного характера, не прибегая к помощи судебного аппарата, собственно говоря, чуждого природе правоотношения по обязательному неокладному страхованию.

Между прочим, очень интересно отметить, что в то время, как в РСФСР еще циркулярами НКЮ за № 120–1924 г. и Госстраха за № 737 и 759 было разъяснено, что неуплаченная страховая премия по обязательному неокладно-

¹ Публично-правовое свойство отношения еще более подчеркивается, когда субъектом отношения оказывается кооператив или госорган. Таким образом, взгляд П. Домбровского и С. Рыбникова на публично-правовую природу обязательного неокладного страхования оказывается более правильным, нежели противоположный взгляд проф. М. Я. Пергамента, С. Красникова и Е. Мена.

² См. главу VIII, § 2.

му страхованию должна взыскиваться в порядке судебного приказа, хотя в ст. 210 Гр.-Пр. Код. по этому поводу и не имелось определенных указаний, на Украине до самого последнего времени применялось (и совершенно, по нашему мнению, с теоретической точки зрения, правильно) взыскание страховой премии по неокладному страхованию в порядке административного беспорного взыскания, что, несомненно, подчеркивало юридическую природу обязательного неокладного страхования как публично-правового отношения¹.

* * *

Приходится, однако, заметить, что правила об обязательном неокладном страховании, изложенные в Положении о Госстрахе, не являются законченными, с точки зрения своего юридического построения, и дают возможность свести на нет весь институт обязательного неокладного страхования.

Как мы уже указывали, согласно ст. 16 Положения, в случае удостоверенной судебным исполнителем безуспешности взыскания со страхователя страховой премии, Госстрах должен предъявить требование об уплате премии к тому государственному органу, в ведении которого находится имущество, подлежащее страхованию, причем, если этот орган в двухнедельный срок не внесет страховой премии, то договор страхования считается утратившим силу.

Создается такое положение вещей, что, в сущности, все требования закона об «обязательности» неокладного страхования, о «принудительности» его являются, в действительности, не подкрепленными никакой санкцией. Достаточно судебному исполнителю потерпеть неудачу при взыскании с упорствующего страхователя страховой премии², а подлежащему госоргану не пожелать внести в двухнедельный срок эту премию, что, разумеется, во многих случаях и будет иметь место, и правоотношение из обязательного (?) неокладного страхования прекращает свое существование.

¹ М. М а т в і е в с ь к и й, «Порядок стягания страховых премий по обов'язковому неокладному страхуванню», – Вестн. Сов. Юстиции, 1925 г., № 17. Совершенно прав П. Д о м б р о в с к и й, писавший еще до издания циркуляров Госстраха за № 737 и 759 и Положения о Госстрахе Союза ССР, что заключение договора неокладного страхования не должно зависеть от каких-либо актов волеизъявления обязанного лица. «Вестн. Госстраха», 1923 г., № 1–2, стр. 17.

² «Безуспешность взыскания» является вообще формулой чрезвычайно эластичной и дающей широкий простор для усмотрения судебного исполнителя.

ГЛАВА VII

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СТРАХОВОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

В силу страхового правоотношения, одна сторона (страховщик) оказывается обязанной в течение известного срока нести риск за те последствия, которые могут произойти для имущества или жизни данного лица от наступления известного события (страхового случая), и при наступлении этого события уплатить другой стороне (страхователю) или третьему лицу (выгодоприобретателю) страховое вознаграждение (страховую сумму). Другая же сторона (страхователь) оказывается обязанной к уплате за это страховщику известного взноса (страховой премии).

Отсюда можно вывести следующие основные элементы страхового правоотношения.

1) *Лица*. В каждом страховом правоотношении непременно участвуют два лица: *страховщик* и *страхователь*, и могут (необязательно) участвовать еще два лица – *выгодоприобретатель* и *застрахованное* лицо.

Страховщик и страхователь непременно принимают участие как в договоре имущественного, так и личного страхования. Выгодоприобретатель может участвовать как в договоре имущественного, так и личного страхования. Застрахованное лицо может участвовать только в договоре личного страхования.

Страховщик принимает на себя обязанность выплатить страхователю страховое вознаграждение при наступлении предусмотренного события, а страхователь делает за это страховщику известный денежный взнос (страховую премию). Выгодоприобретателем называется то лицо, которому страховщик должен по договору выплатить страховое вознаграждение. Выгодоприобретателем может быть или сам страхователь, или третье лицо. Застрахованным лицом является то лицо, в жизни которого должно произойти событие, влекущее для страховщика обязанность уплаты страхового вознаграждения. Им может быть страхователь, выгодоприобретатель и четвертое лицо.

2) *Страховой риск*, под коим разумеется та опасность, от последствий наступления которой заключается страхование.

3) *Страховой случай*, под коим разумеется то событие, от наступления которого находятся в зависимости права страхователя или выгодоприобретателя на страховое вознаграждение.

4) *Страховая сумма*, являющаяся той денежной суммой, которую страховщик обязуется уплатить страхователю или выгодоприобретателю при

наступлении предусмотренного договором события. Ее надо отличать от *страхового вознаграждения*, которое страховщик действительно выплачивает страхователю или выгодоприобретателю; по отношению к нему страховая сумма играет роль крайнего предела, выше которого не может подниматься страховое вознаграждение

5) *Страховая премия*, представляющая собою плату, уплачиваемую страхователем страховщику.

6) *Страховой срок*. Страховщик принимает на себя ответственность только в течение известного количества времени. Поэтому указание срока является непременным свойством страхового правоотношения.

Эти основные элементы свойственны как добровольному, так и обязательному страхованию, как имущественному, так и личному. Но, тем не менее, в своем приложении к отдельным видам страхования эти основные элементы временами подвергаются некоторой модификации. В особенности своеобразные очертания некоторые из этих элементов получают при личном страховании. В свою очередь, известный отпечаток на эти элементы накладывает и юридическая природа страхового правоотношения в зависимости от того, является ли оно основанным на договоре или вытекает из велений закона, т. е. оказывается обязательным.

В основание дальнейшего изложения мы кладем добровольное имущественное страхование, как наиболее подробно разработанное и ГК, и правилами НКФ. Остальные виды страхования будут нами привлекаться только для оттенения тех особенностей, которые они вызывают в указанных элементах страхового правоотношения.

§ 1. Лица. Страховой интерес

А. *Страховщиком*, т. е. лицом, принимающим на себя обязанность уплатить при наступлении предусмотренного события другому лицу (страхователю или выгодоприобретателю) страховое вознаграждение, при действующей в СССР системе страховой монополии может быть только Госстрах¹.

Б. Значительно сложнее обстоит вопрос, кто может быть *страхователем или выгодоприобретателем*.

Статья 380 ГК (п. 2) требует при выдаче полиса указания застрахованного интереса. Статья же 373 ГК указывает, что при заключении договора имущественного страхования страхователь должен точно указать характер своего интереса и интереса выгодоприобретателя.

¹ Изъятия из этого общего правила см. гл. IV, § 3.

Отсюда следует, что для разрешения вопроса, кто может быть страхователем и выгодоприобретателем (страховым интересентом), необходимо предварительно выяснить понятие «страхового интереса».

Понятие *страхового интереса* является одним из фундаментальных понятий страхового права.

«Без интереса нет страхования» – гласит старое страховое правило. Правда, теперь это правило уже не имеет того универсального значения, которое некогда ему было присуще. При страховании лица западноевропейское (континентальное) право пошло по пути элиминирования страхового интереса как одного из реквизитов страхового договора, заменив страховой интерес иными формальными моментами – письменным согласием застрахованного лица¹.

Но при имущественном страховании страховой интерес и поныне является одним из необходимых условий договора страхования, лежит в его основании как твердый правовой фундамент.

Значение страхового интереса для договора имущественного страхования чрезвычайно велико. Договор страхования недействителен, если интерес, для которого заключено страхование, не существует при начале страхования или вообще не возникает в случае заключения страхования для будущего интереса². Те же последствия наступают, если во время действия договора этот интерес у страхователя отпадает³. Страховой интерес определяет предел страхового вознаграждения, выплачиваемого страховщиком страхователю⁴. Страховой интерес лежит в основании правил об оставлении части застрахованного имущества на риске страхователя, о дополнительном и двойном страховании⁵. Наконец, страховой интерес является тем критерием, который разграничивает отношения различных лиц к одному и тому же застрахованному объекту.

¹ Знаменитый Jambling Act 1774 г. выставил требование наличия страхового интереса в качестве неперемennого условия договора страхования в равной мере как для страхования лица, так и для страхования имущества. В Англии это положение действует и по настоящее время, хотя практика допускает из него ряд изъятий: P o r t e r, «The Laws of insurance», 1908, p. 43 сл. Но на континенте, за исключением Италии, Бельгии и Голландии, при страховании лица уже не требуется наличия страхового интереса (Швейц. закон, § 74; герм. закон, § 159; австр. закон, § 131; ГК, ст. 374). Тем не менее, приходится отметить, что в новейших страховых актах, касающихся личного страхования, снова как будто выдвигается понятие страхового интереса. Согласно германским полисным условиям 1920 г. по страхованию от несчастных случаев (§ 17), наступление известных болезней конструируется как отпадение страхового интереса. – H a g e n, там же, VIII, 1, S. 382.

² Германский закон, § 68.

³ ГК, ст. 384.

⁴ ГК, ст. 368.

⁵ ГК, ст. 370–371.

I. Когда-то в науке страхового права много спорили о том, что является предметом страхования: имущество (вещь) или интерес, связанный с этим имуществом. Поле битвы осталось за сторонниками последнего мнения¹.

Ведь, когда страховщик заключает с страхователем договор, он не принимает на себя обязательства восстановить ту или иную вещь, пострадавшую от наступления страхового случая. Он принимает на себя только обязательство возместить те убытки, которые падут на имущество страхователя. Поэтому при страховании от огня в случае уничтожения пожаром застрахованного дома, страховщик не обязывается к возведению нового дома, при гибели застрахованного скота от эпизоотии он не снабжает крестьян лошадьми, рогатым скотом и т. п., при страховании от кражи товаров не доставляет страхователю товаров соответствующего качества и количества и т. д. Во всех указанных случаях обязанность страховщика состоит только в *возмещении того ущерба*, который понесет страхователь.

Но ущерб, как известно, может представлять собою не только прямые, но и косвенные убытки. Поэтому поскольку страхование имеет целью возмещение тех убытков, которые может понести страхователь от предусмотренного в договоре события, постольку нет принципиальных препятствий к принятию страховщиком на себя обязанности к возмещению кроме прямых еще и косвенных убытков.

На этот путь уже давно вступили западноевропейские законодательства, допустившие страхование ожидаемой прибыли², а также *chômage assurance* — страхование от прекращения деятельности (домовладельцев — от простоя квартир, фабрикантов — от перерыва работ и др.)³.

Отсюда следует, что страхуется не та или иная материальная вещь, а все то, с чем у страхователя связан имущественный интерес. Иначе говоря, предметом страхования является имущественный интерес страхователя в целостности страхуемого имущества, понимая под имуществом весь комплекс

¹ Ш е р ш е н е в и ч, «Курс торгового права», II, стр. 368, 385; Ф е д о р о в, «Курс торгового права», стр. 855, 857; И д е л ь с о н, «Записки Харьк. Унив.», 1903 г., № 2, стр. 54 сл.; E h g e n b e r g, «Versicherungsrecht», § 27; он же, «Interesse im Versicherungsrecht, Festgabe f. Sohm», 1915; M a n e s, «Kommentar z. V.-V.», S. 234; K i s c h, «Archiv f. B. R.», 40, S. 1; он же, «Handbuch d. Privatversicherungsrechts», B. III; H a g e n, I., c., S. 369; O s t e r t a g, «Das Bundesgesetz über d. V.-V.», S. 18, 161; P o r t e r, I., c., p. 42; также Герм. Торг. Ул., § 48. Герм. и австр. законы не указывают, что предметом страхования является интерес, но из содержания норм герм. и австр. законов это ясно вытекает; см., однако, указания E h g e n z w e i g'а о недостаточной выдержанности терминологии австрийского закона, D. Gesetz, 1917 ü. d. österr. V.-V., 1918, S. 71.

² Code de commerce, art. 334; Герм. зак., §53; Швейц. зак., § 64, абз. 3; P o r t e r, I., c., p. 50. Также Прав. Госстраха страх. грузов по морским путям от 18/IX-25 г., прим. к § 10.

³ Швейц. зак., § 64, аб. 4.

имущественных прав и обязанностей страхователя, и притом интерес оцениваемый на деньги, денежный интерес¹.

ГК РСФСР, хотя и не имеет специальной статьи, указывающей, как в швейцарском законе, что предметом страхования является всякий имущественный интерес, который данное лицо желает охранить от предусматриваемого страхового случая, тем не менее достаточно ясно выражает эту идею в ряде статей, трактующих о других материалах. Статья 380 п. 2 требует непременно указания в страховом полисе или квитанции застрахованного интереса. О том, что страхуется именно интерес, а не «материальная вещь» говорит также ст. 371 («дополнительное страхование соответственной части уже застрахованного интереса»), а равно и ст. 372 («договоры имущественного страхования, заключенные относительно одного и того же страхового интереса»). Наконец, ст. 368, допуская в принципе страхование не только прямых, но и косвенных убытков, еще резче подчеркивает ту мысль, что предметом страхования, по ГК, как и по западноевропейским законодательствам, является не материальная вещь, а имущественный интерес страхователя.

Понятие страхового интереса в ГК определения не имеет. В этом отношении ГК не выделяется от западноевропейских законодательств, также не дающих определения понятия страхового интереса.

В теории страхового права всеобщей известностью пользуется определение Э р е н б е р г а: «интерес есть отношение, в силу которого данное лицо, благодаря известному обстоятельству, может понести имущественный ущерб»². Есть и другие определения страхового интереса: «выгода, которую известное имущество имеет от ненаступления вредоносного события»³, или «выгода, которую представляет для страхователя ненаступление определенного вредоносного события»⁴, «отношение страхователя к вещам или лицам, в силу которого он испытывает ущерб благодаря известным событиям, выпадающим на долю этих вещей или лиц»⁵ и много других. Все эти определения в общем мало разнятся друг от друга. Все они более или менее рельефно пытаются оттенить ту мысль, что интерес есть не что иное, как обратная

¹ Code de commerce, art. 334; Герм. Торг. Ул., § 778; Герм. зак., § 49, Швейц. зак., § 62.

² E h r e n b e r g, «Versicherungsrecht», § 1, S. 8.

³ K i s c h, «Jherings Jahrbücher», 63, S. 369.

⁴ K i s c h, Ibid., S. 362.

⁵ O s t e r t a g, I, c., S. 161. Между прочим, нельзя не заметить, что все эти определения являются перефразировкой определения интереса, данного еще давно C o n f e l d'ом указавшим, что под интересом надо понимать «всякую для данного лица от известного обстоятельства выгоду, или все, что данное лицо может получить от ненаступления или наступления известного события» («Die Lehre v. d. Interesse», 1865, S. 57). Цитирую по проф. В. М. Г о р д о н у, «Иски о признании», стр. 196.

сторона ущерба до его наступления¹, все они подчеркивают, что страховой интерес существует не сам по себе, а непременно в связи с известным лицом. Так, собственник фабрики страхует свой интерес собственника, т. е. стоимость фабрики; арендатор же фабрики может страховать свой интерес только как пользователь строения; он страхует ту выгоду, которую он может потерять за время отстройки сгоревшего здания заново, страховать же стоимость фабрики в свою пользу он не вправе.

Но не всякий интерес, хотя бы и денежный, пользуется защитой страхового права. Требуется соблюдение ряда условий, при наличии коих интерес известного лица может получить свое правовое оформление и право на судебную защиту.

Посмотрим же теперь, каковы эти условия в советском праве?

II. Интерес должен быть имущественного свойства. Моральные интересы не страхуются. Но должен ли интерес быть непременно юридическим, понимая под юридическим интересом такой, в основании которого лежит известное правоотношение (собственник, наниматель, фрахтовщик и т. п.), или интерес может быть не только юридическим, но просто фактическим.

Западноевропейское право не выставляет в качестве непременного условия требования, чтобы интерес был непременно юридическим. Интерес может быть основан не только на известном юридическом отношении, но и вытекать из отношений чисто хозяйственных и просто фактических². Исходя из этих соображений, западноевропейское право разрешает выступать в качестве страхователей не только лицам, имеющим на страхуемое имущество вещное или обязательственное право, но и тем, кто в силу договора является ответственным за целостность и сохранность имущества. Разрешается страховать имущество также тем, кто уже перестал быть собственником, например, продавцу после того, как риск уже перешел на покупателя, потому что до уплаты денег за проданную вещь он материально все же заинтересован в сохранении этой вещи в целостности. Разрешается страховать имущество и наймодателю, хотя бы наниматель и принял на себя по договору ответственность за гибель нанятого имущества, так как наймодатель может пострадать от невыполнения нанимателем принятой на себя обязанности. Интерес может быть будущим, возможным (эвентуальным), неизвестным, условным. Могут страховаться даже непоименованные интересы; это имеет применение по отношению к тем интересам, которым страховая практика иногда просто затрудняется дать точную характеристику³. Интерес может быть связан с

¹ M a n e s, I, c., S. 235.

² M a n e s, I, c., S. 235; H a g e n, I, c., S. 370; O s t e r t a g, I, c., S. 162.

³ Такие случаи встречаются часто в морском страховании на так называемое «благополучное прибытие».

известным материальным или нематериальным предметом (вещью или правом), и обыкновенно и связывается; но тем не менее могут быть случаи, когда интерес существует при отсутствии всякой связи с каким бы то ни было определенным предметом, как это бывает при страховании гражданской ответственности¹ и при перестраховании².

ГК РСФСР несколько расходится в этом вопросе с западноевропейским правом.

Статья 373 указывает, что договор имущественного страхования может быть заключен всяким лицом, заинтересованным в целостности имущества, как то: его собственником, лицом, имеющим на это имущество вещное право или право нанимателя, или по договору ответственным за ухудшение или гибель имущества.

Первая часть цитированного абзаца построена так, что дает все основания к тому, чтобы чрезвычайно расширить круг лиц, могущих заключать договор страхования: ведь для этого требуется быть только заинтересованным в целостности имущества. А кто не заинтересован в целостности того или иного имущественного объекта? Даже постоянный посетитель театра и тот заинтересован в целостности театрального здания, декораций, обстановки и проч.

Но вторая часть вышеуказанного абзаца ст. 373 уже конструирована совершенно иначе. Только собственник, лицо, имеющее вещное право или право нанимателя или по договору ответственное за ухудшение или гибель имущества, являются обладателями страхового интереса, страховыми интересентами. Круг лиц, могущих совершить договор страхования, таким образом, сразу сужается. Редакция этой части статьи столь категорична, что заставляет даже предполагать о намерении законодателя установить *pignus* *clausus* страховых интересентов, ограничить данным перечнем (не примерным, а окончательно фиксированным) круг лиц, могущих выступить страхователями.

Между первой и второй частью цитированного абзаца ст. 373, таким образом, кроется на первый взгляд непримиримое противоречие. Из первой части вытекает, что перечень ст. 373 только примерный и что для наличия страхового интереса достаточно даже простого фактического отношения к имуществу. Из второй же части следует, что страховой интерес может быть признан только за сравнительно небольшим количеством лиц и притом таких, которые находятся в состоянии известной юридической связанности с страхуемым имуществом.

Как же разрешить указанное противоречие? Мы полагаем, что если бы законодатель захотел дать возможность выступать в качестве страховых

¹ Герм. зак., § 149 сл.; Швейц. зак., § 59, 60.

² *Ma n e s*, «Kommentar», S. 765.

интересентов обладателям не только юридических, но и фактических интересов, то он не стал бы давать того подробного перечня, который приводится в ст. 373. Законодатель просто ограничился бы указанием, как это делает швейцарский закон¹, что предметом страхования может быть каждый хозяйственный интерес, который данное лицо желает охранить от предусматриваемого несчастного случая. Поскольку же законодатель дал в ст. 373 перечень страховых интересентов, он тем самым подчеркнул, что именно в этом перечне, а не в общей формуле первой части начального абзаца, находится *sedes materiae* ст. 373. Что это толкование является единственно правильным, видно и из того, что после слов «договор имущественного страхования может быть заключен всяким лицом, заинтересованным в целости имущества», следует слово «как-то», являющееся тем логическим мостиком, которое связывает обе части указанного абзаца ст. 373. Значит, не всякое лицо, заинтересованное в целости имущества, может, по ГК, его застраховать, а только то, которое входит в перечень страховых интересентов, в этой статье приведенных. А так как страховые интересенты, перечисленные в ст. 373, являются, вне сомнения, обладателями юридического интереса, а не просто хозяйственного или фактического, то страхователями или выгодоприобретателями, по ГК, могут быть только те заинтересованные в целости имущества лица, которые находятся по отношению к этому имуществу в состоянии известной *юридической связанности*².

Но отсюда нельзя делать вывод, что всякая юридическая связь данного лица с известным имущественным объектом тем самым влечет за собой и наличие страхового интереса. Правоотношение может иметь место, а страховой интерес отсутствовать. В таком положении будет находиться собственник корабля, застраховавший его от морских опасностей, в случае, если предполагавшийся морской рейс не состоялся. Ввиду отпадения опасности отпал и страховой интерес, хотя данное лицо по-прежнему осталось собственником корабля.

Таким образом, с точки зрения ГК, можно находиться по отношению к известному имуществу в состоянии юридической связанности и не иметь страхового интереса, но нельзя быть обладателем страхового интереса, не опираясь на какое-либо правоотношение, являющееся основанием для страхового интереса. Здесь коренится расхождение ГК с западноевропейским правом, допускающим существование страхового интереса и без соответствующего правоотношения.

Другой вопрос, который возникает при толковании 737 статьи, заключается в том, надо ли считать приведенный в ней перечень лиц исчерпываю-

¹ Швейц. зак., § 48.

² См. также § 2 Прав. добров. страхов. от огня.

щим или только примерным. Мы думаем, что этот перечень все же только примерный, но в то же время в достаточной мере ограничивающий круг лиц, могущих быть страховыми интересентами. По нашему мнению, не только собственник, владелец вещного права, наниматель, лицо, по договору ответственное за гибель имущества, могут являться обладателями страхового интереса, дающего право на судебную защиту, но и все другие лица, заинтересованные в целостности имущества, лишь бы только эти лица находились по отношению к этому имуществу в состоянии известной юридической связанности. При этом толковании ст. 373 не будет нарушена ни основная идея законодателя, что правовой защите подлежит только юридический страховой интерес, ни ст. 5 Постановления о введении в действие ГК, поскольку при данном толковании идет дело не о введении нового круга страховых интересентов, а только о раскрытии содержания той слишком общей формулы, которая имеется в законе.

III. Но если, как мы установили, страховой интерес имеет только тот, кто находится в известной юридической связи с страховым объектом, то кто же в действительности может быть, согласно ГК, *страховым интересентом*?

1. Согласно ст. 373, таким интересентом, в первую очередь, является *собственник имущества*.

Оставляя вне рассмотрения специфические способы приобретения собственности государством (в бесхозяйном и выморочном имуществе, реквизицию и конфискацию), остановимся на рассмотрении приобретения права собственности по договору в силу добросовестности владения и на основании наследования.

При приобретении права собственности по договору из буквального смысла закона вытекает¹, что если отчуждается индивидуально определенная вещь, то право собственности возникает у приобретателя с момента состоявшегося соглашения, если же отчуждаются вещи, определенные родовыми признаками, то право собственности он приобретает только с момента передачи. В общем, та же мысль проводится и в соответствующих статьях о договоре купли-продажи, как наиболее распространенном способе передачи права собственности². До перехода права собственности к приобретателю риск случайной гибели вещи лежит на отчуждателе. Значит, ему принадлежит до этого времени и страховой интерес. После перехода права собственности к приобретателю на последнего переходит и риск гибели вещи, а, следовательно, с этого момента у него возникает и страховой интерес. Такова

¹ Ст. 66.

² Ст. 183, 186, 187.

нормальная схема распределения страховых интересов между прежним и новым собственником.

Эта схема терпит, однако, некоторые изменения в случае просрочки со стороны продавца или покупателя. «Если продавец просрочил передачу вещи покупателю, – говорит закон¹, – или покупатель просрочил принятие их, то риск случайной гибели несет просрочившая сторона». Таким образом, может оказаться, что продавец, уже переставший быть собственником, например, в случае продажи индивидуально определенной вещи, со времени просрочки в передаче этой вещи покупателю начинает нести риск ее случайной гибели. Поскольку он несет этот риск, постольку на нем лежит обязанность возместить тот убыток, который может понести новый собственник от случайной гибели вещи. Поэтому такой просрочивший продавец индивидуально определенной вещи хотя и не оказывается уже, с точки зрения ГК, ее собственником, тем не менее он продолжает все же оставаться по отношению к проданной вещи в состоянии известной юридической связанности, и, поскольку он при указанных обстоятельствах является заинтересованным в целостности вещи, ему принадлежит и страховой интерес. И закон должен дать этому интересу такую же правовую защиту, как и интересу собственника.

Возможны и другие случаи, когда продавец уже утратил право собственности, но тем не менее продолжает оставаться в известном юридическом отношении к проданному имуществу, а потому сохраняет и страховой интерес. Сюда относятся случаи продажи вещи с правом по наступлении срока или условия ее обратного выкупа нахождения в судебном споре имущества, определенного родовыми признаками и переданного покупателю, из-за несоответствия условленным качествам, указанным в договоре, и т. д.²

Количество этих примеров при желании можно, конечно, приумножить, и германская судебная практика дает в этом отношении богатый материал, но сказанного, нам кажется, достаточно для вывода, что слова закона о заключении договора страхования собственником еще не означают, что в данном случае имеется в виду, непременно, интерес собственника в полном юридическом значении этого термина. Достаточно, если данное лицо будет иметь хотя бы *«интерес, свойственный собственнику»*.

Поскольку добросовестность приобретателя, соединяемая с переходом к нему владения вещью, является, по ГК, одним из способов приобретения права собственности, естественно, что и *добросовестный владелец* должен быть подведен под рубрику тех лиц, которые имеют интерес собственника.

¹ Ст. 186.

² Эти примеры мы заимствуем из германской судебной практики, которая идет в этом случае настолько далеко что признает наличие страхового интереса даже у вора, поскольку он отвечает за случайную гибель вещи. M a n e s, I, c., S. 240, 241; H a g e n, I, c., S. 373, Anm. 2.

Наконец, в эту же рубрику должны войти и *наследники*.

Согласно действующему наследственному праву, наследование допускается как по закону, так и по завещанию, причем круг лиц, призываемых к наследованию по обоим указанным основаниям, ограничивается прямыми нисходящими и пережившим супругом умершего, а также нетрудоспособными и иждивенцами умершего не менее одного года до его смерти¹.

При определении момента приобретения наследниками права собственности в имуществе наследодателя надо различать два случая – когда наследники присутствуют в месте открытия наследства и когда отсутствуют. Присутствующие предполагаются согласными принять наследство, доколе они не заявят обратного. Для присутствующих наследников законом установлен трехмесячный срок со дня принятия мер охранения наследства, в течение которого они могут заявить в суд о своем нежелании принять наследство. Таким образом, в течение трех месяцев возможна некоторая неопределенность в их юридическом положении². Но присутствующие наследники могут и до истечения указанных трех месяцев путем конклюдентных действий – вступлением в управление имуществом – отказаться от принадлежащего им права отречения от наследства³.

Что же касается наследников отсутствующих, то без заявления с их стороны о желании принять наследство (в течение шести месяцев со дня принятия мер охранения наследства) они вступить в права наследства не могут⁴. Следовательно, они становятся собственниками только со времени сделанного ими заявления о принятии наследства.

Таким образом, рассуждая *stricto jure*, только эти категории и присутствующих, и отсутствующих наследников, ставших настоящими собственниками, обладают страховым интересом, согласно ст. 373 ГК. Но, как это имело место и при приобретении права собственности по договору, круг лиц, обладающих защищаемым законом страховым интересом, оказывается и при приобретении права собственности по наследованию шире, нежели это можно заключить на первый взгляд.

Прежде всего мы должны признать имеющими страховой интерес присутствующих наследников со времени открытия наследства и в течение всего вышеуказанного срока (трех месяцев или до времени вступления в управление). Наследник, быть может, человек осторожный. Он хочет, прежде чем вступить в права наследования, несколько осмотреться, взвесить,

¹ Ст. 416, 418 ГК.

² А. Г. Г о й х б а р г, *Хозяйственное право*, стр. 261.

³ Ст. 429 ГК.

⁴ Ст. 430 ГК.

имеет ли смысл сделать этот шаг. Правда, ГК устанавливает ответственность наследника за долги наследодателя только в пределах действительной стоимости наследственного имущества¹, но все-таки, какой смысл принимать на себя бремя тягостных расчетов с докучливыми кредиторами, если наследство переобременено долгами. Пройдет месяц, другой, положение выяснится. Тогда можно отказаться или, если окажется выгодным, и не дожидаясь истечения 3-месячного срока, вступить в управление наследственным имуществом.

Вот за таким-то присутствующим наследником, не принявшим еще наследства, и необходимо признать страховой интерес, потому что, хотя такой наследник и не стал настоящим собственником наследственного имущества, но, тем не менее, он уже не является посторонним лицом по отношению к наследственному имуществу, на это имущество ему принадлежит известное право (*Wartrecht* – по немецкой терминологии), в силу которого он может отказаться от наследства, может и принять наследство².

Но нам могут возразить, что если такой присутствующий наследник страхует наследственное имущество, то тем самым он совершает акт «вступления в управление наследственным имуществом», т. е. делается собственником, и, таким образом, вопрос разрешается сам собой. Это возражение мы отводим самым решительным образом. Один изолированный факт страхования сам по себе, по нашему мнению, еще не означает, что наследник тем самым уже окончательно изъявил свое желание вступить в права наследства; ведь это может быть только поступок осторожного человека, принимающего необходимые меры охранения наследственного имущества, но никак не акт управления. Поэтому, если наследник застраховал имущество в половине его стоимости и оно погибнет от пожара до истечения трех месяцев со дня принятия судебных мер охранения, наследник властен заявить суду об отказе от наследства и не должен отвечать перед кредиторами наследодателя в пределах полной стоимости имущества, если увидит, что страхового вознаграждения для покрытия долгов недостаточно. Но, разумеется, сам он от страховщика страхового вознаграждения, конечно, не получит, так как благодаря отказу от наследства потеряет свой страховой интерес.

По тем же соображениям надо признать имеющими страховой интерес и отсутствующих наследников со времени принятия мер охранения и до принятия ими лично или через поверенных наследственного имущества.

От указанных категорий лиц надо отличать тех, для коих наследство еще не открылось, а которые просто имеют надежду на открытие в свою пользу наследства. Эти лица, с точки зрения ГК, страховым интересом не

¹ Ст. 434 ГК.

² См. В. С е р е б р о в с к и й, «Наследственное право», 1925 г., Комм. к ст. 429, 430.

обладают, так как не находятся по отношению к имуществу в состоянии какой бы то ни было юридической связанности.

2. Переходим к следующей категории лиц, обладающих, согласно ст. 373 ГК, страховым интересом, а именно к лицам, имеющим на имущество вещное право и право нанимателя¹.

ГК признает только замкнутое число (*numerus clausus*) вещных прав. Ему известны только три вещных права: право собственности, право застройки и право залога. Со времени издания Постановления ЦИК'а СССР от 13 июля 1923 г. количество вещных прав увеличилось еще одним – правом на горные отводы.

Обращаемся к рассмотрению страхового интереса залогодержателя.

Согласно ст. 97 ГК, залогодатель обязан страховать заложенное имущество. Если имущество передано залогодержателю, то на него же в этом случае возлагается обязанность страховать имущество *за счет* залогодателя². Согласно же ст. 102, «в случае гибели заложенного имущества залогодержатель имеет право преимущественного удовлетворения из страхового вознаграждения».

Из приведенных статей ГК следует, во-первых, что дело идет не о страховании собственного интереса залогодержателя, а интереса залогодателя и то только в том случае, когда имущество передано залогодержателю и, во-вторых, что залогодержателю принадлежит в указанных в ст. 97 ГК случаях право не на страховое вознаграждение, а только право на преимущественное удовлетворение из страхового вознаграждения, что, конечно, не одно и то же.

По смыслу закона, страховое вознаграждение принадлежит страховому интересенту – залогодателя, а из этого вознаграждения залогодержатель преимущественно перед другими кредиторами (но вслед за покрытием задолженности по заработной плате, по социальному страхованию и по алиментам, недоимок должника по государственным налогам и сборам и проч.) получает покрытие своих требований к должнику³.

Но это преимущественное право залогодержателя вытекает не из страхового договора, а из существа природы самого залогового права, относящегося к категории так называемых абсолютных прав присвоения⁴. Залогодержатель удовлетворяется из страхового вознаграждения, потому что в силу

¹ Современное право придает имущественному найму некоторые вещные последствия; См. и т а й с к и й, «Гражд. Право», II, стр. 95; ГК, ст. 169, 158. Поэтому вещное право и право нанимателя мы включаем в одну рубрику.

² Между прочим, санкции за нарушение этой обязанности в законе не имеется.

³ Ст. 101 ГК, ст. 266 Гр. Пр. Код. РСФСР.

⁴ К а с с о, «Понятие о залоге», стр. 243; Ф р е й т а г – Л о р и н г о в е н, «Понятие залога в проекте вотчинного устава», «Вестник Гражд. права», 1913 г., № 6, стр. 72.

залогового права в его лице сосредоточивается то, что именуется *droit de suite et droit de préférence*.

Пользуясь этими правами, он повсюду настигает заложенное имущество, в какую бы форму оно ни претворилось. Если это имущество цело и невредимо, залогодержатель может добиваться его продажи и из вырученной суммы получить преимущественное перед другими кредиторами покрытие своего требования. Если имущество погибло от предусмотренного в договоре страхования события и в наличности уже не находится, а имеется только его денежный эквивалент в форме страхового вознаграждения, то залогодержатель имеет право преимущественного удовлетворения из ценности этого денежного эквивалента.

Но может ли принадлежать залогодержателю собственный интерес в заложенном имуществе? Мы полагаем, что собственный страховой интерес, несомненно, может принадлежать залогодержателю, но этот интерес не должен превышать размера тех требований, которые он в качестве залогодержателя имеет к залогодателю. Поэтому залогодержатель может страховать заложенное имущество от своего имени и за свой счет, однако не в полной стоимости имущества, а только в пределах своего интереса (ценности залога), и не свыше своего интереса может получить от страховщика страховое вознаграждение¹.

Страховой интерес имеет и горнопромышленник, получивший *горный отвод*.

Согласно новейшим учениям о праве на разработку недр, право это, равным образом как и право залогодержателя, относится к категории абсолютных прав присвоения². В силу этого права лицо, получившее горный отвод, получает право собственности на ископаемые только после выделения их из земли, само же право на горный отвод конструируется как особое абсолютное право в чужом имуществе со всеми вытекающими из этого положения последствиями.

В указанном смысле конструируется юридическая природа права на разработку недр и в Положении о недрах земли от 13 июля 1923 г. Правда, в ст. 25 и прим. к ней, а также в ст. 33 Положение говорит о сдаче отводов месторождений полезных ископаемых, уже открытых, в аренду, но это выражение надо считать недоразумением терминологического свойства. Все содержание прав, принадлежащих горнопромышленнику, ясно показывает,

¹ Прав. добров. страх. от огня указывают, что в случае пожара залогодержатель получает вознаграждение в размере не более суммы, причитающейся по закладной; когда же имущество было застраховано одновременно как собственником, так и другими заинтересованными лицами, пожарное вознаграждение уплачивается залогодержателям не свыше размера их интересов (§ 2).

² У д и н ц е в, «Русск. Горно-зем. право», стр. 37.

что ни о какой аренде здесь нет и речи. Достаточно отметить только то обстоятельство, что «горный отвод предоставляется горнопромышленнику впредь до выработки»¹. Согласно же договору имущественного найма, наймода-тель обязуется предоставить нанимателю имущество за вознаграждение для временного пользования с принятием на себя нанимателем обязательства по окончании срока договора сдать наймодателю имущество со всеми принадлежностями в исправном состоянии².

Таким образом, вопрос о том, есть ли, согласно Положению о недрах, право горнопромышленника на горный отвод право обязательственное или абсолютное (вещное), вряд ли может вызывать какие-нибудь затруднения при своем разрешении. Горнопромышленник, получивший горный отвод, имеет абсолютное (вещное) право в чужом имуществе (государственном) и обладает самостоятельным страховым интересом в пределах ценности для него этого отвода³.

Страховым интересом обладают и *застройщики*.

Согласно ст. 75 ГК, застройщик обязан страховать от огня все находящиеся на предоставленном ему земельном участке строения в полной сумме. Об этом же указывает и ст. 73 п. «и», гласящая, что в договоре о праве застройки обязательно указываются «условия страхования строений и восстановления их в случае гибели».

В данном случае мы имеем дело уже не с добровольным, а с обязательным неокладным страхованием⁴.

Спорно, чей интерес страхует застройщик, Коммунального отдела (отдела местного хозяйства) или свой собственный? Решение этого вопроса в значительной степени находится в зависимости от предварительного решения другого вопроса, принадлежит ли застройщику право собственности на строения, находящиеся на участке земли, отданном Коммунальным отделом под застройку⁵.

¹ Положение о недрах, ст. 22.

² Ст. 152, 174 ГК. Более подробный анализ прав на горные отводы выходит за пределы темы настоящей работы.

³ Независимо от возможности для горнопромышленника страховать свой собственный страховой интерес на горнопромышленнике лежит обязанность застраховать эксплуатируемое им государственное имущество в порядке правил обязательного неокладного страхования (Пол. о Госстрахе, ст. 13).

⁴ Пол. о Госстрахе, ст. 13.

⁵ Вопрос этот спорен в западноевропейской, спорен и в русской литературе. Г о й х б а р г, «Закон о праве застройки»; М и т и л и н о, «Право застройки»; М а р т ы н о в, «Журн. Мин. Юст.», 1913 г., № 10; Ф р е й т а г – Л о р и н г о в е н, «Журн. Мин. Юст.», 1915 г., № 7; Е л ь - я ш е в и ч, «Вестн. Гр. Пр.», 1916 г., № 1. В настоящей работе он может рассматриваться исключительно в связи с основной темой и только догматически.

Комментатор ГК С. И. Вильнянский утверждает¹, что «застройщик не имеет права собственности на строения». К такому выводу указанный комментатор приходит, опираясь на ст. 83 ГК, согласно коей, по его мнению, застройщик не вправе ни разрушать постройки, ни продавать, ни ухудшать их, ни снести, если в договоре прямо не предоставлено ему право сноса строений; застройщику принадлежит только право на экономическую ценность строений.

Эта точка зрения находит себе подтверждение и в Положении о Госстрахе. Согласно ст. 13 Положения о Госстрахе, «государственному неокладному страхованию подлежат государственные, в том числе и коммунальные, имущества, находящиеся во владении, пользовании или распоряжении у кооперативов или частных лиц на началах аренды, *права застройки* и т. д.»².

Противоположного взгляда, что собственником строений является застройщик, держится Я. А. Канторович³. От принятия того или иного взгляда зависит признание страхового интереса принадлежащим застройщику или отделу местного хозяйства⁴. Но принятие и того, и другого взгляда не влияет на наш общий вывод, что страховым интересом обладает только тот, кто находится в известной юридической связи с страховым объектом.

Но у застройщика, а также и у нанимателя, может быть и несомненный собственный страховой интерес, нуждающийся в страховании. Такой интерес состоит и для застройщика, и для нанимателя в той выгоде, которую указанные лица имеют от предотвращения тех убытков, какие они могут понести на время отстройки сгоревшего или поврежденного огнем здания (расходы по найму на этот срок другого помещения, переезд, убытки от потери арендной платы от поднанимателей и т. д.). В этих пределах застройщик и наниматель являются несомненными обладателями собственных страховых интересов и подлежат защите закона в качестве самостоятельных страховых интересентов (в порядке добровольного страхования).

3. Последняя группа лиц, могущих, по ГК, быть страховыми интересентами, это лица, по договору ответственные за ухудшение и гибель имущества. Сюда относятся комиссионеры, фрахтовщики, экспедиторы и лица, принимающие имущество на хранение. В этом случае приходится различать страхование в своем и в чужом интересе. Свой страховой интерес означенных лиц ограничивается суммой их притязаний к лицу, вверившему им иму-

¹ ГК Советских Республик под ред. А. Л. Малицкого, изд. 2-е. Комм. к ст. 83.

² См. также инструкцию по страх. коммунал. имуществ., § XI и страх. госуд. имуществ., § 10.

³ «Право застройки», комм. к ст. 83. А. Г. Гойхбаг говорит о «временном праве собственности». «Хозяйственное право», стр. 134.

⁴ При заключении договоров на застройку во внегородских местностях страховой интерес соответственно может принадлежать земельным и другим местным органам, в ведении которых находятся земельные участки. Прим. 2 к ст. 71 ГК РСФСР.

щество: для комиссионера страховой интерес будет определяться причитающимся ему комиссионным вознаграждением, для фрахтовщика – суммой фрахта и т. д. Но если по договору они примут на себя обязательство возместить полную стоимость имущества, погибшего от предусмотренного в договоре события, то их интерес может по своим размерам достичь интереса собственника, и страховое вознаграждение тогда будет устанавливаться в пределах ценности этого имущества. Если же такого обязательства они на себя не принимали, а обязывались только страховать имущество, то здесь будет страхование чужого интереса, и страховое вознаграждение получит выгодоприобретатель – собственник имущества.

На этом ГК заканчивает свой перечень страховых интересов¹.

IV. Страховать можно только *субъективный* интерес. Это положение нуждается в некотором разъяснении.

Понятие интереса мыслимо в двояком значении – объективном и субъективном.

В первом случае, говорит К и ш², обычно исходят из следующего представления. Так как человеческие потребности сходны, и отдельный имущественный объект может обслуживать потребности различных людей более или менее одинаковым образом, то в общем являются одинаковыми и интересы, которые связываются с известными имущественными объектами независимо от того, будут ли они принадлежать тому или иному индивиду. Так, собственность на корабль представляет собою известную хозяйственную ценность, которая нуждается, как таковая, в защите прав безотносительно к тому, будет корабль принадлежать одному лицу или другому. В этом представлении интерес оказывается самостоятельным хозяйственным благом, существующим независимо от лица его обладателя, и потому может быть назван объективным интересом.

Признание возможности объективного интереса должно влечь за собой важные практические последствия.

Если важен сам интерес, а обладатель его отходит на второй план, то можно обойтись без наименования страхового интересента как при заключении договора, так даже и при его ликвидации. Затем имело бы место еще одно важное последствие. При страховании интереса в полной ценности

¹ Германская судебная практика признает в некоторых случаях страховой интерес даже у личного кредитора, если по воззрениям оборота покрытие его требования должно происходить из ценности определенной вещи, а не всего имущества должника. Интерес личного кредитора в этой вещи может быть застрахован. M a n e s, «Kommentar», S. 241; H a g e n, 1, c., S. 375. Казалось бы, и с точки зрения ГК (ст. 120) нет препятствий к признанию страхового интереса за личным кредитором, претендующим на предоставление в пользование индивидуально-определенной вещи.

² K i s c h, «Jherings Jahrbücher», 63, S. 363 след.

были бы застрахованы не только интересы собственника, но и интересы всех третьих лиц, которые имеют по отношению к застрахованному имуществу какие-нибудь права (залогодержатели, комиссионеры, перевозчики и т. д.), так как все эти интересы в совокупности составляют хозяйственную ценность данного имущественного объекта.

Несомненно, что для оборота признание объективного интереса имело бы несомненные выгоды. Такое признание могло бы чрезвычайно упростить заключение договора и ликвидацию убытков, не колебать силу заключенного договора в зависимости от перемены заинтересованных лиц и дать возможность единым страховым договором обеспечить интересы различных субъектов, когда эти интересы связаны с одним объектом.

В совершенно ином виде рисуется понятие страхового интереса в своем субъективном значении. Страхуется не интерес в известном имущественном объекте сам по себе, а только интерес определенного лица. Поэтому и практические последствия признания субъективного интереса будут совершенно иные, нежели при допущении объективного интереса.

Носитель страхового интереса должен быть назван при самом заключении страхового договора или, по меньшей мере, обозначены способы, посредством которых он станет известным впоследствии. При наличии заинтересованности нескольких лиц в одном и том же объекте страховой договор, заключенный одним из этих лиц, в случае сомнения идет в пользу только того, кто его заключил. В случае отчуждения застрахованной вещи (в принципе) страхование не переходит на нового приобретателя.

Сопоставляя приведенные здесь два понимания страхового интереса, К и ш решительно высказывается за последнее, именно за понимание интереса в субъективном смысле¹. По мнению К и ш а, понятие страхового интереса создалось в результате эволюции права вообще и страхового права в частности. Это понятие неразрывно связано с понятием вреда, ибо интерес, как уже известно, есть не что иное, как выгода от предотвращения вреда (Vorteil der Schadensverhütung). А что вред в юридическом значении этого понятия мыслится как чисто субъективный вред, вряд ли может подвергаться сомнению. С точки зрения частного права, принимается во внимание не уменьшение народного благосостояния или мирового хозяйства вообще, а только причинение ущерба известному имуществу. Поэтому тот, кто требует возмещения понесенного ущерба, должен доказать, что его имущество подверглось уменьшению или не увеличилось. Никто не может на том основании, что кто-то вообще заинтересован в данной вещи, требовать от виновного возмещения ее стоимости, напротив, он должен доказать, что он

¹ K i s c h, «Jherings Jahrbücher», 63, S. 363 flg.

сам или другой определенный субъект, чье право он охраняет, пострадал от вредоносного события. Таким образом, если всегда вред носит субъективный характер, то такой же субъективный характер должен иметь и страховой интерес.

К этим соображениям общего свойства надо добавить, что понимание интереса в объективном смысле, кроме тех выгод для оборота, о которых говорилось выше, могло бы вызвать для гражданского оборота ряд таких тяжелых последствий, которые никак не могли бы быть сбалансированы указанными выгодами.

При понимании страхового интереса в объективном значении страховой договор должен лишиться свойственной ему определенности. Если предположить, что с одним и тем же имуществом могут быть связаны интересы различных лиц и что все эти интересы могут быть обеспечены путем страхования *eo ipso*, то страховщик подвергался бы риску встретиться с совершенно необозримым количеством заинтересованных – собственник груза, фрахтовщик, экспедитор, комиссионер и т. д. Если бы все эти лица имели право предъявить в случае гибели груза к страховщику свои требования о выплате страхового вознаграждения, то страховщик никогда не был бы в силах предусмотреть меру своей ответственности.

Находясь при страховании объективного интереса в неизвестности о личности интересента не только при заключении и действии договора, но даже при его ликвидации, страховщик не мог бы быть уверен, что выплаченное им страховое вознаграждение попало к действительному интересенту.

Равным образом, при страховании объективного интереса останется для страховщика неопределенным размер, а равно и тождество застрахованного интереса, так как может оказаться, что одно и то же лицо, уже застраховавшее свой интерес, застрахует его еще раз у того же или другого страховщика. В первом случае будет иметь место страхование выше интереса, а во втором – двойное страхование, и тем не менее эти обстоятельства будут не распознаваемы. Страховщик же должен будет нести все те невыгоды, которые связаны с институтом страхования выше интереса и с двойным страхованием.

Исходя из указанных соображений, современные законодательства единодушно допускают страхование только субъективного интереса¹. На той же позиции в данном вопросе стоит и ГК.

¹ Герм. зак., § 85, 151; Швейц. зак., § 16, 60; австр. зак., § 50, 63. Oster tag, 1, с., S. 179. Поэтому утверждение Э р е н б е р г а («Versicherungsrecht», § 27), что новейшее развитие права хотя только ощупью и медленными шагами начинает прокладывать дорогу страхованию объективно-

В ст. 369 указывается, что «если при имущественном страховании страховая сумма, указанная в договоре, окажется выше страхового интереса, то договор признается действительным только в пределах страхового интереса... причем, если означенное превышение было следствием обмана со стороны страхователя, то страховщик может по суду потребовать признания договора недействительным, а также возмещения ему убытков...». Ясно, что при страховании объективного интереса все эти положения не нашли бы себе места в законе, и страховщик обязывался бы уплачивать страховое вознаграждение не только лицу, застраховавшему имущество, но и другим интересентам, не поименованным в договоре (в ранее указанном примере – собственнику, фрахтовщику, экспедитору, комиссионеру и т. д.).

Также ст. 370 отмечает, что «если при имущественном страховании страховая сумма установлена сторонами ниже страхового интереса, то разница признается оставленной на риске самого страхователя, а страховщик обязан возместить убытки, вызванные наступлением страхового случая, только в части, соразмерной отношению страховой суммы к полному страховому интересу». Цель этой статьи заключается в том, чтобы побудить страхователя к тщательному сбережению имущества от опасности, так как при полном страховании у страхователя может пропасть всякий интерес к надлежащему и тщательному сбережению имущества. Очевидно, правила ст. 370 применимы только к страхованию субъективного интереса, т. е. интереса, принадлежащего определенному лицу, а не интересов, принадлежащих разным и, быть может, даже неизвестным лицам.

Те же соображения надо применить и при чтении ст. 371, говорящей, что «при имущественном страховании дополнительное страхование соответственной части застрахованного уже интереса по договору с другим страховщиком допускается только с письменного согласия страховщика, уже принявшего часть этого интереса на страх».

Еще более резко проходит та же мысль о страховании только субъективного интереса в ст. 372, указывающей, что «если в общей сложности страховые суммы по нескольким договорам имущественного страхования, заключенным относительно *одного и того же страхового интереса*, превышают размер этого интереса (двойное страхование), то последние договоры в части, превышающей страховой интерес, признаются недействительными». Это не допускает страхование только субъективного интереса, явствует и из ст. 387 и 388, говорящих о влиянии на договор страхования перехода застрахованного имущества к другому лицу.

го интереса, вряд ли соответствует действительности; см., однако, М ю л л е р-Э р ц б а х, там же, стр. 738 сл.

Статья 387 гласит: «в случае перехода застрахованного имущества к другому лицу страхователь или приобретатель имущества обязаны немедленно об этом известить страховщика и сообщить ему имя и адрес приобретателя», и ст. 388 продолжает: «по получении извещения о переходе застрахованного имущества к новому владельцу страховщик может в течение семи дней расторгнуть договор, если он прямо или косвенно (как-то принятием премии от нового владельца и т. д.) не изъявил согласия на передачу прав по договору страхования новому владельцу. Если страховщик не воспользовался этим правом, то договор сохраняет силу, и приобретатель имущества вступает во все права и обязанности страхователя».

Если бы ГК признавал предметом страхования связанный с имуществом объективный интерес, то перемена в собственнике застрахованного имущества не имела бы никакого значения для договора страхования, так как застрахованным оказывался бы уже при заключении договора не только первоначальный собственник, но и все лица, которые имели или могли иметь в данном имуществе страховой интерес, а, значит, и будущий собственник или будущие собственники – при многократном переходе имущества из рук в руки. Но ГК ясно указывает, что договор страхования *eo ipso* на нового приобретателя не переходит и что страховщик имеет право договор этот расторгнуть. И только в случае желания страховщика продолжить договор, выраженного в форме прямого или косвенного согласия, а также в случае нерасторжения договора в течение семи дней по получении уведомления о переходе имущества к новому приобретателю (что, конечно, надо считать за изъявление согласия) договор сохраняет свою силу. Таким образом, и в этом случае субъективный характер интереса выявляется вполне отчетливо.

Столь же решительно ГК проводит идею страхования субъективного интереса и в тех статьях, которые трактуют о так называемом страховании за чужой счет.

Статья 375 ГК УССР гласит: «если по закону или договору при нарушении страхового случая страховая сумма подлежит выдаче не страхователю, а третьему лицу (выгодоприобретателю), то это должно быть оговорено в страховой квитанции или в полисе с указанием наименования выгодоприобретателя или без указания такового (страхование за чей счет следовать будет)»¹. Также и в конце ст. 373 указывается, что «при заключении договора страхователь должен точно указать характер своего интереса и интереса выгодоприобретателя». Следовательно, страхователь может заключить договор страхования не только в своем, но и в чужом интересе.

¹ Статья 375 в указанной редакции сохранилась в УССР до настоящего времени. В редакции РСФСР от 1/VI-25 г. две последние строки ст. 375 отпали.

Когда страхователь страхует чужой интерес и указывает имя того, за чей счет и в чью пользу он производит страхование, наличие субъективного интереса не вызывает сомнения. Хотя контрагентом по такому страховому договору является страхователь, который несет на себе обязанности, вытекающие из договора, до передачи выгодоприобретателю страховой квитанции или полиса¹, все-таки действительным обладателем прав требования по этому договору является то лицо, в интересах коего договор был заключен. В данном случае застрахованным оказывается интерес не страхователя, а выгодоприобретателя. Это обстоятельство должно быть установлено при заключении договора страхования, когда по требованию закона должен быть точно указан интерес выгодоприобретателя². Значит и здесь страхуется интерес определенного лица, т. е. интерес субъективный.

Страхуется субъективный интерес и при страховании за чужой счет без наименования выгодоприобретателя. В этом случае при заключении договора не определяется имя выгодоприобретателя, каковое делается известным только впоследствии при возникновении страхового требования (фрахтовщик страхует груз за счет грузополучателя, который еще не известен). Таким образом, и тут страхуется определенный интерес третьего лица, личность коего устанавливается только не при заключении договора, а несколько позже.

Между прочим, приходится отметить, что ГК УССР ошибочно отождествляет страхование за чужой счет без указания наименования выгодоприобретателя с страхованием «за чей счет следовать будет». Характерным для страхования «за чей счет следовать будет» является то, что при нем оказывается неизвестным, заключается ли договор в своем или в чужом интересе, т. е. в интересе ли страхователя или третьего лица, тогда как при страховании без указания имени выгодоприобретателя производится обыкновенное страхование чужого интереса³. Это два самостоятельных вида страхования. Но и при страховании «за чей счет следовать будет», как бы близко в этом институте не подходило страхование к страхованию интереса, все же и в этом случае страхование не сходит со своего традиционного пути. С того времени, как произошло предусмотренное в договоре событие и предъявлено требование о выдаче страхового вознаграждения, снова на первый план выступает страховой интерес в своем субъективном значении. Требования «за счет кого следует» не существует, равно как не существует и требования за счет неизвестного третьего лица. Личность интересента должна быть точно выяснена и должны быть представлены необходимые доказательства,

¹ Ст. 376.

² Ст. 373.

³ Герм. зак., § 80; K i s c h, «Iherings Jahrbücher», 63, S. 397, flg.; O s t e r t a g, I, c., S. 22, 119.

что этой личности принадлежал страховой интерес в момент предусмотренного договором события, а также, что именно она понесла от этого события ущерб. Это правило применяется безразлично, как в том случае, когда требование о выдаче страхового вознаграждения предъявляется страхователем, так и в случае предъявления требования третьим лицом (выгодоприобретателем)¹.

V. Последнее условие действительности страхового интереса – его *правомерность*. Застрахован может быть только тот интерес, который не противоречит воззрениям данного правопорядка. Таким образом, интерес может быть и имущественным, и субъективным, и юридическим, а все же не будет подлежать защите страхового права, если он идет вразрез с основными взглядами данного правового уклада.

Здесь приходится различать два случая. В первом случае интерес не подлежит судебной защите сам по себе, независимо от данного конкретного страхования. Во втором случае интерес сам по себе не встречает законных препятствий к судебной защите, но обстоятельства, при наличии которых он подвергается опасности, таковы, что исключают возможность защиты его со стороны права².

Интерес не подлежит защите страхового права в силу свойств, ему самому присущих, когда имущественные объекты, с которыми связан этот интерес, являются изъятыми из частного оборота. С точки зрения ГК сюда надо отнести объекты, перечисленные в ст. 23 ГК. Поскольку означенные имущественные объекты не могут быть предметом частных сделок, постольку не может быть и речи о страховом интересе, подлежащем защите права. В тех же случаях, когда закон в виде исключения допускает совершение частных сделок в отношении некоторых из перечисленных предметов (приобретение аптеками сильнодействующих ядов и спиртных напитков свыше установленной законом крепости), тогда, естественно, страховой интерес в целостности этих предметов оказывается подлежащим судебной защите. Поэтому аптека может страховать от пожара все свои товары, в том числе и сильнодействующие яды, чего не может сделать частное лицо.

Не могут быть застрахованы интересы, если сделка, лежащая в основании правоотношения, вызвавшего страховой интерес, совершена с целью, противной закону, или в обход закона, или направлена к явному ущербу для государства³. Наконец, не подлежат судебной защите интересы, связанные с действиями, запрещенными уголовным законом. Нельзя страховать себя от

¹ H a g e n, I, c., S. 691, 692.

² K i s c h, «Archiv f. B. R.», 40, 1, S. 2, 6.

³ ГК, ст. 30.

возможных потерь при занятии контрабандным промыслом, подделке денежных знаков, совершении краж, грабежей и т. п.

Значительно сложнее представляется тот случай, когда интерес сам по себе не встречает законных препятствий к судебной защите, но обстоятельства, при наличии коих он подвергается опасности, таковы, что исключают возможность его правовой защиты. В этом случае центр тяжести лежит не в самом интересе, который не вызывает возражений ни с точки зрения права, ни морали, а в характере той опасности, которой этот интерес подвергается¹.

Можно ли страховать от морских опасностей корабль, предназначенный к пиратской деятельности? Можно ли страховать от огня дом терпимости? Можно ли страховать грузовой автомобиль от случайных поломок при эксплуатации, если владелец этого автомобиля занимается перевозкой контрабанды?

Все эти вопросы могут получить различный ответ в зависимости от различия в правовых воззрениях того или иного правопорядка. Прусское Земское Уложение категорически указывало, что может страховаться только та опасность, которая не связана с воспрещенными законом действиями². Современные законодательства такой общей нормы не реципировали, предоставив решение вопроса о допустимости защиты страхового интереса, – если опасность, с которой он связан, носит противозаконный или антиморальный характер, – воззрениям гражданского оборота и судебной практике.

Французская судебная практика не видит препятствий к страхованию от огня дома терпимости, т. е. учреждения, преследующего явно антиморальные цели³. Напротив, К и ш, исходя из германских правовых представлений, решительно высказывается против возможности страхования от огня помещения, предназначенного под дом терпимости, и вообще отказывает в праве на страховое вознаграждение не только тому владельцу застрахованного имущества, который уже при заключении страхования предназначил это имущество к достижению противозаконной цели (пиратская деятельность, контрабанда), но и тому страхователю, который даже не знал, что застрахованное им имущество случайно оказалось предназначенным к осуществлению воспрещенных законом целей (корабль, застрахованный владельцем от морских опасностей, без его ведома принял к перевозке на известный рейс партию оружия, являющуюся военной контрабандой)⁴.

¹ K i s c h, «Archiv f. B. R.», 40, 1, S. 7.

² A. L. R. II, 8, § 1953.

³ K o h l e r в «Dernburgs B. R.», VI, 8, § 28, S. 418.

⁴ K i s c h, «Archiv f. B. R.», 40, 1, S. 7. Впрочем, H a g e n находит, что с точки зрения германских правовых воззрений Киш идет уже слишком далеко; «H. d. g. HR», S. 379.

ГК также не содержит особой нормы, регулирующей рассматриваемый случай. Но в отличие от западноевропейских законодательств он содержит в себе норму универсального значения, которая должна найти свое применение и в данном случае. Мы имеем в виду ст. 1 ГК, согласно коей гражданские права охраняются законом за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением. Пользуясь этой статьей, суд сможет в каждом данном случае установить, подлежит ли тот или иной страховой интерес судебной защите или не подлежит.

В итоге мы должны признать, что, с точки зрения советского права, страховой интерес только тогда получает свое правовое оформление и право на судебную защиту, когда налицо все перечисленные и рассмотренные выше условия.

Страховой интерес должен быть *имущественным, юридическим, субъективным и правомерным*. Отсутствие некоторых из этих условий или одного из них, лишает страховой интерес надлежащей юридической силы и не дает возможности данному лицу стать страхователем или выгодоприобретателем.

* * *

Наличие страхового интереса является, таким образом, неизменным условием для признания лица страхователем или выгодоприобретателем как при имущественном добровольном страховании, так и при обязательном неокладном страховании (наниматель, застройщик, горнопромышленник, в некоторых случаях залогодатель)¹.

Но страховой интерес является таким же необходимым условием и при обязательном окладном страховании. Согласно § 2 правил обязательного страхования от огня, обязательному окладному страхованию в пределах СССР подлежат все строения, принадлежащие *на праве собственности* кооперативным организациям и частным лицам². Согласно же § 25 тех же правил о переходе застрахованного строения в собственность другому владельцу, последний обязан известить Госстрах, после чего на нового владельца переходят все права и обязанности по страхованию, если строение и после перехода подлежит окладному страхованию. Таким образом, и при окладном

¹ Пол. о Госстрахе, ст. 13.

² Собственные имущества кооперации освобождаются от обязательного окладного страхования, если они застрахованы во взаимном кооперативном страховании в суммах не ниже окладных норм; прим. § 2. Пол. о Госстрахе, ст. 9.

обязательном страховании страхуется все тот же – имущественный, юридический, субъективный и правомерный – страховой интерес.

Что же касается личного страхования, то советское страховое право, в отличие от некоторых западноевропейских законодательств¹, требования наличия страхового интереса в жизни застрахованного лица не выставляет. Поэтому по советскому праву при личном страховании страхователем и выгодоприобретателем могут быть лица и не имеющие страхового интереса по отношению к застрахованному лицу.

§ 2. Страховой риск

Понятие *риска* является одним из основных элементов страхового правоотношения².

ГК РСФСР в ряде статей упоминает о страховом риске. В ст. 380, п. 3, определяющей реквизиты полиса, отмечается, что в полисе должен быть указан тот риск, от которого заключается страхование, или событие, при наступлении которого страховщик обязан уплатить страховую сумму. Ст. 382 указывает, что при заключении договора страхователь обязан сообщить страховщику все обстоятельства, имеющие существенное значение для определения опасности или вероятности наступления страхового случая или размеров возможных убытков от его наступления (страховой риск). Ст. 383 определяет те последствия, которые возникнут для действительности договора страхования, если после заключения договора окажется, что в действительности обстоятельства, существенные для определения страхового риска, не соответствуют заявлениям страхователя. В ст. 384 указывается, что договор страхования недействителен, если во время заключения его... имущество более не подвержено той опасности, от которой оно страховалось, а при личном страховании также, если лица, с жизнью которого связан страховой случай, нет более в живых, или оно не подвергается более предусмотренному в договоре риску. В ст. 385 и 386 говорится о последствиях увеличения страхового риска.

В чем же заключается понятие страхового риска?

Слово «риск» по своему происхождению португальское и первоначально означало «отвесная скала». Затем в понятие риска включены были и другие предметы и обстоятельства, угрожавшие кораблю на море. Наконец, при появлении других видов страхования, объем понятия риска все увеличивает-

¹ См. гл. VII, § 1.

² R o e l l i, «Komm. z. Schweiz. V.-V.», S. 9.

ся и постепенно начинает обнимать все случаи, возможностью наступления которых обуславливается существование данного вида страхования¹.

В этом смысле риск отождествляется с той *опасностью*, от последствий наступления которой заключается страхование (страхование от пожаров, градобитий, на случай смерти и т. д.). В указанном значении понимает «риск» и ГК в приведенных выше статьях, говорящих об опасностях, увеличении опасности и т. д., как о риске, об увеличении риска и т. д.

Но есть и другое понимание «риска». Под риском разумеется то имущество или лицо, которые оказываются объектами страхового правоотношения. Отсюда выражение – «принятие на страх тех или иных рисков» (страхование строений, товаров, людей и т. д.).

В дальнейшем изложении мы будем иметь в виду, главным образом, понятие страхового риска в первом значении.

I. О п а с н о с т ь

ГК в ст. 380, п. 3 несколько противопоставляет понятие страхового риска понятию события, при наступлении которого страховщик обязан уплатить страховую сумму. Но уже в ст. 384, говорящей о недействительности договора страхования, «...если имущество не подвержено более опасности, а лицо не подвергается предусмотренному в договоре риску», это противопоставление отсутствует. В статье же 386 полностью отождествляются: опасность – возможность наступления страхового случая – страхование. И, следовательно, можно признать, что определение понятия риска в ст. 386 ГК является совершенно правильным, так как риск, опасность и возможность наступления известного события² – все это понятия равнозначные.

Как мы ранее отмечали, цель всякого типичного страхования заключается в стремлении страхователя обеспечить себя или другое лицо (выгодоприобретателя) от возможного вреда и недостатка при наступлении того или иного обстоятельства – события (пожара, градобития, смерти, достижения известного возраста).

Не все эти события являются «несчастьем» в буквальном смысле слова. Конечно, пожар в подавляющем большинстве случаев несчастье, но иногда он и удобен, если сгорит ненужная, но застрахованная вещь. Также и смерть застрахованного лица временами является облегчением для содержащих его близких родственников. Но тем не менее всем «событиям», влекущим за собой наступление ответственности страховщика, всегда присуще свойство

¹ И д е л ь с о н, «Записки Харьк. Ун-та», вып. 3, стр. 40. О разнообразных значениях термина «риск» см. K i s c h, «Handbuch d. V. R.», II, § 1.

² См. гл. VII, § 3. «О страховом случае».

представлять известную «опасность» для страхователя. При имущественном страховании это свойство представляется вполне очевидным (пожар, град и т. д.), при личном же страховании это свойство временами несколько ступсываается, но тем не менее при ближайшем рассмотрении оно появляется и там. Свойство «опасности» – несомненно в массе случаев страхования на случай смерти, когда цель страхования отчетливо выражается в стремлении предотвратить тяжелые последствия утраты кормильца семьи. Наличие «опасности» также присуще и страхованию на дожитие, имеющему целью обеспечить существование лицу, достигшему преклонного возраста и в достаточной мере утратившему трудоспособность.

Таким образом, понятие «опасности» является присущим всем видам страхования, является понятием универсальным.

* * *

Остановимся теперь несколько внимательней на анализе понятия «опасности».

1. В чем может заключаться опасность? Очевидно, что опасность может заключаться в возможности наступления всякого события, которое может угрожать лицу или имуществу¹. Казалось бы, установление признаков данной опасности является делом довольно простым, тем не менее на практике определение опасности вызывает иногда ряд затруднений. Достаточно в качестве примера сослаться на те затруднения, которые возникают при определении понятия «пожар» (можно ли, например, считать пожаром, если застрахованная ценная вещь упадет в печь и там сгорит, или от брошенной папиросы прогорит платье и т. п.?). Поэтому при установлении страхового правоотношения стороны должны тщательно определить характер той опасности, от последствий наступления которой заключается страхование².

Обычно при каждом виде страхования опасность строго *индивидуализируется* (от градобития, от падежа скота и т. д.). Однако встречаются и такие виды страхования, при которых имущество страхуется от многих видов опасности. Таково транспортное страхование. Согласно § 1 правил страхования судов по морским путям, Госстрах отвечает за повреждения и гибель застрахованных судов, происшедшие от пожара, молнии, бури, вихря, внезапного турмана, нечаянного столкновения с другим судном, от удара об грунт, набережные сваи, быки мостов, якоря других судов, о вся-

¹ Гаген, там же, VIII, I, стр. 385.

² При обязательном страховании опасность устанавливается самим законом: Пол. о Госстрахе, ст. 9, 13; правила обяз. страх. от огня, § 1, 5; прав. обяз. неокл. страхования от огня, § 31 сл.

кие неподвижные или плавучие предметы, а также за убытки от взрывов паровых котлов¹.

2. Опасность, угрожающая имуществу или лицу, должна существовать к моменту установления страхового правоотношения. Об этом определенно говорит ст. 384 ГК, указывающая, что договор страхования недействителен, если во время его заключения застрахованное имущество не существует более, или имущество не подвержено более той опасности, от которой оно страховалось, а при личном страховании также, если лица, с жизнью которого связан страховой случай, нет более в живых или оно не подвергается более предусмотренному в договоре риску.

Западноевропейское право допускает, по исключению, случаи приема на страх имущества, о судьбе которых стороны ничего не знали ко времени заключения страхования, с отнесением страхового правоотношения на прежнее время. Так, германский страховой закон указывает, что страхование может быть заключено так, чтобы оно начиналось в момент, предшествовавший совершению договора. В том же духе высказывается и австрийский страховой закон. По швейцарскому закону о страховом договоре, правило о ничтожности договора, если в момент его заключения риск уже отпал, находит применение к страхованию от огня предметов, находящихся за границей, и к транспортному страхованию только в том случае, когда при заключении договора обе стороны знали о том, что риск уже отпал.

Причина к установлению германским, австрийским и швейцарским законами такого правила заключается в том, что стороны в некоторых случаях фактически лишены возможности проверить наличие имущества, подлежащего застрахованию, а тем не менее это имущество должно быть застраховано (товары в пути). Но, разумеется, если при заключении договора страхования обе стороны знали, что опасность уже отпала (например, корабль потонул), то такое страхование, несомненно, ничтожно².

3. Опасность должна быть независима от воли страхователя, так как опасность есть возможность наступления события случайного, а не преднамеренного. Поэтому ГК (ст. 393) освобождает страховщика от уплаты стра-

¹ Аналогично прав. страх. судов по речным путям (§ 1) и прав. страх. грузов по морским (§ 1), речным (§ 1) и сухим (§ 1) путям.

² § 2 германского закона, § 7 австр. закона и § 9, 10 швейц. закона. Советское право при морском страховании также считает страхование действительным, если в момент его заключения страхователю не было еще известно о происшедшем убытке. Линдебратен и Долгов, «Морское страхование», стр. 10.

ховой суммы, если страховой случай наступил вследствие умысла или грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя¹.

Исключение из этого общего правила установлено постановлением ЦИК и СНК СССР от 16 января 1925 г. о выгодоприобретателях по договорам личного страхования. Согласно п. «б» ст. 7 указанного постановления, страховщик освобождается от ответственности, если страховой случай наступит в течение первых двух лет по заключении договора страхования, вследствие умысла застрахованного лица. Грубая неосторожность застрахованного лица, таким образом, не освобождает страховщика от ответственности. Умысел же застрахованного лица может служить причиной к освобождению страховщика от уплаты страхового вознаграждения только тогда, если страховой случай будет вызван умышленно вскоре после заключения договора. Если же лицо, например, покончит самоубийством через два года после заключения договора, вызвав тем самым наступление предусмотренного в договоре события, то страховщик от ответственности не освобождается.

II. О п р е д е л е н и е о п а с н о с т и

Как мы указывали, при заключении страхования стороны должны установить опасность, от которой заключается страхование. Но мало одного установления опасности, надлежит, кроме того, определить и *объем опасности*, так как страховщик должен точно знать все условия принимаемого им на себя риска.

Определение объема опасности достигается возложением на страхователя особой обязанности установления объема риска (*Anzeigepflicht*)². Возложение этой обязанности на страхователя производится потому, что никому кроме него не известны так хорошо все обстоятельства, влияющие на объем риска. Для страховщика же определение объема риска в большинстве случаев было бы совершенно невозможным.

¹ Также герм. закон, § 61. См. прав. добров. страх. от огня, § 28; прав. страх. грузов по сухим, § 28, речным, § 1, и морским, § 23, путям; прав. страх. судов по морск., § 22, и речным, § 20, путям; прав. обяз. страх. животн., § 36; прав. добров. страх. животн., § 21.

² Герм. закон, § 16 сл.; австр. закон, § 3; швейцарский закон, § 4 сл. Подробное изложение вопроса у K i s c h' a, «Lehrb. d. Privartversicherungsrechts», II, § 23 сл. Необходимо заметить, что эта обязанность не распространяется на случаи обязательного окладного страхования, по которому районы действия окладного страхования, размер окладных страховых норм и проч. определяются установленным в законе порядком (Пол. о Госстрахе, ст. 8–10; § 5 правил обязат. страх. от огня). При обязательном неокладном страховании об этой обязанности не может быть речи, когда страхование заключается помимо желания страхователя судебным порядком (цирк. Госстраха, № 737 и 759; Пол. о Госстрахе, ст. 15).

Согласно ст. 382 ГК, при заключении договора страхователь обязан сообщить страховщику все обстоятельства, имеющие существенное значение для определения опасности или вероятности наступления страхового случая или размеров возможных убытков от его наступления (страховой риск), поскольку эти обстоятельства были известны или должны были и быть известны ему во время заключения договора страхования.

Существенными в этом отношении признаются, во всяком случае, все обстоятельства, определенно оговоренные страховщиком в предъявленных страхователю правилах страхования или относительно которых страховщик письменно запросил страхователя в определенных, недвусмысленных выражениях. Если договор страхования заключен при отсутствии ответов на какие-либо вопросы, предложенные страховщиком в письменной форме, то это обстоятельство не может впоследствии служить основанием к расторжению договора страхования.

Согласно же ст. 383 ГК, если после заключения договора страхования окажется, что в действительности обстоятельства, существенные для определения страхового риска, не соответствуют заявлениям страхователя, то страховщик по суду может требовать признания договора недействительным как до, так и после наступления страхового случая. Если обстоятельство это стало известно страховщику до наступления страхового случая, то он может предъявить требование о признании договора недействительным не позже двухнедельного срока, лишаясь в противном случае права требовать признания договора недействительным на этом основании.

Содержание ст. 382 и 383 ГК вызывает ряд вопросов – о форме установления страхователем объема страховой опасности, о тех обстоятельствах, о которых страхователь должен сообщить страховщику, а также о том, каково влияние на действительность договора умысла или ошибки со стороны страхователя.

По общему правилу, совершение договора страхования начинается предложением со стороны страхователя. Это предложение совершается путем подачи страховщику особого объявления, которое страхователь пишет на особых бланках, выдаваемых страховщиком¹. В этом бланке страховщик задает ряд вопросов, имеющих для него существенное значение и касающихся данных о страхователе, предмете страхования, интересе страхователя по отношению к этому предмету, страховой оценке, страховой сумме, роде

¹ Правила добров. страх. от огня, § 4 сл.; прав. добров. страх. от градобитий, § 14, 15; прав. страх. грузов по сухим путям, § 13, речным, § 5, морским, § 13; прав. страх. судов по морск. путям § 6, 7, по речным путям, § 5, 6; прав. страх. на случай смерти, § 3, п. 1.

опасности, сроке и проч.¹ Страхователь должен дать ясные и соответствующие действительности ответы о всех *существенных* для установления объема опасности обстоятельствах. Но так как на практике могут быть всегда споры, что считать существенными обстоятельствами, то законодатель во избежание таких споров установил некоторый формальный критерий для признания этих обстоятельств существенными или несущественными.

Так как определение объема опасности устанавливается в интересах страховщика, то он и должен запросить страхователя о всех интересующих его обстоятельствах в ясных и недвусмысленных выражениях. Конкретно это выражается в проставлении страховщиком соответствующих вопросов в бланке объявления, который заполняется страхователем. Все те вопросы, которые страховщик проставил в этом бланке объявления, являются существенными, и страхователь обязан дать на них исчерпывающий и точный ответ. Если же страховщик упустил включить в этот бланк объявления какой-либо вопрос, касающийся обстоятельства, могущего иметь для него значение, то умолчание страхователя об этом обстоятельстве не может служить основанием к расторжению договора².

Страхователь может, однако, при своем ответе на вопросы страховщика, по ошибке или умышленно умолчать или неправильно изложить то или иное обстоятельство при своем ответе на вопросы (страхователь умолчал о бывших у него ранее пожарах, скрыл тяжелую наследственность и т. д.). Статья 383 ГК в категорической форме говорит о праве страховщика требовать по суду расторжения договора, если после заключения договора окажется, что в действительности обстоятельства, существенные для определения страхового риска, не соответствуют заявлениям страхователя. Отсюда следует, что не только умысел, но и ошибка со стороны страхователя влекут за собой в этом случае освобождение страховщика от ответственности. Этот вывод находит себе подтверждение и в ст. 32 ГК, дающей право требовать по суду признания сделки недействительной, если она совершена под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение³.

¹ При некоторых видах страхования предложение страхователя может быть сделано также письмом, телеграммой, телефонограммой и проч.

² Несколько иначе обстоит при морском страховании, где считается существенным не только то, что спрашивал страховщик, но все, что может повлиять на решение страховщика принять или отклонить риск или на размер страховой премии; воспользоваться, однако, правом отказа от договора страховщик должен немедленно по обнаружении неправильности. Л и н д е б р а з е н и Д о л г о в, «Морское страхование», стр. 10, 11; Прав. страх. грузов по морским путям, § 13.

³ § 348 фр. торг. код. По германскому страх. закону, если страховщик откажется от договора по наступлении предусмотренного договором события, то принятая им на себя обязанность остается в силе в том случае, когда то обстоятельство, относительно которого была нарушена обязанность уведомления, не имело влияния на наступление предусмотренного договором события и на объем обязанностей страховщика, § 21.

Некоторые ослабления этого общего правила содержатся в правилах страхования на случай смерти и смешанного.

Во-первых, право Госстраха прекратить договор страхования не распространяется на те случаи, когда неверные сведения относятся к *возрасту* застрахованного; в этих случаях во все время договора, если не последует иного соглашения, подлежит ответственному сокращению лишь страховая сумма, а договор остается в силе (§ 15, п. 3).

Во-вторых, если страхователь докажет, что неверные сведения по вопросам, предложенным Госстрахом в письменной форме, даны им или застрахованным лицом по *добросовестному заблуждению*, то Госстрах в случае прекращения им действия страхового договора обязан выдать страхователю по предъявлении им полиса половину внесенных им премий.

III. Увеличение объема страховой опасности

Принимая на себя риск, страховщик считается с той степенью опасности, которую он допускает для себя экономически приемлемой, и соразмерно этой опасности определяет и границы своей ответственности, равно как и размеры уплачиваемых премий. Всякое изменение объема опасности в сторону ее увеличения резко меняет все расчеты страховщика и делает для него неосуществимым выполнение страховой обязанности. Поэтому ГК требует от страхователя и выгодоприобретателя незамедлительного уведомления страховщика о всех ставших им известными значительных изменениях, наступивших в обстоятельствах, сообщенных страховщику при заключении договора и могущих *существенно* повлиять на увеличение страхового риска, причем значительными признаются все изменения, *оговоренные* в предъявленных страхователю правилах страхования. При нарушении этой обязанности страховщик может потребовать расторжения договора или соответственного изменения его условий с момента увеличения риска¹.

Если же при имущественном страховании опасность увеличилась по причинам, в договоре не предусмотренным, то страховщик может предложить страхователю, а также выгодоприобретателю после перехода к последнему обязанностей по договору уплатить соответственно увеличенную премию, а в случае отказа страхователя в уплате таковой, в семидневный срок со дня письменного о том извещения требовать расторжения договора².

Изменения, касающиеся застрахованного имущества, могут быть не только фактического, но и юридического свойства: застрахованное имущество может перейти к другому лицу. Так как договор имущественного стра-

¹ Ст. 385 ГК.

² Ст. 386 ГК; прав. добр. страх. от огня, § 12; прав. добр. страх. животн. § 16, 21.

хования покоится во многом на личном доверии страховщика к страхователю, то переход имущества к новому лицу для страховщика далеко не безразличен, и об этом обстоятельстве он должен быть немедленно извещен. Если по получении сведений о переходе имущества к другому лицу страховщик найдет нужным, он вправе требовать судебным порядком расторжения договора. В интересах нового приобретателя застрахованного имущества закон дает страховщику краткий семидневный срок для решения вопроса о судьбе договора. Если он в течение семидневного срока со дня получения извещения не предъявит иска о расторжении договора, то договор переходит полностью на нового приобретателя. Те же последствия будут иметь место, если в течение указанного семидневного срока страховщик открыто объявит свое согласие на переход договора (посредством учинения соответствующей надписи на полисе или квитанции) к новому приобретателю или вообще будет вести себя по отношению к нему как к первоначальному страхователю, в частности, примет от нового владельца страховую премию¹. Так как при транспортном страховании застрахованные товары находятся в обладании перевозчика, а не грузовладельца, то перемена в лице последнего не имеет для страховщика важного значения. Поэтому к транспортному страхованию вышеуказанные правила не применяются².

При обязательном окладном страховании в случае изменения объема опасности страхователь также обязан заявить об этом страховщику. Что же касается обязательного неокладного страхования, то, как правильно указывает В. К. Р а й х е р, в случае невыполнения страхователем лежащей на нем обязанности уведомления об увеличении опасности, Госстрах может требовать только доплаты премий, если, конечно, случившееся изменение не влечет за собой исключения имущества из действия обязательного неокладного страхования, что, разумеется, дает Госстраху право требовать расторжения страхования³.

§ 3. Страховой случай

Если опасность есть только возможность наступления известного события, от последствий наступления которого совершается страхование, то страховой случай является уже событием наступившим⁴.

В этом смысле высказывается и ГК в ст. 367, отождествляя «наступление предусмотренного в договоре события» со «страховым случаем»⁵.

¹ Ст. 387, 388 ГК.

² Правила страх. грузов по сухим, § 17, речным, § 18 и морским, § 17, путям.

³ В. К. Р а й х е р, «Госуд. имущественное страхование СССР», стр. 31.

⁴ Г а г е н, там же, VIII, I, стр. 561.

⁵ См. также статьи 372, 382, 383, 386, 390 и 393 ГК.

Понятие «страхового случая» является чрезвычайно важным для страхового права. Ведь, собственно говоря, только с наступлением страхового случая приходится говорить о реализации страхового правоотношения в смысле выполнения основной его функции – уплаты страховщиком страхового вознаграждения. До наступления же страхового случая определенной уверенности в выполнении этой функции не имеется. Страховой случай представляется, таким образом, тем решающим событием, наступление которого влечет за собой ответственность страховщика (пожар, градобитие, смерть).

1. Имея значение решающего момента для установления ответственности страховщика, страховой случай должен быть точно *установлен*. Его установление лежит на обязанности страхователя или выгодоприобретателя как лиц, наиболее осведомленных во всем том, что происходит с застрахованным интересом.

Статья 390 ГК гласит: «страхователь или выгодоприобретатель по договору имущественного страхования при наступлении страхового случая обязан незамедлительно и, во всяком случае, в условленный срок и указанным в правилах страхования способом известить об этом страховщика. При неисполнении этой обязанности страховщик освобождается от уплаты страховой суммы».

Таким образом, невыполнение страхователем этой обязанности влечет за собой освобождение страховщика от ответственности¹.

2. Статья 390 ГК указывает, что уведомление страхователем Госстраха о наступившем страховом случае должно происходить в условленный срок и указанным в правилах способом. Вопрос, следовательно, идет о сроках и форме уведомления.

Правила страхования указывают, что о наступлении страхового случая страхователь или выгодоприобретатель должны уведомить Госстрах незамедлительно; для отдельных видов страхования допускается отсрочка на несколько дней.

По общему правилу, уведомление должно быть произведено в письменной форме (можно телеграммой или телефонограммой). Уведомление должно быть направлено Главному Управлению Госстраха, его подлежащему органу или же агенту Госстраха (для отдельных видов страхования при от-

¹ Прав. добр. страх. от огня, § 16; прав. добр. страх. от падежа, § 20; прав. страх. судов по морск., § 14, и речн., § 13, путям; прав. страх. грузов по морск., § 18, речн., § 13 и сухим, § 18, путям; прав. гарант. страх., § 30; прав. страх. жизни, § 16, п. 1.

Это правило не всегда применяется при обязательном окладном страховании.

существовании представителя Госстраха уведомление может быть сделано представителю местной власти)¹.

Пропуск срока и уведомление о наступлении страхового случая способом, не предусмотренным в правилах страхования, должны влечь за собой освобождение страховщика от уплаты страхового вознаграждения². Приходится, однако, заметить, что судебная практика внесла некоторые коррективы в эти довольно суровые условия, признав, что Госстрах не освобождается от ответственности при пропуске страхователем сроков, указанных в правилах, если по обстоятельствам дела это упущение не имело существенного значения и было восполнено иными способами³. Нет, казалось бы, оснований лишать страхователя права на страховое вознаграждение и тогда, когда страховщик сам, помимо уведомления страхователя, немедленно узнает о наступлении страхового случая.

§ 4. Страховая сумма

1. Страховая сумма есть та денежная сумма, которую страховщик обязуется уплатить страхователю или выгодоприобретателю при наступлении предусмотренного страхованием события (страхового случая).

Страховая сумма имеет различное значение при имущественном и личном страховании.

При *имущественном* страховании страховая сумма предназначается для возмещения действительно понесенного страхователем ущерба. Ущерб этот может состоять как в полном уничтожении, так и в повреждении, уменьшении ценности входящих в состав застрахованного имущества предметов, вещей, прав требования и т. п. Для облегчения установления размеров ущерба от происшедшего несчастья при заключении страхования заблаговременно делается страховая *оценка* имущества, отдаваемого на страх. На основании этой оценки и выводится сумма возможных убытков страхователя (страховой интерес).

Таким образом, страховой интерес устанавливает *предельный размер* страховой суммы. Страховая же сумма, в свою очередь, является пределом для *страхового вознаграждения*, которое страховщик *действительно* выплачивает страхователю или выгодоприобретателю, по отношению к коему

¹ Прав. обяз. страх. от огня, § 27; прав. обяз. страх. животн., § 24; прав. добр. страх. животн., § 20; прав. добр. страх. от градобит., § 18; правила гарант. страх., § 6, 30, п. 1; прав. страх. жизни, § 16, п. 1.

² Ст. 390 ГК.

³ Решение Украинской ВАК по делу Госстраха с Правлением Екат. и Донецких ж. д., «Вестн. Сов. Юстиции», 1923 г., № 7.

страховая сумма играет роль крайнего предела, выше которого не может подниматься страховое вознаграждение. Поэтому при страховом интересе в 100 000 руб. (страховая оценка дома) страховая сумма не может быть выше 100 000 руб., но может быть ниже: 90 000 руб. и т. п. При полной гибели дома от пожара страховое вознаграждение не может превысить страховой суммы, т. е. 100 тысяч рублей, 90 тысяч рублей и т. д.

Страховщик возмещает только те убытки, которые страхователь или выгодоприобретатель *непосредственно* понесли от наступившего события, например, от пожара застрахованного от огня дома (прямые убытки). Возмещать же *косвенные* убытки, т. е. ущерб, понесенный страхователем не только от предусмотренного в договоре случая, но и от других сопутствующих обстоятельств, увеличивших ущерб (неполучение арендной платы с жильцов сгоревшего дома), страховщик не обязан, поскольку страхование косвенных убытков не предусмотрено специально правилами НКФ для отдельных видов страхования¹.

При *личном* страховании страховая сумма уплачивается страховщиком независимо от того, понесли ли страхователь или выгодоприобретатель какой-нибудь ущерб от наступившего события или не понесли. Поэтому для возникновения обязанности страховщика уплаты страховой суммы (совпадающей со страховым вознаграждением) достаточно только одного факта наступления предусмотренного в договоре события, наличие же или отсутствия убытка не имеет никакого значения.

2. При возмещении убытков по *имущественному* страхованию действуют правила, что страховое вознаграждение не может превышать действительной ценности застрахованного имущества (страхового интереса). Поэтому если условленная страховая сумма будет превышать страховой интерес (например, при заключении договора имущество было оценено в 100 тыс. руб., страховая сумма определена в 100 тыс. руб., а некоторое время спустя обнаружилось, что имущество стоит только 80 тыс. руб.), то, хотя договор и продолжает оставаться в силе, но для обеих сторон наступают важные юридические последствия. Эти последствия состоят: для *страховщика* – в понижении уплачиваемой им страховой суммы до размеров действительной ценности имущества (в приведенном примере до 80 тыс. руб.), а для *страхователя* – в соответственном с уменьшением оценки имущества понижении уплачиваемой им страховой премии, начиная со следующего срока уплаты премии, если премия вносится не полностью при совершении договора, а периодически. Если же премия уплачена страхователем за весь срок действия договора, то она уменьшению и хотя бы частичному возврату

¹ Страхование «ожидаемой прибыли» при морском страховании не является страхованием косвенных убытков; прав. страх. грузов по морским путям, прим. к § 10. Ст. 368 ГК.

не подлежит. Указанные последствия наступают, если преувеличенная страховая оценка произошла по добросовестному заблуждению страхователя.

Если же страхователь *умышленно* оценил свой интерес выше действительной ценности имущества и тем ввел страховщика в заблуждение, то страховщик может, если пожелает, судебным порядком требовать признания договора недействительным. Кроме того, если в этом случае страховщик произвел в связи с принятием имущества на страх расходы (посылка агента, инженера), то они засчитываются в счет полученных страховых премий с тем, что если расходы эти превышают общую сумму полученных премий, то страховщик может требовать от страхователя уплаты разницы. Полученные в таком случае премии страховщик возвращать не обязан¹.

3. Имущество может быть застраховано и не в полной сумме страховой оценки, а только в известной части, в $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$ и т. д. Тогда риск в отношении части незастрахованной остается на страхователе. При выяснении суммы страхового вознаграждения надлежит руководствоваться правилом, *что страховое вознаграждение стоит в таком отношении к ущербу, как страховая сумма к страховой оценке*². Поэтому если имущество было оценено в 100 000 руб., а страховая сумма определена в 75 000 руб. (в 25 000 руб. имущество осталось незастрахованным), и имущество погибло полностью, причем ущерб выразился в 100 000 руб., то страховое вознаграждение, согласно вышеуказанной формуле, определится следующим образом:

x (страх. вознагражд.) : 100 000 руб. (ущерб) = 75 000 руб. (страх. сумма): 100 000 руб. (страх. оценка); $x = 75 000$ руб.

Таким образом, ущерб в сумме 25 000 руб. страховщик не возместит.

При частичной гибели имущества применяется то же правило:

x (страх. возн.): 50 000 руб. (частичн. ущерб) = 75 000 руб. (страх. сумма): 100 000 руб. (страх. оценка); $x = 37 500$ руб.

Т. е. при гибели имущества в размере половины его ценности страховое вознаграждение составляет тоже половину страховой суммы. Цель оставления части имущества на риске страхователя заключается в том, чтобы побудить страхователя к тщательному сбережению имущества от опасности. При полном застраховании у страхователя может пропасть всякий интерес к тщательному и надлежащему сбережению имущества.

4. Особого внимания заслуживает случай так называемого *двойного страхования*.

¹ Ст. 369 ГК.

² Ст. 370 ГК.

А. Двойное страхование является понятием, применяющимся только при имущественном страховании. Под двойным страхованием понимается страхование *одного и того же страхового интереса от одного и того же риска и на тот же срок у нескольких страховщиков в страховых суммах, превышающих страховой интерес*¹.

Таким образом, признаками двойного страхования являются:

- а) тождественность страхового интереса (например, интерес собственника дома в сохранении его ценности, но не интересы собственника и залогодержателя);
- б) тождественность риска (например, страхование от пожара);
- в) тождественность срока;
- г) заключение страхования у *нескольких* страховщиков;
- д) страховые суммы в своей совокупности должны превышать размер страхового интереса.

Понятие двойного страхования ГК известно. В ст. 372 ГК говорится, что если в общей сложности страховые суммы по нескольким договорам имущественного страхования, заключенного относительно одного и того же страхового интереса, превышают размер этого интереса (двойное страхование), то последующие договоры в части, превышающей страховой интерес, признаются недействительными, а уплаченные страхователем премии не подлежат возврату. Если же страхователь преследовал цель извлечь неправомерную выгоду при наступлении страхового случая, то все заключенные договоры недействительны, а страховщики, сверх того, могут требовать возмещения причиненных им страхователем убытков.

Отсюда следует, что ГК из указанных пяти признаков двойного страхования открыто говорит о трех: о тождественности страхового интереса, о заключении страхований с несколькими страховщиками и о превышении страховых сумм в общей сложности над размерами страхового интереса. Но совершенно очевидно, что два других признака — тождественность риска и срока — являются признаками само собой разумеющимися, так как в противном случае вообще нельзя говорить о двойном страховании. Отсюда мы заключаем, что ГК в общем понимает двойное страхование в том же значении, о котором мы только что говорили.

Вопрос о праве двойного страхования на существование являлся до последнего времени в достаточной мере спорным как в науке, так и в законодательствах². Некоторые законодательства считают, что если возмещение убытков уже обеспечено, то для нового договора нет оснований и поэтому

¹ Швейцарский закон, § 53. Несколько иначе германский страховой закон, § 58 сл., и австрийский закон, § 54; см. также E h g e n b e r g, «Privatversicherungsrecht», стр. 10, 1923 г.

² Подробное изложение вопроса у А. Г. Г о й х б а р г а, «Вестн. Гражд. Права», 1915 г., № 2.

все позднейшие договоры должны быть признаны недействительными¹. Другие законодательства, исходя из той мысли, что центр тяжести вопроса заключается в том, чтобы страхователь не получил двойного страхового вознаграждения, допускают возможность двойного страхования, устанавливая только известный порядок выплаты страхового вознаграждения несколькими страховщиками, гарантирующий от возможных быть злоупотреблений со стороны страхователя. По одной системе каждый из нескольких страховщиков отвечает перед страхователем *пропорционально* принятой на страх части ценности. По другой системе все страховщики отвечают перед страхователем *солидарно*, т. е. каждый в полной сумме ценности².

Обратимся снова к ГК.

Статья 372 ГК, как мы видели, устанавливает, что при *отсутствии* у страхователя намерения извлечь неправомерную выгоду все последующие договоры недействительны, причем уплаченные премии не подлежат возврату. Если же страхователь *преследовал* цель извлечения неправомерной выгоды, то не только *все* заключенные договоры признаются недействительными, но страховщики могут, сверх того, требовать возмещения убытков.

Таким образом, ГК примыкает в вопросе о двойном страховании к той группе законодательств, которая признает недействительность всех позднейших страховых договоров. Поэтому если на одно и то же имущество будет заключено с несколькими страховщиками несколько страхований, то, по мысли ГК, эти страхования действительны только в пределах действительной ценности имущества.

Б. Необходимо, однако, заметить, что при действующей в СССР системе страховой монополии, осуществляемой Госстрахом, вопросы, возбуждаемые в связи с двойным страхованием, могут, по нашему мнению, возникать на практике только в исключительных случаях.

При наличии в СССР единственного страховщика, Госстраха, не может быть и речи о двойном страховании, предполагающем наличие *нескольких* страховщиков. Если имущественный интерес будет застрахован выше своей ценности, то придется говорить не о двойном страховании, а о страховании выше стоимости страхового интереса, т. е. о случае, предусмотренном ст. 369 ГК³. Такой вывод надлежит сделать как в отношении могущих быть случаев нескольких договорных страхований, так и случаев страхований в

¹ Германск. торг. кодекс, § 788; итальянск. торг. код., § 426; фр. торг. код., § 359; венг. торг. код., § 471.

² Последняя система принята германск. законом, § 59–69, австр. законом, § 54, и «англо-американским правом»; см. также Ш е р ш е н е в и ч, «Курс торг. права», II, стр. 401. Пропорциональная ответственность страховщиков установлена швейцарским законом, § 71.

³ См. стр. 400, 401.

порядке правил добровольного страхования, если страховые интересы уже застрахованы в порядке правил обязательного страхования¹.

Мы полагаем, что в настоящее время в СССР двойное страхование может иметь место только в четырех случаях.

Во-первых, при кооперативном страховании, когда имущества, застрахованные в порядке взаимного кооперативного страхования, будут, кроме того, застрахованы еще в порядке добровольного страхования в Госстрахе от той же опасности и на тот же срок в суммах, в общей сложности превышающих величину страхового интереса.

Во-вторых, при страховании экспортно-импортных товаров, поскольку Положением о Госстрахе было разрешено страхование экспортно-импортных товаров производить или в Госстрахе, или в *смешанных* обществах по соглашению с Госстрахом².

В-третьих, при страховании Народным Комиссариатом Путей Сообщения перевозимого багажа и Народным Комиссариатом Почт и Телеграфов почтовых отправок с объявленной ценностью, поскольку таковой багаж и почтовые отправления окажутся застрахованными одновременно указанными комиссариатами и Госстрахом.

В-четвертых, при применении на практике правил о страховании, принятых советско-германским торговым договором, когда, например, германская фирма, закупившая в пределах Союза ССР какой-либо товар, застрахует этот товар одновременно, и в Госстрахе и в германском страховом обществе³.

За исключением этих четырех случаев, двойное страхование в СССР не имеет почвы для своего возникновения⁴.

§ 5. Страховая премия

¹ Прав. обяз. страх. от огня, § 7.

² Ст. 2 Пол. о Госстрахе.

³ В случае двойного страхования в Госстрахе и в германском страховом обществе германское общество, уплатившее страховую сумму, не вправе, однако, предъявить к Госстраху требования о возмещении соразмерной части уплаченного, так как германское право придерживается «принципа выравнивания» (*Ausgleichsprinzip*); советское же право придерживается «принципа старшинства» (*Prioritätsprinzip*). В свою очередь Госстрах, уплатив страховую сумму, не может предъявить требования о возмещении к германскому страховому обществу. Герм. зак. о страх. дог., § 59. В г у с к, *Zwischenstaatliches Versicherungsrecht*, § 4.

⁴ Те же соображения надо иметь в виду и при дополнительном страховании, о котором идет речь в ст. 371 ГК.

Под страховой премией понимается плата, уплачиваемая страхователем страховщику за принятие им на себя риска¹.

С технической стороны различаются нетто-премии и брутто-премии. Нетто-премия является чистой себестоимостью страхования для страховщика без учета накладных расходов и др. статей. Брутто-премия представляет собою тарифную ставку, фактически уплачиваемую страхователем страховщику, исчисление которой производится путем установления известной надбавки к нетто-премии сообразно с принятым в данном учреждении планом организации дела. В настоящей работе термин «премия» везде употребляется в последнем значении.

По Советскому праву премия представляет всегда известный денежный взнос². Премия может вноситься страхователем страховщику сразу за весь срок страхования (так назыв. *Mise*) или периодически («*laufende Premie*»)³.

Во всяком случае, премия должна быть уплачена при заключении договора страхования. Поэтому до уплаты премии или первого взноса ее договор страхования не вступает в силу, если, впрочем, договором не предусмотрено рассрочки в уплате премии⁴.

Иначе складываются отношения при окладном обязательном страховании; при обязательном окладном страховании страхование считается заключенным независимо от взноса премии, неуплаченная же премия перечисляется в недоимку и взыскивается в бесспорном порядке⁵.

Что же касается обязательного неокладного страхования, то так как Положением о Госстрахе СССР (ст. 15) признано, что неокладное страхование может заключаться и помимо воли страхователя, если не подано объявления о застраховании, причем в этом случае оно вступает в силу с момента получения судебного приказа о взыскании страховой премии, то надо считать требование уплаты премии в качестве неперменного условия для возникновения страхования к обязательному неокладному страхованию неприменимым.

Просрочка в уплате рассроченной премии, согласно ст. 389 ГК, освобождает страховщика, если иное не вытекает из договора, от обязанности уплатить страховую сумму, когда страховой случай наступит до уплаты просроченной премии. Но, по циркулярному разъяснению Госстраха, по всем видам добровольного страхования, кроме личного, неуплата рассроченной премии

¹ Термин «премия» очень старого происхождения. Он встречается еще в XVI в. C o l d s c h - m i d t, «Universalgeschichte d. HR.», S. 362 flg.

² В отношении Зап. Европ. права см. R o e l l i, «Komm. z. Schw. V.-V.», стр. 258.

³ Ст. 378 ГК.

⁴ Ст. 389 ГК, прав. добр. страх. от огня, § 9; прав. добр. страх. посевов, § 5, 26; прав. гарант. страх., § 20, п. 2; прав. страх. жизни, § 8, п. 4.

⁵ Пол. о Госстрахе, ст. 8; правила обяз. страх. от огня § 4, 20.

в день какого-либо из обусловленных сроков платежа влечет за собой прерыв ответственности Госстраха с 12 часов того же дня. Эта ответственность восстанавливается лишь с момента уплаты очередного взноса, каковой может последовать до конца срока страхования. По страхованию сельскохозяйственных животных, если уплата очередного платежа последует более чем через 30 дней после наступления срока, возобновление ответственности начинается с соблюдением правил добровольного страхования (§ 9), т. е. через 20 дней после фактического поступления следуемого взноса¹.

Особые правила установлены также циркуляром Госстраха в отношении обязательного неокладного страхования. В случае неуплаты рассроченной премии в день какого-либо из указанных сроков страхование остается в силе, но условие о рассрочке платежа считается нарушенным, и Госстрах вправе взыскивать с страхователя в установленном порядке всю остающуюся до конца страхового периода сумму премии с законными процентами².

Место платежа страховой премии указывается при заключении страхования. Обычно премия уплачивается в кассу Главного Правления Госстраха или его органов³.

§ 6. Страховой срок

Страховщик принимает на себя ответственность только в течение известного количества времени. Поэтому указание срока является непременным свойством страхового правоотношения. Об этом прямо говорится в статьях 378 и 380, п. 4 ГК, требующих, чтобы в договоре страхования был установлен срок, на который заключается договор.

Установление срока страхования определяется для обязательного страхования законом, а для добровольного страхования – соглашением сторон⁴.

Страховая премия может вноситься не сразу за весь срок страхования, а по частям, за известные промежутки времени, на которые этот срок разделен. Эти промежутки времени, к которым приурочиваются взносы страховой премии, называются *страховыми периодами* (страхование заключено на срок – три года; срок разделен на 3 страховых периода, по одному году каждый)⁵.

¹ Дополнение к цирку. № 705, стр. 10. О личном страховании см. гл. XIV.

² Дополнение к цирку. № 705, стр. 11.

³ Правила обяз. страх. от огня, § 18; прав. страх. жизни, § 8, п. 3.

⁴ Правила обяз. страх. от огня, § 5; ст. 378 ГК.

⁵ Ст. 378 ГК.

ГЛАВА VIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СТРАХОВАНИЯ

§ 1. Заключение добровольного страхования

I. Форма заключения договора страхования

Вопрос о форме заключения договора страхования решается в законодательствах неодинаково.

Одни законодательства требуют совершения договора страхования в письменной форме¹. Другие законодательства не устанавливают для заключения договора страхования определенной формы².

ГК в ст. 379, указывая, что договор страхования должен быть совершен в письменной форме под страхом его недействительности, примыкает к той группе законодательств, которая устанавливает письменную форму как необходимое условие существования договора страхования. Статья 137, п. 5 ГК освобождает договоры страхования от засвидетельствования в нотариальном порядке, благодаря чему договоры страхования на любую сумму и между любыми лицами могут совершаться домашним порядком.

В остальном же к заключению договоров страхования должны применяться общие правила ГК о заключении договоров между присутствующими и между отсутствующими (ст. 130–135 ГК) с теми изъятиями, которые установлены правилами для отдельных видов страхования³.

Заключение страхования совершается обычно в форме подачи страхователем страховщику особого объявления. Бланк этого объявления с представлением в нем интересующих страховщика вопросов составляется страховщиком и заполняется страхователем, вручающим этот заполненный бланк страховщику⁴. К объявлению обычно прилагаются описи, планы и другие документы.

¹ Прусс. земск. уложение, II, 8, § 2064; франц. торг. код. под отношением к морскому страхованию, § 322.

² Французское право в отношении всех видов страхования, кроме морского, W a h l, «Précis de droit commercial», стр. 486, 1922 г.; германское право – Э р е н б е р г, «Privatversicherungsrecht», стр. 7, 1923 г.; швейцарское право – Р е л л и, «Komm. z. Schweiz. Vers.-Vertr.», стр. 149; австрийское право – Э р е н е ц в е й г, «Komm. z. österr. Vers.-Vertr.», стр. 12.

³ Например, правила страхования жизни, § 3, п. 6.

⁴ Прав. добр. страх. от огня, § 4 сл.; правила страх. грузов по сухим, § 13, по речным, § 5, и морским, § 15, путям; прав. страх. судов по речным, § 5, и морским, § 6, путям; прав. добровольн. страх. посевов, § 5, 14; прав. гарант. страх., § 15 сл.; прав. страх. жизни, § 3–5; искл. для страх. животных, где подачи объявления не требуется, см. В. П о т о ц к и й, там же, стр. 91.

Объявление страхователя является тем предложением, которое должно быть принято страховщиком – Госстрахом, после чего договор страхования может считаться заключенным.

Сложнее представляется вопрос, что надлежит по действующему праву считать принятием со стороны Госстраха предложения страхователя.

Статья 28 ГК говорит, что сделка, облеченная в письменную форму, должна быть подписана лицом, от которого она исходит, или его представителем. В согласии со ст. 28 ГК, правила страхования указывают, что договор страхования считается заключенным выдачей страхователю полиса или страховой квитанции¹. Таким образом, согласно правилам страхования, договор считается заключенным, когда Госстрах в удостоверение принятия предложения страхователя выдаст последнему страховую квитанцию или опись.

Приходится, однако, заметить, что на практике этот порядок не всегда соблюдается, и принятие Госстрахом предложения страхователя совершается иногда не в форме выдачи полиса или страховой квитанции, а путем принятия от страхователя страховой премии или при рассрочке ее – первого взноса². Самый же полис или страховая квитанция могут быть выданы позднее³.

Но, во всяком случае, если бы полис или квитанция и были выданы страхователю, договор страхования не вступает в силу до уплаты премии или первого ее взноса, если иное не предусмотрено в договоре⁴.

II. Страховой полис

А. Страховой полис, выдаваемый в подтверждение заключения договора страхования, является односторонним документом, подписанным страховщиком, и представляет собою обещание страховщика уплатить известную сумму денег в случае наступления в течение установленного срока предусмотренного договором события⁵.

¹ Прав. добров. страх. от огня, § 8; прав. гарант. страх., § 18, п. 1.

² Е. М е н, «Имущественн. страх. по законод. СССР», стр. 33; Р о з е н о е р, «Страховой справочник», стр. 96.

³ Прав. страх. жизни, § 5, п. 2.

⁴ Ст. 389 ГК; прав. гарант. страх., § 20, п. 3. При морском страховании это правило не всегда соблюдается; Л и н д е н б р а т е н и Д о л г о в, «Морское страхование», 1925 г., стр. 11; Прав. страх. грузов, § 14.

⁵ Ст. 380 ГК; прав. страх. жизни, § 3. Слово «полис» происходит от греческого слова –*πολεῖξις* – доказательство, а не от латинского *polliceri* – обещать, как думают некоторые. Слово это впервые встречается в Генуе еще в 1401 г. В настоящее время оно является общеупотребительным (*police*, *policy*, *polizza*); Э р е н б е р г, «*Privatversicherungsrecht*», стр. 8. Страховая квитанция имеет одинаковое юридическое значение с полисом; разница только в наименовании и внешнем виде. В настоящее время Госстрахом полисы выдаются только по договорам личного страхова-

Полис, таким образом, является только удостоверением (доказательством) состоявшегося договора¹.

Общее правило об обязательности выдачи полиса для каждого заключенного договора страхования² терпит изъятие при так называемых «генеральных полисах», часто употребляемых при транспортном страховании.

При заключении страхования по генеральным полисам страхователь обязуется заявлять Госстраху о всех предусмотренных выданным ему генеральным полисом грузах без исключения, как отправляемых, так и получаемых им, страхователем³. Таким образом предприятие, которому приходится часто пересылать товары, вместо того, чтобы заключать при каждой отправке отдельный договор страхования, вступает с Госстрахом в соглашение, в силу которого Госстрах является обязанным принимать на страх все перевозимые этим предприятием грузы в течение установленного сторонами срока.

В удостоверение такого соглашения общего характера и выдается генеральный полис, совершаемый в двух экземплярах, из коих один за подписью страхователя возвращается Госстраху, а другой остается у страхователя. Принятие на страх каждой отправленной партии товара осуществляется подачей объявления местному агенту Госстраха или посылкой этого объявления по почте⁴, если ко времени подачи объявления страхователю не будут известны все данные для установления объема риска, то подается предварительное объявление, которое немедленно по получении недостающих сведений должно быть заменено окончательным. Прием каждого отдельного страхования удостоверяется органами Госстраха путем подписи на отрывном талоне, который возвращается страхователю⁵.

Генеральные полисы применяются и при перестраховании.

Б. Содержание полиса должно находиться в соответствии со своим назначением — служить доказательством заключения договора. Поэтому страховой полис должен содержать в себе все существенные элементы договора.

Статья 380 ГК гласит, что в полисе или страховой квитанции должны быть указаны:

- 1) наименование страховщика, страхователя;
- 2) указание застрахованного интереса;

ния и при страховании грузов в пути (нереальные полисы); по страхованию имущества выдаются страховые квитанции; Р о з е н о в, там же, стр. 44, 61, 74.

¹ Р е л л и, «Komm z. V.-V.», стр. 149–150.

² Ст. 380 ГК.

³ Прав. страх. по генер. полисам, § 3.

⁴ Там же, § 4.

⁵ Тетрадь объявлений вручается страхователю вместе с генеральным полисом. См. Р о з е н о в, «Страховой справочник», стр. 86.

- 3) указание риска, от которого заключается страхование, или события, при наступлении которого страховщик обязан уплатить страховую сумму;
- 4) начало и конец страхования;
- 5) страховая сумма;
- 6) премия (взносы, срок и место их уплаты).

По отдельным видам страхования могут быть установлены также и иные обязательные условия, которые должны помещаться в квитанции или в полисе.

Таким образом, полис и страховая квитанция содержат в себе все существенные элементы страхового правоотношения¹.

В. Статья 380 ГК говорит, что в полисе или в квитанции должно быть указано наименование страхователя. В статье же 375 ГК указывается, что при личном страховании полисы могут быть именными предъявительскими, на имя наследников страхователя и без указания лица, которому должно быть выдано страховое вознаграждение². В примечании к ст. 375 ГК указывается также о праве страхователя надписью на полисе или особым заявлением на имя страховщика превращать именной полис в предъявительский или наоборот.

Таким образом, по советскому праву при имущественном страховании полисы (или страховые квитанции) могут быть только именными, при личном же страховании – именным, на предъявителя и без указания лица, которому должно быть выдано страховое вознаграждение³.

Что же представляет собою полис (страховая квитанция) со стороны своей юридической природы? Вопрос идет о том, можно ли считать полис (страховую квитанцию) ценной бумагой, как акцию, облигацию и т. п., или нет.

Как указывает проф. В.М. Гордо⁴, для сущности ценной бумаги характерны следующие черты:

- 1) ценная бумага дает право требовать исполнения только того, что в ней буквально написано (начало литтеральности от латинского «littera» – буква);
- 2) по началу легитимации право требовать исполнения может иметь либо лицо, на имя которого она написана (именная бумага), либо лицо, на имя которого дан приказ со стороны того, на чье имя выправлена бумага, с ого-

¹ См. гл. VII.

² Ст. 375 ГК РСФСР в редакции ВЦИК и СНК РСФСР от 1 июня 1925 г., основанная на ст. 2 Пост. ЦИК и СНК СССР от 16 января 1925 г. («Известия», 1925 г., № 137).

³ Последний случай является, несомненно, крайне редким, и поэтому мы не будем на нем останавливаться. При назначении выгодоприобретателями наследников без указания их имен, очевидно, полис все же является разновидностью именного полиса.

⁴ «Система советского торгового права», 1924 г., стр. 36.

воркой о предоставлении ему права передать другому лицу право потребовать от должника исполнения по бумаге (ордерная бумага), либо каждый предъявитель (бумага на предъявителя или именная с предъявительской оговоркой);

3) по началу презентации непременно условием требования по ценной бумаге является презентация ее, т. е. предъявление ее должнику и вручение взамен исполнения;

4) право требования по ценной бумаге не зависит от основания, в силу которого принята должником обозначенная в ней обязанность, имеющая в силу этого абстрактный (отвлеченный) характер¹;

5) лицо, приобретшее ценную бумагу законным порядком от другого, имеет право требования независимо от прав на нее предшественника, иначе говоря, пользуется правом своим автономно.

Среди ценных бумаг чрезвычайно важное значение имеют бумаги на предъявителя. Бумага на предъявителя делает должника ответственным перед каждым ее предъявителем. Должник по бумаге на предъявителя не только имеет право освободить себя от принятого обязательства исполнением предъявителю бумаги, но и обязывается к этому. Поэтому кредитор – предъявитель бумаги – имеет право требовать исполнения по бумаге.

Должник по бумаге на предъявителя освобождается от ответственности по ней только в следующих случаях:

1) если докажет, что предъявитель в момент приобретения бумаги знал или должен был знать, что она не была выпущена в оборот;

2) если представит или докажет такие возражения, которые касаются действительности составления бумаги (возражение о подложности ее), либо основаны на содержании бумаги (возражение против пределов обещанного или против своевременности предъявления требования по бумаге), или же вытекают из личных отношений должника по бумаге к предъявителю (возражение о зачете между требованием по бумаге и требованием должника к предъявителю ее)².

От бумаг на предъявителя надлежит отличать так называемые легитимационные бумаги. Легитимационная бумага управомочивает должника исполнить свою обязанность каждому предъявителю, но не обязывает должника к этому. Поэтому должник, если найдет нужным, может отказаться от исполнения и требовать доказательств от предъявителя. Как общее правило, и при легитимационных бумагах применяется начало презентации, т. е. ус-

¹ Признак «абстрактности» оспаривается проф. М. М. А г а р к о в ы м, указывающим, что ценные бумаги могут быть не только абстрактными, но и каузальными. «Сборн. по советск. ж.-д. праву», 1925 г., стр. 232.

² Проф. В. М. Г о р д о н, там же, стр. 37.

ловием требования по ним является предъявление бумаги должнику и вручение взамен ее исполнения. Но должник может освободить себя от ответственности выполнением обязательства действительному кредитору и помимо предъявления бумаги¹.

В западноевропейской литературе (немецкой) вопрос о возможности признания полисов ценными бумагами является в достаточной степени решенным.

По господствующему взгляду полис не является ценой бумагой². В отличие от ценной бумаги, которая дает право каждому правомерному приобретателю бумаги требовать исполнения полностью того, что написано в бумаге, полис таких правомочий своему держателю не предоставляет. Требование о выдаче страхового вознаграждения основывается не на полисе, а зависит от многих иных обстоятельств (своевременности уплаты премии, выполнения страхователем ряда обязанностей как до наступления страхового случая, так и после его наступления).

Как отмечает Релли³, полис является только принадлежностью страхового требования: бумага следует за требованием, а не требование за бумагой, как это имеет место с ценными бумагами. Поэтому право на полис возникает с возникновением страхового правоотношения и прекращается с прекращением этого правоотношения.

Не является, с точки зрения западноевропейского права, полис ценной бумагой и тогда, когда он составлен на предъявителя. В этом последнем случае можно говорить о полисе только как о легитимационной бумаге⁴. Отсюда следует, что страховщик освобождается от обязанности требовать доказательств легитимации от предъявителя полиса, но может, однако, если найдет нужным, потребовать от держателя доказательств заявляемых им прав на страховое вознаграждение.

Не будучи ценной бумагой, полис является только одним из главных доказательств страхового договора и притом, в принципе, только против страховщика, а не в пользу его, поскольку полис является документом, выданным самим страховщиком. К этому принципиальному положению делается оговорка, что принятие полиса страхователем и неоспаривание

¹ Ennecserus — Kipp-Wolf, «Lehrb. d. B. R.», B. I, 2, § 435; см. также М. М. Агапов, там же, стр. 243.

² Релли, «Komm. z. Schweiz. Versich.-Vertrag», § 11, там же более старая литература; см. также Эрнеберг, «Privatversicherungsrecht», стр. 8.

³ Релли, «Komm. z. Schweiz. V.-V.», стр. 158.

⁴ В германском праве это прямо указано в страховом законе, § 4, германск. гражд. уложение, § 808.

им его содержания в течение известного срока означает одобрение содержания полиса¹.

Что выдаваемые Госстрахом при имущественном страховании именные страховые квитанции не являются ценными бумагами, представляется вполне очевидным.

Правда, в правилах страхования мы находим указание, что страховое вознаграждение выдается по предъявлении страховой квитанции². Но это правило имеет целью только облегчение легитимации лица, получающего страховое вознаграждение. Право же лица на страховое вознаграждение вытекает не из страховой квитанции, а из ряда особых юридических фактов, отсутствие которых влечет за собой отпадение права на страховое вознаграждение, хотя бы страховая квитанция и была выдана Госстрахом страхователю.

Таковыми юридическими фактами являются: своевременная уплата страховой премии как при заключении договора, так и во время его действия, если допущена рассрочка³, правильность сведений, имеющих существенное значение для определения страхового риска и сообщенных при заключении договора Госстраху⁴, наличие страхового интереса и страхового риска во все время действия договора⁵, сообщение страхователем о всех значительных изменениях в обстоятельствах, сообщенных Госстраху и могущих существенно повлиять на увеличение страхового риска⁶, согласие Госстраха на продолжение договора при переходе застрахованного имущества к другому лицу⁷, извещение страхователем Госстраха в срок о наступлении страхового случая⁸, наступление страхового случая помимо умысла или грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя⁹, и др.

Страховая квитанция может быть передана другому лицу, причем передача совершается путем передаточной надписи на страховой квитанции и передачей самой страховой квитанции приобретателю. Приобретатель вправе тем же порядком произвести дальнейшую передачу и т. д.¹⁰ Но страховщик — Госстрах — может воспользоваться против всякого держателя страхо-

¹ Германс. страх. закон, § 5, 109; австр. страх. закон, § 2; швейц. страх. закон, § 12.

² Прав. добр. страх. от огня, § 29; прав. страх. грузов по сухим, § 30, речным, § 18, путям; прав. страх. судов по речным, § 21, морским, § 23, путям; прав. гарант. страх., § 40.

³ Ст. 389 ГК.

⁴ Ст. 383 ГК.

⁵ Ст. 384 ГК.

⁶ Ст. ст. 385, 386 ГК.

⁷ Ст. 387 ГК.

⁸ Ст. 390 ГК.

⁹ Ст. 393 ГК.

¹⁰ Р о з е н о в, «Страховой справочник», стр. 61, 74. Генеральные полисы передаче не подлежат. — Прав. страх. по генеральн. полисам по сухим, § 8, речным, § 9, морским, § 8, путям.

вой квитанции всеми теми возражениями, которые он имеет против страхователя (обратное положение – при ценных бумагах, где лицо, приобретшее ценную бумагу законным порядком, имеет право требования независимо от прав на нее предшественника)¹.

Наконец, хотя в правилах страхования и указывается, что страховое вознаграждение выдается по предъявлении страховой квитанции, тем не менее это требование не является непременным условием для выдачи страхового вознаграждения. В случае утраты страховой квитанции надлежит сделать о том публикацию, а в сельских местностях – заявить местной власти, и страховое вознаграждение через две недели будет выдано управомоченному лицу². Таким образом, предъявление страховой квитанции не является *conditio sine qua non* для получения страхового вознаграждения.

Не является ценной бумагой и именной полис, применяемый в личном страховании. И здесь полис является только средством облегчения легитимации лица, заявляющего право на страховое вознаграждение, так как и в этом случае права страхователя или выгодоприобретателя на страховое вознаграждение зависят от аналогичных юридических фактов, коими определяется право на страховое вознаграждение³. Полис же играет роль только доказательства состоявшегося договора.

Но и полис на предъявителя, по нашему мнению, является тоже только средством легитимации. Предъявительский полис, применяемый в личном страховании, также оказывается принадлежностью страхового требования, как и именной полис или страховая квитанция, и не имеет самостоятельного юридического значения.

Для того, чтобы получить при наступлении страхового случая страховое вознаграждение, более чем недостаточно одного предъявления полиса на предъявителя. Надлежит кроме того предварительно установить наличие ряда обстоятельств, имеющих решающее значение для возникновения права на страховое вознаграждение.

Исправность взноса премии является одним из главнейших моментов, определяющих права страхователя или выгодоприобретателя. Правила страхования подробно регламентируют этот вопрос, указывая, в каких случаях из-за невзноса премии договор страхования прекращается и полис теряет силу, в каких случаях страхование остается в силе, но подвергаются изменению его основные положения, резко меняющие условия договора⁴.

¹ Ст. 381 ГК.

² Правила добр. страх. от огня, § 29; аналогично – прав. добр. страх. грузов по сухим, § 30, речным, § 18, путям; прав. добр. страх. судов по речным, § 21, и морским, § 23, путям.

³ Правила страх. жизни, § 9, 15, 14, п. 1.

⁴ Правила страх. жизни, § 9–12.

Немаловажное значение для получения страхового вознаграждения имеет и сообщение страхователем Госстраху правильных сведений при заключении страхования. В течение первых двух лет действия договора страхования Госстрах вправе – при жизни застрахованного – уничтожить страхование без возврата страховой премии, а после смерти застрахованного – отказать в уплате каких-либо сумм по полису, если обнаружится, что в поданных ему объявлениях или извещениях страхователя или представленных им документах, на основании коих был заключен или возобновлен страховой договор, содержались неверные сведения по вопросам, имеющим существенное значение для установления условий страхования и предложенным страхователю или застрахованному в письменной форме¹.

Наступающая по истечении двух лет так называемая *неоспоримость* полиса, лишаящая Госстрах права отказаться от договора в силу того, что страхователь дал неверные сведения, не влечет, однако, за собой превращения полиса в ценную бумагу, так как остается в силе зависимость права на страховое вознаграждение от исправного выполнения страхователем обязанности уплаты премии. Полис может обладать свойством неоспоримости, и тем не менее выгодоприобретатель не получит от Госстраха страхового вознаграждения, если, например, имело место страхование, по которому до прекращения платежа премий была внесена премия менее чем за 3 года². Несмотря на неоспоримость полиса, его обладатель не получит страхового вознаграждения и тогда, когда страховой случай наступит вследствие умысла или грубой неосторожности страхователя либо выгодоприобретателя, не являющегося одновременно застрахованным лицом³.

Не делает полиса на предъявителя ценной бумагой и предоставляемая правилами возможность получения «ссуд под полисы». Правила страхования жизни указывают, что по страхованиям, оплаченным премией не менее как за 3 полных года, страхователь может требовать выдачи ссуды под полис, *если таковой сохранил силу*. Ссуды выдаются по письменному заявлению страхователя под долговое обязательство на бланке установленной Госстрахом формы; при означенном заявлении должен быть приложен полис, на котором Госстрах učinяет залоговую надпись, после чего полис возвращается страхователю⁴.

¹ Правила страх. жизни, § 15; там же исключения для отдельных случаев.

² Правила страх. жизни, § 9, п. 3.

³ Пост. ЦИК и СНК СССР от 16 января 1925 г., ст. 7; ст. 375 ГК РСФСР в новой редакции от 1 июня 1925 г.

⁴ Правила страхования жизни, § 20.

В действительности закладывается не полис, как ценная бумага, а только право требования страхователя или выгодоприобретателя к Госстраху¹.

Высказываемый здесь взгляд на предъявительский полис как на легитимационную бумагу находит свое дальнейшее подтверждение и в правилах, *expressis verbis*, указывающих, что Госстрах *не обязан* входить в рассмотрение прав лица, представляющего полис на предъявителя². Это значит, что Госстрах, если найдет нужным, может отказаться в исполнении и требовать доказательств от предъявителя, что исключается в отношении бумаг на предъявителя³.

В защиту выставяемого нами взгляда на предъявительский полис только как на легитимационную бумагу можно еще привести ст. 381 ГК, указывающую, что полисы могут передаваться согласно особым правилам, установленным для каждого отдельного вида страхования (значит, предъявительские полисы – путем простой передачи), но, во всяком случае, против всякого держателя страховщик может воспользоваться всеми теми возражениями, которые он имеет против страхователя⁴.

К сказанному надо добавить, что наделение полисов на предъявителя свойством бумаг на предъявителя находилось бы в определенном противоречии и с народнохозяйственным назначением полисов, не предназначенных вообще к циркуляции в гражданском обороте.

* * *

Рассмотрение юридической природы страховых документов, страховых квитанций и полисов привело нас, таким образом, к выводу, что ни страховая квитанция, ни полис не являются ценными бумагами, а, в частности, полисы на предъявителя не являются бумагами на предъявителя. Юридическое значение указанных страховых документов заключается только в том, что они являются главнейшим доказательством тех правоотношений, которые возникли между сторонами из страхового договора.

Будучи доказательством, относящимся к разряду домашних письменных доказательств, страховая квитанция и полис не допускают оспаривания их содержания свидетельскими показаниями⁵.

Это не исключает, однако, допущения свидетельских показаний в ряде случаев. Так как страховые документы, выдаваемые страховщиком, являют-

¹ Ст. 87 ГК. См. Р е л л и, там же, стр. 159; Г а г е н, там же, VIII, 2, стр. 377.

² Правила страх. жизни, § 17, п. 3.

³ См. также Г а г е н, там же, VIII, 2, стр. 376.

⁴ Также ст. 377 ГК.

⁵ Ст. 128 Гр. Пр. Код. РСФСР.

ся домашними актами, то в случаях, когда в них окажется несоответствие содержания с действительным положением вещей, их содержание может быть опровергаемо свидетельскими показаниями (неправильно обозначены имя страхователя, предмет страхования или его местонахождение и т. д.). Кроме того, свидетели должны допускаться в подтверждение и опровержение обстоятельств, не вошедших в договор, но имеющих важное значение для его исполнения: а) существования застрахованного имущества в момент заключения договора и в день обусловленного договором события, б) наступления предусмотренного договором случая, в) гибели или повреждения застрахованного имущества, г) наличия убытков и их размера и т. д.

§ 2. Заключение обязательного неокладного страхования

Заключение неокладного страхования является обязательным для обеих сторон: ни страхователь не может уклониться от заключения страхования, ни Госстрах – отказаться от принятия имущества на страх.

До издания Положения о Госстрахе СССР действовал следующий порядок заключения обязательного страхования.

При страховании государственных имуществ на обязанности арендатора или владеющего государственным имуществом на другом основании лежала обязанность подать местному органу Госстраха в трехдневный срок со дня поступления в их пользование имущества объявление о застраховании этого имущества и внести аванс в счет премии, причем имущество считалось застрахованным со времени поступления аванса¹. На обязанности госучреждений-сдатчиков лежала также обязанность в трехдневный срок по заключении или возобновлении договоров на сдачу в аренду находящихся в их ведении имуществ сообщать об этом местным органам Госстраха².

Страхование заключалось на годичный срок, а при сроках аренды меньше года – на срок действия арендного договора. Страхование заключалось на имя местного государственного органа, в ведении которого находилось сданное в аренду государственное имущество, или, при согласии сдатчика, на имя арендатора, но в интересах государственных органов, ведающих сданным в аренду имуществом³.

При страховании коммунальных имуществ арендатор был обязан подать местному органу Госстраха надлежащее объявление о застраховании имущества и уплатить премию⁴. До уплаты премии имущество не считалось

¹ Инстр. по страх. гос. имуществ, § 2.

² Инстр. по страх. гос. имуществ, § 3.

³ Инстр. по страх. гос. имуществ, § 1, 4.

⁴ Инстр. по страх. коммунальн. имуществ, § 5.

застрахованным¹. Имущество страховалось на весь срок аренды, причем страхование заключалось на имя местного органа коммунального хозяйства².

Такой порядок применялся при обязательном неокладном страховании для тех случаев, когда страхователь добровольно шел на оформление обязательного неокладного страхования. В тех же случаях, когда страхователь не желал оформить своих отношений с Госстрахом или, оформив, не уплачивал премии, применялся иной порядок.

Циркуляром НКЮ РСФСР от 8 августа 1924 г., № 120³, было разъяснено, что так как: 1) обязанность нанимателей и других лиц страховать государственные (в том числе и коммунальные) имущества и, стало быть, платить Госстраху установленную тарифами страховую премию лежит на них в силу закона (ст. 164 ГК), хотя бы это условие и не было включено в договор аренды, застройки и др.; 2) ко взысканиям, основанным на таких договорах, применяется п. «б» ст. 210 Гр.-Пр. Код., — то по взысканиям обязательных для арендатора госпредприятий, по 164 ст. ГК, страховых платежей, по требованию органов Госстраха, должен выдаваться судебный приказ.

Циркуляром Госстраха № 759/2, изданным в развитие циркуляра НКЮ № 120, 1924 г., было признано, что в тех случаях, когда имущество, подлежащее неокладному страхованию, не застраховано лицом, обязанным страховать его (т. е. не подано объявление о застраховании, не сделан первый взнос премии), надлежит: а) получить от органа-сдатчика справку о сдаче имущества данному лицу в аренду; б) произвести опись (оценку и иные акты, коими оформляется прием имущества на страх), причем в случае неявки обязанных к страхованию лиц выполнить все эти действия в отсутствие их и составить страховые документы; в) закончив это оформление страхования, заполнить текст страховой квитанции, означив срок страхования в 12 месяцев, за исключением случаев, когда срок аренды будет меньше, в каких случаях выписывать соответственно меньшие сроки; г) подать исковое заявление в суд, содержащее в себе требование о взыскании всей причитающейся по квитанции премии; по получении судебного приказа таковой передать судебному исполнителю для взыскания. Имущество считается застрахованным со дня подачи искового заявления в Народный Суд, и посему Госстрах будет нести ответственность за пожар с этого дня. Если же взыскание ко дню выдачи страхового вознаграждения закончено не будет, то причитающуюся по судебному приказу сумму следует удержать из страхового вознагражде-

¹ Инстр. по страх. коммунальн. имуществ, § 5; см., однако, ниже цирк. Госстраха № 759.

² Инстр. § 4, 5.

³ «Ежен. Сов. Юстиции», 1924 г., № 32.

ния и засим сообщить о том судебному исполнителю с просьбой о прекращении взыскания¹.

Положение о Госстрахе Союза ССР внесло значительные изменения в порядок заключения обязательного неокладного страхования. Положение о Госстрахе установило, что обязательное неокладное страхование должно совершаться в форме договора, к заключению которого стороны обязываются силой закона².

Условия, которым должны удовлетворять эти договоры, порядок их заключения и последствия, которые наступают в случае их незаключения или несвоевременного заключения, должны определяться правилами обязательного неокладного страхования, которые будут изданы³.

Ответственность Госстраха по обязательному неокладному страхованию наступает с момента заключения страхового договора⁴.

Государственные органы, заключающие сделки о передаче своего имущества в аренду и т. п., должны в двухнедельный срок со дня заключения таких сделок уведомлять об этом Госстрах⁵.

Но если лица, к тому обязанные, от заключения договора уклонятся, то Госстрах обязан предъявить иск *о признании* за ним прав, вытекающих из такого договора.

После признания за ним этих прав и соответствующих обязанностей Госстрах приступает ко взысканию со страхователя причитающейся с него страховой премии в бесспорном судебном порядке, причем ответственность Госстраха в этом случае начинается с момента получения судебного приказа о взыскании страховой премии⁶.

Главные отличия нового порядка, установленного Положением о Госстрахе, от порядка, ранее действовавшего, заключается в том, что при старом порядке в случае отказа страхователя добровольно заключить договор страхования заключалось подачей заявления о выдаче судебного приказа о взы-

¹ На Украине до последнего времени взыскание страховых премий по неокладному страхованию производилось в бесспорном административном порядке, как налогов и сборов. М. М а т- в и е в с ь к и й, «Порядок стягивания страховых премий по обовязковому необкладному страхованию». «Вестн. Сов. Юст.», 1925 г., № 17. См. также разъяснение НКЮ УССР от 25/IV-1925 г., № 4331/9586.

² Пол. о Госстрахе, ст. 12. О юридической природе этого «договора» см. гл. VI, § 2.

³ До издания новых правил сохраняется в силе старый порядок заключения неокладного страхования, пост. ЦИК и СНК СССР от 18 сентября 1925 г., о введении в действие Пол. о Госстрахе, ст. 2.

⁴ Пол. о Госстрахе, ст. 12.

⁵ Там же, прим. 2 к ст. 13.

⁶ Пол. о Госстрахе, ст. 15. В своем месте мы уже отмечали несоответствие судебного порядка, применяемого Пол. о Госстрахе, юридической природе неокладного страхования как публично-правового института.

скании премии, причем имущество считалось застрахованным со дня подачи заявления в Народный Суд. Положение же о Госстрахе Союза ССР разделило судебную процедуру на две стадии. Во-первых, Госстрах должен обратиться в суд с иском о признании за ним всех прав, вытекающих из заключения такого договора. Во-вторых, после признания судом за Госстрахом указанных прав и обязанностей Госстрах должен просить суд о выдаче ему судебного приказа на взыскание страховой премии.

Обратимся сначала к первой стадии этой судебной процедуры.

Теория гражданского процесса знает три категории исков: 1) о присуждении, или исполнительные, 2) о признании, или установительные и 3) преобразовательные¹.

Основной категорией исков является первая. В подавляющей массе случаев иски направляются на принудительное осуществление гражданских прав (иск о возврате вещи, о выселении, о взыскании известной суммы денег и т. д.).

Вторая категория исков – иски о признании – имеют в виду только предварительное удостоверение судом правоотношений в ту пору, когда нарушение права еще не последовало, но есть уже опасность потерпеть нарушение. Как говорит проф. В. М. Г о р д о н , в таком случае важно, чтобы суд подтвердил существование или несуществование данного правоотношения и притом с такой силой, чтобы дальнейшие судебные споры об этом были недопустимы, чтобы в случае возникновения права на иск о присуждении к исполнению обуславливающее его существование правоотношение являлось предрешенным².

В свою очередь, иски о признании делятся на два вида – положительные и отрицательные. Первые направлены на подтверждение судом наличия данного правоотношения; вторые – на признание отсутствия правоотношения. К числу исков о признании относятся, например, иски о признании отцовства или материнства, иски о признании обязательства недействительным как заключенного по принуждению, хотя бы с должника денег по обязательству и не требовалось, и т. п.³

Таким образом, сущность иска о признании заключается в том, что суд подтверждает наличие или отсутствие известного правоотношения, и притом правоотношения уже существующего⁴, не предоставляя одновременно с этим истцу права на исполнение.

¹ В а с ь к о в с к и й, «Учебн. гражд. прцесса», 1917 г., стр. 156.

² В. М. Г о р д о н, «Иски о признании», 1906 г., стр. 3.

³ «Проект Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР», ст. 22; Б у г а е в с к и й, «Гражданский процесс в его движении», 1924 г., стр. 61.

⁴ Проф. В. М. Г о р д о н , там же, стр. 65.

Третья категория исков – иски преобразовательные – направлена на создание, изменение или прекращение правоотношений (например, расторжение брака в судебном порядке). Эти иски могут создать новое правоотношение, изменить или прекратить существование правоотношения.

К какой же категории исков относится тот иск, который Положение о Госстрахе называет иском о признании?

Из квалификации, применяемой Положением о Госстрахе следует, что в рассматриваемом случае как будто имеет место иск о признании в смысле вышеизложенном. Мы считаем эту квалификацию неправильной и полагаем, что в данном случае имеет место не иск о признании, а иск о присуждении. Предъявляя иск о признании за собой всех прав, вытекающих из заключения договора обязательного неокладного страхования (а не о заключении договора), Госстрах в действительности просит суд не подтвердить наличие страхового правоотношения, существующего между ним и страхователем в ту пору, когда нарушения права еще не последовало, а понудить страхователя, уже нарушившего принадлежащее Госстраху в силу закона (Положения о Госстрахе, соответствующих правил страхования) право, – к выполнению возложенных на страхователя законом обязанностей.

Нет основания видеть в данном случае и иск «преобразовательный». Преобразовательный иск может быть направлен на создание нового правоотношения, ранее не существовавшего. Госстрах же, предъявляя иск, действует в силу права, предоставленного ему законом, уже существующего и нарушенного.

Положение о Госстрахе, именуя рассматриваемый иск иском о признании, не наделяет его исполнительной силой, предоставляя Госстраху для получения страховой премии право прибегать к особому взысканию в порядке судебного приказа. Такой порядок нам кажется совершенно лишней процедурой. Предъявляя иск о присуждении страхователя к выполнению возложенных на него Положением и правилами обязанностей, Госстрах тем самым ведь может просить суд обязать страхователя уплатить премию. К чему же новый иск?

Вместе с тем, необходимо отметить, что здесь Положение о Госстрахе Союза ССР оказывается вообще несогласованным с ГК союзных республик, не знающими случаев взысканий страховых премий по неокладному страхованию в порядке ст. 210 Гр. Пр. Код.¹

¹ Не известен Гр. Пр. Код. союзных республик и порядок исполнения судебного решения, установленный § 894 германского гражд. процесс. устава, в силу которого, если должник присужден к выражению волеизъявления, то это волеизъявление считается выраженным со времени вступления в силу судебного решения. См. Рынцунский, «Исполнение судебных решений», 1925 г., гл. VIII–X.

В циркуляре № 120 («Ежен. Сов. Юст.», 1924 г., № 32) НКЮ, как мы уже видели, разъяснил: 1) что наниматели национализированных или муниципализированных строений или предприятий обязаны совершать договоры аренды, застройки и т. п. в нотариальном порядке, 2) что ко взысканию по таким договорам применяется п. «б» ст. 210 Гр. Пр. Код., а потому и страховые платежи, по требованию Госстраха, должны взыскиваться в порядке судебных приказов.

Такую мотивировку, по правильному замечанию М а т в і е в с ь к о г о¹, надо признать искусственной. В ст. 210 п. «б» Гр. Пр. Код. действительно устанавливается порядок выдачи судебных приказов по актам, для которых установлен обязательный порядок их совершения или засвидетельствования нотариусом, но при условии соблюдения этого порядка. В рассматриваемом же случае обязанность страхователя основывается не на статьях 153 и 164 Гр. Пр. Код., а на статьях 137, п. 5 и 379 Гр. Пр. Код., предусматривающих для договоров страхования письменную форму, но не нотариальную.

Кроме того, не надо забывать, что Положение о Госстрахе подчинило действию обязательного неокладного страхования также имущества, служащие обеспечением ссуд, выданных государственными и коммунальными кредитными учреждениями, а равно и товары, поступающие на хранение в товарные склады, если под эти товары выданы варрантные свидетельства. Но ведь и в этих случаях закон никакой нотариальной формы для подобных сделок не требует

Наконец, надо обратить внимание еще на одно обстоятельство.

Положение о Госстрахе началом ответственности Госстраха по неокладному страхованию выставляет два момента: или 1) момент заключения страхового договора (ст. 12), или 2) момент получения судебного приказа о взыскании страховой премии (ст. 15).

Если страхователь, однако, страховой премии не вносит, и безуспешность взыскания будет удостоверена судебным исполнителем, а равно не вносит в течение двухнедельного срока² страховой премии по требованию Госстраха, и тот госорган, в ведении которого находится имущество, подлежащее неокладному страхованию, то договор страхования считается утратившим силу, и ответственность Госстраха по нему прекращается (ст. 16).

Возникает вопрос, надо ли относить действие ст. 16 только к договору, заключенному сторонами добровольно (хотя и в порядке принуждения

¹ «Порядок стягивания страховых премий по обязательному неокладному страхованию», — «Вестник Сов. Юстиции», 1925 г., № 17. См. также разъяснение НКЮ УССР от 25/IV-25 г. № 4331/9586 («Вестн. Сов. Юст.» 1926 г., № 8–9, стр. 332).

² Двухнедельный срок течет, по-видимому, со времени предъявления Госстрахом соответствующего требования госоргану.

со стороны закона), или к тому страховому отношению, по которому ответственность Госстраха начинается с момента получения судебного приказа. Мы склонны думать, что нет никаких оснований ограничивать применение ст. 16 пределами договора, заключенного сторонами добровольно. В противном случае ответственность Госстраха может быть при «судебном порядке» более тяжелой, чем при «договорном», к чему, казалось бы, нет никаких оснований.

Ввиду того, что при неуплате страховой премии ответственность Госстраха по обязательному неокладному страхованию может прекратиться только по истечении отмеченного двухнедельного срока, может создаться такое положение вещей, когда Госстрах в течение довольно продолжительного срока (от момента заключения договора или получения судебного приказа до удостоверенной судебным исполнителем безуспешности взыскания и истечения указанного двухнедельного срока) будет нести ответственность, хотя бы страхователь не уплатил совершенно премии. В этом также проявляется публично-правовая природа неокладного страхования, о которой мы говорили раньше¹.

* * *

Кроме указанных обычных форм заключения обязательного неокладного страхования, практика Госстраха допускает возможность заключения еще так называемых предварительных страхований государственных и коммунальных имуществ. Предварительное страхование может быть заключено и без предварительной оценки по данным госорганов или коммунальных отделов. Затем, по составлении детальной оценки и страховых документов, заключенное предварительное страхование уничтожается и заменяется новым по составленным документам².

¹ Глава VI, § 2.

² Р о з е н о в, «Страховой справочник», стр. 29.

§ 3. Заключение обязательного окладного страхования

Подлежащие обязательному окладному страхованию имущества считаются застрахованными силой самого закона без заключения о том какого-либо договора с Госстрахом и независимо от времени поступления страховой премии и даже вообще от поступления премии¹.

Районы действия окладного страхования, размер окладных страховых взносов, а также сроки страхования определяются помимо воли страхователя. Неуплаченная в срок страховая премия перечисляется в недоимку и взыскивается в бесспорном административном порядке, согласно Положению о взимании налогов, с начислением в течение первого месяца просрочки пени в размере 5%, при просрочке не более 2-х месяцев – 10%, не более 3-х месяцев – 15% и свыше 3-х месяцев – 20%².

<...>

[Последующие главы (глава IX. – Страхование от огня; глава X. – Страхование животных; глава XI. – Страхование посевов от градобитий; глава XII. – Транспортное страхование; глава XIII. – Гарантийное страхование; глава XIV. – Личное страхование) не приводятся, т. к. изложенный в них материал основывается на правовых актах, принятых Госстрахом СССР, впоследствии измененных и в связи с этим утративших в современных условиях какое-либо теоретическое и практическое значение.]

Печатается по: В. И. Серебровский. Очерки советского страхового права. – М.; Л., Госиздат., 1926.

¹ Пол. о Госстрахе, ст. 8.

² Постановление СТО от 2 октября 1925 г. об обязательном сельском страховании, ст. 7 в новой ред. от 10 февраля 1926 г. (С. 3. 1926 г., № 13, ст. 96). Ст. 79 Угол. Код. РСФСР в новой ред. от 5/IV-26 г. налагает уголовные взыскания за неплатеж страховых взносов («Известия», 1926 г., № 83).

ШМУЦ

СТРАХОВАНИЕ

ГЛАВА I

ЗНАЧЕНИЕ И ПОНЯТИЕ СТРАХОВАНИЯ

Литература

Степанов, Опыт теории страхового договора; 1875. Брандт, О страхов. от огня договоре (Журн. гражд. и угол. права, 1875, № 3, 4); Ноткин, Страхование имущества по русскому законодательству; 188. Лион, Договор страхования по русскому праву; 1892. Никольский – Основные вопросы страхования; 1895. Идельсон, О страховом договоре (Записки Харьк. Унив. 1903 г. № 1–4). Шершеневич, Курс торгового права, II, § 105, 106, 112–113; 1908. Синайский, Русское гражданское право, II, § 59; 1918. Гойхбарг, Единое понятие страхового договора, «Право», 1914 г., № 10. Серебровский, Страховой риск; Сб. памяти проф. В. М. Гордона; 1927. Ehrenberg, Versicherungsrecht, § 1, 6, 8; 1893. Ehrenberg, Versicherungslexicon Manes'a, s. 1377, flg.; 1924. Cosack, Lehrb. d. Handelsrechts, § 181; 1923, Müller-Erzbach, Deutsches Handelsrecht, s. 656 flg.; 1924. Wolf, Holzendorff's Encyklopedie d. Rechtswissenschaft, II, s. 419; 1914. Hagen, Ehrenberg's Handbuch d. gesammten Handelsrechts, VIII, I, § 4 flg.; 1922. Wörner, Die Allgemeine Versicherungslehre, § 3, 4, 18, 1920. Hupka, Zeitsch. f. H. R., B. 66. Gierke, Zeitsch. f. H. R., B. 86. Planiol, Traité, élémentaire de dr. civil. II, p. 720 s.; 1926. Colin et Capitant, Cours de dr. civil, II, p. 660 s.; 1924. Wahl, Précis de dr. Comm., p. 482; 1922. Thaller, Traité de dr. Comm., p. 995; 1925. Hémard, Théorie et pratique des assurances terrestres, I, p. 3 s., II, p. 649 s.; 1924–1925.

§ 1. Значение страхования

В своей деятельности человек повсюду и всегда подвергается различным опасностям, угрожающим ему самому, его близким или его имуществу, Опасностям, непредвидимым по источнику своего возникновения и неравномерным по своим последствиям. Иначе говоря, человек постоянно подвергается тому или иному риску.

С риском, как с какой-то неизвестностью, могущей повлечь за собой хозяйственно-убыточные последствия или, по крайней мере, вызвать потребность в имущественных средствах, человек встречается часто в самых разнообразных сферах своей деятельности.

В одних случаях эта неизвестность имеет своей причиной недостаточное знание сил природы (бури, наводнения, огонь и т. п.). В других она

проистекает от непредусмотренных действий самого человека или других людей, или социальных групп, включая и государство как организованное общежитие людей (нанесение увечий, кражи, восстания, войны, изменения размеров и видов налогов и проч.). Риск может корениться также в недостаточной изученности условий рынка, производственного процесса, того или иного вида торговой деятельности и др. Таким образом, риск является элементом, постоянно входящим в сферу деятельности человека¹.

Поскольку, однако, свойство «неизвестности», присущее риску, не только влечет за собой для человека общее чувство неуверенности, но и находится в естественном противоречии с нормальным ходом его хозяйственной деятельности, нуждающейся в ясности хозяйственной перспективы, постольку возникает п о т р е б н о с т ь в элиминировании или, по крайней мере, в ограничении влияния риска.

Американский автор С. Hardy в своей книге, специально посвященной проблеме риска², дает детально разработанную схему способов элиминирования и ограничения риска. Некоторые из этих способов могут быть осуществлены самим носителем хозяйственной деятельности. Сюда относятся: меры, направленные на предупреждение опасных событий (например, огнестойкое строительство в борьбе с пожарами) или на подавление уже возникших опасностей (организация пожарного дела), применение завоеваний науки, дающих возможность строить хозяйственные расчеты с большей дозой вероятности (например, выводы теории сопротивления материалов при сооружении мостов, зданий и т. п.), комбинирование рисков, т. е. группирование однородных объектов, подверженных одному и тому же риску (применение теории больших чисел), образование резервных фондов и т. д. Элиминирование и ограничение риска может быть достигнуто и другими способами: риск (в своем экономическом значении) может быть перенесен на других

¹ Нельзя не признать правильным замечание проф. М. А. Агаркова, что идея риска проходит через все гражданское право и вытекает из самой его природы, представляющей в значительной степени способ регулирования хозяйства с множеством хозяйствующих субъектов; «Очерки кредитного права», стр. 52; 1926 г. См. также Müller-Erzbach, Arch. f. d. civ. Praxis, 106. Shreuer, Deutsches Privatrecht, § 76; 1921. В большинстве случаев идея риска, лежащая в основании гражданско-правовых отношений, не получает, однако, в положительном праве своего внешнего выражения. Но при достаточном анализе эта идея легко обнаруживается в ряде норм (право собственности, залог, добросовестное владение, различные договоры, отношения семейного и наследственного права, институт бумаг на предъявителя и т. д.). В некоторых случаях законодатель оперирует понятием риска открыто; так, ГК говорит о риске случайной гибели проданного имущества (ст. 186), о риске подрядчика (ст. 233).

² С. Hardy, Risk and Risk-Bearing, ch. II, 1923.

лиц, специально берущих на себя нанесение риска (поручительство, гарантия, страхование и друг¹).

Наиболее широко применяемым способом элиминирования риска, входящим в эту последнюю группу, является с т р а х о в а н и е, при котором за известный небольшой взнос лицо, которому угрожает определенный риск, привлекает к несению риска другое лицо (чаще всего специально организованное предприятие), которое принимает на себя ответственность за последствия, проистекающие от наступления предусмотренного события.

В качестве способа элиминирования или ограничения риска страхование приводит к ряду последствий, чрезвычайно важных для отдельного человека и для всего народного хозяйства. Страхование дает возможность частному хозяйству восстановить погибшие или поврежденные материальные ценности (при пожаре, кораблекрушении и т. д.). Страхование может также дать человеку материальное обеспечение в случае утраты им или близким ему лицом способности получать средства к существованию (при временной потере трудоспособности, достижении преклонного возраста, в случае смерти и т. д.), или в случае возникновения для него обязанности какой-либо уплаты (при гражданской ответственности за причиненный вред и др.). Но роль страхования этим не исчерпывается. Элиминируя или ослабляя момент риска, страхование тем самым дает носителю хозяйственной деятельности – человеку – возможность с уверенностью взирать в неизвестное будущее. Таким образом, страхование имеет и моральное значение: оно стимулирует активность человека.

¹ Как замечает Hardy, специализирование в принятии на себя несения риска является одной из наиболее поражающих (striking) фаз в современной дифференциации хозяйственных функций. На первый взгляд принятие на себя чужого риска является чрезвычайно смелым предприятием. Тем не менее, такое предприятие не делается более рискованным, чем многие другие, так как лицо, принявшее на себя чужой риск, обычно гораздо лучше приспособлено к несению риска, нежели то, кого оно от несения риска освободило. Таким преимуществом лицо, принявшее на себя чужой риск, обязано: лучшему знанию общей хозяйственной конъюнктуры или способов предупреждения опасности, или возможности комбинирования большого числа тождественных рисков. По мнению Hardy, рисковое поле, покрываемое страховыми организациями, является даже более узким, нежели поле многих других хозяйственных предприятий, так как для принятия страховой организацией несения риска необходимо соблюдение двух условий: количество независимых рисков должно быть достаточно большим и вероятность наступления предусмотренных событий должна быть известна достаточно точно; стр. 56, 59. Это мнение нельзя целиком считать правильным. Необходимо заметить, что по отношению к новым видам страховых операций соблюдение требуемых условий не всегда может применяться, но тем не менее производимые операции, несомненно, остаются в сфере страхования, а не спекулятивной деятельности; в противном случае пришлось бы исключить из круга страховых сделок страхование от краж, гражданской ответственности, кредита, военных рисков, от неурожая и т. д. Таким образом, риск, принимаемый на себя страховым предприятием, может временами и превышать размер риска, падающий на другие промышленные или торговые предприятия.

Уменьшая или уничтожая риск для отдельных людей и их хозяйств, страхование оказывает немаловажное влияние и на преуспевание народного хозяйства в целом. Нельзя не отметить также, что собранные страховыми организациями средства не лежат у них мертвым капиталом, а помещаются в банки на текущие счета, в процентные бумаги, на выдачу ссуд под строения (через коммунальные банки) и т. д. Этим путем страхование принимает значительное участие и в кредитном обороте государства¹.

Настоящая работа имеет целью дать страхованию в самой сжатой форме теоретическое освещение с юридической точки зрения. Однако рассмотрению подлежат не все виды страхования. Страхование «социальное» (обязательное страхование лиц наемного труда)² в эту работу не включается. Таким образом, предметом изучения является та сфера страхования, которой на Западе обычно присваивается наименование «частного» страхования (Privatversicherung)³.

Литературные указания имеют в виду, по преимуществу, главные страховые курсы и общие курсы и учебники гражданского и торгового права, содержащие обычно исчерпывающие перечни литературы по отдельным вопросам страхования.

§ 2. Понятие страхования

Представляя собою способ борьбы с угрожающими человеку опасностями самого различного рода (огонь, буря, болезни, смерть, несчастные случаи и т. п.), страхование с трудом поддается точному определению. Приходится отметить, что, несмотря на громадную экономическую и юридическую литературу, посвященную выяснению понятия страхования, до сих пор не удалось достигнуть создания такого определения, которое, с одной стороны, не было бы слишком узким и обнимало бы все виды страхования, а, с

¹ Подробно рассматривает роль страхования с моральной, экономической и социальной точки зрения Némard, II, стр. 649 след.; см. также Wörner, § 18, 20.

² Кодекс законов о труде, ст. 175–192.

³ Гаген, VIII, 1, стр. 21. По отношению к советскому страховому праву термин «частное страхование», разумеется, не применим. Если страхование лиц наемного труда, регулируемое Кодексом законов о труде, получило в законе наименование «социального», то, безусловно, в такой же мере заслуживает подобного наименования и государственное страхование имуществ и лиц, проводимое в интересах широких масс населения с установлением для неимущих слоев ряда разнообразных льгот, выражающихся в полном освобождении от страховых платежей, в льготных тарифах, в ассигнованиях на меры превенции и репрессии и проч. Тем не менее и тот, и другой вид страхования столь различны во многих отношениях, что делают необходимым их обособленное изучение.

другой стороны, не было бы слишком широким и не захватывало бы в свою сферу явлений посторонних¹.

1. Обратимся сначала к определениям экономистов².

Оставляя в стороне не имевшие большого количества сторонников теории «игры» (Германа) и «сбережения» (Гюльзе), мы должны остановить свое внимание на определении страхования, выработанном Адольфом Вагнером (теория распределения вреда). Для Вагнера страхование есть такое хозяйственное учреждение, которое устраняет или, по крайней мере, уменьшает, вредные последствия отдельных непредвиденных событий для имущества отдельного лица таким способом, что оно распределяет их на ряд случаев, которым угрожает одинаковая опасность, еще в действительности не наступившая. Несомненный дефект этого определения, имевшего достаточное количество единомышленников (Шефле, Лейкфельд и др.), состоит, во-первых, в том, что оно включает в себя и т.н. самострахование (о котором ниже) и в то же время, как мы увидим дальше, не обнимает собою тех случаев, когда заключенное страхование вообще не преследует цели возмещения вреда (многие случаи личного страхования).

Кроста понимает страхование как соединение рисков в целях их возмездного выравнивания. Определение Кроста является слишком общим и, кроме того, также включает в себя и самострахование.

Бремер понимает страхование как принятие на себя страховщиком обязанности уплатить за известное вознаграждение (премию) страхователю или выгодоприобретателю некоторую сумму денег в случае наступления известного, не зависящего от воли заинтересованного лица события. Это определение является чересчур широким, т. к. под него может быть подведено любое обязательственное правоотношение, исполнение которого находится в зависимости от наступления какого-либо условия.

Для Шофтона страхование есть возмещение действия случая через взаимность, организованную по законам статистики. Но, с одной стороны, есть ряд новых отраслей страхования, не опирающихся на статистические данные (страхование кредита, авиационных рисков и др.), с другой стороны, совре-

¹ В своем капитальном труде, посвященном страхованию, Némard критерием классификации, имеющихся в теории определений страхования, берет тот основной угол зрения, под которым, по его мнению, отдельные авторы рассматривали страхование (с экономической, юридической и технической точки зрения); там же, I, стр. 23. Нам кажется более правильной общепринятая классификация (с экономической и с юридической точки зрения); ведь несомненно, например, что т. н. «теория планомерно организованного предприятия» (Виванте) не является только «технической» теорией, а должна быть включена в группу экономических или юридических теорий.

² По условиям работы здесь могут быть приведены только главнейшие экономические определения страхования.

менная теория статистики не устанавливает законов статистики, а ставит своей задачей только установление статистических правильностей¹.

Особо должно быть отмечено определение страхования итальянского экономиста Гобби (теория эвентуальной потребности). В основание своей теории Гобби кладет понятие потребности. Потребность, говорит Гобби, не покрывается возможностью прямого имущественного вреда. Потребность рождается также при уменьшении имущества не только как капитала, но и как возможного дохода, имущества не только уже существующего, но и еще могущего образоваться. Устранение несоответствия между потребностями и средствами их удовлетворения и является задачей страхования². Выдвигая понятие эвентуальной потребности, понятие более широкое, нежели понятие вреда, Гобби избегает таким путем тех затруднений, которые возникают для приверженцев теории вреда (Вагнер и др.) в отношении личного страхования. Опирируя с понятием эвентуальной потребности, Гобби не оставляет без внимания и техническую сторону страхования, подчеркивая ту роль, которую играет для страхования начало взаимности. Но фундаментальной идеей Гобби является та мысль, что страхование имеет целью покрытие эвентуальной потребности: страхование является распределением между множеством лиц будущей, неизвестной и случайной потребности.

Теория Гобби приобрела большое количество сторонников, как среди экономистов, так и юристов. Среди них на первом месте надо поставить Манеса, давшего общеизвестное определение страхования: страхованием является основанная на началах взаимности, хозяйственная операция, имеющая целью покрытие случайно возникающих, подлежащих оценке имущественных потребностей. Взаимность, о которой говорит Манес, не должна быть смешиваема с взаимностью, характерной для обществ взаимного страхования; эта взаимность означает только, что множество хозяйств объединены таким образом в одно целое, что они, зная об этом или не зная, помогают друг другу; отдельное хозяйство может даже и не подозревать, что оно оказывает эту помощь; учреждение же, имеющее целью покрытие потребностей отдельного лица, может быть организовано на самых разнообразных началах (государством, предпринимателем, на принципах взаимного участия страхователей). Что касается эвентуальных потребностей в средствах, которые должны быть покрыты страхованием, то таковые могут представлять собой непосредственный ущерб (гибель вещи), или утрату дохода (потря трудоспособности в силу несчастного случая), или утрату возможности получать средства к существованию (глубокая старость), или обязанность какой-нибудь уплаты (обязанность возмещения убытков). Потребность

¹ Воблый, Основы экономии страхования, стр. 22, 1915.

² Gobbi. L'assicurazione in generale, 34, 1898.

должна быть случайной (как правило, она не должна вызываться преднамеренно). Требование оценимости потребностей означает, что каждая потребность должна строиться на данных статистики. Общность предоставлений всех страхователей и общность предоставлений страхового предприятия в отношении всех страхователей должна находиться в известном равновесии, но это не означает, что подобное равновесие должно непременно иметь место в каждом отдельном случае. Напротив, именно неравенство между предоставлением отдельного страхователя и контрпредставлением страхового предприятия и образует наиболее характерный признак страхования¹.

2. Столь же большое разнообразие представляют и попытки юристов дать определение страхования. Спорным представляется, можно ли считать страхование лица подлинным страхованием и можно ли вообще говорить об едином понятии страхования. Спорными представляются также те признаки, которые надо считать характерными для страхования (цель страхования, рисковый характер страхования, заключение его с планомерно организованным предприятием и др.).

Долгое время господствовала теория, видевшая цель страхования в возмещении возможного вреда². Согласно этой теории, вред является результатом всякого факта, влекущего за собой уменьшение имущества или препятствующего его увеличению. Вред может представлять собою непосредственную имущественную потерю или потерю косвенную. Задача страхования заключается в том, чтобы этот вред возместить или, по крайней мере, уменьшить его размер.

Теория возмещения вреда, несомненно, полностью соответствовала целям страхования имущества: страхование имущества ставит своей основной целью возмещение вреда, понесенного от предусмотренного страхованием события. Теория возмещения вреда не находилась в противоречии и с некоторыми видами личного страхования (страхование от болезни, от несчастных случаев и др.). Но для многих случаев личного страхования эта теория оказывалась все же совершенно неприемлемой. О каких убытках может идти речь, например, при страховании сыном на случай смерти нетрудоспособного отца, находившегося у сына на иждивении, или при страховании на случай смерти в пользу друга, никогда не получавшего от страхователя какой-

¹ *Versicherungswörterbuch*, s. 1348 flg. Конструкция Манеса была принята Лексисом, Мольденгауером, Маршнером, Вернером, Гагеном и др.

² Эта теория нашла свое отражение и в некоторых законодательствах (Прусс. Земск. Уложение, § 1934, 1968; торг. код. Чили, § 512; торг. код. Аргентины, § 492).

либо материальной поддержки? Таким образом, для многих случаев страхования жизни момент вреда или убытков будет совершенно не характерен¹.

Несмотря на эти соображения, ряд авторов все же считали возможным объединить страхование имущества и лица под действием теории возмещения вреда. Эти авторы (Левис, Гольдшмит, ранее Эренеберг и др.) учили, что страхование лица, в сущности, также имеет целью возмещение убытков, как и страхование имущества. Между этими видами страхования есть, конечно, некоторая разница, но не столь принципиально значительная. Страхование имущества преследует, главным образом, цель возмещения прямых убытков. Страхование лица имеет в виду, по преимуществу, возмещение косвенного вреда, вызванного предусмотренным в страховании событием; этот вред может состоять или в той потере, которую причиняет смерть застрахованного лица оставшимся в живых, если оно оказывало им материальную помощь, или в невозможности ввиду полного или частичного лишения трудоспособности ранее нормального срока сделать предполагаемые сбережения, или в издержках, сделавшихся необходимыми по причине возникновения новых потребностей. Некоторые из этих авторов учили, кроме того, что человек, так же как и материальные объекты, имеет определенную экономическую ценность, представляющую известный капитал, и что за всем тем он именно и является источником всех богатств; трудность же в оценке каждого индивида не должна служить препятствием к допущению этой возможности; и что не только смерть, влекущая прекращение человеческой активности, дает право на страховое возмещение, но и тот вред, который делает живого человека нетрудоспособным, должен быть возмещен для восстановления утерянных жизненных сил².

В последнее время учение, объединяющее страхование имущества и страхование лица под действием теории возмещения вреда, получило поддержку у М. Вольфа, утверждающего, что страхование во всех своих проявлениях имеет целью возмещение вреда. Отличие страхования имущества от страхования лица заключается только в том, что при страховании имущества возмещается индивидуальный, конкретный вред, при страховании же лица возмещается вред средний, типичный (как при уплате неустойки)³. Но и эта попытка Вольфа заменить понятие индивидуального вреда понятием вреда среднего, типичного не разрешает проблемы. Страхование лица, несомнен-

¹ Шершеневич говорит: страхование имущества строится всегда на наличности убытков, страхование лица – только на возможности их; Курс торгового права, II, стр. 443.

² См. авт. указ. у Эмара, I, стр. 45.

³ M. Wolf, стр. 419; см. также Гергард, в комментарии к герм. страх. закону Манеса, стр. 9; 1908; Sumien, Traité théorique et pratique des assurances terrestres et de la réassurance, p. 8; 1923.

но, может иметь место при полном отсутствии для страхователя или выгодоприобретателя какого-либо вреда.

3. Другие авторы (Тель, Лабанд, Гебаер, Алозе, Пляниоль, Шершеневич и др.), видя, что страхование лица в ряде случаев не может быть уложено в рамки теории возмещения вреда, не признавали страхования лица за подлинное страхование, считая подлинным страхованием только страхование имущества. В дальнейшем, однако, мнения этих авторов в отношении природы страхования лица разошлись. Одни из них видели в страховании лица род займа, другие – товарищества, третьи – сбережения, четвертые – договор *sui generis* и т. д.

Как в юридической литературе уже отмечалось¹, появление приведенных теорий было вызвано историческими причинами. Страхование лица появилось значительно позже страхования имущества. В известные периоды времени ввиду различных злоупотреблений со стороны страхователей, заинтересованных в ускорении наступления смерти застрахованных в их пользу лиц, некоторыми законодательствами оно даже запрещалось². Еще Порталис считал подобный запрет существующим даже при действии французского ГК: этот род договоров казался ему «противным идеям здоровой морали»³. Вполне естественно, что, когда страхование лица стало все более и более развиваться, некоторые юристы стали пытаться включить это явление в уже известные им правовые формы (займа, товарищества и проч.). Другие же юристы пытались наделить новый вид страхования характерными признаками, присущими ранее сложившимся видам имущественного страхования (страхованию морскому и от огня), и поэтому считали его разновидностью страхования убытков, что, как мы выше видели, не соответствует действительности.

4. Недостаточность этих определений заставила страховую теорию изменить метод исследования. Вместо априорного подведения страхования лица под уже сложившиеся правовые формы страховая теория обратилась к выяснению того признака или тех признаков, которые являются характерными для всех видов страхования. Но и здесь среди исследователей не обнаружилось единогласия.

¹ Hupka, Zeitschr. f. HR., 66 Гойхбарг, Единое понятие страхового договора, «Право», 1914 г., № 10, стр. 761; Эмар, там же, I, стр. 49.

² Ordonnance 1570 Philippe II; Guidon de la mer (1589); Ordonnance de la marine (1681) разрешал страхование только негров. В 1777 г. Потье писал, что жизнь свободного человека не поддается оценке – *liberum corpus aestimationem non recipit* – и потому не может быть предметом страхования; эти соображения, по его мнению, неприменимы к рабам, т.к. негры являются предметом торгового оборота и подлежат оценке; *Traité du contrat d'assurance*, № 27–28.

³ Planiol, II, p. 728.

Одни (Эндеман, Каруп), разочаровавшись в возможности объединить страхование имущества и страхование лица под сенью теории возмещения вреда, приходили к выводу, что всякое страхование, в том числе и страхование имущества, представляет собою простое обещание страховщикам уплаты денег в случае наступления известного события взамен получаемой страховщиком от страхователя премии¹.

Другие (Киш), усматривали характерный признак страхования в моменте для страхования действительно характерном – принятии на себя страховщиком риска (*Gefahrübernahme*)².

Третьи (Гупка, Леман) пытались найти общий для всех видов страхования признак в той основной цели, которую преследует каждый страхователь. Страхование, по мнению указанных авторов, имеет целью общее обеспечение возможной потребности (*Zweck der sicheren Deckung eines künftigen Bedarfs*)³.

Четвертые (Виванте) видели характерный признак страхования в совершении страховых операций планомерно организованным страховым предприятием⁴.

Пятые (Козак, Вольф) усматривали характерный признак в соразмерности уплачиваемой страхователем премии вероятности наступления предусмотренного страхованием события⁵.

На основе комбинирования учений Гобби, Виванте и Гупки в русской литературе А. Г. Гойхбарг приходил к установлению понятия страхования как договора, по коему одна сторона (страхователь) в целях удовлетворения будущей нужды получает на случай наступления известного события или момента времени за вознаграждение, исчисляемое соразмерно вероятности их наступления (страховую премию) от другой стороны, планомерно организованного предприятия (страховщика) обещание совершить действие, исполнение и объем которого зависят от неопределившихся обстоятельств,

¹ Ср. определение страхования Бремера на стр. 434.

² Kisch, Handbuch d. Privatversicherungsrechts, II, s. 87.

³ Hupka, s. 558. Lehman, Lehrb. d. Hand. R., s. 968; 1908. Здесь мы придерживаемся терминологии более близкой к подлиннику, нежели в наших «Очерках советского страхового права», стр. 59 сл.

⁴ Vivante, Traité de dr. commercial, IV, стр. 450 сл. (франц. пер.). Его же, Il contratto di assicurazione, 1885–1890; Una nuova teoria dei contratti d'assicurazione; 1891. Этот взгляд Виванте отразился и на проекте итальянского торгового кодекса – «договором страхования страховщик обязуется за премию взять на себя риск; постановления настоящего отдела применяются постольку, поскольку страховщик занимается своим делом в форме предприятия», § 567; пер. под ред. проф. В. М. Гордона.

⁵ Cosack, § 181. Wolf, s. 420; Вольф, впрочем, замечает, что если вычисление окажется неверным, то это не имеет значения (напр., при неправильных таблицах смертности).

касающихся имущества или личности самого страхователя или третьего лица¹.

5. В числе последних по времени попыток дать единое понятие страхования надо отметить определения Ю. Гирке, Сюмиена и Эмара. Гирке определяет страховой договор в его типичной форме как самостоятельный договор, в силу которого одна сторона, действующая известным планомерным образом, принимает на себя перед другой стороной за вознаграждение обязательство к выполнению действия, состоящего в известном имущественном предоставлении на случай наступления неизвестного, хозяйственно-вредоносного события; имущественное предоставление состоит в возмещении вреда, а при страховании лица может быть заключено соглашение и о предоставлении другого рода².

Сюмиен определяет страхование как договор, в силу которого одно лицо – страховщик – группирует на началах взаимности других лиц, именуемых страхователями, для того, чтобы дать им возможность взаимно возместить тот эвентуальный вред, которому они подвергаются в случае реализации известных рисков, за уплату каждым из страхователей известной суммы, именуемой премией, которую страховщик обращает в общую массу за вычетом издержек, предусмотренных уставом³.

Эмар, комбинируя моменты не только экономические и юридические, но и технические, дает следующее определение страхования: страхование является операцией, в силу которой одна сторона – страхователь – за уплачиваемое им вознаграждение – премию – выговаривает в пользу себя или третьего лица на случай осуществления известного риска предоставления от другой стороны – страховщика, – который, принимая на себя совокупность рисков, уравнивает их согласно законам статистики⁴.

6. Неудачи, постигшие большинство авторов в их стремлениях найти характерные, свойственные всем видам страхования признаки и дать на их основании исчерпывающее определение страхования, охватывающее все виды страхования и не включающее в себя явлений посторонних, вызвали у некоторых исследователей естественное разочарование и охлаждение к попыткам найти общее понятие страхования. Такой видный знаток страхового права, как немецкий ученый Виктор Эренберг, после почти сорокалетней работы пришел к выводу⁵, что нельзя построить общее понятие страхования ни на моменте риска, ни вреда, ни интереса, ни хозяйственной выгоды, ни

¹ А. Г. Гойхбарг, там же, стр. 773.

² Гирке, Zeitschr. f. H.R., 86, s. 161–162.

³ Эмар, там же, I, стр. 73 сл.

⁴ Sumien, там же, стр. 8.

⁵ Ehrenberg в Versicherungslexicon, s. 1377 flg.

имущественной потребности, так как при этих условиях будут исключены важнейшие случаи страхования лица. Остается, по мнению Эренберга, возможность построения только альтернативного определения, исходящего из деления предоставлений страховщика на 2 основных вида: возмещение вреда и уплата определенной суммы (Schaden-und Summenversicherung). Но и при таком решении, указывает Эренберг, определение, установленное для случаев возмещения страховщиком вреда, охватит возмездное поручительство, определение же, предназначенное для случаев уплаты страховщиком известных сумм, включит в себя, кроме страхования лица, еще не только игру, пари и лотерею, но и вообще всякий возмездный договор, в котором предоставление контрагента состоит в деньгах и находится в зависимости от наступления неизвестного обстоятельства. Единственный признак, который может служить критерием для применения к данной сделке норм страхового права, может заключаться, полагает Эренберг, только в совершении этой сделки планомерно организованным предприятием, совершающим подобные сделки в виде промысла¹.

Тогда определение страхования принимает такой вид: самостоятельный договор, в силу которого одна сторона (страховщик) за уплачиваемое ему вознаграждение на случай наступления предусмотренного в договоре события, факт наступления которого или время, или объем предоставления являются неизвестными, обязуется или возместить причиненный этим событием вред, или уплатить указанную в договоре сумму или ренту, — является страховым договором, если эта сторона заключает подобные договоры в виде планомерного осуществляемого промысла. Тем не менее и это определение будет не совсем точным, т.к. оно не включает в себя единичные сделки по морскому страхованию, обнимая собою в то же время и договор лотереи, когда он совершается в виде промысла. Исключено также из этого определения и т.н. страхование à terme fixe (с твердым сроком платежа страховой суммы), при котором начало неизвестности заключается не в предоставлениях страховщика, а страхователя. Но это, по мнению Эренберга, — только положительные исключения. В общем итоге Эренберг находит, что т. к. и его определение не является вполне законченным, то в конце концов — дело вкуса (Geschmackssache) выбрать тот или иной метод при определении понятия страхования.

Обнаружившаяся после стольких тщетных попыток невозможность дать исчерпывающее определение страхования побудила некоторых исследователей вообще отказаться от стремлений к установлению общего понятия страхования. «Попытки дать определение страхованию, — говорит Мюллер-Эрц-

¹ В этом отношении Эренберг, таким образом, принимает учение Виванте.

бах, — оказались бесплодными; как только описание становится всеобъемлющим, оно делается бесцветным и ничего не говорящим»¹.

Единственный правильный выход из создавшегося положения заключается, как нам кажется, в установлении таких характерных признаков страхования, которые позволили бы отличить его от сходных с ним юридических явлений. Означенные характерные признаки могут быть, конечно, положены в основание единого понятия страхования. Но такое понятие, несомненно, окажется, хотя и не объемлющим, но слишком громоздким и сложным. Эти соображения заставляют нас ограничиться только установлением характерных признаков страхования.

§ 3

С ю р и д и ч е с к о й точки зрения страхование характеризуется следующими признаками.

1. Страхование является п р а в о о т н о ш е н и е м. Правоотношение это может основываться на договоре (страховой договор) или на требованиях закона. Для советского страхового права источник возникновения имеет важное значение, так как в зависимости от него все страхование делится по своей юридической природе на два основных вида — страхование добровольное и страхование обязательное (окладное и неокладное)².

Страхование является с а м о с т о я т е л ь н ы м правоотношением. Поэтому не будет страхованием принятие на себя комиссионером т. н. *del sejege*³ — ручательства за исправность своего контрагента, или принятие на себя фрахтовщиком риска за целостность груза, так как в этих и им подобных случаях правоотношение носит характер дополнительного и притом случайного обязательства⁴.

Страхование представляет собою правоотношение д в у с т о р о н н е е⁵. Одна сторона — страхователь — обязывается к уплате известного вознаграждения — страховой премии, другая же сторона — страховщик — принимает на себя риск, т. е. обязанность нести ответственность за те последствия, которые могут произойти для жизни или имущества данного лица от наступления предусмотренного страхованием события.

¹ Мюллер-Эрцбах, стр. 658. Так же — Гаген, VIII, 1, стр. 10.

² Положение о Госстрахе, С.З. 1925 г., № 73, ст. 537, § 5, 10, 13, 17; ГК, ст. 367.

³ ГК, ст. 275-д.

⁴ Положительное изъятие из этого правила в советском праве представляет собою предоставление НКПС и НКПиТ права на взимание особого (страхового) сбора с объявленной ценности багажа и почтовых отправлений; Положение о Госстрахе, прим. 2 к ст. 1. Для германск. права, см. Вольф, там же, стр. 419 и Мюллер-Эрцбах, там же, стр. 661.

⁵ ГК, ст. 397, 389. Положение о Госстрахе, ст. 8, 15, 16.

2. К числу основных признаков страхования мы относим его *р и с к о-в ы й* характер. Признак этот в последнее время подвергся оспариванию со стороны такого видного теоретика страхового права, как Эренберг¹, и поэтому на обосновании нашего мнения надлежит остановиться более подробно.

Эренберг указывает, что некоторые авторы (Колер), исходя из тех соображений, что страховщик принимает на себя обязательство предоставить обеспечение от известной хозяйственной опасности, ввели этот момент в само понятие страхования. Однако, думает Эренберг, при большинстве видов личного страхования вообще не идет речи о том, действительно ли угрожает страхователю или третьему лицу какая-нибудь опасность. И так как договор страхования, несомненно, будет действительным не только в том случае, когда смерть не повлекла ни для кого хозяйственно выгодных последствий, но и тогда, если она даже принесла управомоченному лицу известную хозяйственную выгоду, то, по мнению Эренберга, моменту риска должно быть отказано в признании за ним значения общего признака страхового договора².

Позицию, занятую Эренбергом, мы не можем признать правильной по следующим соображениям. Вступая в страховое отношение, страхователь обеспечивает те потребности, которые могут для него возникнуть впоследствии. Что же вызывает у страхователя стремление к обеспечению своих потребностей? Очевидно, желание избежать риска не получить в нужный момент их удовлетворения. Страхователь знает, что ему всегда угрожает риск остаться без необходимых средств, хотя бы он был во время заключения страхования весьма состоятельным лицом, и вот этого риска он и желает избежать, заключая страхование. Таким образом, и *м е н н о* риск и порождает ту потребность, которая нуждается в обеспечении путем страхования. Несомненно, прав поэтому Эмар, указывающий, что во всяком страховании прежде всего надо обращать внимание на риск, ибо риск является единственным объектом того специального соглашения, которое именуется страхованием³.

Ошибка Эренберга, нам кажется, заключается в том, что Эренберг концентрирует свое внимание не на начальном моменте страхования, а на моменте его реализации. Действительно, может получиться, что, когда страховой случай наступит, то лицо, управомоченное на получение страхового вознаграждения, не только не понесет ущерба, но даже будет иметь несомненную материальную выгоду, но ведь риск есть только возможность или вероятность наступления известного события, могущего вызвать у страхователя или лица управомоченного потребность в средствах. Риск, в принципе, всегда относится к будущему времени и поэтому о наличии риска надлежит

¹ Раньше Эренберг считал признак риска основным для страхования: *Versicherungsrecht*, стр. 4.

² *Versicherungsllexicon*, s. 1377.

³ Эмар, там же, I, стр. 75.

иметь суждение не тогда, когда событие уже осуществилось, а тогда, когда еще только возникают предположения о возможности его осуществления, т. е. при заключении страхования. Если же мы обратимся к начальному моменту страхования, то увидим, что риск, вопреки Эренбергу, безусловно, существует и при тех видах страхования лица, когда лицо управомоченное впоследствии, при наступлении страхового случая, получит только одну хозяйственную выгоду. Так, сын, страхующий нетрудоспособного и находящегося у него на иждивении отца в свою пользу, рискует, что ко времени смерти отца он сам окажется нетрудоспособным или разорится. При принятых на Западе страхованиях приданого и стипендии отец рискует, что он не в состоянии будет выдать своей дочери приданое или оплатить расходы по обучению своего сына в высшем учебном заведении. Поэтому мы полагаем, что момент риска является основным, характерным моментом страхования.

Момент риска в качестве характерного признака страхования может быть рассматриваем и в другой плоскости.

Французское право относит страхование в группу так наз. алеаторных или рискованных договоров (страхование, договор займа под заклад судна или груза, игра и пари, рентный договор¹). Отличительное свойство этих договоров состоит в том, что предоставление, к которому является обязанной сторона, находится в зависимости от наступления неизвестного события. В свое время было высказано мнение, находящее своих сторонников и теперь, что, в сущности говоря, всякому договору свойственно быть алеаторным, так как, в каком из договоров выгода или потеря не находятся в зависимости от неизвестного события, и разве торговля, спекулирующая на повышении и понижении цен на товары, не состоит в массе из алеаторных соглашений². Это мнение, несмотря на свою внешнюю убедительность, надо признать, однако, неправильным. В нем смешиваются в одном понятии те экономические результаты, которые свойственны обычно всякому соглашению, состоящие в получении стороны выгоды или убытка, с теми юридическими эффектами, которые проистекают из такого соглашения.

В своей интересной диссертации, озаглавленной «Значение неизвестного события в договорах», Раймонд Кан указывает, что приведенное мнение пользуется термином «алеаторный», беря его в вульгарном смысле, а не на языке права. С точки же зрения права, не имеет значения ценность предос-

¹ Франц. ГК, § 1104, 1964, герм. Гр. Ул. и швейц. Об. Пр. не выделяют перечисленные договоры в группу «алеаторных договоров». Тем не менее и германские, и швейцарские юристы обычно выделяют алеаторные договоры в особую группу; ср. Schreuer, Deutsches Privatrecht, §102; 1924; Rossel Manuel de droit fédéral des obligations, I, p. 607; 1920; несколько узко – Ennecserus, Kipp, Wolf, Lehrb. d. B. R., I, 2, s. 307; 1927 (Glücks-Verträge). Мы не видим теоретических препятствий к распространению учения об алеаторных договорах и на советское право.

² Topliog, Des contrats aléatoires, № 23, 24; 1845.

тавлений сама по себе, и договор приобретает свойство алеаторности только в том случае, если те самые предоставления, которые оказываются должными в силу соглашения, находятся явно или скрыто в зависимости от неизвестного события¹. Мысль Раймонда Кана вполне ясна. С точки зрения экономической, конечно, каждой из сторон может быть неизвестен тот материальный результат, который она получит от соглашения: принесет ли ей это соглашение прибыль или убыток. Но с точки зрения юридической, в одних случаях те предоставления, которыми обязываются стороны, являются им достоверно известными при заключении соглашения (например, при купле-продаже продавец обязуется передать вещь в собственность, а покупатель – уплатить известную сумму денег), в других же случаях эти предоставления зависят исключительно от того, произойдет ли данное событие или не произойдет (например, при игре, какая из сторон выиграет).

Обращаясь к страхованию, мы можем видеть подобную алеаторность в двух направлениях.

Страхователь, уплачивая страховую премию, не знает наверняка, получит ли он или лицо управомоченное, страховое вознаграждение, а если получит, то при продолжительности взноса премий покроет ли страховое вознаграждение уплаченные им премии.

В свою очередь, страховщик не знает, придется ли ему вообще уплачивать страховое вознаграждение или, по крайней мере, он не знает времени и объема этого вознаграждения. В таком положении страховщик находится как при страховании имущества, пока не наступило предусмотренное страхованием событие (пожар, град и проч.), так и при страховании лица (до момента смерти застрахованного лица, достижения им известного возраста и т. д.).

Сомнения в правильности высказанного здесь суждения о рисковом характере страхования могут вызвать, на первый взгляд, принятые на Западе – страхование *à terme fixe* (с твердым сроком выплаты страхового вознаграждения) и рентное страхование (с немедленной выплатой ренты)².

Страхование *à terme fixe* представляет собою страхование, при котором за уплачиваемую ежегодно премию страхователь выговаривает в пользу себя или своих близких выплату известного капитала в точно определенный срок; платеж премии прекращается с момента смерти страхователя, хотя бы последовавшей до истечения этого срока. Смерть страхователя, таким образом, имеет только то значение, что прекращает уплату премий, выплата же страхового вознаграждения все равно может произойти только в заранее уста-

¹ R. Kahn. La notion de l'aléa dans les contrats; thèse; p. 91, 1924.

² Гирке относит эти операции к числу не страховых договоров, а договоров, к ним только приравниваемых (*gleichzustellende Verträge*); s. 162 flg.

новленный срок. Если бы страхователь дожил до этого срока, он получил бы сам страховую сумму, но так как он умер, то эту сумму получают лица, им указанные. Возражения, которые обычно делаются против включения этой операции в группу страховых сделок, заключаются в том, что здесь при заключении страхования уже известны время, объем и факт платежа страховой суммы. Тем не менее, и этой операции свойствен момент неизвестности. Момент неизвестности вытекает здесь из неопределенности срока уплаты страхователем премий. Страхователь рискует уплатить большую сумму премий по сравнению с тем капиталом, который будет в определенный срок вручен ему или его близким. Но и страховщик несет известный риск¹. Объем его ответственности, хотя и выражен в наперед установленной сумме, но фактически находится в зависимости от продолжительности уплаты страхователем премий: чем дольше будет жить страхователь, тем фактически меньшая сумма ляжет при выплате страхового вознаграждения на страховщика, и обратно².

Что же касается рентного страхования с немедленной выплатой ренты (*rente viagère immédiate*), то эта операция состоит в том, что в обмен за выплаченный страхователем при заключении страхования единовременный капитал страховщик обязуется выплачивать пожизненно страхователю ренту³. Главнейшие возражения, делаемые против включения этой операции в разряд страховых операций, заключаются или в том, что в основании ее не лежит возмещение причиненного вреда (Лефор) или в том, что при этой операции отсутствуют те элементы, которые свойственны страхованию: премия, взимаемая периодически, и риск. (Вавасер, Валь). Первая группа возражений опровергается тем, что страхование вообще не имеет своей единственной целью возмещение вреда, преследуя более широкую цель обеспечения возможных потребностей, каковое обстоятельство целиком относится и к рентному страхованию. Относительно второй группы возражений можно сказать, что при рентном страховании обе стороны также несут риск, как и при других видах личного страхования: страховщик опасает-

¹ Это обстоятельство часто упускается из виду; ср. *Versicherungswörterbuch*, стр. 262; правильно – Гаген, VIII, 2, стр. 351–353.

² Со страхованием *à terme fixe* не надо смешивать операций, проводимых под именем *assurances de placement* некоторыми швейцарскими страховыми обществами. При этих операциях смерть застрахованного не влечет за собой прекращения платежа премий до истечения срока выплаты капитала. Подобные операции являются не страхованием, а помещением капитала, т.к. выплата капитала в них не зависит ни от какой неизвестности, ни от смерти, ни от жизни застрахованного; Эмар, там же, II, стр. 406.

³ Этот вид страхования применяется лицами пожилого возраста, бездетными или не имеющими близких родственников, которые хотят обеспечить себе доход до конца дней и избежать риска управления своим капиталом.

ся, что страхователь проживет слишком долго, и страховщику придется уплатить больше, нежели он от страхователя получил, страхователь же, – что при своей скорой смерти он потеряет больше, нежели успеет получить от страховщика. Премия при страховании берется не всегда периодически; возможна премия, уплачиваемая в один прием. Таким образом, рентное страхование с немедленной выплатой ренты является подлинным страхованием¹.

Говоря о рисковом характере страхования, надо заметить еще следующее. Нельзя смешивать тех отношений, которые существуют между страховщиком и страхователем, с теми отношениями, которые могут существовать между страховщиком и всей массой страхователей. Юридическая связь существует у страховщика только с отдельным страхователем, с совокупностью же страхователей связь у него может быть технической, экономической, но не юридической. Поэтому при анализе страхования с юридической точки зрения, рисковом момент может заключаться только в тех отношениях, которые существуют между страховщиком и отдельным страхователем. И, действительно, рассматривая страхование как правоотношение между страховщиком и страхователем, мы и находим в нем этот элемент риска, о котором речь шла выше: страховщик выигрывает премии или он теряет страховую сумму за вычетом премий. Во всяком случае, страхователь теряет то, что страховщик выигрывает, и наоборот. Если же мы обратим внимание на те отношения, которые существуют у страховщика со всей совокупностью страхователей, то придется признать, что, действительно, эти отношения обладают не всегда рисковым характером, но, несомненно, как основательно замечает Кан, это уже другой вопрос и притом экономический, а не юридический².

Различные контрверзы в вопросе об алеаторном характере страхования безусловно, имеют своим источником смешение тех непосредственных эффектов, которые проистекают для страховщика и страхователя от отдельной страховой операции, с теми общими результатами, которые получает страховщик от всей совокупности своих операций.

5. Характерным признаком страхования является его *ц е л ь*³. Только руководствуясь этим признаком, можно будет, как увидим ниже, отграни-

¹ Момент риска, таким образом, как при страховании *à terme fixe*, так и при рентном страховании с немедленной выплатой ренты коренится в неопределенности срока человеческой жизни.

² Kahn, там же, стр. 86.

³ Признак цели, несомненно, может быть положен в основании классификации правоотношений; Кан, там же, стр. 15. Шершеневич по признаку цели классифицирует договоры; Учебн. гражд. права, II, стр. 94. Признак цели лежит в основании определения товарищества по ГК, ст. 276.

чить страхование от некоторых других явлений, близких к нему по своей природе.

В своем месте, рассматривая теорию возмещения вреда, мы уже отметили, что эта теория не покрывает всех видов страхования. Для многих случаев страхования лица эта теория оказывается непригодной, так как в этих случаях какой-либо вред отсутствует полностью. Это обстоятельство нашло свое отражение и в ГК, указывающем в ст. 367, что при имущественном страховании страховщик возмещает страхователю или выгодоприобретателю понесенные им убытки в пределах установленной по договору страховой суммы, а при личном страховании – уплачивает страховую сумму (безотносительно от убытков). Таким образом, ни со стороны теоретической, ни догматической цель взимания убытков не может быть принята в качестве признака, свойственного всем видам страхования.

Значительно больше шансов на роль такого признака может претендовать идея «эвентуальной потребности», подробно разработанная Гобби и затем Манесом.

Центр тяжести этой теории, как мы видели, заключается в том, что целью страхования является покрытие случайно возникающих имущественных потребностей, могущих представлять собою не только непосредственный имущественный ущерб, но и утрату доходов, утрату возможности получать средства к существованию или обязанность какой-нибудь уплаты. Понятие «эвентуальной потребности» является безусловно более широким, нежели понятие «вреда», и могло бы служить признаком, объединяющим различные виды страхования. Однако и это понятие не является вполне адекватным той цели, которую преследует страхование. Оно несколько узко, так как не покрывает всех случаев страхования лица. Если потребность в имущественных средствах постоянно встречается при страховании имущества, то при страховании лица могут быть, правда, не частые случаи, когда потребность в имущественных средствах отсутствует полностью (например, при получении страхового вознаграждения богатым родственником). Таким образом, теория «эвентуальной потребности», несмотря на свою широту, все же оказывается не вполне достаточной, чтобы обнять все виды страхования.

Объединяющим все виды страхования началом может быть, по нашему мнению, только идея «общего обеспечения возможной потребности». Теория «обеспечения», развитая Гупкой, находится в тесной связи с теорией «эвентуальной потребности», но вместе с тем в достаточной степени от нее отличается. И та, и другая теории оперируют с понятием возможной потребности. Но в то время, как теория «эвентуальной потребности» обращает свое внимание на предвидение потребностей, могущих возникнуть, концентрирует свое внимание на конечном моменте страхования, теория «обеспечения»

преследует цель – дать обеспечение этим потребностям, перенося центр тяжести на начальный момент страхования.

В основание теории «обеспечения» кладутся не те последствия, которые могут наступить для страхователя, а те цели, которыми он руководствуется при заключении страхования. Так, при страховании имущества страхователь, заключая страхование, желает обеспечить себя от возможного вреда. Заключая страхование от несчастных случаев, страхователь, несомненно, преследует цель экономического обеспечения на случай ухудшения своего материального положения вследствие потери или уменьшения трудоспособности. Равным образом идея «обеспечения» является той целью, которая лежит в основании страхования на дожитие, а также и на случай смерти в отношении тех лиц, для которых смерть застрахованного лица может вызвать ухудшение их материального благосостояния. Но даже возможность для страхователя получить посредством страхования жизни известное обогащение не находится в противоречии с указанной основной целью. Будущее неизвестно, и самый состоятельный человек всегда может разориться. Поэтому и богатый человек, заключая страхование на случай смерти или на дожитие, желает обеспечить своих близких или себя от вполне возможного материального ухудшения экономического положения. Таким образом, идея «общего обеспечения возможной потребности» является свойственной всем видам страхования, и там, где эта идея отсутствует, там нет и страхования, а есть какое-то другое явление (игра, пари, лотерея)¹.

В одних случаях (при имущественном страховании и некоторых видах личного страхования, например, от несчастных случаев) эта общая идея специализируется, ограничиваясь только определенным случаем потребности. В других случаях (при остальных видах личного страхования) цель страхования расширяется до идеи общего обеспечения от неизвестного будущего, и страховой случай представляется лишь более или менее произвольно установленным сроком для уплаты страховой суммы².

¹ Возражая против теории «обеспечения», Эмар ссылается на то, что возможны и такие страхования, заключаемые исключительно с целью извлечения прибыли, у которых цель обеспечения отсутствует полностью: страхуется с согласия застрахованного его жизнь в пользу третьего лица с единственной целью получения материального выигрыша; там же, I, стр. 33. Допуская, что подобные случаи, хотя и очень редко, но все же могут встречаться, мы склонны видеть в них не сделки страхования, а игру или пари. Неприменимость к таким сделкам норм застрахованного права должна быть, разумеется, установлена судом. На Западе действительность таких сделок рассматривается под углом зрения «доброй совести» или «злоупотребления правом». Гаген сообщает о двух судебных процессах, причем в одном из них дело касалось одного лица, застраховавшего свою жизнь в пользу и за счет банкиров и агентов в 34 различных обществах на общую сумму 1 800 000 франков, а в другом же дело шло о лице, оказавшемся застрахованным на крупные суммы 67 раз; Гаген VIII, 2, стр. 378.

² Гойхбарг, там же, стр. 773.

Отчетливо признак «обеспечения» может быть выявлен путем сопоставления страхования с алеаторными сделками – лотереи, игры и пари.

Под именем пари разумеется договор, в силу которого двое или несколько лиц обязываются друг по отношению к другу платой известной денежной суммы или выдачей определенного объекта в случае наступления какого-нибудь неизвестного события, не зависящего ни в какой степени от их воли. Игра отличается от пари тем, что наступление события является в большей или меньшей мере делом сторон (*jeu d'adresse et jeu de hasard*)¹. Лотерея представляет собою, в сущности, также игру, но только коллективную, с большим количеством участников, каковые, уплатив известную сумму, участвуют в розыгрыше, путем случайного извлечения того или иного билета или номера (*lot*).

Если мы отвлечемся от той цели, которую преследует страхование, то провести отличительную грань между этими явлениями и страхованием станет чрезвычайно трудно. Забудем на время, что страхование имеет целью обеспечение возможной потребности. Тогда в том соглашении, которое было заключено сторонами, в качестве основных моментов, если не считать уплаты премии, останутся те же моменты, которые свойственны и пари: риск и обязанность уплаты в зависимости от наступления неизвестного события. Аналогично решается вопрос и в отношении игры, где уплате премии соответствуют ставки игроков². Столь же близко окажется сходство страхования с лотереей, при которой выигрыши, падающие на долю некоторых счастливых, образуются за счет массы взносов, делаемых покупателями билетов; при страховании же обычно страхователь получает от страховщика страховое вознаграждение из того фонда, который страховщик составляет, получая от страхователей страховые премии³.

Во многих случаях, конечно, отличие между перечисленными сделками и страхованием может быть видно сразу. Но в ряде случаев, когда эти сделки совершаются с большим количеством участников, при наличии предпринимателя и с предварительной разработкой статистических данных, одна техническая сторона производимой операции не в состоянии дать материала для установления отличительного признака. Этот отличительный признак для страхования – обеспечение возможной потребности. Только этот признак и позволяет во многих случаях отличать страхование от вышеуказанных алеа-

¹ Planiol, II, 712. Несколько иное определение дает Enneccerus.

² Наступление страхового случая может быть иногда вызвано и действиями страхователя.

³ Шершеневич, Курс торгового права, II, стр. 737; при недостаточности собранного фонда премий страховщик отвечает по принятым обязательствам и всем своим остальным имуществом (резервные фонды, основной капитал); об этом см. ниже, стр. 448–449.

торных сделок, имеющих своей исключительной целью обогащение, в зависимости от простого случая¹.

6. Более чем спорным представляется вопрос о признании признаком страхования с юридической точки зрения начала «взаимности», на котором настаивает ряд авторов (Шофтон, Манес, Эмар и др.)

Предоставим слово по этому вопросу Эмару – решительному стороннику включения начала взаимности в понятие страхования². Хотя, говорит Эмар, страхование с внешней стороны являет только двух лиц – страховщика и страхователя, но в действительности всякая страховая операция предполагает более или менее осознанное группирование индивидов, подверженных одному и тому же риску и взаимно обеспечивающих себя от последствий этого риска. Если бы при страховании находились друг против друга только два лица, то покрытие потребности страхователя, порождаемой наличием риска, оставалось бы в неопределенном положении, завися от платежеспособности страховщика. При этих условиях страховщику приходилось бы всегда дрожать за свою судьбу, возлагая свои надежды только на удачу или на помощь бога, как это делали когда-то морские страховщики. Благодаря взаимности страховщик избегает действия случайности. Он соединяет известное количество разнообразных рисков, группирует их и, собрав премии, образует особую денежную массу, именуемую фондом премий; из этого фонда премий он выплачивает страховое вознаграждение. Взаимность проявляется более или менее наглядно, но она присуща всем видам страхования. Взаимность имеет место даже в тех случаях, когда страховщиком является лицо физическое: только совокупность полученных премий дает единоличному страховщику возможность выплатить страховое вознаграждение. Во взаимном страховании начало взаимности особенно резко бросается в глаза: здесь нет двух категорий лиц, заинтересованных в производимой операции, но есть только одна категория, т.к. страховщик и страхователь являются теми же лицами и каждый участник в одно и то же время оказывается страховщиком и страхователем. Взаимность управляется сама собой; здесь нет посредника, т. к. товарищество, которое принимает на себя роль страховщика, является только агентом страхователей. Но и страховое акционерное общество, взимающее твердые премии, действует на началах взаимности; только здесь эта взаимность завуалирована; по существу же акционерное общество является также только посредником, объединяющим страхователей, доставляющих необходимые средства для выплаты страхового вознаграждения; эти страхователи связаны взаимностью, того не подозревая;

¹ Kahn, стр. 53. Hupka, Zeitsch. f. H.R. B. 66. Сделка, отвечающая всем признакам страхования, кроме его цели, будет представлять собою т.н. страховое пари и должна обсуждаться как пари, а не как страхование.

² Эмар, там же, I, стр. 96 сл., II, стр. 16 сл.

общество же проводит внутри себя взаимность страхователей, будучи управителем этой взаимности. Только в виде исключения общество выплачивает вознаграждение из своих собственных капиталов; но для этого требуется, чтобы или в основании вычисления премий оказались положенными неправильные статистические данные, или, не имея возможности собрать большое количество страхователей, общество подверглось значительному риску, или, что бывает чаще всего, чтобы интенсивность реализованных рисков была ненормальной и предусмотреть ее можно было только при исключительных обстоятельствах; в этих случаях общество должно затронуть свой основной капитал, если у него не образованы еще резервные фонды. Взаимность дает обеспеченность страховщику, который не размышляет более об ударах судьбы, если ему удастся объединить достаточно значительную группу рисков, и, таким образом, страхование теряет свой алеаторный характер, каким оно являлось с точки зрения страховщика; взаимность дает обеспеченность и страхователю, который получает уверенность в платеже страховой суммы, поскольку отвечает не имуществу страховщика, а совокупности сделанных страхователями взносов.

Мы не собираемся, конечно, утверждать, что начало взаимности является свойством, чуждым существу организации страхования. Несомненно, что технически и экономически в подавляющем большинстве случаев страхование является построенным с таким расчетом, чтобы уплачиваемое страховое вознаграждение черпалось из того фонда, который образуется из уплаченных страхователями премий, и чтобы, кроме того, из этого же фонда были покрыты все издержки по предприятию и получилась известная прибыль для страховщика (если страховое предприятие преследует цели извлечения прибыли). Но, тем не менее, мы не считаем возможным признать «взаимность» характерным признаком страхования в его юридическом аспекте.

Для того, чтобы включить «взаимность» в число характерных признаков страхования с юридической точки зрения, надо предварительно установить, получает ли эта взаимность (в отношениях к страховщику и в отношениях страхователей между собой) какую-нибудь правовую связанность, или же эта взаимность остается только связанностью технической или экономической.

Сторонники оспариваемого нами мнения говорят, что в тех случаях, когда страховщиком является единоличный предприниматель или акционерное страховое общество, то «взаимность» существует, но в скрытом, завуалированном состоянии. Мы очень сомневаемся в наличии правовой завуалированности этой взаимности. О какой завуалированности может идти речь, когда юридически связанными всегда оказываются два лица – страховщик и

страхователь!¹ Страховое правоотношение существует только между этими лицами и только между этими лицами и существуют соответствующие права и обязанности. Взаимность страхователей, как таковая, никаких прав к страховщику не имеет как и он к ней². Равным образом страхователи не находятся ни в каких правовых отношениях и друг с другом. Что же касается того обстоятельства, что страховщик (акционерное страховое общество) строит свои расчеты на покрытии принятых на себя обязательств из фонда премий, то это обстоятельство само по себе не устанавливает юридической связи страховщика со всей совокупностью страхователей: юридическая связь у него существует только в отношении каждого из них. Вместе с тем, нельзя забывать, что страховщик отвечает по принятым обязательствам в с е м своим имуществом, а не только собранным фондом премий. Этот факт признает и Эмар. При таких же условиях является, с юридической точки зрения, совершенно произвольным утверждение, будто бы взаимность есть постоянный и основной признак страхования, когда страховщиком является страховое предприятие, преследующее цели извлечения прибыли³.

Если мы обратимся теперь к страховым предприятиям, образованным на началах взаимности, то увидим, что и там, несмотря на ясно технически и экономически выраженные начала взаимности, юридически эта взаимность все же не получает надлежащего оформления.

Как указывает применительно к германскому праву, Гаген, между участниками подобного страхового предприятия не существует никаких правоотношений; отдельный участник не может путем *actio pro socio* побудить другого участника к выполнению его обязательства; ни один участник не имеет во время существования предприятия, основанного на началах взаимности, права на соответствующую часть имущества предприятия и т. д. По

¹ В целях упрощения вопроса юридические отношения в отношении выгодоприобретателя и лица застрахованного мы намеренно оставляем в стороне.

² Интересно отметить, что, по германскому праву, даже т.н. резерв премий при личном страховании (юридическая природа которого, правда, спорна) входит в состав имущества страхового предприятия, хотя и в качестве обособленного имущества (*Sondervermögen*), предназначенного исключительно на удовлетворение соответствующих притязаний страхователей. При конкурсе страхового предприятия страхователям принадлежат притязания не вещного характера на какие-либо составные части резерва, а только обязательственные требования, правда, привилегированные, идущие впереди других конкурсных кредиторов; между собой требования страхователей в этом случае принадлежат к одному рангу; Гаген, там же, VIII, 2, § 476–477. По Положению о Госстрахе, резервы премий по страхованиям входят в состав средств Госстраха, ст. 46, п. «д».

³ Так как основной задачей банков является посредничество в кредите, то, рассуждая аналогичным образом, можно было бы признать, что, в сущности, банк есть только посредник, а его клиенты находятся друг по отношению к другу в отношениях заимодавцев и заимодателей. Но, тем не менее, юридически все клиенты банка являются его должниками или кредиторами, а не должниками и кредиторами друг друга.

всем обязательствам предприятия отвечает только имущество предприятия, являющегося обычно юридическим лицом. При конкурсе на первом месте идут требования конкурсных кредиторов, затем – притязания участников предприятия, вытекающие из страховых отношений, и, наконец, на последнем месте – притязания на раздел основного фонда¹. В общем тот же порядок соблюдается и во французском праве².

В число аргументов за включение начала взаимности в число необходимых признаков страхования приводилось соображение, что только при взаимности и страховщик, и страхователь получают полную обеспеченность. И это соображение нам кажется неточным. Обеспеченность страховщика покоится не на взаимности страхователей, а на их большом количестве. Для страховщика важно привлечь возможно большее количество рисков, чтобы тем самым уменьшить риск, принятый на себя. Небольшое же количество страхователей, хотя и представляющих взаимность, не может дать страховщику уверенности в отправлении им своего промысла. Что же касается страхователей, то и они испытывают чувство обеспеченности совсем не от того, что сознают связанность свою с другими страхователями: ведь непосредственно к ним притязаний они не имеют и должны обращаться с требованиями о страховом вознаграждении к страховщику. Эту обеспеченность они приобретают, благодаря тем многочисленным мероприятиям (публичная отчетность, правительственный надзор и др.), предпринимаемым современными законодательствами для защиты интересов страхователей, благодаря которым только и создается у страхователей уверенность, что средства, собранные страховщиком со страхователей, и собственные средства страховщика не будут направлены не по назначению³. Без этих же мероприятий никакое сознание страхователем того факта, что ему предстоит получить страховое вознаграждение из собранного фонда премий, а не из собственного имущества страховщика, не дает ему состояния обеспеченности, так как и фонд премий может быть растрочен страховщиком.

В результате мы должны прийти к выводу, что начало взаимности, с точки зрения юридической, не может служить отличительным моментом для страхования. Этот общий вывод имеет полное свое применение и к советскому страховому праву⁴.

¹ Гаген, там же, VIII, I, § 51–60, 206; ср. Устав Всероссийского Кооперативного Страхового Союза, § 4, 6, 7, 14, 18, 21, 73, 79, 81, 1925.

² Wahl. Précis de dr. comm., p. 350, 1922.

³ См. Versicherungslexicon, s. 210–233.

⁴ Госстрах ведет свои операции на основе твердых премий, кооперативные же страховые организации основаны на началах взаимности.

7. Страхование строится на началах *в о з м е з д н о с т и*. Но можно ли выставлять требование, чтобы страхование непременно базировалось на законах статистики и, в частности, чтобы вознаграждение, уплачиваемое страхователем страховщику (страховая премия), исчислялось математически точно пропорционально вероятности наступления события, предусмотренного страхованием (Шофтон, Козак, Вольф, Гойхбарг)?

Нельзя, конечно, отрицать, что с помощью теории вероятности статистика может представлять возможность определять шансы реализации риска и давать на этом основании страховщику возможность устанавливать размер взимаемых премий. Тем не менее, с нашей точки зрения, было бы неправильно видеть в начале «статистической закономерности» характерный признак для всякого страхования.

Несомненно, что при страховании жизни вычисление тарифов премий производится почти математически точно¹. Но при имущественном страховании достижение математической точности при вычислении вероятности реализации риска и размера страховой премии является в массе случаев трудно осуществимым. Правда, при страховании от огня размер премии, ввиду достаточно разработанного некоторыми странами статистического материала, может быть вычислен с известной приближенностью к вероятности наступления страхового случая. Но уже при морском страховании, существующем несколько столетий, установление размера страховых тарифов является чрезвычайно мало основанным на данных статистики². Вне сомнения, недостаточно разработанными в научном отношении являются также вопросы реализации риска и тарифы премий при уже долгое время существующем страховании скота. Что же касается новых отраслей страхования, только еще возникающих или существующих недавно, то говорить об

¹ В основание расчетов кладутся т.н. таблицы смертности, в которых на основании многолетних наблюдений показано, какова в среднем смертность людей того или иного возраста, принадлежащих к кругу лиц, среди которых производятся операции по страхованию жизни. На основании этих таблиц определяется размер нетто-премий, т.е. чистой себестоимости страховых для страховщика. Для получения тарифной ставки (брутто-премии) к нетто-премии делается надбавка, исчисление которой производится в соответствии с принятым в данном учреждении планом организации дела. В СССР в основание расчетов положены таблицы смертности застрахованных на случай смерти в русских дореволюционных страховых обществах. Подробные данные о технике установления тарифов по страхованию жизни приводятся В. С. Гохманом, *Страх. жизни*, изд. 2, стр. 40 сл.

² В. Потоцкий приводит интересные данные, как строятся в международном масштабе тарифы премий морского страхования, устанавливаемые в результате конкуренции страховых обществ, а не путем научной разработки; эти тарифы применяются пока и в советском государственном страховании; Краткий курс страхования, стр. 166. Отсутствие соответствующей базы заставляет даже Эмара утверждать, что морское страхование до сих пор еще пропитано идеей пари (утверждение, с нашей точки зрения, неосновательное); Эмар, там же, I, стр. 8.

организации этих отраслей страхования на научно разработанной статистической базе вообще не приходится. Прав Виванте, указывающий, что техническая организация страхования не является его принципиальным элементом с точки зрения юридической¹. Поэтому надлежит признать, что при современном состоянии статистических данных начало «статистической закономерности» никак не может быть отнесено к числу отличительных характеристик страхования во всех его проявлениях².

8. Событие, с наступлением которого связывается ответственность страховщика, как общее правило, не должно быть вызвано умыслом или грубой неосторожность страхователя (страховой случай)³.

9. Ответственность страховщика носит с р о ч н ы й характер. Статья 478 ГК выставляет требование, что в договоре страхования должен быть установлен срок, на который договор заключается. Срочный характер носит ответственность страховщика и при обязательном страховании⁴.

¹ Vivante, Traité, IV, стр. 454. Можно ли говорить об организации на началах «статистической закономерности» страхований от краж, кредита, гражданской ответственности, разбития стекол в витринах магазинов, авиационных рисков, различного рода военных рисков (например, от бомбардировок городов, применявш. франц. страх. о-вами в 1914–1919 гг.) и проч.? И тем не менее, нельзя отрицать за этими видами операций свойств подлинного страхования. Неправ поэтому Эмар, утверждающий, что всякий вид страхования вначале приближается к игре; там же, стр. 120; при последовательном проведении этого взгляда пришлось бы зачислить в группу сделок игры не только ряд новых отраслей страхования, но и ряд старых, не основанных на точных данных статистики (морское, скота и даже от огня). Безусловно неправ также проф. В. Н. Шретер, указывающий, что размер страховых премий определяется совершенно точно коэффициентом вероятности наступления несчастного случая и расчета на всю массу рисков, принятых на страх по данным отраслям страхования, и видящий в этом основание всего страхового дела; Внутренняя торговля, стр. 210. Для многих страхований о таком точном коэффициенте говорить, как мы видели, не приходится. Авторы, настаивающие на признаке «статистической закономерности», общем для всех видов страхования, делают, по нашему мнению, ту же методологическую ошибку, которую делали те авторы, которые подводили страхование лица под страхование убытков. Если последние приписывали всем видам страхования признак, характерный, преимущественно, для страхования имущества, то первые, аналогичным образом, наделяют все виды страхования признаком, который порожден специфическими особенностями страхования жизни (табл. смертности и т. д.).

² Ср. Гаген, VIII, I, стр. 18. Сделанный нами вывод не означает, что тарифы премий всегда устанавливаются страховщиком произвольно. Тарифы премий устанавливаются соразмерно со степенью опасности. Но «соразмерность» не равносильна «пропорциональности, основанной на математическом расчете». Для СССР необходимо еще отметить, что выработка высоты тарифов поставлена в зависимость не только от размера объективной страховой опасности, но и от некоторых других факторов (классового признака, учета хозяйственной мощи страхователя и др.). См. примечания Семенова в книге Потоцкого, ст. 44; см. также М. Н. Платонов, Вестник Госстраха, 1923 г., № 13–15.

³ Из этого правила современное страховое законодательство допускает, однако, ряд изъятий; см. стр. 514.

⁴ Положение о Госстрахе ст. 8, 10.

10. Можно ли говорить об условном характере ответственности страховщика?¹ Вопрос этот представляется вполне естественным, поскольку обязанность предоставления страховщика находится в зависимости от реализации известного обстоятельства.

Ст. 41 ГК указывает, что сделка признается совершенной под отлагательным условием, когда права и обязанности, устанавливаемые сделкой, должны наступить с наступлением условия. Буквальный смысл ст. 41 ГК говорит как будто за утвердительное решение вопроса. Тем не менее, подобное решение мы не считали бы правильным². В сделках обычно различают части троякого рода: существенные, обыкновенные и случайные. Условия относятся к числу случайных частей сделки и представляют собой присоединенные сторонами к гласной сделке оговорки, в силу которых стороны ставят существовавшие сделки в зависимость от будущего неизвестного обстоятельства. Таким образом, условие как дополнительное соглашение предполагает существование главного отношения, которое может существовать и при отпадении условия (завещание имущества сыну под условием окончания им высшего учебного заведения). При страховании же неопределенность ответственности страховщика не находится в зависимости от каких-либо дополнительных соглашений страховщика с страхователем. Эта неопределенность вытекает из самого существа страхования, является его необходимым элементом. При отпадении этой неопределенности (когда выясняется, что событие наступило еще до заключения страхования) падает и ответственность страховщика, рушится и все страховое правоотношение. Поэтому нельзя говорить об условном характере ответственности страховщика³.

¹ Такой взгляд по отношению к страхованию высказывался неоднократно – Planiol, II, стр. 722; в русской литературе – Степанов, Опыт теории страхового договора, стр. 14, 1875; Шершеневич, Курс торгового права, II, стр. 367; Е. Мен, Вестник Госстраха, 1923 г., № 7–8 л, стр. 12.

² Серебровский, Очерки советского страхового права, стр. 63.

³ Страхование столь же мало похоже на условную сделку, как и составление завещания под «условием, что наследователь умрет», т. к. смерть завещателя является необходимой, а не случайной предпосылкой для реализации завещания.

Французская литература, относящая страхование к числу алеаторных договоров, проводит отличие этих договоров от договоров условных довольно отчетливо. В условном договоре от наступления неизвестного события зависит существование самого договора. При алеаторном же договоре существование самого договора несомненно, *ab initio*; от наступления неизвестного события зависит только, какая из сторон выиграет, какая проиграет. Colin et Capitant, II, p. 659. Кроме того, при условном договоре событие всегда должно относиться к будущему времени; при алеаторном договоре событие иногда может относиться как к будущему времени, так и к прошедшему (пари; в виде исключения возможно и страхование на прошлое время – *Rückwärtsversicherung*).

11. Ответственность страховщика является о г р а н и ч е н н о й размерами страховой суммы, определенной страхованием. При добровольном страховании страховая сумма устанавливается по соглашению сторон, а при обязательном страховании размер страховой суммы устанавливается законом¹. При имущественном страховании страховая сумма является тем пределом, выше которого страховщик не должен нести ответственности за понесенный страхователем убыток. При личном страховании, как правило, страховщик является обязанным уплатить обещанную страховую сумму². Отсюда ведет свое происхождение деление страхования на страхование убытков и страхование сумм (*Schaden – und Summenversicherung*), не совпадающее, однако, полностью с делением страхования на страхование имущества и страхование лица.

12. В теории западноевропейского права вызывает споры вопрос о необходимости для признания данной операции страхованием заключения ее с крупным планомерно организованным предприятием (*Planmässiger Grossbetrieb*). Виванте, выдвинувший это учение, настаивает, что характерным признаком для страхования наших дней является тот факт, что страхование находится в руках профессионалов, руководящих страховыми предприятиями. Изолированная операция, совершаемая частным лицом, отныне только анахронизм. Только тот договор может иметь все эффекты страхового договора, который совершается предприятием, осуществляющим свой промысел путем образования из премий, уплачиваемых страхователями, особого фонда, предназначенного к выплате страховых сумм. Будет ли этот фонд управляться на основании точных технических правил, будут ли тарифы премий устанавливаться на базе чисто эмпирической, будет ли способ оценки рисков только приблизительным, это не имеет значения для юридической концепции, которая не меняется в зависимости от различий в технических усовершенствованиях предприятия. Существенно только, что страховщик имеет намерение выполнять обязанность распределения, которая характерна для его профессии, распределяя премии, собранные с многочисленных страхователей, между теми из них, которые подвергнутся риску, предусмотренному страхованием³.

Но, как с основанием замечает Гаген, несомненно, встречаются страхования, которые не заключаются крупными предприятиями (например, при морском страховании – Английский Ллойд, мелкие общества взаимного страхования скота); что же касается «планомерности организации» страхового пред-

¹ ГК, ст. 367, Положение о Госстрахе, ст. 8, 10, 12.

² Возможны случаи страхования лиц, когда страховщик выплачивает только понесенный убыток (страхование от болезни, несчастных случаев).

³ Vivante, Traité, IV, p. 454.

приятия, то она является только идеалом или руководящим принципом для предприятия и практически может быть проведена в жизнь далеко не всегда¹. Действительно, как нами уже отмечалось, статистически закономерное построение расчетов страхового предприятия при определении шансов реализации риска и установлении тарифов премий не является свойственным для многих видов страхования. Не имеет значения, с юридической точки зрения, как мы также видели, и организация страхователей на началах взаимности.

Правильным является только то, что страхование принадлежит к числу сделок, совершаемых в массовом количестве². Хозяйственно целесообразно оно может быть осуществлено только тогда, когда страховщику удастся заключить много других страхований³. Но этот факт сам по себе не стоит в обязательной связи с наличием планомерно организованного страхового предприятия и, кроме того, не имеет юридического значения. Поэтому мы включаем понятие «крупного планомерно организованного предприятия» в число юридических признаков страхования.

В итоге мы приходим к следующему выводу. С юридической точки зрения, характерными признаками страхования являются: 1) страхование как правоотношение – самостоятельное и двустороннее, 2) рисковый характер этого правоотношения, 3) цель правоотношения – обеспечение возможной потребности, 4) начало возмездности, 5) страховая случайность, 6) срочный характер ответственности страховщика, 7) ограниченность ответственности страховщика. Наиболее характерное значение из этих признаков имеют рисковый характер страхового правоотношения и его цель.

* * *

От страхования надо отличать некоторые явления, с внешней стороны на него похожие, но тем не менее являющиеся самостоятельными институтами.

Прежде всего с страхованием не должно быть смешиваемо так наз. самострахование⁴. При самостраховании владелец известного количества однородных имущественных объектов (например, пароходное предприятие), желая избежать платежа больших страховых премий, отчисляет сам себе ежегодно часть своих доходов в особый страховой капитал, предназначенный для возмещения потерь в ценности указанных объектов от известных

¹ Гаген, VIII, I, § 8.

² Это положение соответственно применимо и к страховым правоотношениям, основанным на требованиях закона.

³ Мюллер-Эрцбах, стр. 657, 662; см. также Вольф, стр. 420.

⁴ Ряд авторов (Вагрен, Кроста, Эмар и др.) включают, однако, самострахование в число страховых операций.

событий (бурь, пожаров). В сущности, здесь нельзя говорить не только о самостраховании, но и вообще о каком-либо страховании. Страхование, как мы видели, предполагает двух лиц – страхователя, стремящегося, элиминировать или уменьшить риск, ему угрожающий, и страховщика, принимающего на себя этот риск (страхование – двустороннее правоотношение). В рассматриваемом же случае имеет место простое самопокрытие (*Eigendeckung*) эвентуальной потребности лицом, желающим самостоятельно нести риск, угрожающий принадлежащим ему однородным объектам¹.

Об отличиях между страхованием и игрой, пари и лотереей мы уже говорили раньше. Теперь необходимо еще остановиться на двух сделках, временами весьма сближающихся с страхованием. Мы имеем в виду поручительство и договор гарантии.

От безвозмездного поручительства теоретически провести отличие страхования сравнительно легко. Страхование является (в его договорной форме) сделкой самостоятельной и возмездной; поручительство – сделкой акцессорной, предполагающей существование главного обязательства, и безвозмездной. Значительно сложнее обстоит вопрос с установлением отличия, когда поручительство носит возмездный характер. Нередко сходство между различными формами возмездного поручительства и страхования (страхование кредита) является столь близким, что проведение отчетливой границы между этими явлениями вызывает большие трудности².

Теоретически отличие между возмездным поручительством и страхованием кредита лежит также в акцессорном характере первого и самостоятельном – второго. Поручитель принимает на себя ручательство за исполнение обязательства третьим лицом – главным должником (ГК, ст. 236). Страховщик никакого на себя ручательства не принимает: он сам является главным должником. Поэтому он является ответственным даже тогда, когда неплатежеспособное третье лицо не может быть привлечено к ответственности (невозможность исполнения, освобождающая от ответственности и т. п.)³. Кроме того, поручительство по своей природе является чисто долговым обяза-

¹ *Versicherungsllexicon*, стр. 1148.

² Надо признать, что до последнего времени этот вопрос не получил в иностранной литературе своего разрешения; см. *Versicherungsllexicon*, стр. 557. (*Garantieversicherung*), стр. 740 (*Kautionsversicherung*), стр. 809 (*Kreditversicherung*); Геген, VIII, I, стр. 19, VIII, 2, стр. 329; Гирке, стр. 169, сл.; Эмар, II, стр. 147; Ancey, *Les risques de crédit*, стр. 97, сл.; 1926. Новый французский закон о страховом договоре исключил страхование кредита из числа страховых операций; *Revue d. dr. civ.*; 1927, № 1, стр. 280.

³ Wahl, *Précis de dr. Comm.*, p. 483.

тельством, а не обязательством о возмещении вреда, каковым является всякое страхование имущества (в том числе и страхование кредита)¹.

Хотя ГК и не говорит о возмездном поручительстве, но, конечно, такое вполне допустимо и встречается нередко в советской банковской практике в виде так наз. банковского ручательства (иначе, гарантийного письма), по которому банк принимает на себя перед третьими лицами гарантию в исполнении их клиентами денежных обязательств². Догматически, для советского права проблема разрешается довольно просто, так как согласно точному смыслу закона, кроме органов Госстраха, никакие другие органы Союза ССР и союзных республик, как центральные, так и местные, производить операций по страхованию не могут³, и, кроме того, страхование кредита вообще пока не вошло в число операций, проводимых Госстрахом⁴. Поэтому сделки возмездного поручительства, совершаемые различными предприятиями (банками и др.), не являются страховыми сделками и не подлежат действию норм страхового права.

Страхование отличается и от договора гарантии. Договором гарантии является договор, в силу которого одна сторона принимает на себя самостоятельное обязательство, состоящее в ручательстве за достижение другой стороной известной выгоды от ведения предприятия или в обязательстве возместить могущий быть ущерб от ведения предприятия. В этом самостоятельном характере обязательства коренится глубокое отличие договора гарантии от поручительства как отношения акцессорного. В то время как при поручительстве поручитель принимает на себя ответственность за чужой долг, гарант обещается только предоставить другой стороне известную выгоду или доход от ведения предприятия (например, гарантия государством выплаты процентов по облигационному займу, выпущенному акционерным строительным предприятием) или возместить ущерб, понесенный при эксплуатации предприятия. Гарантийный договор является односторонним договором: он обязывает только гаранта⁵. В этом договор гарантии отличается от страхования как правоотношения двустороннего. Кроме того, лицо, выступающее гарантом, имеет чаще всего известный самостоятельный интерес в успешной деятельности предприятия другой стороны, тогда как стра-

¹ Герм. страх. закон (§ 67); Гаген разъясняет, что сюда во всяком случае не входят притязания к третьим лицам, вытекающие из обыкновенных долговых отношений; VIII, I, стр. 650; Roelli, Komm. z. Schweiz. Vers. Vertr. Gesetz, s. 27.

² Л. С. Эльсон. Деньги, банки и банковые операции, стр. 138; 1926. Возмездное поручительство возможно в СССР и в небанковой форме.

³ Положение о Госстрахе, ст. 3. Об изъятиях из страховой монополии Госстраха, см. гл. II.

⁴ Положение о Госстрахе, ст. 7.

⁵ Enneccerus-Kipp-Wolf, I, 2, стр. 580 сл., 1927.

ховщик обычно такого интереса не имеет¹. Для советского права догматически вопрос должен решаться так же, как и в отношении поручительства².

¹ Мюллер-Эрцбах, там же, стр. 525, 662. На практике возможны, конечно, переходные формы. Поэтому Мюллер-Эрцбах правильно замечает, что при относительности понятий об отнесении той или иной сделки к страхованию можно с известной определенностью утверждать только применительно к данному страховому законодательству.

² Положение о Госстрахе, ст. 3, 7.

ГЛАВА II
ОРГАНИЗАЦИЯ СТРАХОВАНИЯ.
ИСТОЧНИКИ СТРАХОВОГО ПРАВА¹

§ 1. Организация страхования

Литература

Манес, Основы страхового дела, гл. 2; 1909; Шершеневич, Курс торгового права, II, стр. 357 сл.; Потоцкий, Краткий курс страхования, гл. VII, VIII; 1925; Потоцкий, Страховое устройство в СССР; 1927; Рыбников, Монополия страхового дела; 1923; Мен, Государственное имущественное страхование по законодательству СССР, стр. 5–16; 1924.

Manes, Versicherungslexicon, стр. 1281; 1924; Hagen, VIII, § 43–135, там же литература; Wörner, Die Allgemeine Versicherungslehre, § II; 1920; Hemard, Theorie et pratique des assurances terrestres, I, стр. 139–414; 1924 (подробный исторический обзор), там же литература.

I. Вне Союза ССР страхование по своей организации распадается на два основных вида: частное и публичное.

Формы частного страхования – чрезвычайно разнообразные единоличные предприниматели, общества взаимного страхования, акционерные страховые общества, общества смешанного типа. Наиболее распространенной формой частного страхования являются акционерные страховые общества, представляющие собою обычные акционерные общества, преследующие своей целью занятие страховым промыслом. Общества взаимного страхования (частные), являющиеся также распространенной формой частного страхования, идут все же на втором месте за акционерными страховыми обществами. Общества взаимного страхования представляют собою объединения лиц, имеющие целью распределение между всеми участниками убытков от определенного несчастья, им всем угрожающего. В отличие от акционерного страхования, где из собранных с страхователей премий должны быть не только покрыты страховые суммы, выданные страхователям, но и прибыль, отчисляемая акционерам, при взаимном страховании размер премии определяется величиной действительно понесенного ущерба. Общества смешанного типа являются предприятиями, соединяющими в большей или меньшей степени черты, свойственные как акционерным обществам, так и обществам

¹ Здесь дается только самое суммарное изложение вопроса. Подробнее см. В. Серебровский, Очерки советского страхового права, гл. III, IV; 1926.

взаимного страхования; некоторые общества взаимного страхования обладают паевым страхователям большее количество голосов. Встречаются акционерные общества, предоставляющие страхователям право участия в прибылях и т. д. Единоличное предпринимательство, когда-то очень широко распространенное, встречается в настоящее время реже (главным образом, при морском страховании). Тем не менее, имеются и теперь еще чрезвычайно мощные формы единоличного страхования, т. н. Ллойды (в Англии и в С.-А. С. Ш.), представляющие собою случайные объединения физических лиц, внесших определенный залог (5 000–8 000 фунт. стерл.) для выступления в качестве страховщика¹.

В интересах защиты страхователей законодательства устанавливают за частными страховыми организациями правительственный надзор в лице особых наблюдающих органов.

Публичное страхование проявляется в форме страхования государственного и общественного. Государственное страхование проводится или через специальные организации, или через те или другие органы государства, выполняющие другие операции (например, через почтовые конторы). Организации, совершающие общественное страхование, встречаются в самых разнообразных формах учреждений (обществ на началах взаимности и т. д.) и в некоторых государствах являются очень сильно распространенными (Германия).

В числе организационных форм страхования надо отметить еще союзы страховых предпринимателей. Эти союзы преследуют целью уничтожение конкуренции и предупреждение ее путем выработки общих условий страхования, однородных тарифов и пр².

II. А) Краеугольным камнем организации страхования в СССР является государственная страховая монополия. Под государственной страховой монополией разумеется такая организация страхования, когда во всей стране страхование осуществляется только самим государством в лице его специальных органов³. Впервые государственная монополия

¹ Об организации Английского Ллойда см. Гаген, VIII, I, стр. 89; Эмар, I, стр. 331; Cady, Outlines of insurance, p. 186, 187; 1925. Кроме морского страхования, Английский Ллойд принимает страховые риски самого разнообразного рода, в том числе и такие, которые не принимаются или принимаются с трудом страховыми обществами: военные риски, от стачек, народных волнений и гражданской войны, от дурной погоды, политические риски – риск отставки министра (например, Ллойд-Джорджа в 1923 г.), риски при выборах в парламент и т. д.

² См. Вернер, стр. 110 сл.

³ Идея государственной страховой монополии была выдвинута еще в 80-х годах 19 века Адольфом Вагнером, но до сих пор, если не считать неудавшейся попытки Италии провести государственную монополию страхования жизни, государственная страховая монополия нигде полностью осуществлена не была. Проекты страховой монополии возникали неоднократно в различ-

страхования с исключением для кооперации была объявлена в СССР еще в 1918 г. В декабре 1920 г. государственное монопольное страхование было, однако, упразднено и заменено организованной государственной помощью пострадавшим от стихийных бедствий¹. Переход к новой экономической политике, вызвавшей оживление денежного и товарного обращения, привел к необходимости восстановления и страхования в его денежной форме. Декретом от 6 октября 1921 г. было введено государственное имущественное страхование частных хозяйств от следующих стихийных бедствий: пожаров, падежа скота, градобитий и аварий на путях водного и сухопутного транспорта; на первое время вводилось государственное добровольное страхование, а по мере укрепления технического аппарата – и государственное обязательное страхование, распространяемое на все частные хозяйства, а также на государственное имущество, сданное в аренду частным лицам и их объединениям; кооперативным организациям было предоставлено право организовывать взаимное страхование собственного имущества. В этом декрете страховая монополия и получила свое первое правовое оформление. Правда, термин «страховая монополия» в декрете от 6 октября 1921 г. еще не упоминается, но вполне понятно, что такое положение вещей, когда единственным страховщиком на всей территории государства оказывается одна государственная организация – Главное Управление Государственного Страхования – есть нечто иное, как государственная страховая монополия².

Принципы государственной страховой монополии нашли свое живейшее отражение и в последующем законодательстве³. Со времени образования Союза ССР существование государственной страховой монополии было подтверждено в Положении о НКФ СССР (ст. 13) и затем в Положении о Государственном страховании Союза ССР, указывающем, что страхование во всех его видах является государственной монополией Союза ССР и осуществляется на всей территории Союза ССР единственным предприятием – «Государственным Страхованием» (Госстрах), действующим на началах хозяйственного расчета⁴.

Из этого общего правила допускаются некоторые изъятия.

1. Страхование в иностранных страховых обществах всякого рода имущества, находящегося в пределах Союза ССР, а равно речных, морских и

ных странах, но не увенчались успехом (Германия – 1919 г., Дания – 1924 г., Франция – последний проект 1924 г.).

¹ Постановление СНК от 18/XII–20 г. (С.У., № 100, ст. 538).

² См. Мен, Имущественное страхование по законодательству СССР, стр. 7; 1924; Вестник Госстраха, 1924 г., № 11–12, 13, 14–16.

³ Ст. 6 и 7 декрета от 6/X–21 г. (С.У., 1921 г., № 69); см. также пост. СНК от 6/VII–22 г. (С.У., 1922 г., № 41), пост. СНК от 25/VII–22 г. (С.У., 1922 г., № 46) и др.

⁴ Положение о Госстрахе, ст. 1, 3.

воздушных судов под флагом СССР допускается исключительно с разрешения СНК СССР. Но, согласно Советско-германскому торговому договору от 12/X–25 года, если на территории одной из сторон (Германии или Союза ССР) находятся во время ввоза, вывоза и транзита товары граждан или хозяйственных органов другой стороны, не имеющих в первой стране ни своего местопребывания, ни отделений, то эти товары, пока они идут за риск указанных граждан или хозяйственных органов, могут страховаться в любых страховых обществах и не должны страховаться во второй раз в обществах той страны, по которой они проходят (§ 16 и прил. к § 16–18, § 1). Практически это означает, что германской фирме, продавшей с доставкой товар в какой-либо из городов Союза ССР, должно быть предоставлено право страховать свой товар в любом страховом обществе, а не только в Госстрахе. Равным образом германская фирма, закупившая в пределах Союза ССР какой-либо товар, может страховать этот товар в заграничном обществе, хотя бы этот товар находился еще на территории Союза ССР.

2. Экспортные и импортные товары, находящиеся за границей и состоящие в непосредственном распоряжении правительственных учреждений, государственных органов и предприятий, кооперативных организаций и граждан СССР, могут страховаться не только в Госстрахе, но и в особых смешанных обществах¹.

3. Союзы кооперативных товариществ всех степеней имеют право учреждать взаимные страховые организации для страхования в них собственного имущества членов данной страховой организации, а равно имущества первичных кооперативных товариществ, непосредственно входящих в кооперативное объединение любой степени, состоящих членом страховой организации. Кроме собственного имущества, в кооперативных страховых организациях могут быть застрахованы также и строения, принадлежащие кооперативным товариществам на право застройки, а также товары, переданные им на комиссию, для хранения и для перевозки. Все эти виды имущества, в тех случаях, когда они подлежат обязательному страхованию, освобождаются от обязательного страхования в Госстрахе, если они застрахованы во взаимном кооперативном страховании. Все риски, принятые кооперативными страховыми организациями в суммах, выше установленных, должны перестраховаться в известной доле в Главном Правлении Госстраха².

¹ Положение о Госстрахе, ст. 2.

² Положение о Госстрахе, прил. к ст. I, ст. 2–4. В настоящее время образовалось 3 кооперативных страховых центра: а) страховая секция Центросоюза для страхования имущества потребительской кооперации, б) Всероссийский Кооперативный Страховой Союз для страхования других видов кооперации, в) Украинский Кооперативный Страховой Союз для страхования имущества всех видов кооперации.

4. Учреждения НКПС и НКПиТ сохраняют предоставленные им специальными законами права на взимание особого (страхового) сбора с объявленной ценности пассажирского багажа и почтовых отделений¹.

Б. Структура аппарата государственного страхования такова². Центральным руководящим органом государственного страхования общесоюзного значения является Главное Правление Государственного Страхования (Госстрах Союза ССР). В союзных республиках имеются еще правления государственного страхования, действующие на территории соответствующих республик (Белгосстрах, Росгосстрах и т. д.). Высшим органом надзора по отношению к Госстраху СССР является НКФ СССР. При НКФ СССР состоит Страховой Совет – учреждение совещательного характера; свои страховые советы имеются и при НКФ союзных республик. Для проверки отчетности Госстраха назначаются ежегодно НКФ СССР и НКФ союзных республик по принадлежности ревизионные комиссии. Местными органами Госстраха являются управления, конторы и агентства (агенты). В состав местных органов входят также страховые инспектора, волостные доверенные и др. Имеются еще ряд органов, оказывающих содействие, но не подчиненных непосредственно Госстраху – субагенты, агенты-акквизиторы, сборщики и местные финорганы. Содействие Госстраху оказывают и местные органы власти в лице местных исполнительных комитетов и сельских советов. Необходимо отметить, что и само население оказывается приобщенным к страховому делу; согласно декрету СНК РСФСР от 10/IX–26 г. (С.У., 1926 г., № 60, ст. 464), в целях привлечения местного населения к страховому делу и для установления более широкой связи органов государственного страхования с широкими крестьянскими массами, общее собрание (сход) каждого селения выбирает страховых уполномоченных, которые совместно со страховыми агентами принимают участие в работе по регистрации, оценке имущества и ликвидации страховых случаев по сельскому страхованию, а также по распределению сельскими советами льгот по уплате окладных платежей; при каждом волостном или соответствующем ему исполнительном комитете образуется секция по страховым вопросам; при каждом уездном и губернском (или соответствующем им) исполнительном комитете образуется страховое совещание; в автономных республиках, краевых объединениях и областях, не имеющих губернского деления, страховые совещания образуются при ЦИК'ах автономных республик, краевых и областных исполнительных комитетах³. Постановлением ЭКОСО РСФСР от 4/II–26 г. (С.У.,

¹ Положение о Госстрахе, ст. I, прим. 2.

² Положение о Госстрахе, ст. 20–45.

³ Аналогичный декрет имеется уже в БССР; предполагается издание подобных декретов и в других союзных республиках; Потоцкий, Вестн. Госстр., 1926 г., № 19–20, стр. 10.

1926 г., № 7, ст. 51) образованы также особые комиссии для предоставления льгот по обязательному окладному страхованию в городах.

§ 2. Источники страхового права

Литература

Гойхбарг, Источники договорного страхового прав, Вестн. Гражданск. Права, 1913 г., № 2; Серебровский, Источники советского страхового права, «Право и Жизнь», 1925 г., № 6; Очерки советского страхового права, гл. III. Hagen, VIII, § 12–33; Némard, II, стр. 415–567.

I. Во Франции ГК уделяет страхованию несколько слов. Морское страховое право регулируется торговым Кодексом (332–396). Если не считать некоторых законов специального характера (например, закон 1904 г. о воспреещении страхований на случай смерти детей, не достигших 12-летнего возраста), остальные виды страховых операций регулируются преимущественно полисными условиями страховых обществ и судебной практикой. В 1868 г. был издан особый закон о страховых обществах, замененный теперь новым законом 1922 г. об образовании страховых обществ. Надзор за деятельностью обществ страхования от несчастных случаев осуществляется законом 1905 г., впоследствии неоднократно изменявшимся; надзор за деятельностью обществ страхования жизни проводится другим законом тоже 1905 г. В 1904 г. был выработан и внесен на рассмотрение парламента проект закона о страховом договоре¹.

В Германии все виды страхования, кроме морского и перестрахования, подчинены действию закона 1908 г. о страховом договоре. Некоторые правила, касающиеся страхования, содержатся и в Гражданском Уложении (§ 330, 759 сл., 1046, 1127 сл.). Морское страхование нормируется торговым Кодексом 1897 г. (с последующими изменениями) и общегерманскими правилами морского страхования 1919 г., заменившими ранее действовавшие Гамбургские правила морского страхования 1867 г. Отдельные виды страхования регулируются кроме того особыми правилами страхования (полисными условиями). Страховой надзор за деятельностью страховых обществ осуществляется законом 1901 г. (с последующими изменениями). В отноше-

¹ В 1925 г. на рассмотрение парламента поступил новый проект, выработанный внепарламентской комиссией. *Revue trimestrielle de droit civil*, 1925 г., № 4. По полученным во время печатания этой работы сведениям, проект этот с некоторыми изменениями уже утвержден французским парламентом и передан на утверждение Сената; *Revue d. dr. civ.*, 1927, № 1, стр. 280. При писании настоящей работы мог быть использован только проект закона.

нии страховых операций, проводимых общественными страховыми учреждениями, применяются нормы закона отдельных государств, входящих в Германию (баварск. закон 1884 г., прусский закон 1910 г. и др.).

Австрия имеет с 1917 г. специальный закон, регулирующий все виды страховых операций, кроме морского страхования и перестрахования. Страховой надзор за деятельностью страховых обществ осуществляется законом 1921 г.

В Швейцарии с 1908 г. действует федеральный закон о страховом договоре, являющийся до сих пор непревзойденным образцом законодательного страхового творчества. Кантональное законодательство регулирует различные виды публичного страхования. Страховой надзор осуществляется законом 1885 г. В 1919 г. был издан федеральный закон о гарантиях, выдаваемых страховыми обществами.

Италия нормирует страхование в своем торговом Кодексе. Новый проект торгового Кодекса, выработанный под председательством Виванте, дает подробную и чрезвычайно интересную регламентацию страхованию, отразившую в себе принципиальные воззрения Виванте на страхование¹. Проект этот не получил силы закона.

В Англии морское страховое право регулируется законом 1906 г. Имеется ряд отдельных страховых законов (National insurance Act 1911, Industrial insurance Act 1913 и др.). Но в общем страхование (кроме морского) регулируется преимущественно судебной практикой – common law. Контроль за деятельностью страховых обществ осуществляется законом 1909 г.

В Сев.-Амер. Соед. Штатах нет общегосударственного страхового законодательства, и отдельные штаты имеют свое собственное страховое законодательство (Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс и др.). Особое внимание законодательства отдельных штатов уделяют вопросам организации страховых обществ и контроля за ними².

II. Источниками действующего советского страхового права являются: 1) общесоюзное страховое законодательство, 2) законы, регулирующие страхование, издаваемые союзными республиками в развитие общесоюзного страхового законодательства, 3) правила страхования (полисные условия), утверждаемы НКФ СССР³.

¹ «Итальянский проект Торгового Кодекса» – пер. под ред. проф. В.М. Гордона; 1925.

² Скандинавские страны (Дания, Швеция, Норвегия и Финляндия) в последнее время приступили к выработке общего страхового закона. В 1924 г. был выработан проект, сохраняющий, однако, много особенностей для каждого из указанных 4-х государств; Ehrenzweig, Moderne Entwicklungsbestrebungen im Recht des Versicherungsvertrages; 1925.

³ Положение о Госстрахе, ст. 4.

Основным источником советского страхового права является Положение о Государственном страховании Союза ССР (С.З., 1925 г., № 75, ст. 537), определяющее общие положения о страховании как страховой монополии и об изъятиях из нее виды, страховых операций, структуру центральных и местных органов государственного страхования, порядок образования средств и отчетности Госстраха. Положением о Госстрахе регулируется также страхование кооперативных имуществ и перестрахование рисков Госстраха в иностранных страховых организациях. Из числа нормативных страховых актов общесоюзного значения надо отметить еще: постановление СНК СССР от 16/XII–24 г. о государственном гарантийном страховании (С.З., 1925 г., № 1, ст. 11) и постановление ЦИК и СНК СССР от 16/I–25 г. о выгодоприобретателях по договорам личного страхования и их правах (С.З., 1925 г., № 4, ст. 43).

Из числа нормативных страховых актов республиканского значения заслуживают особого внимания правила о страховании ГК союзных республик, подробно регулирующие договорное страховое право (ст. 367–398)¹.

Правила страхования, утверждаемые НКФ СССР и изданные Госстрахом для всех видов страховых операций, проводимых Госстрахом, как по обязательному, так и по добровольному страхованию, также являются чрезвычайно важным источником советского страхового права.

В качестве источника страхового права могут иметь значение в некоторых случаях и постановления местных органов власти².

Ввиду интернационального характера морского страхования (а отчасти и других видов транспортного страхования) дополнительными источниками права могут являться нормы иностранного права – английского, германского и др³. Несомненно, иностранное право является источником права и в порядке коллизионном⁴.

Вопрос о соотношении источников советского страхового права между собой должен разрешаться тем же порядком, как и других нормативных актов⁵.

¹ Интересную оценку правил страхования ГК дает австрийский ученый Эренцвейг в указанной выше работе; см. также статью проф. М.Я. Пергамент, Страховой сборник, стр. 33; 1926 г.

² Положение о Госстрахе, ст. 11.

³ Ср. правила страхования грузов по морским г 18/IX–25 г., § 30.

⁴ ГПК, ст. 7.

⁵ Серебровский, Очерки, стр. 25 след.

Глава III

ВИДЫ СТРАХОВАНИЯ

§ 1. Виды страхования по их юридической природе

Литература

Потоцкий, Краткий курс, гл. III. Мен, Вестн. Госстраха, 1923 г., № 7–8, 22–23; его же – Имущественное страхование по законодательству СССР; 1924. Красников, Вестн. Госстраха, 1923 г., № 13–15. Домбровский, Вестн. Госстраха, 1923 г., № 1–2. Рыбников, Вестник Госстраха, 1923 г., № 11–12. М. Я. Пергамент, Вестн. Госстраха, 1923 г., № 21, 1924 г., № 11–12. Зильберштейн, Советское Право, 1925 г., № 4. Серебровский, Очерки, гл. VI. Гаген, I, § 76.

По своей юридической природе страхование распадается на 2 вида: страхование **д о б р о в о л ь н о е** и страхование **о б я з а т е л ь н о е**.

I. Страхование добровольное возникает из свободного соглашения сторон – страхового договора. В западно-европейских государствах, где страховое дело сосредоточено по преимуществу в руках акционерных обществ, добровольное страхование (договорное) играет доминирующую роль; страхование же обязательное применяется реже; этим, между прочим, объясняется тот факт, что именно договорное страхование и является предметом особых забот законодателя (герм., австр. и швейцарский законы о страховом договоре).

Являясь юридическим институтом, основанным на свободном волеизъявлении сторон, страховой договор приобретает, однако, в западноевропейском праве (по преимуществу, центральной Европы) некоторые своеобразные черты, отличающие его от многих распространенных договоров гражданского и торгового права. В договоре страхования обычно сталкиваются интересы сторон, далеко не равных друг другу по своей экономической мощи и осведомленности. С одной стороны выступает страховщик, чаще всего акционерное страховое общество – организация крупнокапиталистическая, располагающая всеми данными, которые могут ей доставить разнообразные научные дисциплины (математика, технология, медицина и проч.); с другой стороны выступает страхователь, обычно отдельное физическое лицо, экономически малообеспеченное и не искушенное не только в тонкостях страхового дела, но и не знакомое с его основными принципами. Этим объясняется, что страховое законодательство ряда стран (Германии, Швейцарии,

Австрии) вводит ряд положений, значительно сужающих в интересах страхователя сферу договорной свободы. Устанавливаются многочисленные нормы принудительного характера, не подлежащие изменению соглашением сторон в ущерб для страхователя¹. Тем самым страховой договор в значительной степени проникается «социальными» элементами.

В СССР страховой договор, естественно, играет роль значительно меньшую, нежели на Западе. Плановость хозяйства СССР делает и страхование одной из частей сложного хозяйственного механизма: государство применяет страхование там, где для государства это оказывается нужным и полезным. Во многих случаях, когда на Западе заключение страхования предоставлено свободному усмотрению сторон, в СССР в тех же случаях страхование является обязательным, возникает в силу закона, помимо желания и даже воли страхователя. Поэтому роль страхового договора в СССР оказывается значительно более суженной по сравнению с Западной Европой и Америкой². Но, тем не менее, нельзя отрицать, что и в СССР в настоящее время добровольное страхование является немаловажной статьей в общем страховом балансе³, и советское страховое законодательство уделяет страховому договору достаточное внимание.

Положение о Госстрахе, говоря о добровольном страховании, ограничивается, правда, немногим. Оно указывает, что добровольное страхование совершается в форме договора, заключаемого по добровольному соглашению сторон, и перечисляет виды добровольного страхования, проводимые Госстрахом⁴.

Зато ГК союзных республик уделяют страховому договору большое внимание⁵.

Согласно ст. 367 ГК, по договору страхования одна сторона (страхователь) обязуется уплатить условленный взнос (страховую премию), а другая сторона (страховщик) обязуется в случае наступления предусмотренного в договоре события (страхового случая) при имущественном страховании возместить страхователю или третьему лицу (выгодоприобретателю) поне-

¹ Особенно резко начало принудительности проводится в швейцарском страховом законе 1908 г., где соглашением сторон не могут быть изменены постановления целого ряда статей закона (§ 97). Напротив, в странах англо-саксонских (Англии, С.-А. С. Ш.) сообразно более индивидуалистическому характеру права этих стран превалирует начало договорной свободы.

² Существует взгляд, что добровольное страхование в СССР есть достояние НЭП'а и с изживанием этого периода должно отмереть; поскольку в дальнейшем останется частное хозяйство, оно должно будет страховаться обязательно; прим. Семенова к книге Потоцкого, Краткий курс, стр. 25.

³ См. Брюханов. Пять лет советского государственного страхования, «Фин. Газета», 1926 г., № 230.

⁴ Положение о Госстрахе, ст. 7, 17.

⁵ Ст. 367–397.

сенные ими убытки в пределах установленной по договору суммы (страховой суммы), при личном же страховании – уплатить страховую сумму. Таким образом, ГК, подчеркивая альтернативный характер предоставлений страховщика (возмещение убытков – уплата условленной страховой суммы), не дает единого определения страхового договора. В этом отношении ГК не отстывает от иностранных законодательств (Германии, Австрии и Швейцарии).

Обращаясь теперь к общей характеристике страхового договора, поскольку он нашел свое выражение в нормах ГК, мы должны признать, что то сужение договорной свободы, которое мы отметили как характерную особенность ряда наиболее значительных страховых законов Западной Европы, является выраженным в ГК несколько слабее, нежели в этих западноевропейских законах¹. Но это не означает, что советское право оставило открытым вопрос об общем характере взаимоотношений сторон. В советском страховом праве те последствия, которые западноевропейский законодатель пытается достичь путем открытого ограничения принципа договорной свободы, достигаются иным путем. Общей презумпцией является положение, что государство, проводящее страховую монополию, преследует цели не извлечения прибыли, а оказания помощи населению, пострадавшему от стихийных бедствий². При наличии такой общей презумпции представляются излишними те специальные мероприятия, с помощью которых западноевропейские законодательства пытаются оградить страхователей от злоупотреблений со стороны частных страховщиков³.

II. Страхование обязательное возникает непосредственно в силу закона или по принуждению со стороны закона. В советском страховом праве такого рода страховые отношения имеют место при обязательном о к л а д н о м страховании и при обязательном н е о к л а д н о м страховании⁴.

1. Обязательное окладное страхование в СССР распространяется на: а) строения, принадлежащие кооперативам и частным лицам, страхуемые от огня, б) растительные культуры, страхуемые от градобитий, и в) скот, страхуемый от падежа.

Безусловная обязательность страхования установлена, впрочем, только для страхования от огня. Что же касается окладного страхования растительных культур от градобития и скота от падежа, то оно может быть введено в обяза-

¹ Особенно, если сравнить с швейцарским законом о страховом договоре.

² Розеноер, Вестник Госстраха, 1924 г., № 19, стр. 7.

³ Можно было бы сослаться и на ст. I ГК.

⁴ Положение о Госстрахе, ст. 5. § 192 Германского страхового закона говорит о страхованиях, возникающих в общественном учреждении (öffentliche Versicherungsanstalt), согласно местному праву, непосредственно в силу закона, и о страхованиях, возникающих путем принуждения к тому со стороны закона.

тельном порядке в пределах плана, утверждаемого СТО СССР, лишь постановлениями совнаркомов, краевых, областных, губернских и соответствующих им исполнительных комитетов в тех округах, уездах и территориально-административных единицах, в которых окружными, уездными или соответствующими им съездами советов или пленумами исполнительных комитетов будут вынесены постановления о введении указанных видов страхования¹.

Обязательное окладное страхование рассчитано на массовое применение и пользуется упрощенными формами. Оно не обеспечивает действительной стоимости имущества, а идет путем установления однородных групповых норм. Эти групповые нормы носят название окладных, так как в соответствии с ними на страхователя начисляется известный обязательный платеж — оклад. Поэтому и само страхование называется окладным². По обязательному окладному страхованию имущества считаются застрахованными силой самого закона. Заключения особого договора с Госстрахом не требуется. Районы действия окладного страхования, размер окладных страховых норм и страховых премий, а также сроки страховых периодов, устанавливаются помимо воли страхователя³. Оценка имущества производится Госстрахом и считается окончательной. Неуплаченная в срок страховая премия (оклад) перечисляется в недоимку и взыскивается в бесспорном административном порядке. Характерно, что страхование считается заключенным, хотя бы страховая премия и не была еще уплачена страхователем⁴.

Преследуя цели обеспечения широких кругов населения, обязательное окладное страхование предоставляет некоторым группам сельского и городского населения ряд льгот. Одни группы населения оказываются целиком освобожденными от уплаты страховых премий (окладов), другие пользуются известными скидками с тарифов страховых премий (окладов)⁵.

¹ Положение о Госстрахе, ст. 9. Пост. СТО СССР от 14/IX–26 г., ст. 2 (С.З., 1926 г., № 62, ст. 469, 470).

² Потоцкий, Краткий курс, стр. 26. Примерно обязательным окладным страхованием обеспечивается около $\frac{1}{3}$ погибшего имущества; Брюханов, «Фин. Газ.», 1926 г., № 230.

³ План обязательного окладного страхования в городах и в сельских местностях на [19]26–[19]27 г. установлен постановлением СТО СССР 14/IX–26 г. (С.З., 1926 г., № 61, ст. 469, 470). Сроки взноса платежей по обязательному окладному страхованию в сельских местностях в [19] 26–[19]27 г. по РСФСР установлены 23/IX–26 г. ЭКОСО РСФСР (С.У., 1926 г., № 61, ст. 472).

⁴ Положение о Госстрахе, ст. 8; прав. обяз. окл. страх. от огня, § 4, 5, 11, 20, 21; прав. обяз. страх. животных, § 3, 4, 19.

⁵ Постановление СТО от 14/IX–26 г. об обяз. страховании в городах, ст. 9–11; пост. СТО от 14/IX–26 г. об обяз. страх. в сельск. местн., ст. 6, 7. Для РСФСР — пост. ЭКОСО о применении льгот по обяз. окл. страх. от 23/IX–26 г. (С.У., 1926 г., № 61, ст. 473) и от 14/X–26 г. («Изв.», 1926 г., № 287).

2. Обязательное неокладное страхование применяется в настоящее время в СССР при страховании от огня и при транспортном страховании и распространяется на: а) имущества, принадлежащие государству и местным советам, находящиеся во временном владении, пользовании или распоряжении на началах аренды, права застройки, комиссии или по какому-либо иному основанию у кооперативов и частных лиц, физических и юридических; б) имущества, принадлежащие кооперативам и частным лицам, служащие обеспечением ссуд, выданных государственными, в том числе и коммунальными, кредитными учреждениями; в) товары, принадлежащие государственным органам, кооперативам и частным физическим лицам, поступающие на хранение в специальные товарные склады, если под эти товары выданы варрантные свидетельства¹.

С внешней стороны обязательное неокладное страхование должно совершаться в форме договора страхователя с Госстрахом, к заключению которого стороны обязываются силой закона. Содержание всех необходимых условий договора, касающихся имущества, отдаваемого на страх, рода опасности, срока страхования, размера страховой премии и страховой суммы, определяется также в обязательном порядке. В частности, положение о Госстрахе фиксирует, что страховая сумма не может быть выше страховой оценки имущества, но в то же время не может быть и ниже страхового интереса, обеспечиваемого обязательным неокладным страхованием. В отличие от бесспорного порядка взыскания страховой премии, применяемого при обязательном окладном страховании, взыскание страховой премии при неокладном страховании производится в порядке выдачи судебного приказа. В случае уклонения лиц, к тому обязанных, от заключения договора неокладного страхования Госстрах обязывается законом предъявить иск о признании за ним всех прав, вытекающих из заключения такого договора. После признания судом за Госстрахом соответствующих прав и обязанностей Госстрах приступает ко взысканию со страхователя причитающейся с него страховой премии в бесспорном судебном порядке².

3. Большой интерес для юриста представляет вопрос о юридической природе обязательного страхования. В другой работе нам уже пришлось

¹ Положение о Госстрахе, ст. 13. Пост. ЦИК и СНК СССР от 4/IX-25 г. о документах, выдаваемых товарн. складами (С.З., 1925 г., № 60, ст. 445). К частным юридическим лицам приравниваются и смешанные акционерные общества, уставами которых предусматривается участие частного капитала; Положение о Госстрахе, прим. к ст. 13. Распространение неокладного страхования на иные виды имущества, кроме перечисленных, а также ограничение применения неокладного страхования как в отношении рода имуществ, так и рода опасности, производится, по представлению Госстраха, постановлениями СТО; Пол. о Госстр., ст. 14.

² Положение о Госстрахе, ст. 12, 15.

подробно коснуться этого вопроса¹. В настоящее время мы можем дать только суммарное изложение высказанных нами ранее взглядов.

Вопрос о юридической природе обязательного страхования, в сущности, представляет собою вопрос о том, что лежит в основании страхового правоотношения при обязательном страховании: договор или закон, и является ли само правоотношение отношением права гражданского или публичного².

Что в основании обязательного окладного страхования лежит веление закона, сомневаться не приходится. Все существенные части страховых отношений между страхователем и Госстрахом, как мы видели, определяются законом (и правилами страхования), причем имущество оказывается застрахованным помимо воли и желания страхователя и даже независимо от взноса им страховой премии³. Поэтому нельзя согласиться с Е. Меном, находящим, что «в самом существе возникающих по страховому договору между сторонами правоотношений нет решительно никакой разницы между окладным и неокладным страхованием, ни между каждым из них и страхованием добровольным»⁴. В действительности, источником возникновения страхового правоотношения является закон, а не договор, и само правоотношение, несомненно, представляет собою отношение публичного права.

Большие трудности представляет вопрос о юридической природе обязательного неокладного страхования.

Мы видели, что Положение о Госстрахе говорит о заключении обязательного неокладного страхования в форме договора, к чему стороны обязываются велением закона. Таким образом, по мысли законодателя, в основании неокладного страхования лежит так наз. принуждение к заключению договора.

Юридическая природа «принуждения к заключению договора» (*Kontrahierungszwang*) уже давно привлекла к себе внимание юристов⁵. Один из позднейших сторонников этого института (Ниппердей) определяет *Kontrahierungszwang* как возложение на субъекта помимо его воли в силу норм существующего правопорядка (объективного права) в интересах другого

¹ Серебровский, Очерки, гл. V, § 3. Среди советских юристов этот вопрос вызвал большие разногласия; см. литературу, указ. в начале параграфа.

² К институтам публичного права обязательное неокладное страхование относят П. Домбровский и С. Рыбников. Противоположного взгляда придерживаются проф. М. Я. Пергамент, Е. Мен и С. Красников.

³ Что не делает, однако, обязательного окладного страхования налогом, как думают некоторые; см. Н. Зильберштейн, Сов. Право, 1925 г., № 4.

⁴ Вестник Госстраха, 1923 г., № 7–8, стр. 4.

⁵ Biermann, *Rechtswang z. Kontrahieren*, Jhering's, Jahrb. B. 32. Последнее время учение о *Kontrahierungszwang* получило подробную разработку у – Nipperdey, *Kontrahierungszwang und Dicterter Vertrag*; 1920.

лица обязанности заключить договор, содержание которого установлено заранее или будет установлено кем-либо, стоящим вне этого договора. Ниппердей делит разнообразные появления Kontrahierungszwang'a на две категории. В качестве субъектов отношения в первую категорию входят: железные дороги, почта и т. п., лица, занимающиеся профессиями, нуждающимися для осуществления своей деятельности в разрешении, утверждении и т. п. со стороны правительственного учреждения (аптеки, извозчики и т. д.), и нек. др. Вторая категория обнимает, по преимуществу, случаи, возникающие в условиях принудительно организованного народного хозяйства (в Германии во время войны на продавцов возлагалась обязанность продавать товар по твердой цене под угрозой его отчуждения органом власти и т. д.). В случае отказа обязанного лица от заключения договора нормальным средством принуждения, по германскому праву, является заключение договора в судебном порядке¹. В тех случаях, когда этот обычный путь принуждения закрыт (случаи второй категории), принуждение к заключению договора осуществляется в форме так наз. предписанного договора (Dictierter Vertrag), где все содержание договорных отношений устанавливается помимо воли сторон.

Как, однако, указывают некоторые авторы², когда говорят о Kontrahierungszwang'e, то в большинстве случаев вообще нельзя видеть договорных отношений. Железная дорога и почта обязаны к перевозке грузов и доставке писем уже в силу закона, и вовсе не требуется, чтобы перевозке грузов или пересылке писем предшествовал особый договор перевозки или пересылки. Также обстоит дело и в других приведенных выше случаях, где иногда усматривается наличие Kontrahierungszwang'a. Во всех этих случаях в силу закона возникает не обязанность к заключению договора, но только обязанность к доставке воды, электричества и т. д. Поэтому при отказе в выполнении этих обязанностей надлежит предъявлять иск не о заключении договора, а об истребовании того, что истцу причитается в силу действующих постановлений закона. Обязательства железной дороги, почты и т. п. возникают не в силу договора, а непосредственно в силу закона (aus einem gesetzlichen Tatbestand). Тем менее можно говорить о договорных отношениях, когда в случае отказа лица, обязанного заключить договор, таковой совершается судом: здесь отсутствуют какие-либо элементы договора. Таким образом, понятие Kontrahierungszwang'a

¹ § 894 Герм. Граж. Проц. Устава гласит: «если должник присужден к выражению волеизъявления, то это волеизъявление считается выраженным со времени вступления в силу судебного решения». В силу принятой фикции, договор считается, таким образом, заключенным, хотя бы обязанное лицо и не выразило соответствующего волеизъявления.

² Thur, Schweiz. O. R., s. 238; см. также Schlossmann, Ueber d. Vorvertrag u. d. rechtl. Natur d. sog. Realkontrakte, Jhering's Jahrb. B. 45.

само по себе не является надежным средством для уяснения интересующего нас явления. Для выяснения юридической природы неокладного страхования приходится обратиться непосредственно к анализу тех правоотношений, которые свойственны этому виду обязательного страхования.

Статья 130 ГК гласит: договор признается заключенным, когда стороны выразили друг другу согласие по всем существенным его пунктам; существенными во всяком случае признаются: предмет договора, цена, срок, а также все те пункты, относительно коих по предварительному заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Это означает, что о договоре вообще может идти речь только тогда, когда в составе юридических отношений между сторонами остаются хотя бы в незначительном числе те элементы, для возникновения коих необходима встреча двух свободных волеизъявлений (для установления правоотношения, для выбора другой стороны, для определения прав и обязанностей)¹. Как раз все эти элементы при неокладном страховании отсутствуют. Заключение обязательного неокладного страхования не зависит от воли сторон. Возможность выбора контрагента отпадает, так как единственным страховщиком является Госстрах. Все существенные части правоотношения при неокладном страховании устанавливаются помимо желания и воли страхователя даже тогда, когда он изъявляет желание оформить эти отношения в виде договора, как этого требует Положение о Госстрахе СССР.

Формально неприменение норм гражданского права для правоотношений, вытекающих из неокладного страхования, проявляется в ст. 398 ГК, указывающей, что постановления настоящей главы не распространяются на все виды обязательного страхования, поскольку в правилах о последних не указывается на эти постановления². Но это принципиальное неприменение норм гражданского права в отношении неокладного страхования обнаруживается достаточно отчетливо и из характера самого правоотношения.

Для государства небезразлична судьба государственного или коммунального имущества, находящегося на различных юридических основаниях у кооперативов и частных лиц: государство заинтересовано в полной сохранности этих имуществ или, по крайней мере, их стоимости. Равным образом государство заинтересовано в том, чтобы государственные и коммунальные кредитные учреждения, занимающиеся выдачей ссуд под обеспече-

¹ М. М. Агарков, *Право и Жизнь*, 1922 г., № 3, стр. 14, 15.

² Правда, в правилах обязательного страхования от огня 1922 г. содержится положение, указывающее, что подлежащие неокладному страхованию имущества поступают на страх по правилам добровольного страхования (§ 33). Но изданные впоследствии инструкции по страхованию коммунальных и государственных имуществ, циркуляры Госстраха, Положение о Госстрахе и Инструкция Госстраха 1927 г. о порядке оформления обязательных неокладных страхований подчинили обязательное неокладное страхование действию права, не находящего себе выражения в нормах ГК о страховании.

ние, а также и товарные склады, выдающие под принятые на хранение товары варрантные свидетельства, могли вести свои операции без риска понести убытки от случайной гибели имущества, принятого ими в обеспечение или на хранение¹. Этот государственный (публично-правовой) интерес и стимулирует появление в Положении о Госстрахе характерного правила, что имущества, подлежащие неокладному страхованию, должны быть застрахованы в сумме, которая не может быть выше страховой оценки имущества и не может быть ниже страхового интереса, обеспечиваемого неокладным страхованием. По тем же причинам не предоставлено свободному усмотрению сторон определение других основных элементов страхового правоотношения — страхового риска, премии и срока². Но не только в указанных моментах проявляется публично-правовая природа неокладного страхования. Свое выражение она находит и в начале «принудительности», которому некоторые авторы (Е. Мен) напрасно отводят мало значения.

Какие бы ограничения не устанавливал законодатель для сферы применения частного права, но все же отличительным свойством последнего является автономия сторон. Где эта автономия юридически отсутствует, там нет и частного права. Нельзя отрицать, что в ряде случаев проведение отчетливой границы между публично-правовым и частноправовым отношением может представлять известные трудности. Но тем не менее есть формальные критерии, которые дают твердое основание для разграничения отношений на публично- и частноправовые. Для советского права характерно преобладание публично-правовых элементов над частноправовыми. Однако и в этой суженной сфере частное право характеризуется признаками, ему постоянно присущими. Нормальный способ возникновения юридического отношения частного права — договорное соглашение³. Закон не принуждает гражданина вступать в сделки с тем или иным субъектом (покупать, дарить и проч.); вступая в частноправовое отношение, гражданин сам выбирает себе контр-

¹ Д. Райхер видит социальнохозяйственное основание неокладного страхования для страхования товаров в товарных складах в том, что оно дополняет назначение варрантных операций служить облегчению залога и развитию товарного оборота, обеспечением интересов будущих залогодателей, а также и покупателей товаров, под которые выданы варрантные свидетельства. Вест. Госстр., 1926 г., № 23—24, стр. 25. Но и эта точка зрения, выдвигающая на первый план потребности оборота, в сущности, также исходит из превалирования государственного интереса.

² Положение о Госстрахе, ст. 12; ст. 164 ГК; § 31—33 Правил обязат. страх. от огня 1922 г.; цирк. Госстр. № 705 и дополнения к нему; напротив, для страхового правоотношения, основанного на договоре, является характерным как раз обратное: все существенные моменты правоотношения (страховая сумма, срок, круг имуществ, род опасности) устанавливаются по соглашению сторон.

³ См. решение ВАК РСФСР по делу ВСНХ и НКПрода (1925 г., № 11): «в отношениях ВСНХ и Наркомпрода отсутствуют, таким образом, элементы частноправовых отношений: добровольное соглашение и вступление в сделку с целью извлечения прибыли; в основе своей они имеют публично-правовой характер»; «Революционная законность», 1926 г., № 9, 10, стр. 61.

агента. В публичном праве гражданин должен вступать в отношения только с тем должностным лицом или органом власти, в компетенцию которого входят те или иные функции, права и обязанности. Одна сторона (по крайней мере) всегда определена в самом законе. Если свойством частноправового отношения является юридическое равенство сторон, то свойством публично-правового отношения является именно неравенство участников этого правоотношения, вытекающее из различия в их правоспособности. Особенно резко бросается в глаза отличительное свойство правоспособности активного субъекта публично-правового отношения (органа власти, публично-правового учреждения) – присущее ему начало властвования. Но если даже в некоторых случаях это начало властвования и отсутствует, то активный субъект публично-правового отношения все же не превращается в обычного контрагента частноправовой сделки: активный субъект существует только для выполнения некоторых должностных действий; ему чужд личный интерес¹.

Те характерные черты, которые мы сейчас отметили при характеристике публично-правового отношения, свойственны и обязательному неокладному страхованию.

Начало принудительности, заставляющее страхователя страховать некоторые имущества в Госстрахе, а Госстрах принимать эти имущества на страх, делает их сторонами юридически неравноправными. Страхователь помимо своего желания подчиняется власти Госстраха. Эта власть Госстраха выражается внешне в правилах, издаваемых Госстрахом, регулирующих условия и порядок заключения неокладного страхования, а равно и последствия незаключения такового (Положение о Госстрахе, ст. 12). В отличие от добровольного страхования, где правила страхования являются только типовыми условиями договора, которые лицо, желающее застраховать имущество, может принять или отвергнуть, при неокладном страховании воле страхователя нет места, так как правила эти являются для него обязательными. Таким образом, начало юридического равноправия, свойственное договору гражданского права, здесь отсутствует².

¹ См. В.Л. Кобалевский, Очерки советского административного права, гл. II (и литература, там указанная); 1924 г.

² Начало властвования характерно проявляется, в частности, в праве представителя Госстраха требовать от арендатора или учреждения, заключившего договор с последним, производства надлежащего ремонта для приведения имущества в технически удовлетворительное состояние, при выполнении коего имущество может быть принято на страх. Прав. обяз. страх. от огня, доп. к § 1, прил. 2. Публичное правовое свойство отношения при неокладном страховании сказывается и при выдаче страхового вознаграждения; согласно инструкции НКВД и НКЮ РСФСР от 12/XII–25 г., сгоревшие строения должны быть восстановлены в том виде, в каком они были до пожара, или по новому проекту, утвержденному Коммуналделом; застройщик обязан присту-

Еще менее, разумеется, можно говорить о договорном (гражданско-правовом) характере неокладного страхования, когда страхователь уклоняется от оформления этого правоотношения и когда имущество считается застрахованным в судебном порядке со времени получения Госстрахом судебного приказа о взыскании страховой премии¹.

Анализ страхового правоотношения по неокладному страхованию, таким образом, показывает, что это правоотношение и по основанию своего возникновения, и по характеру установления всех своих существенных элементов, и по свойству прав и обязанностей сторон, несомненно, является отношением публичного права.

Мы полагаем, что то правоотношение, которое возникает между страхователем и Госстрахом при неокладном страховании, представляет собою в действительности не договор в смысле ГК (ст. 130), а разновидность совершенно особого публично-правового института – принудительного использования публично-правового учреждения обязанным к тому лицом. Сущность этого института заключается в том, что известное публично-правовое учреждение (Anstalt) принуждается выполнить некоторую обязанность по отношению к данной категории лиц (Zulassungszwang); в свою очередь, эти лица принуждаются к использованию в этом отношении соответствующего учреждения (Nutzungszwang). К числу подобного рода институтов в германском праве относят – обязательное государственное страхование строений от огня или скота от падежа, принудительное присоединение к водопроводной или канализационной сетям, принадлежащим городу, обязательное народное школьное обучение, обязательное социальное страхование и др. Во всех указанных здесь случаях отношения лежат в плоскости публичного права².

Также строятся отношения и при обязательном неокладном страховании, где, с одной стороны, публично-правовое учреждение (Госстрах) принуждается к принятию на страх известных, строго определенных в законе категорий имущества (Zulassungszwang), с другой стороны, точно указанные в законе лица принуждаются к использованию в этом отношении Госстраха (Nutzungszwang)³.

пить к исправлению повреждений, произведенных пожаром и восстановлению сгоревших строений в течение первого строительного сезона со времени получения страховых сумм и закончить означенные строительные работы к сроку, устанавливаемому Коммуналделом по соглашению с застройщиком; бюлл. НКВД, 1926 г., № 1–2.

¹ См. гл. V.

² Fleiner, Institutionen d. d. Verwaltungsrechts, s. 311; 1922. Hatscheck, Lehrb. d. Verwaltungsrechts, § 59; 1924.

³ Подобного рода отношения известны и иностранному страховому праву; см. коммент. к герм. страх. закону 1908 г. Манеса, § 192, стр. 782. Об особенностях правового режима германских страховых публично-правовых учреждений в отношении – обязанности приема известных кате-

Нельзя не отметить, однако, что правила об обязательном неокладном страховании, изложенные в Положении о Госстрахе, не являются вполне законченными с точки зрения своего юридического построения. Согласно ст. 16 Положения о Госстрахе, в случае удостоверенной судебным исполнителем безуспешности взыскания со страхователя страховой премии Госстрах должен предъявить требование об уплате премии к тому государственному органу, в ведении которого находится имущество, подлежащее страхованию, причем если этот орган в двухнедельный срок не внесет страховой премии, то договор страхования считается утратившим силу. Поэтому достаточно будет судебному исполнителю потерпеть при взыскании страховой премии неудачу, а подлежащему госоргану не внести в двухнедельный срок эту премию, и правоотношение из «обязательного» неокладного страхования прекращает свое существование.

§ 2. Виды страхования по роду страхуемых опасностей

Литература

Шершеневич, II, § 105, § 113, III, § 171–174. Федоров, Торговое право, стр. 851 сл., 890 сл.; 1911; его же – Морское право, стр. 246–343; 1913. Шре-тер, Внутренняя торговля, стр. 221–224; 1926. Потоцкий, Краткий курс страхования, гл. IX, XVIII; 1925. Мен, Имущественное страхование по законодательству СССР, V; 1924. Домбровский, Вестник Госстраха, 1925 г., № 5; его же – Ежегод. Сов. Юстиции, 1925 г., № 37. Крюков, Ежегод. Сов. Юстиции, 1925 г., № 19. Астрахан, Право и Жизнь, 1926 г., № 2–3. Домбровский, Инов-евс, Платонов, Гарантское страхование; 1925. Гохман, Страхование жизни, второе издание; 1926. Линдебратен и Долгов, Морское страхование; 1925. Гаген, VII, I, § 137, VIII, 2. Эмар, II, стр. 64–540. Кэди, VIII–XIII; 1925.

Все виды страхования обычно делятся на две основные группы: страхо-вание и м у щ е с т в е н н о е и страхование л и ч н о е¹. В свою очередь,

горий рисков (Annahmepflicht), права на принудительное в административном порядке взыска-ние страховых окладов, порядка определения страховой суммы в соответствии со стоимостью застрахован. объекта, см. Гаген, I, стр. 175.

¹ ГК, ст. 367, Положение о Госстрахе, ст. 7, герм. закон, § 1. С делением страхования на имуще-ственное и личное не надо смешивать деления страхования на страхование убытков и страхова-ние сумм (Schaden – und Summenversicherung), так как страхование имущества является страхо-ванием убытков, но страхование лица, являясь во многих случаях страхованием сумм, иногда имеет целью и возмещение убытков (страхование от болезней, несчастных случаев). ГК смеши-вает в ст. 367 эти понятия.

имущественное и личное страхования допускают ряд дальнейших подразделений.

И. Имущественное страхование в зависимости от рода опасностей, угрожающих имуществу, делится на чрезвычайно большое количество разновидностей. Положение о Госстрахе перечисляет следующие разновидности операций по имущественному страхованию, разрешенные Госстраху: 1) страхование имущества от огня, 2) страхование средств транспорта, грузов, фрахта и т. п., а также почтовых посылок от опасностей на путях водного, сухопутного и воздушного сообщения (транспортное страхование), 3) страхование животных от падежа, 4) страхование растительных культур от градобития, 5) страхование от краж со взломом¹, 6) страхование от убытков, причиняемых работодателям их служащими и рабочими в связи с исполнением работ по приему, хранению, выдаче, сопровождению в пути и охране денежных сумм, товаров и проч. ценностей (гарантийное страхование). Постановлением СТО СССР от 10/II–26 г. Госстраху разрешено еще ввести страхование гражданской ответственности, возникающей на водных, сухопутных и воздушных путях сообщения (С.З., 1926 г., № 8, ст. 68)².

1. При страховании имущества от огня, по действующим в СССР правилам, Госстрах возмещает убытки, понесенные страхователем от пожара, а также от удара молнии или взрыва газа, хотя бы удар молнии или взрыв газа и не повлекли за собой пожара³.

Определение понятия пожара вызывает некоторые затруднения. Надо признать, что не всякое уничтожение предмета огнем есть пожар. Казалось бы, можно относить к понятию пожара уничтожение имущества огнем только в тех случаях, когда это имущество сообразно своей природе, своему назначению или способу употребления не предназначалось к уничтожению действием огня⁴. Тогда в понятие пожара не войдут такие случаи, как горение дров в печке и т. д. Но тем не менее и данное нами определение может оказаться на практике не вполне удовлетворительным. Можно ли, например, считать пожаром, если прогорит костюм, повешенный у печки сушиться и т. п. В этом, как и в подобных ему случаях, дело идет о возмещении мало-важного вреда (Bagatellschaden): а) вред без появления огня (при сушке,

¹ Пока фактически Госстрахом не проводится.

² По постановлениям СТО СССР, государственное страхование может быть распространено и на другие, сверх указанных, виды страхования; Положение о Госстрахе, ст. 7, 9.

³ Правила обяз. страх. от огня, § 1, прав. добровольн. страх. от огня, § 1; ср. германск. закон., § 82.

⁴ Ср. германск. новые полисные условия страхования от огня: «страховщик не обязывается к возмещению вреда, который застрахованные предметы понесут от действия огня, если этому действию огня они подвергаются сообразно своему назначению»; Гаген, VIII, 2, § 329; различные определения понятия «пожар» – Manes, Versicherungslexicon, стр. 271.

стирке, варке и т. д.), б) вред с появлением огня, но без широкого распространения. Обычно страховые акционерные общества на Западе снимают с себя ответственность за убытки в подобных случаях путем включения в полисы соответствующих оговорок¹. Но в общем, только практика судов может в условиях данного правопорядка установить конкретное определение того явления, которое именуется пожаром.

Что касается распространения ответственности при страховании от огня и на случаи удара молнии или взрыва газов, хотя бы и не вызвавшие пожара, то причиной распространения ответственности Госстраха на эти случаи является тот факт, что обычно при указанных явлениях возникает пожар. Для тех же сравнительно не частых случаев, когда при наступлении подобного рода явлений пожар не наступает, нет оснований к организации особого вида страхования.

Цель страхования от огня заключается в возмещении тех убытков, которые в пределах страховой суммы страхователь может понести от пожара. Под убытками понимаются прямые убытки². Косвенные убытки, например, от перерыва фабричного производства, Госстрахом возмещаются только при наличии особого соглашения³.

В СССР страхование от огня бывает добровольным и обязательным; в свою очередь, обязательное страхование распадается на окладное и неокладное.

По добровольному страхованию от огня на страх принимается всякого рода имущество, кроме: а) обязательств, актов и всякого рода документов, б) золота и серебра в монетах и слитках, драгоценных камней, в) пороха, негашеной извести и всякого рода взрывчатых веществ. Перечисленные объекты не принимаются на страх: указанные в п. «а» и «б» – ввиду их легкости переноса (при возможно высокой ценности), указанные же в п. «в» – ввиду их высокой огнеопасности⁴.

Обязательному окладному страхованию от огня подлежат в сельских местностях и городах все строения, принадлежащие на праве собственности кооперативным организациям и частным лицам (физическим или юридическим). Собственные имущества кооперативных организаций освобождаются

¹ Versicherungslexicon, стр. 270.

² ГК, ст. 368., прав. добровольного страхования от огня, § 19. К убытка причисляются и расходы, произведенные по спасению застрахованного имущества; прав. добровольн. страх. от огня, § 17.

³ ГК, ст. 368. Несколько иначе – прав. добровольного страхования, § 19. На Западе страхование косвенных убытков проявляется обычно в форме особого вида страхования под названием – assurance *chômage* (от безработицы, от потерь, связанных с неполучением домовладельцем квартирной платы после пожара дома, от потерь, которые может понести предприниматель при забастовке и др.); Эмар, II, стр. 160 сл.

⁴ Прав. добровольн. страх. от огня, § 1.

от обязательного окладного страхования, если они застрахованы во взаимном страховании в суммах не ниже окладных норм¹.

Обязательному неокладному страхованию от огня подлежат все имущества, перечисленные Положением о Госстрахе, как подпадающие под действие обязательного неокладного страхования².

2. Страхование транспортное в широком смысле слова обнимает все виды страхований от опасностей, угрожающих имуществу на путях сообщения (морских, речных, сухопутных и воздушных)³. Но страхование на морских путях (морское страхование) ходом всего своего многовекового исторического развития заняло столь обособленное положение, что обычно и теория, и законодательство рассматривают его, противопоставляя сухопутному транспортному страхованию, как совершенно самостоятельный вид страхования⁴.

В СССР транспортное страхование может быть добровольным и обязательным неокладным (Положение о Госстрахе, ст. 13).

А. Морское страхование является наиболее старой отраслью страхования и отличается многими характерными особенностями. В то время как, например, при страховании от огня страхование заключается от определенной опасности (пожар), по морскому страхованию страховщик принимает на себя ответственность по всем опасностям, которые могут угрожать застрахованному объекту во время морского пути⁵. Чрезвычайно расширенным является также понятие страхового интереса: предметом страхования может быть не только интерес, связанный с судном (каско) или грузом (карго)⁶, но и интерес судовладельца в получении фрахта, причитающегося ему

¹ Прав. обязат. страх. от огня, § 2. Положение о Госстрахе, прил. к ст. 1, ст. 3. О строениях, не подлежащих обязательному окладному страхованию, см. прав. обяз. страх. от огня, § 3.

² Положение о Госстрахе, ст. 13. О строениях, не подлежащих обязат. неокладному страхованию, см. прав. обяз. страх. от огня 1922 г., доп. к § 1, прав. добровольного страхования.

³ Сюда входит и страхование самолетов; прав., утв. НКФ СССР V-24 г. О воздушном страховании см. доклад Е. Мена, Вестн. Госстраха, 1927 г., № 1-2.

⁴ L'assurance maritime – l'assurance contre les risques des transports presatres. Герм. торг. Код., § 778-900, фр. торг. Код. § 333-396, англ. зак. о морск. страх. 1906 г. и др.

⁵ «Госстрах отвечает за убытки от повреждения, утраты и гибель грузов от всех случайностей и опасностей морской перевозки, в частности, за происшедшие вследствие огня, молнии, бури, вихря, землетрясения, внезапного тумана, проникновения морской воды, от столкновения судов, от посадки судна на мель, от взрыва паровых котлов судовых двигателей, от повреждения судна льдом, а также вследствие пропажи судна без вести»; прав. страх. грузов по морским путям, § 1 исключ. § 2; ср. англ. закон о морск. страх., § 3; общегерм. прав. морск. страх. 1919 г., § 28.

⁶ Отсюда ведет свое происхождение деление транспортного страхования на страхование каско (судов) и страхование карго (грузов), принятое и советским правом.

за предоставление судна или за перевозку груза, а также интересы, связанные с ожидаемой прибылью или комиссией, с аварийными убытками¹.

Весьма характерным для морского страхования является возможность для страховщика изменять нормы своей общей ответственности путем включения в полис особых условий и оговорок. Оговорка «свободно от повреждения, кроме случаев крушения» означает, что Госстрах отвечает за убытки по общей аварии за гибель груза и за повреждение его от крушения. Оговорка «свободно от стольких-то указанных в страховых документах первых процентов повреждения (франшиза)» влечет освобождение Госстраха от ответственности, если повреждение груза не превышает известного количества процентов стоимости последнего (3%, 4% и т. д.); если же повреждение груза превышает обусловленные проценты стоимости груза, то страховщик оплачивает убытки за вычетом процентов, и мн. др.²

Б. Страхование транспортное в тесном смысле слова (речное, сухопутное, воздушное) развилось позже морского страхования, но под его непосредственным влиянием. Этим объясняется, что к транспортному страхованию во многом применимы правила морского страхования³. Также, как и морское страхование, оно подразделяется на страхование каско (судов и других перевозочных средств) и карго (грузов).

3. Страхование животных от падежа в СССР применяется в форме страхования добровольного и обязательного окладного. С 1925 г. добровольное страхование распространяется на крупный рогатый скот, лошадей и верблюдов. По добровольному страхованию не принимаются на страх животные: а) не достигшие или старше установленного возраста, б) находящиеся в болезненном состоянии, в) принадлежащие барышникам и

¹ Правила страхования грузов по морским путям, § 26. Общегерманские правила морского страхования дают следующее перечисление морских интересов: судно; груз; прибыль, ожидаемая от прибытия груза к месту назначения; комиссия, ожидаемая от прибытия судна или груза; фрахт; плата за наем судна; провозная (пассажирская) плата; бодмерейные деньги; аварийные деньги; прочие требования, обеспечиваемые вышеуказанными предметами страхования; риск, принятый на себя страховщиком (перестрахование); § 1, п. 2, ср. англ. закон, § 3, 7, 9–13.

² Правила страхования грузов по морским путям, § 5. Ср. оговорки, применяемые английским правом (clauses), Линденбратен и Долгов, стр. 39–54. Англо-американское право наряду с оговорками (clauses) знает еще особые условия, именуемые гарантиями (warranties). Под гарантиями разумеются заявления страхователя о принятии им на себя ручательства, что известное действие будет выполнено или не произойдет, или заявления, в силу которых он утверждает или отрицает существование известных обстоятельств. Такие условия входят в содержание самого договора и должны быть непременно выполнены независимо от того, являются ли они существенными для риска или нет; в противном случае страховщик освобождается от ответственности с момента нарушения гарантии. Сюда относятся: гарантия нейтральности (warranty of neutrality), гарантия полной исправности (warranty of good safety), гарантия законности (warranty of legality) и др.; англ. морской закон, § 33–41; см. также Кеди, стр. 200 сл.

³ Гаген, VIII, 2, стр. 205, 211.

прасолам¹. Обязательное окладное страхование распространяется на животных, принадлежащих на праве собственности кооперативным организациям и частным лицам. Животные, застрахованные по обязательному окладному страхованию, могут быть, по желанию их владельцев, дополнительно застрахованы сверх окладной нормы².

4. Страхование растительных культур от градобитий в СССР также распадается на добровольное и обязательное окладное. В порядке добровольного страхования могут быть застрахованы все полевые и неполевые культуры (сады, виноградники и проч.)³. Обязательное окладное страхование распространяются только на сельскохозяйственные полевые посевы, принадлежащие на праве собственности кооперативным организациям и частным лицам⁴. По желанию страхователей, сельскохозяйственные посевы, застрахованные по обязательному окладному страхованию, могут быть дополнительно, сверх окладной нормы, застрахованы в порядке правил дополнительного страхования⁵.

5. Гарантийное страхование обязывает Госстрах возместить страхователю убытки в застрахованном имуществе, причиненные преступными или небрежными действиями и упущениями рабочих и служащих страхователя, непосредственно связанными с приемом, выдачей, хранением, охраной, транспортированием вверенного им застрахованного имущества⁶. Как видно из этого определения, предметом страхования является имущество всегда известным образом индивидуализируется (составляется описание имущества, вручаемого страхователем служащему или группе служащих и проч.⁷). Поэтому гарантийное страхование должно считаться разновидностью имущественного страхования⁸. Конструирование гарантийного страхо-

¹ Словарь страховых терминов, стр. 125; Прав. добр. страх. животных, § 3, 4, 7.

² Правила обяз. страх. животных, § 2, прим. Постановлением СТО от 14/IX-26 г. (С.З., 1926 г., № 62, ст. 469, 170) обязат. окладное страхование распространено на крупный рогатый скот, лошадей, верблюдов и ослов.

³ Правила добр. страх. посевов, § 1.

⁴ Правила обяз. окл. страх. посевов, § 1; ср. также директивное письмо Госстраха от 29/VIII-25 г.

⁵ Прав. обяз. страх. посевов, § 44.

⁶ С.З., 1925 г., № 1, ст. 11. Прав. гарант. страх., 1926 г., § 1.

⁷ Правила гарантийного страхования, § 23.

⁸ Домбровский, Вестник Госстраха 1925 г., № 5, он же – Ежен.Сов. Юстиции, 1925 г., № 37; Шретер, Внутренняя торговля, стр. 224; Астрахан, Право и Жизнь, 1926 г., № 2-3, стр. 49; против – Крюков, видевший в гарантийном страховании страхование гражданской ответственности; Еженед. Сов. Юстиции, 1925 г., № 19. На Западе страхование предприятий от убытков, причиняемых действиями служащих, обычно осуществляется в форме страхования поручительного или страхования ответственности. Страхование поручительное заключается самим служащим;

вания как страхования имущества влечет за собой последствие, что служащий не оказывается субъектом каких-либо прав и обязанностей по договору гарантийного страхования; поэтому перемена в составе служащих не влечет за собой обязательно прекращения договора. Более того, Госстрах имеет право предлагать страхователю перемещать или отстранять служащих и заменять их другими, так как для Госстраха далеко не безразлично, кто будет обслуживать застрахованное имущество¹. Для проверки личных качеств рабочих и служащих, которым вверяется застрахованное имущество, организованы особые регистрационно-аттестационные бюро².

б. С гарантийным страхованием не надо смешивать страхования г р а ж - д а н с к о й о т в е т с т в е н н о с т и, разрешенного постановлением СТО СССР от 10/II–26 г. и применяемого Госстрахом пока в форме особого вида страхования моторных экипажей³.

Сущность страхования гражданской ответственности заключается в принятии на себя страховщиком обязанности возместить страхователю то, что последний сам должен будет уплатить третьему лицу на основании своей перед ним ответственности за событие, наступающее во время страхования⁴. Страхование гражданской ответственности обладает некоторыми особенностями, отличающими его от других видов страхования имущества. В то время как при других видах имущественного страхования дело идет всегда о принятии на страх какого-либо определенного имущества (при страховании от огня – строения, при транспортном страховании – груза), имеющего определенную оценку, при страховании гражданской ответственности страховая ценность застрахованного интереса остается при заключении страхования, как правило, неопределимой⁵, так как нельзя вперед установить границы ответственности за могущие быть впоследствии причиненными третьему лицу убытки⁶. В сущности, таким образом, если можно говорить о каком-либо имуществе, обеспечиваемом страхованием, то таковым надо считать весь имущественный комплекс страхователя, всю наличную, на момент стра-

оно практикуется в двух формах: в соединении со страхованием жизни и в форме самостоятельного договора. Страхование ответственности заключается самим предприятием.

¹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 21/X–26 г. (С.З., 1926 г., № 68, ст. 520); правила, § 25.

² Правила, § 5.

³ Правила страхования моторных экипажей, § 1, п. 2.

⁴ Германский закон, § 149. За границей страхование гражданской ответственности применяется в широком масштабе: в Германии существует до 40 различных видов страхования гражданской ответственности; этот вид страхования в различных комбинациях сильно развит также во Франции, Бельгии, Англии, С.-А. С. Ш. и др.

⁵ Исключения см. Астрахан, стр. 50.

⁶ Как замечает Манес, и нищий могут сделаться ответственными в одинаковом размере, Versicherungslexicon, стр. 630.

хового случая, ценность всех принадлежащих ему хозяйственных благ¹. Такая неопределенность страховой ценности влечет за собой неприменимость к страхованию гражданской ответственности правил о страховании выше и ниже страхового интереса, о дополнительном страховании и о двойном страховании². Характерной особенностью страхования гражданской ответственности является и то обстоятельство, что страховой случай представляет собою всегда известное чисто юридическое обстоятельство – возникновение гражданской ответственности страхователя перед третьим лицом³.

Юридическая природа страхования гражданской ответственности в достаточной степени спорна (Манес, Гирке, Эренберг, Георги, Гаген и др.). Но, во всяком случае, несомненно, что основная цель страхования гражданской ответственности состоит также в возмещении вреда, как и при других видах имущественного страхования. Вред этот может выражаться не только в непосредственном имущественном ущербе, но и в обременении имущества страхователя новыми обязательствами.

Отличие страхования гражданской ответственности от гарантийного страхования бросается в глаза довольно отчетливо. Это отличие состоит в том, что при гарантийном страховании предметом страхования является интерес в определенном, индивидуализированном имуществе. Напротив, при страховании гражданской ответственности (если страхуется ответственность служащего) страхование не приурочивается ни к какому определенному имуществу, и предметом страхования является именно ответственность служащего (точнее – имущественный интерес страхователя, заключающийся в том, чтобы его имущество не принесло ущерба в случае ответственности перед третьими лицами). Этим объясняется тот факт, что Госстрах возмещает убытки, причиняемые действиями и упущениями рабочих и служащих, *н е п о с р е д с т е н н о* связанными с приемом, выдачей и т. п. вверенного им имущества, и не возмещает убытков, которые могут быть причинены предприятию действиями высшего административного персонала (директорами, бухгалтерами и пр.), не находящегося в непосредственной и фактической близости к определенному имуществу (при страховании гражданской ответственности вполне возможно принятие на страх ответственности и за действия административного персонала⁴.

¹ Домбровский, Вестн Госстраха, 1925 г., № 5, стр. 16.

² ГК, ст. 369–372.

³ Манес подчеркивает два момента: *causa remota* – причинение вреда третьему лицу и *causa proxima* – установление гражданской ответственности; *Versicherungsllexicon*, стр. 630.

⁴ Перечисленными здесь разновидностями имущественного страхования, проводимыми Госстрахом, далеко не исчерпываются возможные формы имущественного страхования. Выражаясь абстрактно, можно сказать, что там, где возникает риск имущественной потери, там есть и возможность возникновения страхования. На Западе имущественное страхование применяется в

7. К числу самостоятельных разновидностей имущественного страхования надо отнести и т. н. п е р е с т р а х о в а н и е. Заключая страхование, страховщик должен всегда в принимаемом на страх риске соблюдать известный уровень своей заинтересованности, приемлемый для него с финансовой и технически-страховой точки зрения. Риск, превышающий этот уровень, может для страховщика оказаться гибельным. Чтобы избежать этих последствий, страховщик может или отказаться вообще от принятия на страх подобного риска, или привлечь к участию в несении риска другого или других страховщиков. Привлечение к несению риска другого страховщика или других страховщиков путем передачи им основным страховщиком всего или части риска и является перестрахованием¹.

целях обеспечения от весьма многочисленных и самых разнообразных опасностей (страхование от краж, стекол в витринах магазинов, кредита, потерь в курсе ценных бумаг, потерь от перерыва в эксплуатации имущества или от потери работы, выигрышных билетов, от дурной погоды, от народных волнений, забастовок, потери артистами голоса и красоты, от опасностей, могущих произойти от пользования радиоустановками и мн. др.). Кроме страхований от определенной опасности (от огня, града и т. д.), на Западе иногда применяются страхования, имеющие целью дать обеспечение от целого ряда опасностей (т.н. *omnium Police*). В Англии такой вид страхования применяется в отношении собственников домов и их нанимателей под именем *policy all-in*, покрывающего от 13 до 21 риска (другое название – *hauscholders comprehensive policy*). Во Франции одно время страховое общество *L'île de France* допускало страхование от 21 опасности (*l'intégrale propriétaires* – от огня, землетрясения, взрыва, извержения вулкана, повреждения водой, кражи, падения аэроплана, стачек, народных волнений, восстания, гражданской ответственности и др.). В Германии широко развито в промышленности страхование материалов в течение всего времени их обработки – от пожара, опасностей перевозки, кражи, повреждения водой и проч. (*Veredelungsversicherung*). В Италии *polizze omnia* дает обеспечение страхователю, когда принадлежащие ему объекты находятся временно не у него (на даче, в гостинице, у портного, в банке и т. д.). Эмар, II, стр. 299., ср. Манес, *Versicherungsllexicon*, стр. 560., Гаген, II, стр. 342 сл.

¹ В западноевропейской литературе вопрос о юридической природе перестрахования вызывает большие споры. Есть авторы (Фойгт, Кремиен), видящие в перестраховании вид товарищества. Другие авторы (Эренберг, Левис, Вольф, Колер) относят перестрахование к страхованию гражданской ответственности. Но перестрахование не является товариществом. Несмотря на то, что стороны решили нести совместно последствия известного события, у них не возникло общности управления; премии, взимаемые страховщиком с страхователя, и премии, уплачиваемые страховщиком перестраховщику, могут быть различными; наконец, договор перестрахования может выразиться в потере для страховщика и принести выгоду перестраховщику: в случае, если предусмотренное событие не наступит, страховщик, уплативший премии перестраховщику, теряет эти премии, тогда как перестраховщик их сохраняет целиком, а это несовместимо с идеей товарищества. Не является перестрахование и страхованием гражданской ответственности. Хотя в некоторых отношениях между ними и можно усмотреть известное сходство (и в том, и в другом случае предметом страхования не является определенное имущество и страховой случай представляет собою известное юридическое событие – возникновение ответственности), тем не менее, перестрахование и страхование гражданской ответственности являются самостоятельными разновидностями имущественного страхования. В основании страхования гражданской ответственности лежит всегда вина (или, по крайней мере, причинение вреда). Для перестрахования не существенны ни наличие вины, ни понесенный вред: перестраховщик, выплачивая первоначальному страховщику

Положение о Госстрахе дает право Госстраху заключать перестрахования своих рисков в иностранных страховых обществах по всем видам страхований кроме обязательного окладного. Главному Правлению Госстраха разрешается также принимать в перестрахование риски иностранных страховых организаций на основе договоров, заключенных с одобрения НКФ СССР¹.

Кооперативные страховые организации, по Положению о Госстрахе, обязываются все риски, принятые в суммах, превышающих установленные по соглашению с Главным Правлением Госстраха максимумы, перестраховывать в Госстрахе в доле, устанавливаемой соглашением между ними².

Риски, принятые Госстрахом в перестрахование от советских кооперативных страховых организаций и от иностранных страховых организаций, разрешается передавать в дальнейшее перестрахование на основаниях, устанавливаемых правилами о Госстрахе³.

И. Л и ч н о е с т р а х о в а н и е, по Положению о Госстрахе, распадается на две основных разновидности: страхование жизни и страхование от несчастных случаев⁴.

И. С т р а х о в а н и е ж и з н и обнимает собою те виды страховых операций, в которых момент риска коренится в неопределенности срока человеческой жизни. Страхование жизни распадается на две основные отрасли: а) страхование капитала и б) страхование рент (доходов). В первом случае страхователь обязывается в течение известного срока уплачивать страховщику страховую премию, страховщик же принимает на себя обязательство при наступлении предусмотренного события (смерти, достижения известного возраста) уплатить страхователю единовременно известную сумму денег (капитал). Во втором случае страхователь уплачивает страховщику единовременно или в течение известного количества времени известный капитал, страховщик же обязывается выплачивать страхователю периодически, в течение известного количества лет, или же пожизненно, определенную сумму денег (доход, ренту). В свою очередь, страхование капиталов и страхование рент распадается на большое количество различных видов. Основными видами страхования капиталов являются: а) страхование на случай смерти (пожизненное и временное), б) страхование на дожитие и в) страхование смешанное. При страховании на случай смерти страховщик обязуется уплатить страховое вознаграждение в случае смерти застрахован-

страховую сумму, выполняет только принятое им на себя договорное обязательство. О дальнейших отличиях см. Эмар, II, стр. 328; см. также Гаген, VIII, 2, стр. 600.

¹ Пол. о Госстрахе, ст. 7 и прил. к ст. 7.

² Пол. о Госстрахе, прил. к ст. 1.

³ Пол. о Госстрахе, прил. к ст. 7.

⁴ Пол. о Госстрахе, ст. 7, п. 7.

ного лица. Временное страхование на случай смерти ограничивается определенным сроком (два, пять и т. д. лет). По этому виду страхования страховщик отвечает только тогда, когда застрахованное лицо умрет до истечения срока, указанного в договоре. Пожизненное страхование на случай смерти не ограничивается каким-либо определенным сроком; в этом случае страховщик обязуется уплатить страховое вознаграждение, когда бы ни произошла смерть застрахованного лица. При страховании на дожитие страховщик обязуется уплатить страховое вознаграждение лицу, указанному в договоре, в случае если это лицо доживет до определенного возраста. При смешанном страховании, представляющем собою соединение указанных двух видов страхования жизни, страховщик обязуется уплатить страховое вознаграждение или при достижении лицом, указанным в договоре, известного возраста, или, в случае его смерти, и до достижения им этого возраста¹.

В СССР в настоящее время Госстрах применяет 4 плана (таблицы) страхования жизни.

Таблица I: Смешанное страхование на случай смерти и на дожитие. Здесь могут быть два варианта. По первому варианту, по истечении срока страхования (на 10, 20, 30 лет), страховая сумма выдается самому застрахованному; в случае его смерти, до обусловленного срока выплаты страховой суммы ему самому, страховая сумма немедленно выдается выгодоприобретателю. По второму варианту, премия уплачивается при жизни застрахованного до достижения им обусловленного возраста, но не далее достижения им 80-ти лет; при дожитии им до этого возраста застрахованный сам получает страховую сумму, и при его преждевременной смерти страховая сумма выплачивается немедленно выгодоприобретателю. По этой таблице страхование заключается как с медицинским освидетельствованием, так и без медицинского освидетельствования.

Таблица 2: Краткосрочное страхование на случай смерти, Госстрах отвечает только в том случае, если застрахованное лицо умрет в течение обусловленного договором срока (от одного года до 10-ти лет). Страхование по этой таблице заключается только с медицинским освидетельствованием.

Таблица 3: Страхование на случай смерти (краткосрочное) с правом перехода на страхование по смешанному плану. Выплата страховой суммы производится лишь после смерти лица, если таковая последовала в течение срока договора. Возможен переход к смешанному страхованию с соблюдением следующих правил: а) переход допускается только в течение 5 лет со дня заключения страхования, б) при переходе на смешанный план страхова-

¹ Гохман, стр. 13 сл.

тельно предоставляется избрать любой срок страхования, но с тем, чтобы общий срок по обоим планам не превышал 25-ти лет.

Таблица 4: Смешанное страхование, обеспечивающее выдачу страховой суммы в определенной срок. При этом плане страхования страховая сумма выплачивается в условленный срок, независимо от того, будет ли застрахованное лицо в живых к сроку выдачи страховой суммы или умрет ранее. Для заключения страхования требуется медицинское освидетельствование.

Страхование капиталов проводится Госстрахом в форме страхования индивидуального и группового. Групповое страхование применяется в отношении рабочих, служащих и крестьян и предоставляет ряд значительных льгот¹.

Что касается страхования рент, то и эта отрасль страхования жизни допускает много различных видов (планов). Различаются ренты немедленные (с выплатой тотчас после заключения страхования), отсроченные (с выплатой через известное количество времени после заключения страхования), пожизненные (выплачиваемые до смерти застрахованного), временные (выплачиваемые при жизни застрахованного не далее известного количества лет). Госстрахом намечается введение страхования рент как в форме ренты немедленной, так и отсроченной².

2. Страхование от несчастных случаев преследует цель предоставить обеспечение, если несчастный случай вызвал: а) смерть, б) инвалидность и в) временную потерю трудоспособности³.

Под «несчастным случаем» понимается событие, причиняющее человеку помимо его воли и извне телесное повреждение, вызывающее смерть, инвалидность или временную утрату трудоспособности⁴.

Страхование от несчастных случаев производится Госстрахом в 4-х комбинациях: а) на случай смерти, инвалидности и временной неспособности к труду, б) на случай смерти и инвалидности, в) на случай инвалидности и временной неспособности к труду, г) только на случай инвалидности⁵.

¹ Условия групповых страхований жизни.

² Гохман, стр. 18, сл., 22 сл.

³ Правила страхования от несчастных случаев, § 1, п. 1.

⁴ Правила, § 2, п. 1. В этом заключается понятие «несчастного случая в узком смысле слова», противоположаемое понятию «несчастного случая в широком смысле слова» – события, от последствий наступления которого заключается страхование (от огня, градобития и др.). Однако не все «несчастные случаи» влекут за собой ответственность Госстраха; не считаются несчастными случаями заразные и эпидемические заболевания, отравления, всякого рода телесные повреждения, вызванные лечением, происшедшие при совершении застрахованным преступления и др. Во многих случаях ответственность Госстраха возникает только по особому соглашению (верховая езда, охота и пр.); правила, § 2.

⁵ Общие правила и пояснения к тарифу, п. 3.

ГЛАВА IV

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СТРАХОВОГО ПРАВОТНОШЕНИЯ

При анализе страхования с юридической точки зрения мы установили, что страхование является правоотношением. Тогда же нами был фиксирован ряд признаков, характерных для страхования. В частности, нами были отмечены в качестве характерных признаков страхования, рисковом характер страхового правоотношения, цель его – обеспечение возможной потребности, начало возмездности, страховая случайность, ограниченность ответственности страховщика, срочный характер ответственности страховщика. Оставляя вне рассмотрения цель страхового правоотношения, о которой мы ранее уже подробно говорили¹, в соответствии с перечисленными признаками мы можем установить основные элементы страхового правоотношения. Этими основными элементами страхового правоотношения являются: 1) страховой риск, 2) страховой случай, 3) страховая премия, 4) страховая сумма, 5) страховой срок. Кроме того, поскольку страхование является правоотношением, оно предполагает еще наличие субъектов этого правоотношения.

§ 1. Субъекты страхового правоотношения. Страховой интерес

Литература

Идельсон, Зап. Харьк. Ин-та, 1903 г., № 2. Шершеневич, II, стр. 368, 385. Серебровский, Право и Жизнь, 1924 г., № 2–4. Гаген, VIII, I, § 168–177. Ehrenberg, Versicherungsrecht § 27; 1893. Ehrenberg, D. Interesse im Versicherungsrecht Festgabe f. Sohm; 1915. Wolf, Holzendorff's Enz., II, s. 431 flg., 1914. Kisch, Handbuch d. Privatversicherungsrechts, III; 1922. Kisch, Ihering's Jahrb., 63. Manes, Versicherungslexicon, s. 700 flg. Cady, Outlines of insurance, ch. II; 1925.

I. Субъектами страхового правоотношения являются страховщик и страхователь. Страховщик принимает на себя риск, т. е. ответственность за те последствия, которые могут произойти для жизни или имущества страхователя (или другого лица) от наступления предусмотренного страхованием события². Страхователь обязывается за это уплатить страховщику известный денежный взнос (страховую премию). Кроме этих лиц в страховом правоотношении

¹ Глава I.

² Кто может быть страховщиком по советскому праву, см. гл. II.

ношении могут участвовать еще 2 лица: выгодоприобретатель и застрахованное лицо (по терминологии советского права). Выгодоприобретателем называется то лицо, которому страховщик должен выплатить страховое вознаграждение; выгодоприобретателем может быть сам страхователь или третье лицо. Застрахованным лицом является лицо, в жизни которого должно произойти событие, влекущее для страховщика обязанность уплаты страхового вознаграждения; им может быть страхователь, выгодоприобретатель или четвертое лицо. Выгодоприобретатель как самостоятельное лицо может участвовать в имущественном и в личном страховании. Застрахованное лицо как самостоятельное лицо может участвовать только в личном страховании¹.

II. А. Как отмечает Шреуер², романисты рассматривали страхование, как условное обещание известной денежной суммы (*Wettassekuranz*); но под влиянием канонического права, которое требовало для каждой сделки «справедливую цену» (*justum pretium*), для настоящего, дозволенного страхования (*assecuratio propria*) в качестве существенного его элемента было выдвинуто требование наличия т.н. страхового интереса, что позволило отличать страхование от сделок игры и пари. Это требование наличия страхового интереса отразилось и в законодательствах. Еще в 1774 г. знаменитый *Gambling Act* выставил требование наличия страхового интереса в качестве неперемennого условия для страхования в равной мере как для страхования имущества, так и для страхования лица. В Англии и С.-А. С. Ш. это положение действует и до настоящего времени, хотя практика допускает в отношении страхования лица из этого положения ряд изъятий³. Но на континенте в настоящее время при страховании лица уже не выставляется требование о страховом интересе: страховой интерес как реквизит страхования заменен формальным моментом – получением письменного согласия от застрахованного лица⁴. Иное положение занимает понятие страхового интереса в имущественном страховании. При имущественном страховании страховой интерес и поныне явля-

¹ ГК, ст. 374, 375 и др. В тех случаях, когда застрахованное лицо является самостоятельным лицом, оно, в сущности, стоит вне страхового правоотношения; Гаген, 2, стр.381. Тем не менее, на нем лежат известные обязанности (ответы в объявлении, подаваемом Госстраху, даются как страхователем, так и застрахованным и подписываются обоими, прав. страх. жизни, § 3, п. 3) и ему принадлежат некоторые права (заключение договора страхования, назначение выгодоприобретателя и последующая замена его могут производиться лишь с письменного согласия застрахованного, ГК, ст. 374).

² Schreuer, *Deutsches Privatrecht*, s. 355; 1921.

³ Jenks, *Digeste de dr. civil anglais*, I, p. 207, 209; 1923. Cady, ch. II.

⁴ Герм. закон, § 159, швейц. зак., § 74, авст. закон, § 131. В виде исключения страховой интерес требуется при страховании лица законодательством Италии, Бельгии и Голландии; ср. проект итальянск. торг. кодекса: «договор страхования на случай смерти 3-го лица не действителен, если заключающий договор не заинтересован в существовании этого лица или это лицо не даст письменного согласия на заключение договора», § 601.

ется одним из основных условий действительности страхования, так как, по общему правилу, страхователем и выгодоприобретателем может быть только тот, кто обладает страховым интересом¹.

В свое время в науке права представлялось спорным, что является предметом имущественного страхования: вещь или интерес, связанный с имуществом. Спор этот разрешился в пользу сторонников второго мнения. Действительно, когда страховщик заключает страхование, то он не принимает на себя обязательство восстановить ту или иную вещь, пострадавшую от наступления страхового случая, а обязывается только возместить тот ущерб, который может понести страхователь. Нет препятствий к тому, чтобы страховщик принял на себя обязательство о возмещении и косвенного ущерба². Наконец, вполне возможно одновременное страхование рядом лиц, находящихся в различных юридических отношениях по отношению к одной и той же вещи (собственник, залогодержатель, перевозчик и т. д.). Таким образом, страхуется не определенная вещь, а интерес страхователя в целостности страхуемого имущества³. Эту мысль отчетливо воспроизводит швейцарский закон, указывая, что предметом имущественного страхования может быть каждый хозяйственный интерес, который данное лицо желает охранить от предусматриваемого страхового случая⁴. ГК не содержит в себе подобной статьи, но тем не менее из ряда статей, посвященных отдельным моментам страхо-

¹ ГК, ст. 373, 380, п. 2. Практически значение страхового интереса при имущественном страховании проявляется во многих направлениях. Договор страхования недействителен, если интерес, для которого заключено страхование, не существует при начале страхования или вообще не возникает, в случае заключения страхования для будущего интереса; те же последствия наступают, если во время действия договора этот интерес у страхователя отпадает (ст. 384); страховой интерес определяет предел страхового вознаграждения (ст. 368) и др.

² Страхование от прекращения деятельности (*chômage assurance* – домовладельцев от простоя квартир, фабрикантов от перерыва работ, рабочих от безработицы и т. д.).

³ Требование наличия страхового интереса вызывает некоторое затруднение при страховании гражданской ответственности, где обычно у страхователя отсутствует интерес в каком-нибудь определенном имуществе (размер ответственности страхователя может даже превзойти его имущественный актив). Некоторые авторы пытаются разрешить затруднение, указывая, что при страховании гражданской ответственности ответственность страхователя, его обязанность по возмещению вреда, заменяет роль интереса как имущественного, практического или правового отношения, в силу которого страхователь может понести имущественный ущерб; Гаген, I, стр. 372, II, стр. 272. Нам представляется более правильным взгляд Манеса, усматривающего субстрат страхования гражданской ответственности в имуществе страхователя и видящего интерес в обладании этим имуществом; Manes, Handwörterb. d. Staatswissenschaften, 5, стр. 225. Таким образом, в данном случае, страховой интерес заключается в том, что убытки, понесенные страхователем в порядке гражданской ответственности перед третьими лицами, могут сократить общую ценность имущества страхователя; Астрахан, стр. 50. Аналогично складываются отношения при перестраховании.

⁴ Швейц. закон, § 48; англ. закон о морск. страховании, § 4, 5.

вания, явствует с несомненностью, что и по ГК предметом страхования является имущественный интерес страхователя¹.

Эренберг определяет страховой интерес, как отношение, в силу которого данное лицо, благодаря известному обстоятельству, может понести имущественный ущерб². Другие авторы определяют страховой интерес как выгоду, которую представляет для страхователя ненаступление известного события³, или как отношение страхователя к вещам или лицам, в силу которого он испытывает ущерб, благодаря известным событиям, выпадающим на долю этих вещей или лиц⁴, как имущественное благо (Vermögensgut), которое страхователь теряет при наступлении страхового случая⁵ и мн. др. Из всех этих определений наиболее правильным придется признать то, которое отождествляет интерес с имущественным благом. Несомненно, что, с юридической точки зрения, объектом страхования может быть не то или иное «отношение», или та или иная «выгода», а только известное имущество, по отношению к которому страхователь может находиться в известных отношениях.

Интерес в этом понимании является тем активом, который вследствие наступления страхового случая выходит из состава имущества страхователя или не поступает в состав этого имущества, как предполагалось. Интерес как имущественное благо в качестве предмета страхования, естественно, должен быть каждый раз индивидуализирован. Но в одних случаях интерес связывается с определенным имущественным объектом (страхуется дом от огня, известное право – при страховании кредита). В других же случаях интерес не связывается с определенным имущественным объектом; в этих случаях при наступлении предусмотренного события страхователь вынуждается предоставить из своего имущества заранее конкретно не обозначенный имущественный объект (уплатить известную сумму денег); здесь интерес связывается, таким образом, со всем имуществом страхователя в целом⁶.

К определению страхового интереса как имущественного блага Киш делает одну поправку, с правильностью которой мы можем не согласиться. То, что получается посредством страхования, является не столько самим

¹ ГК, ст. 371, 372, 380, п. 2; ст. 368, допускает страхование и косвенных убытков.

² Ehrenberg, Versicherungsrecht, S. 8.

³ Kisch, Ihering's Jahrb, 63, S. 362.

⁴ Ostertag, D. Bundesgesetz ü. d. Vers. Vertr, S. 18, 161.

⁵ Вольф, стр. 432. Различные определения страхового интереса в исчерпывающем изложении – у Kisch'a, III, § 3.

⁶ Киш, III, § 3. Наиболее ярким примером может быть страхование гражданской ответственности, при котором денежная сумма, которую должен возместить страховщик, является как раз той, которую должен уплатить страхователь. Обеспечиваемое страхованием имущество (интерес) оказывается индивидуализированным только при наступлении страхового случая.

имущественным благом, сколько воплощенной в нем его денежной ценностью; дело идет не о вещи, не о доходе, а о той денежной сумме, которая соответствует этим разнообразным благам. Отсюда Киш выводит определение интереса как денежной ценности конкретного, подверженного потере имущественного блага (*den dem Verlust ausgesetzten Geldwert des konkreten Vermögensgutes*)¹. Такое понимание страхового интереса, по правильному заключению Киша, приводит одновременно и к простейшему выражению взаимоотношения понятий страхового интереса и страхового убытка: страховой интерес есть имущественная ценность, которую страхователь может потерять от страхового случая; страховой убыток является потерей имущественной ценности².

Б. Для того, чтобы интерес мог стать предметом страхования и получить право на судебную защиту, требуется соблюдение нескольких условий³.

1. Интерес должен быть, как мы видели, имущественным благом, оценимым на деньги. Моральные, научные и т. п. интересы не страхуются.

2. По западноевропейскому праву, интерес может быть основан не только на известном юридическом отношении, но и на отношениях чистохозяйственных и просто фактических: страхователями могут быть не только обладатели известного вещного или обязательного права в отношении того или иного имущественного блага, но и даже те, кто уже утратил юридическую связь с этим благом (например продавец, после того, как риск перешел на покупателя, поскольку до уплаты денег за проданную вещь он материально все же заинтересован в сохранении проданной вещи в целости). Интерес может быть будущим, эвентуальным, условным; могут страховаться даже непоименованные интересы, т. е. такие, которым при заключении страхования трудно дать определенную характеристику (при морском страховании — «на благополучное прибытие»)⁴.

Согласно ст. 373 ГК, договор имущественного страхования может быть заключен всяким лицом, заинтересованным в целостности имущества, как то: его собственником, лицом, имеющим на это имущество вещное право или право нанимателя, или по договору ответственным за ухудшение или гибель имущества. Общий смысл этой статьи приводит к заключению, что ГК разрешает заключать договор имущественного страхования только лицам, находящимся по отношению к имуществу в состоянии известной юридической связанности (собственник, обладатель вещного права и т. д.). Отсюда, одна-

¹ Киш, III, § 3, стр. 21. Это конкретное имущественное благо может быть вещью, правом, рабочей силой, доходом, издержками и т. п.

² Киш, III, стр. 22.

³ Подр. — Серебровский, Очерки, гл. VII, § 1.

⁴ Гаген, I, стр. 370.

ко, нельзя делать вывода, что наличие юридической связи лица с имущественным объектом вызывает и наличие страхового интереса. Можно быть собственником и не иметь страхового интереса (например, собственник судна, застраховавший его от морских опасностей, если рейс не состоялся).

Поскольку страховым интересом могут обладать только лица, находящиеся по отношению к имущественному благу в состоянии известной юридической связанности, такими лицами (страховыми интересентами) по советскому праву являются: а) собственники имущества; б) лица, обладающие интересом, свойственным собственнику (например, продавец, утеревший право собственности, но находящийся в известном юридическом отношении к проданной вещи в случае продажи ее с правом выкупа; добросовестный владелец; наследники, еще не принявшие до истечения законного срока наследства, и др.); в) лица, являющиеся обладателями вещного права в чужой вещи (залогодержатели, застройщики, горнопромышленники, получившие горный отвод); г) наниматели; д) лица, по договору ответственные за ухудшение и гибель имущества (комиссионеры, фрахтовщики, экспедиторы и др.). Ввиду открытия Госстрахом операций по страхованию гражданской ответственности к числу страховых интересентов надо отнести и тех лиц, которые могут нести имущественную ответственность за смерть и телесные повреждения, причиненные третьим лицам, и за порчу и уничтожение имущества, принадлежащего третьим лицам¹.

3. По общему правилу, страхуется только субъективный интерес, т. е. не интерес в известном имущественном объекте сам по себе, а только интерес определенного лица². Страховой интересент должен быть назван при самом заключении страхового договора, или, по крайней мере, должны быть обозначены способы, посредством которых он станет известным впоследствии. При наличии заинтересованности нескольких лиц в одном и том же объекте страхование, заключенное одним из этих лиц, идет в пользу того, кто его заключил.

Этому пониманию субъективного интереса может быть противопоставлено понимание объективного интереса, являющегося самостоятельным имущественным благом, существующим независимо от лица его обладателя. Практически допущение объективного интереса влечет за собой ряд важных последствий. Поскольку обладатель интереса не имеет особого значения можно обойтись без наименования страхового интересента как при заключении договора, так даже и при его ликвидации. При страховании интереса в полной стоимости были бы застрахованы не только интересы собственника,

¹ Прав. страх. моторн. экипажей, § 1, п. 2.

² Герм. закон, § 85, 151; австр. закон, § 50, 63; швейц. закон, § 16, 60; см., однако, Мюллер-Эрцбах, стр. 738 сл.

но и интересы других лиц, имеющих по отношению к застрахованному имуществу какие-либо права (залогодержателей, перевозчиков и т. д.), поскольку все эти интересы в совокупности составляют имущественную ценность данного объекта.

Допущение объективного интереса может иметь для оборота некоторый положительный результат, т. к. оно упрощает заключение договора и ликвидацию убытков и обеспечивает одним договором интересы различных лиц, когда эти интересы связаны с одним объектом. Однако этот положительный результат не искупается теми отрицательными последствиями, которые влечет за собой допущение объективного интереса. Договор лишается своей определенности, т.к. страховщик при неопределенном количестве страховых интересентов не мог бы предусмотреть меры своей ответственности и не мог быть даже уверен, что страховое вознаграждение попало к действительному интересенту.

ГК допускает страхование только субъективного интереса. Это явствует из ст. 369, указывающей, что, если при имущественном страховании сумма, указанная в договоре, окажется выше страхового интереса, то договор признается действительным только в пределах страхового интереса... причем, если означенное превышение было следствием обмана со стороны страхователя, то страховщик может на суде потребовать признания договора недействительным, а также возмещения ему убытков. При страховании объективного интереса все эти правила не нашли бы места в законе, и страховщик должен был бы уплатить страховое вознаграждение не только страхователю, но и другим интересентам, не указанным в договоре¹.

Идея субъективного интереса поводится ГК и при т. н. страховании за чужой счет. Когда страхователь страхует чужой интерес, указывая имя того, за чей счет и в чью пользу заключается страхование, наличие субъективного интереса не вызывает сомнения. В этом случае застрахованным оказывается интерес выгодоприобретателя². Аналогично разрешается вопрос, когда страхование заключается за чужой счет без наименования выгодоприобретателя. В данном случае имя выгодоприобретателя делается известным только впоследствии, при возникновении страхового требования (фрагтовщик страхует груз за счет грузополучателя, который неизвестен). И здесь страхуется, таким образом, субъективный интерес. Сложнее обстоит дело с т. н. страхованием «за чей счет следовать будет» (*wen es angeht*), при котором остается неизвестным, заключается ли страхование в своем или чужом интересе (страхователя или третьего лица). Здесь, действительно, страхование очень близко стоит к страхованию объективного интереса. Тем не менее и при

¹ См. также ГК, ст. 370–372.

² ГК, ст. 373.

страховании «за чей счет следовать будет» с того времени, как произошел страховой случай и предъявлено требование о выдаче страхового вознаграждения, возникает необходимость выяснения личности интересента, который должен представить доказательства, что ему принадлежал страховой интерес в момент предусмотренного страхованием события и что именно он понес от этого события ущерб¹.

4. Интерес должен быть правомерным. Это значит, что застрахованным может быть только тот интерес, который не противоречит воззрениям данного правопорядка².

§ 2. Страховой риск

Литература

Идельсон, Зап. Харьк. Ун-та, 1903 г., № 3. Шершеневич, II, стр. 369, 440. Серебровский, Сборник памяти проф. В.М. Гордона; 1927 г. Гаген, VIII, I, § 178–181. Ehrenberg, Versicherungsrecht, s. 5. Kisch, Handbuch d. Privatversicherungsrecht, II; 1920. Roelli, Komm. z. Schweiz. Bundesgesetze ü. d. V. V., s. 371 lg.; 1914. Gosack, Handbuch d. H. R., § 182; 1923. Colin et Capitant, Cours de droit civil, II, p. 665 s.; 1924. Hémar, I, p. 75 s. Thaller, Traité de dr commercial, p. 996, 1013 s.; 1925. Cady, p. 6.

¹ Гаген, I, стр. 691. Н. Зильберштейн в своей рецензии на наши «Очерки» ссылается на ст. 179 Таможенного Устава, содержащую предписание, что грузы, находящиеся на таможене и приписанных складах, подлежат обязательному страхованию за счет распорядителей груза, указывая, что в подавляющем большинстве случаев при данных отношениях интересент – распорядитель груза – будет неизвестен ни при заключении и действии страхования, ни при ликвидации страхового случая. Н. Зильберштейн находит, что ст. 179 Таможенного Устава имеет в виду страхование именно объективного интереса; Сов. Право, 1926 г., № 5, стр. 128. Нам кажется, что в рассматриваемом случае имеет место обычное в транспортном страховании страхование за чужой счет без указания имени выгодоприобретателя. Но для того, чтобы получить страховое вознаграждение, распорядитель груза – выгодоприобретатель – должен надлежащим образом легитимировать себя и доказать, что именно он понес убыток. Если же при гибели груза понесли ущерб еще какие-нибудь лица (например, комиссионер, продавший этот груз), то эти лица никакого права на страховое вознаграждение получить не могут. Таким образом, и тут страхуется все же только субъективный интерес.

² Гаген, VIII, I, стр. 378; Киш, III, § 8. Применительно к советскому праву не могут быть застрахованы интересы: 1) связанные с действиями, запрещенными уголовным законом; 2) когда и поскольку имущественные объекты, с которыми связаны интересы, являются изъятыми из оборота (ГК, ст. 22, 23); 3) если сделка, лежащая в основании правоотношения, вызвавшего интерес, совершена с целью, противной закону или в обход закона, или направлена к явному ущербу для государства (ГК, ст. 30); 4) если интересы осуществляются в противоречии с их социальнохозяйственным назначением (ГК, ст. 1).

I. На протяжении настоящей работы нам приходилось неоднократно указывать, что наиболее характерным признаком страхования и основным элементом страхового правоотношения является страховой риск. Теперь надлежит остановиться более подробно на выяснении этого фундаментального понятия страхового права¹.

Понятие страхового риска часто включает в себе неодинаковое содержание и может употребляться в различных значениях².

А. Риск может быть понимаем, как с о б ы т и е, от наступления которого находится в зависимости выполнение страховщиком своей основной обязанности – уплаты страхового вознаграждения (при страховании от огня – пожар, при страховании жизни – смерть и т. д.)³. Здесь риск выступает как определенное событие (в большинстве случаев вредоносное) и сближается с понятием «страхового случая», под коим разумеется наступление предусмотренного страхованием события⁴. Сближение указанных понятий не приводит, однако, к их отождествлению. Как правильно замечает Киш, между ними имеется все же, хотя и тонкое, но тем не менее существенное отличие. Когда говорят о страховом случае, то имеют в виду событие, уже наступившее, с понятием же риска связывается представление об опасности, которая еще только угрожает, еще только может наступить⁵.

В изложенном понимании риск обычно характеризуется рядом признаков, частью находящих себе выражение в нормах положительного права, частью выдвигаемых страховой теорией и практикой.

1. Событие, предусматриваемое страхованием, должно быть фактом, наступление которого в о з м о ж н о. Если возможность риска исключена, то оказывается исключенной и обязанность уплаты страхового вознаграждения, принятая на себя страховщиком на случай наступления известного события⁶, а тем самым падает и все страховое правоотношение.

Трудность проблемы заключается в том, как установить критерий, чтобы распознать возможность или невозможность наступления события. Достаточно ли для этого, чтобы только стороны допускали эту возможность, или же возможность должна быть установлена на основании каких-то объективных данных.

¹ ГК не придерживается однообразной терминологии, допуская наравне с термином «риск» и термин «опасность», каковые термины надо считать синонимами, ст. 384, 386.

² Этим во многом объясняются разногласия авторов по отдельным вопросам страхового права, например, в вопросе, вызвавшем большие споры, – о признании за страховым договором рискового характера.

³ Киш, там же, § 1, стр. 7.

⁴ Гаген, VIII, I, стр. 561; ср. ГК, ст. 367.

⁵ Киш, там же, § 1, стр. 9; ср. ГК, ст. 380, п. 3.

⁶ ГК, ст. 367, 384.

Исходя из интересов прочности оборота, страховая теория выдвигает объективный критерий. Для признания риска возможным является решающей объективная точка зрения, т. е. та, которая свойственна при данных условиях каждому разумному и сведущему человеку. Поэтому, если стороны считают возможным наступление такого события, которое, с точки зрения обычных воззрений или представлений, произойти не может, то страхование не получит правового эффекта¹.

Так как от возможности риска зависит существование всего страхового правоотношения, то представляет немаловажное значение разрешение вопроса о моменте времени, к которому должна быть приурочена эта возможность. Вопрос этот разрешается в смысле приурочения возможности к тому моменту, когда выясняется действительность страхования. Поэтому, если ставится вопрос, существует ли вообще данное страхование, то исследуется положение ко времени заключения договора, и, если выяснится, что в это время событие представлялось возможным, то договор будет действительным (в противном случае – нет). Если же дело идет о том, потерял ли свою силу действительный страховой договор от того, что наступление предусмотренного события стало возможным с известного периода времени, то определяющим моментом окажется именно этот период времени².

2. Событие, предусматриваемое страхованием, должно обладать свойством не известности.

В большинстве случаев неизвестность относится к наступлению самого страхового случая. И страхователю, и страховщику при заключении страхования, действительно, остается неведомым, произойдет ли пожар, градобитие, кража, несчастный случай и т. д. Но вполне достаточным для установления признака «неизвестности» является, если неизвестным представляется только самый момент наступления страхового случая. Смерть неизбежна, но когда она будет иметь место в пределах действия страхового договора установить, разумеется, нельзя. Элемент неизвестности может выражаться и в неопределенности объема страхового вознаграждения³.

¹ Киш, там же, § 6, 20. Но и «объективная» точка зрения есть понятие относительное. То, что было невозможно вчера, делается возможным сегодня (страхование авиационных рисков). Об истории развития понятия «объективной» и «субъективной» невозможности см. Schreuer, Deutsches Privatrecht, § 70.

² Киш, там же, стр. 51 сл.; для советского права, ст. 384 ГК.

³ Colin et Capitant II, p. 665; Roelli, s. 337. Ehrenberg, Privatversicherungsrecht, s. I; 1923. Cosack, § 182.

В отношении советского права признак «неизвестности» события можно вывести из ст. 367 ГК, поскольку этой статьей возлагается на страховщика обязанность к уплате страхового вознаграждения «в случае наступления предусмотренного в договоре события», т. е. в зависимости от обстоятельства о неизбежности наступления или, по крайней мере, о времени наступления, которого при заключении страхования не было известно. См. также ст. 374.

С точки зрения немецкой теории страхового права, решающим для признания события «неизвестным» является не «объективная» неизвестность, а неизвестность «субъективная». Достаточно, чтобы стороны считали наступление страхового случая не неизбежным или, по крайней мере, для них оставалось бы неизвестным время наступления предусмотренного страхованием события¹.

Последствия «неизвестности» события, предусмотренного страхованием, будут различны в зависимости от того, обе ли стороны считали это событие неизвестным или одна из них. Если, по субъективному убеждению обеих сторон, нельзя было с неизбежностью ожидать наступления страхового случая, то страхование действительно; страхователь остается обязанным к уплате страховой премии, а страховщик — связанным принятой им на себя обязанностью выплатить страховую сумму.

Иначе складываются отношения, если одной из сторон было при заключении соглашения уже известно, что событие должно непременно наступить и даже известен срок его наступления. В этом случае не приходится говорить о страховом договоре, что не исключает, однако, наличия правовых отношений между сторонами, возникших из состоявшегося соглашения. Страховщик, знавший, что страховой случай произойдет в точно определенный момент времени, не освобождается от принятого на себя обязательства, но отвечает не по страховому договору, а по какому-либо иному основанию (договор гарантии, дарения и др.). То же правило надлежит применить и к страхователю. Аналогично разрешается вопрос, если при заключении страхования обе стороны знали о неизбежности и времени наступления страхового случая, например, если он знали, что корабль, застрахованный от военных опасностей, неминуемо попадет в качестве приза в руки государства, ведущего войну². Из здесь «страховщик» должен будет возместить убытки, а «страхователь» — уплатить «премию». Но и то, и другое обязательство не будут основываться на страховом правоотношении как таковом³.

¹ Киш, там же, стр. 53 сл. «Страхование корабля действительно, если сторонам было неизвестно, что в трюме корабля спрятана адская машина, которая должна была с математической точностью через известное количество дней взорвать корабль».

² Известный случай во время мировой войны с кораблем *Dacia*; Киш, там же, стр. 60 сл.

³ С указанными случаями, когда и страховщику, и страхователю или одной из сторон при заключении страхования было уже известно, что событие должно наступить и даже был известен срок его наступления, не надо смешивать рассмотренных ранее (гл. I) страхований *à terme fixe* и рентного с немедленной выплатой ренты. При страховании *à terme fixe* момент неизвестности вытекает из неопределенности срока уплаты страхователем премий; при рентном же страховании с немедленной выплатой ренты страховщик опасается, что страхователь проживет слишком долго и страховщику придется уплатить больше, нежели он от страхователя получил, страхователь же — что при своей скорой смерти он потеряет больше, нежели успеет получить от страхов-

Эти выводы, казалось бы, нет оснований не применять и к советскому страховому праву, поскольку ни ГК, ни правилами страхования только что указанные случаи не предусмотрены, но на практике, конечно, могут встречаться.

3. Должно ли событие непременно относиться к будущему времени?

Поскольку обязательство прекращается невозможностью исполнения, за которую должник не несет ответственности (ст. 118, 129, 144 ГК), отпадение же возможности наступления страхового случая надо трактовать как причину, вызывающую для страховщика невозможность исполнения, постольку отнесение события к будущему времени должно в принципе быть непременным условием действительности страхования¹. Кроме того, само понятие риска как чего-то неизвестного приводит к заключению о недопустимости страхования, если событие уже наступило.

Однако потребности оборота уже давно понудили законодательства в некоторых случаях отступить от этого принципа, допустив так наз. страхование на прошлое время (*Rückwärtsversicherung*). Этот вид страхования возник и получил свое развитие впервые в морском страховании, где, по условиям морского транспорта, при заключении страхования сторонам часто бывает неизвестна судьба страхуемого груза или судна, находящихся в пути². Впоследствии страхование на прошлое время было распространено и на некоторые другие виды страховых операций, при которых сторонам при заключении страхования также может быть неизвестна судьба страхуемого имущества или нет сведений, произошло ли в передачах обусловленного времени событие, являющееся основанием ответственности (транспортное страхование, гражданской ответственности, кредита и нек. др.)³.

щика. Момент неизвестности, таким образом, коренится в неопределенности срока человеческой жизни.

¹ *Versicherungsexicon*, s. 1078.

² Страхование на случай благоприятных или неблагоприятных известий (*sur bonnes ou mauvaises nouvelles*), при котором страховщик является ответственным даже тогда, если событие произошло до заключения страхования; франц. торг. код., § 365, 367. Аналогично английское право — оговорка в морском полисе «потерпел или не потерпел потери» (*lost or not lost*); *Marine insurance Act*, § 6; герм. торг. улож., § 785; общегерм. прав. морск. страхования 119 г., § 5.

³ *Versicherungsexicon*, стр. 1079; Gerhardt, Hagen, Manes, *Komm. Z. d. V. V. Ges.*, s. 15; 1908. Ehrenzweig, *Komm. z. österr. V. V. Ges.*, s. 11; 1918. Ancey, *Les risques de credit*, p. 131; 1926.

Отчетливо вышеозначенный принцип и исключения из него проведены в швейцарском законе, указывающем, что страховой договор ничтожен, если в момент его заключения риск уже отпал. Исключение из этого правила устанавливается при страховании от огня предметов, находящихся за границей, и при транспортном страховании, когда обе стороны не знали, что риск уже отпал (§ 9). Герм. страх. зак. указывает прямо, что страхование может быть заключено так, чтобы оно начиналось в момент, предшествующий совершению договора. Если при этом страховщику при заключении договора было известно, что возможность наступления страхового случая уже исключена, то он теряет право на премию; если страхователю было известно, что страховой

ГК в ст. 384 указывает, что договор страхования ничтожен, если во время его заключения... имущество было не подвержено опасности, от которой оно страховалось. Таким образом, ГК проводит общий принцип, что событие предусмотренное в договоре, должно относиться к будущему времени¹.

4. Является ли характерным признаком события, предусмотренного страхованием, его имущественная невыгодность или убыточность?

Как нами в своем месте указывалось², для ряда страхований начало убыточности не является характерным признаком. В действительности, в основании всех видов страхования лежит не идея «убытка», а более широкая идея «обеспечения возможной потребности». Поэтому признак «убыточности» не является характерным свойством риска в рассматриваемом значении.

5. Не вызывающим сомнения признаком риска является его *п р а в о м е р н о с т ь*. Поэтому страхования от опасностей занятия недозволенными действиями, например, контрабандным промыслом и т. п., не могут пользоваться защитой закона³. Для советского права, кроме ст. 30 ГК, признающей недействительными сделки, совершенные с целью, противной закону, или в обход закона, а равно сделки, направленные к явному ущербу для государства, – критерием правомерности может быть еще ст. 1 ГК, в силу которой гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социальнохозяйственным значением.

Б. Риск понимается также как *в о з м о ж н о с т ь и л и в е р о я т н о с т ь н а с т у п л е н и я с о б ы т и я*, угрожающего лицу или имуществу (риск пожара, преждевременной смерти и т. п.)⁴. В этом значении понятие риска употребляется ГК в ст. 386, гласящей, что, если при имущественном страховании опасность или вероятность наступления страхового случая

случай уже наступил, то страховщик освобождается от ответственности; § 2. Сходно австр. страх. закон, § 7.

¹ При морском страховании советское страховое право идет тем же путем, как и западноевропейское право. Правила страхования грузов по морским путям указывают, что ответственность Госстраха начинается с погрузки первого места или пудо-груза на судно, если в страховых документах не обусловлено иного. Те же правила разрешают заключать страхования на условиях иностранных правил морского страхования; § 11, 29. Поэтому, оговорка *lost or not lost* английского права вполне применима и в полисах морского страхования, выдаваемых Госстрахом; ср. Долгов, Морское страхование, стр. 10; 1925 г.

² См. гл. I.

³ Ср. Прусск. земское улож., II, § 1953 – *Iede künftige Gefahr, die nicht mit verbotenen Handlungen verknüpft ist, kann versichert werden*; французская практика опирается на § 1133 Фран. ГК: «цель (cause) является недозволенной, когда она запрещена законом, противна добрым нравам или общественному порядку».

⁴ Гаген, VIII, I, стр. 385.

(страховой риск) увеличилась..., то страховщик может предложить страхователю... уплатить соответственно увеличенную премию¹.

Риск как возможность наступления события представляет собою понятие относительное. Он может быть больше или меньше, увеличиваться и уменьшаться. Указанное понимание риска имеет чрезвычайно важное значение для страховщика и лежит в основании его расчетов при вычислении степени вероятности наступления страхового случая.

В. Можно понимать риск как необходимость нести невыгодные последствия возможного, неизвестного события. В этом смысле применяет термин «риск» законодатель, говоря о принятии на себя страховщиком риска, о переходе риска, о делении риска и т. д.² Такое понимание риска ближе всего стоит к пониманию риска в его экономическом значении, и влияние экономических представлений, нам думается, несомненно, отразилось и на приведенной здесь терминологии законодателя. Если, однако, рассматривая вопрос с экономической точки зрения, можно говорить о перенесении риска, о делении риска и пр., то, с точки зрения юридической, такая терминология представляется неточной. Если экономический риск, переданный страхователем страховщику, и риск, принятый на себя страховщиком, покрывают друг друга³, то юридически риск страхователя и риск страховщика являются понятиями несовпадающими. Страхователь несет риск потому, что он является собственником, нанимателем, комиссионером и т. д. Страховщик несет риск только потому, что он вступил в страховые отношения. Юридическим основанием возникшей в его лице обязанности будет или договор страхования, или требование закона, т. е. иное основание ответственности, нежели у страхователя. Юридически риск страховщика может не совпадать с риском страхователя и по своему объему, сроку и действию. Поэтому «принятие на себя страховщиком риска» в правовом смысле означает возникновение в лице страховщика особого, самостоятельного обязательства, имеющего своим основанием факт заключения страхования⁴. Здесь «риск страховщика» оказывается тождественным с «ответственностью страховщика», вытекающей для него из заключенного страхования. С точки зрения юридической, поэтому можно было бы употреблять

¹ Также ст. 385 ГК.

² «Договором страхования страховщик обязуется за премию взять на себя риск» – итальянск. проект торг. кодекса, § 567, перев. под ред. проф. В. М. Гордона; ср. § 16, 129 герм. страх. закона, § 813, 516, 545 герм. торг. уложения; «разница, оставленная на риске самого страхователя» – ст. 370 ГК.

³ Страхуя имущество в сумме 5 000 руб., страхователь переносит экономически риск именно в этой сумме на страховщика.

⁴ В частности, страховщик является ответственным и в тех случаях, когда страхователь экономически никаких невыгодных последствий от страхового случая не понес.

выражение «принять на себя ответственность», вместо – «принять на себя риск». И если «ответственность» обычно именуется «риском», то происходит это потому, что фактическое осуществление этой ответственности ставится в зависимость от наступления возможного, неизвестного события¹.

Г. Таковы главнейшие значения, вкладываемые в понятие страхового риска. Но термин «риск» может применяться еще в различных значениях: риск как предел невыгодных последствий страхового случая (страховщик несет риск в 10 000 руб.); риск как возможная хозяйственная невыгодность отдельной страховой сделки; под риском иногда понимается имущество или лицо, оказывающиеся объектами страхового правоотношения (принятие на страх тех или иных рисков – строений, людей и т. д.)².

Д. Понятие риска должно быть строго отграничено от понятия страхового интереса.

Интерес, говорит Киш, не риск, но то, что подвержено риску; или, выражаясь несколько иначе, та имущественная ценность, которая может быть утрачена отдельным лицом в силу наступления известного события; интерес связан с застрахованным риском, риск – с известным событием, которое может постигнуть это имущество. При страховании дома одновременно от огня и от наводнения один и тот же интерес страхуется от нескольких опасностей. Обратно – страхование грузов, фрахта, ожидаемой прибыли или аварийных денег от опасностей морской перевозки является страхованием различных интересов от одного рода опасности. Смещение риска со страховым интересом происходит особенно легко тогда, когда интерес не является связанным с определенным имущественным объектом (страхование гражданской ответственности). Но и в этом случае между указанными понятиями может быть проведено ясное отличие: риск будет представлять собою или возможность наступления события, или само событие, или необходимость нести невыгодные последствия этого события; интерес же будет представлять ту ценность, которую может потерять страхователь при наступлении предусмотренного события³.

II. 1. Определение риска при договорном страховании, в принципе, – дело сторон. Стороны должны условиться, от каких опасностей заключается страхование (от огня, градобитий и пр.)⁴. Как общее правило, при заключении страхования риск строго специализируется (от огня, от падежа скота и т. д.). Однако встречаются и такие виды страхования, при которых объект

¹ Киш, там же, стр. 11–12.

² Ehrenberg, Versicherungsrecht, § 1; Hagen, VIII, I, стр. 384; Rostaing Manuel des assurances, p. 105; «Правила перестрахования рисков Госстраха», Положение о Госстрахе, приложение к ст. 7.

³ Киш, там же, II, стр. 19, 20.

⁴ ГК, ст. 380, п. 3.

страхуется от всех опасностей, могущих угрожать этому объекту. Таково, например, транспортное страхование. Согласно § 1 Правил страхования грузов по морским путям, Госстрах отвечает за убытки от всех случайностей и опасностей морской перевозки. Не специализируется риск и при гарантийном страховании, поскольку Госстрах несет ответственность за все убытки в застрахованном имуществе, причиненные преступными или небрежными действиями или упущениями рабочих и служащих страхователя, непосредственно связанными с приемом, хранением, охраной и транспортированием вверенного им застрахованного имущества¹.

При обязательном страховании характер риска определяется самим законом (от огня, градобитий и падежа скота – при обязательном окладном страховании и от огня и опасностей перевозки – при обязательном неокладном страховании²).

2. Определение характера риска не устанавливает само по себе его объема. Заключение страхования от огня еще не означает, что страховщик согласился отвечать за все случаи пожара, от каких бы причин они ни произошли, или что при страховании от несчастных случаев он изъявил согласие нести ответственность за все несчастные случаи, какого бы они характера не были и т. д.

Каким же порядком устанавливается объем риска? Согласно теории, принятой французской доктриной и практикой, объем риска должен быть установлен соглашением сторон³. На первый взгляд эта теория представляется, с точки зрения общих чтений о договоре, вполне приемлемой: кому как не сторонам определить все существенные моменты договора, в том числе и объем риска. При ближайшем же рассмотрении эта «договорная» теория оказывается, однако, неудовлетворительной, так как она игнорирует те часто встречающиеся на практике случаи, когда стороны не предусмотрели в своем соглашении или не смогли предусмотреть все события, представляющие признаки того риска, от последствий которого было заключено страхование. Имея в виду эти случаи, швейцарский закон поступил вполне последовательно, установив, что, поскольку в настоящем законе нет иного постановления, страховщик отвечает за все события, представляющие признаки того риска, от последствий которого было заключено страхование, разве только в договоре в точных и недвусмысленных выражениях определенные события

¹ Правила гарантийного страхования, § 1.

² Положение о Госстрахе, ст. 9, 13.

³ Франц. торг. кодекс. § 348; Thaller, р. 1014. В старой русской страховой литературе под несомненным влиянием французской доктрины такого же мнения придерживался Степанов, Опыт теории страхового договора, стр. II; 1875.

были изъяты из действия страхования¹. По швейцарскому закону, таким образом, определение объема риска, в принципе, принадлежит сторонам, но если стороны по тем или иным причинам объема риска не установили, то страховщик несет ответственность за весь риск как таковой (при страховании от огня – за все случаи пожара и т. д.).

ГК не содержит общей нормы об установлении объема риска. Но в Правилах страхования обычно подробно, хотя и в достаточной мере казуистически, указывается предел ответственности, лежащей на страховщике. Этот предел ответственности соглашением страхователя с Госстрахом может быть, однако, изменен (расширен или сужен)².

3. Детальное определение объема принимаемой на себя ответственности страховщик достигает с помощью вспомогательных страховых дисциплин – страховой статистики, страховой медицины и др., дающих ему возможность классифицировать риск, определить степень вероятности предусмотренного события, величину страховой премии и проч. Тем не менее и однородные риски все же не являются тождественными (например, риск смерти многих лиц одного возраста). В каждом данном случае имеются свои индивидуальные особенности, увеличивающие или уменьшающие опасность (например, различное состояние здоровья страхуемых лиц одного возраста). Для некоторых видов страхования эти индивидуальные особенности не принимаются во внимание (например, при обязательном окладном страховании). Но для большинства видов страхования индивидуальные особенности отдельных рисков имеют большое значение при установлении объема риска и тем самым объема ответственности страховщика. Отсюда возникает потребность в индивидуализации риска, в подробном описании всех его существенных особенностей. Способом такой индивидуализации является возложение на страхователя особой «обязанности уведомления» о всех обстоятельствах, имеющих существенное значение для установления объема риска (Anzeigepflicht)³.

¹ Швейцарский закон, § 33.

² Прав. страх. грузов по морским путям, § 4; прав. гарант. страх., § 1; прав. страх. от несчастн. случаев, § 2 и др.

³ См. гл. VI.

§ 3. Страховой случай

Литература

Гаген, VIII, I, § 256–259. Colin et Capitant, II, p. 666 s., 1924. Stefani, Les assurances des fautes; 1923. Demogue, Traité des obligations, T. V, p. 429 s.; 1925. Cady, p. 163, 188.

Страховой случай является тем событием, от последствий наступления которого заключалось страхование, и притом событием, уже наступившим. В этом его отличие от риска как события, которое еще только может наступить. Так понимает страховой случай и ГК в ст. 367, отождествляя «наступление предусмотренного в договоре события» со «страховым случаем». Понятие страхового случая имеет весьма важное значение, т.к. только с наступлением страхового случая происходит реализация страхового правоотношения.

С понятием страхового случая не надо смешивать понятия случайности события.

Отвечает ли страховщик только тогда, когда событие, являющееся основанием его ответственности, произошло случайно или и тогда, когда это событие было вызвано намеренно страхователем или лицами, уполномоченными по договору (выгодоприобретателями)?

В этом вопросе чрезвычайно показательна эволюция французского права.

Emerigon и Pothier категорически отрицали возможность соглашений, в силу которых кто-либо принимал на себя ответственность за вину другого. Такие соглашения, по их мнению, являлись ничем иным, как призывом *ad delinquendum*. Эта точка зрения отразилась и на французском торговом кодексе 1808 г., установившем, что убытки, проистекающие от действия страхователя (*provenant du fait de l'assuré*), не подлежат возмещению со стороны страховщика. Только путем особого соглашения страхователь может возложить на страховщика ответственность за вину капитана как заместителя страхователя (*barraterie de patron*)¹. Такое сужение ответственности страховщика, несомненно, шло вразрез с естественной потребностью страхователя обеспечить себя не только от невыгодных последствий различных случайностей, но и от того вреда, который страхователь может понести от собственной небрежности или неосторожности, зачастую являющихся естественным следствием его деятельности. Требовалось дать этой потребности надлежащий

¹ Франц. торг. кодекс, § 351, 353. Stefani, p. 38. Старое страховое правило гласит: «*Si casus evenit culpa asseceratorii, non tenetur assecutores*»; ср. Guidon de la mer, Ch. IX, Art. 8.

правовой выход, и он был дан судебной и административной практикой. Исходя из традиционного деления на *culpa levis* и *culpa lata*, судебная практика разрешила страхования от последствий легкой вины, запретив соглашения, имеющие целью освободить страхователя от последствий его грубой вины, как находящиеся в противоречии с началами общественного порядка (*l'ordre public*)¹. Издание закона 1898 г. об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими побудило страховые общества принять на себя ответственность даже за случаи, происшедшие в силу непростительной вины предпринимателя-страхователя, что не встретило возражений ни со стороны суда, ни органов надзора за деятельностью страховых обществ. Не подвергается сомнению и законность страхования от гражданской ответственности, в силу которой страховщик отвечает за вину страхователя². При страховании жизни страховщик не отвечает за вину страхователя или застрахованного в случаях, прямо предусмотренных условиями полиса (дуэль, самоубийство)³. Последний французский проект закона о страховом договоре пошел еще дальше. Проект выставляет общее положение, что страховщик отвечает за весь вред, причиненный случайным событием или происшедший по вине страхователя. Ответственность страховщика исключается только в случае умышленной вины страхователя (при страховании от гражданской ответственности страховщик отвечает и за умышленную вину). При страховании жизни, если полис не заключает в себе оговорки об ответственности за самоубийство, таковое освобождает страховщика от ответственности, если не будет доказано совершение самоубийства в состоянии бессознательности; наличие оговорки об ответственности за самоубийство влечет за собой ответственность страховщика только в том случае, если самоубийство произошло не ранее, как через 2 года после заключения договора⁴.

Страховое законодательство других западно-европейских стран и англо-американское право отличается от действующего французского права только в частностях⁵.

¹ Первоначально включение оговорки об ответственности страховщика за легкую вину страхователя нашло свое применение при страховании от огня.

² Colin et Capitant приводят указания, что в страховых полисах при страховании гражданской ответственности от опасности автомобильного движения в настоящее время приняты оговорки, устанавливающие ответственность страховых обществ, даже если шофер заснул или был в состоянии опьянения, или нарушил правила езды. При страховании от огня иногда включаются оговорки об ответственности страховых обществ и в случае пожара, вызванного виной застрахованного; II, 666, 667.

³ Rostaing. *Manuel des assurances*, p. 430; 1924.

⁴ *Revue trimestrielle de dr. civ.*, 1925, № 4, p. 968, 975.

⁵ Швейцарск. страх. закон освобождает страховщика от ответственности, когда страхователь или управомоченное по договору лицо умышленно вызовут предусмотренное в договоре событие. Грубая небрежность указанных лиц дает страховщику право на уменьшение страхового возна-

ГК РСФСР исходит из общепринятой в настоящее время доктрины страхового права и освобождает страховщика от уплаты страховой суммы, если страховой случай наступил вследствие умысла или грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя, делая исключение из этого правила только для страхования жизни. При страховании жизни Госстрах не освобождается от ответственности в случае грубой неосторожности застрахованного лица; если же случай наступит вследствие умысла застрахованного лица (самоубийство), то Госстрах освобождается от ответственности только в течение двух первых лет действия договора¹.

граждения в размере, соответствующем степени вины; при легкой небрежности страховщик отвечает в полном объеме, равно как и в том случае, если указанные лица вызовут предусмотренное событие, действуя по соображениям человеколюбия; §14, 15. Германск. и австр. страх. законы освобождают при имущественном страховании страховщика от ответственности, если событие вызвано умыслом или грубой небрежностью страхователя; герм. закон § 61, австр. закон § 55; но при морском и транспортном страховании страховщик свободен от ответственности даже при всякой небрежности страхователя; герм. страх. закон § 130, герм. торг. улож. § 821 и исключение из этого правила для случая – «*fehlhafte Führung des Schiffes*»; напротив, при страховании от гражданской ответственности, по германскому закону, страховщик не несет ответственности только в том случае, если страхователь намеренно противозаконно вызвал событие, за наступление которого он отвечает перед третьим лицом; герман. закон § 152, аналогично австр. закон § 122; при страховании на случай смерти германский закон освобождает страховщика от ответственности при самоубийстве застрахованного лица, за исключением совершения поступка в состоянии болезненного расстройства, исключающего свободу самоопределения; герм. закон § 169. По англо-американскому праву, страховщик не отвечает за потерю, которая может быть приписана умышленным неправильным действиям страхователя, но он отвечает за всякую потерю, причиненную неправильным действием капитана или команды (*baratry*), поскольку в полисе не предусмотрено иного; *Marine insurance Act*; *Cady*, p. 188: выражение *baratry* обнимает собою всякое неправильное действие, умышленно совершенное капитаном или командой во вред собственника судна или лица, совершившего царепапию; *Rules for construction of Policy*, прил. к *Marine insurance Act*; страхование от гражданской ответственности влечет ответственность страховщика и в том случае, если событие было умышленно вызвано страхователем; *Cady*, p. 224; при страховании жизни англо-американское право не дает права на страховое вознаграждение, если застрахованный умышленно покончил с собой, находясь в здравом уме; так же решался вопрос в дореволюционной практике Сената, см. *Сборн. Малаховского*, тез. 240; но в полисе допустима оговорка, что в случае самоубийства полис недействителен независимо от того, был ли застрахованный психически здоров или нет (*Sane or insane*); по закону штата Нью-Йорк 1920 г., самоубийство не является поводом к освобождению страховщика от ответственности, если оно произошло через 2 года после заключения страхования; *Cady*, p. 163, 164.

¹ Ст. 393 ГК РСФСР, ст. 393¹ ГК УССР. Отступления от указанного общего правила ГК содержатся еще в правилах страхования гражданской ответственности и от градобитий. Согласно правилам страхования моторных экипажей, по риску от гражданской ответственности Госстрах не возмещаются убытки, происшедшие вследствие умысла или преступных действий страхователя или лица, управляющего моторным экипажем; правила, § 2.2. Согласно же правилам страхования от градобитий, Госстрах не отвечает, когда страхователь умышленными действиями увеличил размер убытков, причиненных градобитием; *прав. добр. страх.*, § 10, п. «д»; *прав. обязат. страх.*, § 42. Грубая небрежность страхователя влечет за собой ответственность Госстраха и при обязат. окладн. страх. от огня, *Прав.* § 42.

Выводы, которые можно отсюда сделать, по нашему мнению, таковы. Очевидно, что, в принципе, нельзя при всех видах страхования возлагать на страховщика ответственность за всякую вину страхователя. В противном случае у страхователя пропал бы всякий интерес к осмотрительному и бережному поведению в отношении застрахованного объекта и открылось бы широкое поле для различных злоупотреблений¹. Но тем не менее, для отдельных видов страхований этот принцип может допускать исключения, т. к. специфические свойства некоторых страховых операций вызывают потребность в распространении ответственности страховщика и на случай грубой небрежности и даже умышленных действий страхователя (страхование гражданской ответственности, страхование жизни)². Эти исключения все же только подтверждают общее правило, что страховщик не должен нести ответственности за случаи, вызванные умыслом или грубой неосторожностью страхователя.

Имея значение решающего момента для установления ответственности страховщика, страховой случай должен быть точно установлен. Установление его лежит на обязанности страхователя или выгодоприобретателя – лиц, наиболее осведомленных во всем, что касается застрахованного интереса.

§ 4. Страховая премия

Литература

Шершеневич, П, стр. 395, 406. Потоцкий, Краткий курс, стр. 41 сл. Гохман, Страхование жизни, стр. 40–63; 1926. Эмар, I, стр. 89 сл. Гаген, VIII, I, § 230–240. Ehrenberg, Versicherungsrecht, § 39; 1893. Versicherungslexicon, s. 958 flg. Roelli, Komm. z. Schweiz. V. V. Ges., s. 257 flg; 1914.

¹ Французский проект 1925 г. идет поэтому слишком далеко, устанавливая общее положение об ответственности страховщика за весь вред, причиненный случайным событием или происшедший по вине страхователя.

² При страховании гражданской ответственности нет оснований предполагать, чтобы страхователь стремился в целях обогащения вызвать страховой случай, т.к. причиненный вред никак не может принести выгоды страхователю, поскольку страховое вознаграждение предназначается исключительно на возмещение тех сумм, которые сам страхователь должен уплатить за вызванный вред; Versicherungslexicon, стр. 631; при страховании жизни трудно предположить, чтобы желание покончить с собой могло жить у застрахованного в течение нескольких лет после заключения договора.

Страховой премией является вознаграждение, уплачиваемое страхователем страховщику за принятие им на себя риска¹.

В уплате премии, таким образом, находит свое выражение двусторонний характер страхового правоотношения².

Премия обычно представляет собою известный денежный взнос³. Премия вносится страхователем или сразу – за весь срок страхования (*Mise*), или периодически (*laufende Prämie*).

Место платежа премии указывается при заключении страхования (ГК, ст. 389). Но, во всяком случае, забота о своевременном взносе премии лежит на страхователе⁴.

Страховая премия, по общему правилу, обладает свойством неделимости. В силу неделимости премии, страховщику принадлежит страховая премия за весь страховой период, хотя бы риск грозил страховщику только в продолжение одной части этого периода⁵.

¹ Термин «премия» обычно производят от слова – *primo* – прежде: уплата премии должна предшествовать заключению страхования. Иные толкования термина «премия» см. Эмар, I, стр. 89. С технической стороны различаются нетто-премия и брутто-премия. Нетто-премия является чистой себестоимостью страхования для страховщика. Брутто-премия представляет собою тарифную ставку, фактически уплачиваемую страхователем страховщику, исчисление которой производится путем установления известной надбавки к нетто-премии сообразно с принятым в данном учреждении планом организации дела.

² Однако правила ГК о двусторонних договорах не могут быть применены к премии полностью; законодательства обычно дают самостоятельное регулирование для обязанности уплаты премии; герм. закон, § 35 сл., австр. закон, § 23 сл., швейц. закон, § 23 сл., ГК, ст. 389 и др.

³ См., однако, Релли, стр. 258.

⁴ Правила страхования жизни, § 5. Таким образом, обязанность уплаты страховой премии является т.н. *Bringschuld*: страхователь (должник) обязуется исполнить обязательство в месте жительства кредитора или в другом указанном месте за свой счет и риск; иначе – при *Holschuld*, когда должник обязывается только держать предмет обязательства готовым к исполнению и передать кредитору по его требованию; *Typ, Schweiz. Obl. Recht*, стр. 445. Герм. закон указывает, что местом платежа премии является местожительство страхователя в данный момент, но страхователь обязан за свой страх и счет доставить премию страховщику, § 36; однако страховщик может, не будучи к тому обязан, сам (через своих агентов) собирать премии; по германскому, австр., швейцарскому законодательству, такой порядок может быть всегда односторонне страховщиком изменен; герм. закон, § 37, австр. закон, § 24, швейц. закон, § 22; итальянская и французская практика усматривает в этом случае превращение *Bringschuld* в *Holschuld*; *Versicherungswörterbuch*, s. 959.

⁵ Швейц. закон, § 24, герм. торг. уложение, § 897. В герм. и австр. страх. законах правило о неделимости премии применяется не всегда. ГК не говорит о неделимости премии, но правилами страхования она хорошо известна, хотя и допускает исключения; прав. обяз. страх. от огня, § 22, прав. гарант. страх., § 21.

§ 5. Страховая сумма

Литература

Шершеневич, П, стр. 395, 399. Гойхбарг, Вестник гражд. права, 1915 г., № 2. Линденбратен, Долгов, Морское страхование, стр. 18, сл. Гаген, VIII, I, § 209–229. Эмар, I, стр. 93. Ehrenberg, Versicherungsrecht, § 31, Versicherungslexicon, s. 1367 flg.

1. Страховая сумма является одним из основных элементов страхового правоотношения как при имущественном, так и при личном страховании. Но в то время как при личном страховании страховая сумма уплачивается страховщиком независимо от того, понес ли страхователь какой-нибудь ущерб от наступившего события, при имущественном страховании страховая сумма играет только роль предела, выше которого не должно подниматься фактически уплачиваемое страховое вознаграждение.¹ Если, при имущественном страховании страховая сумма играет роль предела для выплаты страхового вознаграждения, то, в свою очередь, пределом для страховой суммы является стоимость страхового интереса (страховая оценка).² Стоимость страхового интереса обычно определяется ко времени наступления страхового случая³.

2. Превышение страховой суммы над стоимостью страхового интереса влечет за собой, по ГК, в случае добросовестного заблуждения признание страхования действительным только в пределах стоимости страхового интереса, в связи с чем соответственно понижается и уплачиваемая страхователем страховая премия. Если же это превышение явилось следствием умысла со стороны страхователя, то страховщик может требовать по суду признания договора недействительным и возмещения убытков, поскольку последние превышают полученные премии, каковые в данном случае он возвращать не обязан⁴.

¹ ГК, ст. 368. Возможны, однако, виды личного страхования, когда страховая сумма также играет роль предела для устанавливаемого страхового вознаграждения (страхование от болезни, несчастных случаев). При гарантийном страховании, если при установлении убытка по страхованию первого риска окажется, что максимальная дневная стоимость имущества за месяц до дня страхового случая включительно превысила максимальную стоимость имущества, указанную страхователем, то пропорционально должна быть увеличена и страховая сумма; § 40, п. 2.

² При обязательном страховании страховая сумма устанавливается законом.

³ Швейцарский закон, § 62; швейцарский закон дает чрезвычайно подробно разработанную систему определения стоимости различных интересов, § 63. При транспортном страховании решающее значение для установления размера страхового вознаграждения имеет стоимость страхового интереса при начале страхования (во время и в месте отправки груза); прав. страх. грузов по сухим путям, § 10, 21.

⁴ ГК, ст. 369.

При застраховании имущества только в известной части страховой оценки (в $\frac{1}{2}$, в $\frac{1}{3}$ и т. д.) оставшая часть признается оставленной на риске с самого страхователя. При установлении суммы страхового вознаграждения в этом случае применяется общее правило, что страховое вознаграждение стоит в таком отношении к ущербу, как страховая сумма – к страховой оценке (стоимости страхового интереса)¹.

3. Возможно, что один и тот же страховой интерес окажется застрахованным от одного и того же риска и на тот же срок у нескольких страховщиков в страховых суммах, превышающих страховой интерес. Тогда мы будем иметь т. н. двойное страхование².

Одни законодательства считают, что если возмещение убытков уже обеспечено, то нет оснований для нового договора, и поэтому все позднейшие договоры должны быть признаны недействительными³. Другие законодательства, исходя из тех соображений, что центр тяжести заключается в том, чтобы страхователь не получил двойного страхового вознаграждения, допускают возможность двойного страхования, устанавливая только известный порядок выплаты страхового вознаграждения несколькими страховщиками, гарантирующий от могущих быть злоупотреблений со стороны страхователя. По одной системе, все страховщики отвечают перед страхователями солидарно, т. е. каждый в полной сумме ценности. По другой системе, каждый из нескольких страховщиков отвечает перед страхователем пропорционально принятой на страх части ценности⁴.

ГК примыкает к той группе законодательств, которая признает недействительность всех позднейших договоров. Согласно ст. 372, если в общей сложности страховые суммы по нескольким договорам имущественного страхования, заключенного относительно одного и того же интереса, превышают размер этого интереса, то последующие договоры в части, превышающей страховой интерес, признаются недействительными, а уплаченные премии не подлежат возврату; если же страхователь преследовал цель извлечь неправомерную выгоду, то все заключенные договоры недействитель-

¹ ГК, ст. 370. Исключение из этого правила при гарантийном страховании; по расчету первого риска, страховое вознаграждение определяется в сумме установленного убытка, § 40, п. 1.

² Швейцарск. закон, § 53, герм. закон, § 58 сл., австр. закон, § 54; не совсем точно – ГК, ст. 372. Понятие двойного страхования вообще неприменимо при страховании гражданской ответственности.

³ Гер. торг. укл., § 788; фр. торг. код., § 359; итальян. торг. код, § 426.

⁴ Пропорциональная ответственность установлена швейцарским законом, § 71. Солидарная ответственность принята германским законом, § 59–69, австрийским законом, § 54; англо-американским правом, Cadu, p. 62.

ны, а страховщики сверх того могут требовать возмещения причиненных им страхователем убытков.

В СССР при действии страховой монополии, не допускающей наличия нескольких страховщиков, двойное страхование может иметь место только в тех случаях, когда из этой монополии закон допускает изъятия. Поэтому двойное страхование в СССР возможно: а) при кооперативном страховании, б) при страховании экспортно-импортных товаров, в) при страховании НКПС и НКПиТ перевозимого багажа и почтовых отправок с объявленной ценностью, г) при применении на практике правил о страховании, принятых германо-советским торговым договором¹.

§ 6. Страховой срок

Страховщик несет ответственность по принятому риску только в течение известного количества времени – страхового срока. Этот срок может быть установлен календарно (с 1 января по 1 января) или иным образом (например, на определенную операцию, на рейс)². При добровольном страховании срок определяется соглашением сторон, а при обязательном – законом³.

Страховой срок, соответственно обусловленному порядку вноса страховых премий, может быть разделен на известные промежутки времени – страховые периоды, к которым приурочиваются взносы премий⁴.

¹ См. гл. II. Так как советское право придерживается принципа «старшинства» (Prioritätsprinzip), а германское право – принципа «выравнивания» (Ausgleichungsprinzip), то при двойном страховании в германском страховом обществе и в Госстрахе германское общество, уплатившее страховую сумму, не может требовать от Госстраха возмещения соразмерной части уплаченного; то же правило применяется и по отношению к Госстраху; см. Bruck, Zwischenstaatliches Versicherungsrecht, § 4. 1924.

² Правила гарантийного страхования, § 12.

³ ГК, ст. 378; правила обяз. страх. от огня, § 5.

⁴ ГК, ст. 378 неправильно противопоставляет страховой срок страховому периоду; страховой срок и страховой период могут совпадать (при единовременной уплате премии).

Глава V

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СТРАХОВАНИЯ

§ 1. Заключение добровольного страхования

Литература

Шершеневич, II, § 108, 114. Серебровский, Вестн. Сов. Юстиции, 1925 г., № 21. Garen, VIII, I, § 139 сл., 159 сл. Ehrenberg, Versicherungsrecht, § 25. Ehrenberg, Privatversicherungsrecht, s. 7; 1923. Roelli, s. 27 flg., s. 148 flg. Colin et Capitant, II, p. 669 s. Wahl, p. 494 s. Cady, p. 12, 41.

I. Поскольку добровольное страхование возникает из договора, к заключению добровольного страхования должны применяться общие правила о заключении договора с теми изъятиями, которые установлены законом или правилами страхования для отдельных видов страхования.

В законодательствах вопрос о форме заключения страхования разрешается неодинаково. Одни законодательства, в том числе и ГК, требуют совершения договора в письменной форме¹. Другие не устанавливают для этого определенной формы². Но обычно договор страхования везде совершается в письменной форме³. Страхователь делает предложение страховщику в форме подачи страховщику особого объявления на бланке, составленном страховщиком⁴. К объявлению прилагаются планы, описи и проч. После принятия предложения страховщиком договор страхования считается заключенным⁵. По действующим в СССР правилам страхования, договор считается заключенным, когда Госстрах в удостоверение принятия предложения страхователя выдаст последнему полис или страховую квитанцию⁶. Тем не менее, если бы даже полис и был выдан, договор не вступает в силу до уплаты премии сполна, или, при рассрочке, ее первого взноса, если иное, впрочем, не предусмотрено в договоре⁷. На практике встречаются и такие случаи, когда стра-

¹ Франц. торг. кодекс по отношению к морскому страхованию, § 332. ГК, ст. 379; ст. 137, п. 5 освобождает договоры страхования от засвидетельствования в нотариальном порядке.

² Французское (для всех видов страхования, кроме морского) немецкое, австрийское.

³ Кэди, стр. 12.

⁴ В виде исключения прав. страхования животных не требуют подачи объявления.

⁵ Чрезвычайно подробно регулируется порядок заключения страхования в швейцарском законе, § 1–13.

⁶ Прав. добровольного страхования от огня, § 8; прав. гарант. страхования, § 18, п. 1.

⁷ ГК, ст. 389; прав. гарант. страх., § 20, п. 3.

хование считается заключенным со времени уплаты премии, самый же полис выдается впоследствии¹.

II. Страховой полис является односторонним документом, выдаваемым страховщиком, и представляет собою обещание страховщика уплатить известную сумму в случае наступления предусмотренного страхованием события². Полисы могут быть именными, ордерными и на предъявителя³. Советское право знает только именные и предъявительские полисы: именные полисы или квитанции – при имущественном страховании; именные и предъявительские полисы – при личном страховании⁴.

Назначение полиса – служить главнейшим доказательством правоотношений, возникающих из страхования между сторонами⁵. Полис не является ценной бумагой. В отличие от ценной бумаги, которая дает право каждому правомерному приобретателю бумаги требовать исполнения полностью того, что написано в бумаге, полис таких правомочий своему держателю не предоставляет. Требование о выдаче страхового вознаграждения основывается не на полисе, а зависит от многих других обстоятельств (своевременности уплаты премии, выполнения страхователем ряда обязанностей как до наступления страхового случая, так и после его наступления). Полис является только принадлежностью страхового требования: бумага следует за требованием, а не требование за бумагой, как это имеет место с ценными бумагами⁶.

Не является полис ценной бумагой и тогда, когда он составлен на предъявителя. В этом последнем случае можно говорить о полисе только как о легитимационной бумаге⁷. Отсюда следует, что страховщик освобождается от обязанности требовать доказательств легитимации от предъявителя поли-

¹ Мен, Имуществен. страхование по законод. СССР, стр. 33; Розеноер, Страховой справочник, стр. 96; Прав. страх. жизни, § 5, п. 2.

² Советское право наряду с полисами применяет и страховые квитанции; юридически их значение одинаково. Полисы выдаются при личном страховании и при страховании грузов в пути (генеральные полисы); в остальных случаях выдаются страховые квитанции; Розеноер, стр. 44, 61, 74.

³ Германское право допускает ордерные полисы только при транспортном страховании, Герм. Торг. Уложение, § 363. Однако в отличие от обыкновенной ордерной бумаги держатель полиса приобретает только права предшествующего кредитора; поэтому страховщик может воспользоваться против владельца документа всеми возражениями, вытекающими из самого правоотношения (возражения об отсутствии страхового интереса, нарушения обязанности уведомления и т. д.). Гаген, VIII, I, стр. 360.

⁴ Ст. 375 ГК РСФСР в ред. от 1/VI–25 г. допускает при личном страховании полисы – именные, на предъявителя, на имя наследников страхователя и без указания лица, которому должно быть выдано страховое вознаграждение. При назначении выгодоприобретателями наследников без указания их имен полис все же будет разновидностью именного полиса. Выдача полиса без указания лица – несомненно, явление исключительное.

⁵ Релли, стр. 149–150.

⁶ Релли, стр. 158.

⁷ В германском праве это прямо указано в страховом законе, § 4. Герм. Гражд. Уложение, § 808.

са, но может, однако, если найдет нужным, потребовать от держателя полиса доказательств заявляемых им прав на страховое вознаграждение.

Не будучи ценной бумагой, полис является только одним из главнейших доказательств страхового договора и притом, в принципе, только против страховщика, а не в пользу его, поскольку полис является документом, выданным самим страховщиком. Однако принятие полиса страхователем и неоспаривание им его содержания в течение известного срока означает одобрение содержания полиса¹.

Эти соображения вполне применимы и к советскому праву².

III. Представляя собою вид доказательства, полис или квитанция должны содержать в себе все существенные элементы страхования. Согласно ст. 380

¹ Германский страховой закон, § 5, 109; австр. закон, § 2, швейцарский закон, § 12. «Принятием полиса безоговорочно истец принял и все условия, изложенные в нем»; Определ. Г. К. К. Верховного суда РСФСР по д. № 31974 («Судебная практика РСФСР», 1927 г., № 11, стр. 6).

² 1. Независимо от выдачи Госстрахом полиса или квитанции для получения страхового вознаграждения требуется наличие ряда юридических фактов. К числу таких фактов относятся: своевременная уплата премии (ГК, ст. 389), правильность сведений, имеющих существенное значение для определения риска и сообщенных при заключении договора Госстраху (ГК, ст. 383), наличие страхового интереса и страхового риска во все время действия договора (ГК, ст. 384), сообщение страхователем о всех значительных изменениях в обстоятельствах, сообщенных Госстраху, могущих существенно повлиять на увеличение страхового риска (ГК, ст. 385, 386), наступление страхового случая помимо умысла или грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя (ГК, ст. 393) и др. 2. Полис или квитанция могут быть переданы другому лицу (генеральные полисы передаче не подлежат, правила, § 14). Но страховщик может воспользоваться против всякого держателя полиса или квитанции всеми возражениями, которые он имеет против страхователя (обратное положение – при ценных бумагах; ГК, ст. 381). 3. Предъявление страхового полиса или квитанции не является непременным условием и для получения страхового вознаграждения (прав. добровольн. страх. от огня, § 29). 4. Но и полис на предъявителя также оказывается принадлежностью страхового требования, как и именной полис. Для получения страхового вознаграждения кроме предъявления полиса надлежит предварительно установить наличие еще других обстоятельств: а) исправность взноса премии (прав. страх. жизни, § 9–12), б) сообщение страхователем Госстраху правильных сведений (в течение первых двух лет действия договора Госстрах вправе, если обнаружится, что в поданных ему объявлениях страхователя или в представленных им документах содержались неверные сведения по вопросам, имеющим существенное значение для установления условий страхования при жизни застрахованного, уничтожить страхование, а после смерти застрахованного – отказать в уплате по полису (правила страх., § 15; там же – исключения для отдельных случаев). Наступающая по истечении двух лет неоспоримость полиса, лишаящая Госстрах права отказаться от договора в силу того, что страхователь дал неверные сведения, не влечет за собой превращения полиса в ценную бумагу, т. е. право на страховое вознаграждение зависит от исправной уплаты страхователем премии (правила, § 9, п. 3). Несмотря на неоспоримость полиса, его обладатель не получит страхового вознаграждения, когда страховой случай наступит вследствие умысла или грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя, не являющегося одновременно застрахованным лицом (ГК, ст. 375). Наконец и сами Правила указывают, что Госстрах не обязан входить в рассмотрение прав лица, представляющего полис на предъявителя (правила, § 17, п. 3). Поэтому Госстрах, если найдет нужным, может требовать доказательств от предъявителя, что исключается в отношении бумаг на предъявителя.

ГК, в полисе или страховой квитанции должны быть указаны: 1) наименование страховщика, страхователя; 2) указание застрахованного интереса; 3) указание риска, от которого заключается страхование; 4) начало и конец страхования; 5) страховая сумма; 6) премия (взносы, срок и место их уплаты). По отдельным видам страхования могут быть установлены также и иные обязательные условия, которые должны помещаться в полисе или квитанции.

Обычно полис выдается для каждого заключенного страхования. Исключением из этого правила являются т.н. «генеральные полисы», применяемые при транспортном страховании. Предприятие, которому приходится часто пересылать товары, вместо того, чтобы заключать при каждой отправке отдельный договор страхования, вступает с Госстрахом в соглашение, в силу которого Госстрах является обязанным принимать на страх все перевозимые этим предприятием грузы в течение установленного сторонами срока. В удостоверение такого соглашения и выдается генеральный полис. Принятие на страх каждой отправленной партии товаров осуществляется подачей объявления в Правление Госстраха или в местные конторы (агентства) или посылкой этого объявления по почте¹.

Генеральные полисы могут применяться и при перестраховании.

§ 2. Заключение обязательного страхования

При обязательном окладном страховании имущество считается застрахованным силой самого закона независимо от взноса страховой премии, причем заключения договора не требуется².

Обязательное неокладное страхование, как мы ранее видели, должно совершаться в форме договора, к заключению которого стороны обязываются силой закона. но если лица, к тому обязанные, от заключения договора уклоняются, то Госстрах обязан предъявить иск о признании за ним всех прав, вытекающих из такого договора. После признания за ним этих прав и соответствующих обязанностей Госстрах приступает ко взысканию со страхователя причитающейся с него страховой премии в бесспорном судебном порядке, причем ответственность Госстраха в этом случае начинается с момента получения судебного приказа о взыскании страховой премии³.

Таким образом, судебная процедура распадается на две стадии. Первая стадия – обращение Госстраха в суд с иском о признании за ним всех прав,

¹ Особые правила генеральных полисов, § 4, 6, 7.

² Положение о Госстрахе, ст. 8.

³ Положение о Госстрахе, ст. 12, 15; Инструкция о порядке оформления обязательных неокладных страхований и о порядке взыскания по ним страховой премии; 1927. О юридической природе «договора» при обязательном неокладном страховании, см. гл. III.

вытекающих из заключения договора страхования. Вторая стадия – обращение Госстраха в суд о выдаче судебного приказа на взыскание страховой премии.

Теория гражданского процесса знает 3 категории исков: 1) о присуждении, или исполнительные, 2) о признании, или установительные и 3) преобразовательные¹. Основной категорией исков является первая (иск о возврате вещи, о взыскании известной суммы денег и т. д.). Вторая категория исков имеет в виду только предварительное удостоверение судом правоотношений тогда, когда нарушение права еще не последовало, но есть опасность потерпеть нарушение; и притом правоотношения уже существующего, не предоставляя одновременно с этим истцу права на исполнение². Третья категория исков направлена на создание, изменение или прекращение правоотношений (например, расторжение брака в судебном порядке).

Из квалификации, применяемой Положением о Госстрахе, следует, что в рассматриваемом случае как будто речь идет об иске о признании. Но предъявляя иск о признании за собой всех прав, вытекающих из заключения договора неокладного страхования (а не о заключении договора), Госстрах, по существу, просит суд не подтвердить наличие страхового правоотношения, существующего между ним и страхователем тогда, когда нарушения права еще не последовало, а понудить страхователя, уже нарушившего принадлежащее Госстраху в силу закона право, – к выполнению возложенных на страхователя законом обязанностей.

Нельзя в данном случае видеть и иск «преобразовательный». Преобразовательный иск направляется на создание нового правоотношения, ранее не существовавшего. Госстрах же, предъявляя иск, действует в силу права, предоставленного ему законом, уже существующего и нарушенного.

Называя рассматриваемый иск иском о признании, Положение о Госстрахе не дает ему исполнительной силы, предоставляя Госстраху, для получения премии, право прибегать к особому взысканию, в порядке судебного приказа. Такой порядок нам кажется чрезвычайно сложным. Предъявляя иск о присуждении страхователя к выполнению возложенных на него Положением и Правилами обязанностей, Госстрах одновременно может также просить суд обязать страхователя уплатить премию.

¹ Васильковский, Курс гражданского процесса, стр. 3, 65; 1906.

² В. М. Гордон, Иски о признании, стр. 3, 65; 1906.

ГЛАВА VI

ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН

§ 1. Обязанности страхователя

Литература

Шершеневич, II, § 109, 115, III, § 173. Гаген, VIII, I, § 182 сл., 199 сл., 241 сл., 268, 287 сл., 302 сл., Киш, II, § 23 сл. Релли; стр. 82 сл.; 257 сл., 327 сл., 459 сл., 530 сл. Кэди, стр. 46 сл. Ehrenberg, Versicherungsrecht, § 39. Wolf, s. 429 flg. Versicherungslexicon, s. 865, 934 flg. Colin et Capitant, II, p. 673 s. Wahl, p. 498 s.

Ст. 367 ГК, возлагая на страховщика обязанность уплаты страхового вознаграждения, соответственно возлагает на страхователя обязанность уплаты премии. Однако этой обязанностью далеко не исчерпывается содержание страхования. Кроме обязанности уплатить премию, на страхователя лежат и другие обязанности¹. Все обязанности страхователя могут быть разбиты на 2 группы: I – обязанности до наступления страхового случая и II – обязанности с момента наступления страхового случая.

I. А. Основной обязанностью страхователя является уплата страховой премии. Согласно ст. 389 ГК, до уплаты страховой премии или ее первого взноса договор страхования не вступает в силу, если иное не предусмотрено в страховом договоре. Таким образом, общим правилом является уплата страховой премии при заключении договора². Это общее правило не применяется, однако, при обязательном страховании³.

¹ Ср. ГК, ст. 373, 382, 385, 387, 390, 391; в правилах страхования количество обязанностей страхователя временами еще увеличивается.

² Правила страхования от огня, § 9. Германский закон требует уплаты страховой премии тотчас по заключении договора, § 35. Тем не менее в западноевропейской страховой практике является распространенной уплата страховой премии и после заключения страхования: actual payment of the first premium is not necessary in order to bind the company; Cady, p. 45. При морском страховании премия часто не уплачивается при заключении страхования, но в полисах отмечается, что страховая премия получена; значение этой отметки заключается в том, что страховщик по отношению к третьим лицам теряет право оспаривать действительность полиса, ссылаясь на то, что премия не уплачена; Долгов, Морское страхование, стр. 11. Уплата премии после заключения страхования при наличии особого о том соглашения вполне возможна и при других видах страхования; прав. гарант. страхования, § 20, п. 3; прав. страх. моторн. экипажей, § 8.

³ Обязательное окладное страхование считается заключенным и помимо взноса премии, которая перечисляется в недоимку и взыскивается в бесспорном порядке, Пол. о Госстрахе, ст. 8; за неплатеж страховой премии полагаются и уголовные взыскания, УК, ст. 60; обязательное неоклад-

В случае просрочки в уплате последующих взносов премии страховщик, если иное не вытекает из договора, освобождается от уплаты страховой суммы, когда страховой случай наступит до уплаты просроченной премии¹.

В течение всего срока страхования размер премии должен, как правило, оставаться неизменным. Тем не менее, если при имущественном страховании во время действия договора страховой риск увеличился по причинам, в договоре не предусмотренным, то страховщик может требовать от страхователя уплаты соответственно увеличенной премии, а при отказе страхователя от ее уплаты в семидневный срок со дня поступившего о том извещения требовать расторжения договора².

Возможен и обратный случай, когда размер премии может быть уменьшен. Согласно ст. 369 ГК, если при имущественном страховании страховая сумма, указанная в договоре, окажется выше страхового интереса, то договор признается действительным только в пределах интереса, и премия соответственно понижается³.

Б. I. К числу обязанностей, лежащих на страхователе до наступления страхового случая, надо отнести и обязанности уведомления об обстоятельствах, имеющих существенное значение для установления объема риска (Ап-

ное страхование может заключаться не только добровольно, но и в судебном порядке, причем в последнем случае оно вступает в силу с момента получения судебного приказа, т. е. оно может быть заключено и до уплаты премии, Пол. о Госстрахе, ст. 15.

¹ ГК, ст. 389. Но по циркулярному разъяснению Госстраха, по всем видам добровольного страхования, кроме личного, неуплата рассроченной премии в день какого-либо из обусловленных сроков платежа влечет за собой перерыв ответственности Госстраха с 12-ти часов того же дня. Эта ответственность восстанавливается только с момента уплаты очередного взноса, каковой может последовать до конца страхования. При неокладном страховании в случае неуплаты рассроченной премии страхование остается в силе, но условие о рассрочке платежа считается нарушенным, и Госстрах вправе взыскивать всю остающуюся сумму премии с законными процентами; доп. к цирк. № 705, стр. 10 сл. Герм. закон (§ 39) и швейц. закон (§ 20) устанавливают для страхователя льготные сроки для уплаты премии при ее просрочке.

² ГК, ст. 368; аналогично ст. 385. Некоторые законодательства дают право страховщику в случае возникшей войны просить суд о повышении премии; франц. торг. код, § 343, итальянск. торг. код., § 610. При страховании жизни размер премии имеет силу 5 лет с момента заключения договора, по истечении какового срока премия определяется по возрасту застрахованного теми тарифами, которые к тому времени будут действовать для вновь заключаемых Госстрахом страхований; прав., § 8, п. 2; при страховании от несчастных случаев увеличение премии возможно, § 12, п. 3, 5.

³ При транспортном страховании, если застрахованный груз был вовсе не отправлен, то страхователь имеет право требовать уничтожения страхования и возврата премии; Госстраху предоставляется право на ристорно (50% премии, но не свыше $\frac{1}{8}$ % страховой суммы); прав. страх. груз. по морским путям, § 16. Швейц. закон дает право страхователю требовать понижения премии, если премия была установлена сообразно известным обстоятельствам, увеличивающим риск, если эти обстоятельства отпадут или потеряют свое значение в течение страхования; § 23.

zeigepflicht)¹. Возложение этой обязанности на страхователя производится потому, что ему лучше всего известны обстоятельства, влияющие на объем риска. В этом случае действует разумное правило, что знающий должен осведомить незнающего (*der Wissende den Unwissenden informieren muss*)². Так поступает и ГК, устанавливая для страхователя при заключении договора обязанность сообщить страховщику все обстоятельства, имеющие существенное значение для определения опасности или вероятности наступления страхового случая или размеров возможных убытков от его наступления (страховой риск), поскольку эти обстоятельства были известны или должны были быть известны ему во время заключения договора страхования (ст. 382).

2. Возлагая на страхователя «обязанность уведомления», закон не дает, однако, страховщику права требовать выполнения этой обязанности. Правда, страхователь «обязан» сообщить страховщику все обстоятельства, имеющие существенное значение для определения объема риска. Но, если он этого не сделает, у страховщика нет средств заставить страхователя дать требуемые сведения: он не может требовать в судебном порядке выполнения этой обязанности, лишен права искать убытки³.

Пред нами, таким образом, «обязанность», которой не соответствует чье-либо право. Естественно, возникает вопрос о юридической природе «обязанности уведомления». Вопрос этот является в достаточной мере сложным и нуждается в подробном освещении.

Современная цивилистическая теория наряду со сделками, представляющими собою действия, сознательно направленные (волеизъявления) на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений (ГК, ст. 26), знает еще и другие действия, могущие служить основанием возникновения и прекращения правоотношений.

¹ Те отрасли страхования, которые в силу своей технической организации не принимают во внимание особенностей индивидуальных рисков, не знают и обязанности уведомления; Релли, стр. 56. Советское страховое право не устанавливает этой обязанности при обязательном окладном страховании, по которому виды имущества, размер окладных норм и проч. определяются планом страхования, Пол. о Госстрахе, ст. 10. При обязательном неокладном страховании эта обязанность отпадает, когда страхование заключается судебным порядком, Пол. о Госстрахе, ст. 15. Обязанность уведомления не лежит на страхователе и при добровольном страховании скота, инстр., § 7–9; при упрощенном порядке страх. домашней обстановки.

² Значение обязанности уведомления не надо, однако, переоценивать. На практике сообщения страхователя иногда играют роль сравнительно незначительную по сравнению с другими данными, имеющимися в распоряжении страховщика (наприм., при страховании от опасностей транспорта); Гаген, VIII, I, стр. 396. Только в совокупности со всеми прочими данными сведения, сообщенные страхователем, могут в ряде случаев оказать влияние на заключение страхования.

³ Гаген, VIII, I, стр. 400; Киш, II, стр. 180. Несколько иначе – швейц. закон, § 27.

Лицо может изъявить свою волю, часто не имея даже намерения вызвать известные юридические последствия, и тем не менее таковые будут иметь место, поскольку они оказываются предусмотренными самим законом. Действия подобного рода образуют группу «действий, подобных сделкам» (*geschäftsähnliche Handlungen*) и обсуждаются по аналогии со сделками (например, просрочка, отказ должника в исполнении или кредитора в принятии предмета обязательства и др.). Еще дальше стоят от сделок так называемые фактические действия (*Realakte*), при которых воля лица оказывается направленной на изменение условий внешнего мира (например, находка, создание литературного произведения и т. д.). В этих случаях закон связывает правовые последствия не с волеизъявлением лица, которое, может, и не подзревает правового эффекта предпринимаемого действия, а с тем внешним результатом, который является следствием деятельности человека. Наконец, могут быть и такие действия, из которых явствует только, что данное лицо имеет известное представление о каком-либо обстоятельстве или верит в существование известного факта (*Vorstellungsäusserungen*, например, признание). В эту последнюю группу действий входят и «уведомления» (*Anzeigen*), представляющие собою внешние проявления известных представлений, имеющие целью вызвать аналогичные представления у другого лица¹. Содержанием уведомлений могут быть обстоятельства прошедшие, настоящие и будущие. Уведомления могут находиться в связи со сделками, которые лицо, делающее уведомление, предприняло или имеет намерение предпринять. Между волеизъявлениями и уведомлениями имеется существенная разница в их логическом содержании: уведомления могут быть правильными или неправильными; волеизъявления – действительными или недействительными. С внешней стороны уведомления часто являются похожими на волеизъявления, но, тем не менее, между ними кренился глубокое различие, так как для уведомлений не является характерным направление воли лица: уведомление может вызвать правовые последствия, хотя бы лицо, делающее уведомление, и не знало о могущих быть результатах сделанного уведомления². Правила для сделок поэтому могут иметь по отношению к ним только ограниченное применение.

¹ Enneccerus, Kipp, Wolf, Lehrb. d. B. B, I, § 128; 1926. Thur, Allg. t. g. B. R., § 48; Schweiz. Obl. R., § 23; 1924. Римскому праву «уведомление» не было чуждым, но не играло значительной роли (*denuntiatio*). Протип, в современном европейском праве «уведомления» играют большую роль. В ГК «уведомления» встречаются помимо страхования довольно часто: уведомление – должника и залогодателя о передаче залогового права (ст. 103), должника об ступке требования (ст. 124), продавца об обнаруженных недостатках купленного имущества (ст. 196), заказчика о недоброкачественности материалов (ст. 223)

² Тур, стр. 155. Подрядчик, своевременно уведомивший заказчика о недоброкачественности материалов, освобождается от ответственности за убытки, которые заказчик понесет в силу

Что же касается обязанности уведомления, лежащей на страхователе, то, по распространенному мнению (Вернер, Мюллер-Эрцбах и др.)¹, уведомление является только предположением (*Voraussetzung*) для возникновения договора страхования. Согласно этому мнению, страховщик принимает на себя ответственность при условии, что страхователь сообщит с исчерпывающей полнотой все обстоятельства, имеющие существенное значение для заключения страхования. Но, как правильно замечает Киш², в действительности страховщик принимает на себя риск безоговорочно и не ставит свои обязательства в зависимость от такого условия. И, если заключение страхования во многом может зависеть от данных, сообщенных страхователем, то само страхование, во всяком случае, не является обусловленным правильностью и полнотой уведомления. Взаимоотношения между договором страхования и обязанностью уведомления надо рассматривать несколько в иной плоскости. Нельзя, конечно, отрицать, что обязанность уведомления находится в известной связи с договором страхования: ведь дело идет о принимаемом на себя по договору страхования риске. Тем не менее, обязанность уведомления не вытекает из договора. Ее практическое значение относится к моменту, предшествующему заключению договора. Обязанность уведомления имеет целью содействовать заключению договора, но, как только договор будет заключен, уведомление делается излишним, и сама обязанность уведомления отпадает. Таким образом, несмотря на свою несомненную связь с договором страхования, обязанность уведомления об обстоятельствах, имеющих существенное значение для установления объема риска, не является обязательством, вытекающим из договора (так же, как например, обязанность стороны указать другой стороне на невозможность исполнения, герм. гражд. уложение, § 307).

Обязанность уведомления есть обязанность, установленная законом, а не договором. Но и эта «обязанность» не является, в сущности, формальной правовой обязанностью. Правда, неисполнение этой «обязанности» может повлечь за собой для страхователя известные невыгодные последствия: страховщик имеет право отступить от договора или требовать признания его недействительным. Но закон может угрожать невыгодными последствиями для известного действия или бездействия, и не устанавливая формальной обязанности к выполнению каких-либо действий.

Страхователь «должен» показывать правильно, если он не хочет, чтобы страховщик отступился от договора или возбудил иск о признании его не-

указанных обстоятельств, хотя бы подрядчику и не было известно, что, делая такое уведомление, он освобождается от ответственности (ГК, ст. 23).

¹ Wörner, s. 149; 1920. Müller-Erzbach, s. 708.

² Киш, II, § 23–25. Аналогично – Гаген, VIII, § 1, § 184.

действительным, но обязанности в тесном смысле этого слова показывать правильно закон на него не возлагает. Показывая правильно, он действует не столько в интересах страховщика, сколько в своих собственных¹.

В данном случае, по терминологии немецкой теории страхового права, имеет место не обыкновенное обязательство (вытекающее из закона), а простая обязанность (не *Pflicht*, а *Obliegenheit*)².

Обращаясь теперь к советскому праву, мы видим, что ст. 107 ГК дает кредитору в силу обязательства право требовать от должника определенного действия, в частности – передачи вещей или уплаты денег, или воздержания от действия; при неисполнении должником обязательства, кредитор может требовать возмещения причиненных ему убытков (ст. 117). Все указанные последствия не возникают при невыполнении страхователем, лежащей на нем в силу ст. 382 ГК обязанности уведомления. Госстраху не принадлежит ни право требовать выполнения страхователем обязанности уведомления, ни возмещения понесенных убытков в случае нарушения страхователем этой обязанности (о других последствиях невыполнения обязанности уведомления – ниже). Таким образом, и по советскому праву, «обязанность уведомления об обстоятельствах, имеющих существенное значение для установления объема риска», является не обычным обязательством гражданского права (ГК, ст. 106, 107), а своеобразной обязанностью, основанной на велении закона, не дающей, однако, другой стороне права требовать ее исполнения.

3. Уведомление простирается на все обстоятельства, имеющие существенное значение для определения риска (ГК, ст. 382). Здесь надо установить, что понимает закон под этими «обстоятельствами» и какие из этих обстоятельств имеют «существенное значение».

Обстоятельства, влияющие на объем риска, могут быть самого различного свойства. Ими могут быть естественные свойства самого объекта (род

¹ Вольф, стр. 430.

² Понятие *Obliegenheit*, принятое современной немецкой теорией страхового права (герм. закон, § 6, общегерманск. прав. морск. страх., § 44, австр. закон, § 32, швейц. закон, § 29), принадлежит к центральным понятиям страхования. Количество *Obliegenheiten* в различных отраслях страхования находится в зависимости от большей или меньшей возможности оказать влияние на возникновение страхового случая. Страхование жизни и страхование от градобитий удовлетворяются *Obliegenheiten* в форме обязанности уведомления до заключения договора (*Anzeigepflichten*). Другие отрасли страхования насчитывают длинный каталог *Obliegenheiten*. *Obliegenheiten* могут иметь место как до заключения страхования, так и во время действия договора и даже после наступления страхового случая. *Obliegenheiten* не обуславливают с отлагательной или отменительной силой правовые последствия договора; страховщик является только уполномоченным изменить по отношению к страхователю свое поведение, т.к. этот последний не выполнил того поведения, которое ему было предписано законом (*gesetzlich geregelte Obliegenheiten*) или правилами страхования (*vertraglich geregelte Obliegenheiten*). Bruck в *Versicherungsllexicon*, стр. 934 сл.; Gagen, § 241.

строения, здоровье лица), его местонахождение (корабль в порту или в море, здоровая или нездоровая местность), назначение объекта (строение для жилья или промышленного типа), юридическое отношение страхователя к страхуемому объекту (собственник, комиссионер) и др.¹ В состав «обстоятельств», таким образом, в первую очередь входят те факты, которые непосредственно влияют на объем риска. Но не только эти факты могут иметь значение для страховщика при определении им размера риска. На объем риска могут влиять также обстоятельства, которые, хотя и не являются непосредственно связанными с данным объектом, но все же оказывают значительное влияние на решение страховщика о принятии на себя риска (например, бывшие ранее пожары у того же страхователя)². Подобного рода обстоятельства также должны быть сообщены страхователем.

Что надо понимать под «обстоятельствами, имеющими существенное значение»?

Старое право давало подробное перечисление тех обстоятельств, которые считались имеющими существенное значение для определения объема риска³. Но так как такое перечисление, с одной стороны, может оказаться неполным, а, с другой стороны, постоянно развивающаяся техника страхования может привести к признанию некоторых из этих обстоятельств уже не имеющими существенного значения, то современное право от такого перечня отказалось. Швейцарский закон говорит: «существенное значение имеют все факты, которые способны повлиять на решение страховщика заключить договор или заключить его на известных условиях»⁴. Несмотря на свою логическую законченность, формула эта оставляет все же открытым вопрос о том масштабе, которым надлежит руководствоваться при признании данного обстоятельства существенным. Требуется ли для этого объективный масштаб, т. е. та оценка, которая обычно дается известному обстоятельству, или является достаточной та оценка, которая может быть дана этому обстоятельству именно страхователем. Исходя из той цели, которая преследуется обязанностью уведомления, — облегчить страховщику наиболее полное знакомство с принимаемым риском, — теория и практика единодушно высказыва-

¹ Ehrenberg, Versicherungsrecht, s. 329.

² Киш, II, § 27, стр. 198.

³ Прусское Земск. Улож., § 2030 сл.

⁴ Швейц. закон, § 4, 5. Ближайшее определение «существенности» принадлежит отчасти сторонам, отчасти суду. Киш, II, стр. 213. Практика американских судов идет иногда чрезмерно далеко в толковании понятия «существенных обстоятельств», относя к числу таковых, например, сообщение, что страхователь является «денежным человеком» (moneyed man), хотя бы этот факт и не имел влияния на продолжительность жизни страхователя; Кэди, стр. 53.

ются за применение объективного масштаба, не зависящего от субъективных свойств и взглядов страхователя¹.

Поскольку на практике всегда могут быть все же споры, что считать существенными обстоятельствами, то законодатель установил для признания обстоятельств существенными или несущественными известный формальный критерий. Так как определение объема опасности устанавливается в интересах страховщика, то он и должен запросить о всех интересующих его обстоятельствах страхователя. Конкретно это выражается в проставлении страховщиком соответствующих вопросов в бланке объявления, который заполняется страхователем. Все те вопросы, которые страховщик проставил в бланке, считаются существенными, и страхователь должен дать на них правильный ответ². В таком смысле высказывается и ГК в ст. 382, указывающей, что существенными, во всяком случае, признаются все обстоятельства, определенно оговоренные страховщиком в предъявленных страхователем правилах страхования или относительно которых страховщик письменно запросил страхователя в определенных недвусмысленных выражениях³.

Если же страховщик упустил включить в бланк объявления какой-либо вопрос, касающийся обстоятельства, могущего иметь для него значение, то умолчание страхователя не может служить поводом к признанию договора недействительным. Равным образом, если договор страхования будет заключен при отсутствии ответов на какие-либо вопросы, предложенные страховщиком в письменной форме, то это обстоятельство не может впоследствии служить основанием к расторжению договора страхования (ГК, ст. 382)⁴.

4. ГК требует от страхователя сообщения всех существенных обстоятельств, поскольку эти обстоятельства были известны или должны были быть известными ему во время заключения договора страхования. Но на страхователе не лежит обязанности производить особые расследования, направленные к выяснению обстоятельств, влияющих на увеличение риска⁵.

¹ Мюллер-Эрцбах, стр. 709; Киш, § 28; Гаген, стр. 403; там же германская судебная практика.

² Таким обр., эти бланки имеют не только техническое, но и юридическое значение; Шершеневич, II, стр. 399.

³ Ср. герм. закон § 18, австр. закон, § 3, швейц. закон, § 4. Иначе – при морском страховании, где считается существенным не только то, что спрашивал страховщик, но все, что может повлиять на решение страховщика принять или отклонить риск, или на размер страховой премии; прав. страх. грузов по морским путям, § 13. Линдебротен и Долгов, Морское страхование, стр. 10. Ср. англ закон о морском страховании, § 18.

⁴ По германскому праву, в данном случае страховщик может отказаться от договора только при злонамеренном умолчании, § 18; Гаген, стр. 403 сл.

⁵ Гаген, VIII, I, стр. 406. При морском страховании страхователь должен сообщить также те сведения, которые он считает неосновательными или сомнительными; в случае отсутствия у страхователя при заключении страхования полных сведений о предполагаемых на страх грузах,

Возможен, однако, случай, когда страхователь даст неверные сведения или уклонится от сообщения об имеющем существенное значение обстоятельстве. К разрешению этого случая могут быть применены две системы – объективная и субъективная. Объективная система возлагает ответственность на страхователя независимо от того, имела ли место с его стороны вина или нет; напротив, субъективная система выдвигает на первый план поведение страхователя, его виновность или невиновность (*Verschuldungsprinzip*). Первая система является более старой¹, вторая система отвечает современным воззрениям, идущим навстречу страхователям, лицам, обычно малоискушенным в деловых отношениях, от которых можно требовать только обычной предусмотрительности².

ГК склоняется, как будто, к первой системе (объективной)³. Но обозрение отдельных правил страхования показывает, что советское страховое право также придерживается субъективной системы⁴.

5. Статья 382 ГК говорит, что страхователь должен дать сообщение об обстоятельствах, ему известных или которые должны были быть ему известными ко времени заключения договора страхования. Это значит, что обязан-

страхователь обязан сообщить эти сведения Госстраху дополнительно; *прав. страх. грузов по морским путям*, § 13.

¹ Общегерманск. *прав. морск. страхования*, § 19, § 20; Гаген, VIII, I, стр. 394. Объективная система применяется и в англо-американском морском страховом праве; судебное решение американского суда по делу *Burrit* гласит: *in marine insurance the misrepresentation or concealment by the assured of a fact material to the risk will avoid the policy, although no fraud was intended; it is no answer for the assured to say that the error or suppression was the result of mistake, accident, forgetfulness or inadvertance; it is enough that the insurer has been misled, and thus induced to enter into a contract, which upon correct and full information, he would either have declined, or would have made upon different terms*; Кэди, стр. 47; ср. *англ. закон о морск. страх.*, § 18. В том же духе высказывается и *франц. торг. кодекс*, § 348; в отношении сухопутного страхования представляется спорным, является ли страхование недействительным не только тогда, когда страхователь действовал недобросовестно, но и тогда, когда он действовал добросовестно; большинство французских судебных решений дает, однако, утвердительный ответ; *Colin et Capitant II*, стр. 675; *Пляниоль, II*, стр. 724.

² Германский закон, § 16–17, швейцарск. закон, § 8.

³ Также – правила добровольного страхования от огня, § 4.

⁴ По правилам страхования от несчастных случаев, Госстрах освобождается от ответственности, если обнаружится, что в поданных ему объявлениях страхователя сдержались заведомо неверные сведения по вопросам, имеющим существенное значение для установления условий страхования; если же неверные сведения были даны страхователем только по добросовестному заблуждению, то Госстрах в случае прекращения им действия страхового договора обязан выдать страхователю половину внесенных им премий, § 19; ср. *правила гарантийного страхования*, § 15, п. 2; *прав. страх. моторн. экипажей*, § 5; *прав. страх. жизни*, § 15, п. 1 и 4; в качестве исключения при страховании жизни право Госстраха прекратить договор не распространяется на те случаи, когда неверные сведения относятся к возрасту застрахованного; § 15, п. 3. Подробно разработан вопрос о виновном в нарушении обязанности уведомления у Киша, II, § 5; там же обозрение германской судебной практики.

ность уведомления, лежащая на страхователе, не ограничивается временем подачи объявления, а длится вплоть до момента заключения договора. Подобное правило вытекает из самой сущности обязанности уведомления, преследующей цель облегчить для страховщика установление объема риска¹. Пока договор еще не заключен, всякое вновь сообщенное обстоятельство может оказать влияние на принятие страховщиком решения об условиях риска.

6. Последствия нарушения страхователем обязанности уведомления чрезвычайно детально разработаны в германском страховом законе. По германскому закону, при виновном нарушении страхователем обязанности уведомления страховщик имеет право отступить от договора (*Rücktrittsrecht*) в течение месячного срока с того времени, когда это обстоятельство ему стало известным; в случае отступления от договора обе стороны обязаны возвратить друг другу все полученное, но страховщику все же принадлежит право на премию не свыше, однако, как за текущий страховой период.

Принятая на себя страховщиком обязанность остается, однако, в силе, когда то обстоятельство, относительно которого была нарушена обязанность уведомления, не имело влияния на наступление предусмотренного договором события или на объем обязанностей страховщика (страхователь скрыл болезнь, но затем утонул при купании)². В случае злонамеренного нарушения этой обязанности страховщик имеет помимо права отступления еще и право оспаривания договора (*Anfechtungsrecht*), в силу которого оспоренная сделка рассматривается как ничтожная с самого начала, благодаря чему страховщик освобождается от уплаты страхового вознаграждения во всяком случае (даже если нарушение обязанности уведомления и не имело влияния на наступление страхового случая), но и не имеет права на получение премии за текущий страховой период³, в последнем случае может идти речь и о возмещении вреда⁴. Если же страхователь нарушил лежащую на нем обязанность уведом-

¹ Релли, стр. 82 сл. Такова же практика и американских судов (через неделю после подачи объявления, в котором страхователь сообщил, что он никогда не страдал болезнями желудка, он узнал, что у него рак желудка и решил подвергнуть себя операции; полис был выдан на следующий день после операции, а через неделю в результате операции страхователь умер; истцу было отказано в иске по мотивам, что страхователь был виновен в умышленном сокрытии обстоятельств, ему известных ко времени заключения договора), Кэди, стр. 49.

² Германский закон, § 16, 17, 20, 21, 40; герм. гражд. улож., § 346 сл. Аналогично – австр. закон, § 3–6; неск. иначе – швейц. закон, § 6, 8. По своей юридической природе право отступления входит в группу т.н. *Gestaltungsrechte* – прав на изменение юридического положения; Еппенсегус, Kipp, Wolf B. I, § 66, 1; 1926, 1, 2, § 262; 1927. Общая оценка *Rücktrittsrecht* – у Гарена, VIII, I, § 193.

³ Вольф, стр. 429; герм. гражд. улож., 13, 142.

⁴ Герм. гражд. уложение, § 826. Различны и сроки: для *Rücktrittsrecht* – 1 месяц, для *Anfechtungsrecht* – 1 год.

ления без какой-либо вины, то страховщику не принадлежит ни право отступления, ни право оспаривания, но зато он может воспользоваться правом на изменение содержания договора – может требовать повышенной премии (при личном страховании он может требовать уменьшения страховой суммы). Если увеличившийся риск не будет принят на страх и по более высокой премии, то страховщик может предупредить об отказе от договора (Kündigung), соблюдая месячный срок¹.

Французское право допускает при нарушении обязанности уведомления только право оспаривания договора². Той же точки зрения держится и англо-американское право³.

В советском праве последствия нарушения страхователем обязанности уведомления предусмотрены ст. 383 ГК, указывающей, что, если после заключения договора страхования окажется, что в действительности обстоятельства, существенные для определения страхового риска, не соответствуют заявлениям страхователя, то страховщик по суду может требовать признания договора недействительным как до, так и после наступления страхового случая. Если это обстоятельство стало известным страховщику до наступления страхового случая, то он может предъявить требование о признании договора недействительным не позже двухнедельного срока, лишаясь в противном случае права требовать признания договора недействительным на этом основании.

Сопоставление отдельных правил страхования со ст. 383 ГК приводит, однако, к выводу, что эта статья получила свое отражение не во всех видах страхования. Так, правила страхования от несчастных случаев дают право Госстраху в течение месячного срока со времени обнаружения неверных сведений при жизни застрахованного уничтожить страхование без возврата премии, а после смерти застрахованного – отказать в уплате страховой суммы, причем в случае прекращения страхования Госстрах обязан известить о том страхователя и точно указать те основания, по которым признается им

¹ Германский закон, § 41. Под Kündigung понимается одностороннее, нуждающееся в принятии другой стороной заявление о прекращении обязательственного правоотношения или об отпадении известного действия. Эннеккерус, 1, 2, § 248, стр. 82; 1927.

² Thaller, Traité, стр. 1014.

³ Кэди, стр. 52. Проект итальянского торгового кодекса указывает, что всякое ложное или ошибочное заявление и всякое умолчание со стороны страхующегося дает страхователю право требовать уничтожения договора, если заявление или умолчание такого рода, что страховщик не дал бы своего согласия или не дал бы его на этих условиях, если бы знал настоящее положение вещей, даже если бы заявление или умолчание касались обстоятельств, которые фактически не повлияли на наступление несчастного случая; в случае недобросовестности или умысла застрахованный теряет взятую с него премию: страховщик лишается права требовать уничтожения договора, если не воспользуется этим правом в течение месяца с того дня, когда узнает о неверности или ошибочности заключения или умолчания, § 577.

данное страхование прекращенным; если же окажется, что сведения даны застрахованным по добросовестному заблуждению, то Госстрах в случае прекращения им действия страхового договора обязан выдать страхователю половину внесенных им премий (аналогично решают вопрос правила страхования жизни, § 15). Правила добровольного страхования от огня просто лишают в данном случае страхователя права на страховое вознаграждение (§ 4).

7. По германскому страховому закону, если договор страхования заключен уполномоченным или представителем без полномочия, то для права страховщика отказаться от договора имеет значение не только знание и злое намерение представителя, но и знание и злое намерение страхователя; страхователь может ссылаться на свою невиновность в том, что сообщение о существенном обстоятельстве не последовало или сообщение было дано неверно только тогда, когда нет вины не только представителя, но и самого страхователя¹. Австрийский закон исходит из тех же соображений, но делает чрезвычайно существенную оговорку: право страховщика на отступление от договора в случае нарушения обязанности уведомления не имеет применения, если лицо, уполномоченное страховщиком на совершение страховых сделок или на посредничество при совершении таковых, одновременно действовало и для страхователя². Включение австрийским законодателем этой оговорки объясняется тем, что очень часто бланк объявления страхователя заполняется не самим страхователем, а агентом страховщика, причем страхователь иногда подписывает объявление, даже не читая его, находясь в состоянии полного доверия к лицу, уполномоченному страховщиком.

ГК и правила страхования не предусматривают случая нарушения обязанности уведомления при заключении страхования через представителя. Не дают достаточного материала по данному вопросу и ст. 39 и 40 ГК, регулирующие институт представительства. Не имеет прямого отношения к вопросу и ст. 32 ГК, дающая право лицу, совершившему сделку... в случае преднамеренного соглашения его представителя с контрагентом или вследствие заблуждения, имеющего существенное значение, требовать по суду призна-

¹ Германский закон, § 19. Несколько иначе выражает ту же мысль швейцарский закон: «если договор заключается через представителя, то уведомление должно быть сделано как о фактах, известных представляемому, так и о тех, которые известны или должны быть известны представителю», § 5.

² Австрийский закон, § 5. Французская судебная практика пришла к выводу, что, если агент страховщика принимал участие в составлении ответов, то факт несообщения об обстоятельстве, влияющем на объем риска, не может быть поставлен в вину страхователя (Req. 24 mars, 1896, D. P. 97, I, 461, S. 96. I. 488). Но страховые компании, желая избежать таких последствий, включают в полисы особую оговорку, запрещающую страхователю ссылаться на то, что полис был составлен агентом страховщика; Colin et Capitain, II, p. 675; Thaller, p. 1014; Planiol, II, p. 724.

ния сделки недействительной. Приходится признать, что в советском праве в этом вопросе имеется совершенно явный пробел¹.

В. 1. Принимая на себя риск, страховщик считается с той степенью опасности, которую он находит для себя экономически и технически приемлемой. Соразмерно степени этой опасности он определяет границы своей ответственности. В зависимости от степени опасности устанавливает он и размер уплачиваемой страхователем премии. Вполне естественно, что всякое изменение объема риска в сторону его увеличения меняет все расчеты страховщика и делает трудно выполнимыми принятые им на себя обязательства. По этим соображениям законодательства налагают на страхователя обязанность уведомления об увеличении опасности².

ГК в ст. 385 указывает, что при имущественном страховании страхователь обязан незамедлительно уведомить страховщика о всех ставших ему известными значительных изменениях, наступивших в обстоятельствах, сообщенных страховщику при заключении договора и могущих существенно повлиять на увеличение страхового риска, причем значительными признаются в этом отношении, во всяком случае, все изменения, оговоренные в предъявленных страхователю правилах страхования; в случае нарушения этой обязанности страховщик может потребовать расторжения договора или соответственного изменения его условий с момента увеличения риска³.

Право страховщика на досрочное прекращение страхования при изменениях в обстоятельствах, сообщенных страховщику, принадлежит последнему и при некоторых видах личного страхования. Правила страхования от

¹ Нельзя, по нашему мнению, оперировать в данном случае и общими учениями о роли представителя при совершении сделок. Учения эти чрезвычайно спорны (Совиньи, Виндшейд, Миттейс, Шлоссман, Розенберг и др.) и при крайней скудости соответствующих норм ГК не могут быть догматически обоснованы, как это, например, имеет место в германском гражданском уложении (§ 166) в отношении т.н. *Repräsentationstheorie*, в силу которой вопрос о пороках воли обсуждается по отношению к личности представителя. В советской юридической литературе по данному вопросу высказаны различные мнения. А. Гойхбарг считает, что действительность сделки обсуждается с точки зрения сознательности ошибки представителя, а не представляемого. Хозяйств. право, стр. 55; 2-е изд. И. Шерешевский, примыкая к новейшим германским учениям, утверждает, что в создании сделки может проявляться распределение воли представителя и представляемого, а если так, то и качества последнего не всегда могут быть безразличны; Представительство, поручение, доверенность; стр. 22; 1925.

² Герм. зак., § 27, 28; швейц. зак., § 28, 32; австрийск. зак., § 33, 37. Франц. практика: *Planol*, p. 725.

³ Правила страхования в большинстве случаев дают Госстраху право либо прекратить договор, либо уменьшить страховую сумму, либо взыскать дополнительную премию (прав. страх. от огня, § 12, прав. гарантийн. страхован., § 27, прав. страхован. грузов по сух. путям, § 16 и т. д.).

несчастных случаев указывают, что Госстрах вправе, если это связано с существенным изменением риска, отказаться от продолжения страхования¹.

Об уменьшениях в объеме риска страхователь сообщать не обязан².

2. Изменения, касающиеся застрахованного объекта, могут быть не только фактического, но и юридического характера. Застрахованный объект может перейти в собственность к другому лицу, быть отдан в наймы и т. д. Так как договор имущественного страхования покоится во многом на личном доверии страховщика к страхователю, то переход застрахованного объекта к новому лицу не может остаться для страховщика безразличным.

Законодательства уделяют особое внимание случаю отчуждения застрахованного имущества. Одни из них, исходя из указанных соображений о том, что страховой договор основывается на доверии страховщика к личности страхователя (*contratus intuitae personae*), не допускают перехода прав и обязанностей по страховому договору на приобретателя застрахованного имущества³. Другие законодательства указывают, что в случае отчуждения застрахованного имущества права и обязанности бывшего владельца не переходят на нового приобретателя, если не было соглашения о противном⁴. Третьи законодательства исходят из совершенно противоположного взгляда и выставляют общее положение – о переходе прав и обязанностей по страховому договору *ipso iure* на нового собственника⁵. В несколько смягченном виде последний взгляд принят и действующими германским, австрийским и швейцарским законами, признающими, что права и обязанности по страховому договору переходят на нового собственника, но предоставляющими

¹ Прав., § 12, п. 3. Если же при изменении профессиональной деятельности застрахованного окажется, что новая его деятельность обнимается правилами страхования, то Госстраху предоставляется продолжить страхование на прежних или измененных условиях.

² Швейц. зак. дает страхователю, если премия была установлена в соответствии с известными обстоятельствами, увеличивающими риск, и эти обстоятельства отпадут или потеряют свое значение в течение страхования, право требовать для следующих периодов страхования соразмерного понижения премии, § 23; также – австрийский закон § 31.

³ На такой же точке зрения стоит англо-американское право. Судебная практика американских судов, см. Кэди, стр. 20, 95; однако американская судебная практика считает законным, если в полисе будет прямо указано, что страхование заключается в интересах могущих быть правопреемников собственника застрахованного имущества, – «for the owner» или «on account of whom it may concern», Кэди, стр. 21.

⁴ Итальянск. торг. кодекс., § 409, проект итальянск. торг. кодекса, § 600. Таков же распространенный взгляд франц. доктрины и франц. судебной практики; потребности оборота заставляют, однако, франц. страховые общества включать в полисы оговорку, признанную законной судебной практикой, возлагающую на страхователя обязанность заручиться согласием приобретателя продолжить страхование и сообщить об этом согласии в известный срок страховщику, при невыполнении чего договор считается прекращенным *ipso iure*; Colin, II, p. 679 s.

⁵ Прусс. зем. уложение, § 2163.

страховщику и приобретателю право в течение известного срока заявить об отступлении от договора¹.

ГК возлагает на страхователя или приобретателя застрахованного имущества обязанность немедленного извещения страховщика об этом обстоятельстве. Страховщик может по получении этого извещения в течение 7 дней расторгнуть договор, если он прямо или косвенно не изъявил согласия на передачу прав по договору страхования новому владельцу. Если страховщик не воспользовался этим правом, то договор сохраняет силу, и приобретатель имущества вступает во все права и обязанности страхователя. Если страховщик воспользовался упомянутым правом, он обязан возратить приобретателю имущества часть полученной им вперед страховой премии соответственно времени, остающемуся с момента перехода имущества до срока следующего взноса (ГК, ст. 387, 388). Сравнение правил ГК с изложенными выше законодательными системами показывает, что ГК примыкает к последней из этих систем – германско-швейцарской. Но правила страхования Госстраха скорее сближаются с системой итальянско-французской².

Оценивая эти различные системы, мы не можем не присоединиться к мнению Шершеневича, признававшего наиболее правильной систему итальянскую³. «Договор страхования, – говорил Шершеневич, нельзя рассматривать, как какую-то принадлежность предмета страхования, увеличивающую его ценность». Не такова цель страхования и не таково его юридическое значение, как договора. Но нельзя и отвергать возможность перехода прав по страховому договору вместе с переходом страхового интереса. Нельзя утверждать, что страховой договор по своему характеру не допускает перемены лиц. Во многих видах страхования, личность страхователя не играет роли, например, в транспортном страховании⁴. Но, например, при страховании от огня для страховщика не безразлично, чье имущество он обязан обеспечивать от убытков⁵. Но именно ему и должно быть

¹ Германск. зак., § 69–73; швейцарск. зак., § 54; австрийск. закон § 64–66.

² «Переход застрахованного моторного экипажа в собственность или во владение, или пользование другого лица уничтожает договор страхования; однако, по письменному заявлению страхователя о таком переходе, страхование, с согласия Госстраха, может быть оставлено в силе»; прав. страх. моторн. экипаж., § 10; ср. правила добровольн. страхован. от огня, § 12.

³ Шершеневич, II, стр. 412.

⁴ При транспортном страховании застрахованные товары находятся в обладании перевозчика, а не грузовладельца. Поэтому перемена в лице последнего не имеет для страховщика особого значения. Правила страхован. грузов указывают, что все права и обязанности по страхованию могут быть переданы страхователем или его правопреемником другому лицу надписью на страховой квитанции (прав. страх. по сухим путям, § 17, и по морским, § 17).

⁵ И при других видах страхования личность страхователя может иметь для страховщика существенное значение, например, при страховании от краж со взломом, моторных экипажей и друг.

предоставлено право решать, насколько личность страхователя в каждом отдельном случае имеет значение.

Обязанность уведомления об изменении объема риска лежит, по советскому праву, не только при добровольном страховании, ни и при страховании обязательном¹.

Г. Застрахование имущества не означает освобождения страхователя от проявления обычной заботливости владельца в отношении своих или введенных ему вещей. Страхователь, и застраховав свое имущество, должен обращаться с ним также бережно, как если бы он и не заключал страхования. ГК не устанавливает прямо этой обязанности. Но косвенно она может быть выведена из ст. 393, освобождающей страховщика от уплаты страховой суммы при грубой неосторожности страхователя².

II. А. При наступлении страхового случая страхователь должен принять все зависящие от него меры к уменьшению убытков. Если эти меры были предприняты по указанию агентов Госстраха, то связанные с ними расходы должны быть Госстрахом возмещены³.

Б. Страхователь или выгодоприобретатель при наступлении страхового случая обязаны известить об этом страховщика; при неисполнении этой обязанности страховщик освобождается от уплаты страховой суммы⁴.

По своей юридической природе обязанность уведомления о наступлении страхового случая, по советскому праву, полностью совпадает с рассмотренной ранее обязанностью уведомления об обстоятельствах, имеющих существенное значение для установления объема риска (*Obliegenheit*), и не дает в случае ее нарушения права на возмещение страховщику убытков⁵.

Правила страхования указывают, что о наступлении страхового случая страхователь или выгодоприобретатель должны уведомить Госстрах незамедлительно; для отдельных видов страхования допускается отсрочка на несколько дней. По общему правилу, уведомление должно быть произведено в письменной форме (можно телеграммой или телефонограммой). Уведомление должно быть направлено Главному Правлению Госстраха, его подле-

¹ Правила обязательного страхования от огня, § 24–26; правила обязательного страхования. посевов, § 22, 23.

² Обязанность бережного обращения с имуществом прямо возлагается на страхователей правилами добровольн. страхования животных, § 17–19, правилами гарантийного страхования, § 29.

³ ГК, ст. 391; ср. правила добровольн. страхования от огня, § 17–18; правила страхования судов по речн. путям., § 14.

⁴ ГК, ст. 390; прав. добровольн. страхования от огня, § 16, добровольн. страхования животн., § 20, 21, п. «в», добровольн. страхования от градобит., № 18, правила гарантийного страхования, § 31, прав. страхования жизни, § 16, п. I. Несколько иначе – правила обяз. страх. от огня (§ 27), от падежа скота (§ 9–14).

⁵ Швейцарск. зак. (§ 38) дает страховщику право на уменьшение страхового вознаграждения; см. Релли, стр. 461; для германск. права, Гаген, VIII, I, стр. 568.

жащим органам или же агенту Госстраха (для отдельных видов страхования при отсутствии представителя Госстраха уведомление может быть сделано представителю местной власти)¹.

В. При имущественном страховании на страхователе лежит обязанность доказать факт наступления страхового случая и размер убытков. Тем более он не должен принимать мер или совершать действий, могущих затруднить установление действительного размера убытков². На нем лежит также обязанность легитимировать себя, доказать, что именно он является тем лицом, которому принадлежит право на страховое вознаграждение³.

При личном страховании страхователь должен только доказать факт наступления предусмотренного страхователем события (смерть, достижение известного возраста, инвалидность) и легитимировать свое право на страховое вознаграждение⁴.

Г. Как мы знаем, и в имущественном, и в личном страховании в качестве самостоятельного лица может фигурировать еще выгодоприобретатель. По ГК, выгодоприобретатель несет обязанности по договору страхования, поскольку иное не вытекает из постановлений закона или договора лишь со времени передачи ему страховой квитанции или страхового полиса⁵. С этого времени страхователь соответственно освобождается от несения страховых обязанностей (уплаты премий и т. д.). Против выгодоприобретателя страховщик может пользоваться всеми возражениями, которые он имеет против страхователя⁶ (отсутствие страхового интереса, отпадение риска, нарушение обязанности уведомления и т. п.).

¹ Правила обязат. страхован. от огня, § 27, прав. добровольн. страх. животн., § 20; прав. страхован. жизни, § 16, п. 1 и друг.

² Статья 392 ГК, правила подробно регулируют порядок определения размера, убытков: прав. добровольн. страхован. от огня, § 19, ср. прав. страхован. грузов по речным путям, § 1 след. и друг.

³ Правила обычно подробно указывают, какие документы, кроме полиса или квитанции, требуются от страхователя; правила гарант. страхован., § 41, прав. страхован. груз., § 20 и друг.

⁴ Правила страхован. жизни, § 16, прав. страхован. от несчастных случ., § 14.

⁵ ГК, ст. 376. ГК перечисляет обязанности выгодоприобретателя, как не находящиеся в связи с передачей ему полиса, в ст. 390–392 (извещен. о наступлен. страхового случая, принятие мер к уменьшению убытков от страхового случая). Швейцарск. закон дает право страховщику при страховании за чужой счет требовать уплаты премии также и от застрахованного, если страхователь впал в несостоятельность, § 18.

⁶ ГК, ст. 377.

§ 2. Обязанности страховщика

Литература

Шершеневич, II, § 110, 166; III, § 174. Гаген, § 274 сл., § 294 сл. Ehrenberg, Versicherungsrecht, § 35–38. Wolf, Holzendorff's Enz., II, s. 437 flg. Colin et Capitant, II, p. 671 s. Wahl, Précis de dr. Comm., p. 501 s. Planiol, II, p. 726 s. Thaller, p. 1017 s.

I. По сравнению с основной обязанностью страхователя – обязанностью уплаты страховой премии, обязанность страховщика уплатить страховое вознаграждение имеет, несомненно, более важное значение: в сущности, она является единственной целью всего отношения, тогда как уплата премии является к тому только средством¹.

Как мы уже видели, страховое вознаграждение, по общему правилу, не должно превышать страховой суммы². При личном страховании (жизни) вознаграждение совпадает со страховой суммой, при имущественном же страховании страховое вознаграждение не может превышать размера убытков (в пределах страховой суммы)³.

Страховое вознаграждение выплачивается деньгами⁴.

Высота страхового вознаграждения находится в зависимости от того, погиб ли застрахованный объект полностью или частично. При полной гибели застрахованного объекта выплачивается полностью страховая сумма, если, конечно, она не превышает стоимости страхового интереса. При частичной гибели застрахованного объекта страховое вознаграждение обычно относится к понесенным убыткам, как страховая сумма к действительной стоимости страхового интереса⁵.

¹ Гаген, VIII, I, стр. 608.

² Гл. IV, § 5; там же исключения; для морского страхования, см. Долгов, стр. 23.

³ ГК, ст. 368; на страховщике лежит также обязанность возместить страхователю расходы по принятию, согласно указаниям страховщика, мер, направленных к уменьшению убытков; ГК, ст. 391.

⁴ Герм. зак., § 49, ГК; ст. 367; при гарантийном страховании Госстрах имеет право по убыткам в ценных бумагах возместить таковые ценными же бумагами; § 41, п. 3. Англо-американское право допускает иногда возмещение вреда и в натуре; Кэди, стр. 128. Особые правила существуют в транспортном страховании: Госстраху предоставлено право исправить судно после аварии за свой счет в срок, необходимый для такого исправления, и сдать таковое страхователю в готовом виде, в каком оно было до аварии; правила страхован. судов по речным путям, § 19.

⁵ Правила обязат. страхован. от огня, § 34, несколько иначе – правила страхован. грузов по морским путям, § 22; прав. гарант., стр. § 40. В морском страховом праве страхователю предоставляется право требовать всю страховую сумму, передавая страховщику все, что осталось от застрахованного объекта (абандон). Абандон имеет место, главным образом, в случае пропажи

Как мы уже в своем месте указывали, страховщик освобождается от уплаты страхового вознаграждения за случаи, вызванные умыслом или грубой неосторожностью страхователя. Только как исключение ответственность страховщика ввиду специфических свойств некоторых страховых операций может быть распространена и на случаи грубой небрежности и даже умышленных действий страхователя (страхование гражданской ответственности)¹. При имущественном страховании, по ГК, страховщик не отвечает также за убытки, причиненные войной внешней или гражданской².

Уплата страхового вознаграждения производится правлением Госстраха, местными его органами или агентом, или же, по желанию страхователя, оно высылается в указанное им место³.

II. Требование на страховое вознаграждение должно быть заявлено своевременно. Законодательства обычно устанавливают сокращенную исковую давность для заявления требований о выдаче страхового вознаграждения⁴. Мотивами к сокращению давности являются те соображения, что чем больше проходит времени с момента, когда событие произвело свое разрушительное действие, тем труднее воспроизвести в точности величину понесенных убытков и выяснить причину несчастия. Кроме того, сокращение исковой давности вызывается сокращением того же срока в операциях других предприятий, с которыми страховщику приходится считаться по праву регресса (например, с железными дорогами)⁵.

судна без вести и при т.н. конструктивной полной потере, когда фактической гибели нет, но экономически для заинтересованного лица имеется полная гибель застрахованного интереса; Долгов, Морское страхование, стр. 22; англ. закон о морском страховании, § 55–63.

¹ Гл. IV, §3; ГК, ст. 393. При страховании жизни страховщик освобождается от уплаты страхового вознаграждения: а) если страховой случай наступит вследствие умысла или грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя, не являющегося одновременно застрахованным лицом, б) если страховой случай в течение первых двух лет по заключении страхования наступит вследствие умысла застрахованного лица; ГК, ст. 393 в редакц. 1/VI–1925 г. Таким образом, самоубийство застрахованного лица является поводом к освобождению Госстраха от ответственности только тогда, когда оно произойдет в течение первых двух лет действия договора.

² ГК, ст. 394. Однако путем особого соглашения Госстрах может принять на себя ответственность и за военный риск, прав. страхов. груз. по морск. путям, § 8.

³ Прав. страхован. грузов по морск. путям, § 25.

⁴ Германск. закон – 2 года, § 12, австрийск. зак. – 3 г., § 19; швейцарский зак. – 2 г., § 46, для сухопутного страхования, по франц. праву, должна применяться обычная 30-летняя давность; Валь, стр. 508, но полисы страхов. обществ обычно устанавливают краткую давность – 6 мес., 1 г.; Таллер, стр. 1018; при морском страховании – 5 лет, § 432. фр. тор. код.

⁵ Шершеневич, II, стр.423.

ГК устанавливает сокращенный срок исковой давности для всех притязаний из договора страхования в 2 года. Это правило применяется и при обязательном страховании¹.

III. Возможно, что страховой случай произойдет по вине третьего лица (застрахованный дом сгорит по небрежности нанимателя и т. д.). Имеет ли в этом случае страховщик, уплативший страховое вознаграждение, право обратиться к виновнику ущерба с требованием возместить ему уплаченное страховое вознаграждение?

Западноевропейское страховое право разрешает вопрос о праве регресса в положительном смысле². Также поступает и ГК в ст. 395, указывающей, что к страховщику, уплатившему страховую сумму, переходят в пределах этой суммы притязания и права, которые имеет страхователь или выгодоприобретатель к третьим лицам о возмещении ими тех убытков, на покрытие которых была выдана страховая сумма, причем, если страхователь или выгодоприобретатель откажутся от такого притязания или права по отношению к третьим лицам, то страховщик освобождается в соответствующем размере от обязанности уплаты страховой суммы.

В теории представляется спорным вопрос, чем может быть юридически обосновано это право регресса³. Несомненно, что это право не может базироваться на факте совершенного третьим лицом правонарушения. В силу совершенного правонарушения третье лицо ответственно перед страхователем, но не перед страховщиком⁴.

Основание ответственности можно видеть в том соглашении страхователя со страховщиком, в силу которого страхователь уступает страховщику свои возможные требования в отношении могущего быть виновника ущерба. Такое соглашение, с юридической точки зрения, представляет собою уступку эвентуального требования⁵. Но, если подобное соглашение отсутствует, право регресса может быть обосновано только на прямом указании закона.

Если страховой случай вызван по вине третьего лица, страхователь, получивший полное возмещение убытков от этого третьего лица, очевид-

¹ ГК, ст. 396, прав. обязат. страхован. от огня, § 42, п. «е».

² Германск. зак., § 67, швейцарск. зак., § 72. Англо-американск. право выводит право регресса из природы страхового договора как договора о возмещении вреда (contract of indemnity); Кэди, стр. 64. Франц. суд. практика разрешает оговорку в полисе об уступке страховщику будущих требований страхователя к третьим лицам; Пляниоль, стр. 726.

³ Подробное изложение вопроса – у Demogue, *Traité des obligations*. Т. IV, p. 299 s.; 1924.

⁴ Шершеневич, II, стр. 425.

⁵ ГК, ст. 384.

но, теряет право на страховое вознаграждение ввиду отпадения страхового интереса¹.

Право регресса как право на обратное требование возмещенных убытков применимо только при имущественном страховании². В защиту этого положения ссылаются на то, что при страховании имущества страховщик устанавливает размер премии, исходя из предоставленному ему права регресса, при страховании же лица он вычисляет премию, основываясь только на таблицах смертности. Поэтому, если отнять у страховщика при имущественном страховании право регресса, то он понесет ущерб³. В действительности страховщик при вычислении премии основывается не на возможности предъявления требования к виновнику ущерба, а на совершенно иных соображениях (тариф вычисляется по размеру и степени опасности)⁴, причем это вычисление производится им вообще независимо от возможности воспользоваться правом регресса, так как в массе случаев остается неизвестным, произойдет ли страховой случай по вине третьих лиц или будет вызван случайными или неосмотрительными действиями самого страхователя (пожар). Не может быть, по нашему мнению, оправдано право регресса еще и потому, что за принятый на себя риск страховщик уже получил вознаграждение (премию). Предъявляя же требование к виновнику ущерба, страховщик может получить (включая полученные им премии) даже больше того, нежели он сам уплатил страхователю.

¹ ГК, ст. 395, 368.; Правила стрхован. жизни и от несчастных случаев не знают права регресса; см. также примеч. к § 26, прав. страхован. моторн. экипажей; ср. герм. зак., § 67, швейцарск. зак., § 72; Гаген, стр. 657. Франц. право допускает право регресса иногда и при страховании от несчастных случаев, Colin, II, стр. 672.

² Wahl, стр. 516.

³ Потоцкий, стр. 42.

⁴ Colin et Capitant, стр. 672.

ГЛАВА VII

ПРЕКРАЩЕНИЕ СТРАХОВАНИЯ

Причины, влекущие за собой прекращение страхования, могут быть сведены к трем группам: 1) независящие от воли сторон, 2) зависящие от воли одного из контрагентов, 3) зависящие от обоюдной воли контрагентов.

1. К числу причин, независящих от воли сторон, относятся: 1) истечение срока¹, отпадение страхового интереса, 3) отпадение страхового риска², 4) уничтожение застрахованного имущественного объекта под влиянием иных событий, нежели это было предусмотрено страхованием³, 5) выполнение страховщиком обязанности уплаты страхового вознаграждения⁴, 6) истечение исковой давности⁵, и некоторые другие.

2. Причины, могущие вызвать прекращение страхования по односторонней воле контрагента (страховщика) чрезвычайно разнообразны. Такими причинами могут быть: 1) превышение страховой суммы над стоимостью страхового интереса при наличии обмана со стороны страхователя⁶, 2) нарушение страхователем обязанности уведомления об обстоятельствах, имеющих существенное значение для установления объема риска⁷, 3) нарушение страхователем обязанности уведомления об изменениях в обстоятельствах, влияющих на увеличение риска⁸, 4) просрочка в уплате премии⁹, 5) неизвещение в срок о наступлении страхового случая¹⁰, и многое другое.

Односторонняя воля страхователя только в исключительных случаях может служить причиной к прекращению страхования¹¹.

Обоюдная воля контрагентов как причина, вызывающая прекращение страхования, может иметь место только при добровольном страховании.

¹ ГК, ст. 378, 380, п. 4.

² ГК, ст. 384.

³ Сравн. прав. обязат. страхован. от градобит., § 24.

⁴ Прав. добровольн. страхован. от огня считают страхован. имущества от огня прекратившимся, если страховое вознаграждение составит не менее 20% всей страховой суммы, § 33.

⁵ ГК, ст. 396.

⁶ ГК, ст. 369.

⁷ ГК, ст. 383.

⁸ ГК, ст. 385.

⁹ ГК, ст. 389.

¹⁰ ГК, ст. 390.

¹¹ При страховании жизни – право страхователя на выкуп страхования; правила, § 12.

ГЛАВА VIII

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ

Литература

Шершеневич, II, § 115, 116. Потоцкий, Кратк. курс., гл. XVII–XVIII. Гохман, Страхование жизни, 1926 г. Гаген, VIII, 2, § 457 сл. Мюллер-Эрцбах, стр. 751 след. Таллер, стр. 1006 сл. Кэди, стр. 131 сл. *Versicherungsrlexicon*, s. 859 flg. Colin et Capitant, II, p. 682 s.

I. Страхование жизни большей частью является долгосрочной страховой операцией. Естественно, что при повышении возраста увеличивается возможность наступления страхового случая и тем самым повышается риск страховщика. Поэтому, если данное лицо хотело бы в течение всего времени страхования платить ежегодно премию, соответствующую степени риска, который несет страховщик (натуральную премию), то его страховой платеж увеличивался бы с каждым годом. Такое постоянное повышение размера страховой премии, несомненно, сопряжено с большими неудобствами для страхователя и с технически-коммерческой точки зрения мало приемлемо и для страховщика. Поэтому при долгосрочных страхованиях жизни премия обычно устанавливается постоянная. Эта постоянная премия является некоторой средней величиной между годичной премией в начале договора и годичной премией в конце договора. По отношению к первым годам страхования такая постоянная премия является избыточной. Благодаря этому в течение первых лет у страховщика скапливается известный излишек — *резерв премий*, который предназначается на покрытие обязательств страховщика в момент исполнения договора¹.

Так как страховая сумма при долгосрочном страховании выплачивается обычно через большое после заключения договора количество лет (иногда через несколько десятилетий), то фактически страхователи в первые годы кредитуют страховщика. Вполне естественно поэтому, что страхователи являются заинтересованными в том, чтобы полученные с них вперед премии были надлежащим образом вычислены и не подвергались бы использованию не по назначению. Идя навстречу интересам страхователей, многие законодательства устанавливают ряд мер, обеспечивающих правильное исчисление резерва премий, его надлежащее отображение в книгах страховщика и поря-

¹ Гохман, стр. 43 след.; о способах исчисления резервов премий (методы Цильмера, Спрага) см. Гохман, стр. 63.

док хранения. Эта задача возлагается на особые органы страхового надзора¹. Некоторые думают, что так как резерв премий образуется путем отложения в запас страховых премий, то он представляет собою собственность страхователей². Этот взгляд нам кажется не соответствующим действительному положению вещей. Ни отдельный страхователь, ни совокупность страхователей права собственности на резерв премий не имеют. Страхователю может только принадлежать право требования к страховщику о выплате некоторой доли резерва. Это право при соблюдении известных условий (о чем ниже) он может осуществить, пока предприятие функционирует. Если же предприятие ликвидируется (напр., при конкурсе), страхователю может принадлежать также только обязательственное требование, хотя, быть может, и привилегированное, но не вещное притязание на определенную часть резерва премий³. Положение о Госстрахе относит резервы премий к средствам Госстраха⁴.

II. ГК, как мы видели, освобождает страховщика от уплаты страховой суммы в случае просрочки страхователем последующих взносов премий (ст. 389)⁵. При личном страховании это правило не применяется для тех видов страхований, по которым происходит образование резервов премий. Правила страхования представляют страхователю право в случае невзноса премий в срок уплатить эту премию в течение 3-х льготных месяцев с уплатой пени в размере 1% с суммы срочного платежа за каждый просроченный месяц. В случае неуплаты премии и в течение этого льготного срока страхование, оплаченное премией менее чем за 3 года, прекращается и полис теряет силу⁶.

По страхованию, по которому премия была уплачена за 3 года или больший срок, прекращение дальнейшей уплаты страховых премий может привести: 1) к выкупу полиса, 2) к редукации и 3) к сокращению срока.

¹ Чрезвычайно подробно разработан вопрос об исчислении, хранении и проч., резерва премий в германском законе о страховом надзоре 1901 г. (с последующими изменениями).

² Colin, II, стр. 687. Гохман указывает, что резерв премий представляет собою собственность страхователей, подобно тому, как вся сумма вкладов в каком-нибудь банке является собственностью вкладчиков, стр. 79; но вкладчикам банка вовсе не принадлежит на праве собственности вся сумма вкладов: они являются только кредиторами банка, право же собственности на суммы, внесенные вкладчиками, принадлежит банку; Шершеневич, II, стр. 479.

³ По германскому закону о страховом надзоре 1901 г., резерв премий является собственностью страхового предприятия и входит в состав его имущества в качестве *Sondervermögen* — обособленного имущества, предназначенного на удовлетворение соответствующих притязаний страхователей (§ 6 в ред. 1923 г.); Мюллер-Эрцбах, стр. 765; Гаген — VIII, I, стр. 447.

⁴ Положение о Госстрахе, § 46, п. «д».

⁵ Гл. VI, § 1.

⁶ Правила, § 9 п. 1, 3. Для рабочих и служащих дается льготное право восстановить страхование, прекращенное из-за неплатежа премий, вызванного безработицей или длившейся более 2-х мес. болезни, § 10 п. 4, 5.

Выкупом называется возвращение страхователю части уплаченных премий, причем договор страхования прекращается. По правилам Госстраха, размер выкупной суммы полиса для страхования, оплаченного премией за 3 года, составляет 75% резерва премий к концу 3-го года. В последующие годы эта доля резерва премий увеличивается на 2% ежегодно до тех пор, пока выкупная сумма не будет равняться 95% полного резерва премий в конце истекшего страхового года¹.

Под редукией понимается уменьшение страховой суммы. Страховая сумма уменьшается пропорционально отношению числа оплаченных по данному договору годовых премий. Так например, если по страхованию в 1 000 руб., заключенному на 20-летний срок, прекращение платежа премий имело место после уплаты 4 полных годовых страховых платежей, то страховая сумма редуцируется до $\frac{4}{20}$ ее первоначального размера, т. е. до 200 руб. ($1\,000 \times \frac{4}{20} = 200$)². Таким образом, при редукии изменяется только страховая сумма, остальные же условия договора остаются без изменения.

При желании страхователя сократить срок страхования первоначальное страхование, все равно бывшее страхованием на случай смерти или смешанным, превращается во временное страхование на случай смерти. При сокращении срока страхования происходит изменение только срока договора, размер же ответственности страховщика остается без изменения. Определение срока страхования зависит, главным образом, от размера образовавшегося резерва премий³. После состоявшегося превращения страхования во временное страхование на случай смерти страхователь освобождается от дальнейших уплат страховой премии⁴.

При непоступлении от страхователя заявления об избранной им форме изменения страхования размер страховой суммы редуцируется автоматически⁵.

По страхованиям, оплаченным премией не менее как за 3 полных года, страхователь может требовать выдачи ссуды под полис. Размер ссуды не может превышать причитающейся по полису выкупной суммы. Неуплаченная ссуда вместе с процентами удерживается из выплачиваемого страхового вознаграждения. Неуплаченная часть ссуды вместе с процентами принимает-

¹ Правила, § 12, п. 1, 2.

² Гохман, стр. 109. Правила, § 11.

³ Гохман, стр. 110. Правила, § 13, п. 2.

⁴ При страховании на случай смерти с правом перехода на смешанный план, а также при краткосрочном страховании на случай смерти льготный срок, редукия, выкуп полиса и сокращение срока не применяются.

⁵ Правила, § 9, п. 2.

ся равным образом в расчет и в случае редукции или сокращения срока страхования¹.

III. Договор личного страхования может быть заключен таким образом, что страховое вознаграждение при наступлении страхового случая выплачивается не страхователю, а третьему лицу – выгодоприобретателю (страхование на случай смерти, по смешанному плану). По господствующему в литературе мнению, такой договор является разновидностью договора в пользу третьего лица².

Назначив выгодоприобретателя, страхователь сохраняет за собой право на замену назначенного выгодоприобретателя другим лицом. Причины, вызывающие необходимость такой замены, могут быть весьма разнообразны (смерть выгодоприобретателя, изменение личных отношений между страхователем и выгодоприобретателем и др.). Что же касается юридической возможности замены выгодоприобретателя, то она обусловливается природой договора в пользу третьего лица, в силу которой контрагентам предоставляется право на изменение или отмену договора до тех пор, пока третье лицо не изъявило намерения воспользоваться выговоренным в его пользу правом³. При наличии в договоре особой оговорки или при соответствующем прямом указании закона страхователь может произвести замену выгодоприобретателя другим лицом и без согласия страховщика⁴.

ГК дает право страхователю после заключения договора надписью на полисе или особым заявлением на имя страховщика превращать именной полис в предъявительский и наоборот, а равно заменять ранее назначенных выгодоприобретателей другими, причем если назначение выгодоприобретателя было произведено путем названия его в полисе или надписью на полисе, то замена назначенного выгодоприобретателя другим лицом допускается не иначе, как путем надписи на том же полисе⁵.

Отсюда следует, что, если назначение выгодоприобретателя было произведено путем названия его в полисе или надписи на полисе, то поскольку

¹ Правила, § 20, п. 1, 3, 4. Возможность ссуды под полис, с юридической точки зрения, являющейся залогом права требования страхователя к Госстраху, подтверждает ранее высказанное мнение, что страхователю не принадлежит право собственности на резерв премий.

² Шершеневич, Учебник гражд. права, II, стр. 89, 154 след.; Colin et Capitant, II, стр. 688, след.; Пляниоль, II, стр. 736; Таллер, стр. 1008; Эннекцерус, 1, 2, § 259; 1927; Гаген, 2, стр. 425; Мюллер-Эрцбах, стр. 767.

³ ГК, статья 140; ср. Collin, II, стр. 691; Эннекцерус, 1, 2, стр. 113.

⁴ Герм. закон, § 166. Гергардт, Гаген, Манес, комментарий к германск. страховому закону, стр. 661; 1908. Отсюда, однако, не следует, как полагает, опираясь на Кирхмана и друг., Гойхбаг, что назначение выгодоприобретателя вообще является только односторонним волеизъявлением страхователя; Вестник Гражд. Права, 1915 г., № 6, стр. 131.

⁵ ГК, примечание к ст. 375; постан. ЦИК и СНК Союза ССР от 16/І–1925 г., ст. 2 (С. 3., 1925 г., № 4, ст. 43).

страхователь уже передал полис выгодоприобретателю, указанному первоначально в полисе, постольку страхователь является лишенным возможности делать какие-либо изменения в личности выгодоприобретателя. Труднее решается вопрос, когда страхователь будет не надписью на полисе, а особым заявлением на имя страховщика превращать предъявительский полис в именной. Во избежание коллизии между правами страхователя на замену выгодоприобретателя и правами предъявителя полиса надлежало бы, по нашему мнению, понимать слова закона в том смысле, что право на превращение предъявительского полиса в именной принадлежит страхователю только до тех пор, пока полис находится у него в руках.

Право, которое приобретает выгодоприобретатель, является его самостоятельным правом¹. Для его приобретения не требуется формального изъявления воли со стороны выгодоприобретателя². Выражение выгодоприобретателем согласия на принятие этого права делает только право неотменимым³.

Самостоятельный характер права выгодоприобретателя на страховое вознаграждение приводит к ряду практически важных последствий. Согласно ст. 4 постановления ЦИК и СНК СССР от 16/I-25 г., назначение выгодоприобретателя при личном страховании не составляет ни завещательного распоряжения, ни дарения; выгодоприобретателем может быть назначено всякое физическое или юридическое лицо; подлежащее выдаче выгодоприобретателю страховое вознаграждение после смерти страхователя или после смерти застрахованного лица не входит в наследственную массу⁴.

Отсюда вытекает, что при назначении выгодоприобретателями третьих лиц: 1) не применяется ст. 418 ГК, устанавливающая ограниченный круг наследников и притом только лиц физических, 2) страховое вознаграждение не подлежит обложению наследственным налогом⁵.

Особый интерес вызывает вопрос о правах кредиторов страхователя на страховое вознаграждение. Вопрос этот породил в литературе большие споры и не может считаться теоретически окончательно разрешенным до последнего времени⁶. Считая, что по отношению к третьему лицу договор страхования представляет собою дарственную сделку, некоторые авторы (Шер-

¹ Швейцарск. закон, § 78.

² Эннексерус, 1, 2, стр. 113.

³ ГК, ст. 140. Страхователь может придать назначению выгодоприобретателя неотменимый характер, сделав на полисе отречение от принадлежащего ему права замены выгодоприобретателя; швейцарск. закон, § 77.

⁴ С. 3., 1925 г., № 4, ст. 43; несколько иначе ГК, ст. 375-а.

⁵ Пол. о налоге с имуществ, переходящих в порядке наследования и дарения, ст. 4, п. «б».

⁶ Подробное изложение вопроса у Гойхбарга, Вестник Гражданского Права, 1925 г., № 6-7.

шеневич, Пляниоль и др.)¹, полагают возможным предоставить кредиторам страхователя право требовать от выгодоприобретателя, получившего страховое вознаграждение, полученные им в дар суммы. Неясным представляется, однако, что же именно страхователь предоставил выгодоприобретателю: страховую сумму, премии или выкупную стоимость полиса². Германская судебная практика допускает возможность предъявления требований кредиторами только в пределах последних уплаченных премий³. Французская судебная практика также предоставляет страхователям только право на премии⁴. Английское право дает кредиторам право на возмещение уплаченных премий, если будет установлено, что выдача полиса и уплата премий имели место с целью избежать платежа долгов⁵.

Вряд ли, однако, можно видеть в страховании в пользу третьего лица дарственную сделку. Дарение есть сделка о безвозмездной уступке имущества⁶. Какое же имущество «уступает» страхователь выгодоприобретателю? Судебная практика некоторых европейских стран, как мы видим, усматривает это имущество в уплаченных страхователем премиях. В действительности, премии являются уплатой страховщику за принятие им на себя риска (страхование – возмездное правоотношение) и юридически входят в актив страховщика⁷. Не уступает страхователь выгодоприобретателю и страховой суммы, так как таковая не входила до наступления страхового случая в состав имущества страхователя. С большим основанием, на первый взгляд, можно говорить об уступке выкупной стоимости полиса (резерва премий), поскольку страхователю во время действия страхования уже принадлежали известные права на резерв премий; но дело в том, что выгодоприобретатель получает после наступления страхового случая самостоятельное право на всю страховую сумму, и ни о каком выкупе или редукции полиса в это время не может быть уже речи⁸. Поэтому надлежит сделать вывод, что страхователь никакого имущества выгодоприобретателю не переуступает. При таких

¹ Шершеневич, Учебник гражданского права, II, стр. 155. Пляниоль, II, стр. 737.

² Гойхбарг, стр. 151.

³ Мюллер-Эрцбах, стр. 769; впрочем, были и иные судебные решения; см. Гаген, VIII, 2, стр. 439, прим.

⁴ Jenks, Digeste de droit civil anglats, I, стр. 209.

⁵ Таллер, стр. 1011. Пляниоль, II, стр. 738.

⁶ ГК, ст. 128.

⁷ Франц. проект закона о страховом договоре дает право кредиторам на возмещение сумм уплаченных премий только в том случае, если они были явно преувеличены в отношении возможностей страхователя (*manifestement exagerees egard aux facultes de l'assuree*); в остальных случаях уплаченные премии ускользают от кредиторов страхователя; *Revue trim. de dr. civ.*, 1925, № 4, стр. 976.

⁸ Права страхователя на выкуп или редукцию полиса срочны и существуют только до истечения срока договора или наступления страхового случая.

же условиях нельзя рассматривать страхование в пользу третьего лица в качестве дарственной сделки. В таком смысле высказывается и постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 16 января 1925 г. Постановление это указывает, что назначение выгодоприобретателя не составляет ни завещательного распоряжения, ни дарения и что на страховое вознаграждение, подлежащее выдаче выгодоприобретателю, не может быть обращено взыскание за долги страхователя или застрахованного, если последний сам не является выгодоприобретателем.¹

Печатается по: В. И. Серебровский. Страхование. М.,
Финансовое Издательство НКФ СССР, 1927.

¹ С. 3., 1925 г., № 4, ст. 43; ст. 4, 5.

СПИСОК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
ПРОФЕССОРА В. И. СЕРЕБРОВСКОГО

1. Гражданское и торговое право. – Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Харьков, 1912.
2. Отзыв на книгу Рудина «Закон 23 июня 1912 г. о праве застройки». – «Право», 1912, № 49.
3. Отзыв на книгу «Право», 1912, № 40.
4. Отзыв на работу Ельяшевича «Очерк развития форм поземельного оборота». – «Юридический вестник», 1913, № 2.
5. Отзыв на работу Удинцева «Оставление залога в пользовании должника». – «Юридический вестник», 1914, кн. V.
6. Отзыв на работу Вавина «Завещательный отказ по русскому праву». – «Юридический вестник», 1915, кн. III.
7. Особые виды посмертного преемства в русском наследственном праве. – «Вестник гражданского права», 1915, № 7.
8. Юридическая природа фирмы. – «Вестник гражданского права», 1916, № 8.
9. Издательский договор. – Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. XIX, 1916.
10. Издержки. – Там же, т. XIX.
11. Место жительства. – Там же, т. XXVII, 1917.
12. Мена. – Там же, т. XXVII.
13. О юридической природе советского треста. – «Нар. хозяйство Украины», 1923, № 1–3.
14. Доказательная сила торговых книг. – «Вестник сов. юстиции», 1923, № 107.
15. Переход торговых предприятий на ходу. – «Нар. хозяйство Украины», 1924.
16. Комментарий к главе «Страхование» граждан. кодекса (под ред. А. Малицкого). – Госиздат Украины, 1924, (2 и 3 изд.).
17. Страховой интерес. – «Право и жизнь», 1924, № 2–4.
18. Обращение судебных взысканий на торговое предприятие в целом. – «Право и жизнь», 1924, № 9.
19. Наследование в ненационализированных жилых строениях. – «Право и жизнь», 1924, № 9.
20. Лишение наследства. – «Вестник сов. юстиции», 1924, № 20.

21. Приобретение наследства по Гражданскому кодексу. – «Право и жизнь», 1924, № 10.
22. Некоторые вопросы советского наследственного права. – «Вестник сов. юстиции», 1925, № 3.
23. Личное страхование. – «Вестник сов. юстиции», 1925, № 8.
24. Наследное право (Комментарий). – «Право и жизнь», 1925.
25. Декрет о коммунальных трестах. – «Власть Советов», 1925, № 9.
26. Завещательный отказ по Гражданскому кодексу. – «Право и жизнь», 1925, № 9.
27. Трестирование совхозов. – «Власть Советов», 1925, № 21.
28. Юридическая природа страхового полиса. – «Вестник сов. юстиции», 1925, № 21.
29. Двойное страхование. – Там же, 1925, № 17.
30. Источники советского страхового права. – «Право и жизнь», 1925, № 5–6.
31. Об участии госучреждений и госпредприятий в хозяйств. объединениях. – «Власть Советов», 1925, № 5–6.
32. Отмена максимума наследования. – Там же, 1925, № 11–12.
33. Очерки советского страхового права (монография). – Госуд. Изд-во, 1926.
34. Понятие страхового договора. – «Право и жизнь», 1926, № 2–3.
35. Эволюция наследственного права в РСФСР. – «Революц. законность», 1926, № 13–14.
36. Страховой риск. Сборн. памяти проф. Гордона, 1927.
37. Страхование (монография). – Финиздат, 1927.
38. Die Versicherung in der USSR. – Журнал «Ostrecht», 1927, № 2.
39. Наследники присутствующие и отсутствующие. – «Право и жизнь», 1927, № 4.
40. Залог товара в обороте и переработке. – «Власть советов», 1927, № 37.
41. Закон о несостоятельности частных лиц. – Там же, 1928, № 5.
42. Завещание или договор? – «Право и жизнь», 1928, № 1.
43. Отзыв на сборник «Гражданские кодексы союзных республик». – «Сов. стр-во», 1928, № 7.
44. Итальянско-французский проект права зобов «я-зань» (на украинском языке). – «Вестник Радянск. юстиции», 1929, № 14.
45. Перевод португальской конституции. (Рукопись,) 1935.
46. Перевод австрийской конституции. (Рукопись,) 1935.
47. Перевод английского избират. закона. (Рукопись,) 1936. Совм. с проф. Дурденевским.

48. Наследственное право в проекте Гражданского кодекса СССР. – «Сов. юстиция», 1937, № 10–11.
49. 4 главы в пособии к гражданскому праву. – Издательство Правовой Академии, 1938. Учебное пособие написан. совм. с Агарковым и др.
50. 3 главы в учебнике по гражданскому праву (для вузов). – Юридическое издательство, 1938. Буч. написан совм. с Агарковым и др.
51. Обзор иностранных журналов по гражданскому праву (статья). – Ученые записки Моск. Юридического Института, 1939, № 1.
52. Договор страхования и проект Гражданского кодекса. – «Проблемы соц. права», 1939, № 1.
53. Проект новой международной конвенции по охране авторских прав (перевод). – Инф. Бюллетень ВИЮН, 1939, № 7–8.
54. 6 глав в учебнике «Советское гражданское право» (для правовых школ). – Юридическое издательство, 1940. Учебн. написан совм. с Зимелевой и Шкудиным.
55. Сборник задач по гражданскому праву. – Изд. Правовой Академии, 1940. Совм. с Липацкером и др.
56. Перевод Китайского гражданского кодекса (с немецкого). – Инф. Бюллетень ВИЮН, 1939, № 9–10, 11–12; 1940, № 1–5.
57. Отзыв на книгу Поволоцкого «Изобретательство и его охрана в СССР». – «Соц. Законность», 1942, № 6.
58. Договор страхования жизни в пользу третьего лица. Докторская диссертация (защищена в 1943 г.). Опубликована частично. – Ученые труды ВИЮН, вып. IX; Учен. записки ВЮЗИ, 1948, № 1.
59. Судебная практика по гражданским делам в период войны. – Юрид. издательство, 1943. Совм. с Генкиным и Москаленко.
60. Учебник по гражданскому праву для вузов. Главы: 1) Страхование, 2) Договор товарищества, 3) Авторское право, 4) Изобретательское право, 5) Наследственное право. – Юрид. издательство, 1944. Совм. с Генкиным, Агарковым, Братусем и Шкудиным.
61. Развитие советского наследного права (статьи). – Сборник «Вопросы сов. гражданского права», 1945.
62. Учебник гражданского права для правовых школ (7 глав). – Юрид. издательство, 1945. Совм. с Зимелевой и Шкудиным.
63. Наследование по закону и завещанию. – «Соц. законность», 1945, № 5.
64. Учебное пособие по гражданскому праву для студентов ВЮЗИ (семейное и наследственное право). – Юриздат, 1946. Совм. с Рясенцевым.
65. Основные понятия советского наследственного права. – «Сов. государство и право», 1946, № 7.

66. Учебник гражданского права для правовых школ. Главы: 1) Перевозка; 2) Договор товарищества; 3) Страхование; 4) Обязательства из причинения вреда; 5) Авторское право; 6) Изобретательское право; 7) Наследственное право. – Юриздат, 1947.
67. Переработанная специально для грузинского издательства глава «Наследственное право» учебника гражданского права. Изд. Тбилисского университета, 1947.
68. Рецензия на работу Амфитеатрова «Наследственное право». – «Сов. государство и право», 1947, № 5.
69. Учебник «Основы советского государства и права». Разделы: Основы советского гражданского права и Основы семейного права. – Юриздат, 1947. Учебник написан совместно с др. авторами.
70. Наследственное право (учебное пособие для студентов). – ВЮЗИ, 1948.
71. Рецензия на учебник «Римское частное право». – «Сов. государство и право», 1948, № 11.
72. Принятие наследства. – «Сов. государство и право», 1950, № 6.
73. Учебник «Сов. гражданское право» для правовых школ (вновь переработанное издание) 1950. Учебник написан совместно с С. Н. Братусем, К. А. Граве и З. И. Шкундиным.
74. Рецензия на монографию «История сов. гражд. права». – Вестник МГУ, 1951, № 1. Совм. с И. Д. Мартысевичем и В. А. Рясенцевым.
75. Учебник советского гражданского права для юрид. вузов. – Госюриздат, 1951 Учебник написан совместно с З. И. Шкундиным и др.
76. О праве приращения при наследовании по советскому праву. – Сборник «Вопросы советского гражданского и трудового права». – Изд. Академии наук СССР, 1952 г.
77. Правовая природа сроков, установленных ст. 430 и 433 ГК РСФСР. – «Соц. законность», 1952, № 8.
78. Глава «Основы Советского гражданского права, его основные принципы и институты» в учебнике «Основы советского государства и права». – Госюриздат, 1952.
79. Рецензия на учебник Т.М. Свердлова «Советское семейное право». – «Вестник МГУ», 1953, № 2.
80. Очерки советского наследственного права. (Монография удостоена в 1953 г. премии Президиума Академии наук СССР). – Изд. Академии наук СССР, 1953.
81. Глава «Основы советского гражданского права, его основные принципы и институты» в учебнике «Основы советского государства и права» (2 изд.). – Госюриздат, 1953.

82. Глава «Советское социалистическое гражданское право» в учебнике «Основы советского государства и права» для курсовой сети Центрального статистического Управления. – Госюриздат, 1955.
83. Авторское право и наследование. – «Сов. государство и право», 1955, № 6.
84. Глава «Советское гражданское право» в учебнике «Основы советского государства и права» (изд. 3-е допол. и переработ.). – Госюриздат, 1956.
85. Вопросы советского авторского права. (Удост. в 1956 г. Премии Президиума АН СССР.). – Изд. АН СССР, 1956.
86. Рецензия на книгу Б. С. Антимона и К.А. Граве «Советское наследственное право». – Журнал «Соц. законность», 1957, № 1.
87. Глава «Советское гражданское право» в учебнике «Основы советского государства и права» для учебной сети Управления подготовки кадров счетных работников ПСУ. – Госюриздат, 1958.
88. Научное открытие, как объект права. – «Сов. государство и право», 1959, № 3.
89. Правовая охрана научных открытий в СССР. – Изд. АН СССР, 1960.
90. Глава «Советское гражданское право» в учебнике «Основы советского государства и права». – Госюриздат, 1960.
91. Fundamentals of the Soviet Law Sh. V Civil Law Foreign Languages Publishend Mans, 1961.
92. «Авторское право на открытие, изобретение и рационализаторское предложение». – Из-во технической информации Комитета по делам изобретений и открытий при Сов. Мин. СССР, 1961. Совм. с В. П. Мозолиным.
93. Serebrowski. Der Rechtsschutz für Wissenschaftliche Entdeckungen in der USSR. – Akademie Verlag. Berlin, 1961.
94. Наследственное право в будущем Гражданском кодексе РСФСР. – «Соц. законность», 1962, № 8.
95. Комментарий к разделу «Основ гражданского законодательства Союза и союзных республик» в научно-практическом комментарии. – М., Госюриздат, 1963.
96. Авторское право в новом Гражданском кодексе РСФСР. – «Сов. государство и право», 1965, № 1.
97. Правовые вопросы научно-технического прогресса. Гл. IV – § 1 и 2 (совм. с М. М. Богуславским); § 3, 4 Изд. АН СССР, 1967.
98. 2 главы в т. 2 учебника гражданского права коллектива авторов юридического факультета МГУ: 1) Право на открытие и 2) Наследственное право. – М., «Юридическая литература», 1970.

99. Некоторые правовые вопросы, возникающие в связи с принятием наследником наследства. – Вестник МГУ, серия «Право», 1971, № 1.

100. Фактическое непринятие наследником наследства и отказ его от наследства. – «Правоведение», 1972, № 3.

Кроме того, имеется до 40 мелких статей и заметок по различным вопросам гражданского права, помещенных в различных журналах, словарях и других изданиях, переводов с иностранных языков.

На румынский язык переведены «Очерки советского наследственного права», на немецкий – «Правовая охрана научных открытий в СССР».

Есть переводы работ и на другие языки (чешский, болгарский, венгерский, польский).

Доктор юридических наук,
профессор С. М. Корнеев

Содержание

В. И. Серебровский: очерк жизни, научной и педагогической деятельности	7
--	---

ОЧЕРКИ СОВЕТСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

В в е д е н и е	36
-----------------------	----

Глава I. Понятие и значение наследования и наследственного права	40
---	-----------

Глава II. Основные понятия советского наследственного права

§ 1. Основания призвания к наследованию	52
§ 2. Открытие наследства	54
§ 3. Наследодатель и наследник	56
§ 4. Наследство (наследственное имущество)	58
§ 5. Наследование (наследственное преемство)	67
§ 6. Понятие наследственного права и права наследования	69

Глава III. Наследование по закону

§ 1. Круг наследников по закону	77
§ 2. Порядок призвания наследников по закону	98

Глава IV. Наследование по завещанию

§ 1. Свобода завещания и условия ее осуществления	109
§ 2. Понятие завещания	114
§ 3. Кому принадлежит право на составление завещания	118
§ 4. Кто может быть назначен наследником по завещанию	120
§ 5. Формы завещания	126
§ 6. Содержание завещания	130
§ 7. Устранение завещателем наследника от наследования	136
§ 8. Обязательная наследственная доля	142
§ 9. Завещательный отказ	151
§ 10. Исполнение завещания	160
§ 11. Изменение и отмена завещания	164
§ 12. Недействительность завещания	165

Глава V. Принятие и непринятие наследства

§ 1. Принятие наследства	169
§ 2. Непринятие наследником наследства	193

Глава VI. Переход по наследству права наследования

206

Глава VII. Право приращения

211

Глава VIII. Правовые последствия принятия наследником наследства

§ 1. Ответственность наследника по долгам, обременяющим наследство	218
§ 2. Раздел наследства	233

Глава IX. Иск о наследстве

236

Глава X. Выморочное имущество

244

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ НАСЛЕДНИКОМ НАСЛЕДСТВА

249

ФАКТИЧЕСКОЕ НЕПРИНЯТИЕ НАСЛЕДНИКОМ НАСЛЕДСТВА И ОТКАЗ ЕГО ОТ НАСЛЕДСТВА

259

ОЧЕРКИ СОВЕТСКОГО СТРАХОВОГО ПРАВА

Предисловие

272

Глава I. Народнохозяйственное значение страхования и страховое право

§ 1. Страхование как средство борьбы с угрожающими человеку и его хозяйству опасностями	273
§ 2. Значение понятия «советское страховое право»	275

Глава II. Развитие страхования

§ 1. Развитие страхования на Западе	278
§ 2. Развитие страхования в дореволюционной России и в СССР	281

Глава III. Источники страхового права

§ 1. Источники страхового права на Западе	285
§ 2. Источники страхового права в дореволюционной России	288
§ 3. Источники советского страхового права	289

Глава IV. Организация страхования

§ 1. Организация страхования на Западе	297
§ 2. Организация страхования в дореволюционной России	299
§ 3. Организация страхования в СССР	300

Глава V. Виды страхования

§ 1. Виды страхования по роду страхуемых опасностей	313
§ 2. Виды страхования по их юридической природе	318

Глава VI. Юридическая природа страхования

§ 1. Страхование как правоотношение	324
§ 2. Понятие страхового договора	326
§ 3. Юридическая природа страховых отношений, возникающих в силу закона	344

Глава VII. Основные элементы страхового правоотношения

§ 1. Лица. Страховой интерес	365
§ 2. Страховой риск	389
§ 3. Страховой случай	397
§ 4. Страховая сумма	399
§ 5. Страховая премия	404
§ 6. Страховой срок	406

Глава VIII. Заключение страхования

§ 1. Заключение добровольного страхования	407
§ 2. Заключение обязательного неокладного страхования	417
§ 3. Заключение обязательного окладного страхования	424

[...]

СТРАХОВАНИЕ

Глава I. Значение и понятие страхования

§ 1. Значение страхования	426
§ 2. Понятие страхования	429
§ 3. [Понятие страхования]	438

Глава II. Организация страхования. Источники страхового права

§ 1. Организация страхования	458
§ 2. Источники страхового права	463

Глава III. Виды страхования

§ 1. Виды страхования по их юридической природе	466
§ 2. Виды страхования по роду страхуемых опасностей	477

Глава IV. Основные элементы страхового правоотношения

§ 1. Субъекты страхового правоотношения. Страховой интерес	489
§ 2. Страховой риск	496
§ 3. Страховой случай	506
§ 4. Страховая премия	509
§ 5. Страховая сумма	511
§ 6. Страховой срок	513

Глава V. Заключение страхования

§ 1. Заключение добровольного страхования	514
§ 2. Заключение обязательного страхования	517

Глава VI. Обязанности сторон

§ 1. Обязанности страхователя	519
§ 2. Обязанности страховщика	536

Глава VII. Прекращение страхования

Глава VIII. Некоторые особенности личного страхования

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОРА В. И. СЕРЕБРОВСКОГО	548
--	------------

ББК 67.99(2)3

УДК 347

С–32

Редакционная коллегия: д.ю.н. проф. Суханов Е. А. (председатель), к.ю.н. доц. Ем В. С. (зам. председателя, ген. менеджер проекта), д.ю.н. проф. Корнеев С. М., к.ю.н. доц. Кулагина Е. В., к.ю.н. доц. Козлова Н. В., к.ю.н. доц. Панкратов П. А.

С–32 Серебровский В. И.

Избранные труды. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1997. – 567 с.

В настоящем издании помещены наиболее значимые научные труды профессора В. И. Серебровского. Эти труды являются фундаментальными произведениями, составляющими классическое наследие российской цивилистики в области наследственного и страхового права. В издании также помещены статьи, освещающие жизненный путь, педагогическую деятельность, человеческие качества В. И. Серебровского, дающие оценку его научных идей и положений, показывающие их значение для современной теории гражданского права, законотворчества и практики правоприменения.

ISBN 5–89398–011–5

© Статут (редподготовка), 1997